

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЛЕМЕН СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

**в I тысячелетии до н.э.-
- I тысячелетии н.э.**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ОБРЯД ПЛЕМЕН
СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ
ЕВРОПЫ

в I тысячелетии до н. э.—
I тысячелетии н. э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

Книга посвящена вопросам культуры ранних славян и их северо-западных соседей — германцев. Впервые в советской литературе дается подробная характеристика погребального обряда культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века Средней и Северной Европы — лужицкой, поморской, пшеворской, оксывской, ясторфской, культур юга Скандинавии. Авторы исследований систематизируют погребальный обряд перечисленных культур, используя методы статистики и картографии.

Книга представляет интерес для археологов, этнографов и историков.

Ответственный редактор

В. В. СЕДОВ

Погребальный обряд принадлежит к числу наиболее существенных и устойчивых этнографических признаков. Резкие изменения в похоронном ритуале какой-либо археологической культуры, как правило, свидетельствуют о миграции иной племенной группировки на территорию носителей этой культуры. Поэтому исследования деталей и особенностей погребальной обрядности очень важны для анализа этнической истории древних племен.

Настоящий сборник посвящен всестороннему анализу погребального обряда различных племен, занимавших Среднюю и Северную Европу в I тысячелетии до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. Археологические культуры позднелатенского и римского времени Средней и Северной Европы представляют исключительный интерес, поскольку они имеют непосредственное отношение к истории целого ряда этнических группировок, в том числе к ранней истории крупнейших массивов материковой Европы — славян и германцев.

Этот исторический период характеризуется крупными передвижениями племен, территориальными смещениями разнотнических групп, ассимиляционными процессами. Разобраться в деталях истории этого периода еще предстоит археологам, и здесь анализу и картографии погребальной обрядности принадлежит ведущее место. Среднеевропейские культуры латенского и римского периодов имеют прямое отношение и к археологии Восточной Европы. Известно, что формирование таких археологических культур, как черняховская, зарубинецкая, дытиничская и лукашевская, связано со среднеевропейскими древностями.

Сборник открывается работой Г. Ф. Никитиной, первая часть которой посвящена похоронной обрядности лужицкой и поморской культур. Автор реферировал исследования польских археологов и прежде всего работы известного специалиста по поморским древностям Т. Машиновского. Лужицкая и поморская культуры — это предыстория формирования средневропейских культур позднелатенского и римского периодов. Без знания погребального ритуала этих культур невозможно разобраться во всей сложности обрядности последующего времени.

Следующая часть работы Г. Ф. Никитиной посвящена пшеворской культуре. Это — большой оригинальный труд. Обобщающих работ на эту тему пока не было в западноевропейской археологии.

Пшеворская культура, занимавшая обширное пространство в бассейнах Вислы и Одры, имеет прямое отношение к славянскому этногенезу. В числе племен, оставивших эту культуру, несомненно были славяне, известные античным авторам (Тацит, Плиний Младший, Птолемей) под именем венедов. Некоторые польские исследователи поэтому именуют пшеворскую культуру венедской. Вопрос о том, принадлежала ли эта культура славянам целиком или же славяне заселяли лишь восточную часть ее ареала, не решен в науке. До сих пор генетическая связь пшеворской культуры с достоверно славянскими древностями раннего средневековья обосновывалась исключительно керамическими материалами. Теперь, после систематизации деталей погребальной обрядности пшеворской культуры, выполненной Г. Ф. Никитиной, в распоряжении исследователей появился более существенный культурный элемент, который позволит надежнее аргументировать взаимосвязь пшеворской и раннесредневековой славянской культур. Приходится только сожалеть, что Г. Ф. Никитина ограничила анализ пшеворских древностей современными польскими землями. Пшеворские памятники на Эльбе остались вне поля зрения исследовательницы.

Работа, принадлежащая перу В. А. Могильникова, характеризует детали погребальной обрядности племен, населявших в латенское и римское время южное и северное побережья Балтийского моря. Эта часть сборника в некоторой степени является реферативной, так как автор главным образом анализировал итоговые работы по культурам и регионам. Большинство карт, помещенных в этой работе, заимствовано из исследований различных авторов. Отчасти это оправдано отсутствием подробных отчетов по многим погребальным памятникам.

Вместе с тем труд В. А. Могильникова имеет самостоятельное научное значение, поскольку он дает полную картину истории погребальной

обрядности на обширной территории Балтики. Подобного целостного обобщения в археологии еще не было создано. В этом отношении наибольший интерес представляют разделы, посвященные оксывской* и ясторфской культу-

рам. Последняя принадлежит к числу достоверно германских. Обзор погребальной обрядности ее имеет первостепенное значение для изучения ранних славяно-германских отношений.

* В последние годы польские археологи проводят крупные раскопки могильников оксывской культуры. Эти раскопки иногда значительно уточняют многие представления о погребальной обрядности культуры.

К сожалению, материалы раскопок пока не изданы и остались В. А. Могильникову неизвестны. Однако они не меняют общей картины истории погребальной обрядности оксывской культуры.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУЛЬТУР ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Г. Ф. НИКИТИНА

Введение

С наступлением железного века в Европе на значительной территории — от Карпатской котловины на востоке до Англии на западе — прочно утверждается обычай сжигать мертвых, а их останки хоронить в обширных грунтовых могильниках. Этот обычай внезапно приходит на смену господствовавшему в Европе курганному обряду и впервые появляется в конце II тысячелетия до н. э. в области лужицкой культуры, влияние которой вскоре распространяется на соседние территории: районы Средней и Южной Чехии, области к югу от Дуная, вплоть до Тироля.

Достаточно ясных и аргументированных объяснений внезапной смены погребального обряда на столь широкой территории пока нет. Еще не так давно это явление относили на счет прямой экспансии племен лужицкой культуры. Однако сейчас эта теория почти не имеет сторонников. Внезапную смену погребального обряда одни исследователи объясняют изменениями в духовной жизни народов той эпохи, другие — миграцией племен с наддунайских территорий, где этот обряд был известен с начала бронзового века.

Польские археологи придерживаются мнения, что смена погребального обряда произошла в результате взаимных контактов отдельных племен. Не исключая совсем возможности миграции отдельных лиц и племен, которые способствовали распространению нового обряда, польские археологи делают упор в решении этого вопроса на изменения в идеологии у народов той эпохи.

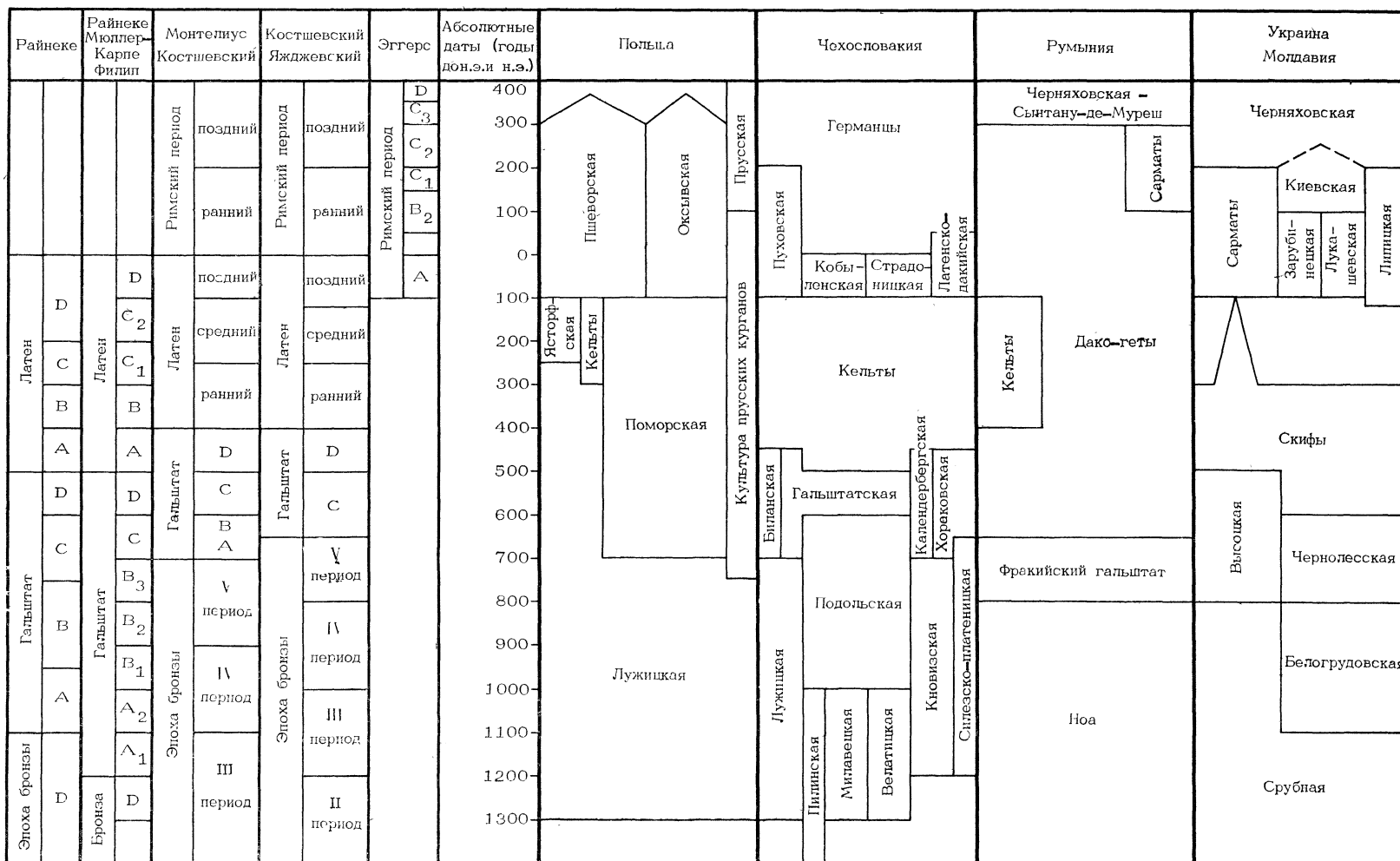
На рубеже II и I тысячелетий до н. э. грунтовые могильники с сожжениями распространяются в значительной части Верхнего Поду-

навья, а затем и в междуречье Одры и Рейна, в северо-западной части Швейцарии и окраинных областях Франции. В раннем гальштате уже значительная территория Европы была занята так называемыми культурами полей погребений.

Термин «поля погребальных урн» возник в немецкой литературе в прошлом веке и достаточно широко распространен в западной литературе и в настоящее время, хотя далеко не точно отражает сущность явления. Грунтовые могильники, в которых подавляющее большинство составляют погребения с сожжением, помещенным в урну (отсюда и термин «поля погребальных урн»), в действительности содержат также погребения с сожжением, помещенным в земляную ямку без урны, а также и трупоположения в грунтовых ямах. Количественное преобладание той или иной группы погребений колеблется в зависимости от времени и культурной принадлежности памятника. Более точно суть явления выражает термин «поля погребений», утвердившийся в советской литературе еще в 30-е годы. Таким образом, в круг культур полей погребений входят культуры, как правило не связанные общим этносом, объединенные лишь одним чисто внешним признаком — наличием грунтовых могильников.

В Восточной Европе культуры полей погребений формируются лишь в эпоху позднего латена, когда возникают культуры в Поднепровье — лукашевская и липицкая, а в Поднепровье — зарубинецкая, сменяемая в римскую эпоху черняховской.

Таким образом, погребальный обряд типа полей погребений был распространен в Евро-

Р и с. 1. Синхронная таблица археологических культур Центральной и Восточной Европы

пе в течение почти двух тысяч лет. Этим и определяются хронологические рамки настоящей работы. Она охватывает период с XIII в. до н. э. по середину I тысячелетия н. э.

Синхронизация археологических культур Центральной и Восточной Европы в исследуемый хронологический период представлена на рис. 1. Как известно, система периодизации в нашей литературе отличается от западноевропейской. Советские исследователи при датировании пользуются абсолютными датами, в западноевропейской литературе для различных областей Европы разработаны относительные датировки. Поскольку в разных странах придерживаются различных хронологических систем, в предлагаемой таблице (рис. 1) дано сопоставление основных из них, куда вошли схема П. Райнеке для Средней Европы, схемы Г. Мюллер-Карпе и Я. Филипа, уточняющие схему П. Райнеке, периодизация О. Монтелиуса для Северной Европы, принятая в свое время Ю. Костшевским и широко используемая в польской литературе до сих пор, и обновленная периодизация Ю. Костшевского и К. Яжджевского. Для римского времени дана принятая в Западной Европе периодизация Г. Ю. Эггерса.

Решение многих этногенетических вопросов

в настоящее время упирается в неизученность признаков материальной культуры, отражающих этнические процессы. К таким признакам можно отнести погребальный обряд. Погребальный обряд — прекрасный исторический источник. Он дает представление о демографии древнего населения, социальном строе, генетических взаимосвязях, происхождении культур, раскрывает некоторые стороны мировоззрения древнего населения. Четко разработанная классификация обряда дает возможность выделить его разновидности, что в свою очередь позволяет сопоставить погребальные комплексы различных могильников и культур. Сравнение «закрытых» комплексов отдельных могил предоставляет надежный материал для разработки как относительной, так и абсолютной хронологии.

Настоящая работа посвящается детальному исследованию погребального обряда трех культур, входящих в круг полей погребений: лужицкой, поморской и пшеворской. Погребальному обряду двух первых культур посвящены обстоятельные монографии Т. Малиновского, изданные в Польше¹.

¹ Т. Malinowski, 1962; Он же, 1969.

Лужицкая культура

Лужицкая культура занимала территорию Польши, области в Бранденбурге, Лужице, Саксонии, северные районы Чехии, Моравии и Словакии. Сложилась она, по мнению польских ученых, на основе родственных культур — предлужицкой и тшинецкой — при сильном воздействии элементов более южных областей на рубеже II и III периодов бронзы, приблизительно около 1300 г. до н. э.²

Динамика развития погребального обряда в период, предшествовавший лужицкой культуре, на территории, занятой ею, такова, что в ней легко проследить определенные закономерности.

В I периоде бронзы (1700—1500 гг. до н. э.) в Средней Европе на территории, впоследствии занятой лужицкой культурой, и прилегающих областях распределялись следующие культуры (рис. 2).

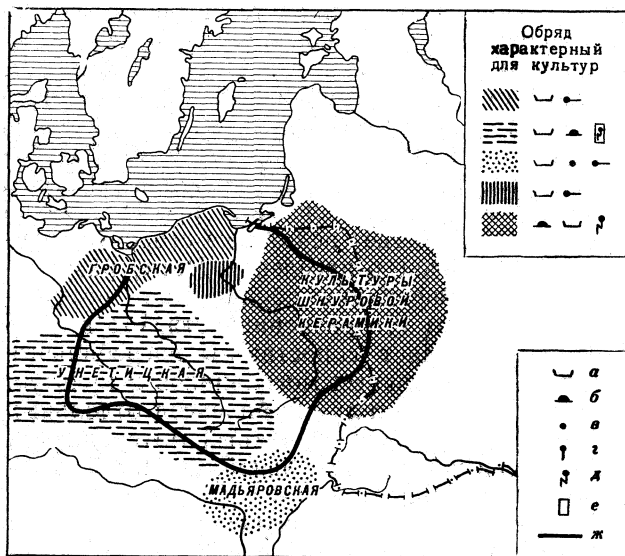
Западные и юго-западные области были заняты унетицкой культурой, для которой был характерен обряд трупоположения преимущественно в грунтовых могильниках, но иногда и под курганами. Покойников укладывали на боку, в слегка или сильно скорченном положении. Могилы обставляли камнями, иногда скелеты помещали в каменных ящиках.

Северные районы занимали культуры гробская и ивенская, для которых характерны грунтовые могильники с обрядом ингумации.

В восточных районах в этот период продолжали существовать культуры шнуровой керамики, могильники которых обычно невелики по размерам, содержат грунтовые и курганные погребения, причем последние преобладают. Захоронения совершены по обряду ингумации. Покойников укладывали на боку, в скорченном положении.

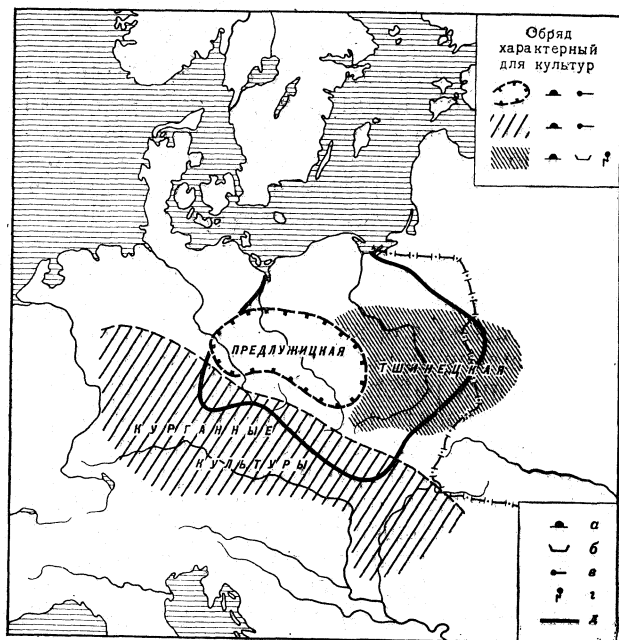
Южные области были заняты мадяровской культурой (Восточная Словакия) и наддунайскими культурами на территории Венгрии. Мадьяровская культура характеризуется грунтовыми могильниками с захоронениями по обряду трупоположения, а иногда и сожжениями. Культуры наддунайских территорий (кишпош-

² В литературе можно встретить другую дату появления лужицкой культуры — 1200 г. до н. э. Расхождение дат основано на различии хронологических схем, которых придерживаются разные ученые (см. рис. 1). Однако для нас важно, что все признают появление лужицкой культуры на рубеже II и III периодов бронзы.

Р и с. 2. Распространение культур I периода бронзового века (1700—1500 гг. до н. э.)

а — грунтовой могильник; б — курганный могильник; в — сожжение; г — труположение; д — скорченные погребения; е — границы лужицкой культуры

Р и с. 3. Распространение культур II периода бронзового века (1500—1300 гг. до н. э.)

а — курганный могильник; б — грунтовой могильник; в — труположение; г — скорченное погребение; д — границы лужицкой культуры

таг и северопаннонская культура инкрустированной керамики) характеризуются грунтовыми могильниками с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения.

Если для I периода эпохи бронзы характерны культуры с грунтовыми могильниками, то во II периоде на большей части Центральной Европы располагаются культуры, принадлежащие к кругу так называемых курганных культур (рис. 3). Они охватывают значительную территорию: южно- и средненемецкие земли, Австрию, Чехию, Словакию, Венгрию, Польшу. На всей этой территории над погребениями насыпались курганы, а само захоронение совершалось по обряду труположения, и только на востоке Венгрии продолжал существовать обряд сожжения, распространившийся там с начала эпохи бронзы.

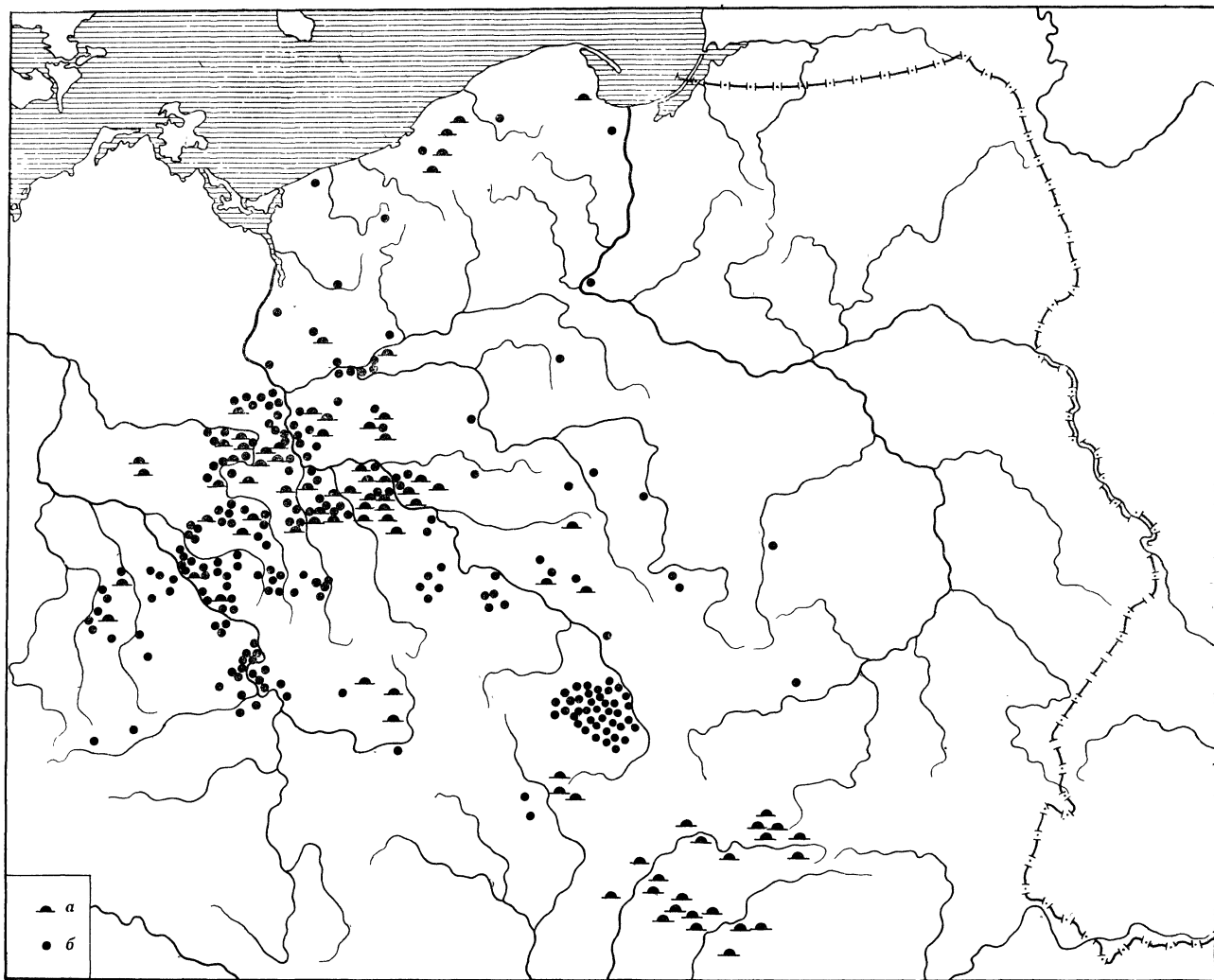
На территории Польши в этот период известны культуры предлужицкая, тшинская и прабалтийская. Могильники предлужицкой культуры курганные, насыпи сложены из камней, нередко концентрические каменные кольца под насыпью. Захоронения совершены по обряду труположения. Известно несколько случаев трупосожжения, остатки которых найдены в ямах, обычных для труположений. Польские исследователи считают, что эта культура постепенно перерастает в лужицкую, а некоторые даже рассматривают ее как раннюю фазу лужицкой культуры.

В тшинской культуре могильники двух видов — бескурганные и курганные. Насыпи курганов земляные, захоронения совершены по обряду труположения, покойники положены на бок, в скорченном положении. Встречаются трупосожжения, однако их немного. Как правило, они бывают в грунтовых могилах.

Итак, на собственно лужицкой территории в предшествующий ей период господствовал курганный обряд с погребениями, содержащими труположения. Быстрое распространение обряда сожжения относят за счет влияния культур среднедунайских областей, где этот обряд господствовал в течение всей эпохи бронзы. Это тем более вероятно, что почва для его распространения была подготовлена местными условиями, в частности спорадическим использованием местными племенами этого обряда в долужицкое время.

* * *

Хронологический диапазон лужицкой культуры весьма широк и укладывается в рамки десяти столетий. В польской археологии лужицкая культура разделена на несколько периодов, соответствующих хронологической шкале, разработанной Ю. Костшевским.

Р и с. 4. Распространение могильников лужицкой культуры III периода бронзового века (1300—1100 гг. до н. э.)

а — курганные могильники; б — грунтовые могильники

В настоящее время схема Ю. Костшевского уточнена (см. рис. 1), однако поскольку мы придерживаемся в своем изложении работы Т. Малиновского, то и хронологические рамки периодов лужицкой культуры соответствуют приведенным в этой работе, а именно:

III период бронзы — 1300—1100 гг. до н. э.

IV период бронзы — 1100—900 гг. до н. э.

V период бронзы — 900—700 гг. до н. э.

Период гальштата — 700—400 гг. до н. э.

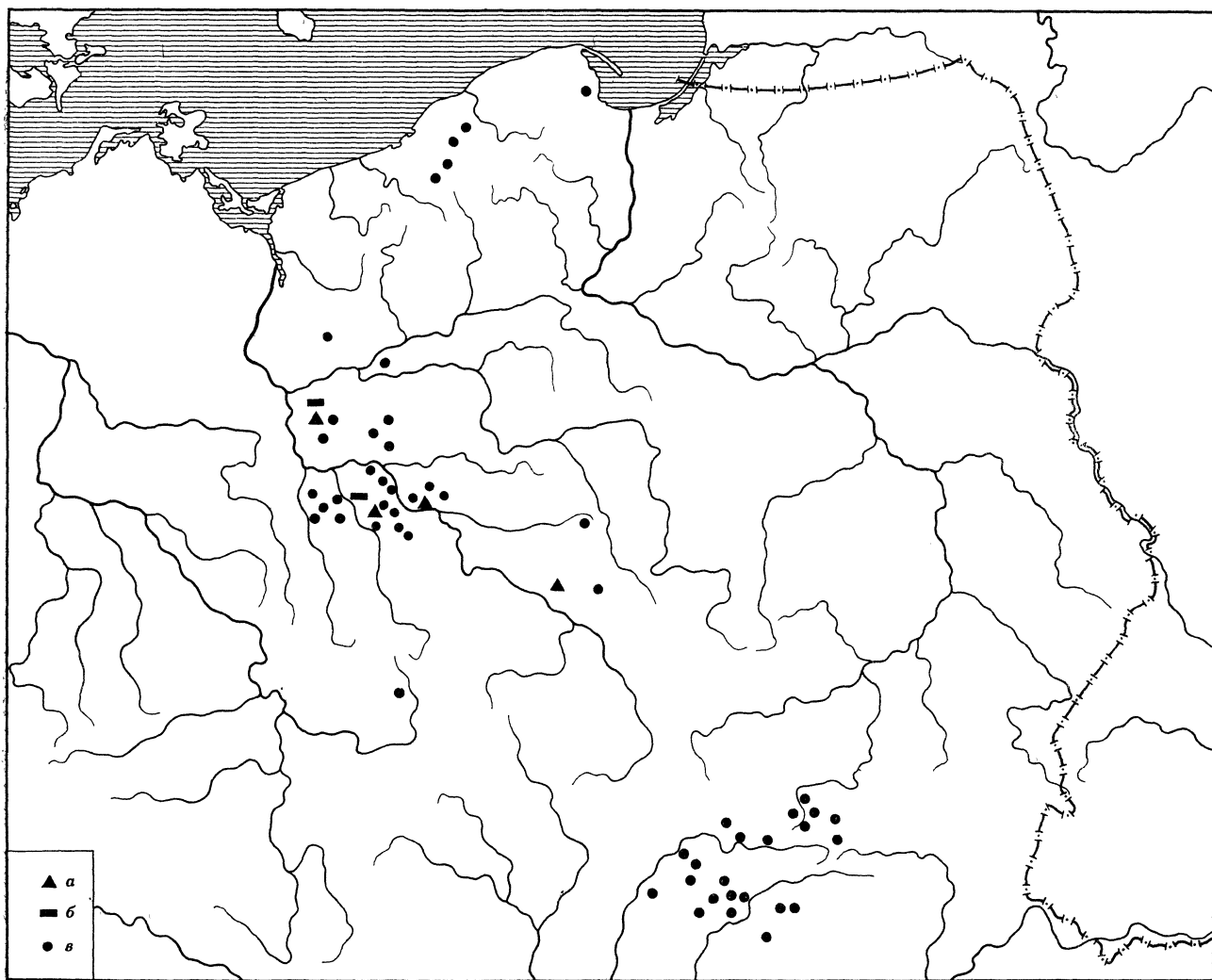
Период латена — 400—0 гг. до н. э.

Для лужицкой культуры свойственны два вида могильников: курганные, которые, видимо, являются пережитком погребального ритуала предшествующей эпохи, и грунтовые, наиболее характерные для лужицкой культуры.

Курганы. В III периоде бронзы курганный

обряд составляет еще заметный процент в погребениях лужицкой культуры. Курганные могильники концентрируются в области среднего течения Одры, т. е. на территории, совпадающей с областью предлужицкой культуры. Однако уже на первой стадии развития лужицкие племена начинают расширять свою территорию (рис. 4; 5). Лужицкая экспансия в этом периоде направлена на север — в район Поморья, на восток — в район верховьев Варты и Вислы, на юг — на территорию Чехии, Моравии и Словакии, и всюду в периферийных районах лужицкие могильники курганные.

Курганы этого периода имеют в поперечнике от 7 до 15 м, высота насыпей колеблется от 0,5 до 1 м. По характеру насыпей лужицкие курганы этой эпохи делятся на две группы: курганы с земляной насыпью сосредоточены

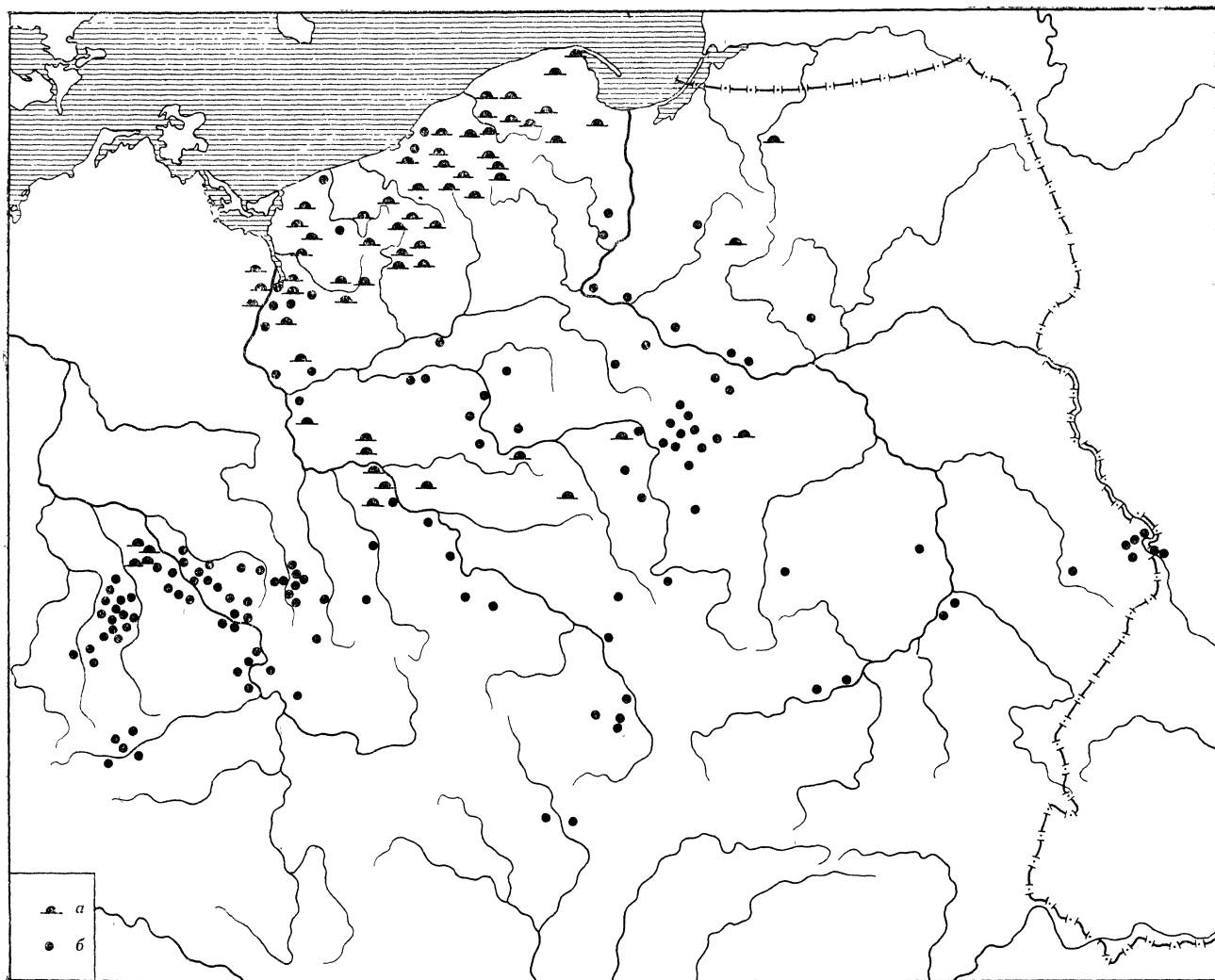
Р и с. 5. Распространение различных типов погребений в курганных могильниках лужицкой культуры III периода бронзового века
 а — безурновые захоронения; б — погребения без следов захоронений; в — урновые захоронения

преимущественно на территории среднего течения Одры и в Чехословакии; курганы поморской группы чаще имеют каменные насыпи, хотя последние спорадически встречаются и на других территориях лужицкой культуры.

Под курганной насыпью, как правило, есть различного рода каменные конструкции. К ним относятся часто встречаемые каменные кольца и каменные вымостки, уложенные на горизонте, под основанием кургана. Помимо каменных конструкций, насыпи курганов имели нередко и деревянные, в виде столбов и вымосток, остатки которых прослеживаются при раскопках.

Курганные могильники, как правило, небольших размеров, по несколько десятков курганов. Кроме того, курганы встречаются и в могильниках с грунтовыми погребениями. Под

курганом может быть либо одно, либо несколько погребений, расположение их под насыпью различно. Одно погребение чаще всего располагается в центре кургана, а при наличии нескольких погребений они смещены относительно центра. Захоронение покойника могло быть совершено в яме под курганом, а могло быть размещено выше уровня древней дневной поверхности, на подсыпках и в насыпи кургана. Все эти сведения касаются курганных групп в районе среднего течения Одры и прилегающих районов. Относительно курганов поморской группы данных нет. Несколько больше известно о курганах поморской группы рубежа III и IV периодов. Курганы имеют каменные и каменно-земляные насыпи, каменные кольца и вымостки под насыпью, на уровне древней

Р и с. 6. Распространение могильников лужицкой культуры IV периода бронзового века
а — курганные могильники; б — грунтовые могильники

дневной поверхности. Под насыпью расположено по нескольку могильных ям. Одиночные ямы находятся в центре кургана, при большой численности погребений они чаще ацентричны. Известны погребения в насыпи кургана.

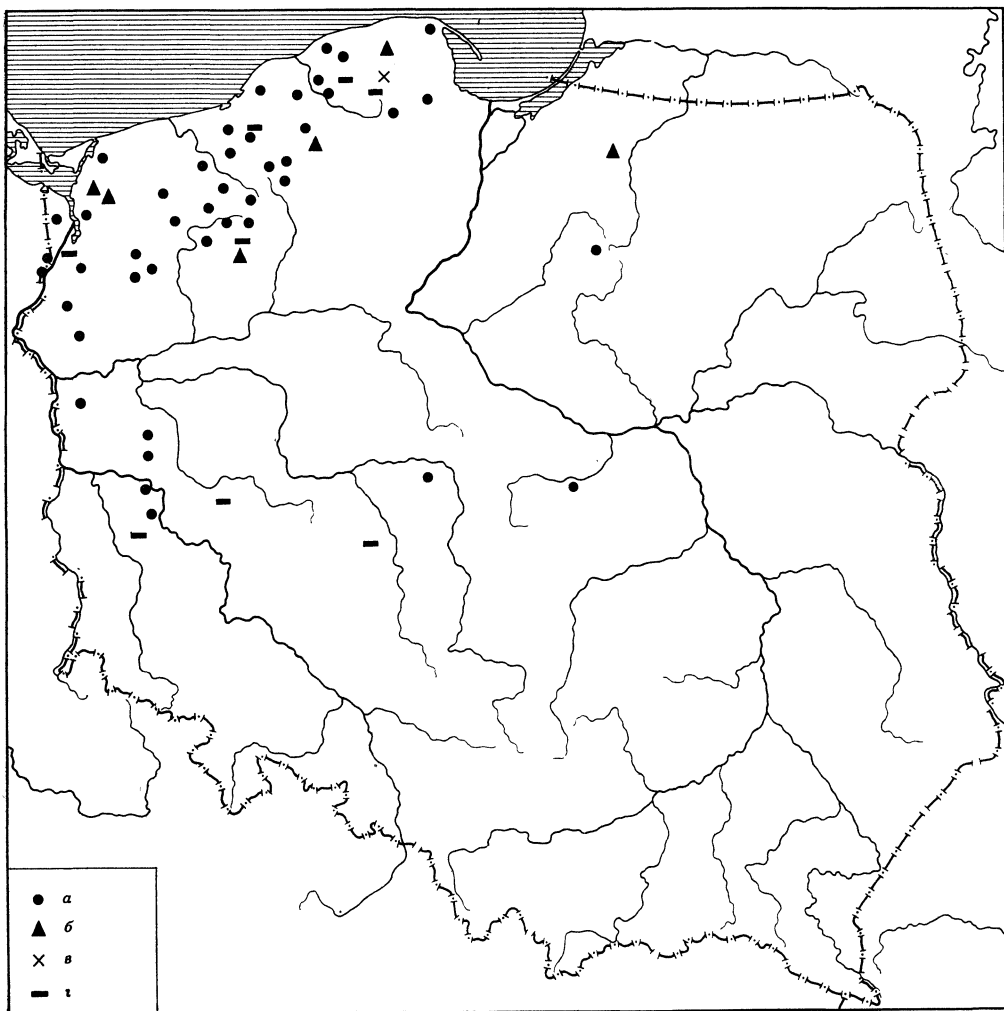
В IV периоде бронзы меняется область распространения курганов: если в предшествующий период основное скопление курганов зафиксировано на Средней Одре, то в IV периоде в этом районе количество курганов резко сокращается, а основная масса курганных могильников распространена в районе Поморья, где в предшествующий период известны лишь считанные раннелужицкие памятники. Кроме того, в IV периоде бронзы наблюдается тенденция к распространению курганов на восток, за Вислу (рис. 6; 7).

Некоторые изменения наблюдаются и в при-

емах сооружения курганных насыпи. Большая часть курганов Поморья сооружена из камня. Значительно реже встречаются курганы с каменно-земляными насыпями. Оба вида насыпей встречаются в одних и тех же могильниках, так что на всей территории нельзя выделить определенных групп памятников, где бы преобладали насыпи того или иного вида. В отличие от предшествующего периода в IV периоде в Поморье встречаются курганы с земляной насыпью, правда спорадически.

На территории междуречья Одры и Варты в рассматриваемый период одновременно распространены различные насыпи: земляные, каменные и каменно-земляные.

В V периоде бронзы общее количество курганных могильников резко сокращается, однако область распространения их остается

Р и с. 7. Распространение типов захоронений в курганных могильниках лужицкой культуры IV периода бронзового века (по Т. Малиновскому)
 а — урновые захоронения; б — безурновые захоронения; в — урново-безурновые захоронения; г — погребения без следов захоронения

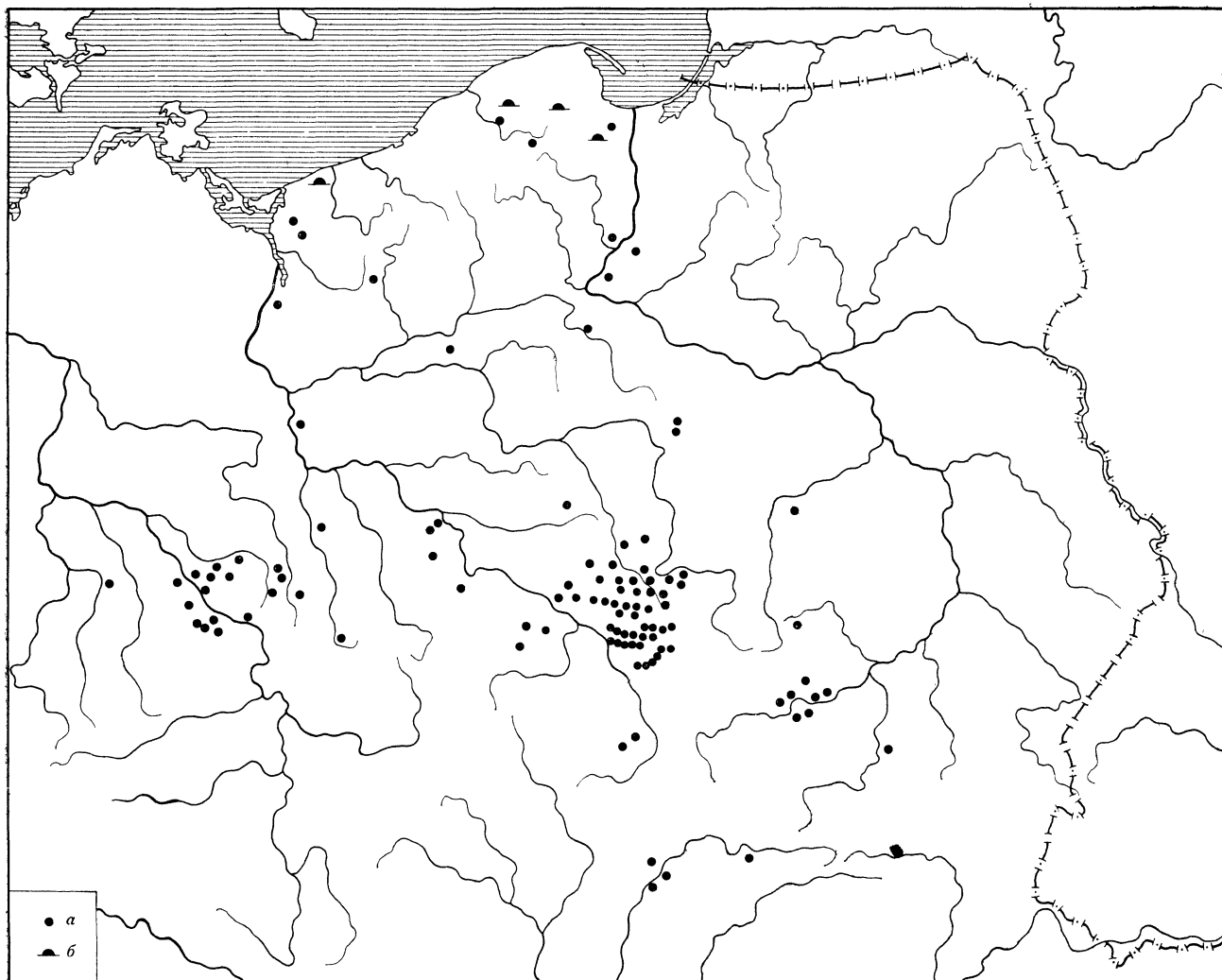
прежней (рис. 8). Эту картину в значительной мере подтверждает карта памятников, датированных суммарно поздней эпохой бронзы (рис. 9; 10). Наблюдается весьма устойчивая тенденция к значительному сокращению в конце эпохи бронзы курганного обряда и к постепенному его исчезновению. И действительно, если в ранней фазе лужицкой культуры курганный обряд в качестве пережиточной формы продолжает существовать на весьма широкой территории, то уже в IV периоде бронзы он концентрируется преимущественно в Поморье. В конце эпохи бронзы и в последующие периоды его удельный вес в лужицком погребальном обряде резко снижается и постепенно сводится на нет (рис. 11).

Грунтовые могильники. Во все периоды лужицкой культуры они представляют наиболее распространенный тип могильника. Как правило, это обширные кладбища, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких сот погребений.

Обычай сожжения мертвых был известен задолго до распространения лужицкой культуры, но только с появлением этой культуры трупосожжение становится господствующим и широко распространяется по всей Европе.

Все трупосожжения лужицкой культуры можно разделить на три группы по способу захоронения остатков кремации:

1. Погребения урновые, в которых остатки кремации сложены в сосуды-урны.

Р и с. 8. Распространение могильников лужицкой культуры в V периоде бронзового века (900—700 гг. до н. э.) (по Т. Малиновскому)

а — грунтовые могильники; б — курганные могильники

2. Погребения безурновые, в которых остатки сожжения находятся непосредственно в земле, в ямке.

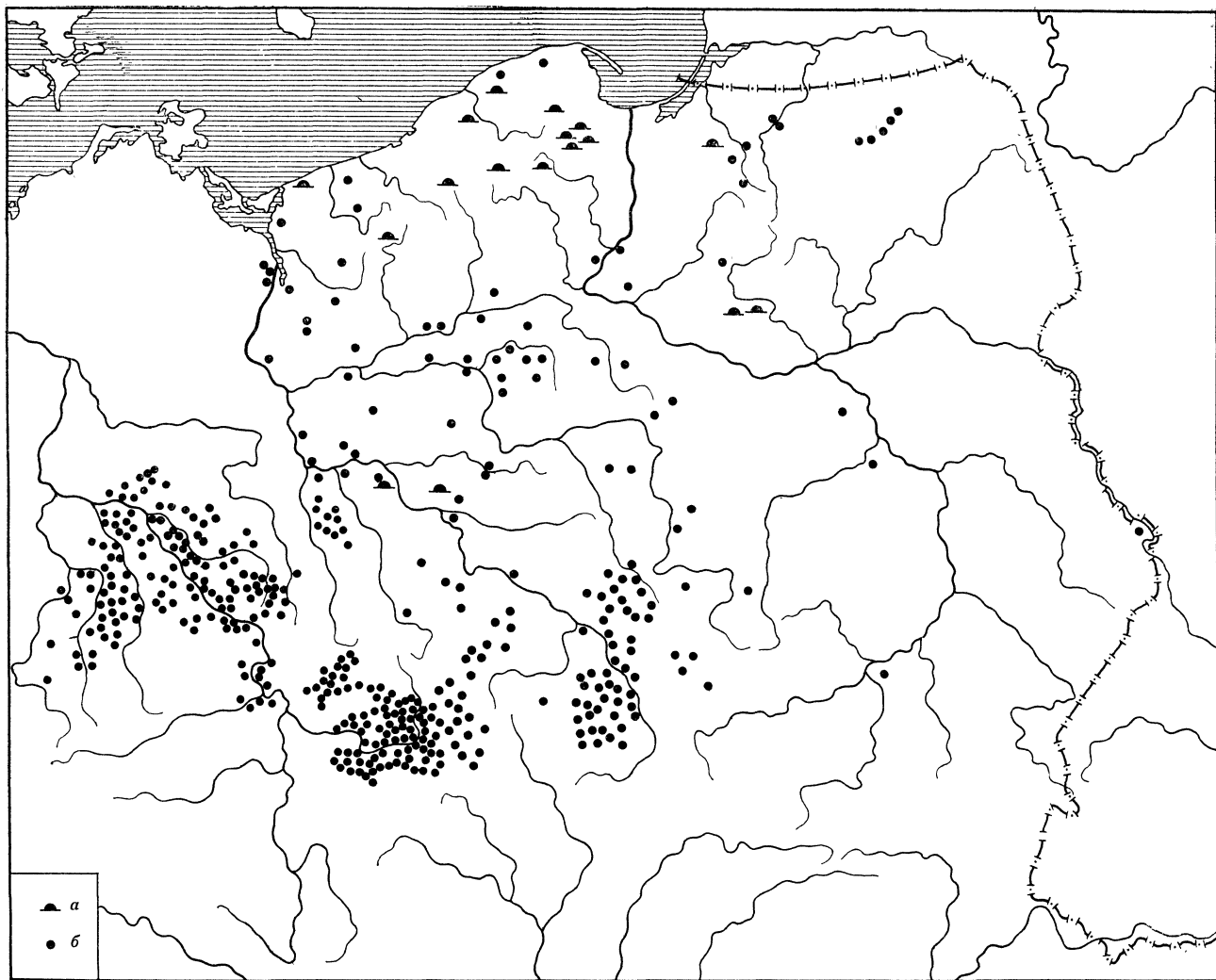
3. Погребения урно-безурновые, в которых остатки сожжения находятся в равной мере в урне и в земле (рис. 12—17)³.

Во все периоды лужицкой культуры наибольший процент в погребальном обряде составляют урновые захоронения (рис. 12). Сожженные на стороне кости покойника, как правило тщательно очищенные от остатков костра, складывались в урну. Нередко сложенные в урну кости находятся в анатомическом порядке, т. е. кости черепа — наверху, кости

ног — внизу. Часто урна покрыта. Чаще всего встречаются урны, покрытые перевернутой вверх дном миской, реже — другим сосудом. Иногда урна накрыта камнем, крышкой или диском. Урны, покрытые миской, встречаются на всей территории лужицкой культуры (рис. 18). Случаи покрытия урны крышкой заметно более часты в Поморье, а урны, покрытые диском, известны только в Верхней Силезии (рис. 19).

Для лужицкой культуры характерны совместные захоронения, т. е. захоронение нескольких урн, кучек костей или скелетов в одной могиле. Замечено, что от периода к периоду наблюдается тенденция возрастания количества урн в одной могиле. Так, если в III периоде бронзы в одном погребении встречается

³ В таких погребениях кальцинированные кости не только наполняют урну, но и разбросаны вокруг нее или лежат кучкой около урны.

Р и с. 9. Распространение могильников лужицкой культуры в позднем бронзовом веке (по Т. Малиновскому)
а — курганные могильники; б — грунтовые могильники

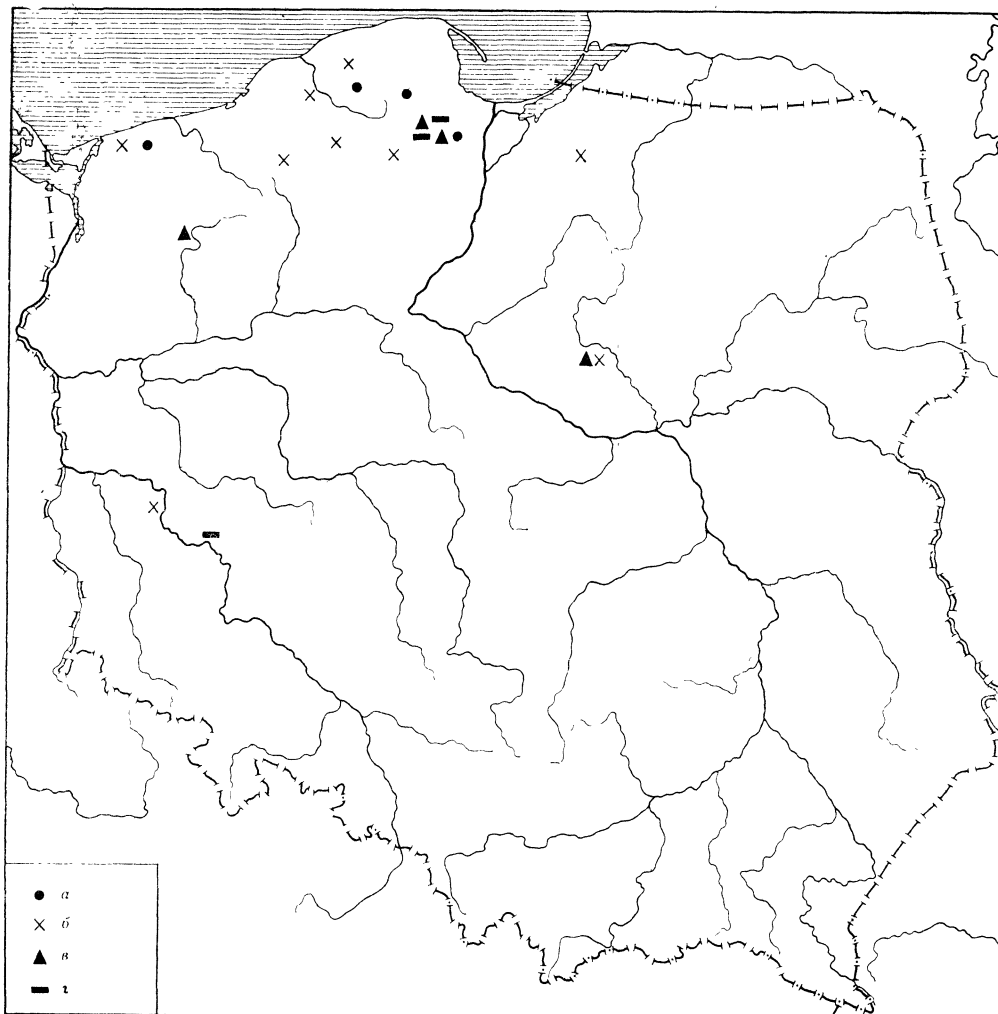
не более трех урн, то в период поздней бронзы количество урн в отдельных могилах достигает пяти и больше (рис. 20).

Урновые захоронения, как правило, сопровождаются другими сосудами, количество которых колеблется от одного-двух до восьми и более, причем на поздних этапах развития лужицкой культуры количество сопровождающих сосудов возрастает и иногда достигает 30. Сопровождающие сосуды нередко помещены в могилу вверх дном. Перевернутые урны встречаются редко, известно всего лишь несколько подобных случаев (рис. 21). В дне урны или покрывающего сосуда иногда пробито отверстие, судя по этнографическим параллелям, — для общения души умершего с телом.

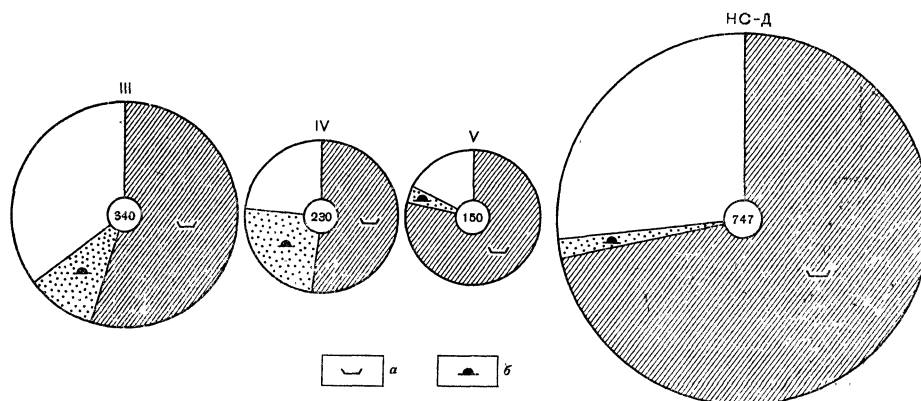
Характерен для урновых захоронений также обычай помещать в урну или вокруг нее ку-

сочки древесного угля. Этот обычай распространен по всей территории лужицкой культуры.

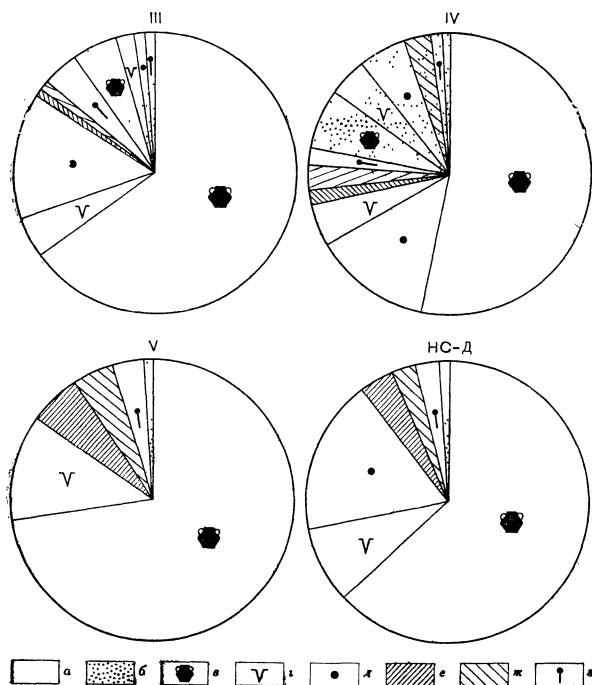
Безурновые захоронения известны уже в предлужицкое время, однако на первых этапах развития культуры этот тип погребений составляет сравнительно небольшой процент в общей массе лужицкого погребального обряда (рис. 12). Вместе с тем на протяжении всего времени существования культуры от периода к периоду наблюдается постепенное увеличение числа подобных захоронений. Однако в большинстве случаев безурновые погребения либо единичны, либо составляют незначительное меньшинство в могильниках. Если рассматривать территориальное распространение безурновых захоронений, то на первых этапах развития лужицкой культуры они встречаются почти на всей территории куль-

Р и с. 10. Распространение типов захоронений в курганных могильниках лужицкой культуры V периода бронзового века и периода поздней бронзы (по Т. Малиновскому)
a — урновые захоронения V периода бронзового века; *b* — урновые захоронения позднего бронзового века; *v* — безурновые захоронения позднего бронзового века; *z* — погребения без следов захоронений позднего бронзового века

Р и с. 11. Процентное соотношение грунтовых и курганных могильников в лужицкой культуре Римскими цифрами обозначены соответствующие периоды эпохи бронзы, НС — D — период гальштата С — D; *a* — грунтовые могильники; *b* — курганные могильники

Р и с. 12. Процентное соотношение типов захоронений лужицкой культуры

Римскими цифрами обозначены соответствующие периоды эпохи бронзы, HC — D — период гальштата C — D
а — грунтовые могильники; б — курганные могильники; в — урновые погребения; г — безурновые погребения; д — сожжения; е — урново-безурновые погребения; ж — погребения без следов захоронения; и — трупоположения

туры. Только в эпоху гальштата замечается преимущественное скопление их в южных районах лужицкой культуры.

В отличие от урновых захоронений в безурновых погребениях кальцинированные кости перемешаны с остатками костра, углем и пеплом, причем кости бывают либо смешаны или засыпаны углем, либо (значительно реже) очищенные кости лежат в одной кучке, а остатки костра — в другой.

Погребения урново-безурновые также известны уже в предлужицкое время и в частности среди погребений лодзенской фазы тшинецкой культуры.

Погребения урново-безурновые характерны для всех периодов лужицкой культуры, но единичны в могильниках. Что касается территориального распространения захоронений этого типа, то на первых этапах развития урново-безурновые захоронения встречаются хотя и редко, однако по всей территории лужицкой культуры. В V периоде бронзы и в эпоху гальштата они составляют заметное скопление в междуречье верховьев Варты и Одры (рис. 13—17).

Трупоположения в погребальном обряде лужицкой культуры составляют лишь незначительный процент, и это является одной из его существенных особенностей в отличие от предшествующего периода ранней бронзы. В начальном периоде существования культуры это, как правило, одиночные погребения, встречающиеся в могильниках, где господствует сожжение (рис. 22). В этом периоде могильники с трупоположениями не составляют каких-

Таблица 1

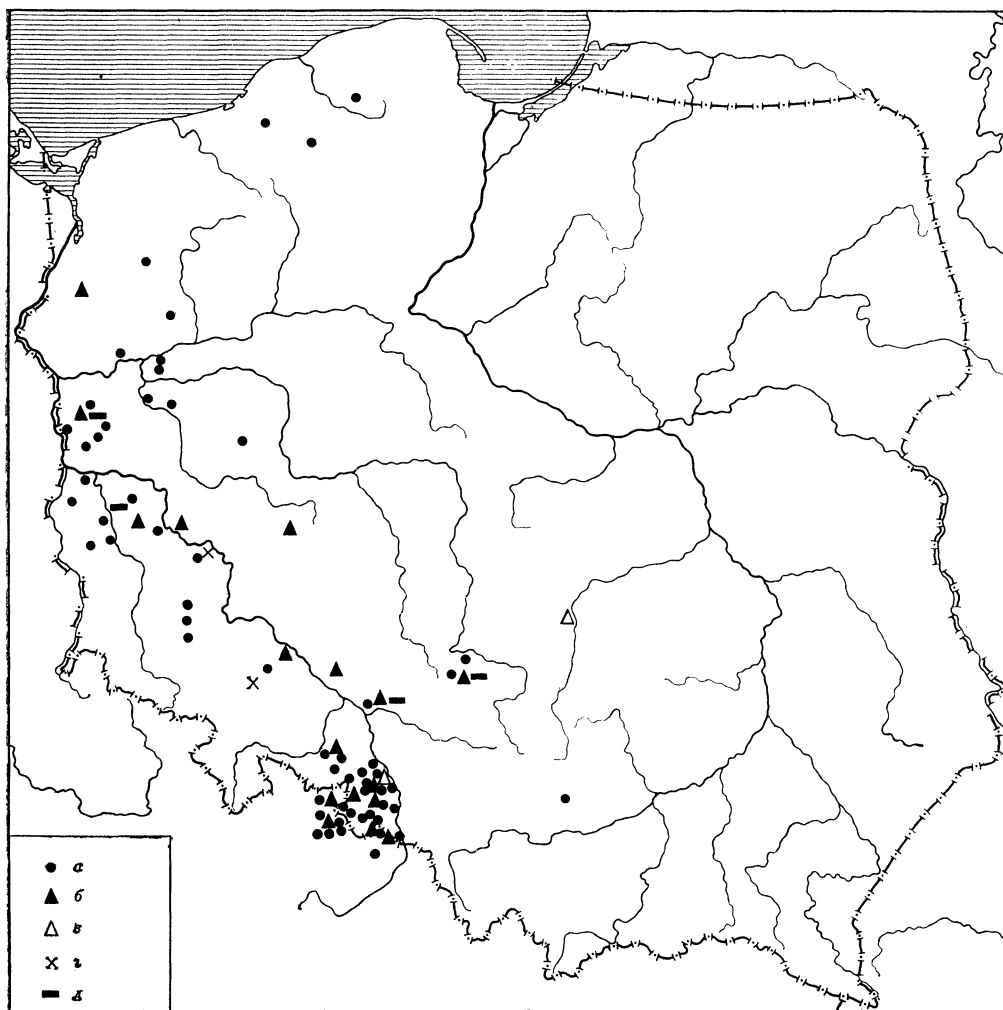
Период	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
III период бронзы	18	2	6	20	10	5	2	4	2	1	2	4	4 2	0	0	9	+	3	3	1	1	0
IV период бронзы	10	2	3	48	2	5	2	2	1	1	0	50	0	1	1	8		0	2п	+	+	0
V период бронзы	32	0	21		12	11	3	6	4	2	1	11	2	2	1			?	70	0	+	+
Гальштат	56	7	27		32	10	15	5	3	1	2		80	3	1		9п	0	4п	2	0	1

В таблице 1 приняты следующие условные обозначения:

- 1 — грунтовые могильники;
- 2 — погребения под курганами;
- 3 — могильники со смешанным погребальным обрядом, с сожжениями и трупоположениями;
- 4 — общее количество погребений с трупоположениями;
- 5 — на памятнике известно одно трупоположение;
- 6 — одно трупоположение в могильнике с сожжениями;

- 7 — погребение сомнительное;
- 8 — погребение частичное;
- 9 — несожженные части скелета в погребении с сожжением;
- 10 — трупоположение сопровождается сожжением;
- 11 — трупоположение на поселении;
- 12 — ориентировка южная;
- 13 — ориентировка северная;
- 14 — ориентировка западная;
- 15 — ориентировка восточная;
- 16 — ориентировка неизвестна;
- 17 — скелет вытнут;

- 18 — скелет скорчен;
- 19 — погребение обложено камнями;
- 20 — погребение под каменной вымосткой;
- 21 — погребение под каменной плитой;
- 22 — погребение в каменном ящике;
- цифра с буквой п — количество памятников с данным признаком; одна цифра обозначает количество данных погребений;
- + — признак встречается, количество неизвестно.

Р и с. 13. Распространение типов захоронений лужицкой культуры в III периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

a — сожжения в урне; *b* — сожжения безурновые одиночные в могильнике; *в* — большинство погребений могильника безурновые; *г* — погребения урно-безурновые; *д* — погребения без следов захоронений

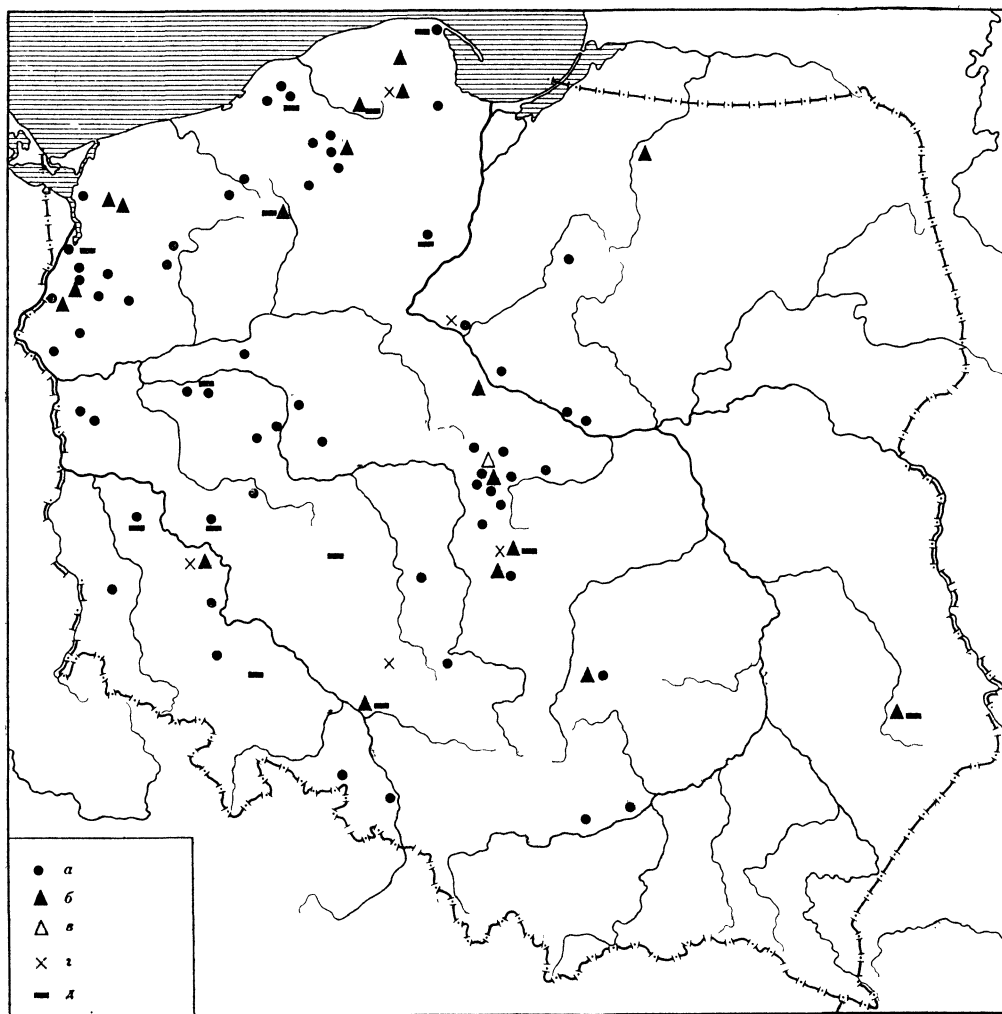
либо скопления. Отдельные погребения встречаются на западных и южных окраинах лужицкой культуры, несколько чаще — в междуречье Варты — Одры, в среднем и верхнем их течении (рис. 22).

В IV периоде бронзы, так же как и в предшествующем периоде, могильники с трупоположениями не составляют каких-либо компактных групп за исключением небольшого скопления могильников на восточной периферии лужицкой культуры — так называемой ульовецкой группы памятников. Кроме этой группы, одиночные погребения того времени известны на территории Западного Поморья, в Великопольше и в Северной Моравии (рис. 23).

В V периоде бронзы положение меняется.

Могильники с трупоположениями расположены компактной группой в междуречье Верхней Варты и Одры — так называемая верхнесилезско-малопольская группа, причем все могильники смешанные, в них одновременно производились захоронения по обряду сожжения и трупоположения. Одиночные погребения известны в Северной Моравии (рис. 24).

В эпоху гальштата могильники с трупоположениями группируются в той же области, что и в предыдущий период, однако область их распространения значительно расширяется. Она охватывает всю Верхнюю Силезию и верховья Вислы. Одиночные трупоположения встречаются в Западном Поморье, на Средней Висле и Верхней Одре, в Моравии и Чехии

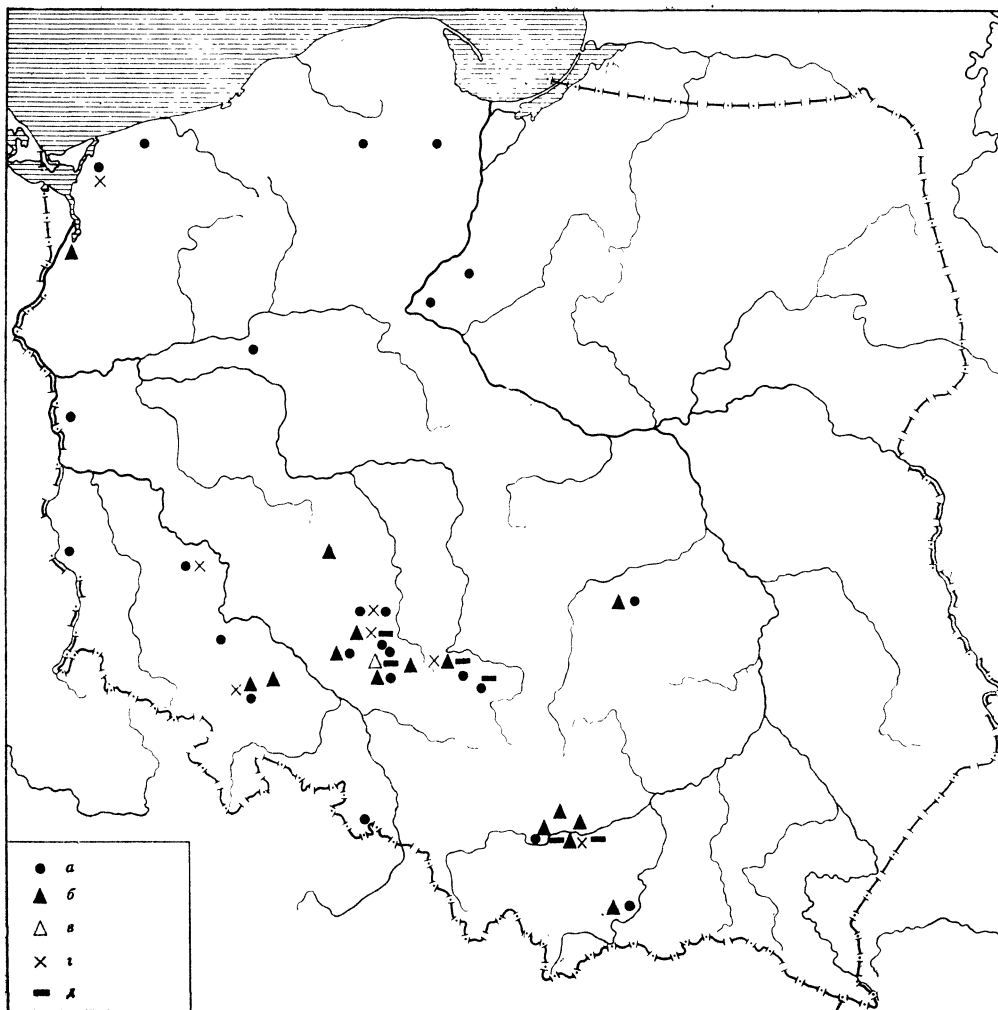
Р и с. 14. Распространение типов захоронений лужицкой культуры в IV периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

а — сожжения в урне; б — сожжения безурновые; в — большинство погребений могильника безурновые; г — погребения урново-безурновые; д — погребения без следов захоронений

(рис. 25). Ситуация несколько меняется в позднем гальштате, когда количество труположений заметно сокращается. Даже на территории междуречья Варты — Одры, в верхнем их течении, где труположения устойчивы со времени ранней фазы лужицкой культуры, этот процесс прослеживается столь же четко. В позднем гальштате здесь известны лишь одиночные погребения, так же как и в районах Средней Вислы, в центральных районах Великопольши и в Поморье.

Для труположений лужицкой культуры характерно вытянутое на спине положение скелета, руки либо вытянуты вдоль тела, либо сложены на груди или бедрах. Изредка встречаются скорченные скелеты, положенные, как правило, на правом боку, руки уложены перед

лицом. Наиболее характерная ориентировка — головой на юг, возможны отклонения к западу и востоку. Значительно реже встречается ориентировка головой на север. Несколько возрастает количество погребений с северной ориентировкой в эпоху гальштата, что довольно четко прослеживается в могильниках, используемых в течение длительного времени, где погребенные ранних периодов ориентированы, как правило, головой на юг, а погребенные гальштатского времени имеют преимущественно северную ориентировку. Спорадично встречаются ориентировки по оси запад — восток, головой на запад или восток. Последние погребения по ориентировке и специфическому укреплению погребальной ямы камнем связываются с могильниками Тюрингии, где

Р и с. 15. Распространение типов захоронений лужицкой культуры в V периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

a — сожжения в урне; *b* — сожжения безурновые; *в* — большинство погребений могильника безурновые; *г* — погребения урново-безурновые; *д* — погребения без следов захоронений

аналогичные погребения широко распространены.

Ингумации сопровождаются сосудами и другим инвентарем. В некоторых погребениях обнаружено до 11 сосудов. Большая часть сосудов, сопровождающих покойника, ставилась в головах, реже — в ногах, а в отдельных случаях — с обеих сторон тела, у бедер.

С V периода бронзы в отдельных могильниках появляются скелеты, опаленные огнем. Этот прием встречается и в последующие периоды.

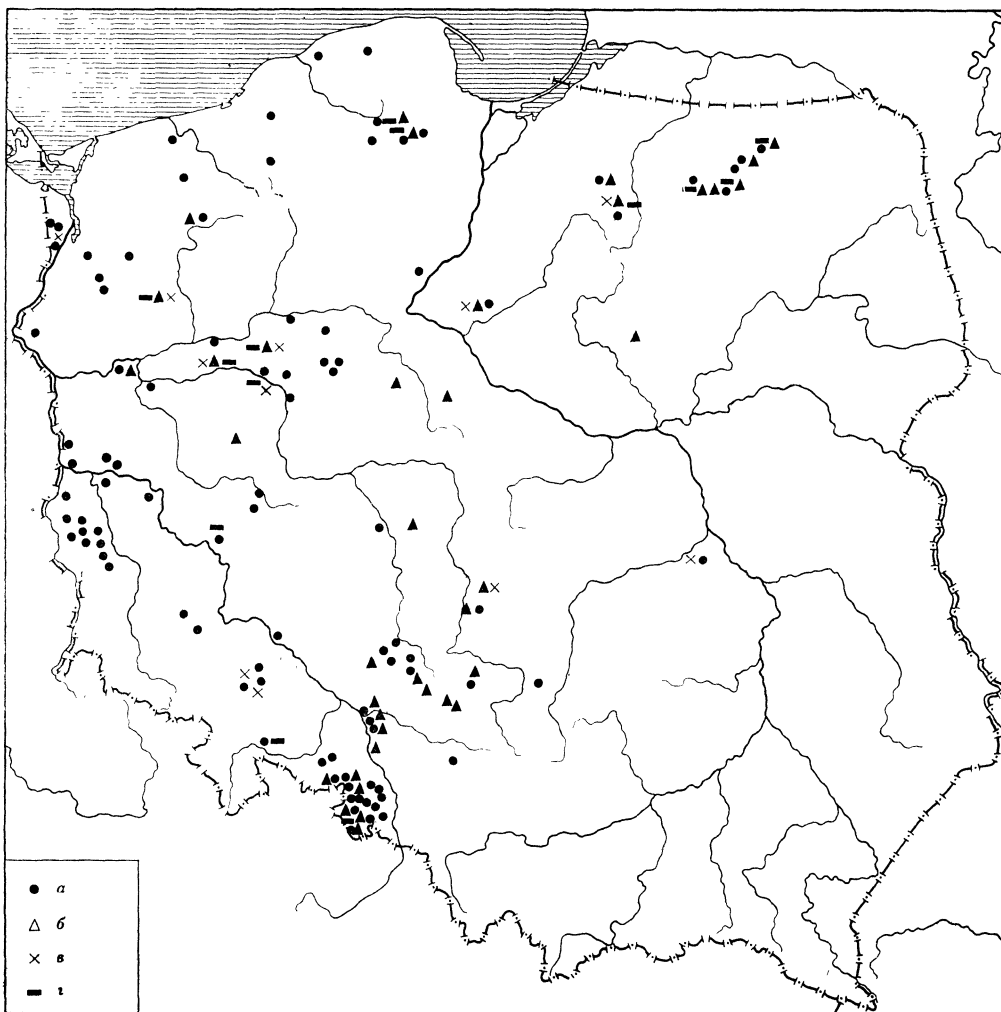
На последних этапах развития лужицкой культуры распространяется обычай захоронения либо неполного костяка, либо кучки несожженных костей.

Статистические данные по обряду трупопо-

ложения в лужицкой культуре приведены в таблице 1⁴.

Остается упомянуть о погребениях без следов захоронений. Сложность определения захоронений этого рода в том, что не всегда можно точно установить причины, по которым захоронение отсутствует. Помимо символических захоронений, в погребениях с предполагаемыми труположениями возможно полное разложение костей. Здесь на помощь может прийти только химический анализ. Несмотря на всю спорность этих захоронений, нам приходится останавливаться на них, поскольку польские исследователи выделяют их в особую группу.

⁴ Таблица составлена по данным М. Гедла (М. Gcdl, 1964).

Р и с. 16. Распространение типов захоронений лужицкой культуры в позднем бронзовом веке (по Т. Малиновскому)

а — сожжения в урне; б — сожжения безурновые; в — сожжения урново-безурновые; г — погребения без следов захоронений

На территории Польши прослеживается постепенное увеличение количества этих захоронений от периода к периоду, хотя в процентном отношении к другим типам захоронений их весьма мало. Во все периоды развития лужицкой культуры погребения без следов захоронений встречаются по всей территории культуры (рис. 13—17).

* * *

Одной из характерных черт лужицкого погребального обряда был обычай использования камня при сооружении могилы.

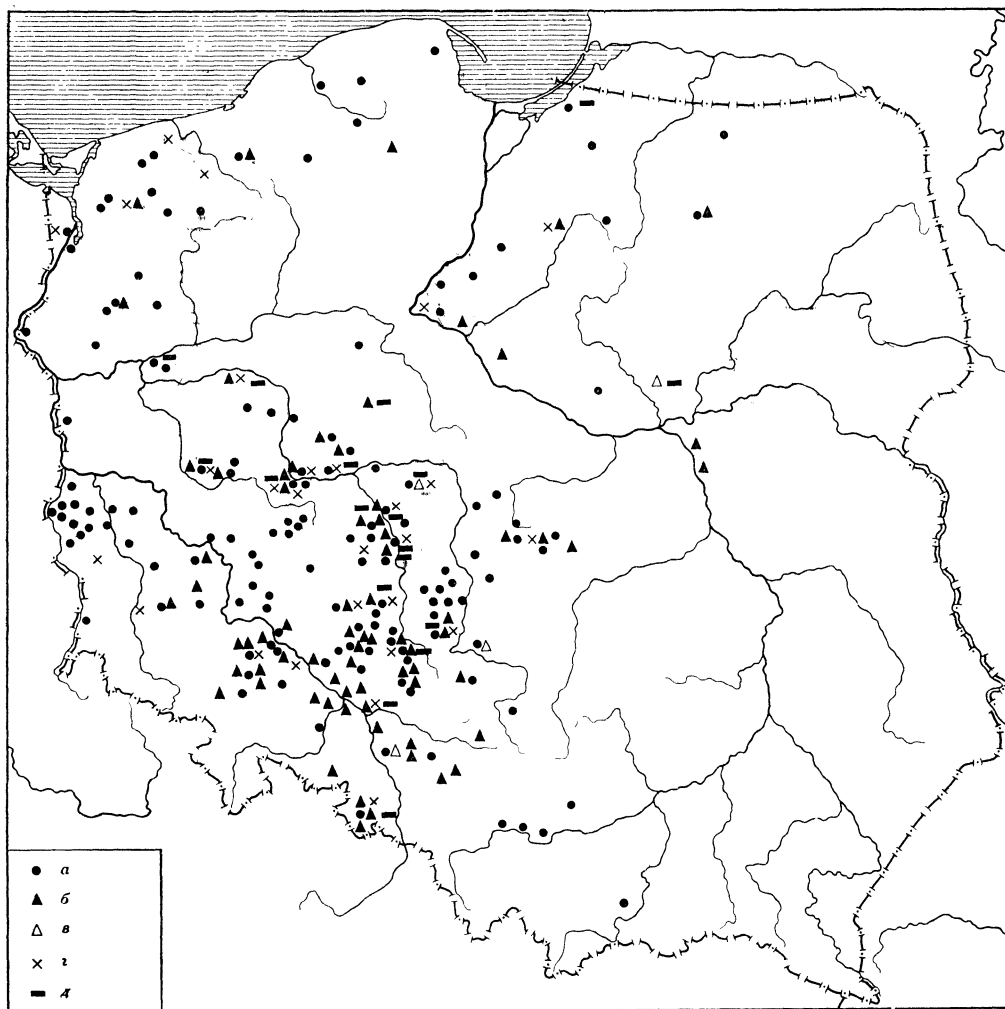
Наличие каменных конструкций в погребении не было нововведением в лужицкое время. Этот прием известен в различные более ранние эпохи, в частности в лодзенской фазе тши-

нецкой культуры и в силезско-великопольской фазе культуры предлужицкой (II период бронзы).

Каменные конструкции различны:

1. Слой камней перекрывает засыпанную могильную яму.
2. Каменная вымостка в один или несколько слоев (два-три) прикрывает захоронение.
3. Захоронение устроено на каменной вымостке.
4. Погребение в каменном ящике.
5. Погребальная яма обложена камнями.
6. Погребальная яма перекрыта каменной плитой.

Все каменные конструкции польские археологи рассматривают как укрепления погребальной ямы. Помимо погребений, укреплен-

Р и с. 17. Распространение типов захоронений лужицкой культуры в гальштате (по Т. Малинскому)

а — сожжения в урне; б — сожжения безурновые, одиночные в могильнике; в — большинство погребений могильника безурновые; г — погребения урно-безурновые; д — погребения без следов захоронений

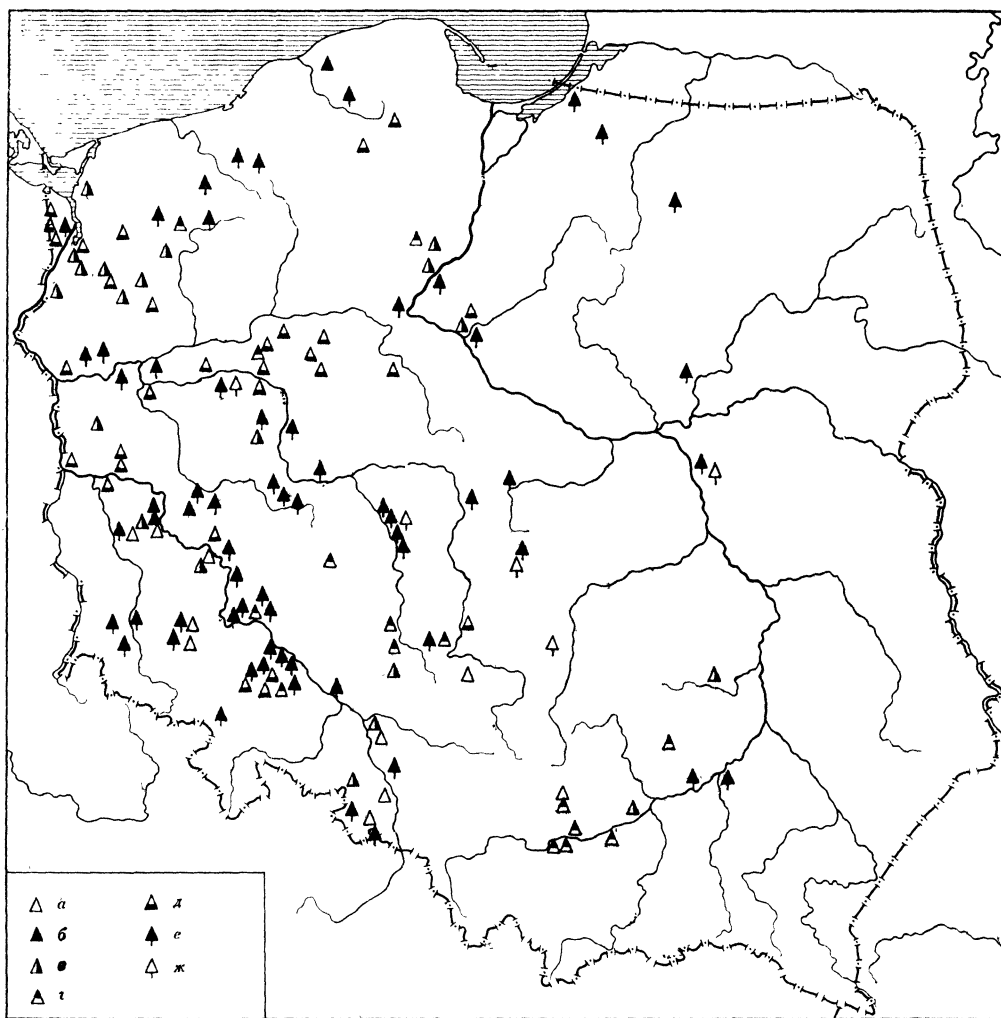
ных камнем, в лужицкой культуре не менее распространены погребения без камней, причем области распространения тех и других четко разделяются.

В III периоде бронзы погребения, обставленные камнями, группируются в двух районах: в районе среднего течения Одры, в междуречье Одры — Варты и в районе Поморья. В юго-западной части ареала лужицкой культуры, напротив, камень не использовался при устройстве могилы (рис. 26).

Приемы сооружения могилы в IV периоде бронзы остаются теми же, что и в предшествующий период. Параллельно встречаются как погребения, обставленные камнем, так и погребения без камня. По-прежнему в южных районах при сооружении могилы камень не

применяли. В северных областях культуры погребальное место почти всегда либо обкладывали, либо заваливали камнями. Изменился только объем этих групп. Область распространения погребений без камня по-прежнему занимала территорию верховьев Одры, Варты и Вислы, однако наблюдается тенденция к продвижению этого обычая, во-первых, на восток, к среднему течению Буга, во-вторых, несколько дальше, на север.

В северной группе, кроме погребений, обложенных камнями, встречаются и погребения с каменными конструкциями иного рода. Так, для территории Поморья характерны захоронения в каменных ящиках. В других областях лужицкой культуры конструкции этого вида попадают лишь в виде исключений. На тер-

Р и с. 18. Распространение урн, накрытых сосудом, в лужицкой культуре (по Т. Малиновскому)
 а — III период бронзового века; б — III—IV периоды бронзового века; в — IV период бронзового века; г — V период бронзового века; д — поздний бронзовый век; е — гальштат; ж — ранний латен

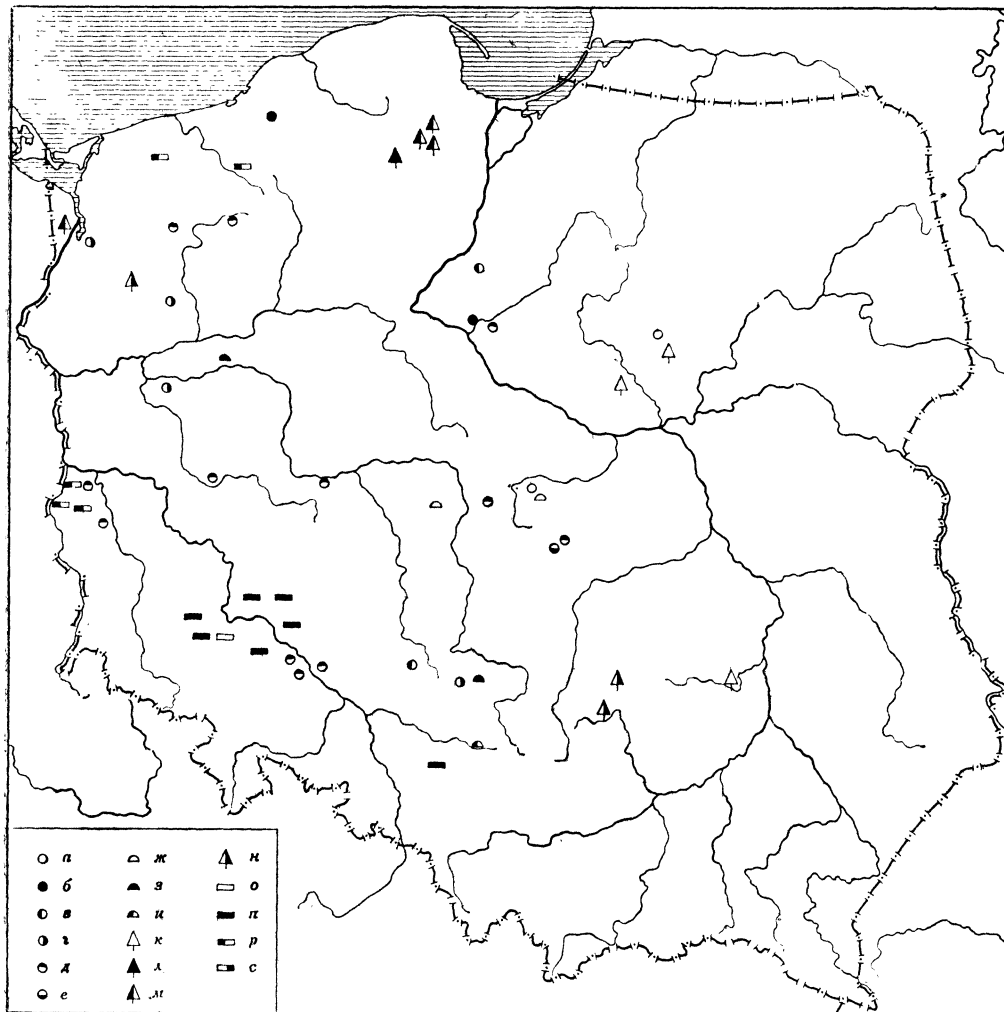
ритории Польши они известны лишь в одном месте (в междуречье Варты — Вислы).

На территории Западного Поморья локализируются памятники с захоронениями, расположенными на каменной вымостке. На других территориях встречаются лишь одиночные захоронения этого вида.

В Великопольше, между Вартой и Вислой и на левом берегу Варты, группируются могильники, в которых погребения накрыты каменной вымосткой, причем нередко одна вымостка служит одновременно нескольким погребениям (рис. 27).

В V периоде бронзы в общих чертах сохраняются как северная группа с каменными конструкциями, так и южная группа погребений без каменных конструкций. Границы обеих

групп не изменяются, однако в эту пору южная группа уже не столь однородна. Наряду с основной по численности группой погребений без каменных конструкций в больших могильниках встречаются погребения, в которых в том или ином виде употребляется камень. Одновременно в северной группе появляются погребения, лишенные каменных конструкций (рис. 28). Сравнительный анализ каменных конструкций IV и V периодов бронзы в северной группе памятников выявляет произошедшие изменения. Так, если к IV периоду на территории Поморья относится большое количество погребений в каменных ящиках, то в V периоде известно лишь одно такое погребение. Исчезновение каменных ящиков в эпоху поздней бронзы можно было бы отнести на счет

Р и с. 19. Распространение различных типов покрытия урн в лужицкой культуре (по Т. Малиновскому)

Урна, накрытая камнем:

а — III—IV периоды бронзового века;

б — IV период бронзового века;

в — V период бронзового века;

г — поздний бронзовый век;

д — гальштат;

е — латен

Кости, накрытые камнем:

ж — III—IV периоды бронзового века;

з — поздний бронзовый век;

и — гальштат

Урна, накрытая крышкой:

к — IV период бронзового века;

л — V период бронзового века;

м — поздний бронзовый век;

н — гальштат

Урна, накрытая диском:

о — V период бронзового века;

п — поздний бронзовый век;

р — гальштат;

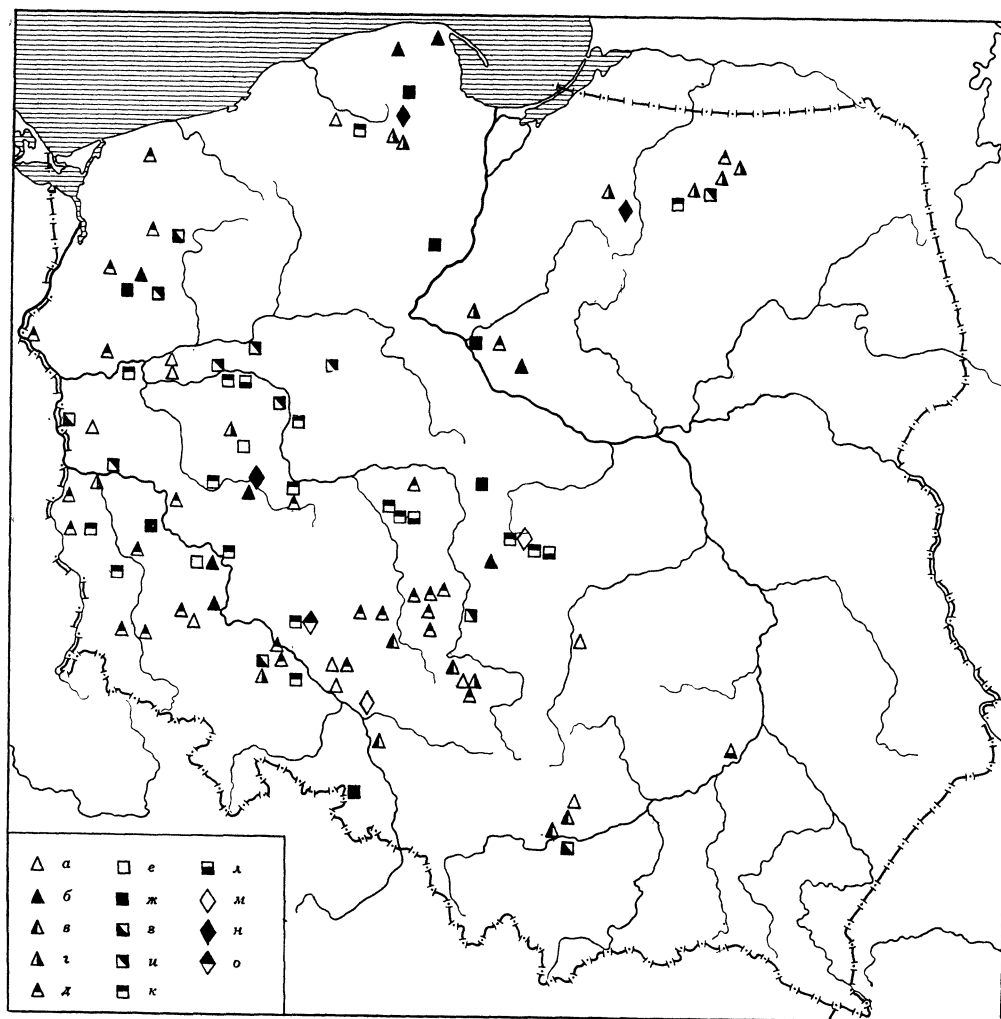
с — ранний латен

общего малого количества памятников в V периоде бронзы, однако и среди памятников, датируемых суммарно поздним бронзовым веком, также наблюдается резкое сокращение количества погребений в каменных ящиках, что говорит о закономерности явления (рис. 29).

Совершенно исчезает обычай расположения захоронений на каменной вымостке, характерный для IV периода бронзы на территории Западного Поморья. Подобный прием зафик-

сирован в V периоде бронзы лишь один раз — на территории Нижней Силезии, т. е. в значительном удалении от первоначальной территории распространения.

Среднепольская группа погребений, накрытых каменной вымосткой, продолжает существовать и в V периоде бронзы, однако наблюдается некоторое изменение в ее территориальном распространении. Этот тип захоронений смещается в юго-западном направлении, где

Р и с. 26. Распространение коллективных погребений в лужицкой культуре (по Т. Малиновскому)

Погребения с двумя покойниками:

а — III период бронзового века;

б — IV период бронзового века;

в — V период бронзового века;

г — поздний бронзовый век;

д — гальштат

Погребения с тремя—пятью покойниками:

е — III период бронзового века;

ж — IV период бронзового века;

з — V период бронзового века;

и — поздний бронзовый век;

к — гальштат;

л — ранний латен

Более пяти покойников в одном погребении:

м — III период бронзового века;

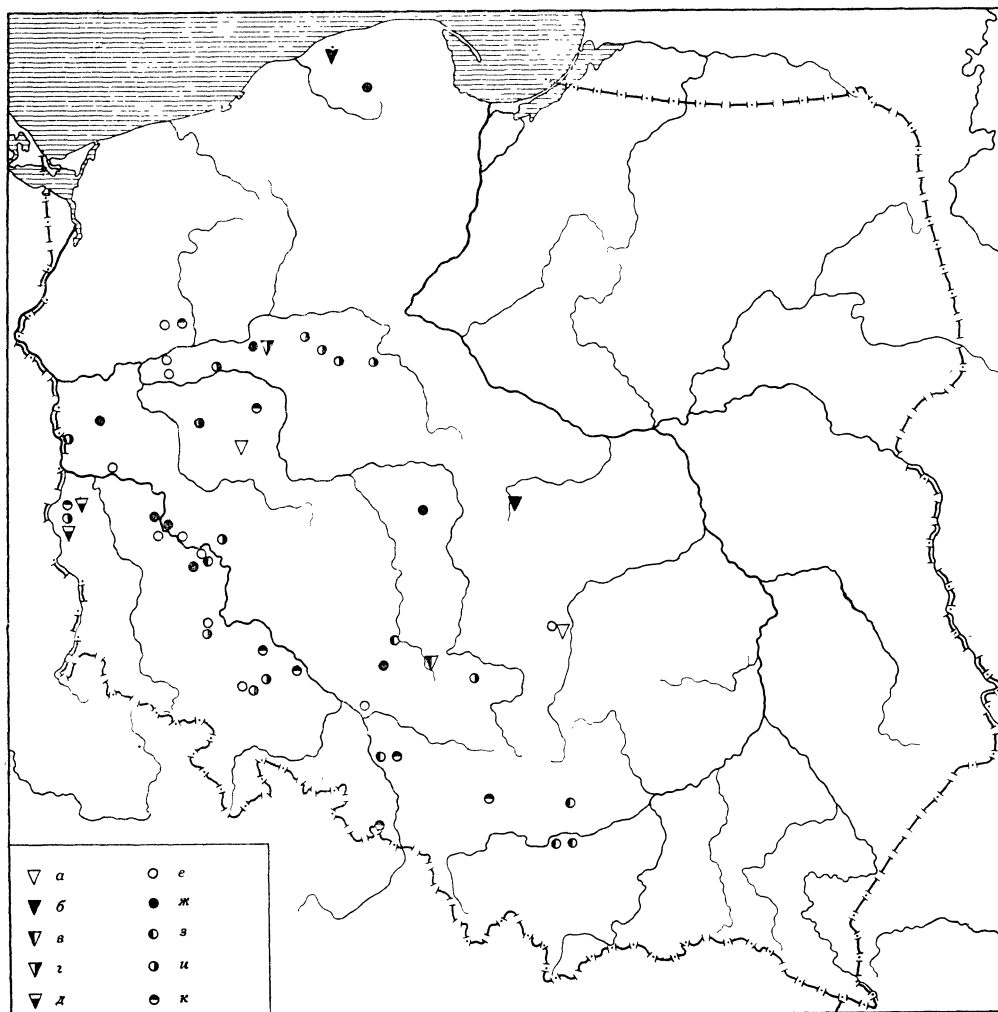
н — поздний бронзовый век;

о — ранний латен

смешивается с каменными конструкциями других типов. Известно погребение такого рода и далеко на севере, но лишь одно (рис. 28 и 29).

Камень при сооружении могилы столь же широко продолжает использоваться и в эпоху гальштата. Однако некоторые изменения все-таки наблюдаются. Если в предшествующие периоды территория лужицкой культуры достаточно четко делилась на две области, то в эпоху гальштата столь четкое деление нару-

шается. В северных областях, помимо погребений с каменными конструкциями, распространяются погребения без камня, в то же время обычай использовать камень при сооружении могилы проникает далеко на юг. Только в южной части Верхней Силезии по-прежнему распространены лишь погребения без каменных конструкций. Территориальное распространение отдельных каменных конструкций на этом этапе развития остается в принципе без изменений. По-прежнему каменные ящики

Р и с. 21. Распространение урн и сопровождающих сосудов, помещенных в погребении вверх дном (по Т. Малиновскому)

Урна вверх дном: а — III период бронзового века; б — IV период бронзового века; в — V период бронзового века; г — поздний бронзовый век; д — гальштат

Сопровождающие сосуды вверх дном: е — III период бронзового века; ж — IV период бронзового века; з — V период бронзового века; и — поздний бронзовый век; к — гальштат

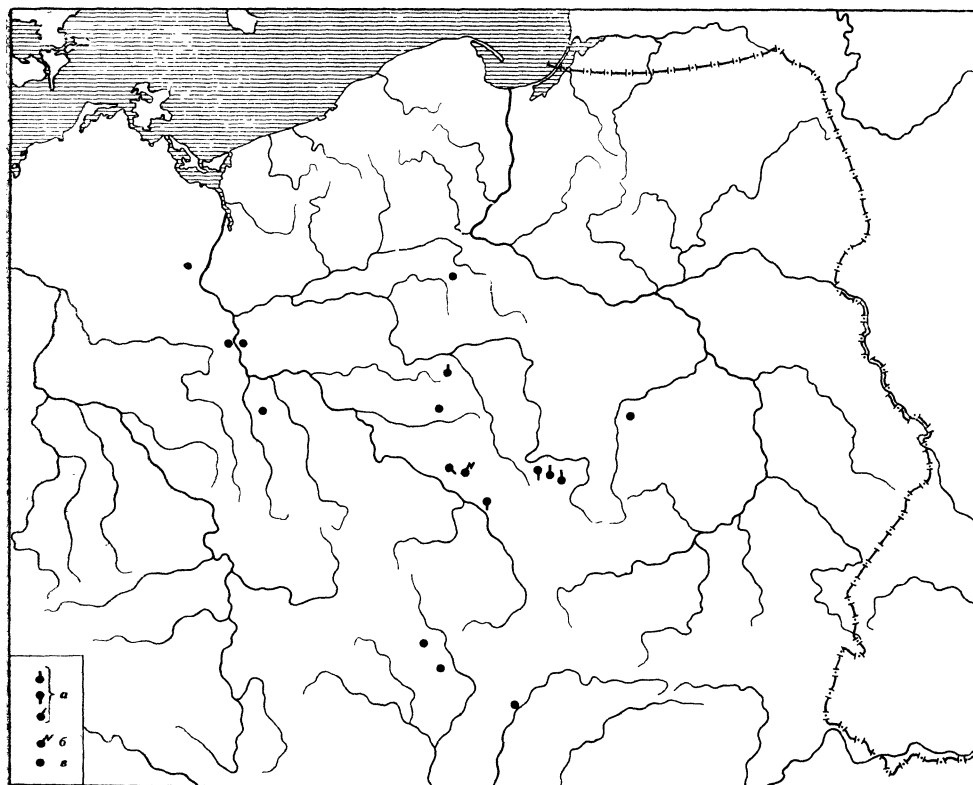
встречаются только на территории Поморья, однако, как и в V периоде бронзы, количество их незначительно, а область распространения ограничивается Восточным Поморьем. Как и в предшествующие эпохи, погребения на каменной вымостке распространены преимущественно в Западном Поморье.

Погребения под каменной вымосткой можно встретить во многих районах лужицкой культуры, однако основная территория их распространения находится, как и в предшествующие периоды, в междуречье Одры — Варты, в среднем и верхнем их течении (рис. 30).

Помимо каменных конструкций, при сооружении могил в лужицкой культуре применяли

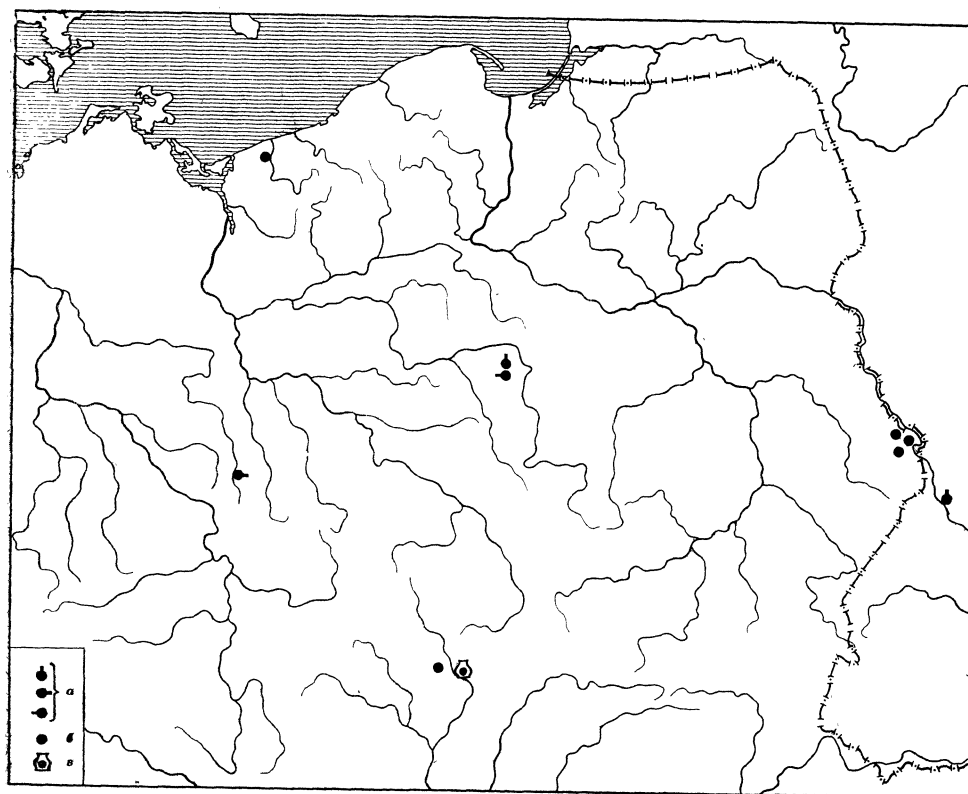
дерево. Наиболее ранние деревянные конструкции в виде столбов и вымосток, остатки которых прослеживаются при раскопках, зафиксированы в курганах III периода бронзы. В V периоде бронзы известны захоронения, помещенные в погребальную камеру, обшитую деревом.

Деревянные столбовые конструкции и деревянные ящики встречаются в погребениях гальштатского времени. Кроме того, известны случаи, когда в труположениях вдоль тела положена балка, опаленная с одного конца. По-видимому, эту деталь можно рассматривать как символ очищения, поскольку деревянная балка в этих погребениях не являлась деталью какой-либо конструкции.

Р и с. 22. Распространение труположений в лужицкой культуре в III периоде бронзового века (по Гедлу)

а — труположения известной ориентировкой;
б — труположения скорченные;
в — труположения неизвестной ориентировки

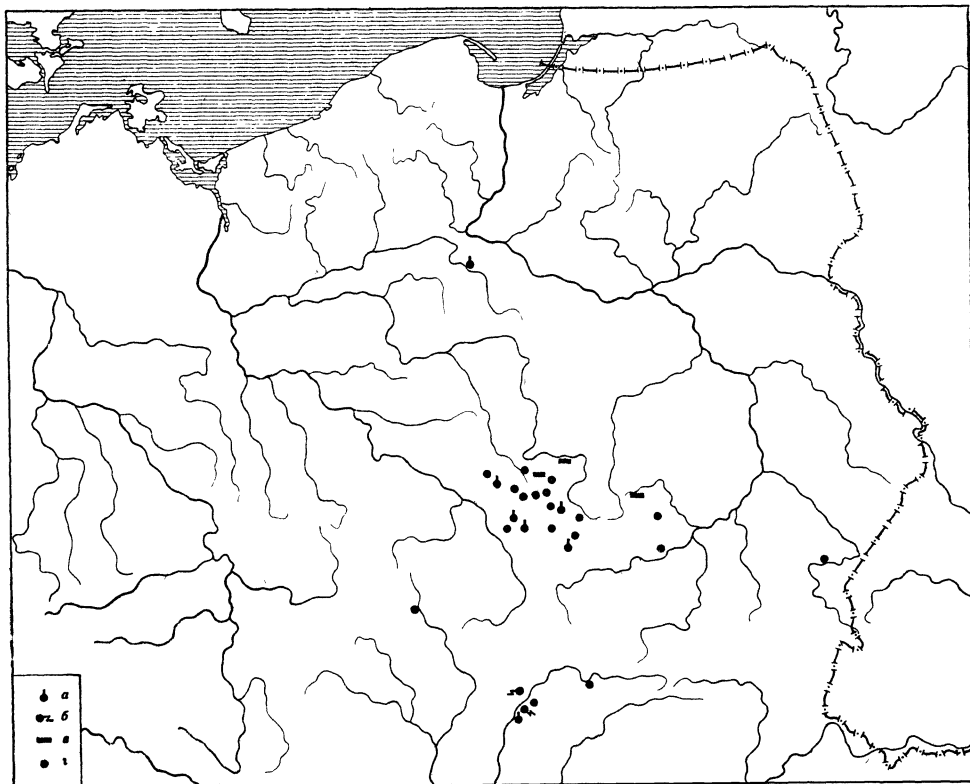

Р и с. 23. Распространение труположений в лужицкой культуре в IV периоде бронзового века (по Гедлу)

а — труположения известной ориентировки;
б — труположения неизвестной ориентировки;
в — детский скелет в сосуде

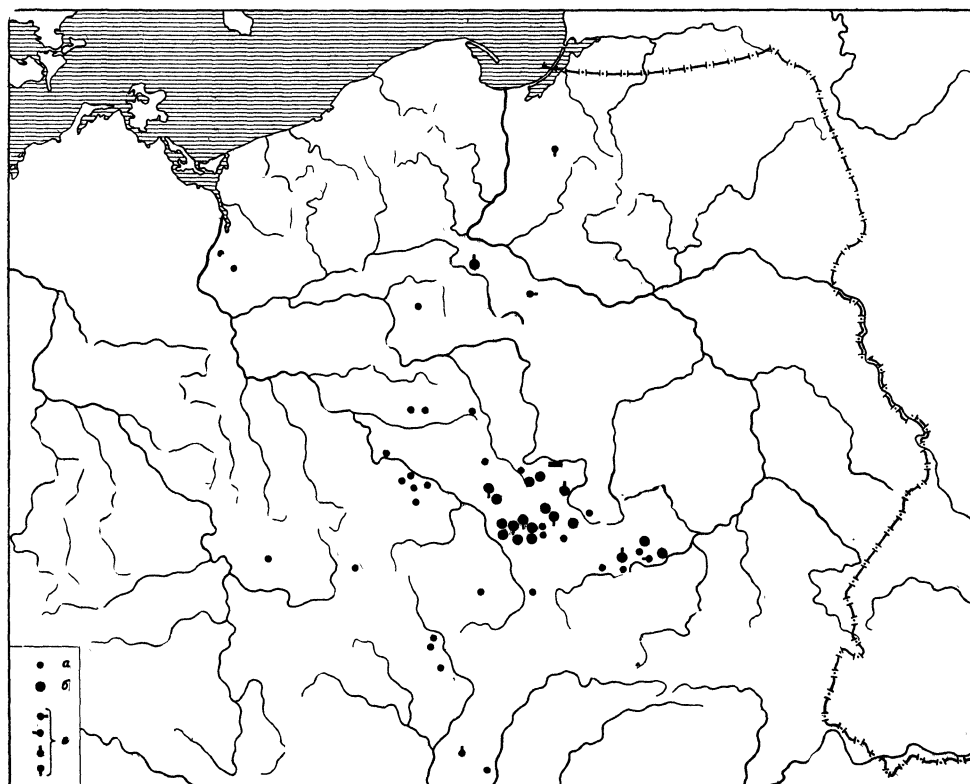
Р и с. 24. Распространение труположений в лужицкой культуре в V периоде бронзового века (по Гедлу)

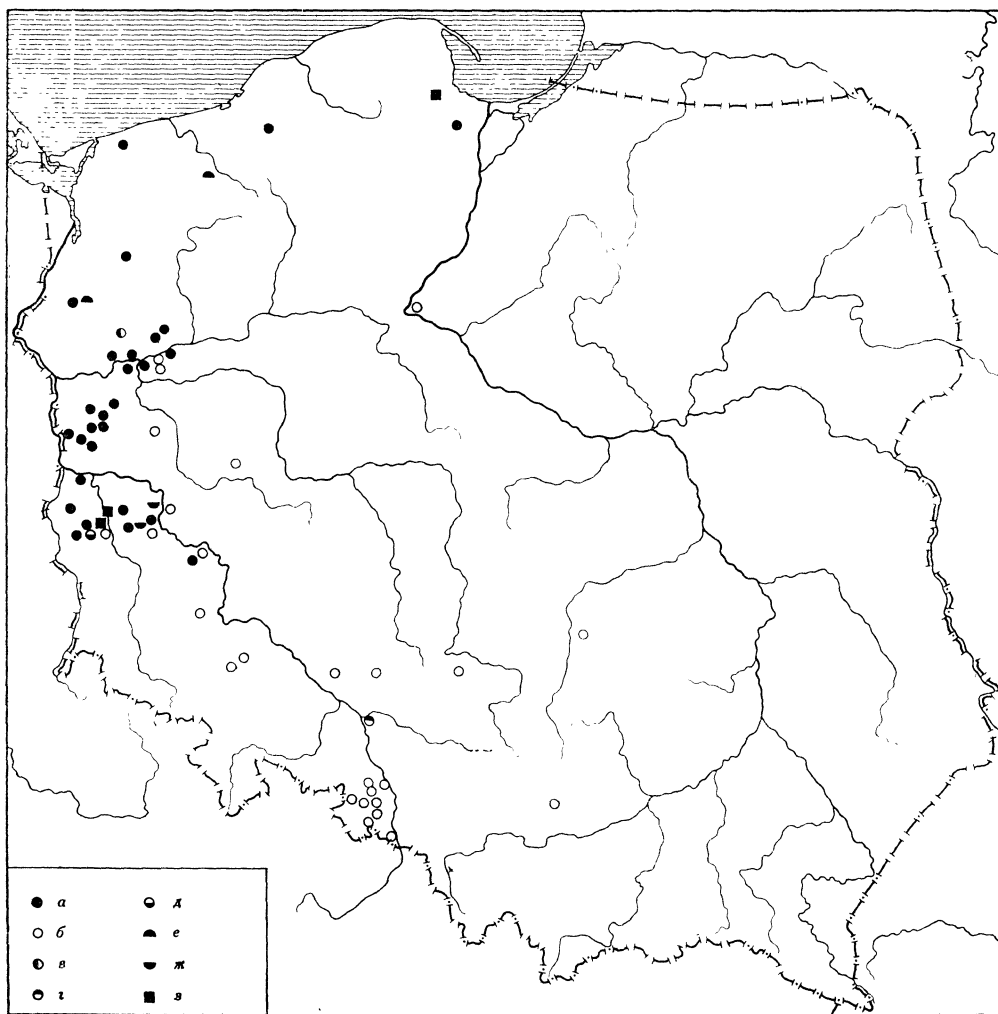
- а* — труположения известной ориентировки;
- б* — труположения скорченные;
- в* — ориентировка ямы погребения, где скелет не сохранился;
- г* — труположение, ориентировка которого неизвестна

Р и с. 25. Распространение групположений в гальштате (по Гедлу)

- а* — одиночные погребения; ориентировка неизвестна;
- б* — могильники с количеством погребений от нескольких единиц до нескольких десятков; ориентировка неизвестна;
- в* — труположения известной ориентировки

Р и с. 26. Распространение погребений лужицкой культуры с каменными конструкциями в III периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

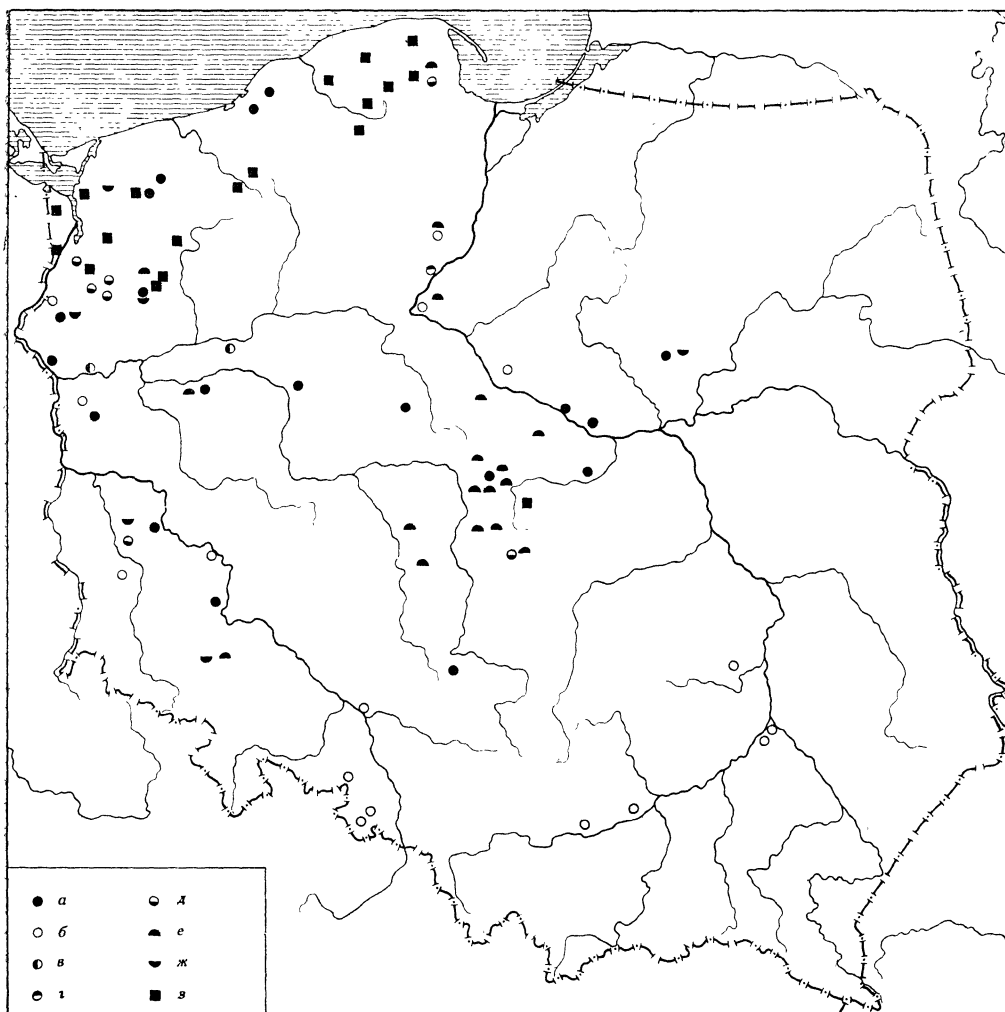
а — погребения с каменными конструкциями; *б* — погребения без каменных конструкций; *в* — большинство погребений в могильниках с каменными конструкциями; *г* — большинство погребений в могильниках без каменных конструкций; *д* — могильники, в которых погребений с каменными конструкциями и без них приблизительно поровну; *е* — погребения на каменной вымостке; *ж* — погребения под каменной вымосткой; *з* — погребения в каменном ящике

Значение лужицкой культуры в Европе оказалось необыкновенно высоким. Ее влияние не ограничивалось прилегающими к ее территории районами, а распространялось гораздо шире. И прежде всего это сказалось в погребальном обряде. На значительной территории Европы в культурах, характеризующихся курганным обрядом, постепенно распространяются трупосожжения и обычай хоронить в грунтовых могилах, всюду наблюдается родственный инвентарь. Уже в раннегалльском периоде (ступени А и В по периодизации Райнеке) на территории значительной части Европы — от Карпат до Испании — появляется целый ряд культур полей погребений.

В III периоде бронзы (рис. 31) юго-восточную территорию Словакии и прилегающие области Западной Украины и Венгрии занимала пилинская культура, сформировавшаяся значительно раньше лужицкой.

Носители этой культуры мертвых сжигали, а остатки сожжения хоронили в урнах, прикрытых перевернутой миской, в грунтовых могильниках.

Южные районы Моравии и Словакии занимала велатичкая культура, для которой также характерны грунтовые могильники и сожжения в урнах. Изредка встречаются безурновые погребения. Погребальная яма нередко обложена камнем.

Р и с. 27. Распространение погребений лужицкой культуры с каменными конструкциями в IV периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

а — погребения с каменными конструкциями; б — погребения без камня; в — могильники, в которых большинство погребений с каменными конструкциями; г — могильники, в которых большинство погребений без камня; д — могильники, в которых погребений с каменными конструкциями и без них приблизительно поровну; е — погребения под каменной вымосткой; ж — погребения на каменной вымостке; з — погребения в каменных ящиках

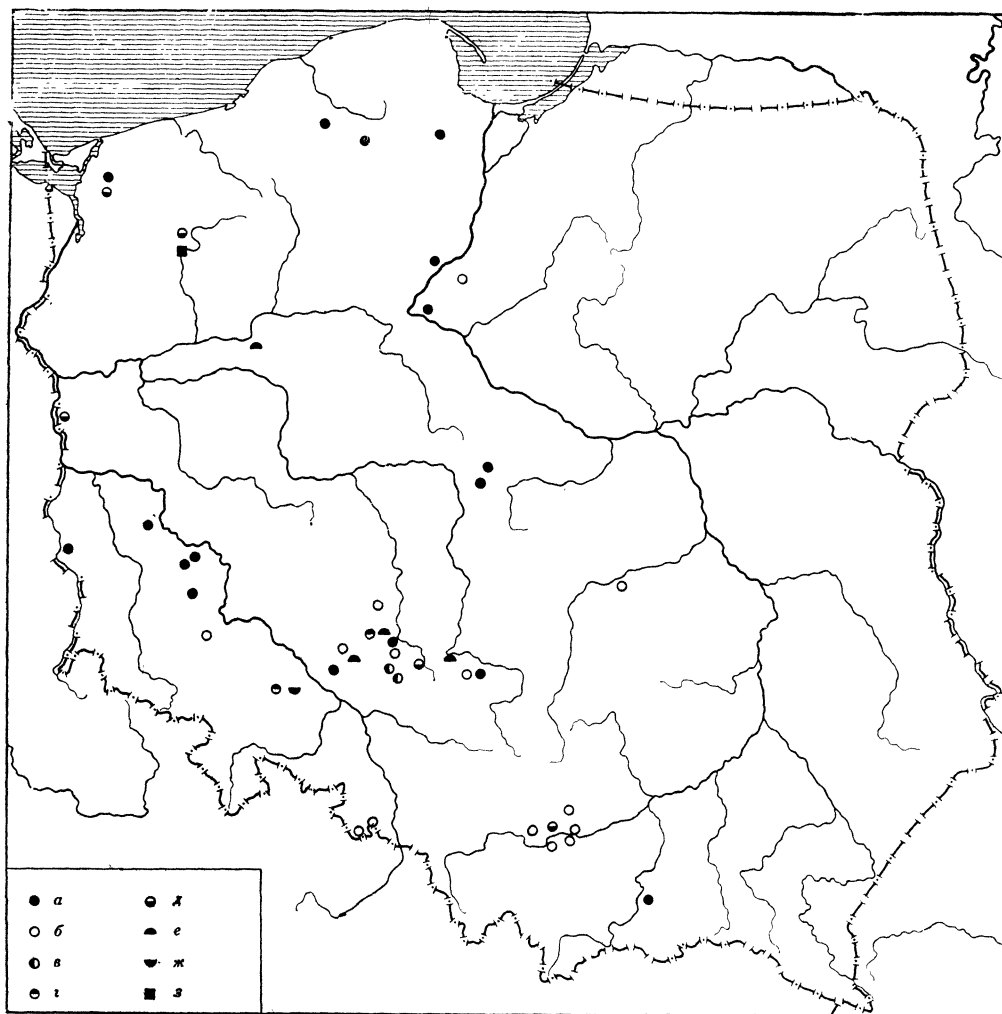
Восточные и придунайские земли Венгрии занимала вальская культура, характеризующаяся грунтовыми могильниками и урновыми трупосожжениями.

Южные и западные области Чехии занимала милавечская культура. Здесь еще продолжали совершать курганный обряд. Курганы, как правило, имели земляные насыпи с каменными конструкциями. Трупосожжения весьма часто сопровождалась богатым и многочисленным инвентарем.

Южнонемецкие земли в этот период занимала курганная культура. Поздняя фаза этой культуры характеризуется появлением трупосожжений наряду с привычными трупоположениями и отдельных грунтовых погребений в курганных могильниках.

Покойника укладывали как в скорченном, так и в вытянутом положении. Погребальные ямы ориентированы по оси запад — восток и север — юг. Известны погребения с перезахоронениями, где кости скелета набросаны хаотически.

Распространение смешанного обряда наблюдается и в северонемецких землях. В бассейне Средней Эльбы трупосожжение распространяется довольно широко, хотя продолжают встречаться отдельные единичные трупоположения, преимущественно под курганами, ори-

Р и с. 28. Распространение погребений лужицкой культуры с каменными конструкциями в V периоде бронзового века (по Т. Малиновскому)

а — погребения с каменными конструкциями; б — погребения без камня; в — могильники, в которых большинство погребений имеет каменные конструкции; г — могильники, в которых большинство погребений без каменных конструкций; д — могильники, в которых погребений с каменными конструкциями и без них приблизительно поровну; е — погребения под каменной вымосткой; ж — погребения на каменной вымостке; з — погребения в каменном ящике

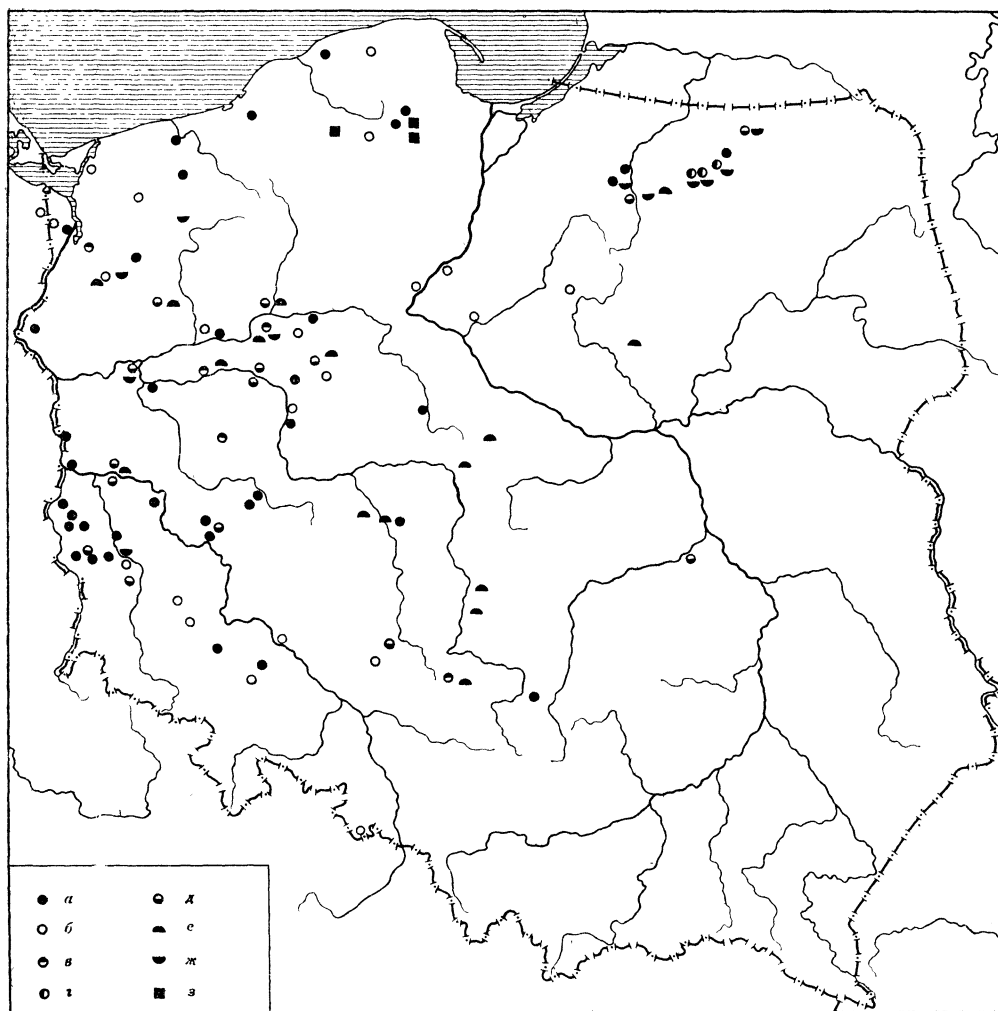
ентированные по оси восток — запад. На севере Центральной Европы трупоположений значительно больше, нежели на юге. Покойника хоронили в деревянной колоде в обширной погребальной яме, обложенной камнем. Ориентировка различна. Сопровождающий инвентарь состоит из украшений и оружия, керамику в могилу клали редко.

В IV и V периодах бронзы трупосожжение становится господствующим обрядом на территории Средней Европы. К югу от лужицкой культуры, на территории Словакии, Моравии, Западной Венгрии и Восточной Австрии, распространились культуры, близкие лужицкой,

принадлежавшие к кругу культур полей погребений (рис. 32).

Подольская культура охватывала территорию Моравии и Словакии. Могильники этой культуры все без исключения грунтовые, подавляющее большинство составляют урновые погребения.

Для кновизской культуры, занимавшей территорию Северо-Западной Чехии, также характерны грунтовые могильники. Господствует трупосожжение, ямы часто обложены камнем. Хотя и в меньшем количестве, но встречаются трупоположения. Покойников укладывали в скорченном положении, на правом или левом

Р и с. 29. Распространение погребений лужицкой культуры с каменными конструкциями в позднем бронзовом веке (по Т. Малиновскому)

а — погребения с каменными конструкциями; б — погребения без камня; в — могильники, в которых большинство погребений имеет каменные конструкции; г — могильники, в которых большинство погребений без камня; д — могильники, в которых погребений с каменными конструкциями и без них приблизительно поровну; е — погребения под каменной вымосткой; ж — погребения на каменной вымостке; з — погребения в каменном ящике

боку. Большинство погребений с трупоположениями найдено на поселениях.

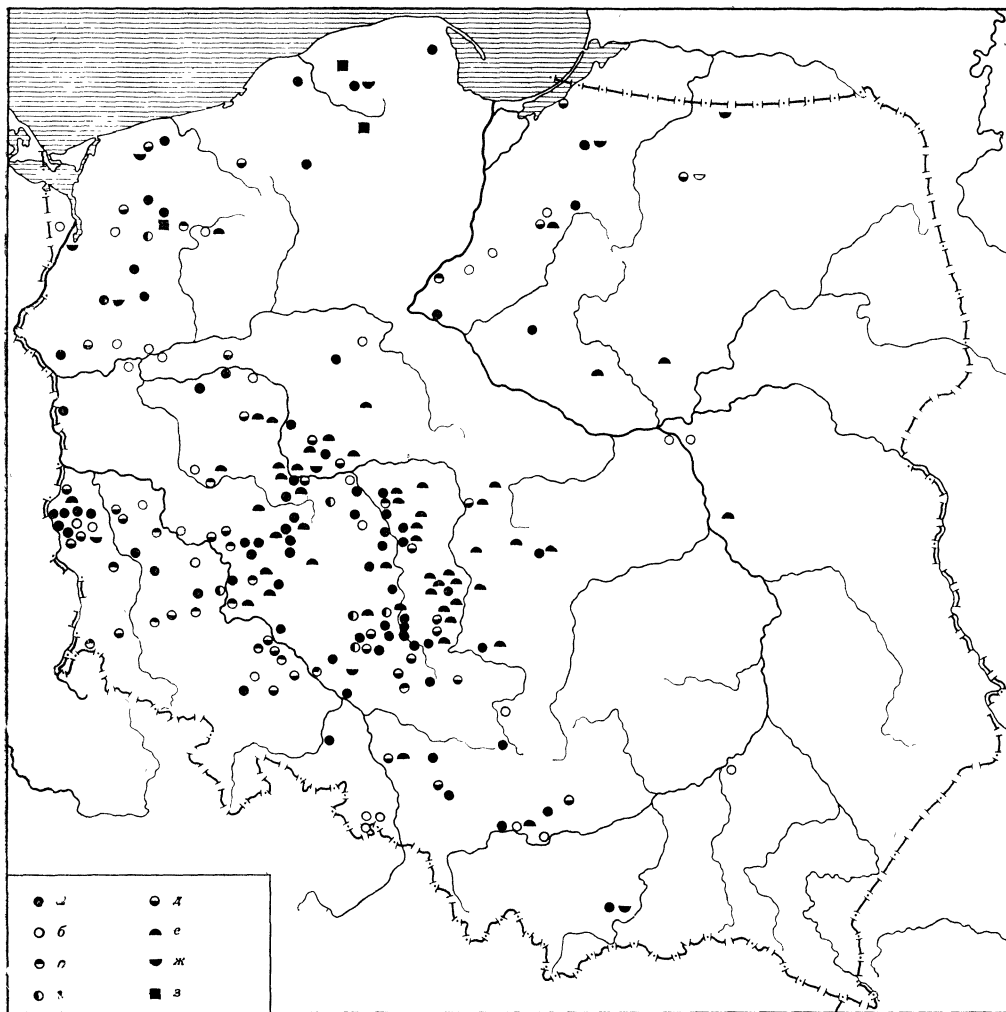
В междуречье Одры — Рейна в эту эпоху доминирует трупосожжение, однако встречаются и трупоположения. В южных и западных землях трупоположения чаще грунтовые, реже — под курганами. Ориентировка — по оси север — юг. Покойники положены на спину, в вытянутом положении. Как правило, погребения одиночные, но есть и парные (мужчина и женщина). Некоторые погребения имели каменные конструкции.

На территории Тюрингии, кроме трупосожжений, выделяется группа трупоположений, ко-

торая появляется в IV периоде бронзы и сохраняется до конца гальштата. Погребальная яма чаще всего находится под каменной вымосткой и кроме того обложена камнем. Покойники уложены на спину, в вытянутом положении. Ориентированы они головой на восток, хотя встречаются и другие ориентировки — на север и запад с отклонениями. Среди трупосожжений известны и такие, в которых кальцинированные кости уложены в яму под трупоположение.

В северонемецких землях господствуют грунтовые могильники с сожжениями в урнах.

В эпоху гальштата ситуация в Средней Европе изменилась. Сложившаяся в фазе С галь-

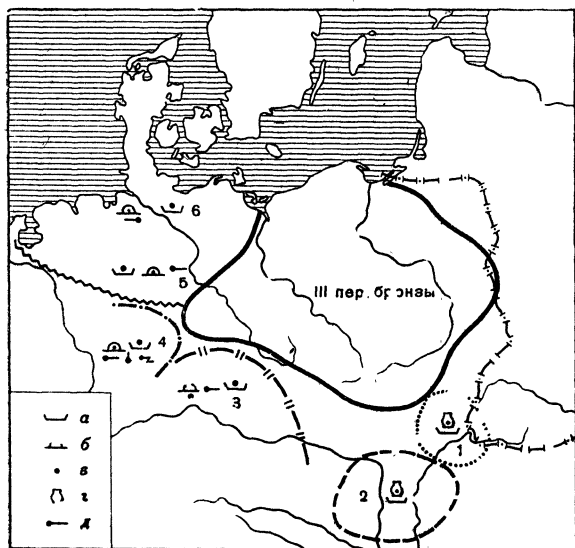
Р и с. 30. Распространение погребений лужицкой культуры с каменными конструкциями в гальштате (по Т. Малиновскому)

а — погребения с каменными конструкциями; *б* — погребения без камня; *в* — могильники, в которых большинство погребений имеет каменные конструкции; *г* — могильники, в которых большинство погребений без камня; *д* — могильники, в которых погребений с каменными конструкциями и без них приблизительно поровну; *е* — погребения под каменной вымосткой; *ж* — погребения на каменной вымостке; *з* — погребения в каменном ящике

штатская культура распространилась на значительной территории, охватив западные и южные немецкие земли, Австрию, Венгрию, дойдя до Чехии, Моравии и Словакии. На этом этапе гальштатская культура повлияла на культуры полей погребений. Вновь рядом с грунтовыми могильниками появляются курганы. В обряде наблюдается смешение — наряду с сожжением применяются трупоположения. В приальпийских областях Европы распространяются богатые погребения под курганами. Их характеризуют просторные погребальные ямы, обшитые деревом, в которые помещены повозки с захоронением, сопровождаемым богатым инвента-

рем. На этой же территории встречаются и грунтовые могильники. В Южной Австрии и Бургундии в рамках гальштатской культуры известны трупосожжения как под курганами, так и в грунтовых могильниках. В северных районах Австрии распространены трупоположения. В Венгрии господствовал обычай трупосожжения, лишь изредка встречаются трупоположения.

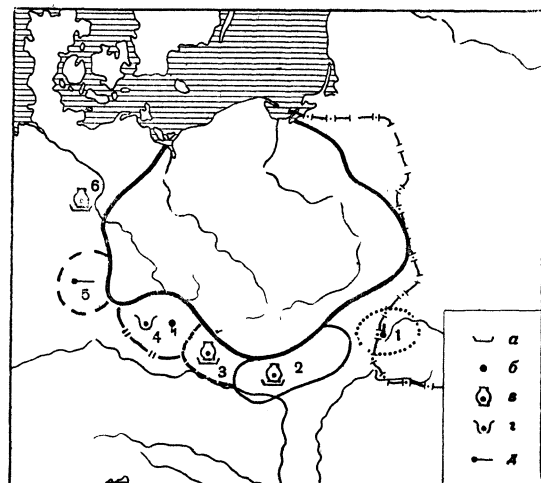
В Чехии в это время появляется биланская культура. Погребальный обряд характеризуется трупоположениями в обширных ямах с богатым инвентарем, среди которых известны погребения в повозках. Покойников хоронили на

Р и с. 31. Культуры III периода бронзового века

1 — пилинская культура; 2 — вальская культура; 3 — курганная культура; 4 — тюрингская культура; 5 — среднегерманская культура; 6 — северогерманская культура

а — грунтовой могильник; б — курганный могильник; в — сожжение; г — урновое захоронение; д — труположение

Р и с. 32. Культуры IV—V периодов бронзового века

1 — высочская культура; 2 — подольская культура; 3 — силезко-платенская культура; 4 — кновизская культура; 5 — тюрингская культура; 6 — северогерманская, нордическая культура

а — грунтовой могильник; б — сожжение; в — урновое захоронение; г — безурновое сожжение; д — труположение

спине, в вытянутом положении, головой на юг. Наряду с труположениями попадают и сожжения в урне, однако в значительно меньшем количестве.

Территорию Южной Моравии занимала хоракская культура со смешанным погребальным обрядом. Могильники курганные. Погребальная яма обшита деревом, в камерах встречаются как сожжения, так и вытянутые труположения. Нередко и труположения и сожжения помещены в одной погребальной камере.

Области Западной Словакии занимала календербергская культура. Носители этой куль-

туры хоронили мертвых в грунтовых могильниках по обряду сожжения. Значительно реже встречаются курганы с сожжениями под ними.

В Баварии и Тюрингии в гальштатское время распространен смешанный обряд. В поздней же фазе гальштата D на этой территории распространяется новая культура, в которой преимущественное значение приобретают труположения с инвентарем кельтского типа.

В северонемецких землях в гальштате и ранней фазе латена преобладают трупосожжения.

Поморская культура

Понятие «поморская культура» неоднозначно. В польской и западноевропейской литературе существует двоякое толкование этого термина, основанное прежде всего на анализе погребального обряда. В раннем железном веке в Польше выделяются памятники, которые по погребальному инвентарю можно объединить в единую культуру, охватывающую в период наивысшего ее расцвета территорию от Балтийского моря на севере до Краковского Повисленья на юге и от среднего течения Одры на западе до Буга на востоке. Однако характерные погребальные признаки делят эту культуру на две локальные группы. Таких признаков несколько, и они подробно будут рассмотрены ниже. Здесь достаточно назвать наиболее характерные из них, иллюстрирующие возможность дифференцирования очерченной территории. Имеются в виду погребения в каменных ящиках, группирующиеся в северной и западных частях рассматриваемой территории, в то время как в южных районах распространены погребения, накрытые большим глиняным сосудом — «клошем»⁵. Поэтому некоторые ученые к поморской культуре относят только территорию ящичных погребений, а область распространения погребений под клошами выделяют в особую культуру. Однако мнение, что это — одна культура, но с локальными различиями, что объединяющих ее черт больше, чем разъединяющих, более устойчиво. Следуя за Т. Малиновским, мы рассматриваем поморскую культуру в широком понимании.

Возникает и формируется анализируемая культура на территории Гданьского Поморья

⁵ Отсюда польское название культуры подклошевая, или культура клошевых погребений. Термин, с точки зрения русского языка, неудачный, но во избежание путаницы он принят в настоящей работе.

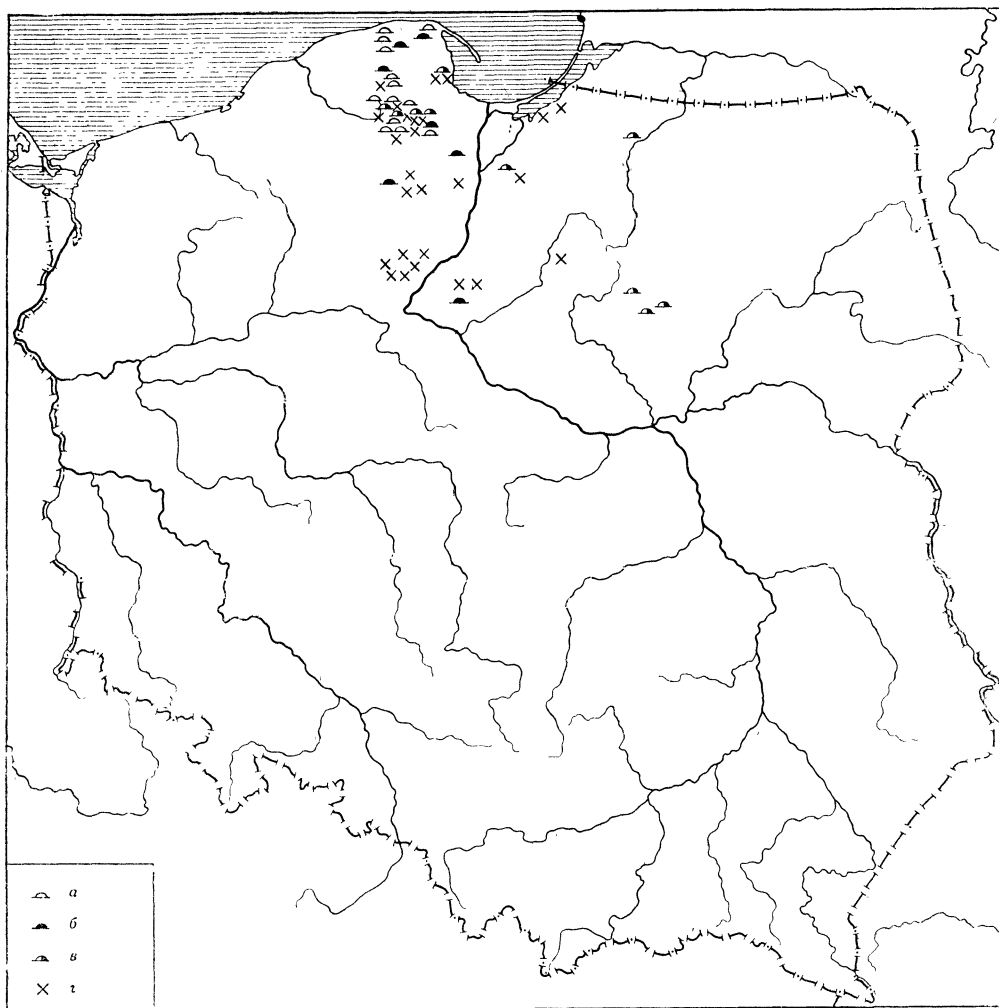
Р и с. 33. Взаимоотношение лужицкой и поморской культур

- 1 — гальштат С;
2 — гальштат D;
3 — ранний латен;
а — граница распространения лужицкой культуры;
б — граница распространения поморской культуры;
в — памятники лужицкой культуры;
г — памятники поморской культуры

1

2

3

Р и с. 34. Распространение курганов поморской культуры (по Т. Малиновскому)

а — курганы периода гальштат С; *б* — курганы периода гальштат D; *в* — курганы периода латена; *г* — курганы неопределенного времени

в VII в. до н. э., занимая первоначально сравнительно небольшую территорию. В процессе развития носители поморской культуры постепенно расширяют свою территорию, вытесняя лужицкие племена, однако в ранней фазе далеко не одиночные памятники лужицкой культуры перемежаются с поморскими (рис. 33, 1).

На следующем этапе развития (гальштат D) первоначальная область поморской культуры расширяется в южном направлении, к ней добавляется все среднее течение Варты и часть среднего течения Вислы. Ареал поморской культуры увеличивается за счет территории лужицкой, носителей которой оттесняют дальше на юг (рис. 33, 2). Интересно отметить, что на всех стадиях развития на территории, прочно освоенной поморскими племенами, про-

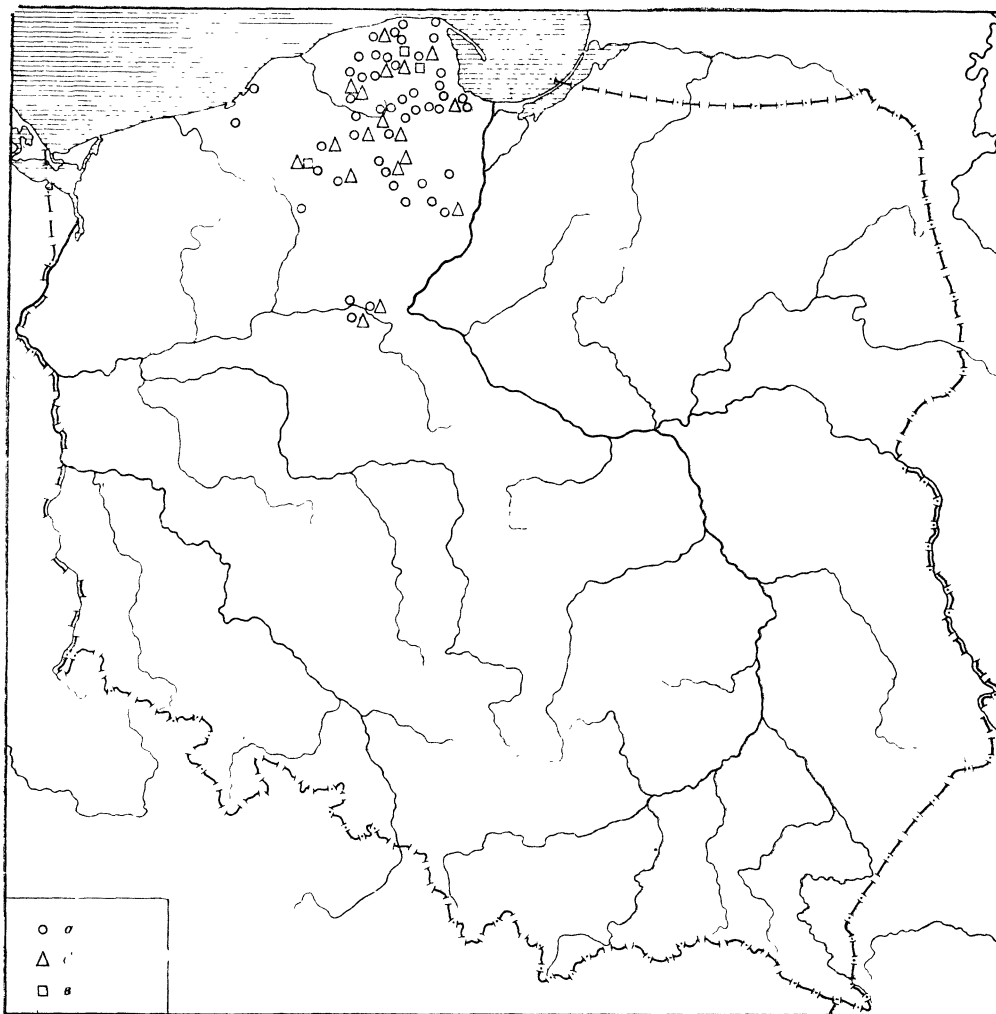
должают существовать отдельные лужицкие памятники.

Поразительность этого явления не в том, что лужицкие памятники доживают до столь позднего времени, а в том, что они как бы вкраплены в основной массив поморской культуры, занимая достаточно обширную территорию от Варты до Вислы (рис. 33, 3).

Районы Верхней Силезии и верховьев Вислы не были заняты поморской культурой. В эпоху среднего латена сюда продвигаются кельты.

Поморская культура возникает в период гальштата С и заканчивает свое существование в среднем латене, приблизительно во II в. до н. э., охватывая тем самым несколько хронологических периодов:

Гальштат С — 600—500 г. до н. э.

Р и с. 35. Распространение различных покрытий урн в поморской культуре периода гальштат С (по Т. Малиновскому)

Урна покрыта: а — крышкой, б — миской, в — сосудом

Гальштат D — 500—400 гг. до н. э.

Латен I (ранний) — 400—250 гг. до н. э.

Латен II (средний) — 250—100 гг. до н. э.

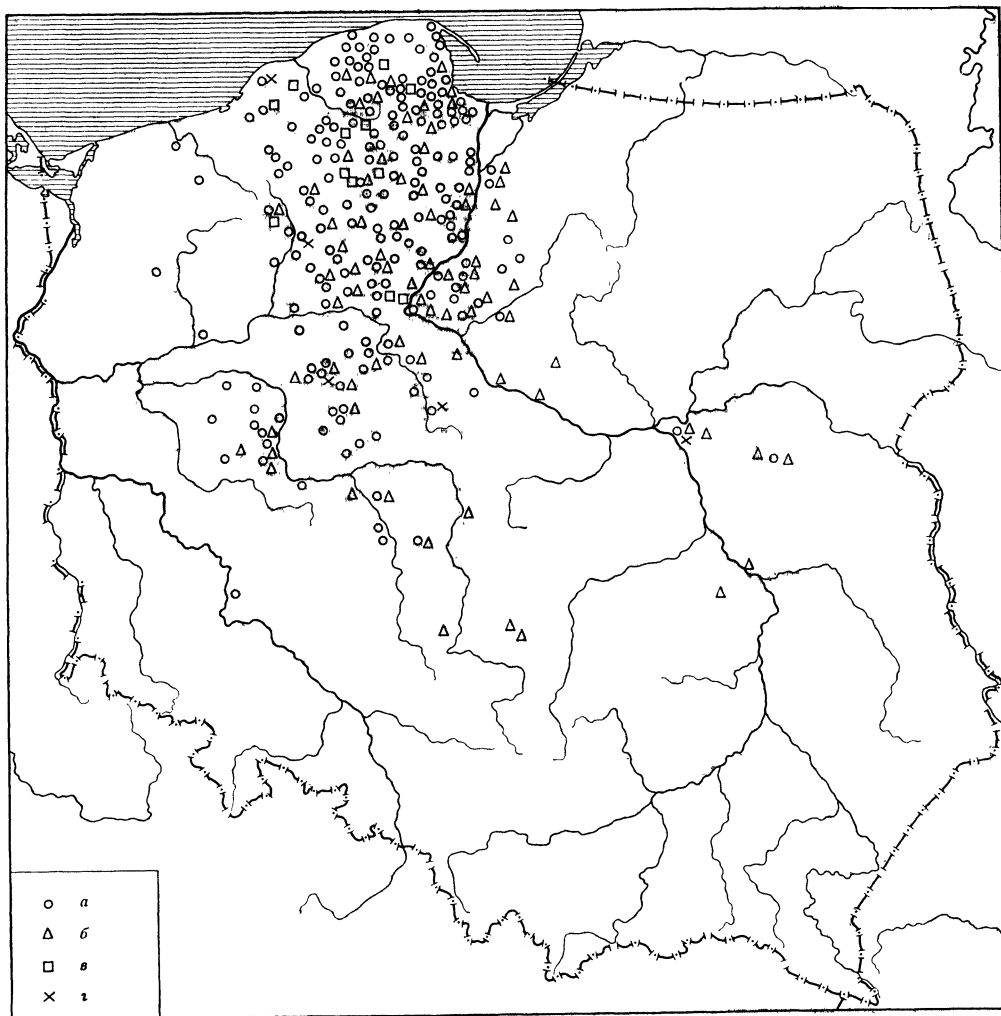
Погребальный обряд будет рассмотрен соответственно по каждому периоду по следующей схеме: тип могильника (курганый, грунтовой); способ захоронения (трупсожжение, трупоположение, следы захоронения не сохранились); сооружения могилы (конструкции наземные или подземные); детали погребального обряда (вид сожжения, положение урны, состояние урны, вид урны, покрытие урны, сопровождающие сосуды, место инвентаря).

В отличие от предшествующих и последующих культур, поморской культуре на всем протяжении ее существования свойственно лишь трупосожжение. Имеющиеся якобы данные

о трупоположениях в поморской культуре подробнее рассмотрены Т. Малиновским, который убедительно аргументирует невозможность причисления их к поморским погребениям⁶.

В поморской культуре господствуют грунтовые могильники, количество погребений в которых колеблется от нескольких единиц до нескольких десятков или сотен. К сожалению, почти не исследованы поселения, поэтому нет данных о территориальном взаиморасположении могильников и поселений. Как отмечает Т. Малиновский, данные о топографии могильников чаще всего отсутствуют, имеются лишь некоторые сравнительные сведения. Если для

⁶ Т. Malinowski, 1969, стр. 89—89.

Р и с. 36. Распространение покрытий урн в поморской культуре периода гальштат D (по Т. Малиновскому)

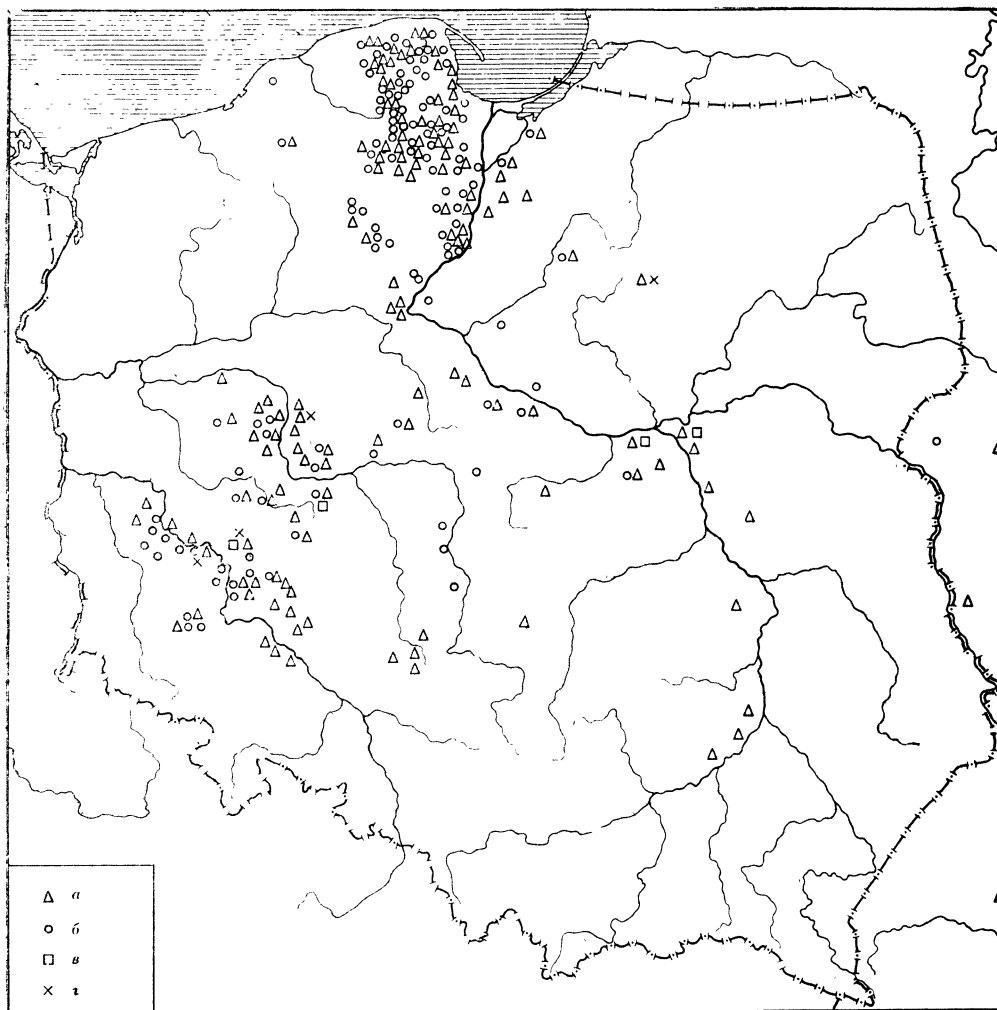
Урна покрыта: а — крышкой; б — миской; в — сосудом; г — камнем

лужицкой культуры характерны большие могильники, насчитывающие иногда до 2 тыс. погребений, то поморской культуре свойственны могильники значительно меньших размеров, хотя нередко они так же, как лужицкие, используются в течение всего периода существования культуры. Как и лужицкие, они чаще располагались у воды, на берегах рек и озер. Какой-либо порядок в расположении могил не прослеживается.

Кроме грунтовых могильников в поморской культуре зафиксированы курганы, однако территория их распространения, несмотря на то, что известны они на всех этапах развития, ограничивается сравнительно небольшим участком северных районов культуры.

Наиболее ранние курганы относятся к первой фазе развития культуры — к периоду гальштата С. Немногочисленные курганы этого периода локализуются на территории Гданьского Поморья (рис. 34) и по конструкциям насыпей делятся на земляные, каменно-земляные и каменные. Земляные курганные насыпи имеют три разновидности: а) чисто земляные, б) земляная насыпь кургана покрыта слоем камней, в) земляная насыпь у основания обложена каменным кольцом. Каменно-земляные насыпи бывают также покрыты слоем камней.

Диаметр курганов от 5 до 14 м, высота от 0,5 до 2,5 м. В курганах зафиксировано от одного до четырех погребений, расположенных

Р и с. 37. Распространение покрытий урн в поморской культуре периода латена (по Т. Малиновскому)

Урна покрыта: а — крышкой; б — миской; в — сосудом; г — камнем

либо на уровне древней поверхности, либо в насыпи кургана. Под некоторыми курганами отмечены сожжения на месте.

В период гальштата D курганы немногочисленны и занимают в основном ту же территорию Гданьского Поморья (рис. 34). Данных об устройстве насыпей почти нет, известно только, что были и земляные и каменные. Размеры курганов те же. Количество погребений под одной насыпью от одного до шести, расположение их то же, что и в предшествующий период.

В ранний период латена курганы распространяются в восточном и юго-восточном направлениях от древнейшего их центра — Гданьского Поморья. По не очень достоверным данным, конструкции насыпей те же — каменные и каменно-земляные, есть курганы, по основа-

нию обложенные каменным кольцом, однако Т. Малиновский указывает, что нередко эти курганы имеют смешанный лужицко-поморский материал с отдельными чертами балтийской культуры. Принадлежность таких курганов к поморской культуре не всегда может быть доказана.

Итак, можно констатировать, что курганный обряд в поморской культуре не был широко распространенным, хотя на территории Гданьского Поморья прослеживается на всем протяжении развития культуры. Сопоставление курганного обряда лужицкой и поморской культур выявляет следующую закономерность. Только на ранней стадии развития Поморье не является основной областью распространения курганов, однако уже с IV периода бронзы и вплоть до среднего латена, т. е. во время су-

Р и с. 38. Распространение в поморской культуре «очковых» и «домковых» урн в гальштате (по Т. Малиновскому)

а — «очковые»; б — «домковые»

ществования и лужицкой и поморской культур, Поморье становится единственной областью распространения курганов. Конструкции курганных насыпей обеих культур имеют много общего.

В литературе существует мнение, что обычно насыпать курган над могилой носители поморской культуры заимствовали у своих восточных соседей — носителей культуры балтийских курганов. Т. Малиновский, не отрицая связи между поморской и балтийской культурами, считает все же курганный обряд наследием лужицкой культуры⁷, и это положение представляется более убедительным.

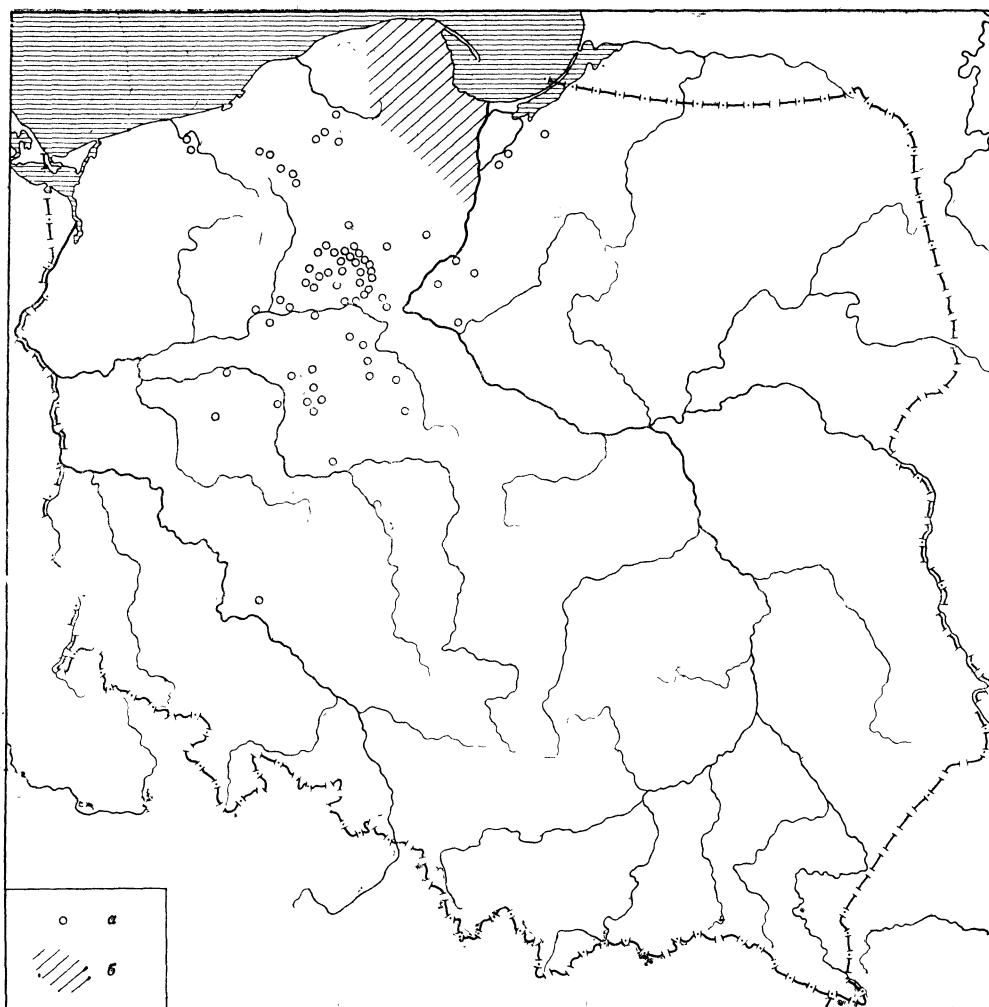
Характер погребений различается по способу захоронения остатков сожжения в земле.

Все погребения по этому признаку можно разделить на три группы: 1 — урновые; 2 — безурновые (ямные); 3 — урно-безурновые; 4 — погребения, в которых не сохранилось следов захоронений.

Урновые погребения наиболее типичны и многочисленны в поморской культуре. На их долю приходится 70% погребений. Они устойчивы в продолжение всего периода поморской культуры и распространены на всей ее территории. Урновые погребения разделяются на три категории: 1 — урны помещены в простую яму; 2 — урны обложены камнем; 3 — урны покрыты специальными большими сосудами-клошами (так называемые подклошевые погребения).

Урновые погребения под клошами появляются задолго до формирования поморской

⁷ Т. Malinowski, 1969, стр. 131—132.

Р и с. 39. Распространение в поморской культуре «лицевых» урн в периоде гальштат D (по Т. Малиновскому)

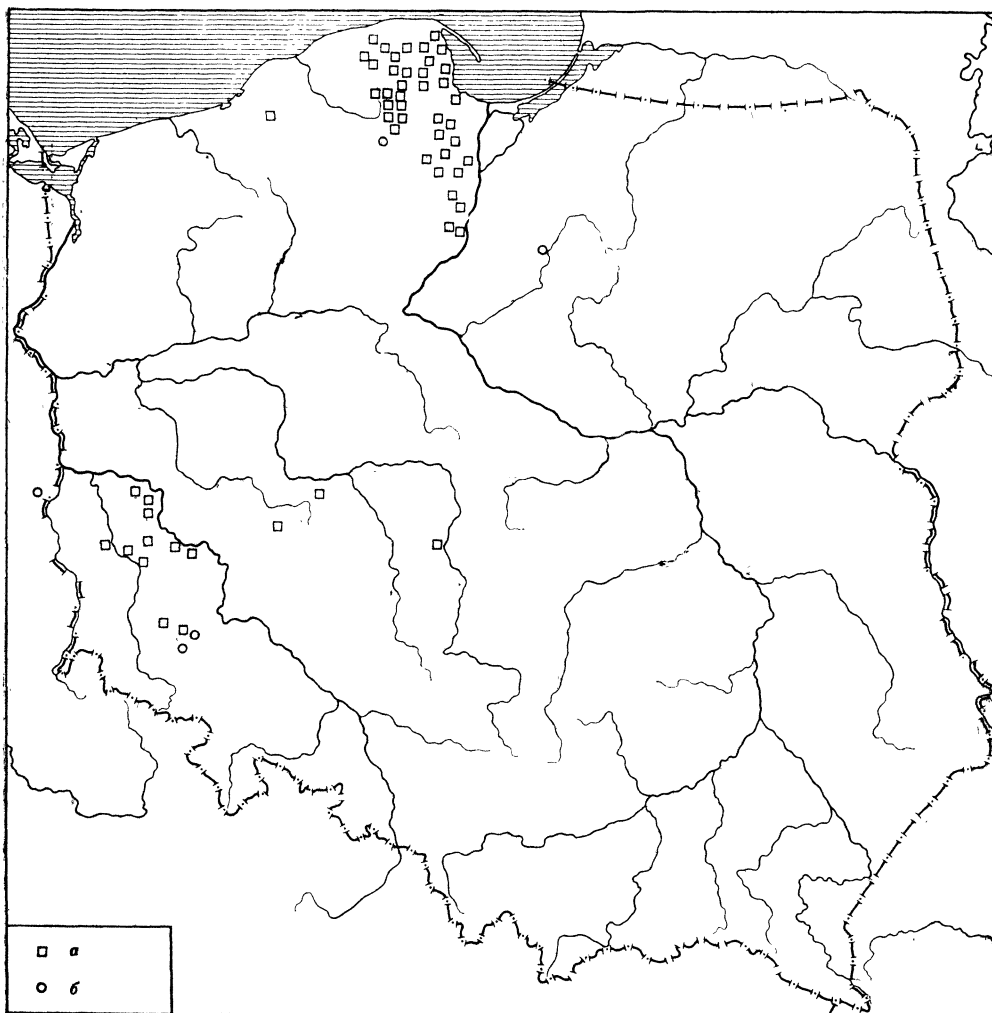
а — памятники с «лицевыми» урнами; б — территория интенсивного распространения «лицевых» урн (всего около 300 памятников)

культуры, однако типичными становятся только для нее.

В древностях Европы подклошневые погребения известны уже в эпоху неолита. Спорадично они отмечены в лужицкой культуре начиная с III периода бронзы. Отдельные погребения встречаются в разных районах лужицкой культуры, однако главным образом в средней части Поморья, а также на Западном Поморье в рамках IV—V периодов бронзы. В III периоде бронзы подклошневые погребения отмечены западнее лужицкой культуры, в частности в нижнем течении р. Солавы, на Средней Эльбе и в низовьях р. Хафель. В междуречье Одры и Рейна подклошневые погребения соседствуют с ящичными, что аналогично с ситуацией, наблюдаемой в поморской

культуре. Однако в немецких землях подклошневые погребения сосуществуют с ящичными с более раннего времени.

Урновым погребениям свойствен целый ряд характерных в той или иной мере признаков. Прежде всего коснемся положения урны в погребении. За очень небольшим исключением урны ставились в могилу в обычном положении. Как редкое исключение бывают случаи, когда урна с остатками сожжения в ней ставилась вверх дном. Такие погребения известны всего на пяти памятниках, тем не менее даты их охватывают весь хронологический диапазон поморской культуры за исключением самого раннего периода (гальштат C): два памятника имеют дату гальштат D, один относится к рубежу гальштата и латена, хронологи-

Р и с. 40. Распространение «очковых» и «лицевых» урн в латене (по Т. Малиновскому)

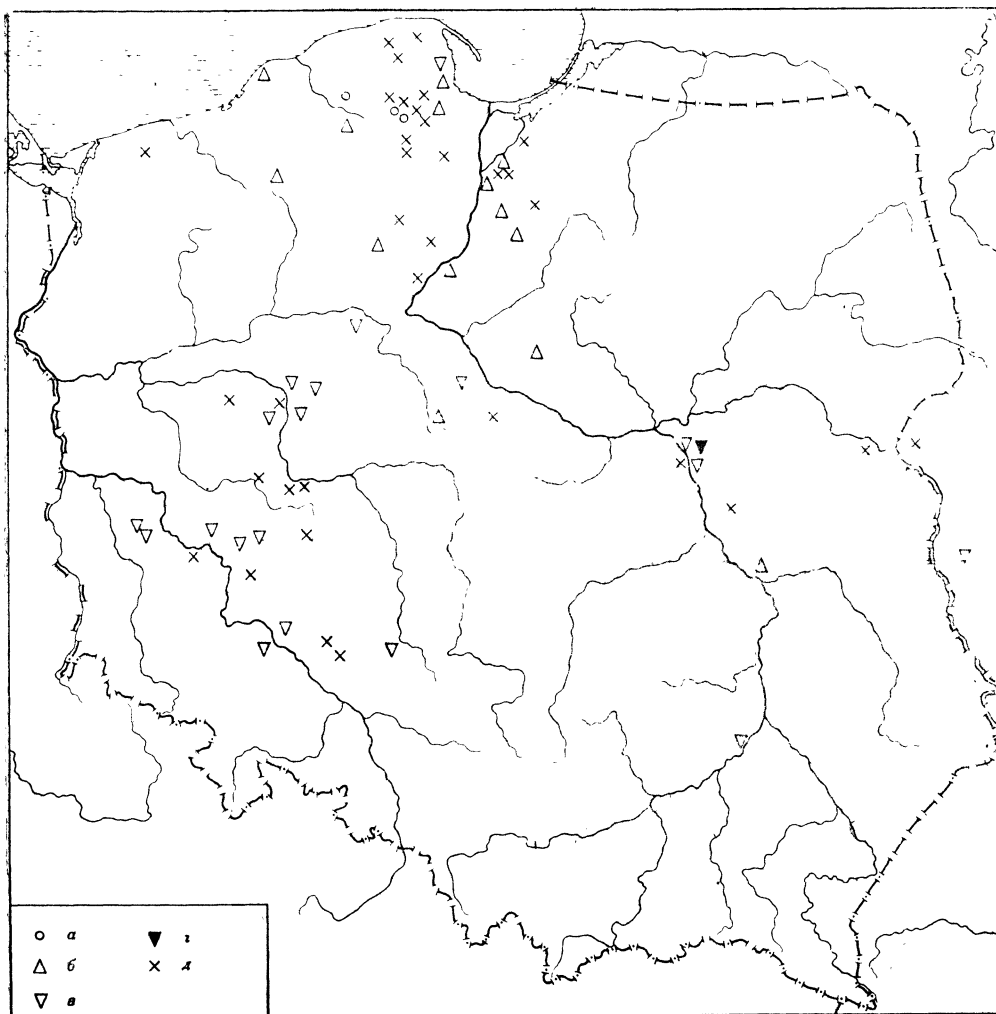
а — «очковые»; б — «лицевые»;

южных и юго-восточных областях использование миски в качестве покрытия преобладает. Крышки-сосуды и камень в качестве крышки по-прежнему встречаются спорадично (рис. 37).

Обычай накрывать урны возникает в допоморское время, в частности в лужицкой культуре с первых периодов ее существования. В качестве покрытия использовались главным образом миски, реже — сосуды, еще реже — камень и лишь в порядке редчайшего исключения — специальные крышки. Урны, прикрытые камнем, в лужицкой культуре чаще всего встречаются в районах Нижней Силезии и на Поморье. Если рассматривать обычай покрывать урны в общих чертах, то между лужицкой и поморской культурами много общего, однако есть и существенные различия — прежде всего в минимальном применении крышек

в лужицкое время и более широком использовании мисок в качестве покрытия; кроме того, памятники с закрытыми урнами во все периоды лужицкой культуры чаще встречаются в западных районах.

Широкое использование специальных крышек уже в III—IV периодах бронзы зафиксировано у народов Северной Европы, где они продолжают употребляться вплоть до раннего железного века, и в поморской культуре, в погребениях ящичных и обставленных и не обставленных камнем. Рассматриваемый обычай в западноевропейской литературе толкуется двояко. Часть немецких ученых на том основании, что в Скандинавии обычай употребления крышек возникает раньше, чем где-либо в Европе, считают его заимствованным у германских народов. Другие рассматривают это

Р и с. 41. Распространение в поморской культуре безурновых захоронений (по Т. Малиновскому)
 а — гальштат С; б — гальштат D; в — ранний латен; г — средний латен; д — памятники латена

явление как заимствование или влияние поморской культуры, хотя допускают возможность северных влияний⁹.

Наличие крышек зафиксировано в синхронной поморской балтийской культуре, где они начинают использоваться со времени раннего железного века и вплоть до позднего латена, т. е. переживая поморское время. Однако в балтийской культуре они не распространены в таком большом количестве, как в северных районах поморской культуры. Форма крышек, а иногда и орнамент на них идентичны поморским, да и рассматриваются они как влияние поморской культуры.

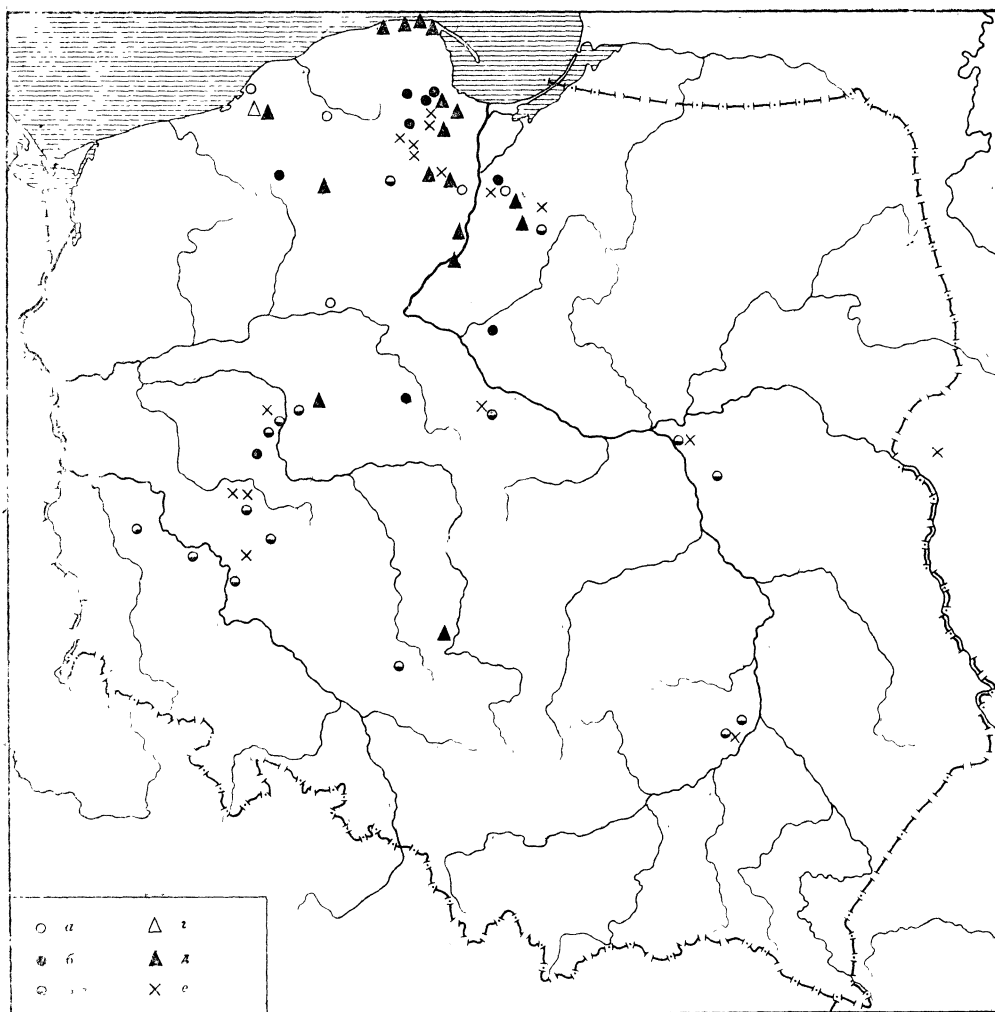
В подавляющем большинстве в качестве ур-

ны в погребениях поморской культуры употреблялись сосуды обычных бытовых форм. Но вместе с тем использовались и сосуды специального назначения. Так, в качестве урн употреблялись сосуды в виде домиков, так называемые очковые сосуды и лицевые урны.

Сосуды в виде домиков представляют собой небольшую глиняную модель дома с двускатной крышей на четырех — шести ножках. Обычно такая урна-дом имеет с одной стороны отверстие в виде двери или окна, через которое помещались остатки сожжения внутрь домика. В единственном экземпляре найдена урна, больше напоминающая шкатулку, нежели дом, с верхней открывающейся крышкой¹⁰.

⁹ Т. Malinowski, 1969, стр. 144.

¹⁰ Т. Malinowski, 1969, стр. 71, 116.

Р и с. 42. Распространение в поморской культуре урново-безурновых погребений и погребений без следов захоронений (по Т. Малиновскому)

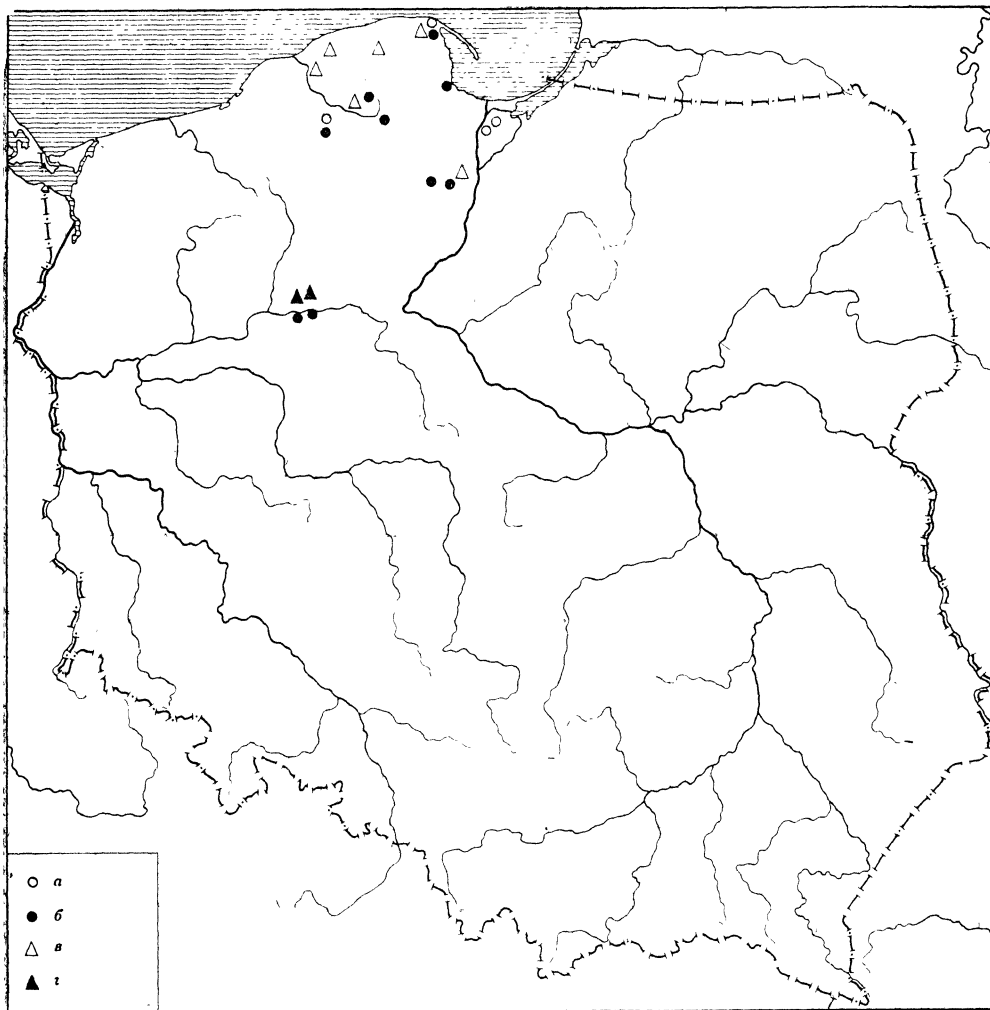
Урново-безурновые: а — гальштат С; б — гальштат D; в — латен

Без следов захоронений: е — гальштат С; д — гальштат D; е — латен

Описываемые урны появляются в поморской культуре с момента ее возникновения, однако количество их сначала невелико — всего известно 13 экземпляров. Все они найдены на территории Гданьского Поморья, и лишь единичные экземпляры происходят с территории Западного Поморья (рис. 38). Отметим три специфические особенности урн этого вида. Первая: как правило, в могильниках урны подобного вида встречаются только в одном погребении, независимо от количества погребений в могильнике. Известен лишь один случай, когда в одном могильнике такие урны встречены в двух погребениях. Вторая: урны в виде домиков употребляются только на первом этапе существования поморской культуры, а затем

исчезают. Третья: погребения с урнами такого типа встречаются преимущественно на территории Гданьского Поморья.

Сосуды — урны в виде домика были распространены широко и в Европе и в Азии у разных народов. В близкую к поморской культуре эпоху они особенно широко были распространены в Италии, на территории ГДР и ФРГ, в Дании, Швеции, Голландии, где появляются с конца эпохи бронзы. В лужицкой культуре урны подобного вида отсутствуют. Относительно происхождения таких урн существуют две концепции. Одна, которую отстаивают преимущественно немецкие ученые, сводится к тому, что и средненемецкие и поморские урны-домики являются результатом заимствования

Р и с. 43. Распространение в поморской культуре погребений с каменными конструкциями в период гальштат С (по Т. Малиновскому)

а — погребения без камня; б — погребения, обставленные камнем; в — погребения подклошневые без камня; г — погребения подклошневые, обставленные камнем

из Скандинавии, где урны этого вида возникли якобы самостоятельно. Другая концепция указывает на южное, этрусское происхождение урн-домиков, которые через средненемецкие территории распространились на севере и в восточных районах Поморья, причем допускается возможность их распространения не только сухопутным, но и морским путем.

«Очковые» и «лицевые» урны связаны между собой. Считается, что это два варианта — один грубый, другой усложненный — одного и того же типа. Если «лицевые» урны представляют собой реалистическое изображение человеческого лица, то «очковые» являются как бы схемой его, намеченной соответственно расположенными дырочками.

«Очковые» урны в периоде гальштата С из-

вестны в 33 могильниках, расположенных преимущественно на территории Гданьского Поморья; лишь в единичных пунктах они встречаются на восток, запад и юг от этого района (рис. 38). «Очковыми» бывают не только урны, но и крышки на них. Погребения с такими находками также группируются на территории Гданьского Поморья. В последующие периоды урны и крышки этого вида исчезают, лишь в единичных случаях они встречаются среди «лицевых» урн.

«Лицевые» урны, представляющие собой сосуды, схематически изображающие человеческую фигуру (наподобие современных матрешек), с вытянутой верхней частью, на которой весьма реалистично передано лицо человека — глаза, нос, рот, уши, — покрыты крышкой в ви-

Таблица 3

Тип урн и крышек	Хронология																Всего	
	Гальштат С		Гальштат D		Гальштат		Гальштат—латен		Латен I		Латен II		Латен		Дата неизвестна		количество памятников	%
	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%		
Урна «очковая»	33	66	1	0,2	—	—	—	—	4	25	—	—	1	2,2	—	—	39	5,8
Крышка «очковая»	17	34	—	—	—	—	—	—	1	6,2	—	—	1	2,2	—	—	19	2,8
Урна «лицевая»	—	—	340	95,2	—	—	7	87,5	11	68,7	1	100	42	93,2	189	98,2	590	88,5
Крышка «лицевая»	—	—	4	1,1	—	—	1	12,5	—	—	—	—	1	2,2	3	1,5	9	1,35

де шапки. Эти специфические урны не зафиксированы в раннем периоде поморской культуры. В большом количестве они распространяются с периода гальштата D. Памятники с урнами подобного вида группируются в двух близких друг к другу районах на территории Гданьского Поморья и в области, расположенной южнее, между излучиной Вислы и средним течением Варты. Лишь единичные памятники находятся западнее и восточнее первого района и южнее второго (рис. 39). В последующие периоды количество «лицевых» урн значительно сокращается. Северная территория Гданьского Поморья по-прежнему остается местом концентрации памятников с «лицевыми» урнами, кроме того отдельные памятники распространяются на юго-запад от этой территории, между средним течением Вислы и средним течением Одры, где в раннем латене наблюдается их скопление (рис. 40). Данные о взаимовстречаемости и хронологическом распределении символических урн хорошо иллюстрирует таблица, составленная Т. Малиновским (табл. 3)¹¹.

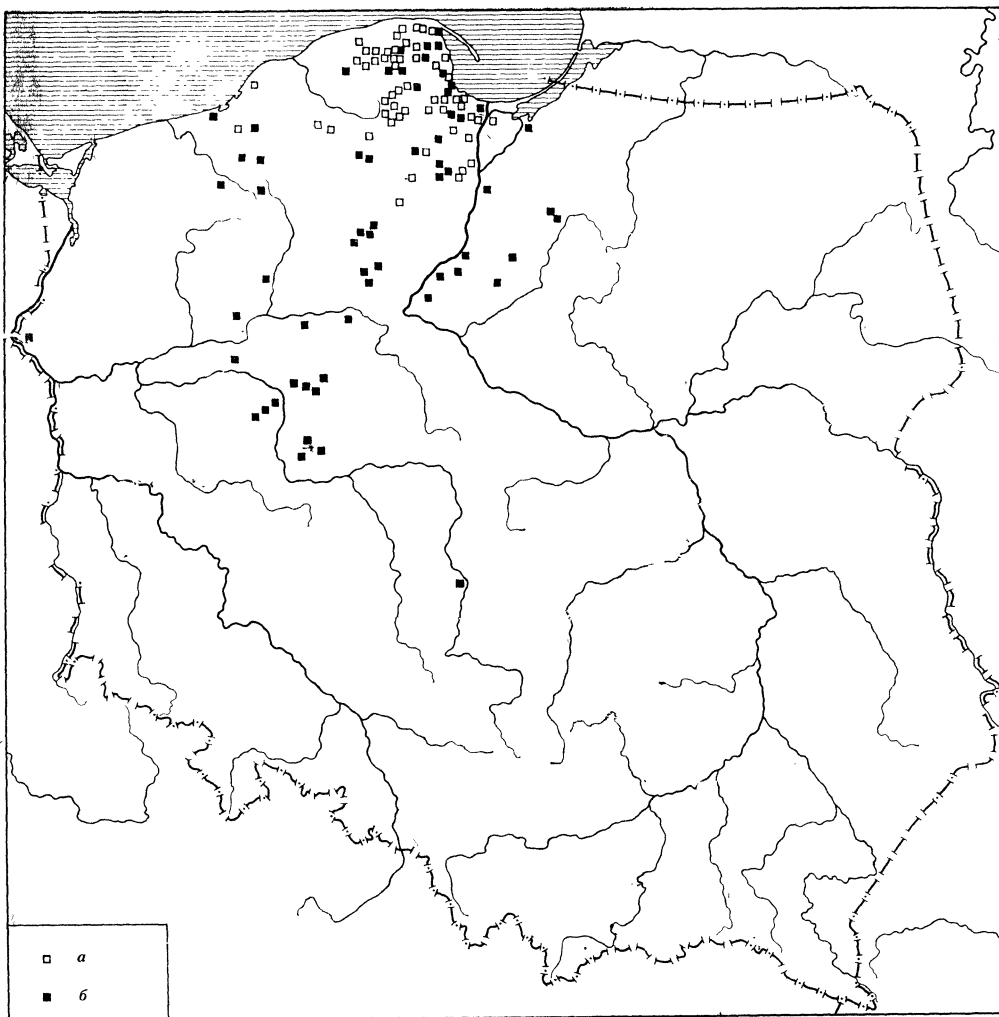
Следует отметить, что урны-символы не имеют повсеместного распространения в поморской культуре и группируются главным образом в северном, весьма ограниченном районе Гданьского Поморья. Только «лицевые» урны на последних этапах существования культуры распространяются также в области Средней Одры. Кроме того, на ранней стадии развития сосуществуют урны в виде домиков и «очковые», сосуществуют не только хронологически, но и территориально; на последующих этапах

лишь частично сосуществуют «лицевые» и «очковые» и тоже на одной территории. Практически «лицевые» урны вытесняют и тот и другой тип.

В вопросах происхождения символических урн достаточной определенности не достигнуто. Прежде всего следует отметить отсутствие преемственности поморской и лужицкой культур, ибо в последней подобных урн нет. На последней стадии развития лужицкой культуры, в период сосуществования с поморской, в ней распространяются сосуды особого вида, так называемые кадилницы, которым приписывается культовое назначение. На этих сосудах иногда изображалось человеческое лицо. Распространено мнение, что это — результат обратного влияния поморской культуры.

Сосуды с изображением человеческого лица открыты в слоях эпохи ранней бронзы в Трое, известны в этрусских погребениях, распространены они и в средненемецких землях, где, кроме чистых «лицевых» урн, имеются урны с изображением лица, несущие дополнительно элементы схематического домика. «Очковые» урны распространены в северонемецких землях, а также в Дании, Южной Норвегии, Южной Швеции, где также отмечены совмещенные элементы «лицевых» и «домиковых» урн. Все перечисленные находки более или менее одновременны, и, безусловно, между ними прослеживается связь. Однако по поводу происхождения «лицевых» урн существуют две концепции. С одной стороны, появление их на территории поморской культуры рассматривается как влияние северных культур нордического облика, с другой — как влияние южное, итальянское.

¹¹ Т. Malinowski, 1969, стр. 76, табл. 4.

Р и с. 44. Распространение в поморской культуре погребений в каменных ящиках (по Т. Малиновскому)

а — период гальштата С; б — весь период гальштата в совокупности

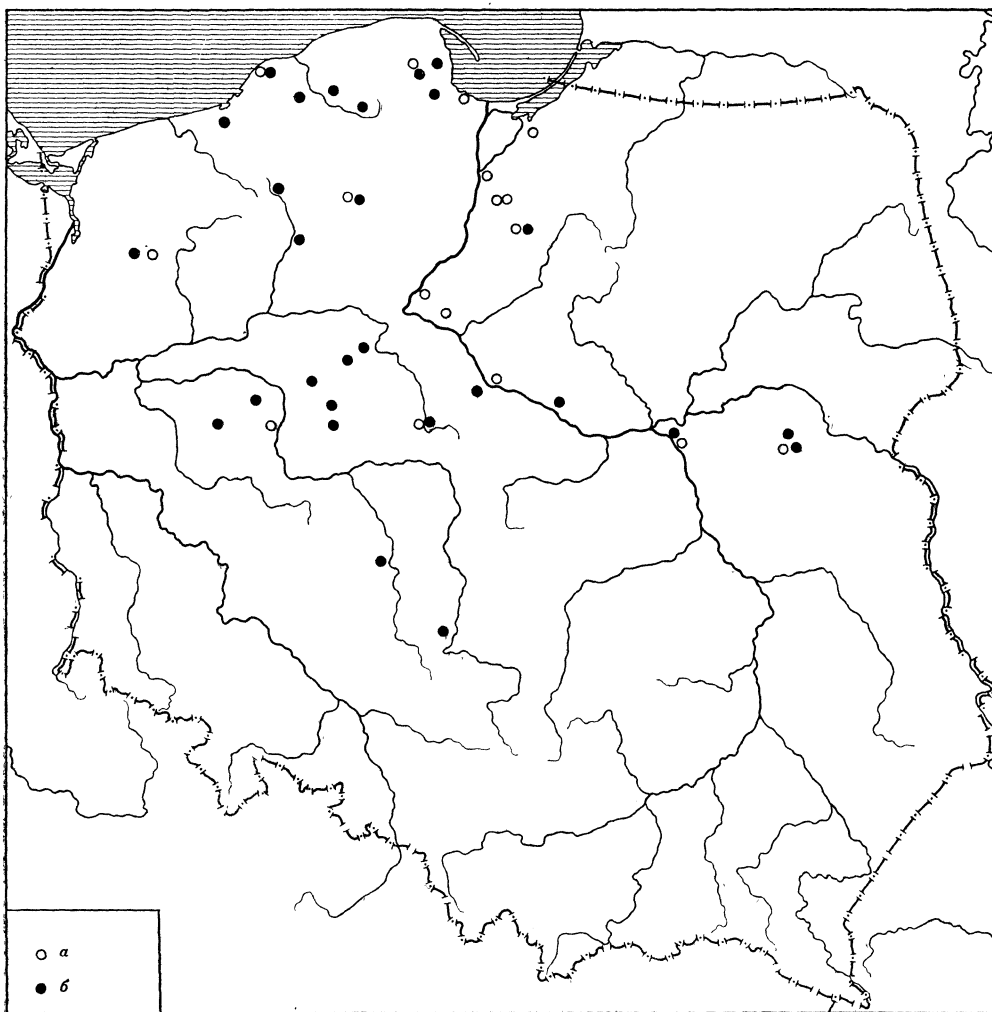
Безурновые погребения в поморской культуре составляют незначительный процент — всего 3,7%, но встречаются они на протяжении всего существования культуры. Так, уже в период гальштата С они зафиксированы в четырех могильниках, расположенных на территории Гданьского Поморья.

В период гальштата D количество памятников с безурновыми захоронениями возрастает до 15. Распространены они на территории Гданьского Поморья, а также на правом берегу Нижнего Повисленья, образуя в этих регионах более или менее компактное скопление. Лишь отдельные памятники с погребениями подобного рода встречаются западнее — в районах Среднего Поморья и южнее — почти до Варты.

На рубеже гальштата и латена безурновые

погребения практически распространяются по всей территории поморской культуры, не образуя нигде скоплений. Памятники с этими погребениями отмечены далеко на юге — в верхнем течении Вислы, на востоке — в среднем течении Вислы. Отдельные памятники зафиксированы в междуречье Варты и Одры и на левобережье Одры, в среднем ее течении. То же самое наблюдается и в эпоху латена, причем территория их распространения еще больше расширяется в восточном направлении, где они достигают верховьев Буга и Припяти (рис. 41). Количество их от периода к периоду возрастает, хотя общая численность невелика. Так, в гальштате эти погребения составляют всего около 2,5%, тогда как в латене — уже около 10%.

Погребения урново-безурновые составляют

Р и с. 45. Распространение в поморской культуре погребений с каменными конструкциями в период гальштат D (по Т. Малиновскому)

а — погребения без камня; б — погребения, обставленные камнем

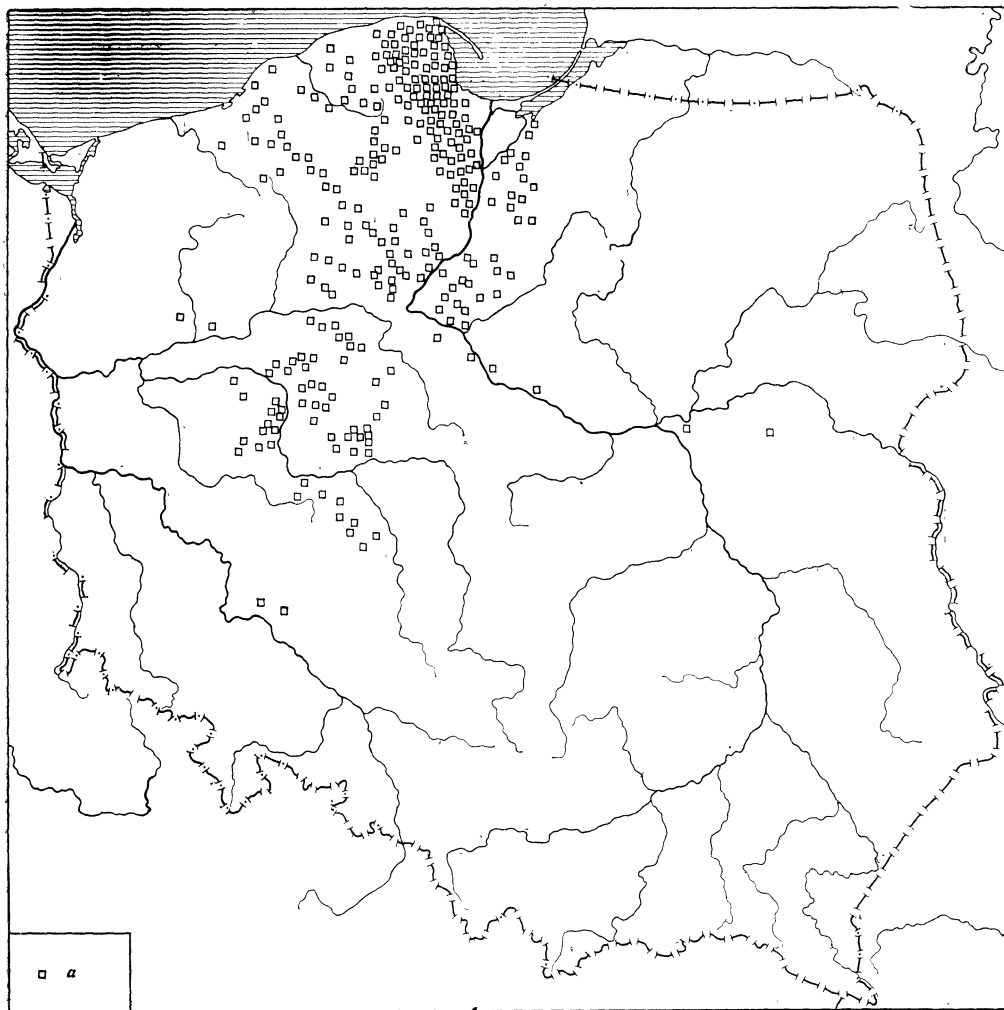
еще более малочисленную группу. Всего в поморской культуре известно 43 могильника с такими погребениями, что составляет 1,4%. Однако они появляются уже на самых ранних этапах развития поморской культуры. В период гальштата С они зафиксированы в трех могильниках, расположенных на территории Поморья. В период гальштата D их значительно больше — всего 10 могильников, и встречаются они на широкой территории от Поморья до Варты.

В эпоху латена урново-безурновые памятники разбросаны по всей территории поморской культуры, за исключением ее юго-восточной периферии. В этом периоде они проявляют тенденцию к значительному возрастанию (рис. 42). Так, если в гальштате они составляют всего 1,5%, то в латене — уже 3,2%.

Захоронения остатков сожжения без урн или одновременно и в урне и вне ее практиковались с самого начала появления обряда сожжения. Такие погребения известны в лужицкой культуре с III периода бронзы, причем сначала они располагаются более или менее равномерно по территории, занятой культурой, а затем — с IV периода бронзы — концентрируются на юге, в районе Кракова и в Верхней Силезии.

Погребения этого типа распространены в лужицкой культуре неизмеримо более, нежели в поморской. Кроме того, основные районы их концентрации в лужицкой культуре находятся там, куда поморская культура не доходила.

Погребения без следов захоронений объединяют памятники без остатков человеческих

Р и с. 46. Распространение ящичных погребений в поморской культуре периода гальштат D (по Т. Малиновскому)

костей. В ранней фазе (гальштат С) известно только одно такое погребение. В период гальштата D известно уже 17 памятников такого рода. Наибольшее количество их зафиксировано на территории Гданьского Поморья. Встречаются они также в других районах Поморья, на правобережье Нижнего Повисленья и на Средней Варте. В латене (всего известно 17 памятников) они разбросаны уже по всей территории поморской культуры, не образуя заметных скоплений нигде, за исключением Гданьского Поморья. В общей сложности эти захоронения в поморской культуре составляют малочисленную группу, встречены они на 73 памятниках, что составляет 2,3% всего количества объектов этой культуры. Распространены они равномерно как во времени (в гальштате они составляли 2,9%, в латене — 3,2%),

так и в территориальном отношении (рис. 42). Захоронения этого типа довольно широко распространены в культурах различных времен в Европе и встречаются уже в неолитических культурах. В лужицкой культуре они представлены с III периода бронзы как на территории Польши, так и за ее пределами. Концентрируются могильники с погребениями такого рода главным образом в юго-западных районах, тогда как в поморской культуре они больше распространены в Северной Польше. Во время, синхронное поморской культуре, погребения без следов захоронений встречаются на памятниках в бассейне Эльбы, а также на памятниках балтийской культуры.

Для поморской культуры характерны индивидуальные захоронения (с одной урной или одной кучкой костей). Они составляют основ-

Таблица 4

Погребения	Хронология																Всего	
	Гальштат С		Гальштат D		Гальштат		Гальштат-латен		Латен I		Латен II		Латен		Дата неизвестна		количество памятников	%
	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%		
1 урновое погребение	30	50,7	118	20	20	35	52	56,1	67	62,3	8	88,8	118	38,9	367	40,3	780	37,4
2—3 урновых погребения	22	37,1	216	36,7	24	42	24	25,9	25	23,2	1	11,1	86	28,3	289	31,7	687	32,9
4—5 урновых погребений	6	10,1	100	17	7	12,2	9	9,7	8	7,4	—	—	44	14,5	99	10,8	273	13,1
6—7 урновых погребений	1	1,6	53	9	3	5,2	2	2,1	1	0,9	—	—	20	6,6	66	7,2	146	7
8—10 урновых погребений	—	—	37	6,2	1	1,7	3	3,2	2	1,8	—	—	15	4,9	33	3,6	91	4,3
11—15 урновых погребений	—	—	28	4,7	—	—	2	2,1	2	1,8	—	—	8	2,6	25	2,7	65	3,1
15 урновых погребений	—	—	15	2,5	2	3,5	—	—	2	1,8	—	—	4	1,3	12	1,3	35	1,6

ной процент погребений. Однако встречаются и коллективные захоронения, в которых бывает несколько урн или несколько кучек костей. Количественное соотношение индивидуальных и коллективных захоронений дает таблица 4¹².

На ранней ступени развития коллективные захоронения чаще всего состояли из двух-трех урн. Больше урн встречается исключительно редко. Такая же картина наблюдается на заключительном этапе поморской культуры, когда преимущественно распространены одноурновые захоронения. Большое количество урн в одном погребении — от 4—5 до 15 — встречается сравнительно непродолжительный отрезок времени — в период гальштата D. Уже в раннем латене таких погребений гораздо меньше. В территориальном их распространении наблюдается следующее. В позднем гальштате индивидуальные и двух-трехурновые погребения распространены по всей территории поморской культуры, тогда как многоурновые (от 4—5 до 15 и больше урн в одном погребении) встречаются преимущественно в междуречье Варты — Вислы, и отдельные памятники расположены на правобережье Нижнего Повисленья. На территории Поморья многоурновые погребения не встречаются. В латенскую эпоху картина несколько меняется. Индивидуальные и двух-трехурновые погребения по-прежнему

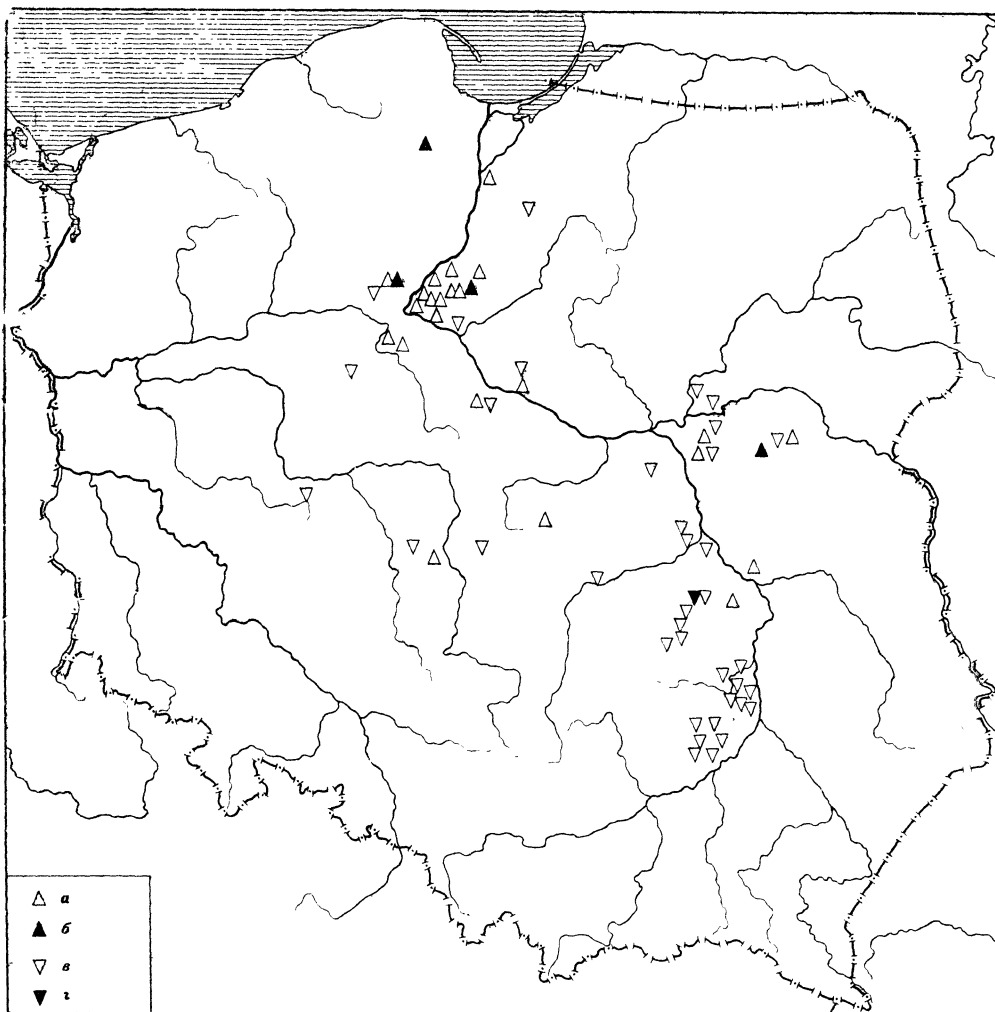
равномерно распределены по всей территории поморской культуры, тогда как многоурновые группируются преимущественно на территории Гданьского Поморья. Коллективные захоронения известны уже в неолите. Известны они и в лужицкой культуре, где наблюдается постепенный рост количества коллективных захоронений от периода к периоду. Если в III периоде бронзы в погребениях встречается не более двух-трех урн, то на последних этапах развития лужицкой культуры известны погребения с пятью — семью и даже 18 урнами в погребении, причем большинство памятников с многоурновыми погребениями тяготеет к западным районам культуры, области Средней Одры.

В среднегерманских землях в эпоху, синхронную поморской культуре, преобладают индивидуальные захоронения, коллективные (две-три урны и очень редко больше) встречаются спорадично.

В поморской культуре зафиксированы погребения, где остатки сожжения в урне уложены в анатомическом порядке, однако количественные данные отсутствуют.

Отличительной особенностью погребального обряда поморской культуры был обычай обставлять могилу камнем. Из камня сооружались различные конструкции, такие, как каменные вымостки над и под погребением. Камнем обкладывались стенки ямы, погребальная яма заваливалась камнем, внутри ямы урна или кучка костей обставлялись камнями. Особо

¹² T. Malinowski, 1969, стр. 53, табл. 2.

Р и с. 47. Распространение в поморской культуре подклошевых погребений в периоде гальштат D и переходном периоде к латену (по Т. Малиновскому)

Гальштат: а — погребения без камней; б — погребения с каменными конструкциями

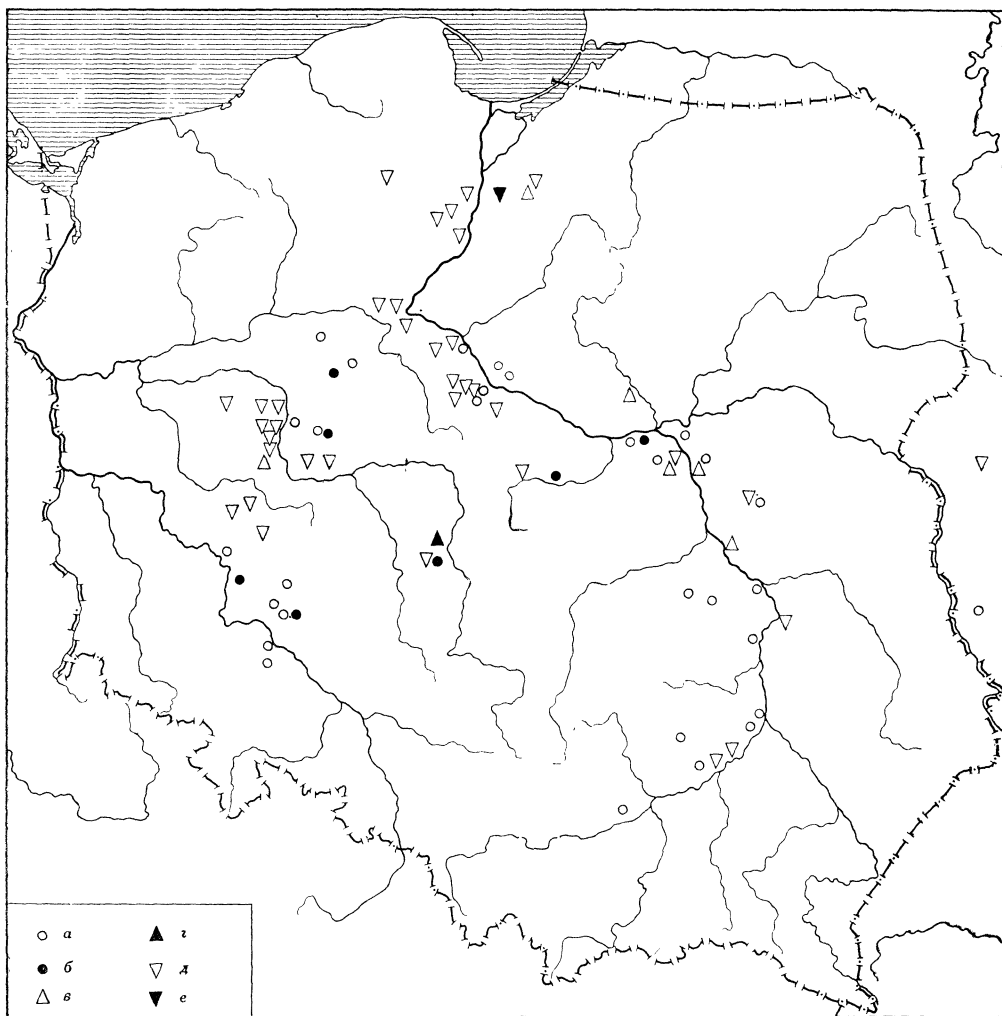
Рубеж гальштат — латен: в — погребения без камня; з — погребения с каменными конструкциями

выделяются погребения в каменных ящиках, представляющие собой четырехугольные камни, сложенные из каменных плит, поставленных на ребро, или из отдельных камней и прикрытые каменной плитой. К сожалению, Т. Малиновский в своем исследовании не дифференцирует и не рассматривает каждый тип каменных конструкций в отдельности, выделяя только группу погребений в каменных ящиках.

На первом этапе развития (гальштат С) погребения с различными каменными конструкциями равномерно распространены по территории, занятой в то время поморской культурой (рис. 43; 44). Попутно отметим, что различные каменные конструкции в могилах, и в том числе каменные ящики, сопровождают все типы захоронений — и урновые, и безурновые,

и урново-безурновые, а также и подклошневые погребения. Подавляющее большинство в этот период составляют погребения в каменных ящиках. Погребения с другими каменными конструкциями, так же, как и погребения без всяких каменных конструкций, немногочисленны. Появляются в это время и подклошневые погребения. Их мало, они составляют всего 9%, но распространены на той же территории, что и погребения в каменных ящиках (рис. 43). Подклошневые погребения за редким исключением не имеют каменных конструкций в погребальной яме.

В период гальштата D погребения с каменными конструкциями распространены по всей территории поморской культуры, однако намечается некоторая дифференциация. Так, погре-

Р и с. 48. Распространение подклошевых погребений поморской культуры в латене (по Т. Малиновскому)

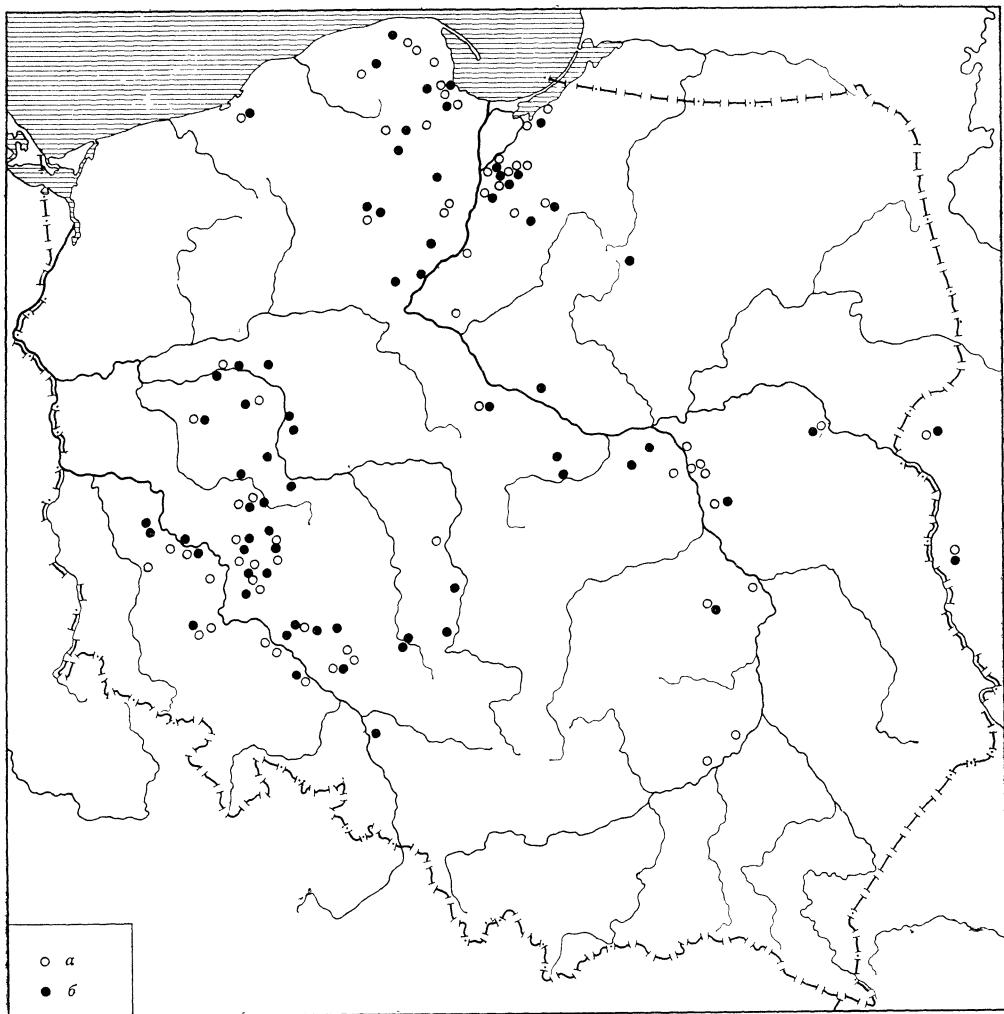
Ранний латен: а — погребения без камня; б — погребения с каменными конструкциями
Средний латен: в — погребения без камня; г — погребения с каменными конструкциями
Латен: д — погребения без камня; е — погребения с каменными конструкциями

бения без каменных конструкций преимущественно встречаются в могильниках юго-восточных районов, в частности по нижнему течению Буга и даже восточнее. Однако, как и в предыдущем периоде, они не являются господствующими (рис. 45). Подавляющее большинство, как и в предшествующий период, составляют погребения в каменных ящиках. Наиболее плотно они сконцентрированы на территории Гданьского Поморья, кроме того они распространены в южном и восточном направлениях. Могильники с погребениями в каменных ящиках встречаются в Нижнем Повисленье и в междуречье Нотець — Варта (рис. 46). В это же время появляются ящичные погребения с несколькими камерами, обычно двумя-тремя, находящимися на одном или разных уровнях.

В это же время начинается процесс территориального выделения могильников с погребениями под клошами. Они полностью исчезают на территории Гданьского Поморья и концентрируются в излучине Вислы, где распространены попеременно с ящичными погребениями. В конце гальштата наблюдается устойчивая тенденция к распространению подклошевых погребений в юго-восточном направлении (рис. 47).

На стадии перехода от гальштата к латену происходит более четкое территориальное разграничение погребений в каменных ящиках и подклошевых погребений, а также погребений, обставленных камнями, и погребений без камней.

Подклошевые погребения встречаются преи-

Р и с. 49. Распространение в поморской культуре погребений, обложенных камнем, в латене (по Т. Малиновскому)

а — погребения без камня; б — погребения с каменными конструкциями

мущественно на юго-востоке ареала поморской культуры, по обоим берегам Вислы, в среднем ее течении (рис. 47). В этом же районе распространены и погребения без каменных конструкций. Ящичные погребения лишь в виде исключения попадают на этой территории. Территория, занимаемая ими, остается прежней — это район Гданьского Поморья и среднего течения Варты. Погребения же с другими каменными конструкциями распространены равномерно по всей территории поморской культуры.

В эпоху латена возникшее в конце гальштата деление территории поморской культуры на область распространения ящичных погребений и область подклошевых сохраняется (рис. 48—50). Последние по-прежнему встречаются в юго-восточных районах культуры. Относитель-

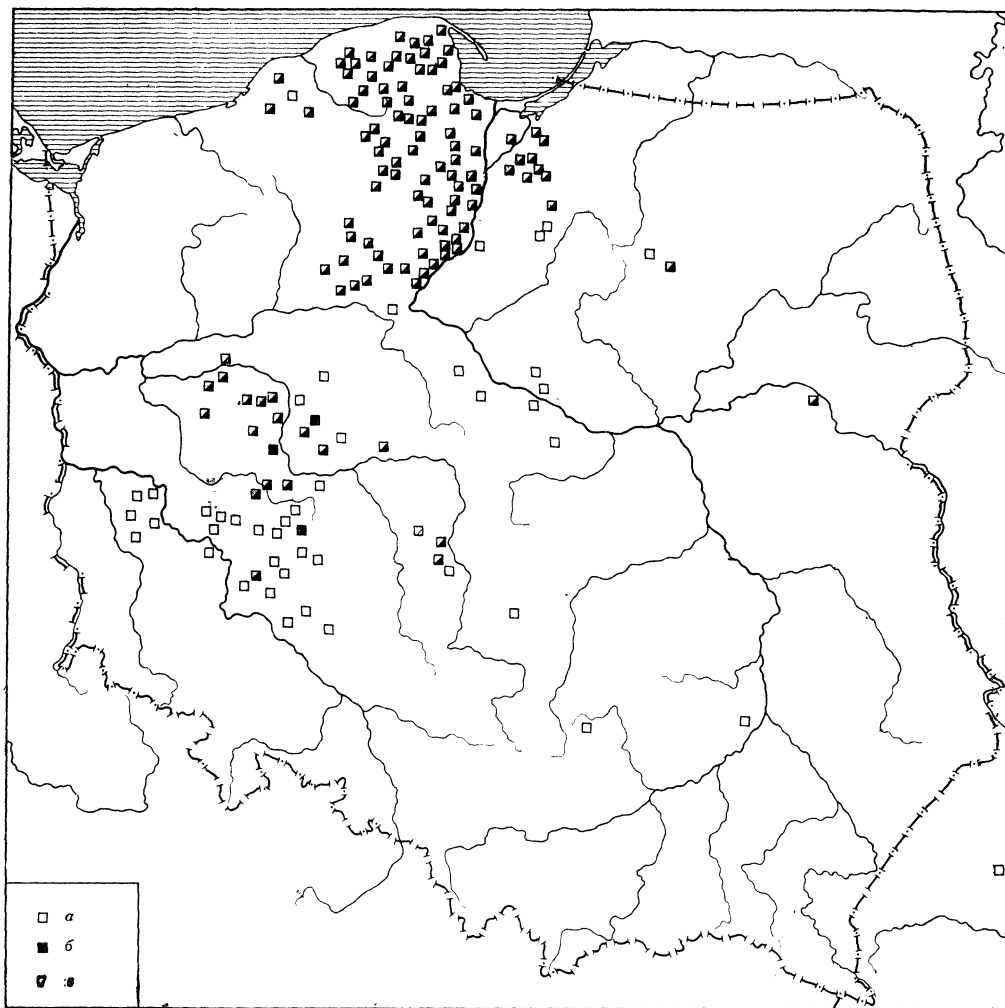
но территории ящичных погребений можно отметить, что основные районы их скопления не только сохраняются, но и расширяются. Так, помимо Гданьского Поморья погребения в каменных ящиках широко распространяются к востоку от устья Вислы. Уже в раннем латене они продвигаются в южном направлении и достигают р. Нидзицы.

В этом же периоде большое количество ящичных погребений распространяется на Средней Одре (рис. 48).

Более четкое представление о взаимовстречаемости погребений различного рода дает таблица, составленная Т. Малиновским (табл. 5)¹³.

Подытоживая данные, можно констатиро-

¹³ Т. Malinowski, 1969, стр. 40, табл. 1.

Р и с. 50. Распространение в поморской культуре ящичных погребений в латене (по Т. Малиновскому)

а — ранний латен; б — средний латен; в — латен

вать, что во все периоды существования поморской культуры в наибольшем количестве в могильниках представлены ящичные погребения — наиболее характерный тип погребений поморской культуры. Сравнительно с ними подклошевых погребений значительно меньше, однако прослеживается неуклонное увеличение их количества по мере развития культуры.

Можно констатировать, что колыбель поморской культуры — Гданьское Поморье — на всех этапах ее развития характеризуется преобладанием ящичных погребений. И если в первой фазе развития там практически появляются погребения всех типов, в том числе и подклошевые, то в последующие периоды подклошевые продвигаются в юго-восточном направлении и уже никогда позднее не встречаются на территории Поморья, тогда как

главное направление распространения ящичных погребений — южное и юго-западное. Другие типы погребений — как с каменными конструкциями, так и без них — на протяжении всего существования поморской культуры являются лишь дополняющими элементами.

Более или менее определенные конструкции, которые можно отнести к разряду мест кремации, относятся к периоду гальштата D. Известны две конструкции, обе в основе имеют каменные вымостки: 1) каменная вымостка, обмазанная сверху глиной, на которой заметны следы огня; 2) каменная вымостка, на которой прослежены слой пепла и угля, кальцинированные человеческие кости, фрагменты керамики. Вымостки были округлые и четырехугольные.

В последующие периоды наряду с описанными

Таблица 5

Погребения	Хронология																Всего	
	Гальштат С		Гальштат D		Гальштат		Гальштат-латен		Латен I		Латен II		Латен		Дата неизвестна		количество памятников	%
	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%	количество памятников	%		
Погребения без камней	6	6,8	24	3,6	4	4,4	17	16,1	34	20,4	3	21,4	41	11,4	55	2,8	184	5,3
Погребения с каменными конструкциями	9	10,2	29	4,3	9	9,9	16	15,2	34	20,4	2	14,2	44	12,3	78	3,9	221	6,4
Ящичные	64	72,9	561	84,1	66	73,2	27	25,6	53	31,8	2	14,2	209	58,5	1555	79,3	2537	73,57
Подклошечные без камней	6	6,8	26	3,9	8	8,8	38	36,1	36	21,6	6	42,8	40	11,2	225	11,4	385	11,1
Подклошечные с каменными конструкциями	2	2,2	5	0,7	3	3,3	7	6,6	9	5,4	1	7,1	10	2,8	23	1,1	60	1,7

ми конструкциями выявлены и другие. Плоская яма длиной 2 м, наполненная пеплом и углем, черепками и костями, датируется периодом латен I. Место кремации могло быть покрыто слоем глины и обставлено по кругу кам-

нями. Прослежены угли, фрагменты керамики, кальцинированные человеческие кости. Датируются они эпохой латена. К этому же времени относятся курганы со следами сожжения на месте.

Пшеворская культура

Часть I

Пшеворская культура занимает территорию Средней и Южной Польши в бассейнах рек Одры и Вислы. Самые северные памятники культуры не заходят за р. Нотець, а южная граница достигает отрогов Судетских гор и Карпат. Наиболее западные памятники известны вдоль нижнего течения р. Ныса-Лужицка, восточные — на Буге. В юго-восточном направлении пшеворские памятники распространены в верховьях Буга и Сана, а также в верховьях Днестра, где отдельные пшеворские погребения известны вплоть до р. Збруч, левого притока Днестра.

Составленная нами карта могильников пшеворской культуры, куда удалось нанести в настоящее время 436 памятников, дифференцированных по степени исследованности, позволяет судить о состоянии изученности как культуры

в целом, так и отдельных ее районов (рис. 51)¹⁴. Слабо изучены восточные и юго-восточные районы, где известны только одиночные погребения, и лишь один могильник около г. Пшеворска, давший название всей культуре, раскопан в большом объеме: в нем вскрыто 180 погребений. Южные районы культуры, в частности земли Малопольши, для анализа погребального обряда предоставляют ограниченные данные. Здесь также известны лишь одиночные погребения, а несколько могильников, где рас-

¹⁴ При составлении карты могильников пшеворской культуры за основу были взяты карты отдельных районов, дополненные памятниками, опубликованными к настоящему времени в польской литературе: *K. Tackenberg*, 1925; *Ch. Pescheck*, 1939; *E. Konik*, 1959; *J. Wielowiejski*, 1960; *J. Szydlowski*, 1964a; *K. Godtowski*, 1969.

копано относительно большее количество погребений, либо еще не изданы, либо опубликованы пока только предварительно.

Территория Великопольши исследована неравномерно. В общей сложности на этой территории не наберется и 100 могильников, однако исследованные здесь памятники изучены плановыми раскопками — от 100 до нескольких сот погребений в каждом, кроме того большинство из них хорошо опубликовано. Вместе с тем некоторые центральные районы Польши, в частности бассейн р. Пилицы, почти не исследованы.

Судя по карте, лучше всего изучена территория Силезии. Этот район исследовался очень интенсивно с 80-х годов XIX в. На материале памятников Силезии разработана типология оружия¹⁵, некоторых типов украшений¹⁶ и керамики¹⁷. Однако для изучения погребального обряда достоинство этого района в значительной мере снижается. Несмотря на большое количество известных здесь могильников, плановыми раскопками исследовано очень мало памятников, большинство известно по случайным находкам. Поэтому весьма часто данных по погребальному обряду недостаточно.

Впервые данные по погребальному обряду пшеворской культуры подытожил и классифицировал Ю. Костшевский, который констатировал господство в пшеворской культуре обряда трупосожжения и выделил в нем три основные группы¹⁸: 1) сожжение урновое; 2) сожжение урновое, обсыпанное остатками костра; 3) сожжение, помещенное в яме.

К. Такенберг, суммируя данные о погребальном обряде эпохи позднего латена и раннеримского времени на территории Нижней Силезии, к выделенным Ю. Костшевским типам трупосожжений добавляет еще один — урновое сожжения с костями, тщательно очищенными от остатков костра, квалифицируя его как наиболее древний¹⁹.

Несколько позже в специальной статье Ю. Костшевский рассмотрел обряд трупоположения. Основной вывод его сводился к тому, что данный обряд возник под кельтским влиянием²⁰.

В 1955 г. к прежней своей схеме Костшевский добавил еще один тип захоронения — «сожжение в грунте», или «плоско рассыпанный слой сожжений», характерный для позднеримского периода²¹.

¹⁵ M. Jahn, 1916; Он же, 1919, стр. 93—112; R. Jamka, 1938, стр. 1—44.

¹⁶ A. Langenhan, 1894, стр. 95—112.

¹⁷ Ch. Pescheck, 1939.

¹⁸ J. Kostrzewski, 1918—1919.

¹⁹ K. Tackenberg, 1925, стр. 73.

²⁰ J. Kostrzewski, 1936, стр. 180—183.

²¹ J. Kostrzewski, 1955.

Все упомянутые авторы вопросы погребального обряда затрагивали попутно. Первая обобщающая работа, посвященная специально анализу погребального обряда, была написана на материалах Великопольши²². В ней автор суммирует основные типы погребального обряда и выделяет: 1. Погребения ямные; 2. Погребения урновые — а) чистые, б) обсыпанные остатками костра; 3. Погребения в грунте — плоско рассыпанный слой сожжений, — называемые также разбросанными или послойными, — а) грунтовые, б) под курганами; 4. Трупоположения.

Все вышеприведенные признаки последовательно рассмотрены автором по хронологическим периодам. Особое внимание в работе обращено на количественное соотношение типов сожжений. Однако, к сожалению, подсчеты проведены на семи памятниках Великопольши.

Попытка подытожить данные по погребальному обряду всей территории пшеворской культуры была сделана А. Кетлинской²³. Но так как работа посвящена не только погребальному обряду, автор ограничивается лишь рассмотрением основных типов захоронений: 1) урна; 2) яма; 3) трупоположения; 4) погребения с камнем и без камня. Работа построена на материалах 42 памятников пшеворской культуры.

Анализу погребального обряда памятников Мазовии посвящена работа А. Кемписты — работа обстоятельная, сделанная на уровне современной науки, с подсчетами, процентными соотношениями, корреляционными таблицами, диаграммами и картами²⁴.

Из вышедших за последние годы следует упомянуть работу Е. Шидловского, которая посвящена погребальному обряду Верхней Силезии²⁵. Это объемистый труд, где детальнейшим образом проанализирован обряд рассматриваемой территории и сделана попытка реконструировать весь ритуал и интерпретировать духовный мир предков. Другая работа того же автора посвящена исследованию обряда трупосожжения пшеворской культуры²⁶. Сожаление вызывает лишь тот факт, что в работе суммированы только материалы верхнесилезских памятников.

Из всего изложенного следует, что сказано и написано о погребальном обряде пшеворской культуры настолько много, что возникает вопрос о целесообразности предпринятой нами работы. Прежде всего еще раз отметим, что все работы, вышедшие до настоящего времени, по-

²² T. Grzywaczyk, 1961.

²³ A. Kietlińska, 1963.

²⁴ A. Kempisty, 1965.

²⁵ J. Szydłowski, 1964a.

²⁶ J. Szydłowski, 1964b.

священы отдельным районам с редкими ссылками на аналогии в других районах Польши. Трудов по погребальному обряду всей пшеворской культуры нет. Нет даже общей карты памятников культуры. Признаки погребального обряда не картографированы, а если для некоторых районов такие карты и есть, в них исследованы лишь самые общие признаки, без детализации.

Настоящая работа ставит следующие задачи: 1) исследование всей территории пшеворской культуры, 2) более детализированное исследование погребального обряда, 3) картографирование всех деталей обряда, 4) проведение подсчетов всех признаков как по отдельным памятникам, так и по районам. Закономерен вопрос, можно ли полностью реализовать поставленные задачи? Приходится согласиться, что далеко не всегда возможно полное исследование всех выделяемых признаков. В разное время подход к исследованию памятников был различен, и далеко не всегда публикации несут всю полноту информации. С момента исследования первых памятников пшеворской культуры и до сравнительно недавнего времени анализ погребального обряда ограничивался в основном анализом инвентаря. Описание деталей захоронения сводилось чаще всего к указанию на урновое или ямное захоронение, а в худшем случае — на сожжение или труположение. Более мелкие детали, такие как чистое сожжение или с остатками костра, наличие черепков (в частности, их вторичная обожженность, свидетельствующая о пребывании сопровождающей посуды в погребальном костре), положение сопровождающих сосудов, признаки ритуальной порчи оружия и многое другое, отмечались далеко не всегда. Умолчание же о тех или иных признаках отнюдь не говорит об их отсутствии. С другой стороны, только в самое последнее время польские археологи стали стремиться к более детальному датированию каждого погребения. Суммарная датировка, например просто римским временем, характерная для работ не только первой половины XX в., но и более позднего времени, снижает возможность изучения погребального обряда в динамике его развития, а следовательно, делает уязвимыми и некоторые выводы.

Хронология пшеворской культуры единодушно определяется временем от позднего латена вплоть до позднееримского периода. В определении общих рамок бытования пшеворской культуры в польской литературе разногласий нет. Но в определении абсолютных дат, а также в разделении всего достаточно длительного периода существования культуры на последовательные ступени общего согласия нет. В польской литературе приняты самые разнообраз-

ные приемы датировок, и в этом есть своя сложность. Авторы пользуются и абсолютными датами, указывая века, и традиционными схемами, причем последних несколько. Одна из первых разработана Ю. Костшевским специально для польских земель и носит весьма общий характер, хотя ею пользуются очень широко²⁷. В ней пшеворская культура разделена на три фазы:

Позднелатенский период	100—0 гг. до н. э.
Римский период	
раннеримский	0—200 гг. н. э.
позднееримский	200—400 гг. н. э.

Более детальная хронологическая схема для римской эпохи разработана Г. Ю. Эггерсом на среднеевропейском материале и с успехом, особенно в последние десятилетия, применяется в Польше²⁸.

Фаза	Ступень	Абсолютная дата (гг. н. э.)
Ранняя	B ₁	0—50
	B ₂	50—150
Средняя	C ₁	150—200
	C ₂	200—300
Поздняя	C ₃	300—350

В последние годы много сделано для уточнения как общей периодизации, так и хронологии пшеворской культуры. Для позднелатенского периода приняты уточнения Р. Хахманна²⁹, который разделил этот период на три этапа:

I	100/90—55/50 гг. до н. э.
II	55/50—25/20 гг. до н. э.
III	25/20 гг. до н. э.—15/20 гг. н. э.

Анализ массового материала как пшеворской, так и других культур Средней Европы, позволил исследователям уточнить схему Г. Ю. Эггерса³⁰:

Дата по Эггерсу (гг. н. э.)	Ступени	Уточненная дата (гг. н. э.) *
0—50	B ₁	10/20—50/70
50—150	B ₂	50/70—170
150—200	C ₁	170—250
200—300	C ₂	250—270
300—350	D ₁	270—350
	D ₂	350—450

G. Domanski, 1970, стр. 123.

²⁷ Сошлемся на работу: J. Kostrzewski, 1955, стр. 315. Однако эта схема разработана и очень широко применялась в Польше еще задолго до второй мировой войны.

²⁸ H. J. Eggers, 1955, стр. 196.

²⁹ R. Hachmann, 1961.

³⁰ А. Мюллер (A. Müller, 1957, стр. 1) датирует конец фазы B₁ 50—70 гг. н. э., а фазу B₂ — около 170 г. н. э. К. Годловский (K. Godłowski, 1966) датирует конец фазы B₂ — 170 г. н. э., границу между фазами C₁ и C₂ относит к первым десятилетиям III в. н. э., конец позднееримского периода — к середине V в. н. э.

На основании анализа массового материала К. Годловскому удалось убедительно доказать, что самая поздняя группа пшеворской культуры — так называемая добродзеньская, которую первые исследователи относили к концу V — началу VI в. н. э., не может быть датирована временем позднее первой половины V в. н. э.³¹

Итак, общие хронологические рамки существования пшеворской культуры I в. до н. э. — первая половина V в. н. э.

Приступая к исследованию погребального обряда, коснемся вопроса о том, что же включает в себя понятие «погребальный обряд». В широком смысле это — целый комплекс ритуальных действий, совершаемых живыми в заботе об умершем. Весь этот процесс можно грубо разделить на четыре этапа, следующих один за другим. Первый — подготовка умершего к захоронению — тянется с момента биологической смерти человека вплоть до момента захоронения. Второй — подготовка места захоронения и устройство могилы. Третий — само захоронение, т. е. помещение останков в могилу. Четвертый — ритуалы, совершаемые в память об умершем.

Археологические источники не отражают всех этапов этого процесса полностью. Наиболее полно археологией фиксируются лишь второй и третий этапы, именно поэтому в чисто археологическом плане понятие «погребальный обряд» связывается прежде всего с устройством и конструкцией могилы — надземной и подземной ее части, с положением останков в могиле. По сопровождающему инвентарю можно в какой-то мере судить также о первом и четвертом этапах ритуального процесса.

Таким образом, археологические источники, относящиеся к погребальному обряду, можно разбить на следующие категории: I. Характер могильника; II. Характер погребения; III. Конструкция могилы; IV. Детали захоронения; V. Сопровождающий материал.

По этим категориям обобщен и описан погребальный обряд пшеворской культуры. Работа разделена на две части: в первой — последовательно описаны все признаки, характеризующие пшеворский погребальный обряд; во второй — все признаки рассмотрены с точки зрения их хронологии, территориального распространения, а также количественного выражения

Мы ставили перед собой задачу всестороннего исследования всех могильников пшеворской культуры и каждого погребения в отдельности³². Была создана классификационная схе-

ма погребального обряда, учитывающая все признаки, по которой и исследован каждый могильник. Схема включает следующие пункты:

Характер могильника (грунтовой, курганный); Общие данные (дата, глубина, пол); Характер погребения (урновое, безурновое, яма не прослеживается, труположение, кенотаф); Конструкции погребений (яма обложена камнем, яма перекрыта камнем или вымосткой, наличие камней в погребальной яме, деревянная камора, камень над погребением); Детали захоронения: 1) урна накрыта а) миской, б) сосудом, в) камнем, г) черепками, д) крышкой, е) умбоном; 2) кости в яме покрыты а) миской, б) сосудом, в) камнем, г) черепками, д) крышкой, е) умбоном; 3) коллективные захоронения (двойное, тройное и пр.); 4) урна разбита; 5) кости с остатками костра; 6) кости перемытые, чистые; 7) фрагменты керамики в погребении; 8) фрагменты керамики в урне; 9) уголь в погребении; 10) урна побывала в пламени костра; 11) положение урны; 12) количество сопровождающих сосудов; 13) сопровождающие сосуды собираются из фрагментов; 14) положение сопровождающих сосудов; 15) сопровождающие сосуды побывали в огне; 16) кости а) птиц, б) рыб, в) других животных; 17) оружие ритуально изогнуто или изломано; 18) часть инвентаря испорчена огнем костра; 19) инвентарь в урне; 20) инвентарь вне урны; 21) гончарная керамика; 22) фрагменты керамики пережжены в пламени костра; 23) оружие вбито около урны (костей); 24) сосуд в урне; 25) кости в урне в анатомическом порядке.

Характер могильника. Подавляющее большинство пшеворских кладбищ составляют могильники, где погребения ничем не обозначены на поверхности. В очень незначительном количестве на территории распространения пшеворской культуры встречаются курганы. Природа курганов в пшеворской культуре весьма сложна и рассматривается во второй части работы.

Характер погребения. Господствующим в пшеворской культуре был обряд сожжения покойника. Чем это объясняется, установить трудно, можно выдвигать лишь предположения. В настоящее время в научной литературе на этот счет существует большое количество весьма противоречивых мнений³³. Сожжение

не все могильники изданы; 2) не все польские и немецкие издания были нам доступны, 3) публикации прошлых лет в описании самого погребального обряда часто бывают неполными или отрывочными, основное внимание уделено описанию инвентаря. Материалы тех могильников, которые изданы хорошо, суммированы в таблицах I — VII (приложение 1).

³³ J. Szydlowski, 1964b, стр. 437.

³¹ K. Godłowski, 1964b, стр. 401.

³² Эта задача оказалась не выполнимой полностью по следующим причинам: 1) в настоящее время далеко

связывают с понятием человеческой души — духа, рассматривают как проявление анимистических верований общества³⁴. Указывают на связь с истоками и развитием металлургии³⁵. Возникновение обряда пытаются объяснить желанием возратить умершего обществу³⁶, страхом перед умершим³⁷, обетом³⁸. Рассматривают сожжение и как чисто гигиенический обряд, имеющий свои корни в культуре предков³⁹. Отмечают значение огня как очищающего⁴⁰. Высказывалось предположение, что сожжение было отражением принуждения, общественной обязанностью⁴¹.

На наш взгляд, эта проблема не может решаться однозначно. Рассматриваемый период относится к последней стадии развития родового общества, т. е. к той эпохе, когда формы религии были уже весьма сложными. Видимо, и страх перед мертвым; и представление о ревнивой мстительности мертвых, красной нитью проходящее через похоронные обряды человечества с доисторических времен; и гигиеническая роль обряда, закрепленная практикой многих человеческих поколений; и раздвоение мира в сознании человека на мир естественный и мир сверхъестественный, выражающийся, в частности, в анимистических представлениях; и морально-этические обязанности коллектива живых перед мертвым, который и после смерти продолжал считаться членом коллектива, — все это уже было закреплено в религиозных взглядах, диктующих в свою очередь совершение того, а не иного обряда.

Вернемся к археологическим источникам. Для пшеворской культуры характерно сожжение, совершенное на стороне. К сожалению, мест кремации пока найдено немного, а потому изучены они недостаточно. Е. Шидловский приводит все известные места кремации⁴² и считает, что отсутствие подобных сооружений в хорошо раскопанных могильниках обусловлено либо тем, что не всегда они располагались на территории самого могильника, в непосредственной близости от могилы, либо соответствующей конструкцией, а точнее отсутствием какой-либо конструкции, и совершением сожжения прямо на земле, а отсюда и возможность исчезновения их следов в результате природных

явлений (атмосферные осадки, выветривание) или пахоты. Известные места кремаций представляют собой неглубокие, чаще прямоугольные ямы размерами 3×4 м, глубиной 40—60 см, хотя встречаются и глубиной до 1—2 м. Некоторые ямы были выложены каменными вымостками или обставлены камнями по периметру. Такие ямы заполнены слоем угля, пепла, кусочками кальцинированных костей человека, обломками керамики, что и свидетельствует об их назначении.

Из исследования костного материала сожжений, а также инвентаря следует, что сожжение производилось при высокой температуре — не менее 1000°⁴³. Ольсхаузен приводит подсчеты количества дров, нужных для сожжения трупа, — правда, колебание подсчетов весьма значительно: в одном случае — 800 куб. м, в другом — 75 кг⁴⁴.

Многочисленные этнографические аналогии позволяют установить, что сожжение трупа продолжалось несколько часов, остывание костра происходило приблизительно столько же времени, сколько горел костер. Можно предполагать, что в момент самого сожжения и остывания костра совершались какие-то ритуальные действия. На это могут указывать черепки от разных сосудов, сильно обожженные, а иногда и просто ослакованные, которые помещали в могилу. Это — одна из самых характерных и массовых черт пшеворского погребального обряда. Наличие таких черепков можно объяснить двояко. С одной стороны, это могли быть остатки сосудов, разрушившихся в результате нагревания в костре. Возможно, это и так, но против этого довода есть возражения. Во-первых, известны случаи, и весьма многочисленные, когда в погребениях сопровождающие сосуды носят следы вторичного обжига. Такие сосуды разрушаются уже в могиле под действием тяжести земли или других причин, но, как правило, их можно собрать полностью. Во-вторых, столь обязательное присутствие отдельных черепков в пшеворских погребениях говорит о том, что они попали туда не случайно (вместе с остатками костра), а были помещены в погребальную яму намеренно. Против случайности свидетельствует и их расположение в погребальной яме. Не всегда они разбросаны в ней хаотично — очень часто черепки компактно положены в верхней части ямы или вокруг урны, над ней или на дне ямы. Следовательно, эти черепки имели какой-то магический смысл. Скорее всего это можно связать с совершением каких-то ритуалов с разбиванием посуды в момент сожже-

³⁴ W. Antoniewicz, 1957, стр. 337; M. Ebert, 1921—1922, стр. 24.

³⁵ J. Gassowski, 1957, стр. 24.

³⁶ H. L. Jansen, 1936, стр. 461.

³⁷ O. Schrader, 1910, стр. 69; G. Wilke, 1926, стр. 276—281.

³⁸ J. Kostrzewski, 1949, стр. 584—586; Он же, 1955, стр. 92—94; G. Schwantes, 1934, стр. 161.

³⁹ W. Schutz, 1928, стр. 24.

⁴⁰ C. Schuchhardt, 1939, стр. 144.

⁴¹ M. Ebert, 1921—1922, стр. 18.

⁴² J. Szydlowski, 1964b, стр. 440—441.

⁴³ W. Rōżański, 1958, стр. 109—110.

⁴⁴ O. Olshausen, 1892, стр. 138.

ния, до или после него (о чем говорят черепки в погребениях, не носящие следов огня), и эти следы совершенного ритуала как доказательство его свершения обязательно помещались в могилу.

Прогоревший костер мог быть оставлен для медленного остывания, а мог быть залит водой для быстрого охлаждения. Кости, облитые водой, очень раздробленные, спекшиеся, хрупкие, имеют острые сколы; кости, остывавшие постепенно, легко рассыпаются⁴⁵. Допуская возможность быстрого охлаждения костра, Петерсен указывал на закономерность локализации мест сожжений вблизи воды⁴⁶. Этнографические аналогии в этом плане приводит У. Шлентер⁴⁷.

После остывания костра кости и сопровождающие вещи собирали и переносили в могилу. Количество костей в могилах колеблется от одной-двух штук до 1,5 кг⁴⁸. Это говорит, по мнению Шидловского, о том, что после сожжения остатки выбирались не всегда тщательно. Для ранних периодов культуры свойственно более ровное количество костей в погребениях, а в позднеримском периоде колебания значительны.

С вопросом о количестве костей в погребении тесно связан вопрос о коллективных захоронениях в пшеворских могильниках, когда в одной урне или яме встречаются кости двух и более особей. С этим нередко связывают различные предположения о характере общества, оставившего подобные памятники, — например, о существовании рабства и т. д. Такие определения не могут быть категоричными. Попадание остатков сожжения двух или нескольких особей в одну могилу возможно при одновременном сожжении в одном костре нескольких покойников, как могло быть во время эпидемий, при несчастных случаях и пр. Поскольку места кремаций вряд ли тщательно убирались после каждого сожжения, вероятно, в могилу могли попасть и остатки от предыдущего сожжения. Так или иначе, этот вопрос может быть разрешен только при тщательном изучении всех случаев антропологами.

Коснемся обращения с сопровождающим инвентарем в момент сожжения. Погребальный инвентарь делится на две группы: часть вещей сопровождала покойника в момент сожжения, т. е. их укладывали в костер, а часть клали в могилу в момент захоронения останков. Какой же инвентарь сопровождал покойника во время сожжения? Прежде всего керамика — целые сосуды и черепки. Затем, чаще всего

действием огня повреждены личные вещи покойника: бусы (на них указывают часто встречаемые в погребениях оплавленные капельки стекла), бронзовые украшения (оплавленные кусочки бронзы также нередки в пшеворских сожжениях), гребни и другие мелкие вещи.

Сопровождало ли воинов их оружие в момент сожжения? Шидловский сообщает, что металлические вещи в погребениях часто имеют серый налет (как бы патину), что, возможно, является результатом охлаждения костра водой⁴⁹. Однако точных сведений об этом нет, и они могут быть получены только при специальном обследовании вещей. По-видимому, такое исследование вполне реально, поскольку В. Рожанский, изучавший микроструктуру металлических предметов из сожжений, определяет по ним температуру костра⁵⁰. Однако и сейчас можно высказаться в пользу положительного решения этого вопроса. Нередко оружие в пшеворских погребениях согнуто (мечи, наконечники копий и дротики), причем мечи согнуты три-четыре раза и даже скатаны в трубку. Можно ли эту манипуляцию совершить с оружием, еще накануне употребленным в бою, достоинством которого были твердость и упругость? Вероятно, кст. А при нагревании такая операция вполне возможна. Кстати заметим, что, как правило, согнутый инвентарь сопровождает только сожжения и неизвестен в погребениях с трупоположениями. Все это говорит о том, что вещи сопровождали покойника в момент сожжения.

Уместно будет коснуться вопроса о назначении сопровождающего инвентаря. Языческие обычаи класть вещи, принадлежавшие покойнику или вообще используемые при жизни, трактуются по-разному. Объясняют это верой в загробную жизнь, аналогичную земной. Покойника как бы собирали в дорогу, отправляли с ним самые необходимые вещи. Однако примеры порчи инвентаря скорее свидетельствуют о том страхе, который питали живые перед мертвыми. Вредное влияние, по представлению многих народов, исходило не только от самого покойника, но и от вещей, которыми он пользовался в жизни⁵¹. Особенно опасными считались личные вещи покойника, платье, обувь, посуда. Обычай ломать, сжигать, выбрасывать вещи, принадлежавшие покойнику, был очень распространен по всему миру, и многочисленные пережитки обычаев подобного рода отмечаются и сейчас⁵².

В инвентаре пшеворских захоронений обыч-

⁴⁵ J. Szydlowski, 1964b, стр. 443.

⁴⁶ E. Petersen, 1929, стр. 5.

⁴⁷ U. Schlenker, 1960.

⁴⁸ J. Szydlowski, 1964b, стр. 445.

⁴⁹ J. Szydlowski, 1964b, стр. 443.

⁵⁰ W. Różański, 1958, стр. 109—110.

⁵¹ С. С. Кузнецов, 1904; Ю. Лунс, 1954.

⁵² Ю. И. Семенов, 1966, стр. 339—400.

ны вещи личного или индивидуального пользования. Это предметы туалета и украшения (фибулы, пряжки, наконечники поясов, бусы, подвески, гребни), орудия труда, но, как правило, индивидуального пользования (ножи, иглы, пряслица), посуда; у воинов — оружие, которое всегда было сугубо индивидуально. А. Кемписты считает, что порча оружия имела целью «разоружить» покойника, ограничивая тем самым вредоносную его деятельность⁵³.

Сожжение на месте нехарактерно для пшеворской культуры и появляется на самом последнем этапе ее существования, в группе добродзеньских памятников⁵⁴.

По способу захоронения остатков кремации в могиле пшеворские трупосожжения делятся на урновые и безурновые.

Урновые погребения. Характеризуются тем, что после сожжения остатки кремации помещены в урну, в качестве которой использовали глиняную посуду и лишь изредка — бронзовые сосуды римского импорта. Количество костей в урне различно, иногда они полностью заполняют урну и даже в большом количестве рассыпаны около нее. Правда, последняя черта встречается и тогда, когда костей в урне мало. Вещи помещали в урну или рядом с ней в погребальную яму, однако чаще одновременно и в урне и вне ее.

В качестве урны, как уже отмечено, использовалась чаще всего глиняная посуда обычных для пшеворской культуры форм: горшки, сосуды типа ваз, в порядке исключения — миски. В единичных случаях в качестве урны употреблялись умбоны: острой вершиной их забивали в дно ямы, а внутрь насыпали остатки сожжения.

Посуда, используемая под урну, почти никогда не носит следов вторичного обжига, т. е. она не применялась при совершении ритуала сожжения.

Как правило, урну ставили на дно погребальной ямы, хотя изредка она бывает положена на бок или вверх дном. Наиболее часто в пшеворских погребениях урна оставалась открытой, но тем не менее известно достаточно случаев, когда урна покрыта перевернутой вверх дном миской или камнем, реже каким-нибудь другим сосудом, перевернутым вверх дном, и как редкое исключение крышкой, умбоном, одним или несколькими черепками. Последний прием по целому ряду причин не поддается научному исследованию. Во-первых, в значительной части публикаций дано настолько общее описание погребений, что ожидать

упоминания такой мелочи не приходится. Во-вторых, даже если и упоминается скопление черепков где-то над урной, то по описаниям в публикациях сделать какие-либо заключения невозможно.

Все урновые погребения можно разделить только на две группы: чистые и с остатками костра.

Чистые урновые захоронения отличаются тем, что в урну помещались кости, хорошо очищенные от остатков костра. Создается впечатление, что они вымыты, как и считают некоторые исследователи⁵⁵. Е. Шидловский высказывает на этот счет сомнения, полагая, что кости не мылись специально, а становились чистыми в результате заливания костра водой⁵⁶. В. Антоневич выдвигает другую гипотезу. Он думает, что труп не заваливали дровами, а разводили вокруг него костер⁵⁷.

Классическими чистыми урновыми погребениями считаются те, где и кости, и сопровождающий инвентарь помещены в урну, но такие погребения в пшеворской культуре очень редки. Чаще встречаются погребения, где либо оружие, орудия и другие предметы помещены рядом с урной, либо несколько косточек находятся возле урны.

Среди чистых урновых погребений есть и такие, где кости в урне расположены в анатомическом порядке, т. е. остатки костей черепа — наверху, а обломки других частей скелета последовательно ниже.

В рассматриваемых погребениях в качестве урны обычно употреблялись горшки яйцевидной и округлой форм, чаще всего покрытые лощением, хотя и встречаются горшки с нарочито ошершавленной поверхностью. Значительно реже употреблялись сосуды типа ваз, с широким отверстием, и лишь в исключительных случаях — миски.

Чистые урновые погребения, как правило, сопровождалась разнообразным инвентарем, состоящим из сосудов — целых или во фрагментах (причем последние, так же как и часть инвентаря, несут следы дѣйствия огня), оружия, орудий труда, украшений.

Эта категория погребений, к сожалению, не может быть в полном объеме отражена в статистических подсчетах, поскольку в отчетах о раскопках ее стали выделять сравнительно недавно, и многие исследователи до сих пор не отмечают этой важности детали. В польской литературе существует весьма устойчивое мнение, что сожжения с остатками костра в пше-

⁵³ А. Kempisty, 1965, стр. 152.

⁵⁴ F. Pfützenreiter, 1938, стр. 40; J. Szydlowski, 1962, стр. 309.

⁵⁵ R. Jamka, 1933—1936, стр. 57—58; J. Kostrzewski, 1955, стр. 246; G. Wilke, 1929, стр. 34.

⁵⁶ J. Szydlowski, 1964b, стр. 443.

⁵⁷ W. Antoniewicz, 1957, стр. 323.

ворских могильниках преобладают⁵⁸, однако проверить это не удалось.

Урновые погребения, обсыпанные остатками костра, характеризуются тем, что остатки кремации перенесены в могилу вместе с пеплом, древесными углями и черной землей из костра. Как правило, в таких погребениях остатки кремации помещены не только в урну, но и в яму вокруг урны.

В качестве урны в этих погребениях чаще выступают сосуды типа ваз, яйцевидные и округлобокие горшки, причем последние часто имеют нарочито ошершавленную поверхность. Лощеные урны значительно более редки, чем в чистых погребениях.

Многими исследователями отмечено, что инвентарь таких погребений бывает гораздо богаче, чем в погребениях других типов. Почти во всех таких погребениях встречаются черепки от двух и более сосудов, причем, как правило, они вторично обожжены на костре. Кроме того, погребение сопровождается нередко целыми сосудами в количестве от одного до пяти, изредка — больше. Характерно помещение в могилу оружия, орудий труда, предметов туалета, украшений. Местонахождение их в могиле не подчинено какой-либо закономерности. Инвентарь помещается как в урне, так и вне ее, но оружие и орудия труда чаще вне урны, а украшения и предметы туалета — в урне.

Безурновые погребения. Характеризуются тем, что остатки кремации помещены просто в яму, выкопанную в земле. Ямы обнаруживаются на глубине 20—40 см от поверхности, в профиле имеют овальную или усеченную форму. Диаметр ям от 0,50—0,70 до 1 м. Глубина колеблется в тех же пределах. Как исключение встречаются ямы очень большого размера, диаметром до нескольких метров (3—6 м) и глубиной до 1,5 м. В верхней части ямы часто насыпаны черепки, среди которых встречаются немногочисленные косточки вместе с остатками костра. Основная же часть сожжения и инвентарь группируются на дне ямы. Количество костных остатков в яме различно. В ямах глубоких, с большим количеством инвентаря, как правило, и костей бывает много. В небольших ямах костей преимущественно немного и инвентарь небогат.

Известны случаи, когда в ямах костные остатки и инвентарь при них локализируются двумя скоплениями. Такие погребения трактуют обычно как парные. В нашей работе отмечены все подобные случаи. Однако в этом вопросе требуется очень тщательное антропологическое исследование каждого скопления.

Инвентарь характеризуется теми же чертами, что и в урновых погребениях, но, как правило, менее многочислен и более скромнен. Какой-либо закономерности в его расположении не наблюдается.

Безурновые погребения, так же как и урновые, делятся на две группы: а) чистые и б) погребения с остатками костра. Но эти признаки далеко не всегда отмечены в публикациях и потому количественному исследованию не поддаются.

К безурновым погребениям относятся углубленные погребения, до сих пор либо не выделяемые вообще, либо не выделяемые в отдельную группу. Обычно такие погребения причисляются к безурновым или трактуются как разрушенные. Специфичность этих погребений определяется размерами погребальной ямы, глубина которой редко достигает 0,50 м, в то время как диаметр составляет 2 м и больше. Прослеживаются такие погребения нередко сразу же под дерновым слоем, на глубине 0,12—0,15 м, чаще — 0,20—0,40 м. В профиле такие ямы имеют форму плоского углубления.

Костные остатки встречаются в этих погребениях в самых разных количествах. Иногда их сравнительно много, а иногда — всего несколько косточек, что скорее говорит о чисто символическом их смысле. Здесь не всегда есть остатки костра. В некоторых могильниках Силезии среди погребений описываемого типа нет ни одного, где бы были найдены остатки костра.

Инвентарь углубленных погребений, так же как и обычных безурновых, весьма скромнен. Чаще всего это черепки сосудов, многие из которых вторично обожжены и даже шлакированы. Вещи встречаются редко. Остатки костей и костра хаотично разбросаны и не составляют скоплений. Эта черта связывает такие погребения со следующим типом — послойными погребениями.

Послойные погребения распространяются на самой последней стадии развития пшеворской культуры в группе так называемых добродзеньских памятников. Ямы в таких погребениях не прослеживаются, обычно они фиксируются на глубине 0,15 м, чаще — 0,20—0,30 м в виде остатков сожжения, хаотично разбросанных на значительной площади (2—4 кв. м) при толщине слоя в 5—8 см.

Остатки костей имеют разную степень сожжения, остатки костра не всегда встречаются в таких погребениях. Зато в некоторых случаях помимо остатков костра прослеживаются прослойки пепла, а прокаленный окружающий грунт выявляет признаки деятельности огня. Это дает основание предполагать, что сожжение совершено на том же месте

⁵⁸ J. Szydlowski, 1964a, стр. 35; T. Grzywaczyk, 1961, стр. 16—17.

Сопровождающий инвентарь относительно богаче, чем в углубленных погребениях, и не отличается от погребального инвентаря пшеворских захоронений других типов.

С послойными погребениями сходны памятники так называемого седлеминского типа, для которых характерны те же разбросанные остатки сожжения, совершенного на месте. Однако погребения седлеминского типа отличает наличие каменно-земляной курганный насыпи.

Характеристика сожжений, пожалуй, будет неполной, если не упомянуть погребения, в которых кальцинированные кости спрессованы в небольшое плотное скопление; в них, как правило, нет остатков костра. В этих погребениях можно предполагать использование каких-либо вместилищ из органического материала — мешочков из кожи, ткани, берестяных вместилищ, помещенных в ямку, выкопанную по их форме в грунте. Такие погребения Е. Шидловский, не выделяя, рассматривает в группе послойных погребений⁵⁹. Однако мы считаем необходимым выделить эту группу погребений. Более подробно на этой проблеме мы остановимся ниже.

Трупоположения. Обряд трупоположения хотя и не составляет значительного процента в погребениях пшеворской культуры, однако и не является исключением. Он встречается по всей территории культуры. Как правило, это либо единичные погребения в могильниках с сожжением, либо отдельные единичные погребения в малоисследованных могильниках (табл. V).

Всю группу трупоположений пшеворской культуры можно разбить на два разряда: трупоположения богатые, сопровождаемые инвентарем, включающим римский импорт, и трупоположения рядовые. Первые выделяются не только богатством инвентаря, но, как правило, имеют отличительные погребальные сооружения. Иногда они выделены наземными курганами со сложными конструкциями погребальной ямы в грунтовых могильниках. Богатые, или, как их нередко называют, «княжеские», погребения совершены в ямах с каменными и деревянными конструкциями. Чаще всего это прямоугольные обширные ямы, обложенные по периметру каменными обкладками или деревянными стенами, сверху перекрытые деревянным настилом.

Рядовые трупоположения, как правило, находятся в узких овальных или неправильной формы ямах, соответствующих размеру костяка или немного больше. Изредка встречаются захоронения в деревянной колоде, о чем

свидетельствуют древесный тлен, или, там где сохраняется дерево, колода (Собоцко, пов. Овала, погребение 3).

Ориентировка трупоположений самая различная, кроме западной. Наиболее часто встречаются южная с различными отклонениями и северная.

Положение костяка в пшеворских трупоположениях различно. Чаще покойника укладывали на боку с подогнутыми ногами или в сугубо скорченном положении. Реже скелет лежит на спине в вытянутом положении. При таком положении ноги могут быть вытянуты (что более характерно для позднеримского времени) или слегка подогнуты. К сожалению, статистический учет положения пшеворских трупоположений весьма затруднителен, так как в публикациях не всегда эта деталь отмечается.

Положение рук также бывает самое различное. Наиболее распространенным, пожалуй, является положение, когда правая или левая рука согнута и лежит на тазовых костях, а другая — вытянута вдоль тела. Иногда обе руки вытянуты вдоль тела или согнуты и уложены на груди или в области таза; иногда обе согнуты, одна лежит на груди, другая — в области таза. У скорченных костяков нередко руки согнуты и уложены перед лицом.

* * *

Большинство пшеворских погребений не имеет погребальных сооружений. Использование камней — отдельных или в большом количестве, составляющих нередко различные конструкции, — отмечается в пшеворских могильниках довольно часто, хотя и не в таких массовых и разнообразных формах, как в других рассмотренных нами культурах. В пшеворской культуре встречаются лишь каменные конструкции двух типов и деревянная конструкция одного типа.

Каменные вымостки в один, очень редко два и три слоя камней, перекрывающих могильную яму, или выложенные в яме над погребением (над урной или кучкой костей), представляют в пшеворской культуре вид деградирующей конструкции. Если в лужицкой и поморской культурах, а в эпоху, синхронную пшеворской, — в области распространения оксывской культуры, каменные вымостки представляют собой очень четкие и внушительные сооружения в виде выложенных на значительной горизонтальной плоскости камней, то в пшеворской культуре вымостка состоит, как правило, из нескольких камней, уложенных на одном горизонте, далеко не всегда примыкающих друг к другу и не образующих вымостку в полном смысле этого слова.

⁵⁹ J. Szydlowski, 1964a, стр. 544.

Совсем редко встречаются вымостки, выложенные на дне ямы, на которых помещено само захоронение.

Погребальная яма бывает обложена камнями, но этот прием в пшеворской культуре встречается реже. В таких погребениях стенки ямы или вся яма — и стенки и дно — выложены мелкими камнями.

Значительно чаще встречаются погребения, в которых рядом с урной или костями или в засыпном грунте встречаются отдельные камни. Далеко не всегда камни в яме можно считать намеренно внесенными. Вполне возможно допустить их случайное попадание в погребальную яму. Однако тот факт, что в могильниках, где подобные факты зафиксированы, камни встречаются не в одной могиле, а также отмеченные следы огня на этих камнях, — все это позволяет видеть в них объекты, не случайно попавшие в могильную яму. По-видимому,

камень имел какое-то магическое значение при совершении ритуала захоронения.

Известны случаи, когда камень, иногда значительных размеров, помещен над погребением так, что виден на современной поверхности или находится под дерновым слоем. Их, вероятно, следует трактовать как надгробные сооружения, отмечающие могилу на поверхности кладбища.

Из деревянных конструкций в пшеворской культуре известны так называемые каморы. Камора — сооружение вроде деревянного ящика, в который помещено захоронение. В каморах помещались захоронения всех видов — и сожжения в урне и без урн, и трупоположения.

Конструкции этого типа встречаются преимущественно в «княжеских» курганах. Более подробно они рассмотрены нами в разделе, посвященном курганам.

Часть II

Познакомив читателей со всеми существующими в пшеворской культуре признаками погребального обряда, рассмотрим теперь эти признаки во времени и с точки зрения их территориального распространения.

Сожжения. Господствующий в пшеворской культуре обряд сожжения в течение пяти столетий существования этой культуры видоизменялся от периода к периоду.

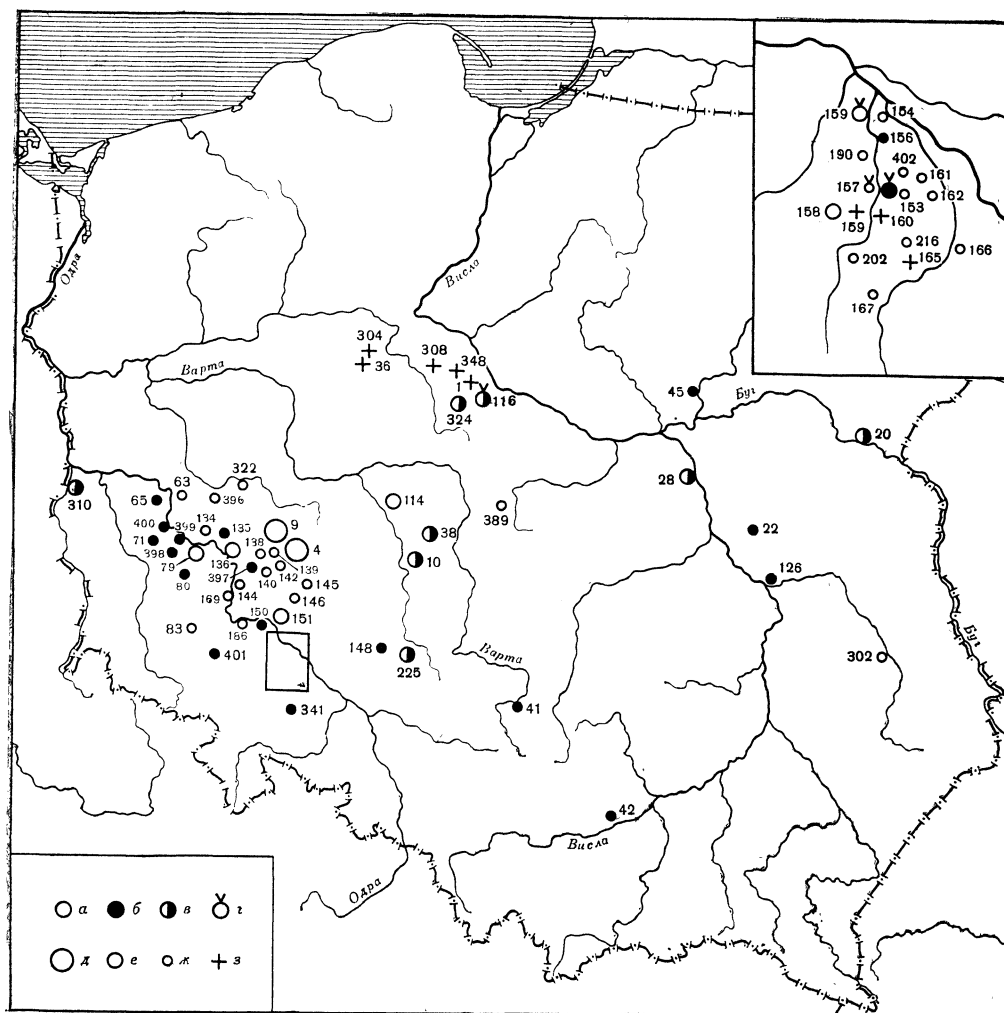
В позднем латене господствует обычай помещать остатки сожжений в яму. Урновые погребения в этот период встречаются лишь в единичных случаях (табл. I—III). В могильниках, где количество погребений периода позднего латена составляет несколько десятков, таких, как Домарадзице, Вымыслово, Весулки, Задовице, Пиотрков Куявский, Вежбице, либо есть только безурновые погребения, либо безурновые составляют значительное большинство, тогда как урновые — 3—4% (как исключение на двух памятниках — в Вилянове и Бодзаново — 20—22%) (рис. 52).

В римское время соотношение между безурновыми и урновыми захоронениями изменяется. В могильниках того времени начинают преобладать урновые захоронения (рис. 53). Суммарные данные римской эпохи не отражают всей глубины процессов, происходивших в погребальном обряде пшеворской культуры, тогда как анализ длительно используемых и детально датированных могильников (табл. I—III) позволяет проследить динамику развития погребального обряда. Так, легко заметить, что соотношение между безурновыми и урновыми погребениями в I в. н. э. не изменяется по сравнению с предшествующим перио-

дом. Как и в позднем латене, в I в. н. э. сожжения, помещенные в яму, преобладают. Тенденция к преобладанию урновых захоронений прослеживается только со II в. н. э. и продолжается в III в. н. э., т. е. захватывает начальную фазу позднеримского периода. В обстоятельно исследованных могильниках (рис. 54) удалось проследить, что преобладание урновых погребений относится лишь к ступеням B_2 — C_2 . В том, что это явление продолжается какое-то время в III в. н. э., убеждает нас анализ следующих памятников: Копки, Хорула, Калиновице, Носоцице, Вымыслово, Задовице, Млодзиково, Домарадзице, Конин, Лахмировице (табл. I—III).

На позднейшей ступени римского периода, в конце III и в IV в. н. э., происходит новое изменение в соотношении видов сожжений. Урновых захоронений становится значительно меньше, опять преобладают безурновые погребения. Однако этот процесс не был просто возвратом к старому обряду. Среди безурновых захоронений поздней фазы римского времени в значительном числе выступают углубленные и так называемые послойные погребения, последние на памятниках добродзеньской группы преобладают. Появление на ряде памятников послойных погребений, составляющих большинство, позволило польским археологам выделить среди пшеворских памятников добродзеньскую группу.

Если рассматривать последние две группы сожжений — погребения углубленные и послойные — в их хронологическом развитии, то можно констатировать, что спорадически они выступают в могильниках позднего латена, где

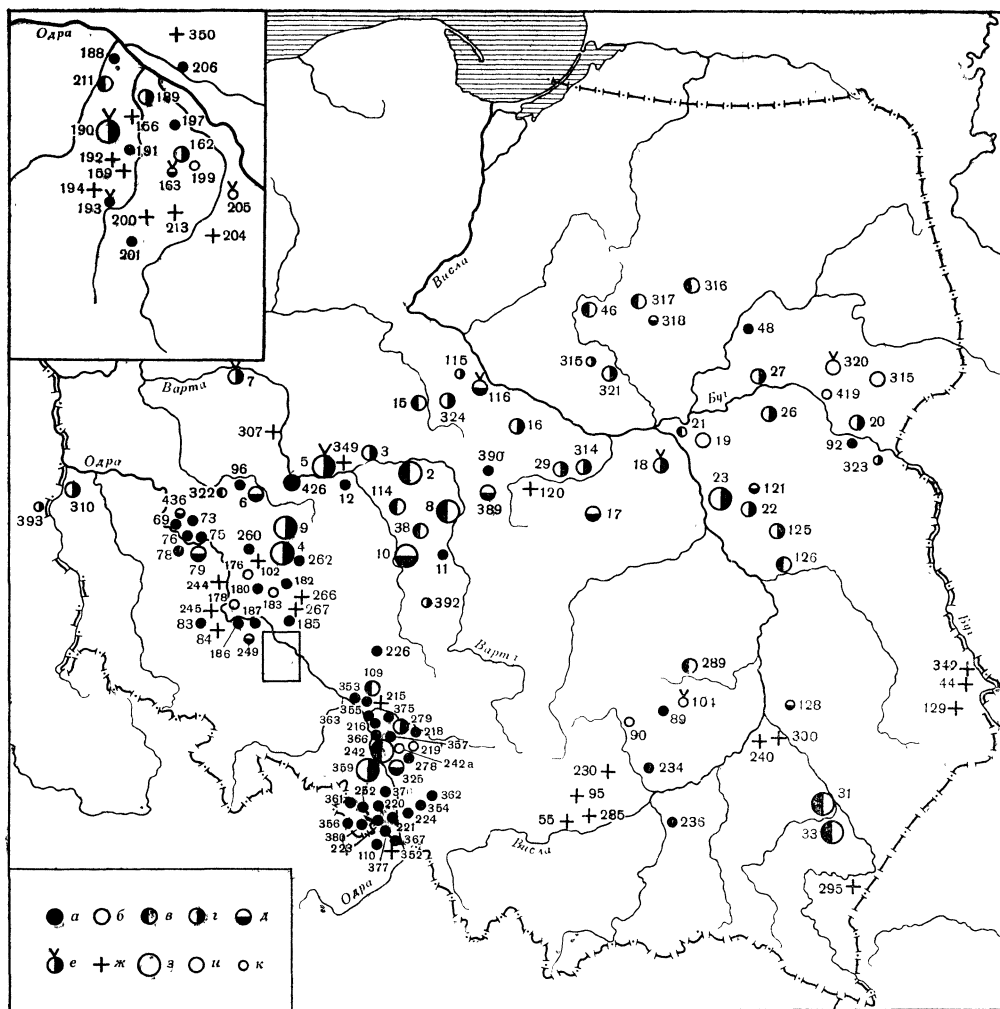
Р и с. 52. Распространение могильников позднего латена

а — могильники с безурновыми погребениями; б — могильники с урновыми погребениями; в — могильники с преобладанием безурновых погребений; г — могильники с преобладанием безурновых погребений и отдельными труположениями; д — могильники с несколькими сотнями погребений; е — могильники с несколькими десятками погребений; ж — единичные сожжения; з — единичные труположения

известны лишь единичные погребения, которые по формальным признакам можно отнести к указанным группам сожжений. Исключение представляет могильник в Вилинобо, все погребения которого датированы поздним латеном, а углубленные погребения составляют значительное большинство. К сожалению, ни сделать правильные подсчеты, ни проследить действительное распространение памятников с сожжениями этого типа в настоящий момент нельзя. Эти группы сожжений были выделены лишь в последнее время и до сих пор не всегда обособляются от группы безурновых сожжений. Однако при картографировании памятников с сожжениями, как углубленными (рис. 55), так и послойными (рис. 56), которые уда-

лось зафиксировать, следует отметить их значительный разброс по территории пшеворской культуры, что говорит об устойчивости выделенных типов в погребальном обряде пшеворской культуры.

Так называемые спрессованные сожжения не являются характерными для пшеворской культуры. Зафиксированы они всего в трех пунктах как одиночные погребения в могильниках (рис. 55), в погребениях поздне римского времени. Появление подобных захоронений в пшеворской культуре, по-видимому, было следствием влияния со стороны германских культур, где они занимают заметное место. В частности, аналогичные погребения известны в ясторфской культуре, где они появляются в

и с. 53. Распространение пшеворских могильников римского времени

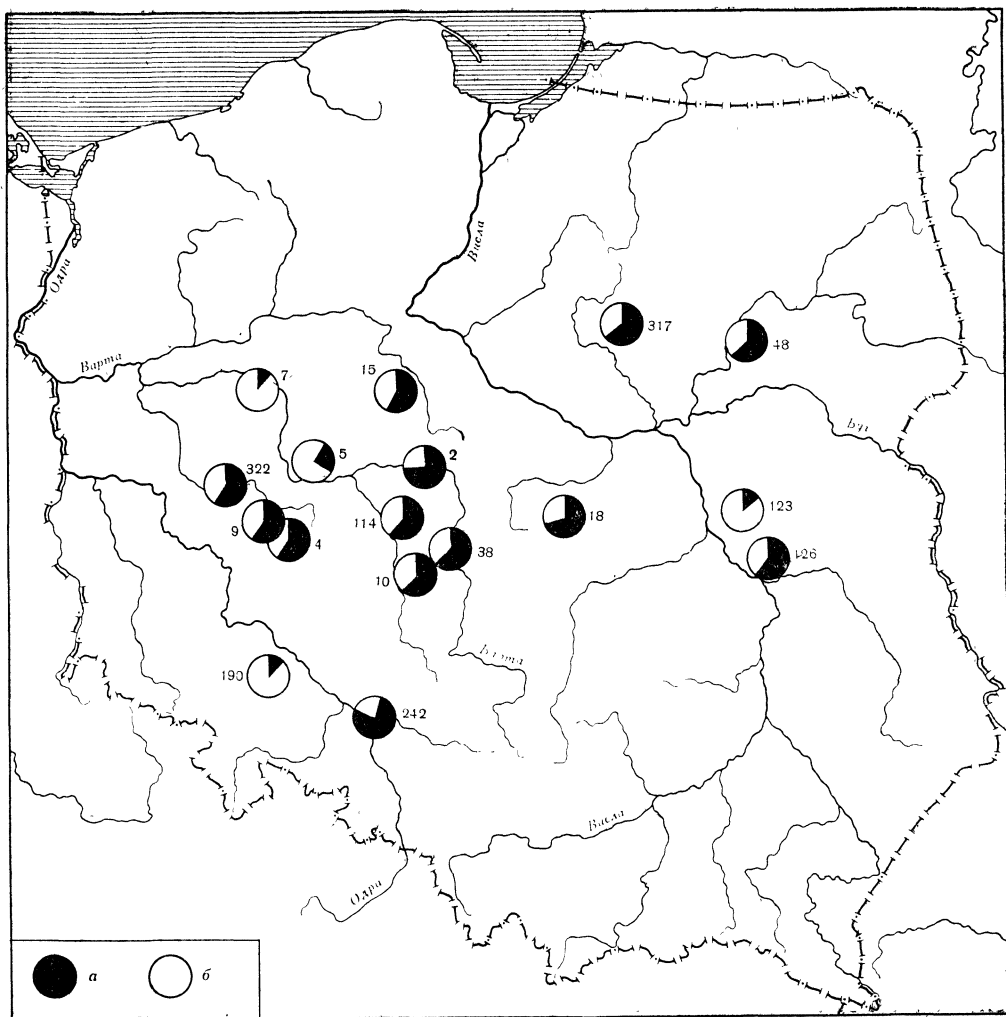
а — урновые погребения; б — безурновые погребения; в — могильники с преобладанием урновых погребений; г — могильники с преобладанием безурновых погребений; д — могильники, в которых урновых и безурновых погребений поровну; е — могильники с сожжениями и труположениями; ж — единичные труположения; з — могильники с несколькими сотнями погребений; и — могильники с несколькими десятками погребений; к — могильники с десятью и меньше погребениями

среднем латене (стадия рипдорф) и затем последовательно проходят через все стадии развития этой культуры вплоть до позднеримской эпохи. Известны спрессованные погребения в Скандинавии и в оксфвской культуре, однако только в погребениях позднего латена. В последующие периоды спрессованные погребения на территории этих культур исчезают (табл. IV).

Вероятно, к этой же группе следует отнести и погребения сожжений в ларце или в коробке из органических материалов, характерные для Южной Скандинавии⁶⁰.

Рассматривая обряд сожжения, нельзя оставить без внимания группу памятников добродзеньского типа, относящихся к позднейшей фазе римского времени (C₃ — D). Эта группа занимает компактную территорию в междуречье верховьев Одры и Варты (рис. 56). В настоящее время известно шесть памятников добродзеньского типа. Отличительная особенность их заключается в том, что они не имеют отдельных погребений. Почти не расчленяемый слой сожжений, где остатки костра и сопровождающего инвентаря перемешаны по всей территории могильника, залегает, как правило, неглубоко под поверхностью — на глубине 20—40 см. Фрагменты керамики, часто сильно ош-

⁶⁰ K. Godłowski, 1969, стр. 123.

Р и с. 54. Схема процентного соотношения урновых и безурновых погребений в раннеримском периоде
а — урновые погребения; б — безурновые погребения

лакованные, разбросаны по всему могильнику, и нередко целые сосуды можно собрать из фрагментов, найденных в разных его частях. Могильники добродзеньской группы пока исследованы очень плохо, и еще хуже изданы результаты раскопок. Как правило, это лишь небольшие информации и сообщения. Этим объясняется и недостаточно четкое представление о них. Не всегда ясно, производилось ли сожжение на месте или на стороне, хотя есть упоминания о следах сожжения на месте⁶¹.

Решая вопрос о происхождении захоронений этого типа, польские археологи отмечают, что ряд фактов свидетельствует о постепенной эволюции погребального обряда на территории Верхней Силезии, где локализуется добродзеньская группа памятников. Такая эволюция наблюдается наиболее выразительно на таких

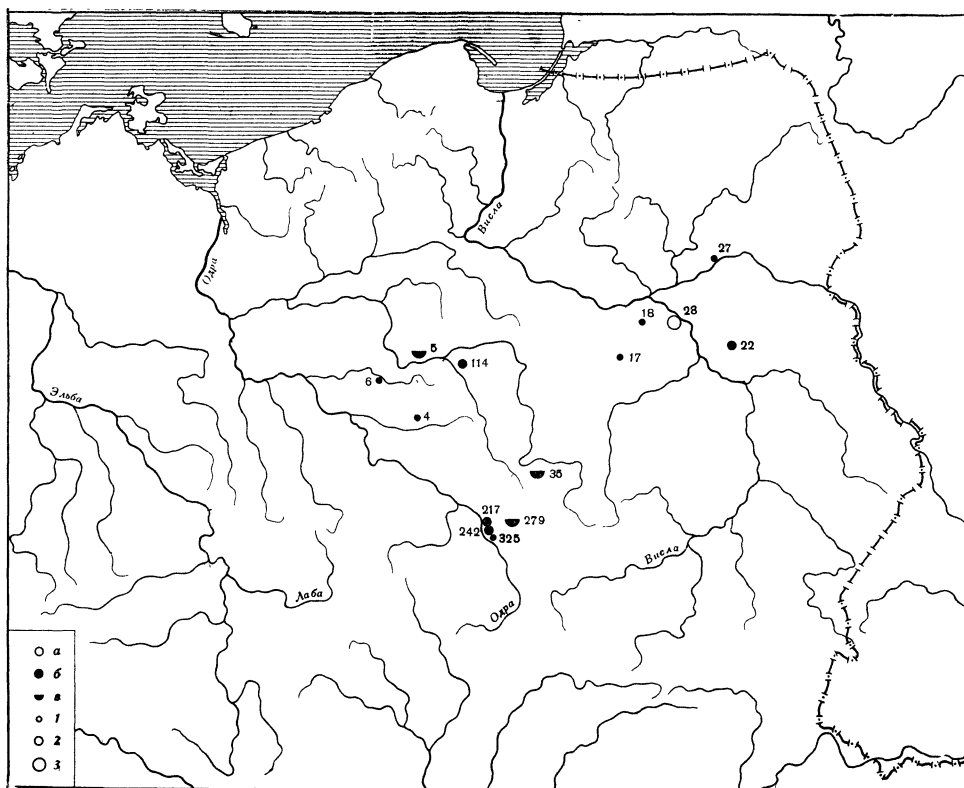
памятниках, как Опатов, Тарнов, Избицко, где наряду с распространенными в пшеворской культуре урновыми и безурновыми захоронениями в поздней фазе существования этих могильников выявлены погребения добродзеньского типа⁶².

К. Годловский обращает внимание на тот факт, что обычай рассеивания остатков сожжения на значительном пространстве встречается на территории, занятой в эпоху латена кельтской культурой, а также в кругу дакийских культур и на территории их стыка с позднелатенской кельтской культурой. Такой обряд зафиксирован, например, в курганных могильниках Семиградья I—III вв. н. э. в Румынии⁶³, а также в кельтско-дакийских курганах

⁶² К. Godłowski, 1969, стр. 136.

⁶³ С. Diakoviciu, 1943, стр. 111—112; М. Macrea, 1957, стр. 207, 216; М. Macrea, D. Bertha, 1955, стр. 561—621.

⁶¹ К. Godłowski, 1969, стр. 126.

Р и с. 55. Распространение углубленных и спрессованных сожжений в пшеворской культуре
а — углубленные погребения позднего латена; *б* — углубленные погребения римского времени;
в — спрессованные погребения римского времени
 1 — единичные погребения; 2 — больше десяти погребений на памятнике; 3 — до 50 погребений на памятнике

конца латена и раннеримского времени в Восточной Словакии⁶⁴. К близким аналогиям относятся погребения под курганами в культуре подкарпатских курганов, оставленные также дакийским населением. Подобный же обряд зафиксирован в могильниках эпохи латена в Южной Чехии⁶⁵. Отличие добродзенских могильников от упомянутых здесь состоит в отсутствии курганных насыпей. К. Годловский объясняет причину распространения кельто-дакийских влияний в пшеворской культуре тем, что в позднеримском периоде в некоторых районах наблюдается «латенский ренессанс», проявившийся в возрождении целого ряда модифицированных позднелатенских элементов. В частности, именно к ним он считает возможным отнести появление могильников добродзенской группы.

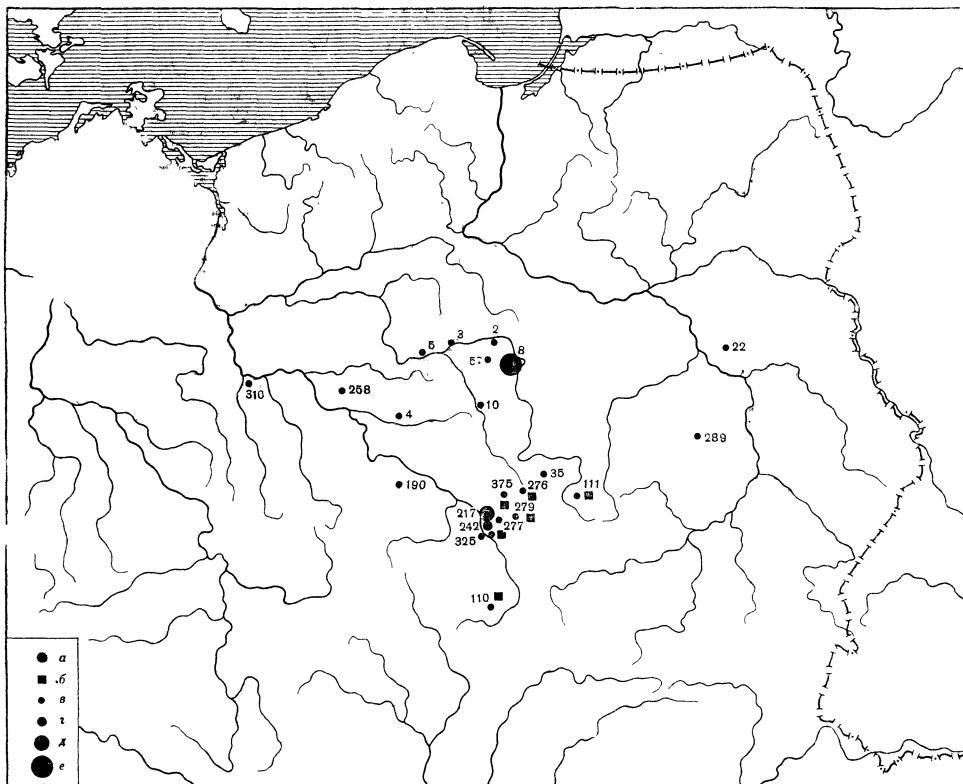
Трупоположения. В позднем латене трупоположения локализуются в двух районах. Первый расположен в Средней Силезии — это не-

большая область правобережья Одры, заключенная между ее притоками Быстрицей и Олавой, в районе Вроцлава (вроцлавская группа). Второй — район Куявии и прилегающие районы Великопольши, в междуречье Варта — Нотець (северная группа) (рис. 57). Что касается района Средней Силезии, то, как известно, эта территория в предшествующий период — с IV по конец II в. до н. э. — была колонизована кельтами; о чем свидетельствуют выявленные здесь собственно кельтские памятники⁶⁶. В I в. до н. э. кельты с этой территории были вытеснены носителями пшеворской культуры, ранние памятники которой распространяются по всей территории Нижней и Средней Силезии. Обращает на себя внимание тот факт, что позднелатенские могильники с трупоположениями (вроцлавская группа) локализуются точно на территории бывшей кельтской колонии. Исходя из этого естественно было бы предположить, что кельты, погребальный обряд которых характеризуется исключительно

⁶⁴ V. Budinsky-Kička, 1961.

⁶⁵ K. Godłowski, 1969, стр. 137.

⁶⁶ M. Jahn, 1931; B. Czerska, 1970, карта 1; Z. Woźniak, 1970, карта 1.

Р и с. 56. Распространение послойных погребений пшеворской культуры и памятников добродзенского типа

а — послойные погребения; б — памятники добродзенского типа; в — единичные погребения; г — более десяти погребений на памятнике; д — более 50 погребений на памятнике

трупоположениями⁶⁷, оказали влияние на последующую культуру. Это мнение давно уже утвердилось в польской литературе⁶⁸. Рассмотрим, так ли это.

Вроцлавская группа включает четыре могильника с трупоположениями эпохи позднего латена: Гулов, Венгры, Вильчков и Собоциско — всего восемь погребений (табл. V). Мы располагаем более или менее полными данными о шести погребениях. Все шесть костяков скорчены, лежат либо на боку, либо на животе, ориентировка даже в столь немногих погребениях весьма разнообразна: южная — 1; северо-западная — 1; восточная — 2; направление восток — запад — 1 (точная ориентировка неизвестна); западная — 1⁶⁹. Сопоставляя трупоположения кельтской и пшеворской культур, обнаруживаем следующее: если для кельтских

захоронений характерно вытянутое положение костяка преимущественно с северной ориентировкой (южная встречается лишь изредка), то для пшеворских трупоположений позднего латена — скорченное и весьма разнообразная ориентировка, т. е. весь обряд резко противоположен.

По данным З. Возняка во вроцлавской группе кельтских погребений имеется два пункта со скорченными погребениями. Однако при обращении к первоисточникам выясняется, что в Садовице⁷⁰ костяк только предположительно скорчен, точных данных нет, а в Собоциско⁷¹ из 22 костяков 20 вытянуты и только 2 скорчены, но без вещей. Поскольку в этом же могильнике известны и пшеворские трупоположения, то безоговорочное отнесение их к кельтским захоронениям весьма сомнительно, так как с уверенностью можно утверждать, что скорченность костяков нехарактерна для кельтов.

В северной группе к периоду позднего латена относится семь могильников с трупоположе-

⁶⁷ B. Czerska, 1970, стр. 160.

⁶⁸ J. Kostrzewski, 1936, стр. 180—183; Z. Woźniak, 1970, стр. 181.

⁶⁹ Это единственное погребение с западной ориентировкой в пшеворской культуре, что весьма интересно, если сведения о нем не являются опечаткой.

⁷⁰ Z. Woźniak, 1970, карта 1, № 26.

⁷¹ Там же, № 27.

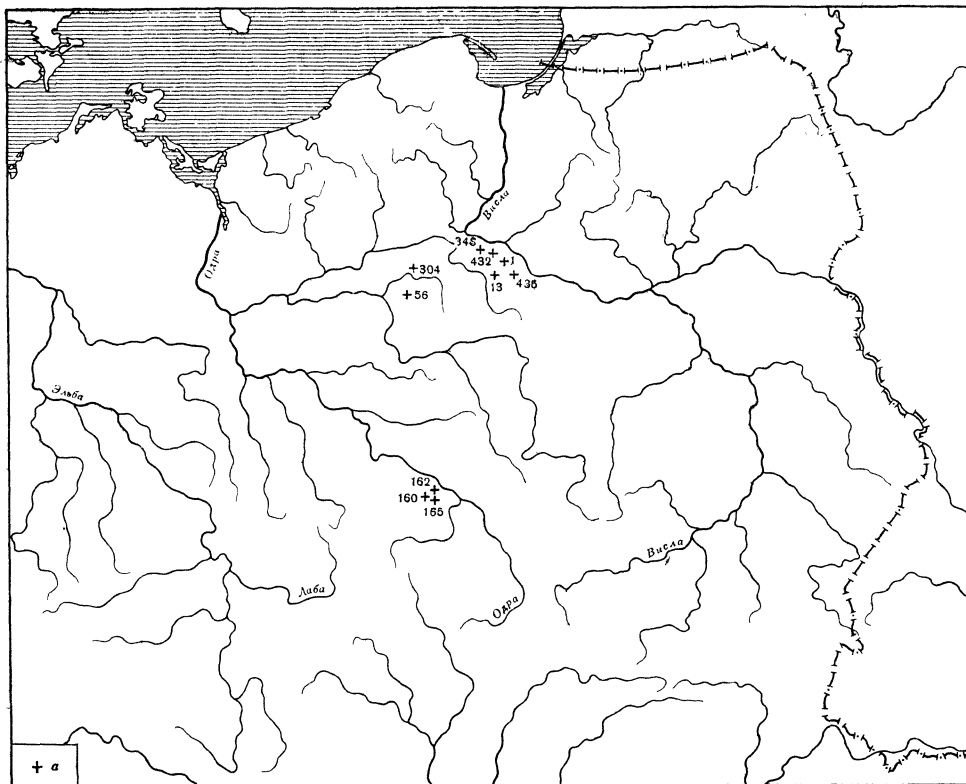

Рис. 57. Распространение труположений в ишеворской культуре в позднем латене
а — единичные труположения

ниями. Однако более или менее подробными сведениями мы располагаем только о восьми погребениях. Все костяки скорчены, как правило, лежат на боку, ориентировка различна: на север — 1; на северо-запад — 2; на северо-восток — 1; на юг — 2 (табл. V). В этой группе, в отличие от вроцлавской, преобладает северная ориентировка, однако устойчивая скорченность и удаленность от южных районов непосредственных контактов с кельтами также не дают оснований относить возникновение обряда труположения к прямым кельтским влияниям.

В раннеримском периоде количество погребений с труположениями увеличивается, расширяется и территория их распространения. Как и в позднем латене, труположения в основном концентрируются в двух областях: в Средней Силезии — вроцлавская группа; в Куявии и северных областях Великопольши — северная группа. Вместе с тем отдельные труположения встречаются в междуречье Варты — Одры, в северных областях Мазовии и в Малопольше (рис. 58). По-прежнему это либо отдельные погребения, либо одиночные погребения в больших могильниках, где господствует обряд сожжения. Как и прежде, преоблада-

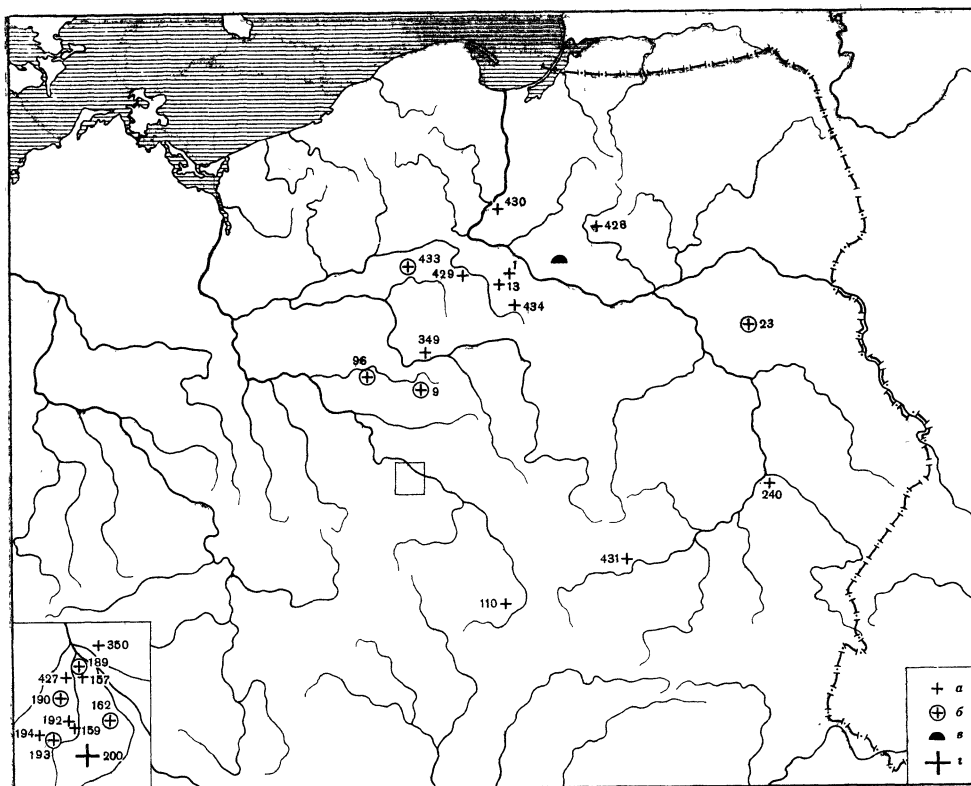
ют южная ориентировка и скорченное положение костяка (табл. V).

Вроцлавская группа включает восемь могильников с труположениями — всего 28 погребений, из них: южная ориентировка — 9 (скорченных — 3, одна нога подогнута — 2, об остальных данных нет); северная — 1 (о положении ног данных нет); направление север — юг — 2 (о положении ног данных нет); северо-западная — 2 (скорченные), юго-западная — 1 (скорченное); ориентировка неизвестна — 13.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что скорченное положение костяка не зависит от ориентировки и является самостоятельным и устойчивым признаком пшеворских труположений.

Северная группа, к сожалению, не дает возможности для подсчетов, поскольку мы располагаем данными только из двух могильников — в Адольфине и Бодзанове. В этих могильниках шесть погребений раннеримского времени: южная ориентировка — 3, юго-западная — 1, юго-восточная — 1, и все труположения скорчены.

В позднеримском периоде картина распространения труположений в значительной сте-

Р и с. 58. Распространение труположений в пшеворской культуре в раннеримское время

а — единичные труположения; б — единичные труположения в могильнике с сожжением; в — труположения под курганом; г — могильник с труположениями в количестве более десяти погребений на памятнике

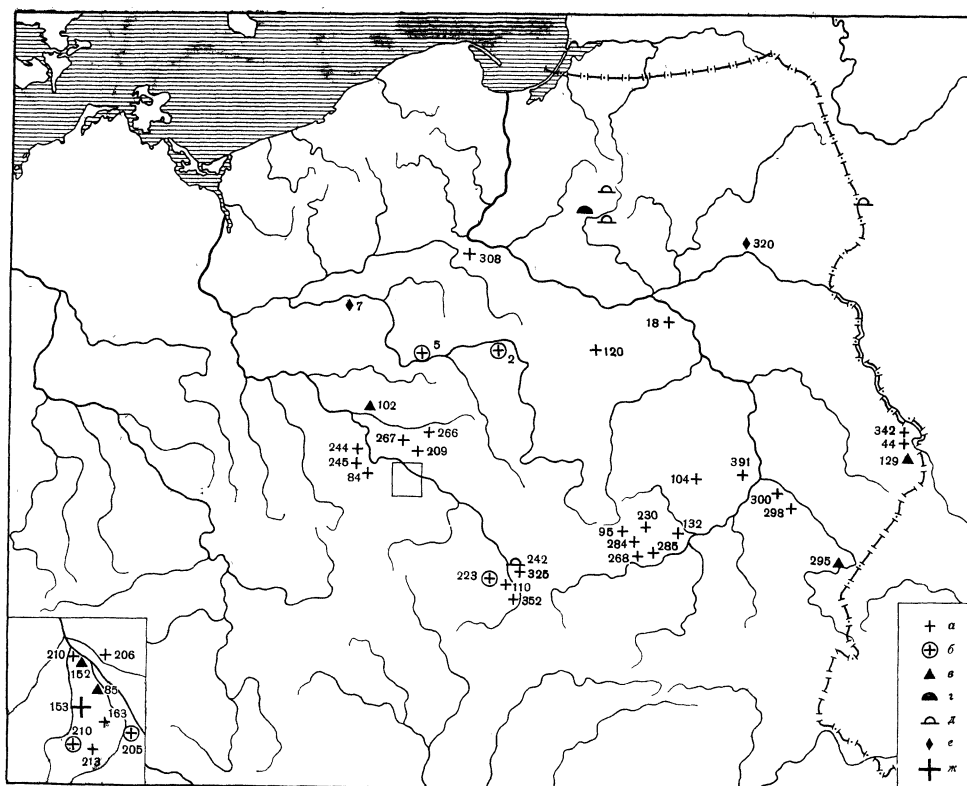
пени меняется (рис. 59). Сокращается количество пунктов с труположениями во вроцлавской группе, тогда как одиночные или немногочисленные группы труположений распространяются в других районах Средней и Нижней Силезии, а также в Верхней Силезии, где в позднелатенское время их не было совсем. Практически исчезает северная группа: в позднеримском периоде труположения на этой территории не встречаются. Зато многочисленные труположения появляются в центральных районах Великопольши, Мазовии, в восточных районах Малопольши, на Буге, в районе Хрубешева. Компактная группа памятников с труположениями образуется в районе Кракова. К этому времени относится значительно большее количество богатых погребений с римским импортом. Появляются могильники только с труположениями (например, в Жерниках Великих) или такие, где они составляют значительный процент.

Изменения наблюдаются и в ориентировке и положении костяка. Если в ранние периоды северная ориентировка встречалась как исключение, то в позднеримское время погребений

северной ориентировки значительно больше, на некоторых памятниках они преобладают (табл. V). Эта тенденция особенно наглядно прослеживается в хорошо раскопанных могильниках с большим количеством труположений (Жерники Великие и Брулино-Коски).

В рассматриваемый период костяки в скорченном положении по-прежнему преобладают, однако в значительном количестве встречаются и вытянутые труположения, лежащие на спине. Руки уложены в самых различных положениях: обе руки вдоль тела; левая или правая согнута и уложена в области таза; обе руки уложены в области таза или на груди; левая или правая поднята к лицу, а другая уложена в области таза; обе руки подняты к лицу. Господствуют первых три положения.

Подводя итоги, можно отметить, что в пшеворской культуре обряд труположения в своем развитии претерпевает ряд изменений. Если на первых двух этапах существования культуры обряд труположения концентрируется в двух сравнительно небольших районах (вроцлавская и северная группы), то на поздней фазе развития культуры эти группы прак-

Р и с. 59. Распространение труположений в пшеворской культуре в позднеримское время

а — единичные труположения; *б* — единичные труположения в могильнике с сожжением; *в* — единичные богатые труположения; *г* — труположения под курганом; *д* — «княжеские» труположения; *е* — могильники со значительным процентом труположений; *ж* — могильники только с обрядом труположения (более 50 погребений)

тически распадаются и наблюдается значительный разброс обряда по территории культуры. На поздней стадии заметны количественные изменения, однако перехода к биритуальности в пшеворской культуре не происходит. Это явление зафиксировано только в могильнике в Брулино-Коски, где на 33 погребения приходится 13 труположений. Вообще по обряду этот могильник выделяется: здесь представлена исключительно только северная ориентировка, нет скорченных костяков и только у одного согнута одна нога, причем другая вытянута. Обособленность этого могильника по погребальному обряду согласуется с выводами исследователя А. Кемписты о включении памятников территории зависленской Мазовии в особую группу и выделении ее из пшеворской культуры⁷². В Мазовии известны памятники, на которых труположения составляют значительный процент. В той же мере это относится и к могильнику в Слопаново (Великопольша), где из 21 погребения в 11 — труположения, все вытянуты на спине, ориентировка устойчивая — во всех погребениях северо-западная. Выявляется следующая закономерность: в позднеримскую эпоху на территории пшеворской культуры появляются могильники, в которых значительный процент составляют труположения, по ориентировке, положению костяка, ассортименту сопровождающего инвентаря сходные с погребениями северных районов Европы и в частности с территорией Нижнего Повисленья, островом Готланд и восточными районами южной части Скандинавского полуострова, где обряд труположения господствует, распространена преимущественно северная ориентировка костяков, скелет, как правило, лежит на спине, в вытянутом положении (табл. VI).

Не берясь в полной мере решать вопрос о происхождении обряда труположения в пшеворской культуре, выскажем, однако, некоторые соображения. Гипотеза, связывающая появление ингумации с кельтским влиянием, не лишена рационального зерна. Действительно, в предшествующее пшеворской культуре

положения, все вытянуты на спине, ориентировка устойчивая — во всех погребениях северо-западная. Выявляется следующая закономерность: в позднеримскую эпоху на территории пшеворской культуры появляются могильники, в которых значительный процент составляют труположения, по ориентировке, положению костяка, ассортименту сопровождающего инвентаря сходные с погребениями северных районов Европы и в частности с территорией Нижнего Повисленья, островом Готланд и восточными районами южной части Скандинавского полуострова, где обряд труположения господствует, распространена преимущественно северная ориентировка костяков, скелет, как правило, лежит на спине, в вытянутом положении (табл. VI).

⁷² А. Кемписты, 1965, стр. 174—175.

время обряд трупоположения отсутствует на территории Польши (поморская культура) и появляется в среднем латене только в области проникновения кельтов, а затем именно там, где были кельты, в раннепшеворское время локализуется обряд трупоположения (вrocławская группа). Однако сравнение обрядов, как мы показали выше, дает основание для серьезных возражений против упомянутой гипотезы. Против точки зрения Ю. Костшевского о связи пшеворских трупоположений с кельтскими можно выдвинуть два серьезных аргумента: 1) ориентировка погребений не совпадает — если у кельтов господствует северная, то в пшеворских захоронениях преобладает южная; 2) если для кельтов характерно устойчивое, без отклонений, вытянутое на спине трупоположение, то в пшеворской культуре преобладают на всех этапах скорченные костяки, часто лежащие на боку, что вообще не встречается в кельтских погребениях.

Ставя под сомнение точку зрения польских археологов на возникновение обряда трупоположения в пшеворской культуре, попробуем подойти к вопросу с другой стороны, сравнив обряд ингумации пшеворской культуры и окружающих культур, в частности оксывской, ясторфской, острова Готланд и Скандинавии. Оказывается, что в кругу культур Северной Европы этот обряд раньше всего появляется в пшеворской культуре (табл. VI). В позднем латене ни в одной из перечисленных культур обряд ингумации неизвестен. В римское время, когда обряд трупоположения появляется в Северной Европе и даже становится одним из ведущих, он по ориентировке и положению костяка в значительной мере отличается от пшеворского. Следовательно, возможность влияния северных районов Европы на распространение в пшеворской культуре обряда ингумации исключается.

Обращаясь к эпохам, предшествующим пшеворской культуре, отметим, что обряд трупоположения не имеет последовательной преемственности на территории Польши. Если в лужицкой культуре этот обряд, вероятно унаследованный от предшествующих времен, хотя и не являясь распространенным, продолжает встречаться, то в поморской культуре он полностью отсутствует.

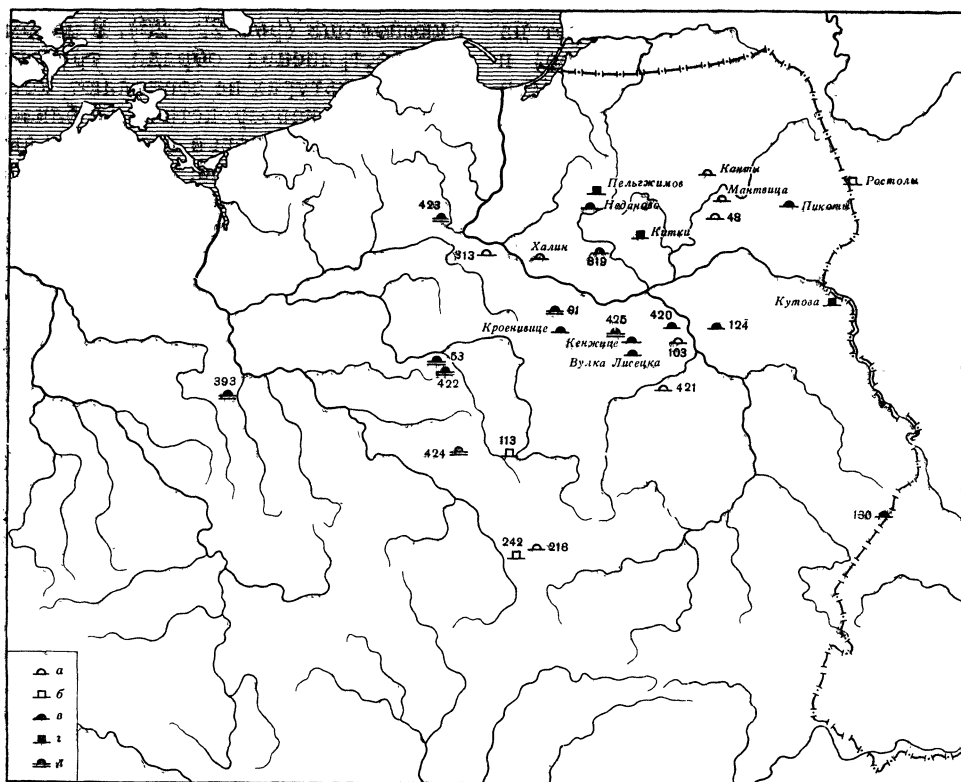
Возможность сравнительного анализа с лужицкой культурой ограничена в результате недостаточности фактического материала. По данным, собранным Т. Малиновским, установлено, что основной областью распространения обряда трупоположений в лужицкой культуре было междуречье верховьев Варты—Одры и лишь отдельные могильники с трупоположениями зафиксированы в северных областях Ве-

ликопольши (рис. 22—25). В целом территории распространения обряда трупоположений в обеих культурах не совпадают, хотя и находятся в самой непосредственной близости. С точки зрения ориентировки в обеих культурах много общего. В лужицкой, как и в пшеворской, преобладает южная ориентировка, хотя достаточно часто встречается и северная. О положении костяков в лужицкое время известно, что есть и скорченные, и вытянутые на спине; данных о количественном преобладании того или другого нет. Во всяком случае сравнительный анализ выявляет много общих черт в обряде ингумации лужицкой и пшеворской культур.

Итак, мы приходим к следующим выводам. Трудно согласиться с распространенным в польской археологии мнением о возникновении обряда ингумации под влиянием кельтской цивилизации. Совпадение ряда признаков лужицкой и пшеворской культур позволяет поставить вопрос о возрождении в пшеворское время древних традиций, хотя явление это пока необъяснимо, поскольку хронологический разрыв не позволяет говорить о прямой преемственности. Пути решения этой проблемы могут лежать в двух направлениях. Возможно, со временем трупоположения будут обнаружены и в поморской культуре, и прежде всего их следует ожидать в верхнесилезско-малопольской группе памятников; с другой стороны, уточнение последних периодов существования лужицкой культуры и ее взаимоотношений с группой подклошевых погребений прольет свет и на причины сохранения древних традиций.

Курганы. Курганы, господствующие на территории Польши в культурах эпохи бронзы, с появлением лужицкой культуры почти полностью исчезают, уступая место грунтовым могильникам. Сравнительно небольшое количество курганов, встречающихся в лужицкой и поморской культурах, можно рассматривать как явление пережиточное. Встречаются захоронения под курганом и на территории, занятой пшеворской культурой, однако это еще не свидетельствует о том, что их можно относить к ней. Более тщательный анализ приводит скорее к обратному выводу.

Карта распространения курганов на территории пшеворской культуры прежде всего свидетельствует о том, что в южных и центральных районах Польши курганы встречаются редко. Так, на территории Силезии известно всего два пункта — по одному кургану в каждом, на территории Малопольши — лишь один пункт с двумя курганами, на территории Центральной Польши — четыре пункта (рис. 60). Значительно чаще курганы встречаются на территории Мазовии и в особенности в северных и северо-восточных районах этой земли. Одна-

Р и с. 60. Распространение курганов на территории пшеворской культуры

а — курганы раннеримского периода; б — «княжеские» курганы раннеримского времени; в — курганы позднеримского времени; г — «княжеские» курганы позднеримского времени; д — седлеминские курганы

ко и здесь нет могильников, состоящих только из курганов, а, как правило, курганы (один-два) зафиксированы в грунтовых могильниках того же времени. Больше шести курганов в одном могильнике неизвестно.

По конструкции насыпи и погребального места, а также по характеру самого захоронения все известные курганы распадаются на группы.

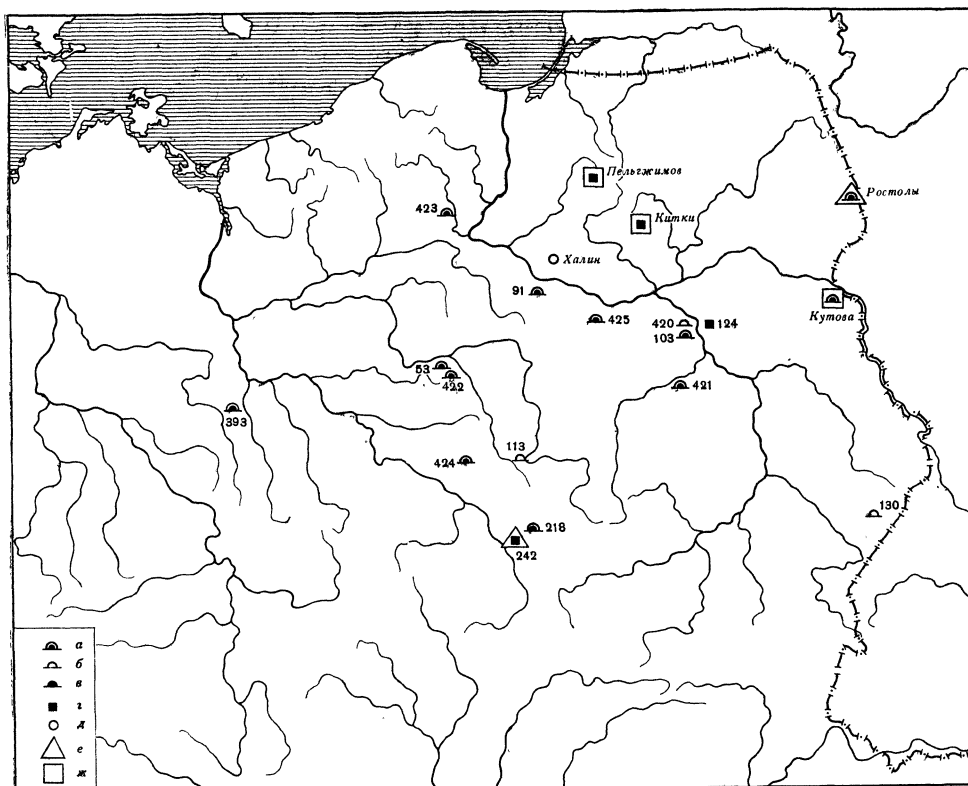
Прежде всего выделяется группа курганов так называемого седлеминского типа. В области пшеворской культуры подобные курганы не локализуются на какой-либо определенной территории, а имеют весьма широкое распространение (рис. 60). Они известны в Центральной Польше, встречаются в нижнем течении р. Ныса-Лужицка, а также на левобережье Вислы, в среднем ее течении. Это хорошо заметные курганы, высотой от 1 до 1,5 м и диаметром 7—15 м. Конструкция насыпи всегда одна и та же. Каменная насыпь, покрывающая погребение и составляющая ядро кургана, сверху прикрыта слоем земли. Под курганной насыпью на уровне погребенного грунта — слой сожжения: остатки костей, уголь, пепел, мелкие черепки,

обожженные и необожженные; вещи, как правило, фрагментарны, повреждены огнем. Инвентарь чаще всего небогат, но встречается оружие — мечи, детали щитов, копья; из орудий труда — ножи; стеклянные и бронзовые вещи, как правило, оплавлены.

При рассмотрении этой группы курганов прежде всего возникает вопрос, можно ли их связать с пшеворской культурой? А. Карпинская, исследовавшая эту группу памятников, к сожалению, не касается вопроса об их культурной принадлежности. Однако в результате ее исследований выясняется, что курганы подобного типа распространены в Европе. На территории Польши за пределами ареала пшеворской культуры они известны в Поморье⁷³. За пределами Польши встречаются на Готланде, в районах Южной Швеции (Упланд и Смаланд), а также в Финляндии⁷⁴. Кроме того, такие же курганы зафиксированы А. Карпин-

⁷³ А. Karpińska, 1926, стр. 84.

⁷⁴ Там же, стр. 85.

Р и с. 61. Распространение различных систем курганных насыпей на территории пшеворской культуры

а — земляная насыпь с каменным ядром; б — земляная насыпь; в — каменная насыпь; г — каменная насыпь в насыпи; д — каменное кольцо у подошвы кургана; е — «княжеские» курганы раннеримского времени; ж — «княжеские» курганы позднеимского времени

ской в северных районах Австрии (Штирия) ⁷⁵, причем там они датируются концом II в. н. э. в отличие от седлеминских курганов Польши, относящихся к позднеимскому времени, как и аналогичные курганы в Скандинавии и Финляндии. Исследуя вопрос о возникновении курганов седлеминского типа, А. Карпинская констатирует, что в Центральной Европе курганы подобной конструкции появляются уже в гальштате в Верхней Баварии и в прилегающих к ней районах Штирии, а также в нижнем течении Рейна; в позднем латене подобные курганы появляются на о. Борнхольм, распространяясь затем на север, в скандинавские страны.

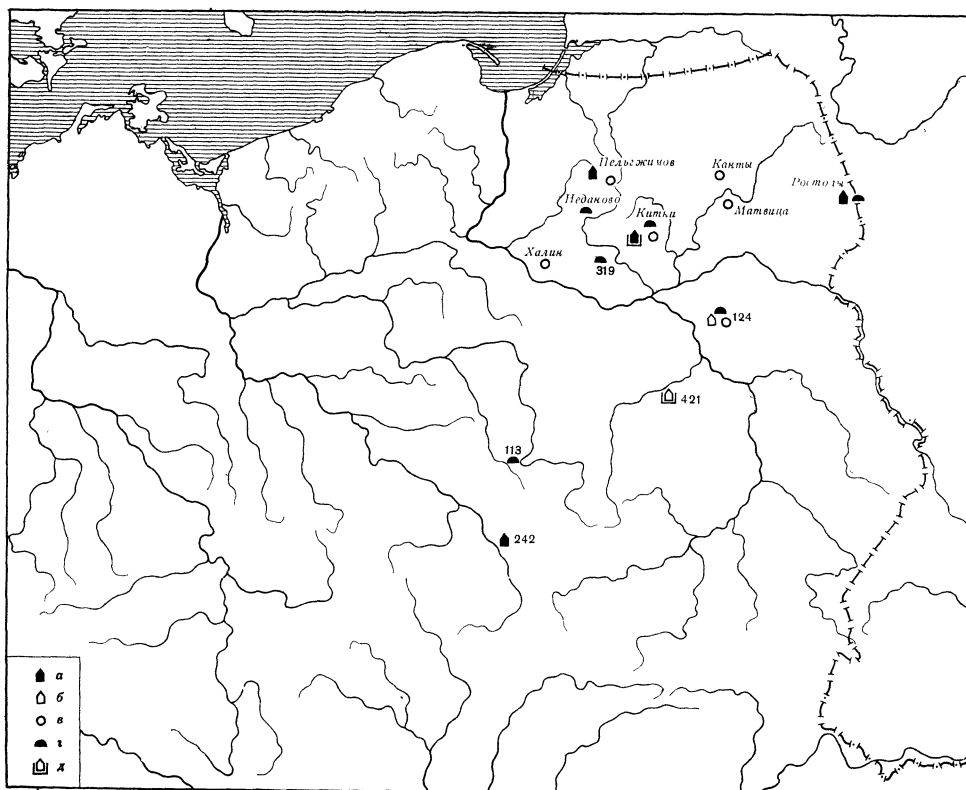
Ставя вопрос об отношении курганов седлеминского типа к пшеворской культуре, следует рассмотреть все признаки — как объединяющие их с рассматриваемой культурой, так и отличающие от нее. Начнем с инвентаря. Следуя анализу А. Карпинской, убеждаемся, что рассмотренный инвентарь имеет весьма широкие

аналогии на территории пшеворской культуры и далеко за ее пределами — в Поморье, на Готланде, в Швеции, в восточных районах ГДР, в Дании. С пшеворской культурой курганы седлеминского типа связывает обычай помещения останков мертвого в виде слоя сожжения, что напоминает о послойных пшеворских сожжениях, характерных для добродзеньской группы этой культуры. Однако сооружение кургана специфической конструкции резко выделяет седлеминскую группу захоронений.

Итак, основываясь на указанных выше признаках, мы склонны выделить памятники седлеминского типа из общей группы памятников пшеворской культуры на том основании, что: 1) для типично пшеворских памятников курган не характерен, 2) группа курганов седлеминского типа выходит далеко за пределы распространения пшеворской культуры, 3) вещи, встреченные в рассматриваемых курганах, имеют широкие аналогии в Европе.

Вопрос о происхождении и культурной принадлежности памятников седлеминского типа может быть решен лишь при детальном изуче-

⁷⁵ А. Karpińska, 1926, стр. 85.

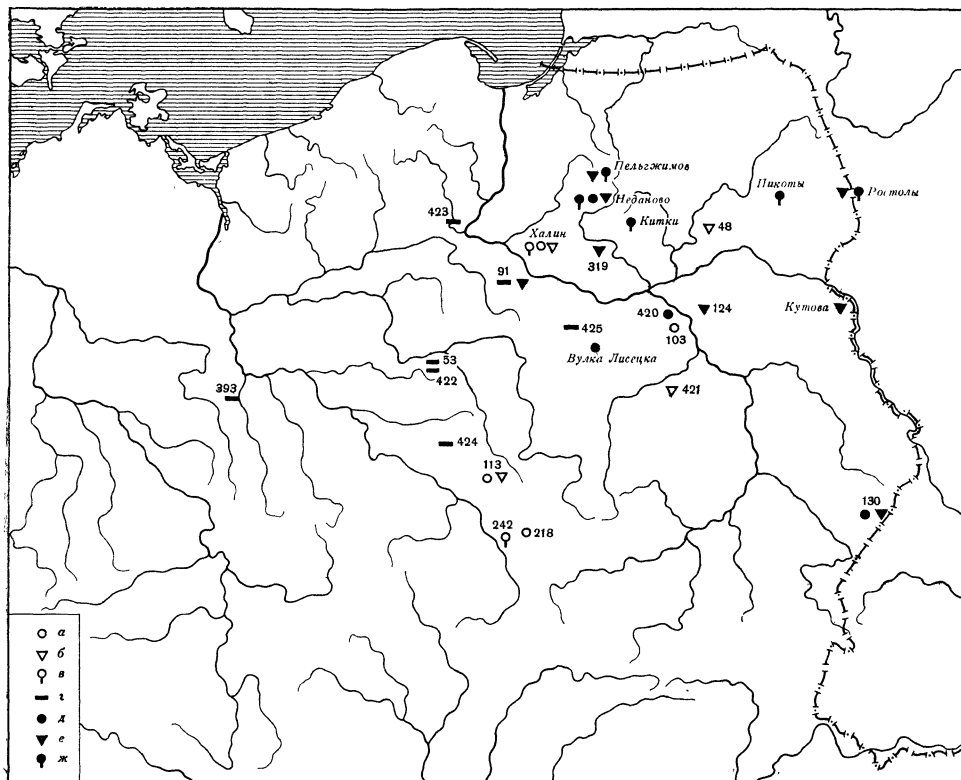
Р и с. 62. Распространение различных систем конструкций под курганной насыпью на территории пшеворской культуры

а — деревянная камера в «княжеских» курганах; б — деревянная камера в простых курганах; в — каменное кольцо под насыпью; г — каменная вымостка под курганом; д — деревянная камера, обложенная камнем

нии всех черт и сравнительном анализе обряда, что выходит за рамки задач, поставленных перед нами.

Вторую группу, выделяемую среди курганов, известных на пшеворской территории, составляет группа так называемых княжеских курганов. Как правило, это единичные курганы в грунтовых могильниках или курганы, стоящие отдельно и не связанные с могильником. Они появляются в раннеримское время и продолжают сооружаться в течение всего римского периода. «Княжеских» курганов на территории пшеворской культуры немного: один курган в Хоруле, два — в Пшивуже — раннеримского времени; курганы в Пельгжимове и Китках — позднеимского времени (рис. 60). Отличительной чертой этих курганов является богатый инвентарь, содержащий импортные вещи из бронзы и серебра, а также богатый набор железных орудий и глиняной посуды. Этот тип курганов отличают также характерные конструкции погребений. Земляная насыпь кургана прикрывает, как правило, каменную ограду, сложенную из камня, высотой до 1 м, диамет-

ром около или более 2 м. В центре ограды находится яма с сожжением. Такая конструкция зафиксирована в двух курганах Пельгжимова и в кургане в Гожьдице, где дополнительно над погребальной ямой сооружена каменная вымостка. Аналогичная наземная конструкция обнаружена в курганах в Хоруле и Китках, где насыпь прикрывала каменную загородку, в центре которой располагалась погребальная яма с труположением (рис. 61). В Хоруле в яме прослежена деревянная камера, в Китках погребальная яма обнесена камнями, внутри которых в деревянном ящике найден скелет захоронения. Погребальная яма прикрыта каменной вымосткой. В Пшивуже «княжеские» курганы имеют земляную насыпь, под которой в центре располагалась каменная вымостка со слоем сожжения под ней. Диаметр вымостки 6,5 м, размер слоя сожжения с человеческими костями 3,8 × 4 м. Ниже располагалась яма с захоронением в урне. Наличие слоя сожжения под каменной вымосткой роднит этот курган с курганами седлеинского типа, однако у него нет каменного ядра в насыпи.

Р и с. 63. Распространение захоронений различных типов под курганами на территории пшеворской культуры

Раннеримский период: а — урновое погребение; б — безурновое погребение; в — труположение
Позднеримский период: з — послойное погребение; д — урновое погребение; е — безурновое погребение; ж — труположение

Весьма существен вопрос об интерпретации «княжеских» погребений. С одной стороны, подобные погребения с первых веков нашей эры распространяются на значительной территории — они известны в Скандинавии (Норвегия), Дании, в низовьях Рейна, по всему течению Эльбы и на востоке вплоть до Волыни⁷⁶. Это уже весьма веский аргумент в пользу выделения этих захоронений. Большинство исследователей считают, что их появление определено экономико-социальными преобразованиями в варварской среде, распадом родового строя, выделением местных княжеских династий⁷⁷. «При этом допускается, однако, что значительная часть этих «князей» была германского происхождения или же по крайней мере тесно связана с правящими родами так называемой Свободной Германии и Южной Скандинавии»⁷⁸. Однако нам не кажется, что вопрос этот решен окончательно. Действитель-

но, их распространение широко. Но есть у них черты, связывающие их с местными традициями. Несомненно, вопрос о месте и принадлежности «княжеских» курганов требует тщательной систематизации всех погребений подобного типа в Европе и сопоставления их с местными культурами. Но это дело будущего. На данном этапе мы считаем необходимым выделить эту группу памятников из общего состава пшеворской культуры.

Итак, описаны две хорошо выделяющиеся группы курганов. Остальные курганы, не входящие в эти группы, располагаются преимущественно в Мазовии, где курганы встречаются значительно чаще, чем в остальных районах Польши; два кургана известны в Южной Польше (рис. 60—63). В Шимишове открыты два кургана, подробно описан только один. Конструкция этого кургана аналогична конструкциям курганов седлеминого типа — есть каменное ядро и земляная насыпь, прикрывающая его. В центре кургана под насыпью были помещены две урны. Курганы этого типа не единичны. Аналогичный по конструкции на-

⁷⁶ V. Ondruch, 1957.

⁷⁷ Там же, стр. 228.

⁷⁸ Ю. В. Кухаренко, 1969, стр. 119.

Таблица 6

Конструкция насыпи	Количество пунктов	Количество курганов	Яма	Несколько ям	Урна	Яма под каменной вымосткой	Урна под каменной вымосткой	Яма обложенная камнем	Деревянная камера	Деревянная камера обложена камнем	Труположение	Каменный круг	Каменный круг и вымостка в нем
Курганы с каменным ядром													
Седлеминские	7	22									1		
«Княжеские»	2	2	1	1									
Другие	3	5			2			2		1			
Курганы с земляной насыпью													
«Княжеские»	1	2				1	1	2					
Курганы с каменной оградой в насыпи													
«Княжеские»	3	5				2			2	1	4		2
Курганы с каменной насыпью	1	1				1							
Курганы с каменно-земляной насыпью	2	2				1							
Конструкция насыпи неизвестна	5	10	2		4			1			1	8	

сыпи и захоронению курган открыт в Лисеве, где урна прикрыта умбоном. Расположенный недалеко от последнего курган в Урдомине аналогичен двум описанным выше по способу захоронения остатков сожжения в урне, однако имеет отличие в конструкции насыпи, сооруженной из камней. Урновое захоронение под курганом неизвестной конструкции обнаружено в Вулке Ласецкой⁷⁹. Урна под курганом найдена также под Мантвице⁸⁰.

Еще один тип курганов характеризуется тем, что остатки сожжения помещены в яму. Эти захоронения свойственны курганам с различной конструкцией насыпи. Каменное ядро и земляную насыпь сверху имеют курганы в Ленгонице. Под насыпью одного из курганов — одна центральная яма с захоронениями остатков сожжения и две ямы с сожжениями. Другой курган имеет яму сложной конструкции. Пепел и остатки сожжения помещены в деревянном ящике — «каморе», обложенной дополнительно камнями. Безурновое захоронение под курганом с каменным кольцом у подошвы известно в Халене⁸¹. Курган с безурновым захоронением раскопан в Славогуре, к сожалению, конструкция насыпи не выяснена⁸². Данные по курганам сведены в таблицу 6, а характер распространения различных типов курганов представлен на рис. 60—63.

Остается решить вопрос, можно ли рас-

смотренные курганы причислять к пшеворской культуре. В этом плане мы рассмотрели уже две группы курганов, известных на пшеворской территории, и склоняемся к мнению, что их следует выделить из пшеворских комплексов как не характерные. Что касается остальных курганов, то здесь мы наблюдаем следующие типы конструкций.

1. Курганы с каменным ядром, по конструкции насыпи аналогичные седлеминским. На территории пшеворской культуры встречены лишь в трех пунктах. Касаясь седлеминских курганов, мы уже убедились, что курганы с насыпью подобной конструкции широко распространены в Европе. На этом основании мы склонны выделить и рассматриваемую группу захоронений из пшеворской культуры.

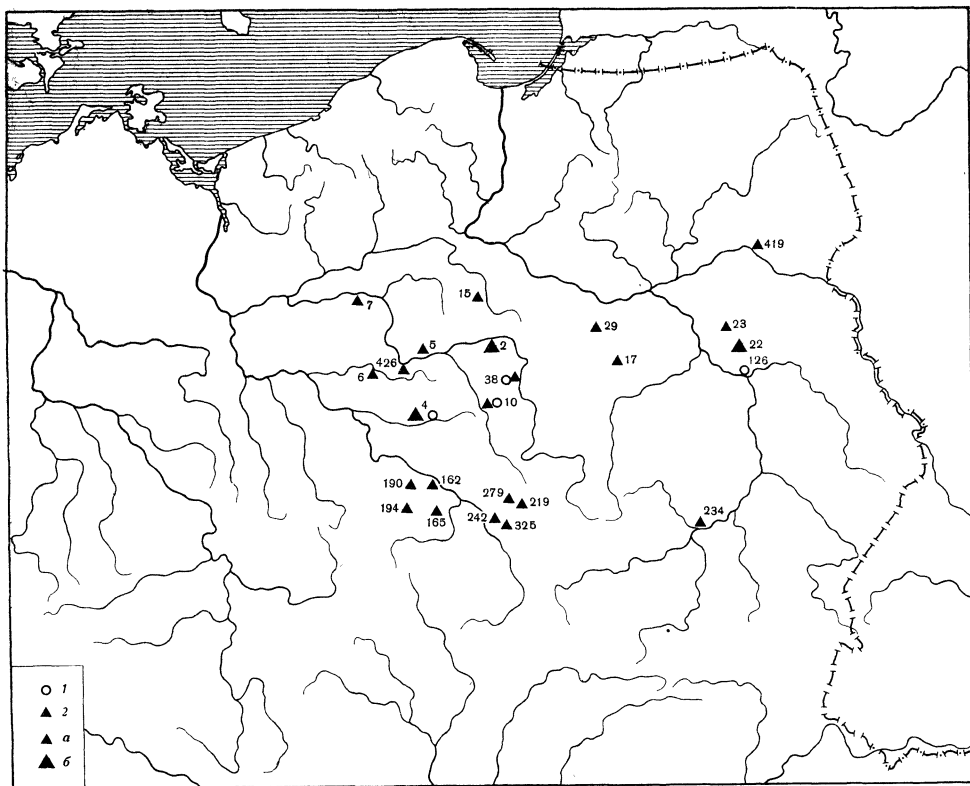
2. Курганы с каменными кольцами у подошвы кургана, с каменными вымостками и деревянными ящиками также немногочисленны на рассматриваемой территории. В то же время все эти характерные каменные конструкции типичны для оксывской культуры Поморья и районов юга Скандинавии, где они преобладают. Приведенные данные дают основание согласиться с мнением Кемписты, который в результате исследования погребального обряда Мазовии приходит к выводу, что пшеворская культура распространяется на территории зависленской Мазовии лишь в раннеримское время, когда на этой территории появляются грунтовые могильники, типичные по инвентарю для пшеворской культуры, такие как Осецк, Нецеплин, Гродзиск, Завыки. В III—IV вв. н. э. с территории на восток от Вислы

⁷⁹ А. Kempisty, 1965, стр. 31.

⁸⁰ Там же, стр. 26.

⁸¹ Там же, стр. 24—25.

⁸² Там же, стр. 34.

Р и с. 64. Распространение памятников, в погребениях которых зафиксирован камень

1 — памятники позднего латена; 2 — памятники римского времени

a — единичные погребения в могильнике; б — несколько десятков погребений в могильнике

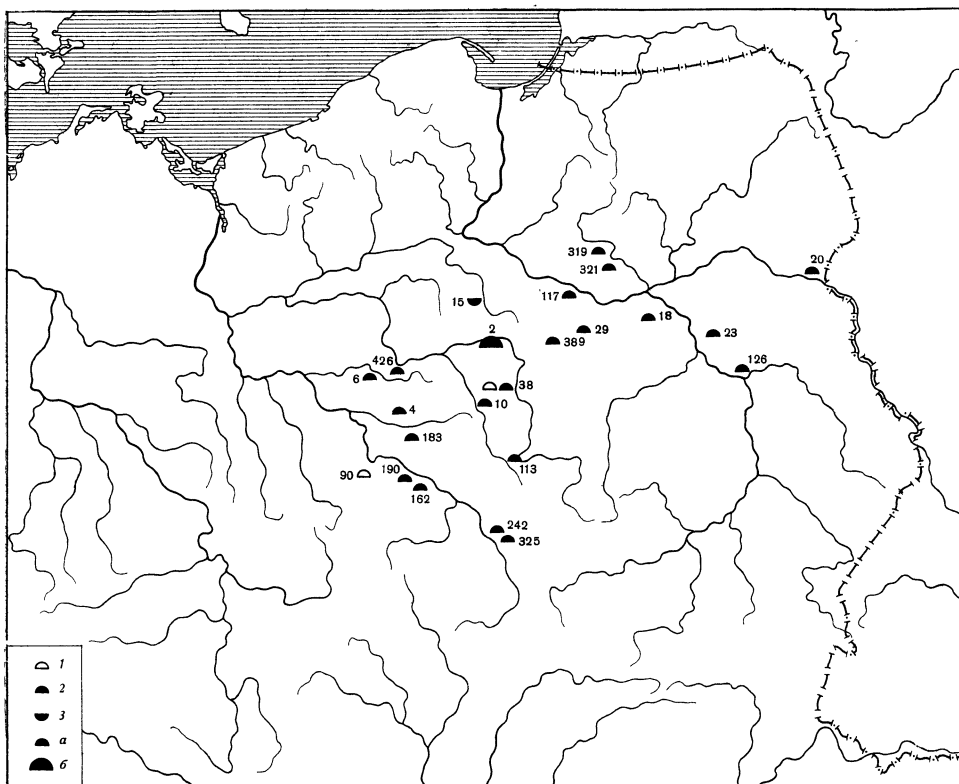
пшеворское население вытесняется, и здесь группируется восточномазовецкая группа «нижневисленской» культуры. Она в свою очередь оказывает заметное влияние на пшеворскую культуру, куда проникают такие характерные черты, как сооружение различных каменных конструкций в захоронениях (каменные кольца, каменные вымостки), а также обычай обкладывать могильную яму камнем. Поскольку в восточномазовецкой группе формально много сходных черт с погребальным обрядом пшеворской культурой, А. Кемписта особо оговаривает отличительные черты погребального обряда этой культуры, а именно: распространение в III—IV вв. н. э. могильников с исключительно женскими захоронениями, гораздо большее количество вещей из бронзы, значительное уменьшение количества и даже полное отсутствие оружия в погребениях на поздних этапах римского времени, сильное увеличение количества труположений в могильниках⁸³.

Каменные конструкции. О том, что сложные

каменные конструкции нехарактерны для пшеворской культуры, упоминалось выше. Однако захоронения с одним или несколькими камнями в погребении или над ним, а также каменными вымостками встречаются на памятниках пшеворской культуры и, следовательно, должны быть рассмотрены с точки зрения как развития их во времени, так и территориального распространения. Использование камня фиксируется уже на памятниках позднего латена. Однако подобных памятников этого времени очень немного, а встречающиеся в могильниках погребения с камнем исключительно одиночные. Убедительно свидетельствуют об этом карты (рис. 64—67). Отсутствие каменных конструкций в позднем латене вряд ли можно отнести на счет малого исследования памятников этого периода. В настоящее время они известны в достаточном количестве, тогда как каменные конструкции на них, как правило, отсутствуют.

В римскую эпоху каменные конструкции распространяются более широко. Правда, на памятниках раннеримского периода камень в погребальном комплексе используется столь

⁸³ А. Kempisty, 1968, стр. 174—175.

Р и с. 65. Распространение в пшеворской культуре памятников с каменными вымостками над погребением и под погребением

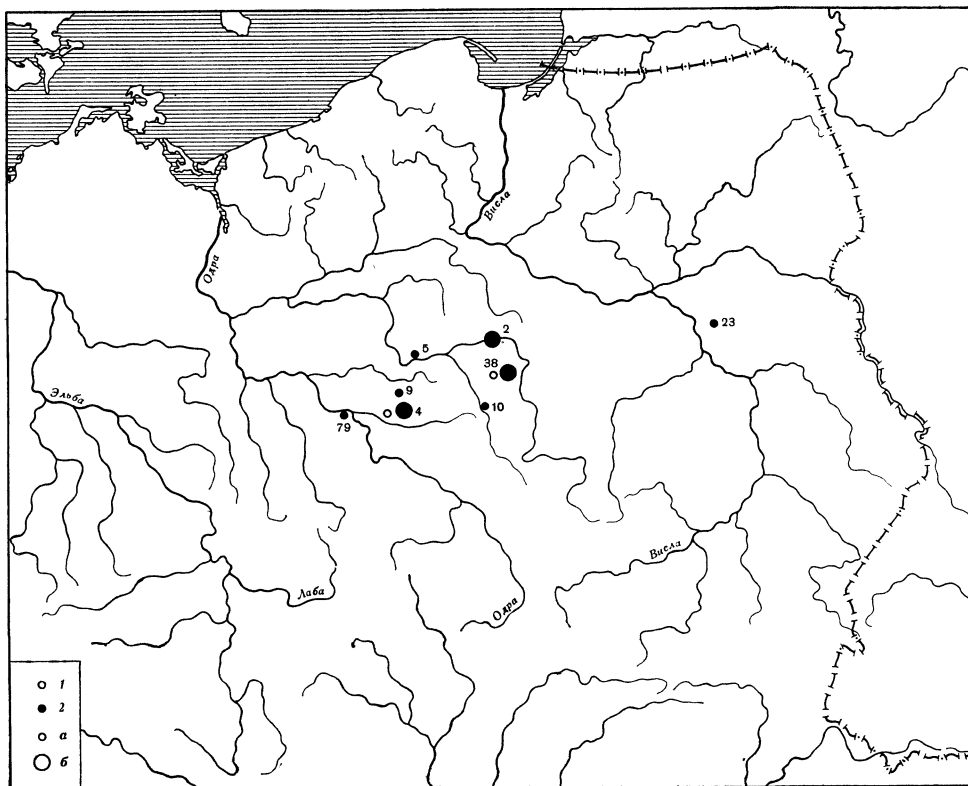
1 — каменная вымостка над погребением позднего латена; 2 — каменная вымостка над погребением римского времени; 3 — каменная вымостка под погребением римского времени
а — единичные погребения в могильнике; б — несколько десятков погребений в могильнике

же редко, как и в предшествующую эпоху. В основном памятники с камнем в погребениях относятся к поздне римскому периоду. Анализ таблиц, суммирующих данные погребального обряда, показывает, что в пшеворских могильниках каменные конструкции, как правило, встречаются в единичных случаях, составляя незначительный процент от общего количества погребений (табл. I—III). Территория распространения могильников с камнем в погребении на всех картах очень компактна — это северные области распространения пшеворской культуры и прежде всего земли в междуречье Одры — Варты и соответствующие им районы среднего течения Вислы (рис. 64—67). В южных и западных районах пшеворской культуры памятники с каменными конструкциями неизвестны.

Можно допустить, что карта, рисующая распространение погребений с камнем над ними, не отражает истинной картины, поскольку этот признак фиксировался только на памятниках, исследованных в последние годы

(рис. 64). На памятниках, исследованных ранее, на эту деталь не обращали внимания. Действительно, если каменную вымостку при раскопках не заметить трудно, то один камень, часто находящийся в слое гумуса, где контуры могильной ямы еще не прослеживаются, легко пропустить. Однако устойчивость этого признака можно проиллюстрировать на примере могильника в Конине, где эта деталь погребального обряда четко прослежена. Из 171 погребения этого могильника 27 отмечены на поверхности камнем, причем в различных хронологических периодах этот признак проявляется следующим образом: вторая половина II в. н. э. — всего 10 погребений, с камнем — 1; рубеж II и III вв. н. э. — всего 5 погребений, с камнем — 1; III в. н. э. — всего 8 погребений, с камнем — 1; римское время — всего 154 погребения, с камнем — 24.

Насколько этот признак не связан со способом захоронения, можно наблюдать из следующего соотношения: из 24 погребений с камнем римского времени 8 — урновые, 8 — ям-

Р и с. 66. Распространение в пшеворской культуре памятников с камнем над погребением

1 — памятники позднего латена; 2 — памятники римского времени

а — единичные погребения в могильнике; б — несколько десятков погребений в могильнике

ные, 1— послойное, 1— кенотаф, б— разрушенные. Таким образом, этот признак свойствен всем видам захоронений.

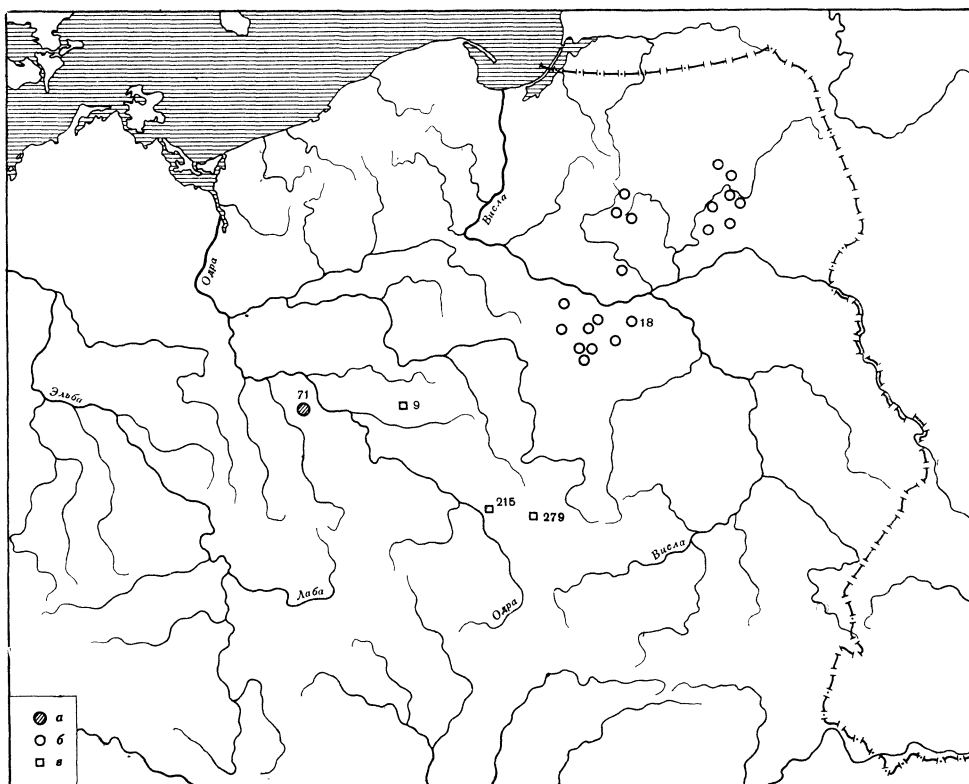
Раздел о каменных конструкциях будет неполным, если не упомянуть еще о двух конструкциях, встреченных на пшеворских памятниках в единственном числе. Это кольцевая конструкция над погребальной ямой, зафиксированная в могильнике в Сольниках, одно погребение позднего латена и три погребения под каменной плитой в могильнике в Хоруле; погребения — римского времени. Конструкция из каменных колец над погребением нехарактерна для пшеворской культуры, однако является одним из ведущих признаков северных культур Южной Скандинавии и Нижнего Повисленья, под влиянием которых, вероятно, и появилось упомянутое погребение в Нижней Силезии.

На территорию Мазовии в римское время интенсивно проникает население из Нижнего Повисленья, принесшее с собой обычай обкладывать погребальную яму каменным кольцом. Результатом этого проникновения было распространение памятников с подобными сооружениями на территории Мазовии (рис. 67).

То же относится и к погребениям под каменной плитой, появившимся в результате северных влияний, где этот признак достаточно распространен.

Различные детали захоронений. Детали в погребальном обряде имеют очень существенное значение. Если основные признаки погребального обряда, такие как деление погребений на сожжения и труположения, а сожжений — на группы по способу захоронения остатков сожжения в земле, характерны для всех европейских культур, и по ним невозможно определить культурную принадлежность данного погребения, то детали погребального обряда нередко служат теми признаками, которые в существенной мере выделяют культуру. Рассмотрим в этом плане основные детали погребального обряда пшеворской культуры и попытаемся выделить те из них, которые бы характеризовали только данную культуру.

1. Начнем с одного из распространеннейших признаков пшеворского погребального обряда — наличия фрагментов керамики в погребениях. Этот признак сопутствует всем видам захоронений с сожжением. Бесполезно давать карту распространения этого признака, ибо он

Р и с. 67. Распространение на территории пшеворской культуры памятников с каменными кругами вокруг погребения и погребений в деревянных ящиках — каморах

а — каменные кольца позднего латена; *б* — каменные кольца римского времени; *в* — погребения в деревянных ящиках — каморах

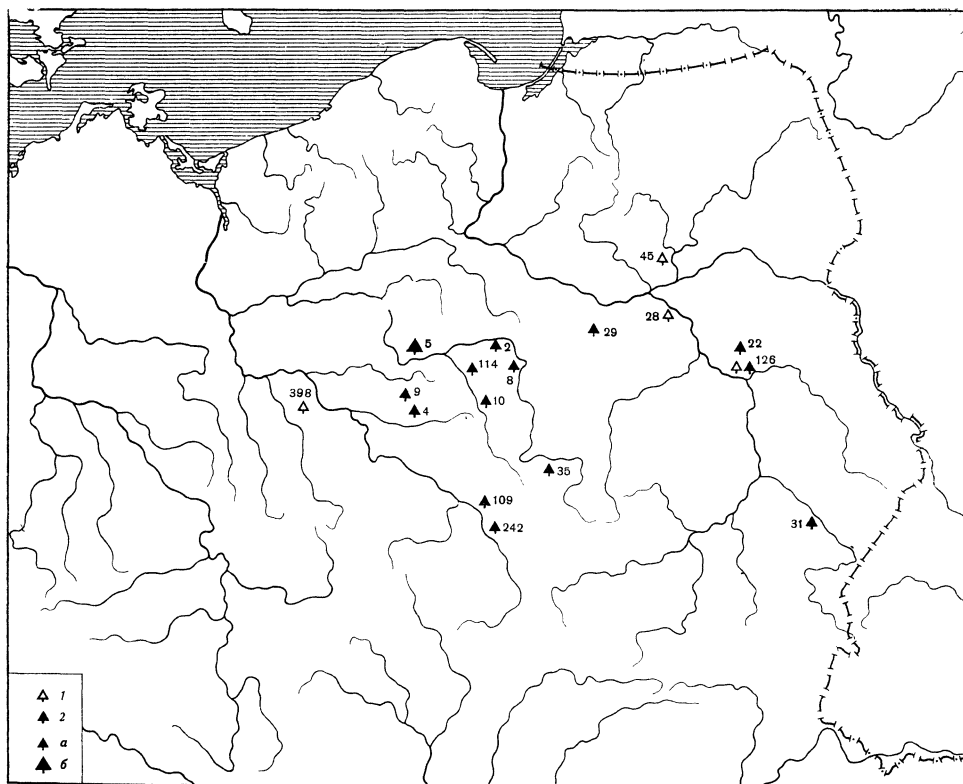
фиксируется во всех пшеворских могильниках и охватывает от 80 до 100% погребений каждого могильника. Значительная часть фрагментов подвергнута вторичному обжигу. Трудно выразить это в количественном соотношении, но приблизительно доля черепков, побывавших в костре сожжения, колеблется от 50 до 100% на памятнике. Этот признак устойчив и во времени, он характерен в равной мере для всех ступеней развития культуры. Наличие черепков в сожжениях отмечается и в лужицкой, и в поморской культурах, однако этот признак не был в то время господствующим в такой мере, как в пшеворской культуре. Для культур, синхронных пшеворской, наличие черепков в сожжениях нехарактерно (табл. IV). Они встречаются лишь изредка и считаются результатом влияния пшеворской культуры. Основываясь на этих данных, можно выделить этот признак в качестве специфически пшеворского.

2. Сожжения, помещенные в погребальную яму с остатками костра, и параллельно с ними встречающиеся чистые захоронения с боль-

шим трудом, как указывалось выше, поддаются учету. Можно лишь констатировать, что погребения с остатками костра распространены шире, чем чистые, и оба эти признака прослежены параллельно на всех этапах существования культуры (табл. I—III). Оба признака зафиксированы в предшествующих культурах, однако соотношение между ними в разных культурах различно (табл. VII). Так, в лужицкой культуре господствует обычай помещения в могилу сожжения, очищенного от остатков костра, хотя известны и случаи помещения в могилу пепла, угля и обожженной земли.

3. Обычай помещать урну вверх дном не распространен в пшеворской культуре. Нам известно всего восемь случаев этого явления (в позднем латене — 1, в раннеримском времени — 5, в поздней фазе римского времени — 2). Как правило, это — одно погребение в могильнике, даже если в нем раскопано их несколько сот.

Обычай этот известен в лужицкой и поморской культурах на всей территории их распро-

Р и с. 68. Распространение в пшеворской культуре памятников с урновыми погребениями, накрытыми миской

1 — памятники позднего латена; 2 — памятники римского времени

a — единичные погребения в могильнике; б — несколько десятков погребений в могильнике

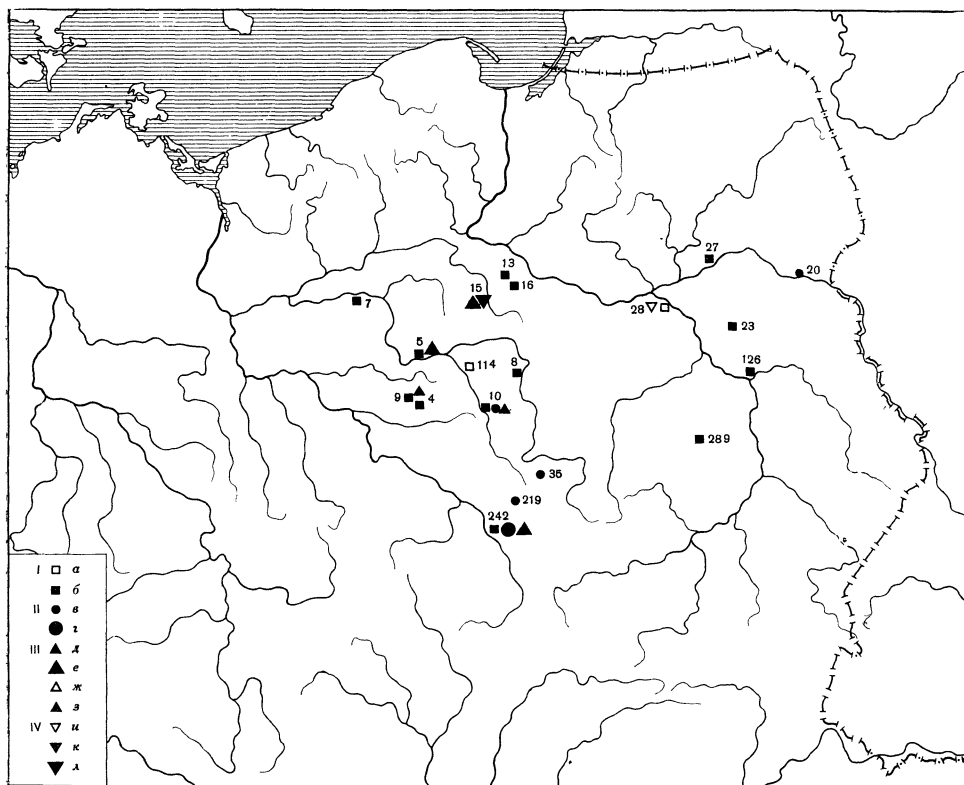
странения и на всех этапах развития и, вероятно, в пшеворской культуре отражает местные традиции. Погребения с остатками костра известны и за пределами польской территории. Так, в позднем латене этот признак зафиксирован в культурах Скандинавии, а также на памятниках раннеримского периода в оксывской культуре.

Здесь же следует отметить и случаи использования под урну сосуда, побывавшего в пламени костра. Таких случаев тоже немного — всего семь и все — в погребениях римского времени.

4. Как правило, урна в пшеворских погребениях не накрывалась. Урны, покрытые тем или иным способом, обнаружены в единичных случаях: два — четыре погребения в могильниках с несколькими сотнями погребений. Десять и больше погребений с покрытой урной — это уже редкость.

Относительно более распространенным в пшеворских могильниках был обычай накрывать урну миской, обязательно перевернутой вверх дном. Карта распространения этого признака (рис. 68) свидетельствует о том, что обы-

чай этот не локализуется в отдельных областях, а относительно равномерно распространен по всей территории пшеворской культуры. Большое скопление соответствующих условных знаков в центральной части Великопольши не дает оснований для выделения этой области по данному признаку, а лишь отражает степень изученности этого района. На 17 памятниках, где зафиксированы случаи покрытия урны миской, лишь в одном могильнике — в Млодзиково — зафиксировано 15 подобных случаев, в остальных могильниках этот признак единичен (не более пяти случаев). И во времени этот признак распределяется столь же равномерно. Известен он в погребениях позднего латена, встречается в погребениях раннеримского периода — Доморадин, Вымыслово, Задовиче, Млодзиково, Нецеплин — и поздней фазы римской эпохи — Доморадин, Вымыслово, Млодзиково, Спицимеж, Конин, Копки, Хорул (табл. I—III). Этот обычай известен еще со времен лужицкой культуры и особенно широко был распространен в поморской культуре. Зафиксирован он и за пределами польской территории: в позднем латене —

Р и с. 69. Распространение в пшеворской культуре памятников с различными способами покрытия урны

I. Урны, накрытые сосудом:

- а — единичные погребения позднего латена;
- б — единичные погребения римского времени

II. Урна накрыта камнем:

- в — единичные погребения римского времени;
- г — несколько десятков погребений в могильнике римского времени

III. Урна накрыта черепками или черепком:

- д — единичные погребения;

- е — несколько десятков погребений;

- ж — памятники позднего латена;

- з — памятники римского времени

IV. Кости безурновых погребений накрыты черепками:

- и — единичные случаи на памятниках позднего латена;
- к — единичные случаи на памятниках римского времени;
- л — несколько десятков погребений в могильнике римского времени

в ясторфской культуре, где господствовал обычай помещения открытой урны в погребальную яму и лишь в редких случаях урну накрывали миской (табл. IV).

Кроме мисок, урну покрывали также перевернутым сосудом. Это также единичные случаи: даже в больших могильниках — один-два, не более пяти. Такой способ покрытия урны встречается на всех ступенях развития пшеворской культуры и на всей ее территории (рис. 69).

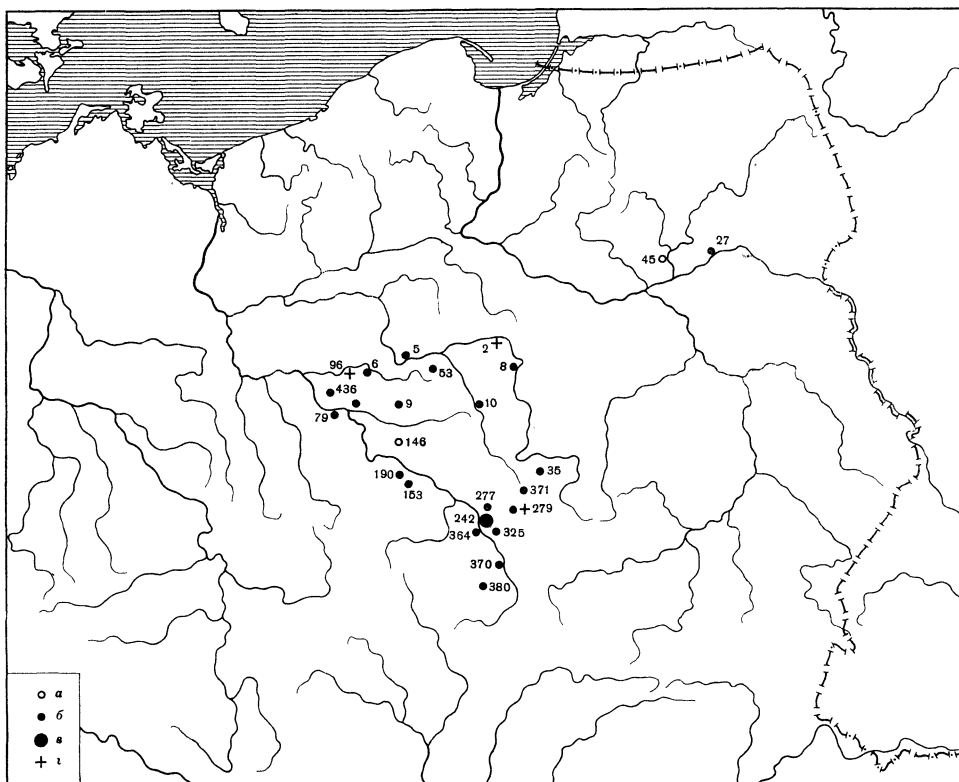
Обычай покрытия урны сосудом был весьма распространен и в лужицкой и в поморской культурах, а в римское время — также и в оксывской культуре (табл. IV).

Значительно реже встречаются иные способы покрытия урны — камнем или черепками.

Покрытие урны камнем или несколькими камнями зафиксировано в пшеворской культуре всего в пяти могильниках, и всюду, кроме

могильника в Хоруле, это единичные погребения, одно-два на весь могильник. В Хоруле в 11 погребениях урны покрыты камнем и в 10 — и камнем, и черепками. Все погребения этого типа относятся только к римскому времени и ни разу не зафиксированы в поздне-латенское время. Общая территория распространения этого признака достаточно широка и охватывает, вероятно, весь ареал пшеворской культуры (рис. 69).

Обычай покрывать урну камнем известен в Польше с лужицкого времени, продолжается и в поморской, и в пшеворской культурах. На территории Польши он применялся также в оксывской культуре — в позднем латене (часто) и в римское время. На соседних территориях он изредка встречается в позднем латене в ясторфской культуре, где известен вплоть до поздне-римского времени. Зафиксирован он и на территории Скандинавии на памятниках позднего латена.

Р и с. 70. Распространение в пшеворской культуре памятников с костями птиц и животных в погребении

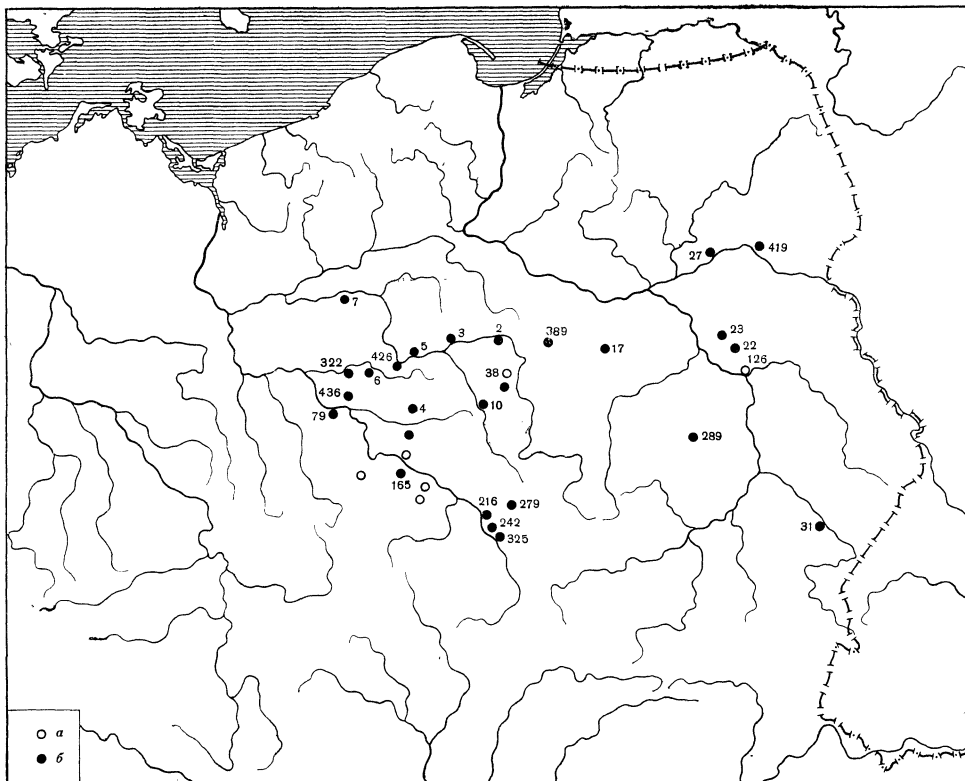
а — кости птиц в погребениях позднего латена, единичные случаи; *б* — кости птиц в погребениях римского времени, единичные случаи; *в* — кости птиц в погребениях римского времени, несколько десятков случаев в могильнике; *г* — кости животных в могильниках римского времени, единичные случаи

Нечасты и случаи покрытия урны черепками. Этот обычай зафиксирован в шести могильниках (рис. 69). В некоторых могильниках этот признак выступает в единичных случаях, а в трех территориально разбросанных могильниках — в Ляхмировицах, Млодзиково и Хоруле — значительно чаще: от 15 до 25 случаев (табл. I — III). По времени все эти случаи относятся к римскому периоду, однако обычай того же порядка — покрытие черепками остатков костей в ямных погребениях — отмечен и в позднем латене. Этот признак не поддается точному количественному учету, так как далеко не всегда упоминался исследователями и, вероятно, стал фиксироваться лишь при раскопках последних лет. Урна или кости, покрытые черепками, открыты в лужицкой культуре и неизвестны в поморской. Нет данных о существовании этого обычая и в других культурах.

Кроме перечисленных, отметим три уникальных для пшеворской культуры способа покрытия урны. 1. Урна, прикрытая крышкой, в пшеворской культуре отмечена один раз в области Нижней Силезии. В раннем и среднем

латене этот обычай был широко распространен в ясторфской культуре, где он доживает до позднего латена. На территории Польши крышками в виде тарелок накрывались урны в лужицкой культуре и особенно часто специально изготовленными крышками — в поморской культуре. 2. Дважды, в могильниках в Пшеворске и Ополе, отмечены случаи использования в качестве крышки умбона. 3. Один раз в могильнике в Задовицах урна была покрыта копьём.

5. Об обычае сопровождать захоронение заупокойной пищей или о ритуалах иного назначения свидетельствуют кости животных, встречаемые в пшеворских погребениях. Наиболее часто в них попадают кости птиц и как редкое исключение — рыб (только в одном случае) и других животных (в одном случае — кости лапы медведя и в одном — кости лошади). Особое значение птичьих костей в погребальных обрядах различных народов замечено многими учеными уже давно и чаще всего объяснялось как выражение религиозных верований древних народов. Такой подход основан

Р и с. 73. Распространение в пшеворской культуре памятников с углем в погребении
а — памятники позднего латена; б — памятники римского времени

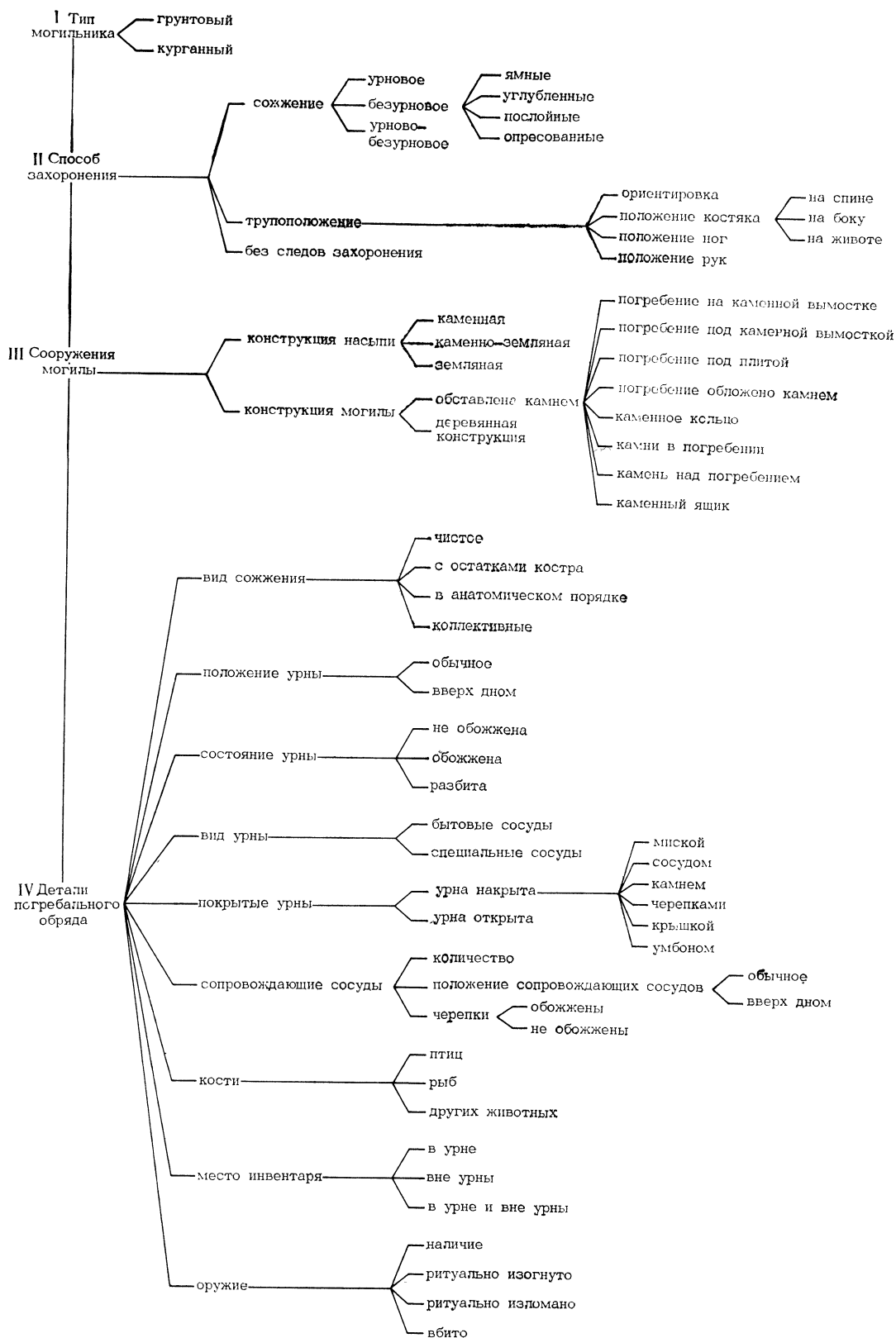
был, во-первых, на повторяемости их находок в погребениях многих могильников, а, во-вторых,— на том, что в птичьих костях, встречаемых в погребениях, бывают просверленные отверстия, а это свидетельствует о придании им какого-то особого смысла⁸⁴. Правда, явление это пока мало исследовано. Кости птиц из погребений, как правило, специально не изучались. Почти ничего не известно о том, кости каких птиц выбирались при совершении погребального обряда, разные ли это кости или только определенные, каково их количество и местоположение в погребальной яме, насколько они распространены в пшеворской и других культурах. Последний пробел мы попытались устранить, составив карту распространения этого обычая, а также суммировав их встречаемость на отдельных памятниках. В результате получена следующая картина (рис. 70). Во всех могильниках, где найдены кости птиц, они были только в единичных погребениях — одном-двух, реже до пяти и больше. И только в одном могильнике — в Хоруле — кости птиц встречены в 30 погребениях. Территория рас-

пространения этого признака, по-видимому, охватывает всю пшеворскую культуру, хотя пока нет данных о находках в юго-восточных районах культуры. В хронологическом смысле распределение их также равномерно. Кости птиц встречаются в погребениях и позднего латена, и римского времени. В Скандинавии кости птиц зафиксированы в погребениях позднеримского периода, а на Готланде — в погребениях позднего латена (бытовал ли этот обычай там в последующие эпохи — данных не имеется). Следует заметить, что чаще в погребениях встречаются кости домашних животных — собаки, коровы, овцы, свиньи, известны случаи захоронения вместе с остатками сожжения когтей медведя, что в одном случае зафиксировано и в пшеворской культуре.

Птицы у разных народов и в разные времена связывались с верованиями, при помощи птиц совершались магические обряды и ворожба. О ворожбе по голосу и лету птиц у германцев сообщает Тацит.

Петух играл большую роль в верованиях, относящихся к смерти и загробному миру. В Греции и Риме петух олицетворял божество царства мертвых. У многих народов петух считался проводником душ на тот свет. Ему при-

⁸⁴ Сводка интерпретации этой детали у различных авторов есть в книге: J. Szydlowski, 1964, стр. 62.

Р и с. 74. Схема признаков погребального обряда

писывалась способность отгонять злых духов от тела мертвого. Употребление петуха в погребальном ритуале выражалось во многих традициях — например, окропление гроба кровью петуха, помещение живого или убитого петуха в гроб⁸⁵.

Мы не случайно придаем столь большое значение казалось бы такой несущественной детали, как помещение в могилу костей птиц. Однако более полная разработка этого вопроса требует специальных исследований и в частности точного определения костного материала животных, встречаемого в погребениях.

6. К уникальным погребальным деталям в пшеворской культуре надо отнести находки кусочков смолы (в двух погребениях в Хоруле). Использование смолы в погребальном обряде трактуется по-разному. Смолу рассматривали, в частности, как ароматическое вещество, употребляемое в момент сожжения. Эта интерпретация основывалась на том, что кусочки смолы нередко бывают попорчены огнем⁸⁶. Смола рассматривалась и как символ закрытого рта, навсегда умолкнувшего человека, на основании отпечатков на ней ткани и зубов⁸⁷.

Обычай класть смолу в погребение был довольно широко распространен у германских народов. Мы уже упоминали, что этот обычай известен в Южной Скандинавии и на Готланде, он прослежен в ясторфской культуре, в погребениях Саксонии и Тюрингии, а также Чехословакии⁸⁸.

7. Многие особенности погребальных обрядов свидетельствуют о том, что своим возникновением они обязаны страху, испытываемому живыми перед мертвыми. Различные способы погребения и большая тщательность, с какой они совершались, были порождены не только заботой о покойнике, но прежде всего страхом, как бы умерший не вышел из состояния неподвижности и не причинил вреда живым. Представление о ревнивой мстительности мертвых вынуждало при похоронных обрядах утрировать все те приемы, которые бы заставили мертвых остаться в могилах. Именно к этому разряду можно отнести известный в пшеворской культуре обычай вбивать оружие или орудия труда, пробивая остатки покойника, помещенные в урну или яму, чтобы накрепко привязать их к земле и лишить покойника возможности покинуть могилу. В качестве орудий использовались колющие и режущие предметы, чаще всего копья, реже мечи, из орудий труда — ножи и ножницы⁸⁹. Интересно, что обы-

чай этот прослеживается на всех этапах бытования пшеворской культуры, а также сопровождается все типы захоронений (рис. 71 и 72). Исследователями отмечено несколько приемов, отличающихся друг от друга небольшими нюансами. Так, одно копьё, забитое в дно ямы, зафиксировано в могильниках Карчевице, Массов, Стара Весь в погребениях эпохи позднего латена, тот же прием в погребениях раннеримских отмечен в Млодзиково, Весулки, Вымыслово, в погребениях позднеримских — в Млодзиково, Опатове, где в отличие от всех перечисленных погребений в двух копьях забито в землю не острием, а черешковой частью (одно забито острием), Стараховице. В Бодзаново копьё забито около скелета в погребении раннеримского времени. Два копья, вбитых в дно ямы, встречены в Старой Веси в погребении позднелатенском, в Бодзаново в погребении позднеримского времени, в Млодзиково в погребениях, датируемых римским временем. Копье и нож, вбитые в дно ямы, встречены в Карчевице в погребении позднего латена и в Млодзиково в погребениях римского времени. Копье и ножницы, вбитые в дно ямы, встречены в погребении раннеримского времени в Млодзиково. Два копья, ножницы и нож, вбитые в дно ямы, встречены в раннеримском погребении в Млодзиково. Один нож, вбитый в дно ямы, известен в погребениях позднелатенского времени. Этот прием зафиксирован в могиле с труположением в Бодзаново, причем нож был вбит около плеча покойника. В погребениях раннеримского периода этот прием обнаружен в Млодзиково; в погребениях позднеримских — в Лахмировицах, причем в одном погребении нож был вбит в землю острием, в другом — черешком; в погребениях римского времени — в Млодзиково. Меч, вбитый в дно ямы, отмечен в погребении раннеримского периода в Млодзиково.

В урновых погребениях оружие и орудия втыкались следующим образом:

Копье, воткнутое в содержимое урны острием вниз, а рядом с урной вбито копьё черешком вниз, — встречено в Копках в погребении позднеримского времени.

Ножницы, вбитые в содержимое урны, а рядом с урной два копья черешками в землю, перекрещенные между собой, найдены в Копках, также в позднеримском погребении.

Нож, вбитый рядом с урной, встречен в позднеримском погребении в Лахмировицах.

Два копья и ножницы, вбитые около урны, причем одно копьё и ножницы — острием в землю, а второе копьё — черешком, найдены в могильнике Пышанч, в раннеримском погребении.

⁸⁵ J. Gajek, 1934.

⁸⁶ J. Szydlowski, 1964, стр. 67.

⁸⁷ R. Lasser, 1962, стр. 323.

⁸⁸ J. Szydlowski, 1964, стр. 63—67.

⁸⁹ T. Liana, 1968, стр. 381—385.

Два копы и ножницы, вбитые остриями в землю, а на них стоит урна (найлены в могильнике Семянице, раннеримское время).

Топор, вбитый в землю, а на нем стоит урна — в Стараховицах, в позднеримском погребении.

Меч обернут вокруг урны и концы его вбиты в землю — встечено дважды в могильниках в Пшеворске и Задовицах, в погребениях римского времени.

Таким образом, всегда эта процедура осуще-

ствлялась опасным предметом — колющим, режущим, рубящим оружием или орудием труда, символизирующим нанесение вреда, с целью остановить вредоносность покойника.

Обычай вбивать оружие в погребение известен не только в пшеворской культуре. В позднем латене этот прием не раз отмечен на памятниках ясторфской культуры. К сожалению, нам не известно, продолжал ли существовать этот прием в последующие периоды бытования ясторфской культуры.

Заклучение

Итак, рассмотрены последовательно по культурам все данные погребального обряда. Остается провести сопоставление погребальных признаков рассматриваемых культур. Возможность такого сопоставления обеспечивается тем, что всю совокупность признаков погребального обряда каждой из культур можно рассматривать (что и сделано выше) по одной схеме (рис. 74). Наиболее простым и наглядным способом сопоставления является метод сведения всех признаков в таблицу. Нам остается лишь кратко характеризовать и комментировать данные, приведенные в таблице VII. Анализ показывает, что в погребальном обряде рассматриваемых культур можно выделить признаки как объединяющие, связывающие эти культуры, так и специфические, позволяющие выявить своеобразие культур. К признакам первой категории, присущим всем трем культурам, можно отнести такие, как 1) обычай хоронить в грунтовых могильниках, 2) господство обряда сожжения, 3) наличие каменных конструкций в могиле, 4) обычай сопровождать захоронение посудой. Все эти признаки в основе очень общи, не конкретизированны и потому при сопоставлении не могут быть взяты за отправные. Анализ же более конкретных признаков приводит к интересным результатам.

Рассмотрим урновые захоронения. Они присущи всем трем культурам. В лужицкой и поморской — господствуют, в пшеворской — в количественном отношении уступают безурновым (ямным), хотя и с небольшим преимуществом последних. Преимущественное распространение урновых захоронений в лужицкой и поморской культурах еще не говорит об их идентичности. Попробуем доказать это, проводя одновременные параллели с пшеворской культурой.

1. Во всех трех культурах в качестве урн используются сосуды бытового назначения. Однако только бытовые сосуды употребляются в лужицкой и пшеворской культурах, тогда как в поморской очень распространено употребле-

ние в качестве урн сосудов специального погребального назначения, которые составляют значительный процент (23,5%) всех урн из урновых захоронений.

2. В лужицкой и пшеворской культурах урны в погребениях преимущественно открыты. В поморской накрытые урны составляют почти половину (44,5%) всех урн из урновых захоронений.

В лужицкой и пшеворской культурах среди накрытых урн господствуют урны, накрытые миской. В поморской культуре 67,4% урн накрыты крышкой. Причем следует отметить, что в области распространения подклошевых погребений более распространен обычай покрытия урн миской. Таким образом, на примере урновых захоронений не наблюдается последовательной преемственности между культурами. Гораздо больше связующих черт между лужицкой и пшеворской культурами. Однако, если рассматривать группу подклошевых погребений самостоятельно, то связующее звено между эпохами не пропадает, ибо все перечисленные признаки подклошевым погребениям свойственны более, чем ящичным. В частности, в подклошевых погребениях в качестве урн использовались сосуды бытовые. Среди покрытых урн там преобладают урны, накрытые миской.

Рассмотрим безурновые погребения. Они встречаются во всех трех культурах, однако в пшеворской — господствуют, в лужицкой — не являясь господствующим обрядом, встречаются часто, в поморской — составляют всего 3,7% всех погребений. Процент ничтожно мал. Если кроме количественного сравнения обратить внимание на ареал безурновых погребений в лужицкой культуре, то преимущественное распространение их локализуется в южных районах, именно на той территории, где впоследствии распространяется пшеворская культура.

Что касается погребений с труположением, то в лужицкой и пшеворской культурах они

есть, а в поморской — отсутствуют; и в лужицкой, и в пшеворской культурах не являются распространенным обрядом; и в той и в другой культурах локализуются почти на одной территории, точнее, в лужицкой культуре основное их скопление открыто в районе междуречья верховьев Одры — Варты, однако встречаются они также в междуречье Варты — Вислы (на запад от излучины Вислы). Последняя территория соответствует северной группе раннепшеворских трупоположений. В гальштате лужицкие трупоположения распространяются на левобережье среднего течения Одры, что соответствует вроцлавской группе памятников с трупоположениями пшеворской культуры. Для

лужицкой культуры характерны скорченные трупоположения с южной ориентировкой. Эта же ориентировка и положение костяка характерны и для пшеворской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что преемственность от лужицкой культуры к пшеворской прослеживается только в центральных и южных областях Польши. Нам представляется (правда, пока предварительно), что северные районы Польши, в частности собственно Поморье, и южные, т. е. вся Польша на юг от Поморья, имея одну исходную среду лужицкой культуры, в дальнейшем переживали самостоятельное развитие, в котором не исключается взаимовлияние.

Приложение 1

Таблица 1

Сводные данные по погребальному обряду типа сожжения наиболее изученных памятников Великопольши

Памятник, дата, № на карте	Количество погребений	Урновые	Ямные	Углубленные	Послойные	Спрессованные	С остатком костра	Чистые	Угли в погребении	Урна накрыта						Урна открыта	Урна обожжена	Урна вверх дном
										миской	сосудом	камнем	черепком	крышкой	умбоном			
Домарадзице, № 4	161	31	130															
ПЛ	22	1														1		
То же			14						11									
»				7					7									
I в.н.э.	10	7					7		6							7		
То же			2						2									
»					1				1									
I/II в.н.э.	6	3					3		2							3		
То же			3						1									
РР	4	1						1								1	1	
То же			2						2									
»					1				1									
II в.н.э.	7	5					5		4	1	1					3		
То же			2						1									
II/III в.н.э.	2	1									1							
То же				1					1									
III в.н.э.	3	1					1		1	1								
То же					1				1									
»			1						1									
Римское время	76	11					8		5							11		1
То же			53						33									
»				12					10									
Вымыслово, № 9	335																	
ПЛ	74		74															
I в.н.э.	25	8					8		8	1			1			6		
То же			15				1		12									
I/II в.н.э.	13	10					9	1	4	1	1					8		2
То же			3						2									
II в.н.э.	18	14					11		8	3						11		
То же			3						2									
II/III в.н.э.	14	10					5		3	1	1					8	1	
То же			3						3									
III в.н.э.	14	8					3	1	1									
То же			4						2									
Весулки, № 114	70																	
ПЛ	54	7					4			1	1					5		
То же			42				21	1										
РР	16	11					4	1								11		
То же			4				3											
Задовице, № 10	360																	
ПЛ	50	2					1	1								2		
То же			46															
I/II в.н.э.	16	12					9	2	2		2					10		
То же			4				1											
II в.н.э.	27	18					17	2	3		1		2			15		
То же			9						3									
РР	59	26					13	2	1	1			1			24		1
То же			29						5									
II/III в.н.э.	22	12					4	1								12		
То же			9															
III в.н.э.	19	13					6	2	1							13		
То же			6															
III/IV в.н.э.	3	2														2		
То же			1															
РР	68	28					3	4	1			1	1			26		

Черепки	Черепки обожжены	Черепки не обожжены	Сопровождающие сосуды							Положение инвентаря			Оружие		Часть инвентаря обожжена	Кости животных			Каменные конструкции					Деревянные конструкции
			0	1	2	3	4	5	5<	в урне	вне урны	в урне и вне	изломано	согнуто		птиц	рыб	других	яма обложена камнем	под каменной вымосткой	под каменной плитой	камни в погребении	камень над погребением	
1 14	3	1 11	8 7 2 2		1	2														1		1		1
			1 1 1			1	3			3	0	3	2	3					1	1				
			1 2 1					1		1	1	1							1	1		1		
			1		1 1																	1		
			2 2 1	1		1			1			1								1		1		
			1 1 1			1														1				
11 53 12	3 18	8 35	1 7 48 9	2 4 2	1 1	1			1	3	1	1								3		7 2		
8 15 6 3 12 3 8 3 6 4	8 11 4 2 10 3 6 1 5 2	4 2 1 2 3 2 1 1 2	2 9 2 1 6 2 4 2 5 4		5 3 1 1		2 1 1	3	1	1	5	1	2	1	2									
			2 2 1	2 1 1	1 1	1		2	4	1	2	3	1							2		1		
			2 4 1	1 1 1	1	1	1	1	2	0	3	1				1			1	2		1		
			2 2 4	1 1 1	1	1	1			2	1								1	1				
6 42 11 3	6 36 9 2	6 2 1	2 27 2	1 4 1	1 5 1	2 4 1	2 1 1	1 4	2 1		5		1 2	1 5	3				1					
2 42 8 4 15 8 24 42 9 9	1 17 3 4 13 6 11 20 6 5	1 25 5 2 13 2 13 22 3 4	1 35 8 2 10 9 20 26 8 8 5 2 1 28		8 2 1 1 1 1 1 1 3 1	1 2 1 1 3 1 1 1 1 1		1 1 1 1 1 1 1	1 1 2 1 1	1 1 2 2 1		4 2 2 1	1 1 1 1					4 1				1 1		1
2 1	2	1								1					1									

Таблица 1 (продолжение)

Памятник, дата, № на карте	Количество погребений	Урновые	Ямные	Углубленные	Послойные	Спрессованные	С остатком костра	Чистые	Угли в погребении	Урна накрыта						Урна открыта	Урна обожжена	Урна вверх дном
										миской	сосудом	камнем	черепком	крышкой	уuboном			
ПР			26						3									
IV в.н.э.	44	5						2								5		
То же			9				1				1							
Римское время	91	15					2		1							15	1	
То же			71						4									
Питркув, № 324	34																	
ПЛ	32		30						4									
То же		1														1		
РР	2	2					1	1								2		
Кокочин, № 322	9																	
ПЛ	1		1															
РР	8	6					5		1							5		
То же			2						1									
Пышанч, № 426	8																	
I—III вв. н. э.	8	1					1		1							1		
То же			7						6									
Млодзиково, № 5	262																	
I в.н.э.	14	6					2		4	1			1			4		
То же			7						7									
II в.н.э.	165	66					25		25	11	4		16			25	1	
То же			96						52									
III в.н.э.	53	25					10		10	3	1		7		1	13		
То же			28						17									
Спицимеж, № 8	283																	
ПР		38					4	20	1	1	1					36		
То же					189		20	98	8	1	1							
Чанжен, № 3	17																	
Начало II — середина		7					4	1								7		
III в.н.э.																		
То же			4															
»					6		6											
Нацлав, № 6	16																	
Рубеж II—III вв.н.э.	11	2														2		
То же			3						2									
»					5													
I—II вв.н.э.	5	5					4		1							5		
Конин, № 2	182																	
Вторая половина II в.н.э.	10	8					7	1	2							8		
То же			2						1									
II/III в.н.э.	5	3					3		1	1						2	1	1
То же			2						1									
III в.н.э.	8	6					5	1	2									
То же			1															
IV в.н.э.	5	1					1											
То же			3															
Римское время	154	32					29	4										
То же			25															
»																		
Слопаново, № 7	57					4												
II в.н.э.	18	1														1		
То же			11					2										
II/III в.н.э.	9	2									1					2		
То же			5															
III в.н.э.	10	3							1							3		
То же			4						1									
III/IV в.н.э.	2		2						1									
Римское время	12	2														2		
То же			7															

Таблица I (окончание)

Черепки	Черепки обожжены	Черепки не обожжены	Сопровождающие сосуды						Положение инвентаря			Оружие		Часть инвентаря обожжена	Кости животных			Каменные конструкции					Деревянные конструкции	
			0	1	2	3	4	5	5<	в урне	вне урны	в урне и вне	изломано		согнуто	птиц	рыб	других	яма обложена камнем	под каменной вымосткой	под каменной плитой	камни в погребении		камень над погребением
5 9 11 71	3 7 41	5 6 4 30	26 4 9 14 71		1					1		1												
			19	2	4	2	2	1					4	1	6	2							1	
1			1	1	1								2											
1 6 2	1 2	4 2	4	2			1	1		1	1		1	1	3									
1 7	1 4	3		2	1							1 1	1	1 1					1		2			
5 7 49 96 25 25	2 1 32 72 22 16	3 6 17 24 3 9	2 28 83 11 8 26	5 8 11 2 1	1 8 2 4	3 1 6 2 4	5 8 2 1	8 3 6	3 29 11	26 26 10		3 1						1 1 1	1					
26 76			30 168	5 14	2 5		1	1				1				1 1								
2	1	1		2					1	2	2													
4 4		4 4		1																				
2 3 5 5	1 3	1 3 2 5	1 3 2 3	1	1 1	1 1	1	1			1					1			1		2 2 50			
6 2 3 2 3 1 1 3 26 25 4	1 2 1 3 1 1 1 16 9 1	5 2 2 ? 10 16 3	7 22 25 4		1 2	1 2 4	1		3 5	2 7	3 2			1 1					1		8 8 1	2 6		
1 10 1 3 2	1 1	1 9 1 2 2	1 11 2 5 3 4												1 2 1					Над		1		
1 2 7	1	1 7		1		1																		

Сводные данные по погребальному обряду типа сожжения наиболее изученных памятников Силезии

[illegible]

Таблица II (окончание)

196

Памятник, дата, № на карте	Количество погребений	Урна	Яма	Углубленные	Послойные	Спрессованные	С остатком костра	Чистые	Угли в погребении	Урна накрыта					Урна открыта	Урна обожжена	Урна вверх дном	Черепки	Черепки обожжены	Черепки не обожжены	Сопровождающие сосуды							Положение инвентаря			Оружие	Часть инвентаря обожжена	Кости животных			Каменные конструкции					Деревянные конструкции			
										миской	сосудом	камнем	черепками	крышкой							умбоном	0	1	2	3	4	5	5<	в урне	вне урны			в урне и вне	изломано	изогнуто	птиц	рыб	других	обложена камнем	под вымосткой		под плитой	камни в погребении	камень над погребением
III в. н. э.	58	51								1		5	4	4		37		44	37	7	42	2					7	13	17	1	6	6			4			1						
То же			5														5	4	1	5																								
»					1												1	1		1																								
III/IV в. н. э.	4	4															2	2		2	2							2	1			1	2											
ПР	12	4													4		3	2	1	3	1										1													
То же			1				1										1	1		1																								
»				1													1	1		1														1										
Римское время	62	23									1	1	1				21	19	2							3		1			3	2			1	1								
То же			13														11	11																										
»					11												11	10	1																									
Закров, № 325	28																																											
Вторая половина II — начало III в. н. э.		11					1		1						11		11	3	8	9	1		1				3	2		2	1				3		2							
То же			12						1								11	6	5	11	1																							
»				1													1	1																										
»					1												1																											
Собоциско, № 162	22																																											
I в. н. э.	14	1													1		1	1		1																								
То же			8														7	4	2	6	1				1																			
I/II в. н. э.	1		1						1								1	1																										
II в. н. э.	2		2														2	1	1	1		1																						
Вежбице, № 158	12																																											
ПЛ			12						4								11	3	8	12																								
Калиновице, № 219	5																																											
II в. н. э.	1	1						1				1																				1												
III в. н. э.	4	3													3		3		1	1	1									1														
То же			1														1	1		1																								
Грудзице, № 217	14																																											
ПР		1													1		1	1		1																								
То же																																												
»					11												11	9	2	11																								

* Знаком + обозначено наличие данного признака на памятнике.

[illegible]

Таблица III (окончание)

Памятники, дата, № на карте	Количество погребений	Урна	Яма	Углубленные	Послойные	Спресованные	С остатком костра	Чистые	Угли в погребении	Урна накрыта					Урна открыта	Урна обожжена	Урна вверх дном	Черепки	Черепки обожжены	Черепки не обожжены	Сопровождающие сосуды						Положение инвентаря			Оружие		часть инвентаря обожжена	Кости животных			Каменные конструкции			Камни в погребении	Камни над погребением	Деревянные конструкции																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																								
										миской	сосудом	камнем	черепками	крышкой							умбоном	0	1	2	3	4	5	b<	в урне	вне урны	в урне и вне		изломано	изгнуто	птиц	рыб	других	ооложена камнем				под вымосткой	под плитой																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																						
Адольфин, № 1	12																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																

Таблица IV

Сопоставление данных погребального обряда типа сожжения пшеворской культуры и культур северного круга *

Культура	Время	Грунтовое погребение	Курган	Сожжение	Труположение	Урна	Яма	Урна накрыта	Сопровождающие сосуды	Оружие	Часть инвентаря обожжена	Кости животных	Отдельные камни	Под каменной вымосткой	Над каменной вымосткой	Урна обставлена камнем	Урна на камне	Над погребением камень	Урна обложена черепками	Каменное кольцо	Стела	Каменный ящик	Под плитой	Деревянные конструкции	В коробке	Отверстие в урне	Урна ритуально повреждена	Черепки обожжены	Смола	В урне угли
						С остатком костра	С остатком костра	Урна сверху дном																						
Оксывская	Поздний латен	П		П	М	+	+								Р															
	Ранний рим	+	П	М	П	+	+								+															
	Поздний рим																													
Ясторф	Поздний латен	П	П	П	П	+	С	П	Р	Р	+			Р	+	+	+	+												
	Ранний рим	П	П	П	П	+	Р	Р	Р	Р	+			Р	+	+	+	+												
	Поздний рим	П	П	П	П	+	Р	Р	Р	Р	+			Р	+	+	+	+												
Скандинавия	Поздний латен	П	П	П	П	+	С	П	Р	Р	+			Р	+	+	+	+												
	Ранний рим	+	+	+	+	+	+	+						Р	+	+	+	+												
	Поздний рим			Р	П	+	+	+						Р	+	+	+	+												
Готланд	Поздний латен	+	+	П	С	+	+	+																						
	Ранний рим	+	+	П	П	+	+	+																						
	Поздний рим	+	+	П	П	+	+	+																						
Польша	Пшеворское время	П	Р	П	Р	Ч	П	+	П	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р	Р

* В таблице даны следующие условные обозначения: П — признак преобладает; Р — признак, встречаемый редко; Ч — признак, встречаемый часто; М — много; С — признак, встречаемый спорадично; + — есть.

Таблица V

Сводные данные по погребальному обряду типа труположения пшеворской культуры

101

Эпоха	Название памятника	№ на карте	Количество погребений в могильнике	Количество труположений	Количество труположений данного времени	Количество погребений, по которым данных нет	Ориентировка вытянутых погребений							Ориентировка ?	Ориентировка скорченных погребений							Ориентировка ?	Положение костяка			Положение ног			Положение рук							Богатое погребение	Каменные конструкции	Деревянные конструкции																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																							
							1	2	3	5	6	4	8		7	9	10	11	14	13	12		16	15	на спине	на боку	на животе	19	18	20	21	23	22	24	26				29	28	27	?																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																			
Поздний латен	Великопольша																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																												</

Таблица V (продолжение)

Эпоха	Название памятника	№ на карте	Количество погребений в могильнике	Количество трупоположений	Количество трупоположений данного времени	Количество погребений, по которым данных нет	Ориентировка вытянутых погребений							Ориентировка?	Ориентировка скорченных погребений							Ориентировка ?	Положение костяка			Положение ног			Положение рук							Богатое погребение	Каменные конструкции	Деревянные конструкции																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					
							1	2	3	5	6	4	8		7	9	10	11	14	13	12		16	15	на спине	на боку	на животе	19	18	20	21	23	22	24	26				29	28	27	?																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																	
Раннеримский период	Куявия, Мазовия																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																										

Таблица V (окончание)

Эпоха	Название памятника	№ на карте	Количество погребений в могильнике	Количество труположений	Количество труположений данного времени	Количество погребений, по которым данных нет	Ориентировка вытянутых погребений							Ориентировка ?	Ориентировка скорченных погребений							Ориентировка ?	Положение костяка			Положение ног			Положение рук							Богатое погребение	Каменные конструкции	Деревянные конструкции																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																						
							1	2	3	5	6	4	8		7	9	10	11	14	13	12		16	15	на спине	на боку	на животе	19	18	20	21	23	22	24	26				29	28	27	?																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																		
Позднеримский период	Малопольша																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																											

* Известна только ориентировка, положение костяка неизвестно.

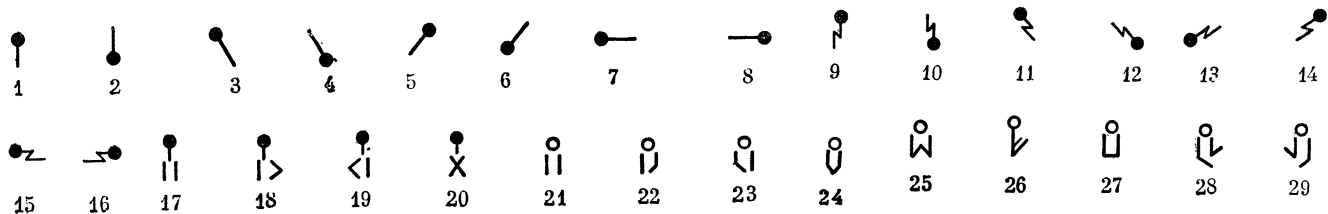

Таблица VI

Сопоставление данных обряда трупоположения по культурам

104

Эпоха	Культура	Наличие трупоположений	Ориентировка погребения								Положение ног покойного				Положение костяка			Положение рук				Колода	Камня нет	Обложено камнем	Каменные конструкции					Камни в погребении
			1	3	5	2	6	4	8	7	10	17	20	19	на боку	на спине	на животе	21	22	25	26				погребение над каменной вымосткой	погребение под каменной вымосткой	погребение обложено камнем и накрыто каменной плитой	погребение в каменном ящике		
Поздний латен	Оксывская	2 случая																												
	Ясторф	Нет																												
	Готланд	Нет																												
	Скандинавия	1 случай																												
	Пшеворская	Есть	Редко	+		П			+	П				+		+														+
Раннеримский период	Оксывская	Количество резко увеличивается	П	Часто	Реже	+	+	+	+	Часто	П	+	+	Часто	П		+	+	+		+	+								
	Ясторф	10% могильников	П	П	П				+	+	+			+	+							+								
	Готланд	Есть	П	П	П	Исключение				+	+			+	+											+	+			
	Скандинавия	Есть	П	П	П	+				Реже	П	+		+	П							+	+	+						
	Пшеворская	Есть	+	+		П	+	+	+	П			+	+	+	+	+	+	+				+	+	+				+	
Позднеримский период	Оксывская	Количество снижается	П	Часто	Реже	+	+	+	+																					
	Ясторф	Увеличивается на Эльбе, Заале	П						+	+	Богатые погребения			+	Богатые погребения	+						+								
	Готланд	Есть	П	П	П	+	+			+	+			+	+															
	Скандинавия	III в. н. э. — преобладает IV в. н. э. — исчезает	П			+			+	+											+	+	+	+	+			П		
	Пшеворская	Есть	†	+	+	П	+	+	+	П	+	+		+	†	+	+	+	+	+		+							+	

*П — признак преобладает; + — признак есть; † — признак, достаточно часто встречаемый; 1, 2, 3 и т. д. — см. табл. V.

Таблица VII

Сопоставление данных по погребальному обряду лужицкой, поморской и пшеворской культур

Культура	Тип мо- гиль- ника	Тип захоро- нения		Способ сооружения могилы		Детали погребального обряда																																									
						Кости сожжения	Поло- жение урны	Состояние урны	Вид урны	Урна накрыта					Поло- жение сопро- вожда- ющего сосуда	Че- реп- ки	Кости живот- ных	Место инвен- таря	Оружие																												
		Сожже- ние	Конст- рукция насыпи	Конструкция могилы						Урна открыта	С сопровождающими сосудами	Птиц	Рыб	Других					в урне	вне урны	в урне и вне урны	изогнуто	изломано	вбито	Угли																						
				грунтовой	курганной	урновое	безурновое	урново-безурновое	трупоположение						без следов захоронения	каменная	каменно-земляная	земляная								на каменной вымостке	под каменной вымосткой	в каменном ящике	обложено камнем	камни в погребении	без камней	чистые	с остатком костра	в анатомическом порядке	обычное	вверх дном	не обожжена	обоженная	разбита	бытовые сосуды	специальные сосуды						
Лужиц- кая	П *	+	П	Ч	+	+	+	+	+	+	Р	+	+	+	П	+	+	П	Р	П	?	?	П		П	П	+	+		Р	+	Ч	П	+											+		
Помор- ская	П	+	П	Р	Р		+	+	+	+	+	+	П	+	+	+	П	Р	П	?	?	П	Ч	П	+	+	+		П	Ч	+	П													+		
ящич- ные	П		П	Р	Р		+				+	+	+	+	П	П	+	П	Р	П	?	?	П	Р	П	Ч	+	+	+		Ч	+	П												+		
под- клоше- вые	П		П	Р	Р		+				+	+	+	+	П	П	+	П	Р	П	?	?	П	Р	П	Ч	+	+	+	+	Ч	+	П												+		
Пшевор- ская	П		Ч	П	+	Р	+				+			П	П	+	П	Р	П	Р	+	П		П	П	+	П	+	+		Р	Р	Ч	П	+	П	Ч	П	Р	Р	+	+	+	+	+	+	Ч

* П — признак преобладает; Ч — признак встречается часто; Р — признак встречается редко; + — признак есть; ? — есть признак или нет — неизвестно.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ К КАРТЕ МОГИЛЬНИКОВ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (рис. 51)

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
1	Адольфин, пов. Александров-Куяв Adolfin, pow. Aleksandrów-Kujaw	В-4	ПЛ — Рим	21	<i>B. Zielonka.</i> — PA, t. 13, 1960
2	Конин, пов. Конин Konin, pow. =	Г-4	РР—РР	106	<i>B. Kostrzewski.</i> — PA, t. VII, 1947
3	Чанжен, пов. Слупца Ciażeń, pow. Słupca	Г-4	Рим	17	<i>Z. Zakrzewski.</i> — PA, t. II, 1922—1923
4	Домарадзице, пов. Равич Domaradzice, pow. Rawicz	Г-3	ПЛ—Рим	160	<i>B. Kostrzewski.</i> — Fontes, t. IV, 1954
5	Млодзиково, пов. Сьрода Młodzikowo, pow. Środa	Г-3	I—III вв. н. э.	278	<i>A. Dymaczewski.</i> — Fontes, t. 8/9, 1958
6	Нацлав, пов. Косцяня Nacław, pow. Kościan	Г-3	Рим	11	<i>Ł. Luka.</i> — PA, t. 10, 1954—1956
7	Слопаново, пов. Шамотулы Słopnowo, pow. Szamotuły	В-3	II—III вв. н. э.	57	<i>K. Przewoźna.</i> — Fontes, t. V, 1954
8	Спицимеж, пов. Турек Spicymierz, pow. Turek	Г-4	ПР	283	<i>Mat. St.</i> , t. IX, 1963, p. 143—253
9	Вымыслово, пов. Гостынь Wymysłowo, pow. Gostyń	Г-3	I в. до н. э. — IV в. н. э.	335	<i>S. Jasnosz.</i> — Fontes, t. II, 1952
10	Задовиче, пов. Калиш Zadowice, pow. Kalisz	Г-4	ПЛ—Рим	166	<i>A. Abramowicz.</i> — PMMAE, t. 1, 1956; <i>E. Kaszewska.</i> — PMMAE, t. 6, 1961; <i>Она же.</i> PMMAE, t. II, 1964
11	Заспы, пов. Турек Zaspy, pow. Turek	Г-4	ПР	4	<i>B. Kostrzewski.</i> — PA, t. VI, 1939, стр. 293—302
12	Жерков, пов. Яроцин Zerków, pow. Jarocin	Г-3	РР	1	<i>WA</i> , t. XVI, 1939, табл. XXII, XXIII
13	Бодзаново, пов. Александров-Куяв Bodzanowo, pow. Aleksandrów-Kujaw	В-4	ПЛ—Рим	46	<i>B. Zielonka.</i> — PA, t. 13, 1961, стр. 190—196
14	Хелмно, пов. Хелмно Chelmno, pow. =	В-4			
15	Лахмировице, пов. Иновроцлав Lachmirowice, pow. Inowrocław	В-4	Рим	38	<i>B. Zielonka.</i> — PA, t. IX, 1951
16	Штшытно, пов. Влоцлавек Szsztytno, pow. Włocławek	В-4	Рим	37	<i>K. Jażdżewski.</i> — ZOW, r. XIII, 1938, <i>J. Mąskiewicz.</i> — <i>Mat. St.</i> , t. V, 1959
17	Доморадзин, пов. Лович Domoradzyn, pow. Łowicz	Г-5	Рим	13	
18	Гродзиск-Мазовецкий, пов. = Grodzisk-Mazowiecki, pow. =	Г-5	Вторая половина II—III в. н. э.	35	<i>Mat. St.</i> , t. V, 1959, стр. 191—229
19	Кавенчин, пов. Великая Варшава Kawęczyn, pow. Wielka Warszawa	Г-5	III—IV вв. н. э.	41	<i>WA</i> , t. XXVIII, z. 4, 1963, стр. 330—358
20	Козаровка-Дрохичин, пов. Семятыце Kozarówka-Drohiczyn, pow. Siemiatycze	В-6	I в. до н. э. — III в. н. э.	68	<i>WA</i> , t. VI, 1921, стр. 61—70; t. VIII, 1932, стр. 152—175
21	Лайски, пов. Новы Двур Łajski, pow. Nowy Dwór	В-5	I—III вв. н. э.	2	<i>Sprw. PMA</i> , t. II, 1949, стр. 79—82
22	Нецеплин, пов. Гарволин Niecieplin, pow. Garwolin	Г-6	I в. до н. э. — III в. н. э.	39	<i>WA</i> , t. XIII, 1935, стр. 296; <i>Mat. St.</i> , t. IV, 1958, стр. 337—365
23	Осецк, пов. Гарволин Osieck, pow. Garwolin	Г-6	I в. до н. э. — III в. н. э.	100	<i>Mat. St.</i> , t. IV, 1958, стр. 255—330
24	Сивек, пов. Гарволин Siwek, pow. Garwolin	В-5	Рим	2	<i>Sprw. PMA</i> , t. II, 1949, стр. 151
25	Соколувек, пов. Воломин Sokołówek, pow. Wołomin	В-5	II—III вв. н. э.	5	<i>WA</i> , t. XXVI, 1959, стр. 375—380
26	Стара Весь, пов. Венгров Stara Wieś, pow. Węgrów	В-6	I в. до н. э. — V в. н. э.	28	<i>WA</i> , t. XII, 1933, стр. 71—117 <i>Die Burg</i> , r. 3, z. 1, 1942, стр. 17—40, z. 2, стр. 179—224; <i>WA</i> , t. XXXVII, 1972, z. 4, стр. 484—503
27	Тухлин, пов. Вышкуп Tuchlin, pow. Wyszaków	В-6	Вторая половина РР — начало ПР	19	<i>WA</i> , t. XXVI, 1959, стр. 391; t. XXX, 1964, стр. 372—387
28	Виляново, пов. Велка Варшава Wilanowo, pow. Wielka Warszawa	Г-5	ПЛ	105	<i>J. Marciniak.</i> — <i>Mat. St.</i> , t. II, 1957

* В графе «Дата» приняты следующие сокращения: ПЛ — поздний латен; РР — раннеримское время; ПР — позднеримское время; Рим — римское время.

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
29	Здуны, пов. Лович Zduny, pow. Łowicz	Г-5	РР—РР	37	Sprw. PMA, t. 1, 1948, стр. 77, 93—94, 184—186
30	Закжев, пов. Клобуцк Zakrzew, pow. Kłobuck	Д-4	II—III вв. н. э.	?	Не издан
31	Копки, г.о.в. Ниско Kopki, pow. Nisko	Д-6	II—III вв. н. э.	31	PA, t. V, z. 1, 1933—1934, стр. 23—62; WA, t. XIII, 1935, стр. 288; J. Kostrzewski, 1948, стр. 187
32	Кракувка, пов. Сандомир Krakówka, pow. Sandomierz	Д-6	Рим	1	ZOW, r. IV, z. 2, 1929, стр. 36—37; WA, t. XV, 1938, стр. 106—125; K. Majewski, 1949, стр. 10, № 66; 74; 85; 89; 95; 171; 180; 220; 289; 1378; H. J. Eggers, 1951, стр. 152, № 2085
33	Гач, пов. Пшеворск Gač, pow. Przeworsk	Е-6	II—III вв. н. э.	180	K. Hadaczek, 1909, стр. 1—21
34	Корытница, пов. Енджеюв Korytnica, pow. Jędrzejów	Д-5	РР	11	J. Kostrewski, 1939—1948, стр. 317, 323; Он же, 1946, стр. 96; S. Skurczyński, 1947, стр. 12—16; K. Majewski, 1949, стр. 179, № 1363, 1367; PA, t. IX, z. 2-3, 1953, стр. 259—265, 268
35	Опатов, пов. Клобуцк Opadow, pow. Kłobuck	Д-4	II—IV вв. н. э.		WA, t. XXIV, z. 1-2, 1957, стр. 140—141; K. Godłowski. — Mat. St., t. 1, 1959; Sprw. Arch., t. 5, 1959; t. 9, 1960; t. 16, 1964; A. Pol., 4, 1962; ZOW, r. XIV, z. 1-2, 1939, стр. 23—27; r. XXIV, z. 1, 1958, стр. 42; Sprw. PAU, t. XLIV, 1939, № 3, стр. 118; Swiatowit, t. XVIII, 1945, стр. 165—177
36	Бискупин, пов. Жнин Biskupin, pow. Żnin	В-4	ПЛ	6	ZOW, r. XI, 1936, стр. 90; J. Kostrzewski, 1936, стр. 180—183; T. Grzywaczek, 1961, стр. 6—8; WA, t. XXXIV, 1969, z. 3-4, стр. 361—369
37	Залев II, пов. Ласки Zalew II, pow. Łaski	Г-4	II в. н. э.	10	PA, t. V, 1936, стр. 189
38	Жезав, пов. Турек Rzezaw, pow. Turek	Г-4	ПЛ—Рим	28	Fontes, t. XVII, 1966
39	Шанец, пов. Буско Szaniec, pow. Busko	Д-5	II в. н. э.	1	S. Skurczyński, 1947, стр. 22; AR, t. VIII, z. 2, 1956, стр. 214, 252; ZOW, r. XXIV, z. 1, 1958, стр. 43
40	Бжеги, пов. Енджеюв Brzegi, pow. Jędrzejów	Д-5	ПЛ—Рим	?	S. Skurczyński, 1947, стр. 47
41	Завады, пов. Ченстохов Zawady, pow. Częstochowa	Д-4	ПЛ	1	WA, t. V, 1920, стр. 45
42	Гняздовице, пов. Мехов Gniazdowice, pow. Miechów	Д-5	ПЛ—РР	?	WA, t. X, 1929, стр. 223; t. XII, 1933, стр. 157, 160; ZOW, r. XI, z. 12, 1936, стр. 163; Rocznik PAU, 1934/1935, стр. 49; 1936/1937, стр. 46; Swiatowit, t. XVIII, 1947, стр. 114—119; Sprw. PAU, t. LII, 1951, № 10, стр. 939
43	Бжежно, пов. Енджеюв Brzeźno, pow. Jędrzejów	Д-5	РР	1	S. Skurczyński, 1947, стр. 47, рис. 25
44	Грудек Надбужный, пов. Хрубешов Gródek Nadbużny, pow. Hrubieszów	Д-7	IV—VI вв. н. э.	?	J. Gurba. — Arch., r. VII, 1957, стр. 157
45	Кацице, пов. Пултуск Kacice, pow. Pułtusk	В-5	ПЛ	1	WA, t. XVII, 1950, стр. 25—45; t. XXXI, z. 2-3, 1965, стр. 269
46	Кшенжы Двур, пов. Дзялдово Księży Dwór, pow. Działdowo	В-5	ПЛ—РР	21	Prussia, t. XXII, 1909, стр. 267—295
47	Пежехалы, пов. = Pierzechały, pow. =	В-5			
48	Ростки, пов. Остроленка Rostky, pow. Ostrołęka	В-6	РР—РР	9	Sprw. PMA, t. 1, 1948, стр. 97

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
49	Рембелин, пов. = Rembielin, pow. =	В-5			
50	Ремберов, пов. = Rembierów, pow. =	Г-4			
51	Звежево, пов. = Zwierzewo, pow. =				
52	Тучно, пов. Иновроцлавек Tuczno, pow. Inowrocławsk	В-4			
53	Седлемин, пов. Ярочин Siedlemin, pow. Jarocin	Г-3	ПР	10	<i>A. Karpińska</i> , 1926, стр. 37—135
54	Шемянице, пов. Кепно Siemianice, pow. Kępno	Д-4	ПЛ—Рим		<i>Z. i J. Szembekówny</i> , <i>Roczniki</i> , TPNP, t. 29
55	Гебультов, пов. Краков Giebułtów, pow. Kraków	Д, Е-5	I—II вв. н. э.	3	<i>WA</i> , t. VIII, z. 1, 1923, стр. 86; t. XVI, 1948, стр. 178—209
56	Витковице, пов. Краков Witkowiec, pow. Kraków	Е-5			
57	Воля, пов. Краков Wola, pow. Kraków	Е-5			
58	Краков — Бобрек Фалецкий Kraków — Bobrek Falecki	Е-5	РР		
59	Лагевники, пов. Краков Łagiewniki, pow. Kraków	Е-5			
60	Венгжце, пов. Краков Węgrzce, pow. Kraków	Е-5			
61	Балице, пов. Краков Balice, pow. Kraków	Е-5	III в. н. э.	1	<i>ZWAK</i> , t. IV, 1878, стр. 35; <i>RN</i> , t. V, dod. V, стр. 16
62	Бяла, пов. Бжежин Biała, pow. Brzeżin	Г-4	III—IV вв. н. э.	39	<i>ZOW</i> , г. XV, z. 7—10, 1946, стр. 52—55; <i>PJV</i> , t. 1, 1944, стр. 45— 74
63	Белче, пов. Зелена Гура Bełcze, pow. Zielona Góra	Г-2	ПЛ		<i>J. Kostrzewski</i> , 1919, стр. 64; <i>K.</i> <i>Tackenberg</i> , 1925, стр. 3; <i>T. Ma-</i> <i>linowski</i> , 1951—1952, стр. 265; <i>B. Czerska</i> , 1970, карта 3, № 48
64	Блонье, пов. Сандомир Błonie, pow. Sandomierz	Д-6	ПЛ	180	<i>ZOW</i> , г. VI, z. 2, 1931, стр. 17— 25; <i>PP</i> , 1939, № 2, стр. 14; <i>PPPZ</i> , 1937, стр. 50, карта 18, стр. 48; <i>S. Nosek</i> , 1952a, стр. 159; <i>PA</i> , t. IX, z. 2—3, 1953, стр. 344
65	Янны, пов. Зелена Гура Janpy, pow. Zielona Góra	Г-2	ПЛ	?	<i>B. Czerska</i> , 1970, карта 2, № 201, карта 3, № 49
66	Борова, пов. Дембица Borowa, pow. Dębica	Е-6	Рим	?	<i>WA</i> , t. X, 1939, стр. 229
67	Босовице, пов. Буско Bosowice, pow. Busko	Д-5	ПЛ	1	
68	Слава, пов. Глогув Sława, pow. Głogów	Г-3	ПЛ	?	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918, стр. 43, 48; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 43, 48; <i>GVS</i> , стр. 31; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 4, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 810
69	Седлиско, пов. Кожухов Siedlisko, pow. Koźuchów	Г-2	III в. н. э.	1	<i>SVBS</i> , t. III, 1881, стр. 188; <i>PZ</i> , t. X, 1918, стр. 1931; <i>K. Tacken-</i> <i>berg</i> , 1925, стр. 19—20; <i>E. Konik</i> , 1959, № 793a
70	Кожухов, пов. = Koźuchów pow. =	Г-2			<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 6; <i>GVS</i> , стр. 29; <i>E. Konik</i> , 1959, № 395
71	Солники, пов. Кожухов Solniki, pow. Koźuchów	Г-2	ПЛ	6	<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 6—8, табл. 3, 1—4, 6—8; <i>E. Konik</i> , 1959, № 833
72	Хобения, пов. Волов Chobenia, pow. Wołów	Г-3	II—III вв. н. э.		<i>SVBS</i> , t. VI, 1896, стр. 179—186; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 51; t. II, 1929, стр. 66; <i>GVS</i> , стр. 47; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 227, 309, 390, 394; <i>AB</i> , 1944, стр. 16; <i>E. Konik</i> , 1959, № 108

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
73	Котля, пов. Глоггов Kotla, pow. Głogów	Г-3	РР—РР	24	<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 22; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 273; t. III, 1931, стр. 100; t. VII, 1937, стр. 279; <i>AB</i> , 1930, стр. 61; 1932, стр. 51, 63, 82; 1933, стр. 27; 1935, стр. 149; 1936, стр. 34, 62, 159, 204, 227; 1938, стр. 149, 159; 1939, стр. 40; <i>NDV</i> , t. XIII, 1937, стр. 269; <i>GVS</i> , стр. 30; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 15, 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 89, 114, 156; <i>E. Konik</i> , 1959, № 385a <i>WA</i> , t. IX, 1924, стр. 122—124, 338
74	Двигозы, пов. Сандомир Dwikozy, pow. Sandomierz	Д-6	ПЛ		
75	Сербы, пов. Глоггов Serby, pow. Głogów	Г-3	РР—РР		<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 22—24, 26—28, табл. 7—11; <i>GVS</i> , стр. 31; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 16, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 788a
76	Богомице, пов. Глоггов Bogomice, pow. Głogów	Г-3	II—III вв. н. э.	3	<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 28; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 267; t. II, 1929, стр. 305; t. III, 1931, стр. 99, 306, рис. 8; t. IV, 1934, стр. 147, рис. 5, 2; <i>GVS</i> , стр. 30; <i>E. Petersen</i> , 1935, стр. 170, 250, рис. 337; <i>K. Majewski</i> , 1949, стр. 56, 188, табл. XVIII; <i>E. Konik</i> , 1959, № 38 <i>ZOW</i> , г. XXIV, z. 1, 1958, стр. 44
77	Галов, пов. Буско Galów, pow. Busko	Д-5	Рим		
78	Глоггов, пов. = Głogów, pow. =	Г-3	РР		<i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 50, 52, 54; <i>AB</i> , 1928, стр. 65; 1935, стр. 30; 1936, стр. 159; <i>CVS</i> , стр. 30; <i>E. Konik</i> , 1959, № 220a
79	Носоцице, пов. Глоггов Nosocice, pow. Głogów	Г-3	I в. до н. э. — III в. н. э.	46	<i>M. Jahn</i> , 1916, стр. 230; <i>Олже</i> , 1921, стр. 96; <i>J. Kostrzewski</i> , 1919, t. II, стр. 96; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 43; <i>K. Tackenberg</i> , 1928, стр. 8—16; <i>AB</i> , 1928, стр. 113; 1935, стр. 128; 1936, стр. 94, 159; 1940, стр. 158, 160, 182, 107, 109, рис. 89—90; <i>GVS</i> , стр. 31; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 19, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 584a
80	Данковице, пов. Глоггов Dankowice, pow. Głogów	Г-3	ПЛ—II/III вв. н. э.	17	<i>SVBS</i> , NF, t. V, 1909, стр. 210; <i>ZfE</i> , t. 43, 1911, стр. 772, № 265; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918, стр. 95; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 43; <i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 16; <i>AB</i> , 1938, стр. 84; <i>E. Konik</i> , 1959, № 152
81	Халдрыховице, пов. Сычов Haldrychowice, pow. Syców	Г-3	РР		<i>A</i> , t. I, 1926, стр. 101, 267; <i>GVS</i> , стр. 32; <i>E. Konik</i> , 1959, № 286
82	Якубовице, пов. Крашник Jakóbowice, pow. Kraśnik	Д-6	II		<i>ZOW</i> , г. VII, z. 2-3, 1932, стр. 47; <i>J. Kostrzewski</i> , 1936, стр. 79; <i>J. Gurba</i> , — Arch., г. VII, 1957, стр. 157.
83	Легница, пов. = Legnica, pow. =	Г-3	ПЛ—Рим		<i>K. Tackenberg</i> , 1928, стр. 62—65; <i>AB</i> , 1931, стр. 61; <i>GVS</i> , стр. 37; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 17, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 449a
84	Новая Весь Легницкая, пов. Легница Nowa Wies Legnicka, pow. Legnica	Д-3	IV в. н. э.	2	<i>SVBS</i> , NF, t. I, 1900, стр. 173; <i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 65; <i>GVS</i> , стр. 37; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 87; <i>E. Konik</i> , 1959, № 590
85	Енджиховице, пов. Олава Jędrzychowice, pow. Olawa	Д-3 врезка	IV—V вв. н. э.	1	<i>SVBS</i> , NF, t. III, 1904, стр. 46—50; <i>AB</i> , 1928, стр. 111; 1929, стр. 12; <i>A</i> , t. III, 1931, стр. 100, 308; <i>GVS</i> , стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 308, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 315a; <i>Sprw. Arch.</i> , t. 18, 1966, стр. 79—83

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
86	Юрков, пов. Пиньчов Jurków, pow. Pińczów	Д-5	Рим	1	Rocznik PAU, 1925—1926, стр. 26
87	Калишаны, пов. Опатов Kaliszany, pow. Opatów	Д-6	ПЛ		WA, t. XIII, 1935, стр. 260
88	Каменица, пов. Пшеворск Kamienica, pow. Przeworsk	Е-6	ПЛ		K. Hadaczek, 1909, стр. 11; PA, t. 1, z. 3-4, 1919, стр. 99, рис. 1, стр. 100, рис. 2, 3; K. Majewski, 1949, стр. 32; SA, t. II, 1949—1950, стр. 220—240
89	Колачковице, пов. Буско Kołaczkowice, pow. Busko	Д-5	ПЛ—Рим	1	Swiatowit, t. III, 1901, стр. 134
90	Корытница-Памянчины, пов. Енджеюв Korytnica-Pamięciny, pow. Jędrzejów	Д-5	ПЛ—Рим	1	Не издан
91	Зельгнев, пов. Ходзиевск Zelgniew, pow. Chodzież	В-4	ПР	4	NüD, t. 15, 1904, стр. 3—5; A. Karpińska, 1926, стр. 21—23
92	Корчов, пов. = Korców, pow. =	В-6	Рим	1	B. Werner.—Swiatowit, t. XVIII, 1939—1945
93	Сандомеж, пов. = Sandomierz, pow. =	Д-6	ПЛ		ZOW, r. VIII, z. 3, 1933, стр. 47
94	Кожле, пов. = Koźle, pow. =	Д-4	ПР	1	H. J. Eggers, 1951, стр. 108, № 737; E. Konik, 1959, № 396a
95	Янушовице, пов. Пиньчов Januszowice, pow. Pińczów	Д-5	Рим	1	Не издан
96	Чаньча, пов. Косцяна Czącza, pow. Kościan	Г-3	ПР		B. Kostrzewski.—Fontes, t. VI, 1955
97	Лежайск, пов. Ланчит Leżask, pow. Łańcut	Д-6	ПР		J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 351
98	Лазажовице, пов. Волов Łazarzowice, pow. Wolow	Г-3	ПЛ—Рим		
99	Лазы, пов. Волов Łazy, pow. Wolow	Г-3	ПЛ—Рим	1	AB, 1937, стр. 59; E. Konik, 1959, № 497
100	Любогощ, пов. Глоггов Lubogoszcz, pow. Głogów	Г-2	Рим		SVBS, NF, t. VI, 1912, стр. 228; K. Tackenberg, 1925, стр. 20—22; AB, 1939, стр. 119; E. Konik, 1959, № 481
101	Ленжковице, пов. Бохня Łęzkowice, pow. Bochnia	Е-5	Рим		Не издан
102	Луги, пов. Гура Шленска Ługi, pow. Góra Śląska	Г-3	Вторая половина IV в. н. э.	1	AB, 1927, стр. 23; 1928, стр. 110; A, t. II, 1929, стр. 66, 305; t. IV, 1934, стр. 154—161; t. VII, 1937, z. 1, стр. 34—39; GVS, стр. 34; E. Petersen, 1935, стр. 196, 251, рис. 381; R. Jamka, 1938, стр. 16, 41; E. Konik, 1959, № 501a
103	Лисев, пов. Груец Lisew, pow. Grójc	Г-5	ПР	1	МААЕ, t. VIII, стр. X; A. Karpińska, 1926, стр. 27—28
104	Пестжеч, пов. Сташов Piestrzec, pow. Staszów	Д-5	ПР	2	ZOW, r. VII, z. 1, 1932, стр. 151—155
104a	Пестжеч II, пов. Сташов	Д-5	ПР	1	ZOW, r. VII, z. 1, 1932, стр. 151—155
105	Радлов, пов. Бжеско Radłów, pow. Brzesko	Е-5	Рим		ZOW, r. V, z. 1, 1930, стр. 3—4
106	Прошшков, пов. Ополе Proszkow, pow. Opole	Д-4	ПР	1	AB, 1926, стр. 15; 1929, стр. 116; 1936, стр. 165; 1939, стр. 124; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; E. Konik, 1959, № 696
107	Пшибышов, пов. Глоггов Przybyszów, pow. Głogów	Г-3	ПЛ—Рим	1	AB, 1937, стр. 110; 1938, стр. 11, 149; E. Konik, 1959, № 710
108	Явор, пов. = Jawor, pow. =	Д-3	ПР		SVBS, t. VI, 1894, стр. 56; AB, 1938, стр. 30, 84; E. Konik, 1959, № 304a
109	Хрущиче, пов. Ополе Chróścice, pow. Opole	Д-4	Вторая половина II—конец III в. н. э.	9	AP, t. 2, z. 1, 1958, стр. 93—110; KO, t. I, 1955, N 2, стр. 79—82; AP, t. II, 1958, z. 1, стр. 93—110; E. Konik, 1959, № 114

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
110	Кетж, пов. Глубчице Kietrz, pow. Głubczyce	Е-4	II—III вв. н. э.	10	<i>M. Gedl.</i> — <i>Mat. St.</i> , t. V, 1964; <i>SA</i> , t. VI, 1964, стр. 230—233; <i>Sprw. Arch.</i> , t. XXIV, 1972, стр. 103—128
111	Ольстын, пов. Ченстохова Olstyn, pow. Częstochowa	Д-4	IV—V вв. н. э.		<i>J. Szydłowski.</i> — <i>Biuletyn SJN</i> , 1959, № 11; <i>A. Pol.</i> , t. 4, 1962, стр. 306—314
112	Жабинец, пов. Ченстохова Zabieniec, pow. Częstochowa	Д-4	Вторая половина III—IV в. н. э.	30	<i>K. Godłowski.</i> — <i>Sprw. Arch.</i> , t. XVI, 1964; t. XVII, 1965, стр. 165—167; t. XXI, 1969, стр. 134—151
113	Пшивуж, пов. Велюнь Przywóz, pow. Wieluń	Д-4	II в. н. э.	2	<i>Sprw. Arch.</i> , t. XIX, 1967; t. XXIII, 1971, стр. 169—180
114	Весулки, пов. Калиш Wesołki, pow. Kalisz	Г-4	ПЛ—Рим	70	<i>I. i K. Dąbrowski</i> , 1967; <i>Sprw. Arch.</i> , t. XVIII, 1965; t. XXIV, 1972, стр. 349—390
115	Гнеховице, пов. Вроцлав Gniechowice, pow. Wrocław	Д-3	ПЛ—Рим		<i>AB</i> , 1935, стр. 145; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 380; <i>E. Konik</i> , 1959, № 228
116	Новы Млын, пов. Влоцлавек Nowy Młyn, pow. Włocławek	В-4	ПЛ—Рим		Не издан
117	Коженъ Жандовы, пов. Гостынь Korzeń Rządowy, pow. Gostyń	В-5	ПР		Не издан
118	Сохачев, пов. = Sochaczew, pow. =	Г-5			<i>WA</i> , t. XXXV, 1970, z. 1, стр. 52—67
119	Гледзянувек, пов. Ленчица Głedzianówek, pow. Łęczysa	Г-4	ПЛ		<i>A. Nadolski.</i> — <i>Mat. St.</i> , t. 18, 1951
120	Витов, пов. Ленчица Wiśń, pow. Łęczysa	Г-4	IV—V вв. н. э.	2	<i>A. Chmielowska.</i> — <i>WA</i> , t. 24, 1957
121	Бжежце-Колония, пов. Бялобжеги Brzeżce-Kolonia, pow. Białobrzegi	Г-5	Рим	30	<i>Sprw. Arch.</i> , t. XIX, 1967, стр. 105; <i>WA</i> , z. 2-3, t. XXXI, 1965, стр. 546—547
122	Карчевице, пов. Венгров Karczewice, pow. Węgrów	В-6	ПЛ—Рим		<i>WA</i> , t. XXXVI, 1972, z. 2, стр. 178—183
123	Гарволин, пов. = Garwolin, pow. =	Г-6	ПЛ—Рим	49	<i>WA</i> , t. XXX, 1964, стр. 229—245
124	Гожьдик I, пов. Гарволин Gózdik, pow. Garwolin	Г-6	ПЛ, ПР	50	<i>WA</i> , t. XXX, 1964, стр. 229—245
124a	Гожьдик II, пов. Гарволин Gozdik, pow. Garwolin	Г-6	Рим	3	<i>WA</i> , t. XIII, 1935, стр. 297
125	Ключев, пов. Рыки Kłoczew, pow. Ryki	Г-6	ПР	81	<i>B. Barankiewicz.</i> — <i>WA</i> , t. XXVIII, 1962
126	Масов, пов. Рыки Masów, pow. Ryki	Г-6	ПР	93	<i>J. Gurba.</i> — <i>PA</i> , t. 10, 1954—1956; <i>WA</i> , t. XX, z. 3, 1954, стр. 303
127	Опока, пов. Пулавы Opoka, pow. Puławy	Г-6	Рим		Не издан
128	Гошерадов, пов. Крашник Gośieradów, pow. Kraśnik	Д-6	II—III вв. н. э.	3	<i>ZOW</i> , г. XXI, 1952, стр. 73—74; <i>WA</i> , t. XXIV, 1957, стр. 391; <i>S. Nosek</i> , 1952a, стр. 309 сл.; <i>J. Gurba.</i> — <i>Arch.</i> , г. VII, 1957, стр. 156 сл.; <i>T. Liana</i> , 1968, z. 2, стр. 153—154
129	Вирбковице-Которов, пов. Хрубешов Wirbkowice-Kotorów, pow. Hrubieszów	Д-7	ПР	1	
130	Лукавица, пов. Любашов Łukawica, pow. Lubaczów	Д-7	Рим	2	<i>J. Potocki.</i> — <i>Mat. St.</i> , t. 2, 1960; <i>Он же.</i> <i>Sprw. Arch.</i> , t. V, 1959; t. XXII, 1970, стр. 399—404; <i>WA</i> , t. XXVI, 1959, стр. 335—337
131	Пясечно, пов. Сандомеж Piaseczno, pow. Sandomierz	Д-6	Рим		Не издан
132	Чуслице, пов. Казимеж Cuiuslice, pow. Kazimierza	Д-5	ПЛ—Рим		Не издан
133	Страдов, пов. Казимеж Вел. Stradów, pow. Kazimierza Wielki	Д-5	ПЛ		Не издан
134	Гурчина, пов. Вхова Górczyna, pow. Wschowa	Г-3	ПЛ	13	<i>A</i> , t. V, 1934, стр. 227—231; <i>E. Konik</i> , 1959, № 253; <i>B. Czerska</i> , 1970, карта 3, № 46
135	Славеннице, пов. Гура Шленска Sławęcice, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ	1	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 207—209; <i>R. Jamka</i> , 1938; <i>E. Konik</i> , 1959, № 811a

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
136	Бартодзейе, пов. Гура Шленска Bartodzieje, pow. Góra Śląska	Г-3.	ПЛ	12	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 2, 7, 19—21, 23, 48, 52, 54, 56, 58, 61, 65, 76, 80, 93, 97, 100, 102—106, 116, 124, 130—132, 142, 145, 150, 154, 156, 200—204, 258, 289, 366; <i>E. Konik</i> , 1959, № 5
137	Шашоровице, пов. Гура Шленска Szaszorowice, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ	1	A, t. I, 1926, стр. 274; t. IV, 1934, стр. 316; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 218, 258, 390; <i>E. Konik</i> , 1959, № 884
138	Кайенцин, пов. Гура Шленска Kajęcín, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ	8	AB, 1927, стр. 41; 1928, стр. 110; 1930, стр. 9; NDV, t. V, 1929, стр. 22, 122; <i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 144; A, t. IV, 1934, стр. 206; t. VI, 1936, стр. 398; GVS, стр. 34; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 172—176; PA, t. IX, z. 2-3, 1932, стр. 345; <i>E. Konik</i> , 1959, № 321
139	Рудна Велка, пов. Гура Шленска Rudna Wielka, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ—Рим	5	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 171, 285, 315, 393; <i>E. Konik</i> , 1959, № 769a
140	Белч Малы, пов. Гура Шленска Belcz Mały, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ	5	A, t. I, 1926, стр. 51; GVS, 34; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 7, 100, 103, 139, 176, 217, 250, 371; <i>E. Konik</i> , 1959, № 6a
141	Гурка Вансоцка, пов. Гура Шленска Górka Wąsocka, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ		A, t. I, 1926, стр. 51; AB, 1934, стр. 84; GVS, стр. 34; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 176, 217, 250, 390; <i>E. Konik</i> , 1959, № 255
142	Побель, пов. Гура Шленска Pobiel, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ	6	NDV, t. VI, 1930, стр. 198; A, t. III, 1931, стр. 309; t. IV, 1934, стр. 313; AB, 1934, стр. 53, 70, 80; 1935, стр. 96; 1938, стр. 225; GVS, стр. 33; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 198, 258, 311, 390, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 671a
143	Псары, пов. Гура Шленска Psary, pow. Góra Śląska	Г-3	ПЛ—Рим		<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 370.
144	Пшиборов, пов. Волов Przyborów, pow. Wolów	Г-3	ПЛ	6	<i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 138—144; GVS, стр. 48; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 7, 20—21, 24, 52—54, 58, 61, 65, 76, 80, 97, 100, 104, 116, 130, 132, 149, 150, 154, 195—198, 366; <i>E. Konik</i> , 1959, № 709
145	Сулов, пов. Милич Sułow, pow. Milicz	Г-3	ПЛ	1	SVBS, NF, t. VI, 1912, стр. 228; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 279, 290, 310, 350; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 195, 323, 391; GVS, стр. 38; <i>E. Konik</i> , 1959, № 880
146	Бжыков, пов. Тшебница Brzyków, pow. Trzebnica	Г-3	ПЛ	2	NDV, t. IX, 1933, стр. 45; t. X, 1934, стр. 78; A, t. IV, 1934, стр. 243; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 170, 204—205, 244; Mannus, t. 27, 1935, стр. 320, 328; <i>E. Konik</i> , 1959, № 87a
147	Маслов, пов. Тшебница Masłów, pow. Trzebnica	Г-3	III—IV вв. н. э.		Maslografia, стр. 15—169; AB, 1936, стр. 158; 1939, стр. 78; GVS, стр. 46; <i>E. Konik</i> , 1959, № 517a
148	Дальборовице, пов. Сычов Dalborowice, pow. Syców	Г-4	ПЛ	1	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 214, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 147
149	Коваловице, пов. Намыслов Kowalowice, pow. Namysłów	Д-3	ПЛ	?	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 214—216, рис. 48, 52, 57, 64; табл. VII, I, 9; <i>E. Konik</i> , 1959, № 389a
150	Ксёгнице, пов. Сьрода Сленска Księgnice, pow. Środa Śląska	Д-3, врезка	ПЛ	2	AB, 1929, стр. 11; 1935, стр. 126; A, t. III, 1931, стр. 99; GVS, стр. 39; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 205, 251; <i>E. Konik</i> , 1959, № 428

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
151	Котовице, пов. Тшебница Kotowice, pow. Trzebnica	Д-3, врезка	I в. до н. э.	16	SVBS, NF, t. VIII, 1924, стр. 24; AB, 1928, стр. 65; NDV, t. IV, 1928, стр. 105; A, t. II, 1929, стр. 304; t. III, 1931, стр. 35; M. Jahn, 1931, стр. 138; E. Petersen, 1935, стр. 289; GVS, стр. 46; Ch. Pescheck, 1939, стр. 185—192, 206, 252, 392; E. Konik, 1959, № 386
152	Вроцлав — Закжов Wrocław — Zakrzów	Д-3, врезка	ПЛ, IV в. н. э.		W. Gempler, 1887; Он же, 1888; AB, 1928, стр. 64; 1930, стр. 9, 76; 1934, стр. 105; 1935, стр. 28; 1936, стр. 60; 1943, стр. 47; A, t. IV, 1934, стр. 316; GVS, стр. 41; Ch. Pescheck, 1939, стр. 239, 256, 392; Arch., t. VIII, 1958, стр. 92, 97; E. Konik, 1959, № 1055
153	Жерники Великие, пов. Вроцлав Zerniki Wielki, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПР	55	L. Zotz, 1935; AB, 1931, стр. 43; 1932, стр. 22, 78; 1933, стр. 15; 1935, стр. 20; 1937, стр. 122; 1938, стр. 150; MAG, t. LXII, 1932, табл. II, 5, стр. 398; NDV, t. IX, 1933, стр. 44; A, t. IV, 1934, стр. 130; t. IV, 1936, стр. 398; t. VII, 1937, стр. 279; GVS, стр. 25; Ch. Pescheck, 1939, стр. 171, 222, 247, 285, 365, 392, 394; E. Konik, 1959, № 1087a
154	Вроцлав — Кужники Wrocław — Kuzniki	Д-3, врезка	ПЛ	1	A, t. I, 1926, стр. 266, 274; t. III, 1931, стр. 306; t. IX, 1940, стр. 186; AB, 1931, стр. 54; 1934, стр. 10, 83; 1935, стр. 11; M. Jahn, 1931, стр. 54, 130; GVS, стр. 25; Ch. Pescheck, 1939, стр. 169, 244, 305, 392, 395; E. Konik, 1959, № 1024a
155	Вроцлав — Грабишын Wrocław — Grabiszyn	Д-3, врезка	ПЛ—ПР		SVBS, NF, t. VIII, 1924, стр. 25; AB, 1933, стр. 86; Mannus, t. 25, 1933, стр. 38, № 4; A, t. IV, 1936, стр. 218; t. IX, 1940, стр. 186; GVS, стр. 25; Ch. Pescheck, 1939, стр. 260—264; E. Konik, 1959, № 1021
156	Вроцлав — Оporов Wrocław — Oporów	Д-3, врезка	ПЛ—ПР	Около 60	A, t. IV, 1934, стр. 207; AB, 1927, стр. 40; 1936, стр. 59, 93; 1937, стр. 162; 1940, стр. 212; 1941, стр. 64; GVS, стр. 26; Ch. Pescheck, 1939, стр. 217, 230—239, 254, 274, 289, 392, 394; E. Petersen, 1935, стр. 298; E. Konik, 1959, № 1030a
157	Вильчков, пов. Вроцлав Wilczków, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ	3	NDV, t. VI, 1930, стр. 74; A, t. III, 1931, стр. 99, t. IV, 1934, стр. 132—314; t. VII, 1937, стр. 279; AB, 1933, стр. 15; GVS, стр. 27; Ch. Pescheck, 1939, стр. 211, 224—226; E. Konik, 1959, № 988
158	Вежбице, пов. Вроцлав Wierbice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ	12	Ch. Pescheck, 1939, стр. 177—184, 227, 365, 392; E. Konik, 1959, № 978a
159	Яксонов, пов. Вроцлав Jaksonów, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ—I—III в. н. э.		SVBS, t. VII, 1889, стр. 218, 438; SVBS, NF, t. VIII, 1924, стр. 28; E. Blume, 1912, t. I, стр. 151; t. II, стр. 3, 10, 118; PB, t. 25, 1924, стр. 131; M. Jahn, 1916, стр. 163, 183, 190; O. Mertins, 1906, стр. 268—269; A, t. III, 1931, стр. 100; AB, 1927, стр. 40; Ch. Pescheck, 1939, стр. 277, 310, 389, 394; 396; E. Konik, 1959, № 293a

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
160	Венгры, пов. Вроцлав Węgrzy, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ	4	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 212, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 969
161	Суденцин, пов. Олава Sulęcín, pow. Oława	Д-3, врезка	ПЛ		<i>A</i> , t. II, 1929, стр. 65; <i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 50, 135; <i>GVS</i> , стр. 42; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 193, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 877
162	Собоциско, пов. Олава Sobocisko, pow. Oława	Д-3, врезка	I в. до III в. н. э.	22	<i>A</i> , t. III, 1930, стр. 99; <i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 136; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 218, 283, 289, 312, 392, 394; <i>GVS</i> , стр. 42; <i>AB</i> , 1940, стр. 84, 214; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 24, 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 82a
163	Полвица, пов. Олава Polwica, pow. Oława	Д-3, врезка	ПЛ—PP	8—9	<i>AB</i> , 1935, стр. 147; 1936, стр. 32; 1938, стр. 227; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 266, 274, 320, 388, 394; <i>GVS</i> , стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 680a; <i>J. Filip</i> , 1956, стр. 69
164	Пиотрков Боровский, пов. Стшелин Piotrków Borowski, pow. Strzelin	Д-3, врезка	ПЛ		<i>A</i> , t. I, 1926, стр. 46; <i>GVS</i> , стр. 45; <i>E. Konik</i> , 1959, № 660a
165	Гулов, пов. Олава Gulów, pow. Oława	Д-3, врезка	ПЛ	1	<i>A</i> , t. III, 1931, стр. 100; <i>GVS</i> , стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 210, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 285
166	Немиль, пов. Олава Niemił, pow. Oława	Д-3, врезка	ПЛ	2	<i>Ab</i> , 1930, стр. 10; 1934, стр. 105; <i>A</i> , t. IV, 1934, стр. 315; <i>GVS</i> , стр. 42; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 192, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 577a
167	Каршов, пов. Стшелин Karszów, pow. Strzelin	Д-3, врезка	ПЛ	1	<i>M. Jahn</i> , 1916, стр. 230; <i>Он же</i> , 1919, стр. 95, 176, 214; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 94, рис. 84, стр. 279, 282, 295, 304, 350, 372; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 4; <i>GVS</i> , стр. 45; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 53, 58, 80, 176, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 333
168	Богачов, пов. Заган Bogaczów, pow. Zagan	Г-2	ПЛ		<i>M. Jahn</i> , 1921, стр. 60, 144; <i>K. Tackenberg</i> , 1925, стр. 55; <i>E. Konik</i> , 1959, № 37
169	Шинава, пов. Волов Ścinawa, pow. Wołów	Г-3	ПЛ	9	<i>A</i> , t. I, 1926, стр. 110; t. II, 1929, стр. 306; t. III, 1931, стр. 306; t. IV, 1934, стр. 316; <i>AB</i> , 1928, стр. 81; 1930, стр. 77; 1934, стр. 105; 1935, стр. 30; <i>NDV</i> , t. IV, 1928, стр. 105; <i>GVS</i> , стр. 47; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 26, 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 7, 8, 24, 60, 76, 90, 100, 103, 150, 154, 193, 258
170	Ядовники Мокре, пов. Домброва Тарновска Jadowniki Mokre, pow. Dąbrowa Tarnowska	Е-5	ПЛ PP	2 5	<i>MAAE</i> , t. III, 1898, стр. 93—108; <i>Wl. Demetrzykiewicz</i> , 1898, стр. 125; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 351; <i>Sprw. PAU</i> , t. LII, 1951, N 2, стр. 143; <i>WA</i> , t. XX, z. 1, 1951, стр. 106; <i>Mat. St.</i> , t. II, 1957, стр. 227—244
171	Грабице, пов. Губин Grabice, pow. Gubin	Г-2	II—III вв. н. э.	20	<i>ZfE</i> , t. 21, 1889, стр. 343—352, 559; <i>M. Jahn</i> , 1921, стр. 120, № 518—519; <i>NM</i> , t. 3, 1889, стр. 16—28, 315, 316; t. 4, 1890, стр. 1—142
172	Шымоцин, пов. Глогов Szymocin, pow. Głogów	Г-3	II—IV вв. н. э.		<i>A</i> , t. II, 1929, стр. 66; t. III, 1931, стр. 101; <i>AB</i> , 1930, стр. 61; 1936; стр. 227; <i>GVS</i> , стр. 31; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 28—41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 897
173	Пшихова, пов. Волов Przychowa, pow. Wołów	Г-3	PP		<i>AB</i> , 1928, стр. 81; <i>A</i> , t. II, 1931; <i>GVS</i> , стр. 48; <i>E. Konik</i> , 1959, № 711

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
174	Реншов, пов. Волов Ręszów, pow. Wołów	Г-3	II—III вв. н. э.		SVBS, NF, t. VII, 1916, стр. 121 сл.; t. VIII, 1924, стр. 29; AB, 1935, стр. 30; GVS, стр. 48; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 23, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 746
175	Крушинец, пов. Гура Шленска Kruszyniec, pow. Góra Śląska	Г-3	II—IV вв. н. э.		SVBS, NF, t. VII, 1916, стр. 113; A, t. I, 1926, стр. 41, 43, 106; t. IV, 1934, стр. 315; AB, 1930, стр. 45, 57; GVS, стр. 34; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 15, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 412
176	Вансош, пов. Гура Шленска Wąsosz, pow. Góra Śląska	Г-3	I—III вв. н. э.	Более 3	AR, 1933, стр. 86; 1934, стр. 34, 53; 1936, стр. 30, 157; 1938, стр. 226; GVS, стр. 34; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 249, 271, 286, 308, 390, 393; A, t. IX, 1940, стр. 186; <i>E. Konik</i> , 1959, № 967a
177	Божень, пов. Волов Bożeń, pow. Wołów	Г-3	PP		SVBS, t. VII, 1889, стр. 212; SVBS, NF, t. VIII, 1924, стр. 25; GVS, стр. 47; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 35; <i>E. Konik</i> , 1959, № 63
178	Любянзь, пов. Волов Lubiąż, pow. Wołów	Г-3	II—III вв. н. э.	11	AB, 1928, стр. 112; 1929, стр. 13; 1939, стр. 118; A, t. III, 1931, стр. 308; GVS, стр. 47; <i>E. Konik</i> , 1959, № 478a; <i>Sil. Ant.</i> , t. 6, 1964, стр. 124—131
179	Сташовице, пов. Волов Staszowice, pow. Wołów	Г-3	I—III вв. н. э.		GVS, стр. 48; SVBS, t. V, 1894, стр. 228; <i>ZfE</i> , t. 37, 1905, стр. 399; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 322; AB, 1938, стр. 230; <i>E. Konik</i> , 1959, № 851
180	Крошчина Великая, пов. Тшебница Krościna Wielka, pow. Trzebnica	Г-3	II в. н. э.	1	AB, 1926, стр. 73; 1928, стр. 81, 112; 1931, стр. 44, 127, 305; 1937, стр. 174; 1929, стр. 304; A, t. II, 1929, стр. 304; t. III, 1931, стр. 305, 308; NDV, t. IX, 1935, стр. 157; GVS, стр. 46; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 247, 294—296, 392, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 406a
181	Домановице, пов. Тшебница Domanowice, pow. Trzebnica	Г-3	II—IV вв. н. э.		AB, 1934, стр. 13, 54, 73; GVS, стр. 46; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 314; A, t. IX, 1940, стр. 186; <i>E. Konik</i> , 1959, № 175
182	Коморувко, пов. Тшебница Komorówko, pow. Trzebnica	Г-3	II—IV вв. н. э.	3	AB, 1928, стр. 128; 1931, стр. 76; 1936, стр. 33, 61; 1937, стр. 163; A, t. III, 1931, стр. 308; t. VI, 1936, стр. 398; NDV, t. XII, 1936, стр. 54; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 42; GVS, стр. 46; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 298, 311, 323—325, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 369a
183	Кобылице, пов. Тшебница Kobylice, pow. Trzebnica	Г-3	I—IV вв. н. э.	3	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 251, 266, 274, 297, 309, 383—385; A, t. VI, 1936, стр. 398; t. VII, 1937, стр. 279; AB, 1931, стр. 76; 1932, стр. 63, 80; 1934, стр. 73; 1936, стр. 226; GVS, стр. 46; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 15, 45; <i>E. Konik</i> , 1959, № 362a
184	Стжешов, пов. Тшебница Strzeszów, pow. Trzebnica	Г-3	I—III вв. н. э.		AB, 1933, стр. 55; GVS, стр. 47; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 278, 394; A, t. IX, 1940, стр. 187; <i>E. Konik</i> , 1959, № 871

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
185	Добра, пов. Олесница Dobra, pow. Oleśnica	Г-3	II в. н. э.	1	SVBS, t. IV, 1887, стр. 142; t. VI, 1896, стр. 452; t. VII, 1889, стр. 436, 438; <i>E. Blume</i> , 1912, стр. 70, 95, 140, 152; <i>Он же</i> , 1915, стр. 66; <i>ZfE</i> , t. 41, 1909, стр. 399; <i>BAB</i> , t. 39, 1918, стр. 58; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 42, 45, 87, 92, 102, 109, 111, 124, 141, 226, 227, 250, 281, 286, 308, 317, 318, 379; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 20; t. VII, 1937, стр. 279; <i>E. Konik</i> , 1959, № 164a
186	Бродно, пов. Сьрода Сленска Brodno, pow. Środa Śląska	Г-3	II—III вв. н. э.	2	<i>A</i> , t. I, 1926, стр. 273; t. II, 1929, стр. 68, 305; t. IV, 1934, стр. 207; <i>AB</i> , 1927, стр. 41; 1929, стр. 11; 1936, стр. 31; 1937, стр. 109; 1940, стр. 39; <i>GVS</i> , стр. 39; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 243, 303, 312, 313, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 66
187	Глоска, пов. Сьрода Сленска Gloska, pow. Środa Śląska	Г-3	II—III вв. н. э.	1	<i>AB</i> , 1927, стр. 76; 1929, стр. 11; <i>A</i> , t. III, 1931, стр. 307; <i>GVS</i> , стр. 39; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 43, 246, 292—294, 301, 306, 392, 396; <i>E. Konik</i> , 1959, № 223a
188	Вроцлав—Праце Оджаньские Wrocław—Prace Odrzańskie	Д-3, врезка	I в. н. э.	1	<i>AB</i> , 1927, стр. 63; 1934, стр. 206; 1938, стр. 80, 133; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 220, 270, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 1035
189	Вроцлав—Казанов Wrocław—Kazanów	Д-3, врезка	I—III вв. н. э.	10	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 219, 244, 260, 268—270, 280, 283, 290, 299—301, 303—305, 313, 392, 394, 396; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 53; <i>E. Konik</i> , 1959, № 1022
190	Нова Весь Вроцлавская, пов. Вроцлав Nowa Wieś Wrocławska, pow. Wrocław	Д-3, врезка	I—II вв. н. э.	155	SVBS, t. V, 1894, стр. 79, 116; t. VI, 1896, стр. 233, 239, 457; t. VIII, 1899, стр. 429, 436, 439; SVBS, NF, t. VI, 1912, стр. 209; t. VIII, 1924, стр. 28; <i>PB</i> , t. 25, 1924, стр. 131; <i>NDV</i> , t. IV, 1928, стр. 10; t. V, 1929, стр. 22; t. VI, 1930, стр. 74; t. IX, 1933, стр. 44; t. XI, 1935, стр. 62, 157; t. XIII, 1937, стр. 267; <i>NüD</i> , 1902, стр. 92; <i>E. Blume</i> , 1912, стр. 140; <i>Mannus</i> , t. 21, 1921, стр. 244; t. 22, 1930, стр. 83; t. 27, 1935, стр. 323; <i>A</i> , t. I, 1926, стр. 83; t. III, 1931, стр. 100, 309; t. IV, 1932, стр. 207, 315; t. VI, 1936, стр. 398; t. VII, 1937, стр. 280; t. IX, 1940, стр. 187; <i>AB</i> , 1927, стр. 75; 1928, стр. 109; 1930, стр. 8, 60, 114; 1931, стр. 9, 35, 55; 1932, стр. 32, 60, 79; 1933, стр. 53; 1934, стр. 34, 52, 69; 1935, стр. 43, 145; 1936, стр. 94; 1938, стр. 132, 149; <i>GVS</i> , стр. 26; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 326—352, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 592a
191	Домослав, пов. Вроцлав Domosław, pow. Wrocław	Д-3, врезка	II в. н. э.	1	<i>A</i> , t. I, 1926, стр. 43; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 291, 295; <i>E. Konik</i> , 1959, № 176
192	Магнице, пов. Вроцлав Magnice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	I в. н. э.	1	<i>A</i> , t. IV, 1932, стр. 315; <i>GVS</i> , стр. 26; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 289; <i>E. Konik</i> , 1959, № 505

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
193	Иорданов Шленски, пов. Дзержонюв Jordanow Śląski, pow. Dzierżoniów	Д-3, врезка	II—IV вв. н. э.	2	SVBS, t. II, 1885, стр. 238; t. IV, 1887, стр. 144; t. V, 1894, стр. 103, 111; табл. 3, 13; t. VI, 1896, стр. 452; t. VII, 1889, стр. 438; SVBS, NF, t. VII, 1916, стр. 196; E. Blumme, 1912, стр. 152; AB, 1931, стр. 34; 1936, стр. 32, 129; 1943, стр. 47; 1944, стр. 32; A, t. IV, 1932, стр. 315; GVS, стр. 43; Ch. Pescheck, 1939, стр. 316; E. Konik, 1959, № 319
194	Яшовице, пов. Вроцлав Jaszowice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	I—IV вв. н. э.	4	A, t. I, 1926, стр. 51; t. VI, 1936, стр. 398; AB, 1927, стр. 40; GVS, стр. 25; R. Jamka, 1938, стр. 42; Ch. Pescheck, 1939, стр. 248, 270, 285, 296, 306—308, 316, 392, 396; E. Konik, 1959, № 303a
195	Гужице, пов. Вроцлав Górzyce, pow. Wrocław	Д-3, врезка	I—III вв. н. э.		SVBS, t. VI, 1894, стр. 171; AB, 1935, стр. 145; 1936, стр. 29; 1939, стр. 116; GVS, стр. 25; Ch. Pescheck, 1939, стр. 284, 305, 314, 378, 395; E. Konik, 1959, № 261a
196	Бялобжезе, пов. Стшелин Białobrzezie, pow. Strzelin	Д-3, врезка	I в. н. э.	1	M. Jahn, 1921, стр. 55, 113; Mannus, t. 27; 1935, стр. 322, № 5, 323, № 1; GVS, стр. 45; E. Blumme, 1912, стр. 140; E. Konik, 1959, № 12a
197	Беньковице, пов. Вроцлав Bieńkowice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	II в. н. э.	1	Ch. Pescheck, 1939, стр. 27, 35, 49, 62, 64, 68, 75, 78, 84, 109, 125, 141, 286, 289, 297, 320, 378, 385; E. Konik, 1959, № 22a
198	Пискошов, пов. Олава Piskoszów, pow. Olawa	Д-3, врезка	II в. н. э.		SVBS, NF, t. V, 1909, стр. 234; t. VIII, 1924, стр. 28; A, t. I, 1926, стр. 274; E. Petersen, 1935, рис. 321; GVS, стр. 41; AB, 1939, стр. 162; Ch. Pescheck, 1939, стр. 394; E. Konik, 1959, № 667a
199	Маршовице, пов. Олава Marszowice, pow. Olawa	Д-3, врезка	II в. н. э.	1	SVBS, NF, t. III, 1904, стр. 39, 187; AB, 1931, стр. 100; 1934, стр. 72; 1943, стр. 47; GVS, стр. 41; Ch. Pescheck, 1939, стр. 297, 302, 394; E. Konik, 1959, № 516
200	Стоги, пов. Стшелин Stogi, pow. Strzelin	Д-3, врезка	I в. н. э.	3	A, t. I, 1926, стр. 46; t. II, 1928, стр. 305; t. III, 1931, стр. 101, 309; t. IV, 1932, стр. 399; Mannus, t. 22, 1922, стр. 37; AB, 1927, стр. 41, 91; 1928, стр. 81; 1929, стр. 62; 1930, стр. 42; 1931, стр. 57, 101; 1932, стр. 79; 1936, стр. 94; OS, t. XV, 1933, стр. 338; Ch. Pescheck, 1939, стр. 275, 290, 298, 388, 394, 396; E. Konik, 1959, № 855
201	Карчин, пов. Стшелин Karczyn, pow. Strzelin	Д-3, врезка	I в. н. э.	2	AB, 1938, стр. 82; GVS, стр. 45; Ch. Pescheck, 1939, стр. 29, 271—274, 394; E. Konik, 1959, № 329a
202	Гловнин, пов. Стшелин Głownin, pow. Strzelin	Д-3, врезка	ПЛ		A, t. VI, 1935, стр. 398; t. VII, 1937, стр. 270; GVS, стр. 45; AB, 1938, стр. 157; Ch. Pescheck, 1939, стр. 214, 392; E. Konik, 1959, № 224
203	Ешковице, пов. Вроцлав Jeszkowice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ		M. Jahn, 1916, стр. 101, 230; Он же, 1919, стр. 94; SVBS, t. I, 1870, стр. 29; SVBS, NF, t. VIII, 1924, стр. 24; J. Kostrzewski, 1918—1919,

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
204	Вяззов, пов. Стшелин Wiązów, pow. Strzelin	Д-3, врезка	I в. н. э.	1	стр. 278, 289, 310, 321, 350, 370; <i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 58; <i>AB</i> , 1934, стр. 52; 1936, стр. 59; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 3, 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 217, 266, 392; <i>E. Konik</i> , 1959, № 311a
205	Гродзешовице, пов. Олава Grodzieszwice, pow. Oława	Д-3, врезка	PP IV в. н. э.	1 12	<i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 30, 279; <i>E. Konik</i> , 1959, № 971a A, t. I, 1926, стр. 233—241; t. II, 1929, стр. 66, 305; t. III, 1931, стр. 307; t. IV, 1932, стр. 207; t. VI, 1936, стр. 398; <i>AB</i> , 1936, стр. 60; 1927, стр. 23; 1929, стр. 62; 1930, стр. 87; 1934, стр. 35, 72; 1936, стр. 61, 225; 1938, стр. 227; <i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 56, 63, 135; <i>GVS</i> , стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 247, 265, 392; <i>H. J. Eggers</i> , 1951, стр. 108, № 739; <i>E. Konik</i> , 1959, № 272a
206	Клокочице, пов. Тшебница Kłokoczysce, pow. Trzebnica	Д-3, врезка	II в. н. э.	1	<i>NDV</i> , t. XIV, 1938, стр. 169; <i>AB</i> , 1935, стр. 29; 1938, стр. 123, 158; 1939, стр. 78; <i>GVS</i> , стр. 46; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 292, 394; <i>E. Konik</i> , 1959, № 359
207	Вроцлав—Пошвентне Wrocław—Poświętne	Д-3, врезка	II в. н. э.	1	<i>AB</i> , 1934, стр. 83; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 291, 395; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>E. Konik</i> , 1959, № 1034
208	Псары, пов. Тшебница Psary, pow. Trzebnica	Д-3, врезка	PP		<i>AB</i> , 1928, стр. 81; 1944, стр. 16; A, t. III, 1931, стр. 308; t. IV, 1932, стр. 315; <i>GVS</i> , стр. 46; <i>E. Konik</i> , 1959, № 718
209	Мирков, пов. Олесница Mirków, pow. Oleśnica	Д-3, врезка	IV—V вв. н. э.	1	A, t. IV, 1932, стр. 315; <i>AB</i> , 1935, стр. 28; <i>GVS</i> , стр. 41; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 387; <i>E. Konik</i> , 1959, № 541
210	Вроцлав—Ратынь Wrocław—Ratyń	Д-3, врезка	IV в. н. э.	1	<i>SVBS</i> , NF, t. IV, 1907, стр. 176; A, t. I, 1926, стр. 93; <i>GVS</i> , стр. 25; <i>E. Konik</i> , 1959, № 1037
211	Страховице, пов. Вроцлав Strachowice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	PP		A, t. II, 1929, стр. 306; <i>GVS</i> , стр. 26; <i>AB</i> , 1938, стр. 80; <i>E. Konik</i> , 1959, № 858
212	Радосковице, пов. Олава Radoszkowice, pow. Oława	Д-3, врезка	PP		<i>AB</i> , 1937, стр. 163; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 381; <i>E. Konik</i> , 1959, № 729
213	Коньчице, пов. Олава Kończysce, pow. Oława	Д-3, врезка	III в. н. э.		A, t. I, 1926, стр. 43; <i>GVS</i> , стр. 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 377
214	Рогов Опольский, пов. Ополе Rogów Opolski, pow. Opole	Д-4	II—IV вв. н. э.	1	<i>AB</i> , 1930, стр. 93; 1932, стр. 67; <i>OS</i> , t. XV, 1933, стр. 364; <i>GVS</i> , стр. 42; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 749
215	Гославице, пов. Ополе Gosiawice, pow. Opole	Д-4	I в. н. э.	1	<i>ZfE</i> , t. 19, 1887, стр. 413, 483, 723; <i>SVBS</i> , t. V, 1894, стр. 66; t. VII, 1889, стр. 413—439, 557; <i>E. Blume</i> , 1912, стр. 4, 143, 145, 152; <i>PZ</i> , t. X, 1918, стр. 83—86; t. XIII—XIV, 1922, стр. 131, 141; <i>OS</i> , t. XV, 1933, стр. 364; <i>AB</i> , 1927, стр. 31; 1933, стр. 94; 1936, стр. 67; 1937, стр. 66, 167; A, t. VIII, 1939, стр. 52—72; <i>E. Konik</i> , 1959, № 217
216	Грошовице, пов. Ополе Groszowice, pow. Opole	Д-4	III—IV вв. н. э.	25	<i>SVBS</i> , t. I, 1870, стр. 90; t. V, 1894, стр. 100, 109; t. VII, 1889, стр. 216, 539; <i>PZ</i> , t. X, 1918, стр. 86, 115, 129, 136, 138, 144; t. XIII—

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
217	Грудзице, пов. Ополе Grudzice, pow. Opole	Д-4	III—IV вв. н. э.	17	XIV, 1922, стр. 131, 142; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 276a AB, 1932, стр. 39; 1939, стр. 47; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 279; PA, t. XVI, 1964, стр. 154—161
218	Шимишов, пов. Стшельце Опольске Szymiszów, pow. Strzelce Opolskie	Д-4	I—III вв. н. э.	2	PZ, t. X, 1918, стр. 97, 99, 116, 129, 136, 147; t. XIII—XIV, 1922, стр. 132, 136; AB, 1929, стр. 15; 1930, стр. 30; OS, t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 32; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 26, 42; <i>A. Karpińska</i> , 1926, стр. 28—30; <i>E. Konik</i> , 1959, № 806a
219	Калиновице, пов. Стшельце Опольске Kalinowice, pow. Strzelce Opolskie	Д-4	II—III вв. н. э.	5	PZ, t. X, 1918, стр. 92—96; AB, 1931, стр. 79; 1934, стр. 89; 1935, стр. 153; 1939, стр. 122; OS, t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 32; <i>E. Konik</i> , 1959, № 322a; Sil. Ant., t. 1, 1959, стр. 155—195
220	Грудына Мала, пов. Кожле Grudyna Mała, pow. Koźle	Д-4	I—II вв. н. э.	2	SVBS, t. IV, 1887, стр. 141, 200; SBVS, NF, t. VII, 1916, стр. 96, 105; PZ, t. X, 1918, стр. 101—104, 122, 127; t. XIII—XIV, 1922, стр. 142; t. XV, 1933, стр. 362; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 277a
221	Гжездзин, пов. Кожле Grzędzin, pow. Koźle	Е-4	II—III вв. н. э.	1	SVBS, t. V, 1894, стр. 203; PZ, t. X, 1918, стр. 104—106, 122, 125; t. XIII—XIV, 1922, стр. 142; AB, 1926, стр. 15; 1932, стр. 37; OS, t. XV, 1933, стр. 362; <i>E. Konik</i> , 1959, № 283a
222	Баборов, пов. Глубичце Babarów, pow. Głubczyce	Е-4	I—II вв. н. э.	1	<i>M. Jahn</i> , 1931, стр. 152; NDV, t. 17, 1941, стр. 26 сл.; <i>E. Konik</i> , 1959, № 2a
223	Нова Церквия, пов. Глубичце Nowa Cerkwia, pow. Głubczyce	Е-4	II—IV вв. н. э.	Около 6	SVBS, t. III, 1881, стр. 148, 485; t. IV, 1887, стр. 141; t. V, 1894, стр. 93, 131; PZ, t. X, 1918, стр. 108, 122, 134; AB, 1928, стр. 15, 83; 1931, стр. 82; 1934, стр. 38; 1935, стр. 153; 1936, стр. 163, 230; 1937, стр. 65; 1939, стр. 45, 82; GVS, стр. 36; <i>E. Konik</i> , 1959, № 585a; <i>K. Godłowski</i> , 1968, стр. 244—251
224	Лыски, пов. Рыбник Łyski, pow. Rybnik	Е-4	II в. н. э.	1	PZ, t. X, 1918, стр. 115; t. XIII—XIV, 1922, стр. 142; PA, t. IV, z. 1, 1928, стр. 89; OS, t. XV, 1933, стр. 364; <i>E. Konik</i> , 1959, № 503
225	Цецежин, пов. Ключборк Ciecierzyn, pow. Kłuczbork	Д-4	PI—I—III вв. н. э.		AB, 1927, стр. 79, 93; t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 35; <i>E. Konik</i> , 1959, № 120; <i>K. Godłowski</i> , 1968, стр. 229; Sprw. Arch. t. XXII, 1970, стр. 117—130
226	Коможно, пов. Ключборк Komożno, pow. Kłuczbork	Д-4	I в. н. э.	1	SVBS, t. VII, 1899, стр. 551; PZ, t. X, 1918, стр. 81; A, t. 1, 1926, стр. 267; OS, t. XV, 1933, стр. 363; AB, 1935, стр. 49, 153; 1938, стр. 35; 1939, стр. 45; GVS, стр. 35; <i>E. Konik</i> , 1959, № 370; <i>K. Godłowski</i> , 1968, карта N 239
227	Зияки, пов. Хшанов Zijaki, pow. Chrzanów	Е-4	PP	1	Не издан
228	Погвиздов, пов. Мехов Pogwizdów, pow. Miechów	Д-5	I в. н. э.	1	Не издан

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
229	Краков—Плашов	Е-5	II в. н. э.		Swiatowit, t. XVIII, 1947, стр. 142—147; R. Jamka, 1957, стр. 79
230	Kraków—Płaszów Росеюв, пов. Пиньчов Roziejów, pow. Pińczów	Д-5	Рим	1	MAAE, t. X, 1908, табл. XVIII, 7; WA, t. VI, 1921, стр. 177; J. Kostrzewski, 1937, стр. 80, карта, 78
231	Дратов, пов. Ополе, Лубенске Dratów, pow. Opole Lubenskie	Д-6	РР		Swiatowit, t. IX, 1911, стр. 47—60, 137, 151; W. Antoniewicz, 1928, стр. 320, табл. 37, 15—18, 20—22; J. Kostrzewski, 1937, стр. 78, 79; PJV, t. I, 1944, стр. 41; PA, t. VII, 1946, стр. 294; SA, t. I, 1948, стр. 283, 287; ZOW, r. XX, 1951, стр. 43; K. Tymieniecki, 1951, стр. 509; S. Nosek, 1952, стр. 33—34, 48; Он же, 1952а, стр. 313—315; J. Gurba.—Arch., r. VII, 1957, стр. 155—156
232	Малковице, пов. Пиньчов Małkowie, pow. Pińczów	Д-5	Вторая половина I в. н. э.	1	Swiatowit, t. XVIII, 1947, стр. 179—192
233	Пелчиска, пов. Пиньчов Pełczyńska, pow. Pińczów	Д-5	Конец I в. н. э.	1	S. Nosek, 1947, стр. 147—153
234	Кавчице, пов. Буско Kawczyce, pow. Busko	Д-5	РР		Rocznik PAU, 1936/1937, стр. 47; S. Nosek, 1947, стр. 119—142; Sprw. PAU, t. LII, 1951, № 10, стр. 937
235	Ставяни, пов. Пиньчов Stawiany, pow. Pińczów	Д-5	I в. н. э.	1	Sprw. PMA, t. I, 1945—1947, стр. 108, 58; PA, t. VIII, 1949, z. 2, стр. 294; WA, t. XVIII, z. 1-2, стр. 144; H. J. Eggers, 1951, стр. 156, № 2189
236	Тарговиско, пов. Бохня Targowisko, pow. Bochnia	Е-5	I в. н. э.	1	S. Nosek, 1947, стр. 155—160
237	Болеслав, пов. Домброва-Тарновка Bolesław, pow. Dąbrowa-Tarnowska	Д-5	РР		MAAE, t. X, 1908, стр. X—XII; WA, t. XIV, 1936, стр. 155, № 12
238	Жабно-над-Дунайцем, пов. Домброва-Тарновка Żabno-nad-Dunajcem, pow. Dąbrowa-Tarnowska	Е-5	РР		PA, t. V, 1934, z. 1, стр. 99; Sprw. PAU, t. LII, 1951, № 10, стр. 939
239	Раков, пов. Глубчице Raków, pow. Głubczyce	Д-4	III—IV вв. н. э.		PZ, t. X, 1918, стр. 107, 135; t. XIII—XIV, 1922, стр. 132, 142; A, t. I, 1926, стр. 43, 51; AB, 1932, стр. 66, 1936, стр. 164, 230; OS, t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 36; R. Jamka, 1938, стр. 22, 42; E. Konik, 1959, № 737а
240	Тжешня, пов. Тарнобжег Trzeźnia, pow. Tarnobrzeg	Д-6	РР		MAAE, t. II, 1897, стр. 155; t. III, 1898, стр. 107
241	Пшылеп, пов. Зелена Гура Przyłep, pow. Zielona Góra	Г-2	ПР	1	D. Bohnsak, 1940, стр. 1129
242	Хорула, I пов. Крапковице Choruła I, pow. Krapkowice	Д-4	II—IV вв. н. э.	194	J. Szydłowski, 1964
242а	Хорула, II пов. Крапковице	Д-4	V в. н. э.	2	J. Szydłowski, 1964а; A, t. I, 1926, стр. 195—197; Mannus, t. 6, 1928, стр. 74, 84; t. 28, 1936, стр. 38
243	Нарочице, пов. Волов Narocysce, pow. Wołów	Г-3	IV в. н. э.	1	A, t. I, 1926, стр. 245, 274; GVS, стр. 48; E. Konik, 1959, № 569а
244	Тымова, пов. Волов Tymowa, pow. Wołów	Г-3	IV в. н. э.	1	A, t. I, 1926, стр. 88; t. IV, 1932, стр. 208; GVS, стр. 48; E. Konik, 1959, № 946
245	Пантнувек, пов. Легница Pątnówek, pow. Legnica	Г-3	ПР	1	AB, 1932, стр. 18; GVS, стр. 36; L. Zotz, 1935, стр. 38; E. Konik, 1959, № 642
246	Паркошов, пов. Болеславице Parkosów, pow. Bolesławice	Г-2	IV в. н. э.		AB, 1935, стр. 30; GVS, стр. 27; E. Konik, 1959, № 631

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
247	Сокола, пов. Явор Sokola, pow. Jawor	Д-3	III в. н. э.		AB, 1926, стр. 14; 1927, стр. 92; A, t. III, 1931, стр. 307; E. Petersen, 1935, стр. 191; GVS, стр. 35; R. Jamka, 1938, стр. 12; E. Konik, 1959, № 830
248	Кветники, пов. Явор Kwetniki, pow. Jawor	Д-3	II в. н. э.	1	AB, 1936, стр. 74; E. Konik, 1959, № 443
249	Щепанов, пов. Сьрода Сленска Szczepanów, pow. Środa, Śląska	Д-3	III в. н. э.	1	SVBS, t. VII, 1899, стр. 554; M. Jahn, 1916, стр. 189; GVS, стр. 40; Ch. Pescheck, 1939, стр. 323; E. Konik, 1959, № 888
250	Пиотровице Польске, пов. Забковице Шленске Piotrowice Polske, pow. Zabkowice Śląskie	Д-3	ПР	1	SVBS, t. VII, 1899, стр. 239; E. Konik, 1959, № 664a
251	Корфантов, пов. Немодлин Korfantów, pow. Niemodlin	Д-3	III в. н. э.	1	AB, 1928, стр. 45, 66; 1935, стр. 152; GVS, стр. 28; E. Konik, 1959, № 380
252	Прудник, пов. = Prudnik, pow. =	Д-3	III—IV вв. н. э.	2	SVBS, NF, t. IV, 1907, стр. 177; PZ, t. X, 1918, стр. 113, 127, 145; t. XIII—XIV, 1922, стр. 142; AB, 1930, стр. 119; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 40; E. Konik, 1959, № 697
253	Дзедзице, пов. Крапковице Dziedzice, pow. Krapkowice	Д-3	II в. н. э.	6	AB, 1931, стр. 82; 1933, стр. 94; OS, t. XV, 1933, стр. 344; GVS, стр. 40; R. Jamka, 1938, стр. 42; E. Konik, 1959, № 190a
254	Земнице Велкие, пов. Ополе Ziemnice Wielkie, pow. Opole	Д-4	ПР		AB, 1928, стр. 30, 46; 1933, стр. 59; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; E. Konik, 1959, № 1071
255	Гурки, пов. Ополе Górki, pow. Opole	Д-4	III в. н. э.	1	AB, 1929, стр. 98; 1936, стр. 231; 1939, стр. 83; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; E. Konik, 1959, № 256
256	Лубовице, пов. Ратибож Łubowice, pow. Ratibórz	Д-4	III в. н. э.	1	AB, 1928, стр. 116; 1938, стр. 37; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 43; E. Konik, 1959, № 500
257	Радзын, пов. Глоггов Radzyn, pow. Głogów	Г-2	ПР		A, t. IV, 1932, стр. 208; GVS, стр. 31; E. Konik, 1959, № 734
258	Олбрахцице, пов. Вскова Olbrachcice, pow. Wschowa	Г-3	III—IV вв. н. э.	93	NDV, t. IV, 1928, стр. 119—120; ZOW, r. III, 1928, z. 2, s. 51; R. Jamka, 1938, стр. 21, 41; E. Konik, 1959, № 606
259	Радослав, пов. Гура Шленска Radosław, pow. Góra Śląska	Г-3	III в. н. э.		AB, 1927, стр. 41, 90; 1928, стр. 12, 44; A., t. II, 1929, стр. 250—275, 306; t. III, 1931, стр. 101, 309; GVS, стр. 34; R. Jamka, 1938, стр. 25, 41; E. Konik, 1959, № 727
260	Зубжа, пов. Гура Шленска Zubrza, pow. Góra, Śląska	Г-3	ПР	1	A, t. II, 1929, стр. 11; t. III, 1931, стр. 309; NDV, t. II, 1926, стр. 11; Ch. Pescheck, 1939, стр. 12, 27, 35, 49, 62, 67, 69, 77, 109, 120, 125, 128, 320; PH, t. LXI, 1959, 55; E. Konik, 1959, N 1077a
261	Гатка, пов. Милич Gałka, pow. Milicz	Г-3	ПР	1	AB, 1934, стр. 11, 18; GVS, стр. 38; A, t. IX, 1940, стр. 186; E. Konik, 1959, № 207
262	Пиотрковице, пов. Милич Piotrkowice, pow. Milicz	Г-3	ПР		AB, 1926, стр. 71; A, t. II, 1929, стр. 305; GVS, стр. 38; Ch. Pescheck, 1939, стр. 253, 319, 391; E. Konik, 1959, № 659
263	Ратаје, пов. Волов Rataje, pow. Wołów	Г-3	III в. н. э.		A, t. I, 1926, стр. 21; GVS, стр. 48; R. Jamka, 1938, стр. 33, 41; E. Konik, 1959, № 739

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
264	Правииков, пов. Волон Prawików, pow. Wołów	Г-3	II в. н. э.		A, t. I, 1926, стр. 21; AB, 1935, стр. 149; 1936, стр. 203; GVS, стр. 48; <i>E. Konik</i> , 1959, № 689a
265	Старый Волон, пов.= Stary Wołów, pow.=	Г-3	III—IV вв. н. э.	2	A, t. I, 1926, стр. 239—245, 267; GVS, стр. 47; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 25, 41; <i>E. Konik</i> , 1959, № 849
266	Буковице, пов. Тшебница Bukowice, pow. Trzebnice	Г-3	ПР	1	AB, 1928, стр. 81; 1929, стр. 46; A, t. III, 1931, стр. 307; t. IV, 1932, стр. 315; GVS, стр. 46; <i>E. Konik</i> , 1959, № 93
267	Будчице, пов. Тшебница Budczysce, pow. Trzebnice	Г-3	II—IV вв. н. э.	1	A, t. IV, 1932, стр. 315; t. VII, 1937, стр. 279; AB, 1937, стр. 163; <i>E. Konik</i> , 1959, № 88
268	Пземендзице, пов. Мехон Pzemędzice, pow. Miechów	Д-5	ПР	1	WA, t. XIII, 1935, стр. 180—181
269	Богуславице, пов. Олесница Bogusławice, pow. Oleśnica	Д-3	III в. н. э.	2	AB, 1937, стр. 163; <i>E. Konik</i> , 1959, № 41
270	Любша, пов. Бжег Lubsza, pow. Brzeg	Д-3	III в. н. э.	1	SVBS, NF, t. VII, 1916, стр. 98; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 18, 42; <i>Ch. Pescheck</i> , 1939, стр. 44, 124
271	Стобрава, пов. Бжег Stobrawa, pow. Brzeg	Д-3	III в. н. э.		AB, 1929, стр. 10; 1936, стр. 29; 1938, стр. 225; GVS, стр. 27; <i>E. Konik</i> , 1959, № 854
272	Рошковице, пов. Ключборк Roszkowice st 8, pow. Kłuczbork	Д-4	ПЛ		AB, 1927, стр. 80, 93; 1938, стр. 35, 198; 1939, стр. 45, 85, 164; OS, t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 35; <i>E. Konik</i> , 1959, № 757
272a	Roszkowice st 12, pow. Kłuczbork	Д-4	Рим		<i>K. Codłowski</i> , 1968, карта, 249—254
272b	Roszkowice st 16, pow. Kłuczbork	Д-4	ПЛ		
273	Стерналице, пов. Олесно Sternallice, pow. Olesno	Д-4	IV в. н. э.		OS, t. VIII, 1926, стр. 2; t. XV, 1933, стр. 323—329, 364; AB, 1927, стр. 95; GVS, стр. 43; <i>E. Konik</i> , 1959, № 853
274	Лигота Олесна, пов. Олесно Ligota Olesna, pow. Olesno	Д-4	IV в. н. э.	1	A, t. I, 1926, стр. 193, 194; GVS, стр. 43
275	Брыница, пов. Ополе	Д-4	ПР		OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; <i>E. Konik</i> , 1959, № 73
276	Добродзень, пов. = Dobrodzien, pow.=	Д-4	ПР		AB, 1936, стр. 68, 163; 1940, стр. 163; GVS, стр. 35; A, t. VII, 1937, стр. 40—44; <i>E. Konik</i> , 1959, № 166; SA, t. II, 1950, стр. 294
277	Тарнов Опольский, пов. Ополе Tarnów Opol., pow. Opole	Д-4	II—IV вв. н. э.	208	AB, 1926, стр. 64; 1930, стр. 63; 1931, стр. 83; 1937, стр. 67; 1938, стр. 37, 127, 200; 1939, стр. 83; OS, t. XV, 1933, стр. 364; GVS, стр. 42; <i>R. Jamka</i> , 1938, стр. 26, 42; PA, t. III, 1925, z. 1, стр. 56—58; <i>E. Konik</i> , 1959, № 924
278	Стшебнюв, пов. Стшельце Опольске Strzebnów, pow. Strzelce Opolskie	Д-4	ПР	6	PZ, t. X, 1918, стр. 90—92, 115—126; t. XIII—XIV, 1922, стр. 142; GVS, стр. 32; <i>E. Konik</i> , 1959, № 863
279	Избицко, пов. Стшельце Опольске Izbicko, pow. Strzelce Opolskie	Д-4	ПР	54	Sil. Ant., t. 5, 1963
280	Стшельце Опольске, пов.= Strzelce Opolskie, pow.=	Д-4	ПР		OS, t. XV, 1933, стр. 363; GVS, стр. 32; <i>E. Konik</i> , 1959, № 868
281	Швибье, пов. Гливице Świbie, pow. Gliwice	Д-4	IV в. н. э.	1	AB, 1935, стр. 137; <i>E. Konik</i> , 1959, № 909
282	Семония-Подмлыне, пов. Бендзин Siemonia-Podmłynie, pow. Będzin	Д-4	ПР	2	ZOW, r. XX, 1951, z. 9-10, стр. 173; r. XXII, 1953, z. 6, стр. 239; WA, t. XXII, 1955, стр. 104—106; <i>J. Szydłowski</i> , 1958, стр. 7—8; <i>E. Konik</i> , 1959, № 798
283	Козлов, пов. Влошова Kozłów, pow. Włoszczowa	Д-5	ПР		<i>S. Zkurczyński</i> , 1947, стр. 18

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
284	Пшеменчаны, пов. Мехов Przemęczany, pow. Miechów	Д-5	Рим		МАНЕ, t. XII, 1910, стр. 50
285	Пиотжковице Малые, пов. Мехов Piotrkowice Małe, pow. Miechów	Д, Е-5	ПР		WA, t. XVI, 1939—1948, стр. 161—162, 202; S. Nosek, 1946, стр. 112
286	Миклушовице, пов. Бохня Mikuszowice, pow. Bochnia	Е-5	ПР	1	ZWAK, t. V, стр. 14—15; ZOW, r. VII, 1932, стр. 154
287	Марцинково, пов. Илжа Marcinkowo, pow. Iłża	Д-5	II—III вв. н. э.		ZOW, r. VI, 1931, z. 4-5, стр. 65
288	Ванхоцк, пов. Илжа Wąchock, pow. Iłża	Д-5	ПР		ZOW, r. VI, 1931, z. 4-5, стр. 65; WA, t. XIV, 1936, стр. 218; R. Jamka, 1937, стр. 58, карта на стр. 57
289	Стареховице, пов. Илжа Starachowice, pow. Iłża	Д-5	II—III вв. н. э.	20	ZOW, r. V, 1930, z. 5, стр. 72—80; r. VI, 1931, z. 4-5, стр. 63—66; WA, t. XIV, 1936, стр. 218; ZOW, t. XXIV, z. 2, 1957, стр. 88; Ergon, t. I, 1958, стр. 278
290	Хмелов Пясковы, пов. Опатов Chmielów Piaskowy, pow. Opaków	Д-6	II/III—IV вв. н. э.	66	Sprw. PAU, t. XLIV, 1939, № 5, стр. 185—188; ZOW, r. XIV, 1939, стр. 25; H. J. Eggers, 1951, стр. 150, № 2012; T. Malinowski, 1951—1952, стр. 260
291	Стрышовице, пов. Опатов Stryczowice, pow. Opaków	Д-6	Рим	1	ZOW, r. XI, 1936, стр. 141; SA, t. II, z. 2, 1950, стр. 220—224, 232, 236
292	Бешова, пов. Быско Beszowa, pow. Bysko	Д-5	Рим		J. Kostrzewski, 1918, стр. 346; WA, t. V, z. 1-2, 1920, стр. 41—42; PA, t. I, 1919, стр. 24; t. II, 1924, стр. 153
293	Пжецлав, пов. Мелец Przeclaw, pow. Mielec	Д-6	II—III вв. н. э.		K. Hadaczek, 1909, стр. 18
294	Любеница около Балицы, пов. Жешов Lubenica koło Balicy, pow. Rzeszów	Е-6	ПР		ZOW, r. X, 1935, z. 4-5, стр. 70
295	Пшемьсль-Козанов Przemysł-Kozanów	Е-6	ПР		PA, t. I, z. 1-2, 1920, стр. 65; J. Kostrzewski, 1936, стр. 80; ZOW, r. XXII, z. 1, 1953, стр. 24
296	Ченстковице, пов. Ярослав Częstkowice, pow. Jarosław	Е-6	ПР		K. Hadaczek, 1909, стр. 18
297	Хлопице, пов. Ярослав Chłopice, pow. Jarosław	Е-6	ПР	1	Sudeta, t. VIII, 1932, стр. 40; ZOW, r. VIII, 1933, стр. 24; WA, t. XIV, 1936, стр. 156; J. Kostrzewski, 1936, стр. 78
298	Буды Ланьцукские, пов. Ланьцут Budy Łańcuckie, pow. Łańcut	Д-6	ПР	1	RP, t. III, 1922, стр. 1—29; PA, t. II, 1922, z. 1, стр. 146
299	Белины около Уланова, пов. Ниско Bieliny koło Ulanowa, pow. Nisko	Д-6	Рим	Разрушено	МАНЕ, t. II, 1897, стр. 155; K. Hadaczek, 1909, стр. 18; J. Kostrzewski, 1936, стр. 78
300	Розвадов, пов. Тарнобжег Rozwadów, pow. Tarnobrzeg	Д-6	III в. н. э.	1	WA, t. XIV, 1936, стр. 140—146
301	Ленчна, пов. Люблин Łęczna, pow. Lublin	Г-6	ПР		ZOW, r. XX, 1951, стр. 61; r. XXII, 1953, стр. 179—180; S. Nosek, 1952, стр. 33
302	Ящов, пов. Люблин Jaszczów, pow. Lublin	Д-6	ПЛ ПР	1 1	ZOW, r. XVII, 1949, стр. 155; r. XX, 1951, стр. 42, 45, 58, 60; S. Nosek, 1952, стр. 33, 34, 38; Annales UMCS, sec. F, v. III, стр. 215—222; Sprw. PAU, t. I, 1949, стр. 365—367; J. Gurba.— Arch., r. VII, 1957, стр. 157
303	Райчин, пов. Волов Rajczyn, pow. Wołow	Г-3	ПР	5	A, t. II, 1929, стр. 225; t. IV, 1952, стр. 207; GVS, стр. 43; Ch. Pescheck, 1939, стр. 256
304	Годавы, пов. Жнин Godawy, pow. Żnin	В-4	ПЛ		J. Kostrzewski, 1936; T. Grzywa-czyk, 1961, стр. 6
305	Лонг Пекарский, пов. = Łęg Piekarski, pow. =	Г-4	Вторая половина I в. н. э.	1	A, t. IX, 1940, стр. 35—52; A. Kietlińska, 1961; L. Leciejwicz, 1960

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
306	Денбе Великие, пов. Минск Маз.	Г-6			
307	Dębe, pow. Minsk Maz.	В-3	РР		<i>M. Piaszykówna</i> , 1952
308	Познань, пов. = Rozpán, pow. = Иновроцлав, пов. = Inowrocław, pow. =	В-4	ПЛ—ПР		<i>J. Kostrzewski</i> , 1936; <i>T. Grzywacz</i> , 1961, стр. 6; <i>ZOW</i> , г. I, 1926, стр. 15—16
309	Садзажевице, пов. Губин Sadzarzewice, pow. Gubin	Г-2	ПЛ—ПР	47	<i>NM</i> , t. IV, 1896, стр. 63; <i>Reallexikon</i> , t. II, стр. 178—180; <i>ZfE</i> , t. 28, 1896 (<i>Jentsch</i>), t. 29, 1827, стр. 169, 170
310	Любошыцы, пов. Любско Luboszyci, pow. Lubsko	Г-2	ПЛ—ПР	103	<i>Sprw. Arch.</i> , t. XVIII, 1966, стр. 134—136; t. 19, 1968, стр. 386—389; t. 21, 1969, стр. 115—121; <i>Sl. Sprw. Arch.</i> , t. X, 1965, стр. 28—31; <i>AP</i> , t. XV, z. 1, 1970, стр. 120, 127, 130, 132, 136
311	Валенчов, пов. Клобуцк Walenczow, pow. Klobuck	Д-4	III в. н. э.	8	<i>Sprw. Arch.</i> , t. XVII, 1965, стр. 169; t. XVIII, 1966, стр. 198—151
312	Рыбне, пов. Клобуцк Rybnie, pow. Klobuck	Д-4	III в. н. э.	17	<i>Sil. Ant.</i> , t. IV, 1962, стр. 315—316; <i>Sprw. Arch.</i> , t. XVIII, 1966, стр. 151
313	Янушково, пов. Иновроцлав Januszkowo, pow. Inowrocław	В-4			<i>PA</i> , t. IX, z. 2-3, 1953, стр. 341—346
314	Белавы-Лубы, пов. Лович Bielawy-Luby, pow. Łowicz	Г-5	II в. н. э.	42	<i>ZOW</i> , г. XIV, z. 7-8, 1939, стр. 102; <i>Światowit</i> , t. XVIII, 1947, стр. 69—97; <i>Sprw.</i> , <i>PMA</i> , t. IV, z. 3-4, 1952, стр. 181—182
315	Гриневичи, пов. Бельск Подлаский Hryniewiczze, pow. Bielsk, Podlask	В-7	II—III вв. н. э.	41	<i>WA</i> , t. VII, 1922, стр. 107—120
316	Пястов, пов. Пшасныш Piastów, pow. Przasnysz	В-5	РР—ПР	16	<i>E. E. Peiser</i> , 1916
317	Славогура, пов. Млава Ślawogóra, pow. Miawa	В-5	РР	6	<i>ZWAK</i> , t. XII, 1889, стр. 25—30
318	Зеньбок, пов. Цеханув Zenbok, pow. Ciechanów	В-5	РР	2	<i>ZOW</i> , г. V, z. 6, 1930, стр. 92—95; <i>WA</i> , t. XXV, z. 1-2, 1959, стр. 158—159
319	Богучин, пов. Плоньск Boguczin, pow. Płońsk	В-5	III—IV вв. н. э.	2	<i>WA</i> , t. XXII, z. 2, 1956, стр. 210—212
320	Брулино-Коски, пов. Остров Мазовецкий Brulino-Koski, pow. Ostrów Mazowiecki	В-6	ПР		<i>A. Kempisty</i> .— <i>WA</i> , t. XXXII, z. 3-4, 1967
321	Дроздово, пов. Плоньск Drozdowo, pow. Płońsk	В-5	III—IV вв. н. э.	27	<i>WA</i> , t. XXII, z. 2, 1956, стр. 212—214
322	Кокочин, пов. Косцыян Kokoczyn, pow. Kościan	Г-3	ПР		<i>B. Kostrzewski</i> .— <i>Fontes</i> , t. VI, 1955
323	Сарнаки, пов. Лосице Sarnaki, pow. Łosice	В-6	III—IV вв. н. э.	9	Не издан
324	Пиотркув Куявский Piotrków Kujawski	В-4	ПЛ—ПР	34	<i>PMMAE</i> , ser. arch., № 8, 1962, стр. 5—76
325	Закров, пов. Крапковице Zakrów, pow. Krąpkowice	Д-4	Рим		Не издан
326	Пшеводов, пов. Хрубешов Przewodów, pow. Hrubieszów	Д-7			<i>B. Janusz</i> , 1918, стр. 209; <i>MAAE</i> , t. XII, 1910, стр. 31; <i>K. Hadaček</i> .— <i>MAAE</i> , t. XIII, 1911; <i>M. Smiszko</i> , 1932, стр. 22—24
327	Червоноград, р-н Сокальский *	Д-7			
328	Бендюга, р-н Сокальский	Д-7			
329	Добростани, р-н Городецкий	Е-7			
330	Гринев, р-н Бобрский	Е-7			
331	Переполюнники, р-н Золочевский	Е-8			
332	Лучки, р-н Тернопольский	Е-8			
333	Петрилов, р-н Товмацкий	Е-8			

* № 327—339 — памятники расположены на территории УССР.

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
334	Каменка Великая, р-н Коломыйский	Ж-8			
335	Капустинцы, р-н Борщовский	Ж-8			
336	Репужинцы, р-н Городенский	Ж-8			
337	Иване-Злота, р-н Залищинский	Ж-8			
338	Хоцемир, р-н Товмакский	Ж-8			
339	Олешки, р-н Товмакский	Ж-8			
340	Семидрожице, пов. Сьрода Сленска	Д-3	Рим		
341	Siemidrożyce, pow. Środa Śląska Скалице, пов. Замбковице Сленске Skalice, pow. Ząbkowice Śląskie	Д-3	ПЛ	1	SVBS, NF, t. VII, 1916, стр. 95; J. Kostrzewski, 1918, стр. 94; GVS, стр. 45; R. Jamka, 1938, стр. 4, 41; E. Konik, 1959, № 801
342	Стжижов, пов. Хрубешов Strzyżów, pow. Hrubieszów	Д-7	Рим		ZOW, г. XI, z. 12, 1936, стр. 160; S. Nosek, 1952, стр. 34, 35; J. Gurba.— Arch., t. VII, 1957, стр. 162
343	Шимановице, пов. Сандомеж	Д-6	Рим		WA, t. X, 1929, стр. 311
344	Szymanowice, pow. Sandomierz Вроцлав — Поповице Wrocław — Porowice	Д-3, врезка	II—III вв. н. э.		GVS, стр. 10, 25; Ch. Pescheck, 1939, стр. 264, 314; E. Konik, 1959, № 1033
345	Залесье, пов. Жешов	Е-6	Рим	1	Не издан
346	Zalecie, pow. Rzeszów Осувка, пов. Лубартов Osówka, pow. Lubartów	Г-6	Рим	1	ZOW, г. XX, z. 3-4, 1951, стр. 68; Annales UMCS, sec. F, v. III, стр. 233; J. Gurba.— Arch., t. VII, 1957, стр. 159
347	Пискожина, пов. Олава	Д-3, врезка	Рим	1	Ch. Pescheck, 1939, стр. 371
348	Piskorzyna, pow. Olawa Латково, пов. Иновроцлав Łatkowo, pow. Inowrocław	В-4	ПЛ		J. Kostrzewski, 1936; T. Grzywa-czyk, 1961, стр. 6
349	Пенчковице, пов. Средкий	Г-3	РР		B. Kostrzewski.— Fontes, t. VI, 1956
350	Pięczkowice, pow. Średzki Пшебендова, пов. Оборники Przebędowa, pow. Oborniki	Д-3	РР		ZOW, г. XXV, 1945, стр. 37—42
351	Трупянка, пов. Лодзь	Г-4	III в. н. э.	2	Sprw. Arch., t. XIX, 1968, стр. 110—111
352	Трупянка, pow. Łódź Рожков, пов. Рацибож Roszków, pow. Ratibórz	Е-4	ПР	1	J. Szydlowski, 1964a, стр. 28
353	Добжен Малы, пов. Ополе	Д-4	II—III вв. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964, стр. 32
354	Dobrzeń Mały, pow. Opole Бабице, пов. Рацибож Babice, pow. Ratibórz	Д-4	III в. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964a; K. Godłowski, 1968, стр. 254—257; AB, 1942, стр. 1
355	Беджиховице, пов. Прудник	Д-3	ПР	1	J. Szydlowski, 1964a
356	Biedrzychowice, pow. Prudnik Глубице, пов. = Głubczyce, pow. =	Д-4	ПР	2	J. Szydlowski, 1964a
357	Гоголин-Стжебнюв, пов. Крапковице	Д-4	II—III вв. н. э.	6	PZ, t. X, 1918, стр. 90—92; A. Arndt, 1925, стр. 38; AB, 1932, стр. 65; J. Szydlowski, 1964a
358	Gogolin-Strzebnów, pow. Krapkowice Яськовице, пов. Ключборк Jaśkowice, pow. Kluczbork	Д-4	II—III вв. н. э.		J. Szydlowski, 1964a
359	Крапковице, пов. = Krapkowice, pow. =	Д-4	II—III вв. н. э.	36	J. Szydlowski, 1964a
360	Кренна, пов. Крапковице	Д-4	ПР	2	AB, 1926, стр. 50; J. Szydlowski, 1964a
361	Kępna, pow. Krapkowice Лисице, пов. Глубице Lisice, pow. Głubczyce	Д-4	III в. н. э.	2	J. Szydlowski, 1964a
362	Niezdrowice, pow. Strzelce Opolskie Нездравице, пов. Стшельце Опольске	Д-4	III в. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964a; NDV, t. 17, 1941, стр. 27; FF, t. 11, 1935, № 9, стр. 110
363	Нова Весть Крулевска, пов. Ополе Nowa Wieś Królewska, pow. Opole	Д-4	III в. н. э.	1	AB, 1936, стр. 31; J. Szydlowski, 1964a; K. Godłowski, 1968, стр. 251—254

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
364	Обровице 5, пов. Крапковице Obrowice, 5, pow. Krapkowice	Д-4	ПР	1	AB, 1926, стр. 51; 1927, стр. 1—3; PA, t. 4, 1933, стр. 191; NDV, t. 2, 1926, стр. 81; t. 4, 1928, стр. 25—26; ZOW, r. 2, 1927, стр. 47—48; H. J. Eggers, 1951, стр. 109; № 759; J. Szydlowski, 1964a
364a	Обровице 9, пов. Крапковице	Д-4	ПР		PZ, t. 10, 1918, стр. 89—90; J. Szydlowski, 1964a
365	Ополе—Пулвес Opole — Półwieś	Д-4	Рим	1	J. Szydlowski, 1964a
366	Отмент, пов. Крапковице Otmęt, pow. Krapkowice	Д-4	III—IV вв. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964a
367	Павлов, пов. Рацибож Pawłów, pow. Racibórz	Е-4	II в. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964a
368	Радошовы, пов. Козле Radoszowy, pow. Kozłe	Д-4	Рим		J. Szydlowski, 1964a
369	Зарков, пов. Козле Zarków, pow. Kozłe	Д-4	Рим		J. Szydlowski, 1964a
370	Реньска Весь, пов. Козле Reńska Wieś, pow. Kozłe	Д-4	III в. н. э.	2	J. Szydlowski, 1964a; K. Godłowski, 1968, стр. 257—259
371	Рендзина, пов. Лублинец Rędzina, pow. Lubliniec	Д-4	ПР		A, t. VII, 1937, стр. 40—41; NDV, t. 17, z. 1-2, 1941, стр. 53—55; J. Szydlowski, 1964a
372	Рудзинец, пов. Гливице Rudziniec, pow. Gliwice	Д-4	Рим		J. Szydlowski, 1964a
373	Сосновец-Погонь, пов. = Sosnowiec-Pogoń, pow. =	Д-4	II в. н. э.		J. Szydlowski, 1964a
374	Стара Гливица, пов. Гливица Stara Gliwice, pow. Gliwice	Д-4	ПР		J. Szydlowski, 1964a
375	Щчеджик, пов. Ополе Szczedzyk, pow. Opole	Д-4	ПР	9	J. Szydlowski, 1964a
376	Шмич, пов. Прудник Śmicz, pow. Prudnik	Д-3	ПР	1	Mannus, t. 28, 1936, стр. 29; AOU, № 20, 1953, стр. 53; J. Szydlowski, 1964a
377	Тлустомосты, пов. Глубичце Tłustomosty, pow. Głubczyce	Е-4	II в. н. э.	1	J. Szydlowski, 1964a
378	Верх, пов. Прудник Wierch, pow. Prudnik	Д-4	ПР		AOU, № 2, 1933, стр. 364; J. Szydlowski, 1964a
379	Влодзенин, пов. Глубичце Włodzienin, pow. Głubczyce	Е-4	II—III вв. н. э.		J. Szydlowski, 1964a
380	Богухвалов, пов. Глубичце Boguchwałów, pow. Głubczyce	Д-4	ПР	1	NDV, t. 17, z. 1, 1941, стр. 27; Mannus, t. 28, 1936, стр. 29; A, t. IX, 1940, стр. 116; J. Szydlowski, 1964a; K. Godłowski, 1968, стр. 259—262
381	Старе Кармонки, пов. Олесна Stare Karmonki, pow. Olesna	Д-4	РР		K. Godłowski, 1968, карта, 501
382	Модзуров, пов. Рацибож Modzurów, pow. Racibórz	Д-4	РР	1	K. Godłowski, 1968, карта, 692
383	Кжановице, пов. Ополе Kżanowice, pow. Opole	Д-4	ПР		K. Godłowski, 1968, карта, 566
384	Кенпе, пов. Ополе Kępe, pow. Opole	Д-4	ПР		K. Godłowski, 1968, карта, 555
385	Гробники, пов. Глубичце Grobniki, pow. Głubczyce	Д-4	ПР		K. Godłowski, 1968, карта, 108
386	Вронин, пов. Козле Wronin, pow. Kozłe	Д-4	ПР		K. Godłowski, 1968, карта, 379
387	Злотники, пов. Ополе Złotniki, pow. Opole	Д-4	ПР		K. Godłowski, 1968, карта, 611
388	Вавровице, пов. Опава Wawrowice, pow. Opawa	Е-4	ПР		L. Franz.—Sudeta, t. VI, 1930; K. Godłowski, 1968, карта, 784
389	Лежницы Великие, пов. Ленчица Leżnicy Wielkie, pow. Łęczysa	Г-4	ПЛ—ПР	19	WA, t. XXXI, z. 2-3, 1965, стр. 186—199
390	Пенцлаве, пов. Ленчица Peńclawie, pow. Łęczysa	Г-4	РР	1	ZOW, r. XXIX, 1963, стр. 66; WA, t. XXXI, z. 2-3, 1965, стр. 267—268
391	Межановице, пов. Опатов Mierzanowice, pow. Opatów	Д-6	III—IV вв. н. э.	3	Sprw. Arch., t. XV, 1968, стр. 57—64

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
392	Валихновицы, пов. Верушов Walichnowici, pow. Wieruszow	Г-4	II—III в. н. э.	5	WA, t. XXXI, z. 2-3, 1965, стр. 548—551
393	Хорно, р-н Губин (ГДР) Horn, kr. Gubin	Г-2			
394	Губин, пов. Кросно Одрж. Gubin, pow. Krosno Odrz.	Г-2	Рим		NM, t. 4, 1890, стр. 102—105; B. Czerska, 1970, стр. 117
394а	Губин, р-н Губен (ГДР) Guben, kr. =	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 1
395	Вежхно, пов. Любско Wierchno, pow. Lubsko	Г-2	ПЛ	30	NM, t. 5, 1892, стр. 21—22; B. Czerska, 1970, стр. 117
396	Гротники, пов. Вскова Grotniki, pow. Wschowa	Г-3	ПЛ		B. Gzerska, карта 3, № 47
397	Сандовель, пов. Гура Sadowel, pow. Góra	Г-3	ПЛ		B. Czerska, карта 3, № 6
398	Нове Мястечко, пов. Кожухов Nowe Miasteczko, pow. Kozuchów	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 2
399	Бытом Оджањский, пов. Кожухов Bytom Odrzański, pow. Kozuchów	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 42
400	Старе Жабно, пов. Кожухов Stare Zabno, pow. Kozuchów	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 45
401	Кенпы, пов. Легница Kerpy, pow. Legnica	Д-3	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 8
402	Войковице, пов. Вроцлав Wojkowice, pow. Wrocław	Д-3, врезка	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 32
403	Заборов, пов. Гротники Zabogów, pow. Grotniki	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 50
404	Замечно, пов. Глоггов Zameczno, pow. Głogów	Г-2	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 41
405	Мошовице, пов. Глоггов Moszowice, pow. Głogów	Г-3	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 38
406	Ренбеница, пов. Легница Rębienica, pow. Legnica	Д-3	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 10
407	Кавалевице, пов. Намыслов Kawalewice, pow. Namysłów	Д-4	ПЛ		B. Czerska, 1970, карта 3, № 52
408	Стжешовице, пов. Жары Strzeszowice, pow. Żary	Г-2	ПР	1	G. Domański, 1970, карта 3, № 95
409	Коло, пов. Лубско Kolo, pow. Lubsko	Г-2	ПР	1	G. Domański, 1970, карта 3, № 47
410	Беч, пов. Лубско Biecz, pow. Lubsko	Г-2	ПР		G. Domański, 1970, карта 3, № 3
411	Грос Бреезен, р-н Губен (ГДР) Groß Breesen, kr. Guben	Г-2	ПР	1	NM, t. 7, 1902, стр. 253; G. Domański, 1970, карта 3
412	Генбоце, пов. Любско Gebosc, pow. Lubsko	Г-2	ПР		G. Domański, 1970, карта 3, № 26
413	Шлагсдорф, р-н Губен (ГДР) Schlagsdorf, kr. Guben	Г-2	ПЛ	1	G. Domański, 1970, карта 1
414	Грос Шаксдорф, р-н Губен (ГДР) Groß Schacksdorf, kr. Guben	Г-2	ПР	1	G. Domański, 1970, карта 3
415	Кошен I, р-н Гёрлиц (ГДР) Koschen I, kr. Görlitz	Г-2	ПЛ		G. Domański, 1970, карта 1
415а	Кошен II, р-н Гёрлиц	Г-2	ПР		G. Domański, 1970, карта 1
416	Язов, пов. Любско Jazów, pow. Lubsko	Г-2	ПЛ		G. Domański, 1970, карта 1
417	Рогов, пов. Крапковице Rogów, pow. Krapkowice	Д-4			Не издан
418	Рошков, пов. Косцяна Roszków, pow. Kościan	Г-3	ПЛ		PPPZ, 1937, карта
419	Нур Колония, пов. Остров Мазовецкий Nur Kolonia, pow. Ostrów Mazowiecki	В-6	Рим	1	WA, t. XXXII, z. 1-2, 1967, стр. 177—178
420	Урдомин, пов. Калвария Urdomin, pow. Kalwaria	Г-5	ПР	1	
421	Ленгоница, пов. Опочно Legonica, pow. Opoczno	Г-5	ПР	1	

№ на карте	Название пункта	Квадрат на карте	Дата *	Количество погребений	Литература
422	Носков, пов. Ярочин Nosków, pow. Jarocin	Г-3	ПР	1	Fontes, t. VI, 1955, стр. 53—62
423	Бушков, пов. Быдгощ Buszków, pow. Bydgoszcz	В-4	ПР	1	
424	Садовице, пов. Остров Sadowice, pow. Ostrów		ПР	1	
425	Богорий Горный, пов. Лович Bogorii Górnej, pow. Łowicz		ПР	1	
426	Пышанч, пов. Сьрем Pysząc, pow. Śrem	Г-3	I—III в. н. э.	8	
427	Бартки, пов. Нидзица Bartki, pow. Nidzica	В-5	РР	1	
428	Божеевице, пов. Могильно Bozejewice, pow. Mogilno	В-4	Рим	1	
429	Грудзёндз-Жандз, пов. = Grudziądz-Rzadz, pow. =	В-4	РР		
430	Краков—Могила Kraków—Mogila	Е-5	I в. н. э.	1	
431	Парханье, пов. Иновроцлавек Parchanie, pow. Inowrocław	В-4	ПЛ	1	
432	Подгужин, пов. Жнин Podgórzyń, pow. Żnin	В-3	РР		
433	Радзейов, пов. Куявы Radziejów, pow. Kujawski	В-4	Рим	5	
434	Уйма Дужа, пов. Александров Куявский Ujma Duża, pow. Aleksandrów Kujawski	В-4			
435	Слава, пов. Кожухов Ślawa, pow. Kozuchów		ПР	4	
436	Корчев, пов. Соколовский Korczew, pow. Sokółowski		РР	1	

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК МОГИЛЬНИКОВ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Адольфин 1	Бжежце-Колония 121	Бяла 62	Вроцлав — Закжов 152
Бабице 354	Бжигов 146	Бялобжезе 196	Вроцлав — Казанов 189
Баборов 222	Бискупин 36		Вроцлав — Кужники 154
Балице 61	Блонье 64	Вавровице 388	Вроцлав — Опоров 156
Бартки 427	Богачов 168	Валенчов 311	Вроцлав — Поповице 344
Бартодзейе 136	Богомице 76	Валихновицы 392	Вроцлав — Пошвентне 207
Белавы-Лубы 314	Богорий Горный 425	Вансош 176	Вроцлав — Праце Од-жаньские 188
Белины около Уланова 299	Богуславице 269	Ванхоцк 288	Вроцлав — Ратынь 210
Белче 63	Богухвалов 380	Вежбице 158	Вымыслово 9
Белч Малы 140	Богучин 319	Вежсхно 395	Вяззов 204
Бенджиховице 355	Бодзаново 13	Верх 378	
Бендюга 328	Божеевице 428	Венгжце 60	
Беньковице 197	Божень 177	Венгры 160	
Беч 410	Болеслав 237	Весулки 114	Галов 77
Бешова 292	Борова 66	Вирбковице-Которов 129	Гарволин 123
Бжеги 40	Босовице 67	Вилияново 28	Гатка 261
Бжежньо 43	Бродно 186	Вильчков 157	Гач 33
	Брулино-Коски 320	Витковице 56	Гебультов 55
	Брыница 275	Витов 120	Генбоце 412
	Будчице 267	Войковице 402	Гжездзин 221
	Буды Ланьцукские 298	Влодзенин 379	Гледзянувек 119
	Буковице 266	Воля 57	Гловнин 202
	Бушков 423	Вронин 386	Глогов 78
	Бытом Оджаньский 399	Вроцлав — Грабишин 155	Глоска 187

* Цифры соответствуют номерам памятников на карте (рис. 51).

Глубице 356
Гнеховице 115
Гняздовице 42
Гоголин-Стжебнюв 357
Годавы 304
Гожьдик 124
Гославице 215
Гощерадов 128
Грабице 171
Гринев 330
Гриневичи 315
Гробники 385
Гродзешовице 205
Гродзиск-Мазовецкий 18
Гротники 396
Грос Бреезен 411
Грос Шахсдорф 414
Грошовице 216
Грудек-Надбужный 44
Грудзендз-Жандз 429
Грудзице 217
Грудына Мала 220
Губин 394
Гужице 195
Гулов 165
Гурка Вансоцка 141
Гурки 255
Гурчина 134

Дальборовице 148
Данковице 80
Двикузы 74
Денбе Великие 306
Дзедзице 253
Добжен Малы 353
Добра 185
Добродзень 276
Добростани 329
Домановице 181
Домарадзице 4
Доморадин 17
Домослав 191
Дратов 231
Дроздово 321

Енджиховице 85
Ешковице 203

Жабинец 112
Жабно-над-Дунайцем 238
Жезав 38
Жерков 12
Жерники Великие 153

Заборов 403
Завады 41
Задовице 10
Закжев 30
Закров 325
Зарков 369
Залев 37
Залесьев 345
Замечно 404
Засы 11
Звежево 51
Здуны 29
Зельгнев 91
Земнице Великие 254
Зеньбок 318
Зияки 227
Злотники 387
Зубжа 260

Иване-Злота 337
Избицко 279
Иорданов Шленски 193
Иновроцлав 308

Кавалевеце 407
Кавенчин 19
Кавчице 234
Кайенцин 138
Калиновице 219
Калишаны 87
Каменка Великая 334
Каменица 88
Капустинцы 335
Карчевице 122
Карчин 201
Каршов 167
Кащице 45
Кветники 248
Кенпе Опольские 384
Кенпы Легницкие 401
Кетж 110
Кжановице 383
Клокочице 206
Клочев 125
Кобылице 183
Коваловице 149
Кожень Жандовы 117
Кожле 94
Кожухов 70
Козарувка-Дрохичин 20
Козлов 283
Кокочин 322
Колачковице 89
Коло 409
Коможно 226
Коморувко 182
Конин 2
Коньчице 213
Копки 31
Корчев 436
Корчов 92
Корытница 34
Корытница-Памянчины 90
Корфантов 251
Котля 73
Котовице 151
Кошен 415
Кракувка 32
Краков — Бобрек Фалец-
кий 58
Краков — Могила 430
Краков — Плашув 229
Крапковице 359
Кренпна 360
Крошчина Великая 180
Крушинец 175
Ксенгнице 150
Кшенжы Двур 46

Лагевники 59
Лазошовице 98
Лазы 99
Лайски 21
Лахмировице 15
Латково 348
Легница 83
Лежайск 97
Лежницы Великие 389
Ленгоница 421
Ленжковице 101
Ленчна 301
Лигота Олесна 274

Лисев 103
Лисицие 361
Лонг Пекарский 305
Лубовице 256
Луги 102
Лукавица 130
Лучки 332
Лыски 224
Любеница около Валицы 294
Любогощ 100
Любошицы 310
Любша 270
Любянзы 178

Магнице 192
Малковице 232
Маршовице 199
Марцинково 287
Маслов 147
Масов 126
Межановице 391
Миклюшовице 286
Мирков 209
Млодзиково 5
Модзуров 382
Мошовице 405

Нарочице 243
Нацлав 6
Нездровице 362
Немиль 166
Нецеплин 22
Нова Весь Вроцлавская 190
Нова Весь Легницкая 84
Нова Весь Крулевская 363
Нова Церквия 223
Нове Мястечко 398
Новы Млын 116
Носков 422
Носоцие 79
Нур Колония 419

Обровице 364
Олбрахцие 258
Олешки 339
Ольстын 111
Опатов 35
Опока 127
Ополе-Пулвес 365
Осецк 23
Осувка 346
Отмент 366

Павлов 367
Пантнувек 245
Паркошов 246
Парханье 431
Пежехалы 47
Пелчиска 233
Пенчковице 349
Пенцлаве 390
Переполюньники 331
Пестжеч 104
Петрилов 333
Пземендзице 268
Пиотжковице Мале 285
Пиотрковице 262
Пиотровице Польские 250
Пиотрков-Боровский 164
Пиотрков-Куявский 324

Пискожина 347
Пискошов 198
Побель 142
Погвиздов 228
Подгужин 432
Познань 307
Польвица 163
Правиков 264
Прошшков 106
Прудник 252
Псары Гурошленские 143
Псары Тшебницкие 208
Пшебендова 350
Пшеводов 326
Пшемечаны 284
Пшемысль-Козанов 295
Пшецлав 293
Пшиборов 144
Пшибышов 107
Пшивуж 113
Пшихова 173
Пшилеп 241
Пышанч 426
Пясечно 131
Пястов 316

Радзейов 433
Радзын 257
Радлов 105
Радослав 259
Радосковице 212
Радосовы 368
Райчин 303
Раков 239
Ратайе 263
Рембелин 49
Ремберов 50
Ренбеница 406
Рендзина 371
Реньска Весь 370
Реншов 174
Репужинцы 336
Рогов Крапковицкий 417
Рогов Опольский 214
Рожков 352
Розадов 300
Росеюв 230
Ростки 48
Рошков 418
Рошковице 272
Рудинец 372
Рудна Велка 139
Рыбне 312

Садзажевице 309
Садовице 424
Сандовель 397
Сандомеж 93
Сарнаки 323
Седлемин 53
Семидрожице 340
Семония-Подмлыне 282
Сербу 75
Сивек 24
Скалице 341
Славогура 317
Славеницие 135
Слава Глоговская 68
Слава Кожуховская 435
Слопаново 7
Собоиско 162
Сокола 247
Соколувек 25

Сольники 71	Стшельце-Опольске 280	Хорула 242	Шлагсдорф 413
Сосновец-Погонь 373	Суленчин 161	Хоцемир 338	Штшитно 16
Сохачев 118	Сулов 145	Хрущнице 109	
Спицимеж 8			Щеджик 375
Ставняни 235	Тарговиско 236	Цецежин 225	Щепанов 249
Стара Весь 26	Тарнов Опольский 277		Щинава 169
Стара Гливица 374	Тжешня 240	Чанжен 3	
Старе Жабно 400	Тлустомосты 377	Чаньча 96	
Стараховице 289	Трупянка 351	Ченстковице 296	Юрков 86
Старе Кармонки 381	Тухлин 27	Червоноград 327	
Старый Волов 265	Тучно 52	Чуслице 132	
Сташовице 179	Тымова 244		Явор 108
Стерналице 273			Ядовники Мокре 170
Стжешовице 408	Уйма Дужа 434	Шанец 39	Язов 416
Стжешов 184	Урдомин 420	Шашоровице 137	Яксонов 159
Стжишов 342		Швибье 281	Якубовице 82
Стобрава 271	Халдрыховице 81	Шедлиско 69	Янушково 313
Стоги 200	Хелмно 14	Шемянице 54	Янушовице 95
Страдов 133	Хлопице 297	Шимановице 343	Яны 65
Страховице 211	Хмелов Пясковы 290	Шимишов 218	Яськовице 358
Стрышовице 291	Хобеня 72	Шимощин 172	Яшовице 194
Стшебнюв 278	Хорно 393	Шмич 376	Яшов 302

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A	Altschlesien (Breslau)	PB	Prussia Bericht (Königsberg)
AB	Altschlesische Blätter (Breslau)	PH	Przegląd Historyczny
Annales		PJV	Posener Jahrbuch für Vorgeschichte
UMCZ	Annales Universitatis Marie Curie-Skłodowska (Roczniki Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, sectio F, Lublin)	PMMAE	Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi, seria archeologiczna
AOU	Aus Oberschlesien Urzeit	PP	Prace prehistoryczne (Kraków)
AP	Archeologie Polski (Warszawa)	PPPZ	Przyczynki do pradziejów Polski Zachodniej (Poznań)
A. Pol.	Archaeologia Polona (Warszawa)	PZ	Prähistorische Zeitschrift (Berlin)
AR	Archeologické rozhledy (Praha)	RN	Rozprawy Nydziały II Akademii Umiejętności w Krakowie
Arch.	Archeologia (Warszawa — Wrocław)		
BAB	Berliner amtliches Bericht	Rocznik	
BAK	Berliner Ausstellung Katalog	PAU	Rocznik Polskiej Akademii Umiejętności
BSIN	Biuletyn Śląskiego Instytutu Naukowego	Rocznik	
Fontes	Fontes Praehistorici (Fontes Archaeologici Posnanienses)	P	Rocznik Przemyski
FF	Forschungen und Fortschritte	Roczniki	
GVS	Germanische Vorzeit Schlesien. Warszawa, 1937	TPNP	Roczniki Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego
KO	Kwartalnik Opolski	SA	Slavia Antiqua (Poznań)
MAAE	Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne (Kraków)	SCIV	Studii și cercetări de istorie veche (București)
MA	Materiały archeologiczne	Sil. Ant.	Silesia Antiqua (Wrocław — Warszawa — Kraków)
MAG	Mitteilungen anthropologische Gesellschaft (Wien)	Sl. Sprw.	
Mannus	Mannus (Zeitschrift für Vorgeschichte. Würzburg — Leipzig)	Arch.	Sleski sprawozdania archeologiczne
Mat. St.	Materiały Starożytne (Warszawa)	Sprw.	
NDA	Nachrichten über deutsche Alterthumsfunde (Berlin)	Arch.	Sprawozdania archeologiczne
NDV	Nachrichten für deutsche Vorzeit (Berlin)	Sprw.	
NM	Niederlausitzer Mitteilungen (Zeitschrift der Niederlausitzer Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte. Guben).	PAN	Sprawozdania PAN
NüD	Nachrichten über deutsche Altertumsfunde. Berlin.	Sprw.	
OS	Oberschlesien	PAM	Sprawozdania PAM
PA	Przegląd archeologiczny (Poznań)	Sprw.	
Pr. A.	Prace acrheologiczne	PAU	Sprawozdania z czynności i posiadzeń Polskiej Akademii Umiejętności (Kraków)
		SVBS	Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift (Breslau)
		WA	Wiadomości archeologiczne (Warszawa)
		ZfE	Zeitschrift für Ethnologie (Berlin)
		ZOW	Z otchłani wieków
		ZWAK	Zbior Wiadomości do Antropologii Krajowej

- Кузнецов С. С.* 1904. Культ умерших и захоронения в луговых черемисов.—Этнографические обозрения, кн. 60-61, 1-2.
- Кухаренко Ю. В.* 1969. Археология Польши.
- Липс Ю.* 1954. Происхождение вещей. М.
- Семенов Ю. И.* 1966. Как возникло человечество. М.
- Antoniewicz W.* 1957. Religia dawnich Słowian.—Religia świata. Warszawa.
- Arndt A.* 1925. Oberschlesien Vor- und Frühgeschichte. Dortmund.
- Blume E.* 1912, 1915. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, Bd. I, II. Würzburg.
- Bohnsak D.* 1940. Die Burgunden.—Vorgeschichte der deutschen Stämme, III. Leipzig.
- Budinský-Krička V.* 1961. Mohylník z doby rimskej v Zemplíne.—Komisia Archeologickeho ústavu Slovenskej Akadémie vied na výskumach a výstavach materiálu z doby rimskej na Slovensku v dňach. 11—17.XI 1961.
- Czerska B.* 1970. Studia nad okresem lateńskim na Śląsku.—AP, t. XV, z. 1.
- Dąbrowski J. i K.* 1967. Cmentarzysko z okresów późnolateńskiego i wpływów rzymskich w Wesółkach, pow. Kalisz. Wrocław.
- Demetrijewicz Wl.* 1898. Vorgeschichte Galiziens.—Osterreichische-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Wien.
- Diacoviciu C.* 1943. Siebenbürgen in Altertum. Bukarest.
- Domański G.* 1970. Stan i potrzeba badań nad osadnictwem dorzecza Nysy Łużyckiej i Bobrzy w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich.—AP, t. XV, z. 1.
- Ebert M.* 1921—1922. Die Anfänge des europäischen Totenkultes.—PZ, t. 13/14.
- Eggers H. J.* 1951. Der römische Import in freien Germanien. Hamburg.
- Eggers H. J.* 1955. Zur absoluten Chronologia der römischen Kaiserzeit im freien Germanien.—Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, Bd. 2.
- Filip J.* 1956. Keltové ve střední Evropě. Praha.
- Gajek J.* 1934. Kogut w wierzeniach ludowych. Lwów.
- Gassowski J.* 1957. O rolę cmentarzysk jako źródeł do badania struktury społecznej ludności.—AP, t. 1.
- Gedl M.* 1962. Kultura łużycka na Górnym Śląsku. Bytom.
- Gedl M.* 1964. Szkieletowy obrządek pogrzebowy w kulturze łużyckiej. Bytom.
- Gempler W.* 1887. Der Fund von Sakrau. Brandenburg.—Berlin.
- Gempler W.* 1888. Der Fund II und III von Sakrau. Berlin.
- Godłowski K.* 1966. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską w okresie rzymskim.—Pr. A, z. 8.
- Godłowski K.* 1968. Przyczynki do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku.—Liber J. Kostrzewskiego octogenaria a vebtratoribus dicatus.
- Godłowski K.* 1969. Kultura przeworska na Górnym Śląsku. Katowice—Kraków.
- Grzywaczyk T.* 1961. Sposoby grzebania zmarłych w okresie późnolateńskim i rzymskim na terenie Wielkopolski.—Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, seria Archeologia—Etnografia, № 2.
- Hadaczek K.* 1909. Cmentarzysko ciałopalne koło Przeworska.—Tekka Konserwatorska, t. III, z. 2. Lwów.
- Hachmann R.* 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien.—Bericht der Römisch-Germanische Kommission, t. 41. [West] Berlin.
- Jahn M.* 1916. Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 vor Ch. bis 200 nach Ch. Würzburg.
- Jahn M.* 1919. Die schlesischen verzierten Waffen der Eisenzeit.—SVBS, NF, t. VIII.
- Jahn M.* 1921. Der Reitersporn, seine Entstellung und früheste Entwicklung. Leipzig.
- Jahn M.* 1931. Die Kelten in Schlesien. Lipsk.
- Jamka R.* 1933—1936. Cmentarzysko w Kopkach na tle okresie rzymskiego w Małopolsce Zachodniej.—PA, t. 5.
- Jamka R.* 1937. Zabytko z okresu rzymskiego z Żegocina, pow. Jarociński.—PPPZ.
- Jamka R.* 1938. Ozdoby oręża i narzędzi z podokresu późnolateńskiego i okresu rzymskiego odkrytych na Śląsku.—PP (Śląskie), t. 3.
- Jamka R.* 1957. Pradzieje Krakowa. Kraków.
- Jansen H. L.* 1936. Zur Frage der Leichenverbrennung bei den Urgermanen.—Mannus, t. 28.
- Janusz B.* 1918. Zabytki prehistoryczne Galicji wschodniej. Lwów.
- Karpińska A.* 1926. Kurhany z okresu rzymskiego w Polsce ze szczególnym uwzględnieniem typu siedleńskiego. Poznań.
- Kempisty A.* 1965. Obrządek pogrzebowy w okresie rzymskim na Masowszu.—Światowit, t. XXVI.
- Kietlińska A.* 1961. Inventaria Archeologia. Pologne, FV : Pl. 32, 33. Łódź.
- Kietlińska A.* 1963. Struktura społeczna ludności kultury przeworskiej.—Mat. St., t. 9.
- Konik E.* 1959. Śląsk starożytny a imperium rzymskie. Warszawa—Wrocław.
- Kostrzewski J.* 1918, 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenenzeit, Bd. I, II. Würzburg.
- Kostrzewski J.* 1936. Groby szkieletowe późnolateńskie w Wielkopolsce.—Sprw. PAN, t. 41.
- Kostrzewski J.* 1937. Grob z okresu późnorzymskiego w Poznaniu. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1939—1948. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów.—Prehistoria ziem polskich. Kraków.
- Kostrzewski J.* 1946. Praslaviańczyzna. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1948. Dzieje polskich badań prehistorycznych. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1949. Pradzieje Polski. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1955. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa.

- Kozłowski L.** 1939. Zarys prądziej Polski połudno-wo-wschodniej. Lwów.
- Langenhan A.** 1894. Fibelfunde in Schlesien.—SVBS, t. 5.
- Lasser R.** 1962. Zu den Zahnabdrücken im Urnenharz der spätrömischen Kaiserzeit.—Jahresschrift für mitteleuropäische Vorgeschichte, t. 46.
- Leciejewicz L.** 1960. Inventaria Archeologia. Pologne, FIV: PL. 26. Łódź.
- Liana T.** 1968. Niektóre zwyczaje pogrzebowe ludności kultury przeworskiej.—WA, t. XXXIII, z. 3—4.
- Macrea M.** 1957. Les Daces à l'époque romaine à la lumière des récentes fouilles archéologiques.—Dacia, NS, t. 1.
- Macrea M., Berciu D.** 1955. Santierul arheologie de la Casolt și Aprasul de Sus.—SCIV, t. 6.
- Majewski K.** 1949. Importy rzymskie w Polsce. Warszawa—Wrocław.
- Malinowski T.** 1951—1952. Narzędzia kowalskie okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Polsce.—PA, t. IX.
- Malinowski T.** 1962. Obrządek pogrzebowy ludności kultury łuzycyckiej w Polsce.—PA, t. XIV.
- Malinowski T.** 1969. Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław—Warszawa—Kraków.
- Maslografia, 1711. L. D. Hermann.** Maslografia oder Beschreibung des schlesischen Massel mit seinem Schauwürdigkeit. Brzeg.
- Mertins O.** 1906. Wegweiser durch die Urgeschichte Schlesien und der Nachbargebiete. Wrocław.
- Müller A.** 1957. Formenkreise der älteren römischen Kaiserzeit im Raum zwischen Havelseeplatte und Ostsee. Berlin.
- Neustupný J.** 1960. Prázek Československa. Praha.
- Nosek S.** 1946. Słowianie w pradziejach ziem polskich. Kraków.
- Nosek S.** 1947. Nowe materiały do poznania kultury wenedzkiej.—Światowit, t. XVIII.
- Nosek S.** 1952. Dzieje społeczeństw pierwotnych.—Światowit, t. XVIII. Lublin.
- Nosek S.** 1952a. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną miedzyrzeczna Wysły i Bugu.—Annales UMCS, section F, vol. VI.
- Olshausen O.** 1892. Leichenverbrennung.—ZfE, t. 24.
- Ondruch V.** 1957. Bohatě hroby z doby rimskei na Slovensku. Bratislava.
- Peiser E. E.** 1916. Das Gräberfeld von Pajki bei Prassnitz in Polen. Königsberg.
- Pescheck Ch.** 1939. Die frühgermanische Kultur in Mittelschlesien. Leipzig.
- Petersen E.** 1929. Die frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen. Berlin.
- Petersen E.** 1935. Schlesien von der Eiszeit bis ins Mittelalter. Berlin—Lipsk.
- Pfützenreiter F.** 1938. Ein volkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Staatsforst Guttentag.—A, t. 7.
- Piaszykówna M.** 1952. Pradzieje Miasta Poznań. Poznań.
- Plettke A.** 1919. Germanische Gräber aus dem dritten Jahrhundert nach Chr.—SVBS, NF, t. VII.
- Reut.** 1724. Die tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia.
- Różański W.** 1958. Badania przedmiotów metalowych pochodzących z grobów ciałopalnych.—Studia z dziejów jórniectwa i hutnictwa, t. 2.
- Schlenther U.** 1960. Brandbestattung und Seelenglauben. Berlin.
- Schrader O.** 1910. Begraben und verbrennen im Lichte der Religionis- und Kulturgeschichte.—Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, t. 12.
- Schuchhardt C.** 1939. Vorgeschichte von Deutschland. Berlin.
- Schutz W.** 1928. Der Sinn der Leichenverbrennung.—AB, t. 3.
- Schwantes G.** 1934. Deutschland Urgeschichte. Leipzig.
- Skurczyński S.** 1947. Archeolog na probostwie.—Pamiętnik Kielecki.
- Szydtowski J.** 1958. Archeologiczne prace terenowe Muzeja Górnośląskiego w latach 1945—1957. Katowice.
- Szydtowski J.** 1962. Ein neues Gräberfeld des Dobrodzień-Typus in Olsztyn.—AP, t. 4.
- Szydtowski J.** 1964. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Choruli. Wrocław.
- Szydtowski J.** 1964a. Obrządek pogrzebowy na Górnym Śląsku w okresie wpływów rzymskich. Bytóm.
- Szydtowski J.** 1964b. Ze studiów nad ciałopalnym obrządkiem pogrzebowym kultury przeworskiej.—AP, t. 9, z. 2.
- Tackenberg K.** 1925. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin.
- Tymieniecki K.** 1951. Ziemie polskie w starożytności. Poznań.
- Wielowiejski J.** 1960. Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim.—Mat. St., t. 6.
- Wilke G.** 1926. Duhn Leichenverbrennung.—Reallexikon, t. 7.
- Wilke G.** 1929. Urnengrab.—Reallexikon, t. 14.
- Woźniak Z.** 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce.—AP, t. XV, z. 1.
- Zotz L.** 1935. Die spätgermanische Kultur Schlesiens im Gräberfeld von Groß Sürding.—Quellenschriften zur Ostdeutsche Vor- und Frühgeschichte, t. 2.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУЛЬТУР III В. ДО Н. Э.— III В. Н. Э. В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

Введение

Изучению культур полей погребений уделяется большое внимание в советской и зарубежной исторической науке, а вопросы их этнической принадлежности до сих пор являются предметом острой полемики. Черняховская культура — одна из наиболее крупных и ярких культур первой половины I тысячелетия н. э. на юго-западе европейской части СССР — связана с культурами полей погребений Средней и Северной Европы. Эта связь прослеживается и в погребальном обряде. Более полному выявлению черт сходства и различия черняховской культуры и культур племен Средней и Северной Европы мешает отсутствие в нашей литературе сводных работ, посвященных анализу отдельных категорий материала культур полей погребений. Настоящая работа призвана частично заполнить этот пробел и посвящена характеристике погребального обряда племен Польского Поморья (оксывская культура), острова Готланд, южной и средней части Скандинавского полуострова, прибалтийского междуречья Одры и Эльбы (ясторфская культура). Выбор этих районов (рис. 1) обусловлен тем, что наряду с гипотезой о славянской принадлежности черняховской культуры высказано предположение и о восточногерманском, готском ее характере. Все рассматриваемые нами районы в какой-то мере связаны с германскими племенами. Пребывание готов в Польском Поморье засвидетельствовано письменными источниками, а Готланд и юг Скандинавского полуострова, по мнению некоторых исследователей, были прародиной готов. Германская, хотя и не готская, принадлежность племен, живших в изучаемый период на Эльбе, документирована письменными источниками и

признается всеми исследователями. Сопоставление прибалтийского материала с черняховским позволит выделить общие и разделяющие моменты в культуре племен, населявших названные территории, и расширит наши знания об этнической принадлежности черняховской культуры.

В настоящее время большинство крупных польских исследователей (Ю. Костшевский, Е. Кмецинский, К. Пшевожна и другие) считают, что носителями оксывской культуры были вены. Почти все немецкие археологи (Г. Косинна, Д. Бонзак, Р. Шиндлер, В. Хейм, Л. Килян и др.) в прошлом относили позднелатенские оксывские памятники к бургундам, а памятники римского времени считали гото-гепидскими. Точка зрения о германской принадлежности оксывской культуры или по крайней мере части ее памятников существует у некоторых исследователей и в настоящее время (В. Антонец, Е. Окулич, А. Кемписты). Между тем в оксывской культуре, среди культур названных районов обнаруживается наибольшее количество элементов сходства с черняховской, прослеживающихся в деталях погребального обряда, типах украшений, некоторых формах и особенностях орнаментации керамики. Именно с территории оксывской культуры на юг, в Причерноморье, двигалось население, которое ряд исследователей связывают с готами¹. Путь этого движения фиксируется группой памятников (Брест-Тришин, Любомль, Деревянное, Дытиничи, Городок

¹ Ю. В. Кухаренко, 1965, стр. 101; А. Kempisty, 1966, стр. 67—78.

Таблица 1

Синхронистическая таблица периодизаций древностей позднелатенского и римского времени Средней и Северной Европы

Абсолютные даты, гг. до н.э. и н.э.	О. Монтелиус (O. Montelius, 1896)	П. Райнеке (P. Reinecke, 1902)	Г. Швантес (G. Schwantes, 1909)	Е. Блюме (E. Blume, 1912)	О. Альмгрен, Б. Нерман (O. Almgren, B. Nerman, 1914, 1923)	В. Маттес (W. Matthes, 1929, 1931)	Г. Швантес (G. Schwantes, 1935)
	Скандинавия, Средняя Европа	Германия, Подунавье	Северная Германия	Средняя Европа	Скандинавия	Среднее Поэльбье	Северная Германия
400				D (300—400 гг.)	V : 2 (350—400 гг.)	III стадия (350—400 гг.)	
300	V (200—400 гг. н. э.)			C/D (250—350 гг. н. э.)	V : 1 (250—350 гг.)	II стадия (250—350 гг.)	
200				C (200—300 гг.)	V : 1 — ранний (200—250 гг.)	I стадия (конец II в. — первая половина III в.)	
100	IV (0—200 гг. н. э.)			B — jungst. (150—250 гг. н. э.)			
				B — jung. (100—200 гг.)	IV : 2 (100—200 гг.)		
0				B — mittl. (50—150 гг.)			
				B — alt. (0—100 гг.)	IV : 1 (0—100 гг.)		
100	III (150—0 гг. до н. э.)	Латен D (120—0 гг. до н. э.)	Зеедорф (150—0 гг. до н. э.)	A Предримский период	III (150—0 гг. до н. э.)	Период II Великогерманское время	Зеедорф (120—0 гг. до н. э.)
200	II (300—150 гг. до н. э.)	Латен C (300—120 гг. до н. э.)	Рипдорф (300—150 гг. до н. э.)		II (300—150 гг. до н. э.)	Период I Великогерманское время	Рипдорф (350—120 гг. до н. э.)
300		Латен B (400—300 гг. до н. э.)	Ясторф C (400—300 гг. до н. э.)				Ясторф C (400—350 гг. до н. э.)
400	I (500—300 гг. до н. э.)	Латен A (500—400 гг. до н. э.)	Ясторф B (500—400 гг. до н. э.)		I (600—300 гг. до н. э.)		Ясторф B (500—400 гг. до н. э.)
500							
600		Гальштат D (650—500 гг. до н. э.)	Ясторф A (600—500 гг. до н. э.)			Древнегерманское время	Ясторф A (600—500 гг. до н. э.)

В. Вегевитц (W. Wegewitz, 1937)	Г. Кернер (G. Kögner, 1938)	Р. Шиндлер (R. Schindler, 1940)	Г. Ю. Эггерс (H. J. Eggers, 1955)	Г. Крюгер (H. Krüger, 1961)	Р. Хахманн (R. Hachmann, 1961)	Ю. Костшев- ский (J. Kostrzewski, 1965)	К. Годловский (K. Godłowski, 1970)
Нижнее Позэльбье	Нижнее Позэльбье	Поморье, ни- зовья Вислы	Средняя, Север- ная Европа	Нижнее Позэльбье	Средняя Европа, Скандинавия	Польша	Средняя Европа
	Варендорф	Позднерим- ский период (220— 375 гг.)	D			Позднерим- ское время (200— 400 гг.)	D (350—450)
	C		C ₃ (300—350 гг.)				C ₃
	B		C ₂ (200—300 гг.)				C ₂
	A		C ₁ (150—200 гг.)				C _{1-b}
	Ступень Дарцау (50—175 гг. н. э.)	Среднерим- ский период (150—220 гг.)	B ₂ (50—150 гг.)				B ₂ /C ₁ C _{1-a}
	Ступень Харсефельд (50 г. до н. э. — 50 г. н. э.)	Раннерим- ский период (0—150 гг.)	B ₁ (0—50 гг.)			Раннерим- ское время (0—200 гг. н. э.)	ступень 3 B ₂ ступень 2 ступень 1
	Зеедорф (120—50 гг. до н. э.)	Позднела- тенский период	A Позднелатен- ское время	D (Зеедорф)	4 3 2 1	Позднела- тенское время (125—0 гг. до н. э.)	B ₁ ступень 2 ступень 1
	Рипдорф (400—120 гг. до н. э.)			C (Рипдорф)	Ступени позднелатенского времени	Среднелатен- ское время (250—125 гг. до н. э.)	
	Ясторф В (500—400 гг. до н. э.)			B	Ясторф	Раннелатен- ское время (400—250 гг. до н. э.)	
	Ясторф А (600—500 гг. до н. э.)			A		Гальштат D (500—400 гг. до н. э.)	
						Гальштат C	

и др.)², керамика и обряд погребения которых демонстрируют близость к оксывской культуре.

Как отмечено выше, в работе речь идет о погребальном обряде племен зарубежной При-

² Ю. В. Кухаренко, 1965, стр. 97—101; Он же, 1958, стр. 219—226; М. Ю. Смишко, И. К. Свешников, 1961; В. В. Кропоткин, 1972, стр. 255—256.

балтики — Нижнего Повисленья, Польского Поморья, междуречья Одры — Эльбы, Ютландии и южной части Скандинавского полуострова, а также острова Готланд. При использовании материала мы пользуемся хронологией, принятой в зарубежной литературе. Сравнительная характеристика хронологических схем разных исследователей дана в приведенной выше таблице (табл. 1).

Погребальный обряд оксывской культуры

Оксывская культура — это культура племен, населявших в конце II—I в. до н. э. — I—IV вв. н. э. территорию северной, отчасти центральной части современной Польши. В определении точных границ распространения этой культуры нет единого мнения, что объясняется некоторым своеобразием оксывских памятников в приграничных районах, обусловленным влиянием соседних культур. Согласно определению, данному в работе Ю. Костшевского, В. Хмелевского и К. Яжджевского³, в позднелатенское время, в конце II—I в. до н. э., оксывская культура занимала пространство Польского Поморья от р. Реги на западе почти до р. Пасленки на востоке, на юге она несколько не доходила до рек Варты и Нотець, оставляя незанятым почти весь бассейн Гвды и Брды. По Висле оксывские памятники распространялись на юг приблизительно до Хелмно. В конце позднелатенского времени оксывское население проникает за Регу до Одры, вытесняя отсюда племена ясторфской культуры (рис. 2).

В раннеримский период ареал оксывской культуры существенно расширяется на юг и юго-восток. На северо-западе памятники оксывского облика обнаруживаются на левобережье низовий Одры, на юге граница ее идет почти по рекам Варта и Нотець, на юго-востоке — по Дрвенцу и в междуречье Дрвенца и Лыны (рис. 2).

В III—IV вв. н. э. оксывская культура, сохраняя в основном прежние границы на западе и востоке, распространяется далее на юг и юго-восток, занимает бассейн р. Нотець и доходит почти до Средней Великопольши и Мазовии.

Однако не все авторы локализуют оксывскую культуру в указанных границах. Ряд исследователей ограничивают западные пределы ее ареала Регой или Парсентой (Д. Бонзак, Р. Шиндлер, К. Пшевожна, М. Рулевич, З. Окулич)⁴, в бассейне которых много оксывских

памятников. В междуречье Одры и Реги памятников меньше, и они, имея в основном черты оксывской культуры, в то же время демонстрируют некоторые особенности, обусловленные влиянием соседней ясторфской культуры. По этой причине памятники междуречья Одры — Парсенты и прилегающей территории левобережья Одры иногда выделяются в особую культурную группу, именуемую «среднепоморской» или «западнопоморской» (Д. Бонзак, Г. Ю. Эггерс, М. Рулевич, Р. Волангевич, К. Годловский)⁵.

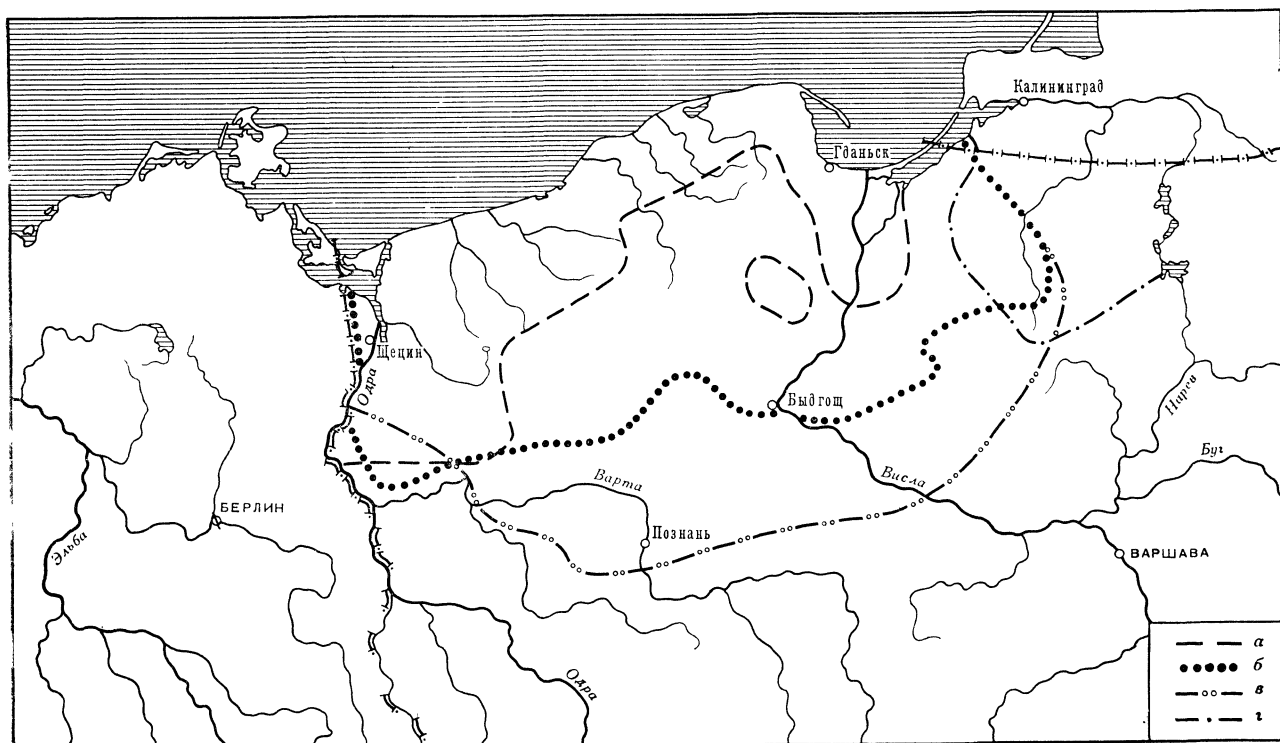
Оксывской культуре присущи специфичные погребальный обряд, комплекс керамики и некоторые виды украшений. Погребальный обряд позднелатенского времени характеризуется господством ритуала трупосожжения с захоронением остатков кремации вместе с остатками погребального костра в основном в ямных могилах, изредка в урновых могилах с подсыпкой остатков костра и еще реже — в чистых урновых погребениях. В римский период наряду с сохранением обряда трупосожжения распространяется обычай погребения труположений. Количественное соотношение погребений с кремациями и ингумациями на разных памятниках сильно варьирует, но в целом преобладают погребения с трупосожжениями. Основная масса могильников оксывской культуры — грунтовые. В римский период, в отличие от позднелатенского времени, появляются отдельные богатые погребения под курганами (Любешево, Пельгжимово и др.), а также относительно небольшое количество могильников с каменными надгробиями в виде курганов, кругов, вымоств и стел скандинавского облика (Одры, Венсеры и др.).

Керамика оксывской культуры позднелатенского времени происходит главным образом из урновых могил с подсыпкой остатков костра, в меньшей степени — из чистых урновых погреб-

³ J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski, 1965, рис. 86, 90, 94.

⁴ D. Bohnsack, 1938; R. Schindler, 1940; K. Przewoźna, 1965a, стр. 340; M. Rulewicz, 1958, стр. 60; J. Okulicz, 1970.

⁵ D. Bohnsack, 1938; H. J. Eggers, 1936; M. Rulewicz, K. Siuchninski, S. Wesolowski, R. Wołagiewicz, 1964, стр. 41; R. Wołagiewicz, 1963, стр. 292; K. Godłowski, 1970.

Р и с. 2. Территория оксывской культуры

a — граница оксывской культуры в позднелатенское время; *b* — граница оксывской культуры в раннеримское время; *c* — граница оксывской культуры в позднеримский период; *d* — граница расселения балтийских племен (по: J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski, 1965, рис. 86, 90-94)

бений, где сосуды служили вместилищем для остатков трупосожжения. Сосуды-приставки, положенные в могилы в качестве инвентаря, в оксывской культуре встречаются редко и представлены небольшими формами. Керамика характеризуется главным образом выпуклобочными сосудами с утолщенным, отогнутым наружу венчиком, часто с черной лощеной поверхностью. В верхней части тулова у многих имеются круглые выступы, рельефные валики, иногда небольшие ушки. Довольно характерны также вазы с Х-образным ушком, украшенные по плечикам геометрическим орнаментом. Реже встречаются миски с отогнутым наружу венчиком, горшки с двумя ушками и др. Металлические изделия позднелатенского времени довольно разнообразны.

Предметы вооружения представлены одно- и двухлезвийными мечами, копьями двух видов, умбонами и оковками от щитов, скрепами и окончаниями ножен. Из орудий труда и предметов быта имеются ножи, бритвы, щипчики, костяные и глиняные пряслица, поясные скрепы, фибулы и др.

В первой половине I в. н. э. в оксывской культуре происходят значительные изменения.

Наряду с трупосожжениями появляются погребения с труположениями, исчезает обычай класть в погребения оружие. Вместо позднелатенских чернолощенных сосудов распространяется более грубая керамика, формы которой частично напоминают местные выпуклобочные сосуды, частично представлены новыми типами — приземистыми горшками с орнаментом из чередующихся хроповатых и лощеных треугольников и полос, широко открытыми кубками, кружками и т. д. В позднеримское время широко распространяются мисковидные сосуды и изредка встречается керамика, сделанная на гончарном круге. В отличие от позднелатенского периода, когда большая часть металлических вещей была сделана из железа, в римское время инвентарь могильников оксывской культуры содержит вещи, изготовленные преимущественно из бронзы. Из орудий труда в могильниках оксывской культуры представлены железные ножи, шилья, иглы, глиняные пряслица; из предметов туалета и украшений — железные и бронзовые пряжки, наконечники ремней, бронзовые щипчики, костяные гребни, стеклянные и янтарные бусы, фибулы, булавки, браслеты (в частности со своеобразными зме-

видными головками), подвески (S-видные, грушевидные) и т. д.

Значительные различия в материале позднелатенского и римского времени послужили основанием для разделения оксывской культуры на две особые культуры: позднелатенскую (оксывскую) и культуру римского периода — «гото-гепидскую» (Д. Бонзак, Р. Шиндлер)⁶ или «восточнопоморско-мазовецкую» (К. Годловский, Е. Окулич)⁷. Не отрицая проникновения в Поморье на рубеже и в начале нашей эры значительного количества новых этнических и культурных элементов, мы склонны считать, что в римское время на рассматриваемой территории продолжала обитать основная часть аборигенного позднелатенского населения, существенным образом изменившего свою культуру в результате собственного развития, смещения с пришельцами (гото-гепидами) и влияния с запада племен междуречья Одры — Эльбы. Не исключено, что с их воздействием связано широкое распространение в оксывской культуре второй половины II в. н. э. погребений в чистых урновых могилах воронковидных сосудов.

По вопросу о происхождении оксывской культуры позднелатенского периода существует много мнений, однако большинство исследователей считают, что она формировалась на основе поморской культуры среднего латена⁸. В конце II—IV в. н. э. большая часть оксывского населения постепенно уходит на юг. На опустевшую территорию проникают германские, а в восточные районы — балтийские племена. Население Поморья становится смешанным.

Переходим к характеристике обряда погребения оксывской культуры. Сводных работ, посвященных детальному анализу погребального обряда оксывской культуры на протяжении всего периода ее существования, а также характеристике этой культуры в целом, не имеется. Отдельные периоды оксывской культуры исследованы неравномерно. Наиболее хорошо изучен позднелатенский период в монографиях Ю. Костшевского и Д. Бонзака⁹. Авторы указанных работ посвящают специальные разделы анализу погребального обряда, широко используя материал публикаций, архивных и музейных собраний. Недостатком характеристики погребального обряда у обоих исследователей является отсутствие статистических данных. Последующие публикации материала и исследования вносят лишь небольшое допол-

нение к описанию обряда погребения, данному Ю. Костшевским и Д. Бонзаком.

Значительно хуже освещена специфика погребального обряда населения оксывской культуры римского времени. Сводные работы и небольшие публикации уделяют этому вопросу незначительное внимание, делая основной упор на анализ инвентаря. Большинство исследователей ограничиваются констатацией биритуализма, отмечая появление обряда ингумации в раннеримский период, и только кратко останавливаются на характеристике самых общих черт погребального ритуала¹⁰.

Наиболее подробные сведения можно почерпнуть из монографии Р. Шиндлера¹¹, посвященной главным образом характеристике керамики.

В связи с решением вопроса о роли готов в истории Поморья Е. Кмецинский дает характеристику некрополей с каменными надгробиями, останавливаясь в основном на их локализации, хронологии и происхождении¹². Детали погребального обряда, прослеживаемые в грунтовых могильниках, составляющих основную массу оксывских некрополей, остаются вне поля зрения автора.

Большие трудности в исследовании погребального обряда оксывской культуры, особенно римского времени, вызваны недостаточностью источниковедческой базы, отрывочностью имеющегося в нашем распоряжении материала, отсутствием надлежащих публикаций отдельных больших памятников. Существующие издания часто являются краткой суммарной информацией, предварительным отчетом, лишенным иллюстраций и не дающим полного представления о специфике материала, его хронологическом членении. Во многих старых публикациях отдельные важные детали погребального ритуала просто не отмечались. Большой материал из раскопок 20-х—30-х годов вообще остался не опубликованным и погиб во время войны. Немногочисленные послевоенные публикации польских исследователей освещают материал в основном небольших памятников. Фрагментарность имеющегося материала исключает возможность широкого использования

⁶ D. Bohnsack, 1938; R. Schindler, 1940.

⁷ K. Godłowski, 1970, рис. 1, стр. 31—42; J. Okulicz, 1970.

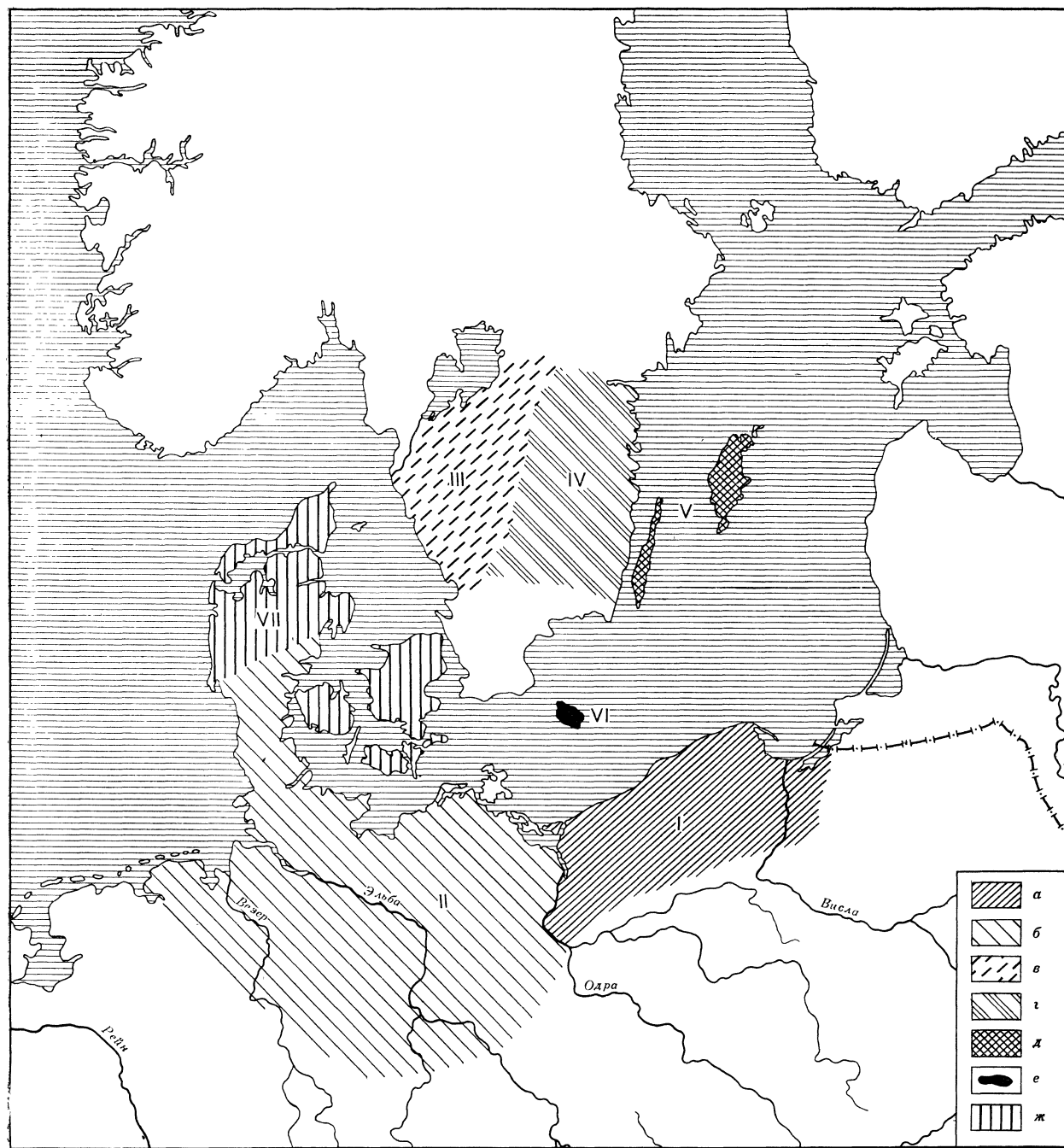
⁸ J. Kostrzewski, 1966, стр. 96; Он же, 1966а.

⁹ J. Kostrzewski, 1918—1919; D. Bohnsack, 1938.

¹⁰ Погребальный обряд оксывской культуры римского, а отчасти и позднелатенского времени, кратко рассматривается в работах: Ю. В. Кухаренко, 1969, стр. 114—119; J. Kostrzewski, 1939—1948, стр. 328—330, 344—345; Он же, 1936, стр. 78, 83—85; Он же, 1964, стр. 96 сл.; Он же, 1966, стр. 112—125; G. Müller-Kuales, 1940, стр. 1150—1152; D. Bohnsack, 1938а, стр. 75; W. Gaerte, 1928, стр. 372; W. La Baume, 1926, стр. 2—5; Он же, 1934, стр. 112, 130; K. Godłowski, 1960; Он же, 1970; J. Okulicz, 1970.

¹¹ R. Schindler, 1940.

¹² J. Kmiecinski, 1962.

Р и с. 3. Ареалы основных типов погребений позднелатенского времени

- а** — господство ямных погребений при наличии значительного количества урновых могил с подсыпкой остатков костра и единичных чистых урновых погребений;
- б** — господство чистых урновых могил преимущественно без каменных обкладок и перекрытий;
- в** — господство урновых и коробчатых могил с подсыпкой остатков костра;
- г** — приблизительно равное количество ямных и урновых могил с подсыпкой остатков костра, с каменными обкладками и наземными каменными конструкциями;

- д** — господство могил в виде рассыпанного слоя остатков трупосожжения, лежащего около уровня древнего горизонта и перекрытого сверху каменными вымостками и низкими курганами;
- е** — господство ямных могил;
- ж** — сочетание могил ямных, урновых и урновых с подсыпкой остатков костра

Римскими цифрами обозначены регионы

статистики. Ее приходится применять выборочно и весьма осторожно.

По сводке Р. Шиндлера к оксывской культуре относится 375 памятников¹³. Они довольно неравномерно распределяются по отдельным хронологическим периодам. Причем это разделение нельзя считать окончательным, поскольку большинство памятников раскопано лишь частично, однако общую закономерность колебания их количества в зависимости от динамики населения в различные эпохи надо считать установленной.

Число погребений, вскрытых на основной массе оксывских могильников, невелико. Большинство памятников, известных до 20-х годов XX в., представлено несколькими погребениями, а то и просто находками отдельных вещей. Однако имеются также некрополи значительных размеров: Оксывский — свыше 170 могил, Цецеле — свыше 200 могил, Варшково — 231 могила, Румя — 342 могилы¹⁴. Приведенные цифры не окончательны, поскольку некрополи до конца не исследованы. По данным Е. Кмечинского, ссылающегося на Р. Шиндлера, ни один из 105 могильников позднелатенского времени не раскопан до конца¹⁵. Наибольших размеров достигали некрополи, где хоронили в течение всего периода существования оксывской культуры (например, могильник Вельборк-Госцишев, насчитывающий свыше 2 тыс. погребений¹⁶, Скварч — около 700 погребений¹⁷).

Характер размещения разновременных погребений в отдельных могильниках изучен недостаточно из-за малого количества планомерно раскопанных памятников. Довольно единичны наблюдения о соотношении позднелатенских погребений с более поздними. Так, в могильниках Варшково, Немица и некоторых других ямные могилы римского времени — I в. н. э. располагались на краю позднелатенских могильников¹⁷. Но очень часто такой порядок не соблюдался, и более поздние могилы римского времени устраивались среди позднелатенских, например в могильниках Прущ,

Вельборк-Госцишев, Новы Двор, Гостково, пов. Бытов¹⁸ и др. Д. Бонзак отмечает, что, как правило, взаимных пересечений позднелатенских могил друг с другом нет. В тех редких случаях, когда это происходило, прокоп производился с особой тщательностью по отношению к заданному погребению — его остатки снова старательно укладывались. Такой факт отмечен в могильнике Вельборк-Госцишев, где урновая могила 857 прорезана урновым погребением 854 с подсыпкой остатков костра таким образом, что было оставлено пространство, в которое сложены остатки старого погребения¹⁹. Близкое явление наблюдается в могильнике Жондз в парном ямном погребении²⁰. Несколько иную картину отмечают исследователи при пересечении более древних погребений могилами римского времени, когда на содержание разрушаемых захоронений не обращалось внимания, и их составные части оказывались часто далеко разбросанными²¹. Примером может служить могильник Вельборк-Госцишев, где во многих случаях могилы I в. до н. э. перерезаны более поздними труположениями, урновыми и ямными захоронениями²². По-видимому, это явление объясняется тем, что в позднелатенское время среди современников еще была свежа память об умерших, о совершенных на некрополях погребениях, которые к тому же, возможно, на поверхности земли имели какие-то недолговременные надгробия из дерева или в виде небольших земляных холмиков. Погребения римского времени отделены от позднелатенских значительным хронологическим промежутком, в течение которого надгробия и холмики могли исчезнуть, а сведения о совершенных здесь некогда захоронениях не сохранились в памяти людей.

Остановимся на характеристике погребального обряда позднелатенского периода, который имеет свою специфику, отличающую его от ритуала захоронения римского времени. Впервые анализ погребального обряда оксывской культуры позднелатенского периода с классификацией типов могил, принятой последующими исследователями, был дан Ю. Костшевским²³. Затем его описание было дополнено Д. Бонзаком, использовавшим материал вновь изученных памятников²⁴. Характерной чертой погребального обряда оксывской культуры позднелатенского времени было труполо-

¹³ R. Schindler, 1940, стр. 122—131. Если добавить к этому числу некрополи междуречья Одры и Реги, которые Р. Шиндлер не причислял к оксывским, и вновь открытые памятники, то их общее число значительно возрастает. К. Пшевожна в Восточном Поморье на территории оксывской культуры насчитывает, включая относительно немногочисленные памятники V в. н. э., почти 800 местонахождений, среди них более 600 могильников (К. Przewoźna, 1965, стр. 163).

¹⁴ J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski, 1965, стр. 253; K. Godłowski, 1970, стр. 33.

¹⁵ J. Kmiecinski, 1962, стр. 143.

¹⁶ J. Kostrzewski, 1962, стр. 44; A. Ruppelt, 1938, стр. 97.

¹⁷ D. Bohnsack, 1938, стр. 92; K. Przewoźna, 1965a, стр. 342; W. Heyn, 1937, стр. 198.

¹⁸ D. Bohnsack, 1938, стр. 92; K. Voigtman, 1930, стр. 19.

¹⁹ D. Bohnsack, 1938, стр. 92.

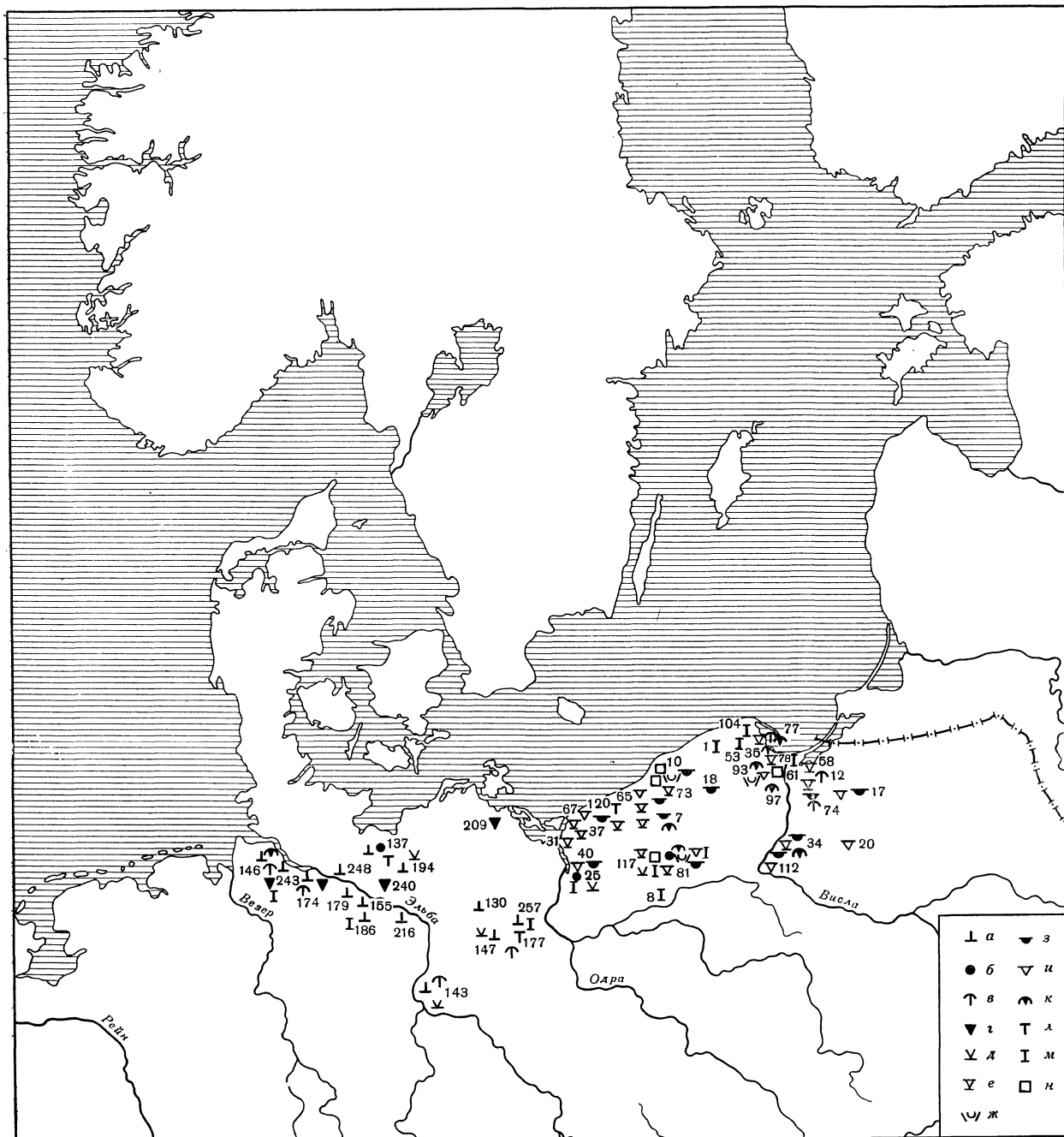
²⁰ S. Anger, 1890, рис. 4.

²¹ D. Bohnsack, 1938, стр. 92.

²² D. Bohnsack, 1938, стр. 92; K. Voigtman, 1930, стр. 19.

²³ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 216 сл.

²⁴ D. Bohnsack, 1938, стр. 91 сл.

Р и с. 4. Особенности ритуала погребения оксывской и ясторфской культур средне- и позднелатенского времени

а — каменные обкладки и отдельные камни около урн ясторфской культуры средне- и позднелатенского времени;
б — обкладки урн черепками в ясторфской культуре;
в — урны, накрытые мисками;
г — остатки дерева от деревянных крышек над урнами на ясторфских некрополях позднелатенского периода;
д — урны с подсыпкой остатков костра на некрополях ясторфской культуры;
е — урны с подсыпкой остатков костра, обставленные камнями;
ж — ямные могилы с камнями на дне;

з — ямные погребения, перекрытые камнями в оксывской культуре;
и — урновые могилы с подсыпкой остатков костра, перекрытые одним или несколькими камнями;
к — урновые могилы с подсыпкой остатков костра, накрытые миской;
л — урновые могилы с подсыпкой остатков костра, накрытые тарелкой;
м — кучки костей, обложенные камнями;
н — подземные каменные вымостки

сожжение вместе с инвентарем вне места погребения с захоронением остатков на грунтовых некрополях²⁵. Последние в конце II—I в. до н. э. располагались почти без исключения в речных долинах и на террасах, не занимая поросшие бором пески и дюны²⁶. По своему устройству могилы делятся на три типа: 1) урновые, 2) кучки костей и 3) ямные. Преобладали ямные могилы (рис. 3). Кучки костей очень редки. Как правило, погребения позднелатенских некрополей расположены бессистемно. Только в Коникиво констатировано расположение могил рядами, на определенном расстоянии друг от друга, так что, зная эту закономерность, можно заранее определить местоположение отдельных погребений²⁷. Урновые и ямные могилы обычно расположены вперемежку. На многих кладбищах (Жондз, Вельборк-Госцишев, Парсендзко и др.)²⁸ отмечены участки с наибольшей густотой погребений, вокруг которых находились более редкие захоронения. В некоторых могильниках имелись также относительно более плотные группировки погребений одного типа — урновых или ямных — на определенном участке, некрополя, но в таких группировках могилы другого типа также были представлены, только в несколько меньшем числе, чем обычно для данного памятника (Жондз).

1. Урновые погребения. В урновых погребениях остатки кремации помещены в сосуд-урну. В качестве урн использовались главным образом глиняные горшки. Иногда для этих целей служили импортные бронзовые сосуды, а в мужском погребении 15 могильника Жондз использован умбон от щита²⁹.

Размеры ям, в которые устанавливались урны, строго не определены. Многие исследователи вообще не указывали величину могильных ям. Можно сказать, что глубина их варьирует в среднем в пределах от 0,2—0,3 до 1 м³⁰, диаметры — 0,5—1 м³¹.

По способу погребения остатков кремации урновые могилы делятся на два вида: а) чи-

стые урновые могилы; б) урновые могилы с подсыпкой остатков костра³².

Чистые урновые могилы, содержащие выбранные из погребального костра кальцинированные кости и инвентарь без пепла и углей, в оксывской культуре позднелатенского времени редки и представлены далеко не на всех памятниках. Они имеются на некрополях Новы Двор, Прущ (могилы 2, 4, 7, 19, 20) и на некоторых других памятниках³³. Урны с кусочками пережженных костей чаще стоят свободно в земле, но иногда окружены несколькими камнями (например, в некрополях Бяла, Баргендзино, Старшино, Кроково, Любешево, Мезим). Сверху урны иногда накрыты миской (рис. 4)³⁴.

Часть чистых урновых могил имеет под урной небольшое количество обожженной земли, что приближает их к урновым могилам с подсыпкой остатков костра.

Урновые могилы с подсыпкой остатков костра более многочисленны. В таких могилах урна стоит на дне ямы, которая заполнена землей, перемешанной с углем, пеплом, кусочками кальцинированных костей, представляющих остатки костра, в котором производилось сожжение умершего. Особых наблюдений о способах подсыпки остатков костра в публикациях нет, только Г. Магдалинский для могильника Коникиво указывает, что остатки кремации ссыпались в могильную яму в раскаленном виде, о чем свидетельствует прокаленность материкового песка близ слоя сожжения³⁵. Обычно урны, как и в чистых урновых могилах, стоят вертикально. Встречающиеся отклонения от вертикального положения С. Ангер объясняет смещением урн при ссыпании остатков костра³⁶.

В урнах находятся кусочки костей, очищенных или не очищенных от золы погребального костра и углей, а также обычно вещевой инвентарь, крупные предметы которого изогнуты или поломаны. Нередко инвентарь лежит также на урне или рядом с ней (Варшково, погре-

²⁵ Достоверные места трупосожжения на некрополях не обнаружены. Возможно, они, как считает В. Хейм, находились за пределами памятника, так как на полностью, по свидетельству В. Хейма, исследованном некрополе Бялы Двор не встречено место сожжений (*W. Heym*, 1959/1961, стр. 156). Некоторые исследователи склонны считать местами кремации обширные ямы, заполненные темным углистым слоем и обожженными камнями (*D. Kleist*, 1955, стр. 16).

²⁶ *W. Antoniewicz*, 1932, стр. 151.

²⁷ *G. Magdalinski*, 1924, стр. 146; *D. Bohnsack*, 1940a, стр. 1044, рис. 230.

²⁸ *S. Anger*, 1890, план; *H. Schumann*, 1889, стр. 180 сл.

²⁹ *J. Kostrzewski*, 1918—1919, стр. 217.

³⁰ *R. Wołqiewicz*, 1964, стр. 106.

³¹ *H. Schumann*, 1896, стр. 160.

³² Соотношение тех и других в абсолютных цифрах установить невозможно по причине того, что в большинстве старых публикаций авторы раскопок часто не указывали ряд важных деталей погребального ритуала, в том числе наличие подсыпки остатков костра в урновых могилах или ее отсутствие. При анализе такого материала невозможно определить, были ли здесь чистые урновые могилы или обсыпанные остатками костра. На это обстоятельство указывают в своих обобщающих работах Ю. Костшевский (*J. Kostrzewski*, 1918—1919) и Д. Бонзак (*D. Bohnsack*, 1938).

³³ *J. Kostrzewski*, 1918—1919, стр. 217; *D. Bohnsack*, 1938, стр. 93.

³⁴ *D. Bohnsack*, 1938, стр. 93; *J. Kostrzewski*, 1918—1919, стр. 217.

³⁵ *G. Magdalinski*, 1924, стр. 153.

³⁶ *S. Anger*, 1890, стр. 9.

бение 126)³⁷. В отдельных случаях наблюдалось анатомическое расположение остатков пережженных костей в урнах: внизу лежали фрагменты костей нижних конечностей, выше — обломки костей туловища, сверху — кусочки черепа (Оксыва, урновые могилы 144 и 157 с подсыпкой остатков костра)³⁸. Размеры урн различны. Наряду с маленькими сосудами представлены большие урны, в которых погребены кальцинированные кости, пересыпанные остатками костра. Урны в могилах с подсыпкой, как и в чистых урновых погребениях, иногда накрыты миской, но чаще камнем (Прущ, погребение 3, 11, 18; Оксыва, погребение 147). В погребении 157b Оксывского могильника их заменяла плоская глиняная тарелка³⁹. Во многих случаях перекрытие отсутствовало совсем (часть погребений Вельборк-Госцишев и др.)⁴⁰. Большие камни перекрытия обычно раздавливали урны, что многократно прослежено в могильнике Жондз⁴¹. Нередко также расположение одного или нескольких камней в земле, над урной или вокруг нее (Мезим, Оксыва, погребение 134, Вельборк-Госцишев, Гостково пов. Бытов и др.)⁴². При этом камни вокруг урны лежат свободно, в отличие от плотных каменных обкладок поморской культуры. В отдельных случаях представлены под землей сплошные каменные вымостки. Они отмечены в дух погребениях могильника у Пруща, причем урны стояли не под серединой вымосток, а с краю и рядом. Наиболее крупные (до 6 кв. м) каменные вымостки устроены над частью погребений некрополя Парсендзко. Большие выкладки сооружены также над некоторыми могилами Варшкова (могила 1—2 × 1 м, могила 8—1,5 × 1 м)⁴³. В целом каменные вымостки чаще встречаются на некрополях Западного Поморья.

Между урновыми погребениями с подсыпкой остатков костра и чистыми урновыми могилами имеется ряд промежуточных форм, представленных в основном на некрополях Щецинского повята. В могильнике Парсендзко неоднократно наблюдались погребения, содержавшие, помимо чистых кальцинированных костей, собранных в урну или маленькую каменную обкладку, отдельные захоронения остатков костра⁴⁴. В одной могиле остатки кост-

ра были в яме между двумя каменными вымостками. Под нижней вымосткой, в урне, накрытой крышкой, находились чистые, старательно выбранные из костра кости умершего. В некрополе у Щецинска Касиским обнаружены два стоявших рядом сосуда, из которых один содержал только пережженные мелко размельченные кости, другой — черную перегоревшую массу⁴⁵. В обоих случаях погребены на расположенных рядом местах пережженные кости и остатки костра. Ю. Костшевский и Д. Бонзак расценивают этот вид погребения как переходный от более древних погребений в чистых урновых могилах к погребениям с подсыпкой остатков костра⁴⁶. Ю. Костшевский считает, что эти погребения в междуречье Одры и Реги принадлежат остаткам старого населения ясторфской культуры, приспособившего свой обряд захоронения в чистых урновых могилах под ритуал оксывских пришельцев⁴⁷.

В могилах полей погребений, помимо урн, бывают и глиняные сосуды — так называемые приставки. В отличие от пшеворской культуры сосуды-приставки в могилах оксывской культуры встречаются редко. Количество их не превышает одного, очень редко — двух. Положение сосуда-приставки строго не определено. Он может стоять вертикально, лежать на боку и даже вверх дном, часто бывает разбит и иногда ошлакован в огне костра⁴⁸, куда он попадал при кремации вместе с инвентарем умершего. По два сосуда-приставки обнаружено в погребениях Копанево (9), Парушевице (1) и некоторых других⁴⁹. Часть этих некрополей находится на южной периферии оксывской территории (Вроцлавекский повят), и наличие здесь парных сосудов-приставок, по-видимому, следует связывать с пшеворским влиянием.

2. Захоронение кучки кальцинированных костей. Погребения этого типа встречаются в оксывской культуре редко (например, Жондз, 65а; Прущ, 26). В Жондзе это составляет примерно 0,12%, а в Пруще — около 2% от общего количества могил этих некрополей⁵⁰.

При захоронении кучек костей также выделяются две разновидности: а) захоронение кучки пережженных костей в чистом грунте — (например, Жондз, 65а); б) кучка костей за-

³⁷ D. Bohnsack, 1938, стр. 94.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же; M. Pietrzak, 1971, стр. 75.

⁴⁰ K. Voigtman, 1930, стр. 19; S. Anger, 1890, стр. 8—9.

⁴¹ S. Anger, 1890, стр. 9.

⁴² D. Bohnsack, 1938, стр. 94; K. Voigtman, 1930, стр. 20; T. J. Lachowicz, 1964, стр. 254.

⁴³ D. Bohnsack, 1938, стр. 94; R. Wołgiewicz, 1965, стр. 237.

⁴⁴ H. Schumann, 1889, стр. 182.

⁴⁵ Kasiski, 1877, стр. 175—176; J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 217.

⁴⁶ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 218; D. Bohnsack, 1938, стр. 94.

⁴⁷ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 218.

⁴⁸ Там же, стр. 219.

⁴⁹ Там же, стр. 218.

⁵⁰ По материалам публикаций С. Ангера, Д. Бонзака, Е. Оксенштиерна (S. Anger, 1890; D. Bohnsack, 1938; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 144, 150).

Таблица 2

Соотношение урновых и ямных погребений в могильниках оксывской культуры

№ на карте	Памятник	Урновые погребения		Ямные погребения	
		количество	%	количество	%
10	Варшково	17 (обсыпаны остатками костра)	14,4	92+9 (переходной фазы к римскому периоду)	85,6
27	Дольна	5	35	9	65
40	б. Калькенберг	1 (обсыпано)	12,5	7	87,5
48	Копанево	12 (обсыпано)	41	17	59
73	Немица *	7	14	35	86
75	Нове Добра	Есть		420	Абсолютное большинство
78	Олива	21	52	19	48
81	Парсендзко	9	7	120	93
93	Прущ I	18	44	23	56
93	Прущ II **	45	64,3	25	35,7
97	Сковарч	~125	50	~125	50

* Фактически процент ямных погребений на некрополях Немица, Варшково и, возможно, некоторых других несколько выше, чем указано в таблице, где учтены только датированные ямные могилы. Ямные погребения без инвентаря не приняты в расчет, поскольку неясна их хронология. В Варшкове из 239 погребений позднелатенского и раннеримского времени 117 не имели инвентаря, в Немице из 99 могил того же периода 53 были без вещей.

** E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 152.

сыпана остатками костра (например, в погребении 26 могильника Прущ плотно лежавшие кальцинированные кости были перекрыты остатками костра).

По-видимому, обряд захоронения кучки костей соответствует до некоторой степени кремациям в урнах, только вместо урны кости укладывали в какую-то не сохранившуюся упаковку.

Д. Бонзак указывает как на исключение отнюдь не большое количество захоронений кучек костей в могильнике Длуге⁵¹, где кучки костей лежали в каменных обкладках или без них. Захоронения кучек костей, лежавших на каменной вымостке по соседству со слоем остатков костра, представлены также на некрополях у Щецинека, Парсендзко и Мезим — все в Западном Поморье. Р. Волангевич считает, что только некрополя Западного Поморья свойственны безурновые погребения чистых кальцинированных костей в каменном ограждении⁵². Они встречаются здесь наряду с типичными оксывскими формами погребения в урновых и ямных могилах.

3. Ямные могилы. Количественно они преобладают. Благодаря их господству оксывская культура позднего латена имеет другое, широко распространенное в литературе название — «культура ямных могил». Однако следует заметить, что при общем преобладании

ямных погребений их соотношение с урновыми на отдельных некрополях довольно сильно колеблется. Это видно из следующих примеров (табл. 2).

По величине и форме ямы варьируют на различных некрополях и в отдельных погребениях. По данным Ю. Костшевского, ямы обычно имеют котловидную форму, круглую или овальную в поперечном сечении, диаметр у верхнего края 0,75—1 м. Дно лежит на глубине 0,75—1 м, верхний край — 0,25—0,4 м под поверхностью земли, редко мельче⁵³. Кроме того, имеются ямы вытянутой корытообразной формы, а также с пристроенным дном⁵⁴. Преобладание небольших овальных ям констатировано в могильниках Варшково, Новы Двор, Прущ. Исследователи последнего особо отмечают большие ямы, например у погребений 36, 56 (диаметр 80 см, глубина 60 см)⁵⁵. В отличие от небольших ям Пруща в Коникове представлены довольно большие и глубокие котловидные могилы⁵⁶.

Заполнение ямных могил состоит прежде всего из смешанной с землей черной или темно-коричневой массы остатков костра, которая иногда включает куски древесного угля. Кальцинированные кости и инвентарь находятся среди этой массы, вперемежку, без определен-

⁵³ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 220.

⁵⁴ D. Bohnsack, 1938, стр. 95.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ G. Magdalinski, 1924, стр. 145.

⁵¹ D. Bohnsack, 1938, стр. 93.

⁵² R. Wołagiewicz, 1963, стр. 292.

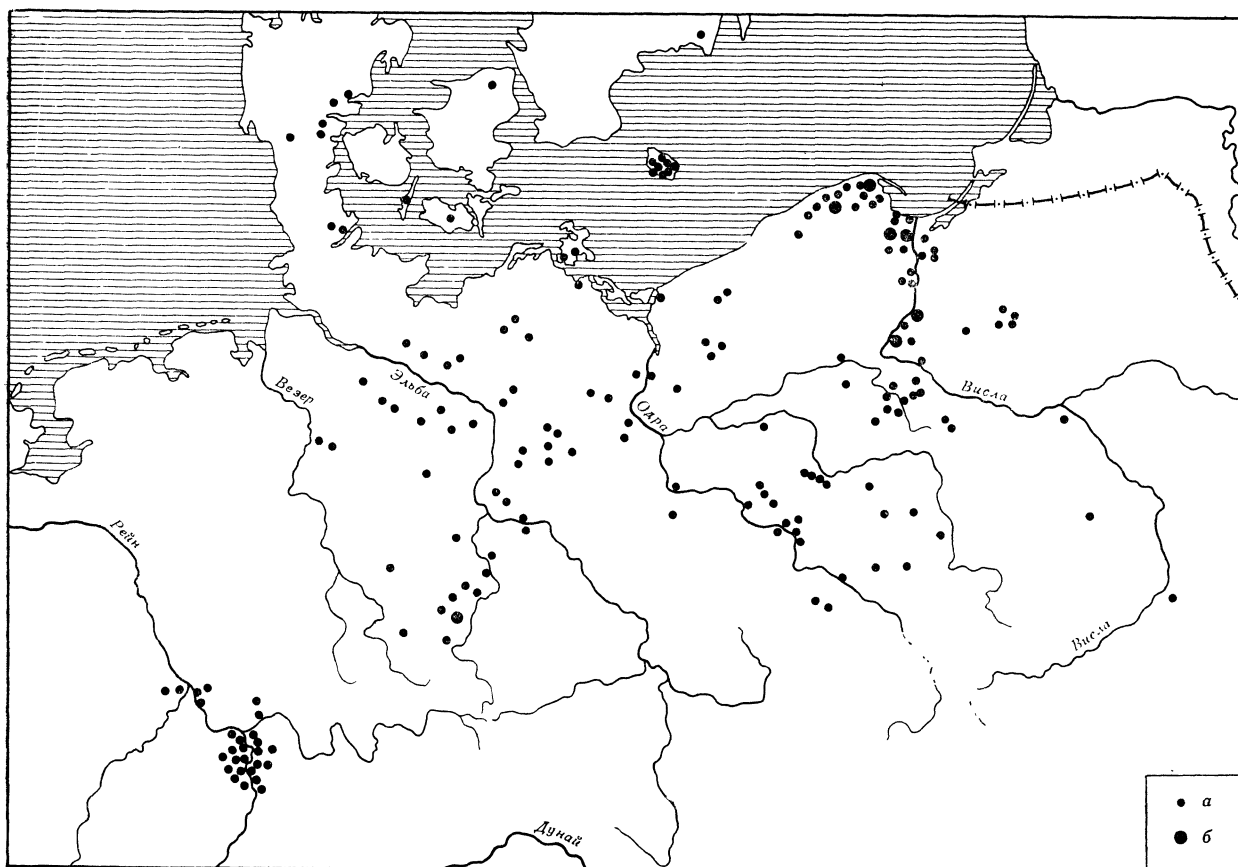

Рис. 5. Распространение некрополей с оружием в I в. до н. э.

а — местонахождение оружия; б — могильники с многочисленным оружием (по: М. Jahn, 1916, табл. I)

ного порядка. При этом количество кальцинированных костей часто очень незначительно. Маленькие сосуды-приставки по одному в могиле встречаются, как и в урновых могилах, редко. В виде исключения бывает по два сосуда (Варшково, погребения 64, 65, 76, 79, 294). Больше, чем по два сосуда-приставки в позднелатенских могилах оксывской культуры не имеется⁵⁷. Кроме сосудов-приставок, в могилах представлены также отдельные черепки и обломки других сосудов.

Довольно часто ямы заполнены только золой костра. Это явление интерпретируется различным образом. Некоторые исследователи считают, что кальцинированные кости растворились. По мнению К. Такенберга, в таких случаях погребена только одна часть костра, а прочая осталась без внимания. Пфютценрейтер объясняет это раздельным захоронением остатков костра и кальцинированных костей.

Незначительное количество кальцинированных костей в некоторых могилах с инвентарем и золой могло быть вызвано, по мнению Д. Бонзака, почти полным сгоранием останков умершего во время кремации⁵⁸.

В ямных могилах остатки кремации обычно лежат свободно в земле, но встречаются также выкладки дна ямы камнями (Прущ, Парсендзко и др.) и более часто — перекрытие могилы большими или мелкими камнями, которые иногда образуют каменные выкладки (например, Прущ, погребение 42). Встреченные в отдельных могилах большие камни (иногда весом в несколько центнеров)⁵⁹ первоначально, возможно, возвышались над поверхностью земли. Количество могил с камнями неодинаково на различных некрополях. Спорадически они встречаются на многих памятниках — Вель-

⁵⁸ D. Bohnsack, 1938, стр. 96.

⁵⁹ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 220; K. Voigtman, 1930, стр. 19.

⁵⁷ D. Bohnsack, 1938, стр. 95.

борк-Госцишев, Гроново, Бучек и др.⁶⁰ Почти как правило, один или несколько камней находились над могилами некрополей Жондз, Парсендзко и некоторых других⁶¹. Каменные вымостки над погребениями представлены в основном на могильниках Щецинекского повята. Здесь же некоторые могилы находятся между двумя каменными вымостками, т. е. вымостки подстилают и перекрывают могилу с кремацией⁶².

Кроме погребений, в некоторых могильниках встречены остатки очагов (например, Кониково — два очага, Жондз — 46 очагов), часть которых, возможно, связана с местами трупосожжения⁶³, а часть — с местами тризны, поскольку в них обнаружены кости животных (Жондз). Сведений о находках кальцинированных костей человека не имеется. В Жондзе очаги расположены по краю могильника, на наиболее высоком месте, имеют диаметр до 2 м и глубину до 1,5 м. В очажном слое содержатся уголь и камни, в том числе крупные, несущие следы воздействия огня. По мнению С. Ангера, большие камни в очаге способствовали притоку воздуха и наиболее интенсивному горению. Из вещей в очаге 412 Жондза найден железный нож, а в очаге 611 — несколько черепков толстостенного сосуда⁶⁴.

Вместе с умершим в огонь попадали предназначенные ему вещи. Кроме пережигания, вещи часто подвергались дополнительным механическим повреждениям — поломке или сгибанию. Особенно это относится к мечам, которые обычно согнуты в несколько колен. Число предметов в отдельных погребениях и относительное количество их на различных некрополях неодинаково. Вообще инвентарь в могилах довольно скуден. Например, в погребении 231 могильника Варшково обнаружено 92 предмета. Во многих погребениях бывает только по одному полулунному ножу или пряслицу⁶⁵. В целом урновые могилы сравнительно богаче инвентарем, чем ямные⁶⁶. Во многих урновых

погребениях Восточного Поморья представлено оружие. На некрополе Жондз обнаружено 60 могил с оружием, что составляет 24% всех погребений, датированных позднелатенским временем, или 14% могил, датированных точно. Мечи в Поморье обнаружены в 37% могил с оружием⁶⁷. Наиболее богатые захоронения содержат остатки полного комплекта военного снаряжения — умбон от щита, меч и копье⁶⁸. В конце позднелатенского времени появляются шпоры. Согласно М. Яну, наибольшее количество находок оружия в позднелатенское время приходится на некрополи низовьев Вислы и района, прилегающего с запада к Гданьской бухте (рис. 5)⁶⁹. В Западном Поморье оружие в могилы почти не клали. В дельте Вислы урновые могилы в основном связаны с погребениями мужчин, ямные — женщин и детей⁷⁰. Оружие находят в основном в урновых могилах. В Жондзе наиболее богатые женские погребения с бронзовыми сосудами располагались по соседству с мужскими могилами с оружием в центральной части некрополя⁷¹. Среди прочего инвентаря в погребениях представлены фибулы, в основном железные позднелатенской схемы, поясные крючки, пряжки, кольца, полулунные ножи, пряслица, иглы, булавы, редко бусы, пинцеты.

Остатки пищи и костей животных в оксывских могилах встречаются очень редко. Плоды орешника найдены в Парсендзко; кости животных — в пяти погребениях Жондза, два из которых не имели инвентаря, вследствие чего дата их не совсем определена⁷², зуб лошади — в могиле 17 Коникова⁷³.

Как исключения в позднелатенских оксывских могильниках отмечены два труположения. Они встречены на правом берегу Вислы — в некрополях Жондз и Лазы⁷⁴.

В конце позднелатенского периода в Поморье появляются погребения с надгробиями в виде вертикально стоящих каменных валунов — стел. Рядом с могилой, содержащей трупосожжение, или над ней устанавливался продолговатый валун, возвышавшийся на 1 м над поверхностью земли. Подземная часть стелы часто закреплялась вымосткой из мелких камней, окаймлявших основание валуна. Стелы в Поморье отмечены в Оксывском

⁶⁰ J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 220; K. Voigtman, 1930, стр. 19.

⁶¹ S. Anger, 1890, стр. 5; J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 220.

⁶² J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 221.

⁶³ Как места для сожжения рассматривает Д. Клейст большие очажные ямы, перекрытые двумя-тремя обожженными камнями, на некрополях района Славно (D. Kleist, 1955, стр. 16).

⁶⁴ S. Anger, 1890, стр. 54.

⁶⁵ D. Bohnsack, 1938, стр. 93.

⁶⁶ Так, например, в Жондзе 71 урновая могила содержала 249 предметов (в среднем три с лишним предмета на могилу), в то время как в 757 ямных могилах (частично римского времени) найден 1371 предмет (в среднем один-два предмета на могилу). Урновые могилы неодинаково снабжены инвентарем. В Жондзе 10 урновых погребений из 71 не имели ме-

таллических предметов, в Хелмно — 7 из 30 (K. Godtowski, 1960, стр. 29).

⁶⁷ K. Godtowski, 1960, стр. 24—25.

⁶⁸ W. La Baume, 1926, стр. 4.

⁶⁹ M. Jahn, 1916.

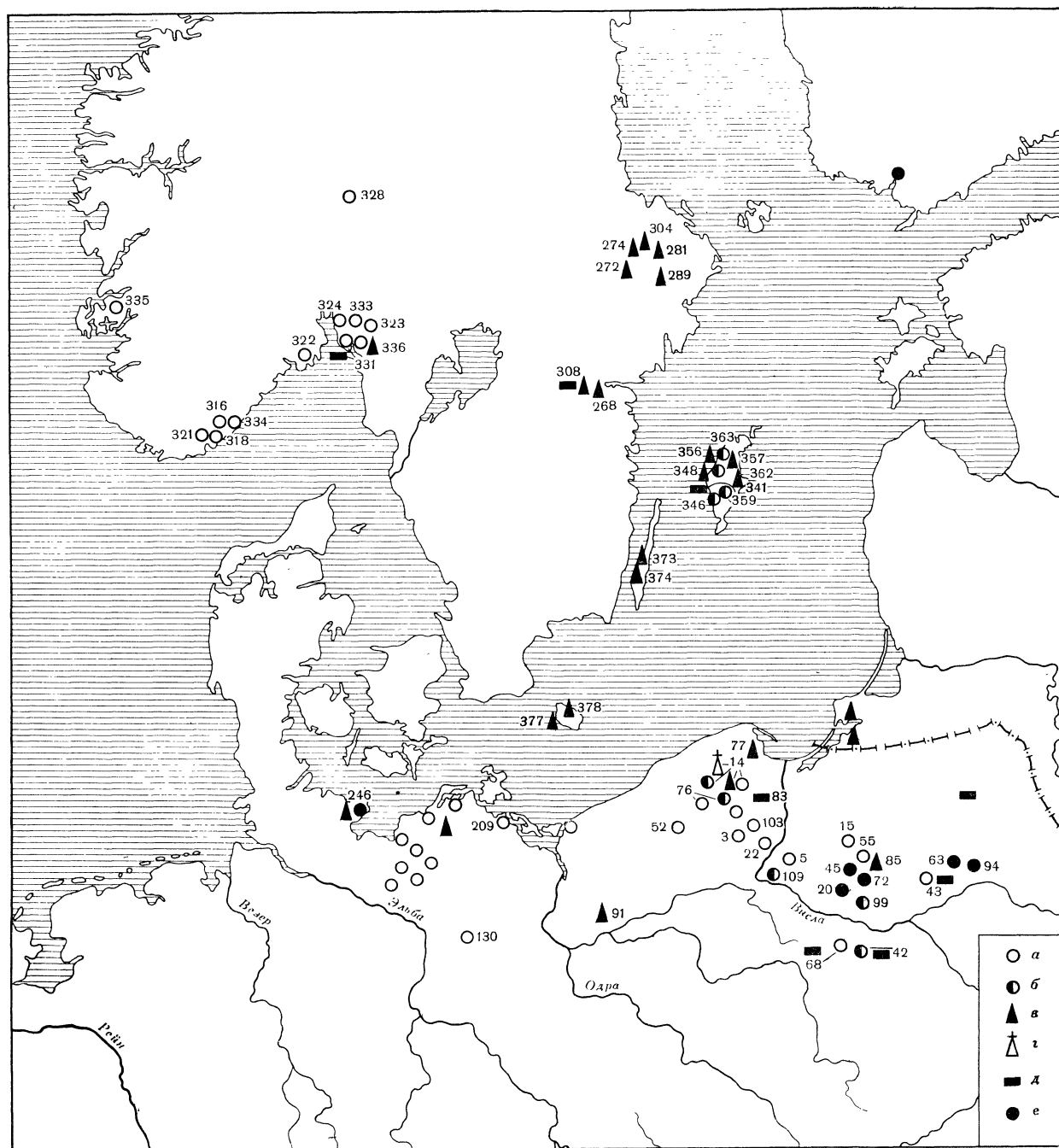
⁷⁰ R. Schindler, 1937, стр. 37; Он же, 1940, стр. 103.

⁷¹ R. Hachmann, 1950—1951, стр. 85; K. Godtowski, 1960, стр. 29.

⁷² J. Kostrzewski, 1918—1919, стр. 226.

⁷³ G. Magdalinski, 1924, стр. 153.

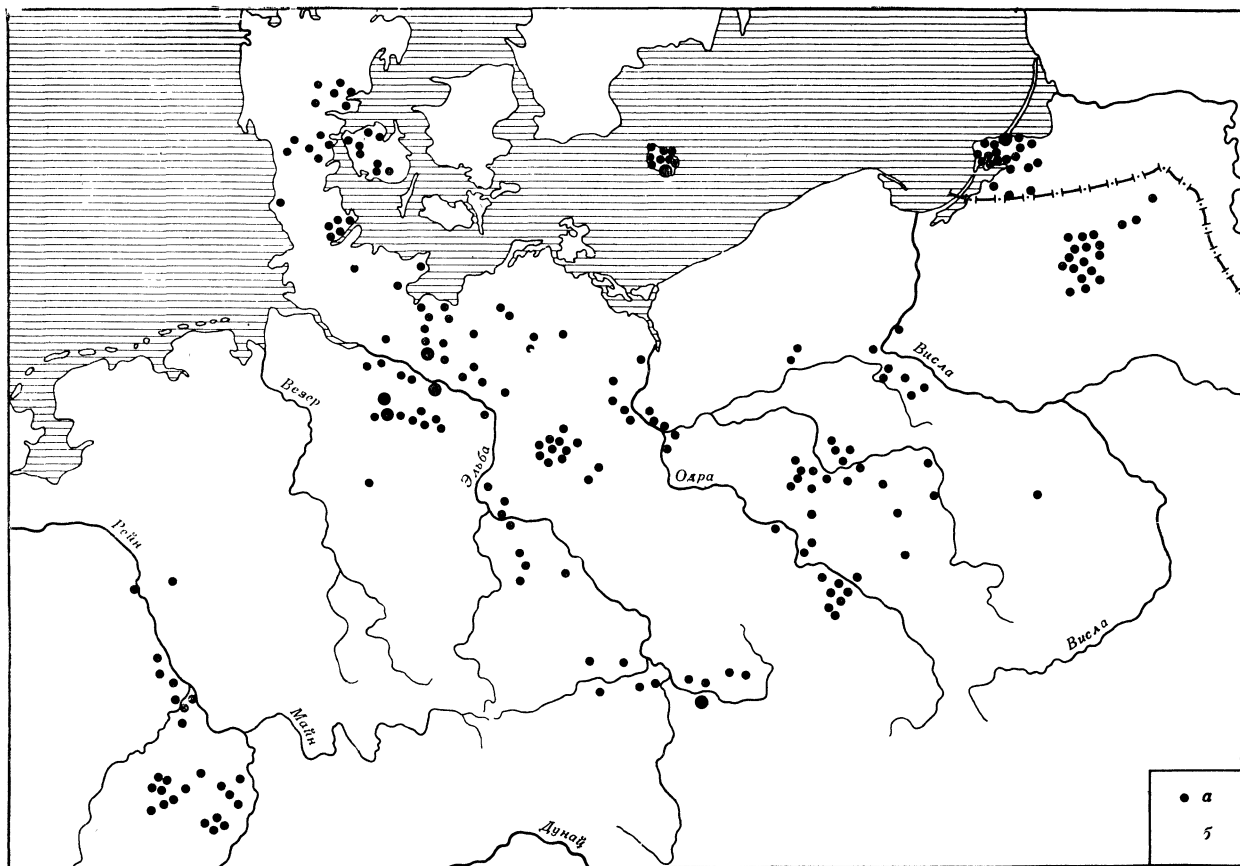
⁷⁴ J. Kostrzewski, 1962, стр. 41; Он же, 1936а, стр. 180.

Р и с. 6. Распространение надгробий в виде каменных курганов, кругов, вымоеток и стел
(по: J. Kmicinski, 1962)

а — каменные круги; б — концентрические круги; в — каменные стелы; г — каменные стелы над труположениями; д — прямоугольные курганы и вымоетки; е — вымоетки, окруженные сомкнутым кругом из камней

Цифры соответствуют номерам памятников на рис. 1

Р и с. 7. Распространение могильников с оружием в I—II вв. н. э.

а — местонахождения оружия; б — некрополи с многочисленным оружием (по: М. Jahn, 1916, табл. II)

могильнике у четырех погребений позднелатенского времени. Эти столбообразные камни стояли посреди округлых каменных вымосток и были скрыты под землей, лишь несколько возвышаясь над ее поверхностью⁷⁵. Позже, в римский период, они появились и в Повисленье (рис. 6)⁷⁶.

Погребальный обряд оксывской культуры римского времени существенно отличается от обряда предшествующего периода. Изменения происходят на рубеже новой эры. Основным из них было появление биритуализма. Наряду с традиционными, характерными для I в. до н. э. захоронениями остатков кремаций в ямных и урновых могилах, в тех же самых могильниках распространяются погребения с труположениями. Численное соотношение захоронений, совершенных по обряду кремации и ингумации, на разных памятниках и в различные отрезки римского времени было неодинаково. Однако

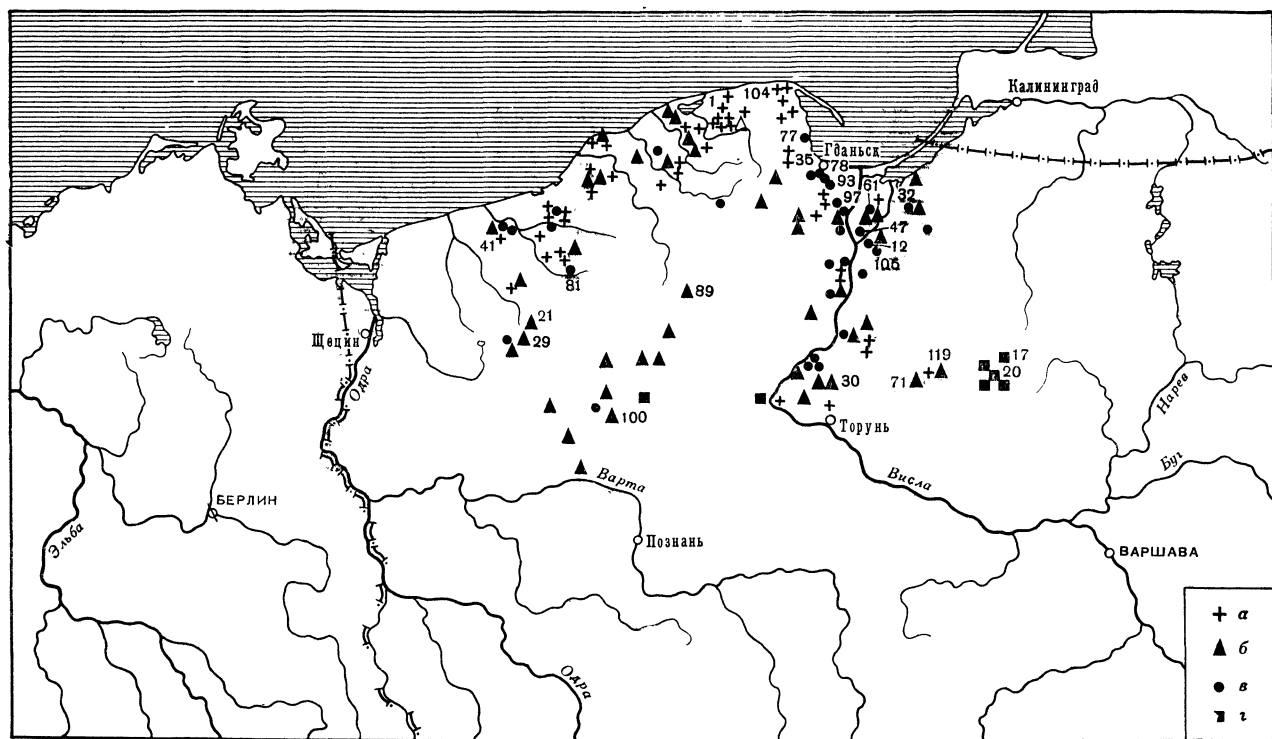
в целом на всем протяжении римского периода количественно преобладали погребения с трупосождениями. В римское время несколько изменяется соотношение ямных и урновых погребений с кремациями. Количество урновых в I в. н. э. сначала относительно уменьшается по сравнению с I в. до н. э., а затем, во второй половине II в. н. э., резко возрастает.

По сравнению с позднелатенским временем в римский период становится другим набор вещевого инвентаря. Оружие (мечи, наконечники копий и дротиков, умбоны щитов), часто находимое в позднелатенских урновых могилах, в погребениях римского времени отсутствует (рис. 7). Из предметов вооружения только изредка встречаются по одной или по две шпоры в богатых захоронениях. Оружие пшеворских форм — однолезвийные мечи, копы и дротики — находят изредка в могильниках южной части Поморья — в Хелмне и Славянове⁷⁷, к позднеримскому времени относится

⁷⁵ D. Bohnsack, 1940, стр. 22.

⁷⁶ J. Kmiecinski, 1962, стр. 166; Он же, 1962а.

⁷⁷ М. Jahn, 1916, стр. 10, 11.

Р и с. 8. Изменения в локализации некрополей оксывской культуры в I в. н. э. (по: R. Schindler, 1940, карта 5; E. G. Oxenstierna, 1945, рис. 128)

а — некрополи, которые перестали использовать около рубежа н. э., б — могильники, возникшие в I — первой половине II в. н. э.; в — могильники I в. до н. э., которые продолжали использовать в I в. н. э.; г — могильники с чертами пшеворской культуры

копье, найденное в Ковалеве⁷⁸. Кроме того, единичные погребения с оружием, датированные I и I—II вв. н. э., известны на трех некрополях Западного Поморья (Леково, Прусиново и Хварстно)⁷⁹. По-видимому, эти находки объясняются связями с населением пшеворской культуры и германскими племенами междуречья Одры — Эльбы, у которых в римское время бытовал обычай класть в могилы предметы вооружения.

По сравнению с позднелатенским периодом в римское время более богатым становится инвентарь женских погребений, содержащий главным образом украшения из бронзы, реже — серебра и золота, стеклянные и янтарные бусы, пряслица и др. Мужские погребения, наоборот, бедны и в раннеримское время часто не имеют вещей.

На рубеже нашей эры прекращается захоронение в некоторых небольших могильниках (Жукчин, Копанево и др.), и в то же время возникают новые кладбища (Дубельно, Вроцлавки, Польница, Скоршево, Лазы и др.)

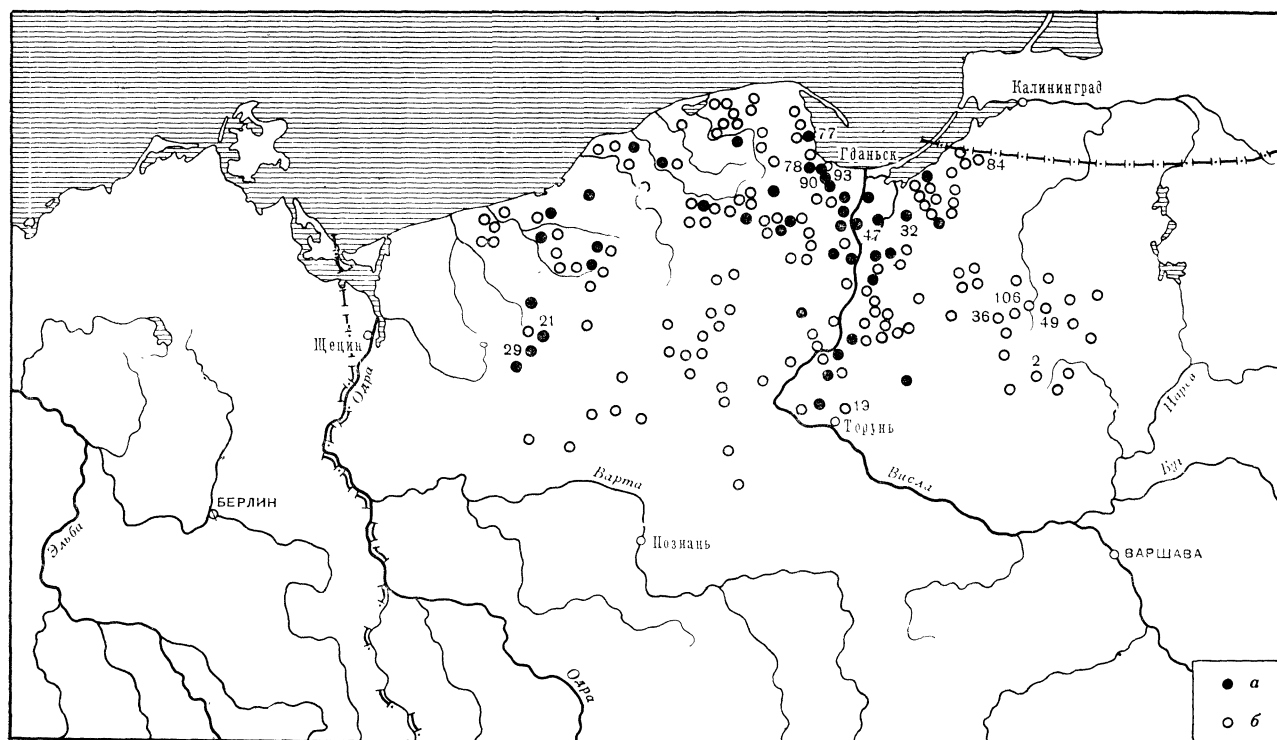
(рис. 8). По данным Р. Шиндлера и Ю. Костшевского, около 20 некрополей перестают существовать и 15 возникают⁸⁰. Наиболее крупные некрополи низовий Вислы (Поланки, Прущ, Тчев, Эльблонг, Жондз и др.) продолжали использоваться и в раннеримское время. По внешнему облику большинство некрополей римского времени не отличается от позднелатенских кладбищ. Это обычные грунтовые могильники, не имеющие сейчас каких-либо наземных признаков. Однако помимо них, во второй половине I—II в. н. э. возникает ряд некрополей с каменными надгробиями в виде колец, курганов, стел, вымосток (рис. 6). Число их относительно невелико, а облик каменных конструкций находит аналогии среди позднелатенских и раннеримских каменных надмогильных сооружений юга Скандинавского полуострова, островов Готланд, Эланд, и Борнхольм⁸¹. На этих некрополях, кроме погребений под каменными надгробиями, представлены грунтовые захоронения, не имеющие

⁷⁸ J. Kostrzewski, 1939—1948, стр. 328, 344.

⁷⁹ M. D. i R. Wołgiewiczowie, 1963, стр. 70.

⁸⁰ R. Schindler, 1940, стр. 122—131; J. Kostrzewski, 1964, стр. 117.

⁸¹ J. Kmiecinski, 1962, стр. 163—168.

Р и с. 9. Увеличение количества некрополей оксывской культуры к концу II — началу III в. н. э. (по: R. Schindler, 1940, карта 6; E. G. Oxenstierna, 1945, рис. 144)

а — могильники, использовавшиеся еще в I в. н. э.; б — могильники, возникшие около 100 или 150 г. н. э.

наземных признаков, идентичные погребениям основной массы оксывских грунтовых могильников⁸². Количество некрополей на территории оксывской культуры в различные периоды римского времени не было неизменным. К I — первой половине II в. н. э., по данным Р. Шиндлера, относится 91 памятник, многие имеют погребения позднелатенского времени⁸³. Во второй половине II — начале III в. н. э. число некрополей достигает, по данным того же автора, 205. Многие из них были новыми. В это же время новые некрополи появляются на возвышенных и лесных местах Поморья, до этого почти неосвоенных (рис. 9)⁸⁴. Резкое увеличение количества памятников во второй половине II в. н. э. некоторые исследователи (Р. Шиндлер, В. Ла Бом, В. Хейм) связывают с переселением в Поморье гепидов. К поздне-римскому периоду (III—IV вв. н. э.), по сводке Р. Шиндлера, относится только 120 памятников, частично новых. Такое значительное уменьшение количества памятников некоторые авторы (Г. Коссинна, В. Ла Бом, Г. Энгель,

Р. Шиндлер) объясняют уходом большей части готов на юг.

Переходим к характеристике обряда ингумаций. Погребения с трупоположениями всегда находятся на одних некрополях с кремациями. В I в. н. э. трупоположения локализуются в довольно ограниченном числе памятников в районах, прилегающих к дельте Вислы, Гданьской бухте и морскому побережью западнее Вислы (Оксыва, Поланки, Вжеш, Прущ, Лазы, Тчев, Эльблонг, Вельборк-Госцишев, Жондз, Сковарч, Лубовиджа, Липники и др. — рис. 10). На некоторых некрополях (Лазы, Прущ) количество трупоположений довольно велико. По данным Р. Шиндлера, могилы с трупосождениями I в. н. э. на некоторых памятниках составляли только 25—30% общего количества погребений⁸⁵. Показателен могильник Прущ, где на 10 ямных захоронений с кремацией раннеримского времени приходится 50 ингумаций⁸⁶. Однако такое соотношение характерно не для всей территории оксывской культуры. В южной ее части трупоположения представлены весьма спорадически и относят-

⁸² J. Kmiecinski, 1968.

⁸³ R. Schindler, 1940, стр. 122—131.

⁸⁴ Там же, стр. 99.

⁸⁵ R. Schindler, 1940, стр. 98.

⁸⁶ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 150.

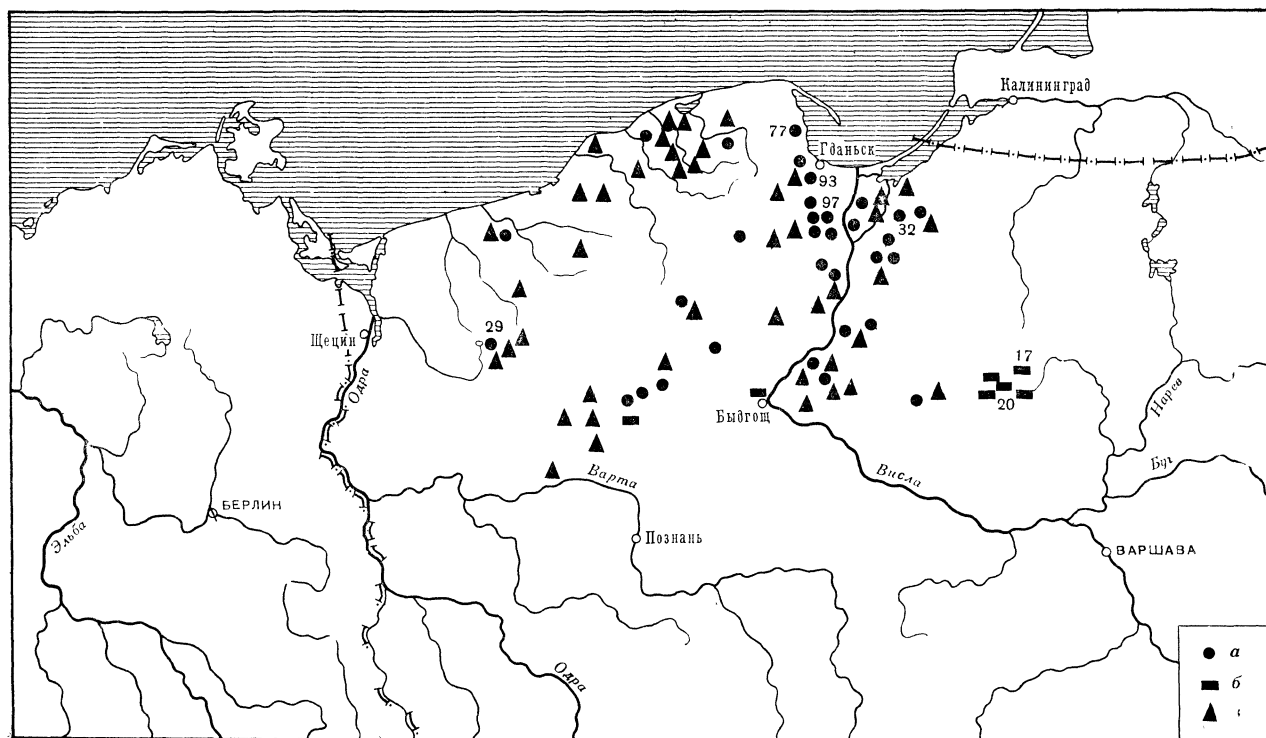

Рис. 16. Распространение некрополей с труположениями в I в. н. э. в Повислье (по: *E. G. Oхеп s tierna*, 1945, рис. 124)

а — могильники с труположениями; *б* — могильники с чертами пшеворской культуры; *в* — могильники, содержащие только погребения с трупосожжениями, без труположений

ся к концу I в. н. э. В начале II в. н. э. число ингумаций несколько увеличивается. Резкое возрастание количества труположений происходит с середины II в. н. э. В III в. н. э. их количество снова несколько уменьшается. В районе восточнее Вислы во все периоды господствовала кремация, и количество погребений с труположениями здесь невелико. На многих некрополях их вообще нет (Звержево, Пешхали, Томарыны, Бартки и др.).

Распространившийся обряд ингумации, сохраняя ряд особенностей на протяжении всего римского периода, с течением времени претерпел некоторые изменения в отдельных элементах ритуала и составе погребального инвентаря. Этот обряд был преимущественно связан с захоронениями женщин. В инвентаре погребений с труположениями на первом месте стоят украшения.

По данным Р. Шиндлера, 80% погребений с ингумациями на некрополях устья Вислы были погребениями женщин⁸⁷. Среди немногочисленных мужских погребений встречаются

богатые (Жондз, Осек, Сельново и др.)⁸⁸, но большинство снабжено очень скудным инвентарем или совсем не имеет вещей. Из 61 погребения с труположением, вскрытого в могильнике в Одрах, только семь захоронений III в. н. э. со шпорами были мужскими. Остальные 54 — скорее всего захоронения женщин и детей⁸⁹.

Погребения с труположениями располагаются в прямоугольных или вытянутых овальных ямах. Глубина могильных ям весьма неодинакова как у отдельных погребений одного и того же некрополя, так и у захоронений на различных памятниках. В основном она колеблется от 0,5 до 2 м (Лазы, Гостково, Цепле, Доброцин и др.). Более богатые могилы глубже бедных. Обычно захоронения с труположениями покоятся на большей глубине, нежели одновременные им погребения с трупосожжениями. При вертикальном разрезе могильники выглядят как бы двуслойными: верхний

⁸⁸ W. La Baume, 1928, стр. 39; H. Günther, 1922, стр. 100—109; Kaphan, 1913, стр. 212.

⁸⁹ J. Kmiecinski, 1968, стр. 132; M. Czyżewska, R. Dragan, 1966, стр. 114.

⁸⁷ R. Schindler, 1940, стр. 103.

горизонт могил представлен кремациями, нижний — ингумациями. Четкая закономерность в локализации могильных ям на территории большинства некрополей не прослежена. Погребения — кремации и ингумации — обычно расположены вперемежку, без видимого порядка, на различном расстоянии друг от друга, образуя иногда отдельные скопления. При плотном расположении могил более поздние захоронения иногда прорезают ранние. Примером могут служить погребения Вельборк-Госцишева, где неоднократно наблюдалось вкапывание ямных могил с кремацией в мелко лежащие погребения с труположениями того же времени⁹⁰. На некоторых некрополях (Лазы, Гостково, Дембчино) отмечено расположение ингумаций рядами.

На поверхности могилы теперь не имеют надгробий за редкими исключениями. К такому относятся небольшие каменные вымостки над отдельными погребениями Оксывского и Пруцкого могильников, напоминающие аналогичные сооружения некрополей Готланда⁹¹. Довольно редки подземные перекрытия могил камнями, образующими подобие вымосток. Примером может служить одно из погребений некрополя Эльблонг I (Поле Новомейске), где над погребенным в могиле находилась вымостка длиной 1 м и шириной 0,5 м, сложенная из камней величиной с кулак⁹². Подобие вымосток наблюдалось на некрополе II—III вв. н. э. в Гостково, где захоронения на глубине 0,6—1 м были прикрыты одним, двумя или четырьмя большими камнями (рис. 11)⁹³. Каменные перекрытия известны также над труположениями под курганами второй половины I—II в. н. э. некрополей Одры и Венсеры, более подробная характеристика которых будет дана ниже.

Значительно чаще камни на грунтовых кладбищах находятся около костяков, располагаясь без строго определенного плана или образуя каменные обкладки. Большие и средней величины камни встречаются довольно часто в могилах некрополей раннеримского времени на левобережье низовой Вислы. Так, они обнаружены в большом числе погребений могильников Пруц, Сковарч и др.⁹⁴ На правобережье Вислы камни в могилах представлены реже (отдельные погребения некрополей Вельборк-Госцишев, Эльблонг и др.)⁹⁵.

Положение камней в могилах было весьма различным. Так, в могильнике Сковарч большая часть погребений имела обкладки из камней, лежавших без определенного порядка⁹⁶. В противоположность этому, вокруг погребения некрополя Осек шла довольно правильная прямоугольная обкладка из плотно лежавших камней⁹⁷. В отдельных погребениях камни лежат в одиночку или группами, иногда в определенном порядке, рядом с костяком, над или под отдельными его частями. В погребении у Мехенцино камни находились по углам могилы⁹⁸. В одном из погребений Пруца череп лежал на плоском камне⁹⁹, в другом погребении кости голени были зажаты между двумя камнями¹⁰⁰. В одном из погребений глубиной 1 м кости ног находились между камнями, вокруг черепа было положено четыре больших камня, а под скелетом от головы до таза шел ряд камней размером с кулак и несколько более¹⁰¹. На этом же некрополе открыто погребение, в котором возле костей таза помещался камень средней величины, а остатки выявленной здесь деревянной колоды-гроба снизу были обложены мелкими камнями¹⁰². В парном погребении под скелетами находились мелкие булыжники, и несколько булыжников лежало вокруг скелетов. На некрополе Эльблонг I (Поле Новомейске) в одном погребении было по одному большому камню справа и слева от черепа, в другом — большой камень над коленями, в третьем — камень длиной 0,75 м, находившийся недалеко от костяка и перекрывавший могилу¹⁰³. На другом некрополе в Эльблонге большие камни в отдельных погребениях находились чаще у ног, но никогда не лежали непосредственно рядом с костями¹⁰⁴. В отличие от этого погребение девочки в Сковарче было так заложено большими камнями, что кости ног оказались полностью раздавленными¹⁰⁵. В Дембчино камнями был перекрыт череп погребения¹⁰⁶. В ряде случаев (Эльблонг I) рядом с камнями, над и под ними встречены кусочки угля и фрагменты глиняных сосудов.

Камни и вымостки отсутствуют во многих погребениях некрополей оксывской культуры римского времени. Их нет в большинстве захоронений могильников правобережья Вислы. Малое количество каменных вымосток в

⁹⁰ K. Voigtman, 1929, стр. 70.

⁹¹ J. Kostrzewski, 1939—1948, стр. 330; R. Schindler, 1939, стр. 39.

⁹² S. Anger, 1880, стр. 111.

⁹³ T. Waga, 1932, стр. 55.

⁹⁴ R. Schindler, 1939, стр. 38—48; M. Pietrzak, 1971, стр. 77.

⁹⁵ R. Schindler, 1939, стр. 48; S. Anger, 1880, стр. 111; W. Neugebauer, 1938, стр. 106.

⁹⁶ R. Schindler, 1939, стр. 48.

⁹⁷ H. Günther, 1922.

⁹⁸ O. Dibbelt, 1938, стр. 94.

⁹⁹ R. Schindler, 1939, стр. 45.

¹⁰⁰ W. La Baume, 1934, стр. 112, рис. 54.

¹⁰¹ R. Schindler, 1939, стр. 41.

¹⁰² Там же, стр. 40.

¹⁰³ S. Anger, 1880, стр. 111.

¹⁰⁴ W. Neugebauer, 1938, стр. 106.

¹⁰⁵ R. Schindler, 1939, стр. 51.

¹⁰⁶ H. J. Eggers, 1937, стр. 174

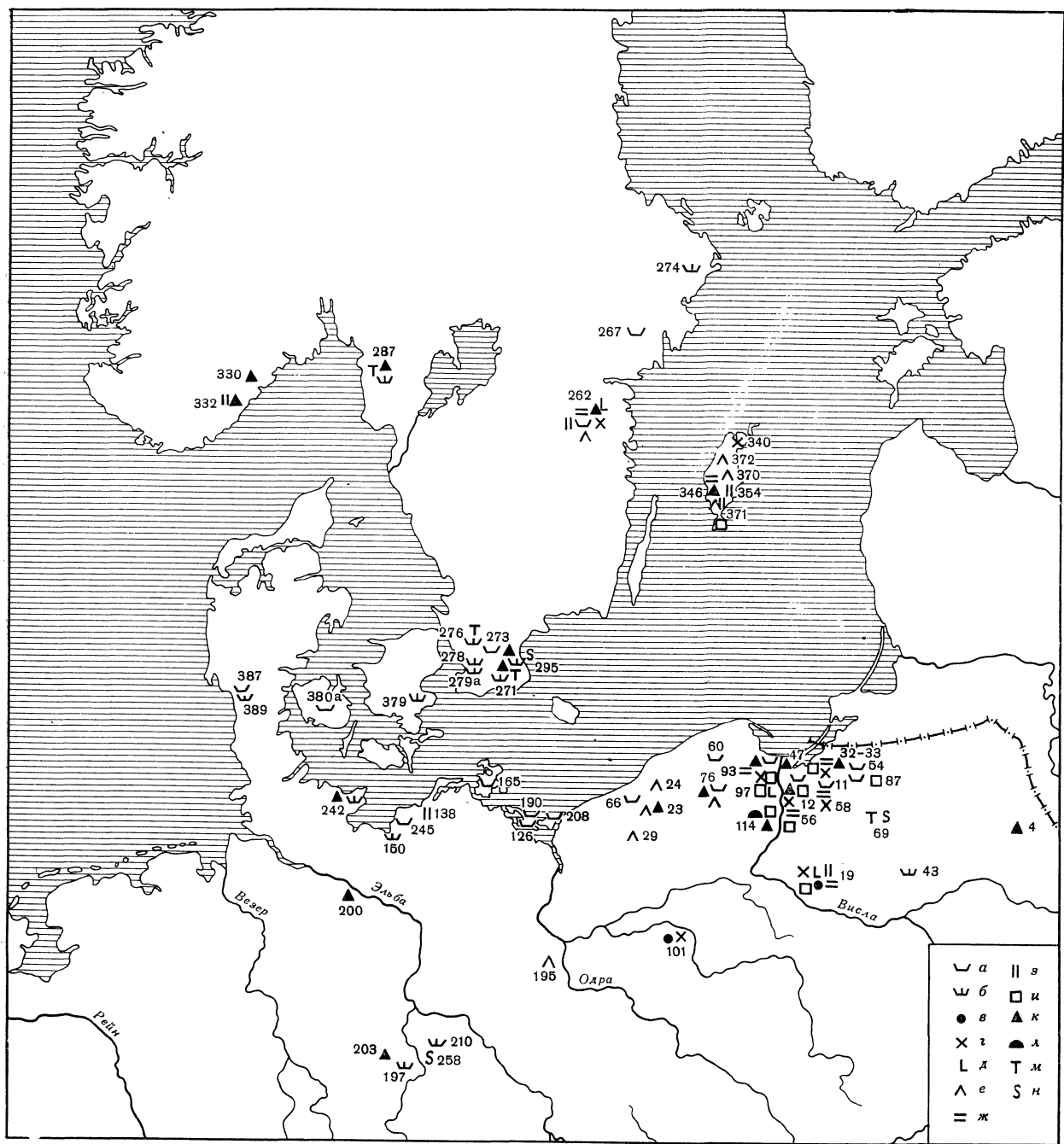

Рис. 12. Особенности ритуала погребений с труположениями римского времени

- а — остатки деревянных гробов или колод в погребениях раннеримского периода; ж — парные погребения с покойниками, уложенными друг на друга;
- б — то же в погребениях позднеимского времени; з — парные погребения, в которых скелеты лежат рядом;
- в — отсутствие гробов или колод; и — ритуально разрушенные и расчлененные погребения;
- г — отдельные костяки с перекрещенными ногами; к — углистая подсыпка в могилах;
- д — костяки, лежащие на спине, с подогнутыми ногами; л — кусочки красноватой краски в погребениях;
- е — костяки скорчены на боку, кисти рук перед лицом; н — прослойка глины на дне могил;
- ж — парные погребения с покойниками, уложенными друг на друга;
- з — парные погребения, в которых скелеты лежат рядом;
- и — ритуально разрушенные и расчлененные погребения;
- к — углистая подсыпка в могилах;
- л — кусочки красноватой краски в погребениях;
- н — прослойка глины на дне могил;

Повисление, возможно, объясняется недостатками старых исследований¹⁰⁷.

В погребениях некоторых некрополей, особенно в низовьях Вислы, выявлены остатки деревянных гробов или колод (Веклице, Вельборк-Госцишев, Лубовиджа, Половите, Прущ и др. — рис. 12). Из-за плохой сохранности дерева их размеры и форма известны только в немногих случаях. Например, одно из захоронений некрополя Прущ было совершено в деревянном гробу (колоде) длиной 3 м и шириной 0,6 м¹⁰⁸. Подмечено, что торцы колод в этом могильнике были закруглены, и только в одном случае обнаружены следы колоды четкой прямоугольной формы¹⁰⁹. Во многих некрополях остатки гробов не прослеживались (Лазы)¹¹⁰ или захоронения производились без гробов (Слопаново)¹¹¹. Как считает Б. Зелонка, на кладбище Гостково, возможно, использовалась какая-то органическая подстилка в погребениях, при сгнивании которой костяки приняли неровное положение¹¹².

Как правило, в оксывских могильниках погребения содержат останки одного покойника. Парные погребения представлены лишь единицами (Вельборк-Госцишев, Липники, Прущ, Цепле и др.)¹¹³. Часть из них составляют погребения женщины с ребенком (Гостково)¹¹⁴.

Положение умерших в могилах прослежено далеко не во всех некрополях и погребениях, что объясняется во многих случаях плохой сохраняемостью костяков в песчаном грунте (Вельборк-Госцишев, Дембчино, Дзерженцин).

Для погребенных характерны две основные позы: а) на боку — более или менее скорченно, изредка — вытянуто; б) на спине — вытянуто (рис. 13, табл. 3). В Сковарче встречено богатое женское погребение конца II в. н. э. По мнению Р. Шиндлера, положение покойницы несколько необычно — на спине, скорченно; с поднятыми кверху коленями¹¹⁵. Возможно, такая поза не была единичной.

На многих некрополях представлены труположения обоих видов — и вытянутые на

спине, и скорченные на боку. Однако иногда они встречаются и по отдельности, например на некрополях II—III вв. н. э. Гостково и Слопаново обнаружены только вытянутые на спине труположения. В целом предположительно, по-видимому, можно утверждать, что труположения на боку более свойственны раннеримскому времени, хотя не прекращаются и в позднеримский период (Концевице, Прущ, Дембчино, Дзерженцин). Изредка представлены труположения на животе (Лазы, Вельборк-Госцишев, Цепле).

Данные о расположении конечностей погребенных не всегда имеются, часто они не фиксируются из-за плохой сохранности скелетов. При положении на боку ноги обычно более или менее согнуты в коленях (Лазы, Цепле, Дравско и др.), иногда сильно согнуты, почти подтянуты к груди (Лазы, Цепле, Прущ) и в некоторых случаях вытянуты (Лазы, Эльблонг II). При этом все указанные разновидности могут встретиться на одном памятнике.

Прослеженная в ряде случаев сильная скорченность, возможно, свидетельствует, как считает В. Ла Бом, о связывании умершего¹¹⁶. На некоторых некрополях (Лазы, Эльблонг II, Слопаново — погребения II в. н. э., Гостково — рубеж II—III вв. н. э.)¹¹⁷ обнаружены захороненные с перекрещенными голенями (рис. 12). При этом погребенный в Лазах лежал на животе, а в Слопаново и Гостково — на спине. У погребенных в Эльблонге II левая нога часто лежала на правой¹¹⁸. Перекрещенное расположение ног отмечается также у погребенных, лежавших на боку скорченно (Лазы — I — первая половина II в. н. э.). Поза рук различна. У покоящихся на спине руки обычно вытянуты вдоль корпуса. Кроме того, отмечается скрещенное расположение предплечий на груди, или одна рука может быть подогнута или положена на грудь и др. У захороненных на боку руки могут быть вытянуты вдоль тела, а также более или менее согнуты. Встречается локализация кистей согнутых рук против лицевой части черепа (Одры, Дравско, Дембчино, Дзерженцин), а также — под головой (Прущ). У сильно скорченных погребенных некрополя Лазы кисти рук лежали на коленях.

Ориентировка погребенных не была строго стабильной. Большинство захороненных обращены головой на север (Половите, Вельборк-Госцишев, Гостково, Прущ и др.). Довольно часто наблюдаются ориентировки на северо-запад (Лазы, Слопаново, Дравско, Гостково,

¹⁰⁷ F. Jakobson, 1927, стр. 127—128; K. Voigtman, 1929, стр. 70; W. Antoniewicz, 1951, стр. 46; W. Gaerte, 1928, стр. 372; Он же. 1929, стр. 165; C. Engel, 1930, стр. 7; W. La Baume, 1940, стр. 44; A. Dymaczewski, 1964, стр. 116.

¹⁰⁸ R. Schindler, 1939, стр. 40.

¹⁰⁹ M. Pietrzak, 1971, стр. 77.

¹¹⁰ W. Heym, 1937, стр. 62.

¹¹¹ K. Przewoźna, 1955, стр. 130. Этот некрополь находится на южной периферии оксывского ареала и имеет некоторые черты пшеворской культуры.

¹¹² B. Zielonka, 1954, стр. 81.

¹¹³ K. Voigtman, 1929, стр. 70; R. Schindler, 1939, стр. 47; 48; A. Schmidt, 1902, стр. 102.

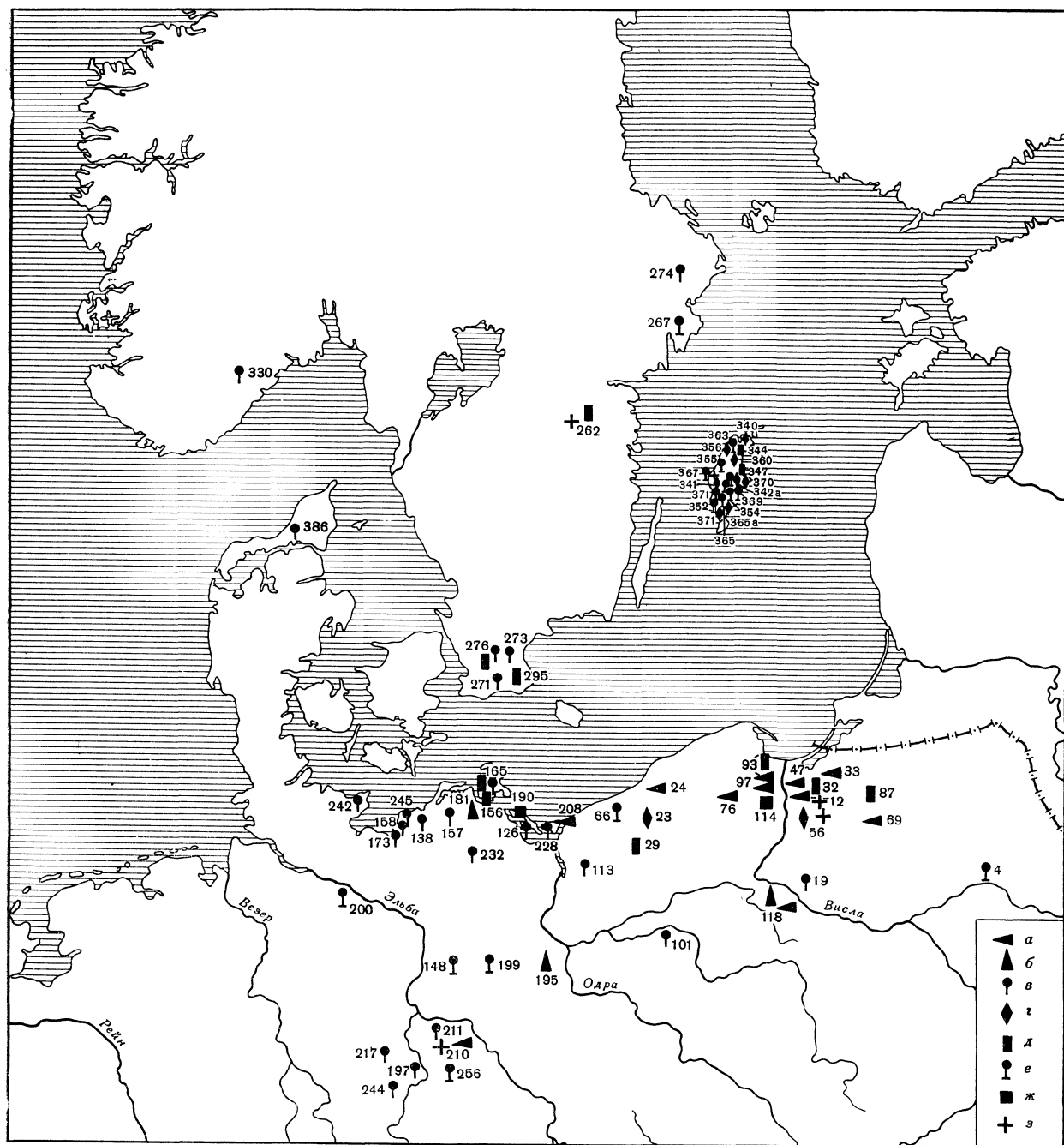
¹¹⁴ T. Waga, 1932, стр. 55.

¹¹⁵ R. Schindler, 1938, стр. 1.

¹¹⁶ W. La Baume, 1934, стр. 112.

¹¹⁷ W. Heym, 1937, стр. 62; K. Przewoźna, 1955, рис. 45

¹¹⁸ W. Neugebauer, 1938, стр. 106.

Р и с. 13. Положение костяков в погребениях

а — погребенные лежат и на спине, и на боку, количественное соотношение тех и других неизвестно; б — погребенные лежат на боку; в — погребенные лежат на спине; г — преобладание погребенных, лежащих на боку; д — преобладание погребенных, лежащих на спине; е — единичные погребенные, лежащие на спине; ж — приблизительно равное количество костяков, лежащих на боку и на спине; з — погребенные, уложенные на живот

Таблица 3

Положение костяков в грунтовых погребениях оксывской культуры

№ на карте	Название памятника	Дата, вв. н. э.	Общее число погребений	На боку скорченное			На боку вытянутое	На спине вытянутое	На животе	Неопределенное или нет данных	Примечание
				на боку без уточнения	на правом	на левом					
12	Вельборк-Госцишев	I—IV	Несколько сот	Костяки очень плохой сохранности				+ ^{*1}	+		
13	Вельборк-Мальборк	III—IV	12							12	Погребения перекопаны и разрушены
19	Гостково	Вторая половина II—III	33					33			1 погребение с подогнутой ногой; 1 погребение женщины с ребенком
23	Дембчино	III—IV	11		4					7	Кисти рук двух погребенных лежат перед лицом
24	Дзерженцин	III—IV	26		1			2		22	Кисти рук у бедер (погребение 1); перед лицом (погребение 4), правая рука вдоль туловища, левая — согнута, кисть — на тазе (погребение 5)
29	Дравско	I—II	8		1 (кисти рук перед лицом)			7			
32	Эльблонг I (Поле Новомейске)	I—IV	Свыше 80	+				++ ^{*2}			
33	Эльблонг II	I—IV (в основном вторая половина II)	Около 50	+				++			Есть погребения с перекрещенными ногами
56	Лазы	I—II	27	14	++	+	3	4	1 с перекрещенными ногами	5	Кисти рук трех сильно скорченных погребенных лежат на коленях
93	Прущ ^{*3}	I—III	85		+	+		++			Кости конечностей вытянуты, иногда согнуты
	Прущ ^{*4}	I—IV	Несколько десятков?	+	+			+			
97	Сковарч ^{*5}	I—IV		+				+			1 погребение на спине с подогнутыми ногами
101	Слопаново	Вторая половина II — начало III	11					11			1 погребение с перекрещенными ногами
114	Цепле	II — начало III	96		15	1		18		62	
118	Щитно	Середина II	1		1						

^{*1} Знак + означает наличие позы.^{*2} Знак ++ означает преобладание позы.^{*3} По данным раскопок М. Петшака (*M. Pietrzak*, 1971).^{*4} По данным, опубликованным Е. Оксенштирлой (*E. G. Oxenstierna*, 1945), О. Рохна (*O. Rochna*, 1942), Р. Шиндлером (*R. Schindler*, 1939).^{*5} Общее число погребений некрополя Сковарча около 700, отдельно количество труположений и трупосожжений в известной нам литературе не указано, как и хронологическое членение погребений.

Таблица 4

Соотношение ориентировок погребенных оксывской культуры

№ на карте	Памятник	Общее число учтенных погребений	С		СЗ		СВ		З		В		ЮВ, Ю, ЮЗ		
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	
11	Веклице	8	3	(кости остальных не сохранились)											
12	Вельборк-Госци- шев	Несколько сот	большинство												
13	Вельборк-Мальборк	12	12	(С-Ю)											
19	Гостково	33	8	23	25	77									
23	Дембчино	11			11	100									
29	Дравско	8	2	25	1	12,5	4	50			1	12,5			
32	Эльблонг I	Свыше 80	все на ЗСЗ		100%										
33	Эльблонг II	Около 35	Ок.	35	100										
56	Лазы	27		23	85										
76	Одры	61	Все ямы ориентированы с севера на юг с отклонениями												
87	Половите			100											
93	Прущ	85	84	98,8											
101	Слопаново	11			11	100									
114	Цепле	30	23	76,6	2	6,6			2	6,6	2	6,6	1	3,3	
118	Щитно														

Цепле, Дембчино); по-видимому, реже — на северо-восток (Дравско) и это следует, вероятно, рассматривать как отклонения от северной ориентировки. Отдельные погребенные лежат головой на запад (Осек, Цепле), восток (Дравско, Цепле), а также изредка диаметрально противоположно господствующей ориентировке — на юго-восток, юго-запад (Лазы, Цепле, Щитно, Прущ) и юг (Сковарч).

Некоторое представление о соотношении различных типов ориентировки видно из таблицы 4.

К особенностям погребального обряда, возможно, относится ритуальное разрушение могил с ингумациями, прослеженное в Вельборк-Мальборке — III—IV вв. н. э., Вельборк-Госцишеве — II—IV вв. н. э., Половите — II в. н. э. и др.¹¹⁹ В таких погребениях кости скелета при перекапывании могил смещены с первоначального места. Инвентарь, довольно ценный, остается по-прежнему в могилах, что исключает мнение о разрушении скелета при ограблении погребений. В перекопанном погребении 36 некрополя Цепле у костяка, лежавшего на спине и ориентированного головой на север, череп находился на ребрах, а нижняя челюсть оказалась вблизи правого колена¹²⁰. Разрушенные скелеты с ценным инвен-

тарем в могилах обнаружены на некрополе в Эльблонге I¹²¹. По отчету К. Фойгтмана, в Вельборк-Госцишеве у 17 ингумаций из 46, вскрытых в 1931 г., ямы от ритуальных (?) вкопов в могилы были намеренно заполнены светло-серым песком. В плане эти песчаные включения или вложения имели вид овальных пятен, занимавших то всю поверхность могилы, то часть ее — до $\frac{2}{5}$ площади. Глубина песчаных включений, конических в вертикальном разрезе, простиралась у некоторых могил почти до дна, у других — захватывала только верхнюю часть¹²². В погребении 1595 слой песчаного заполнения «в виде тарелки» лежал над предполагаемой головой погребенного¹²³. У большинства могил песчаное включение локализовалось в центральной части и хорошо отделялось от первоначальной засыпи могилы. Четкость выделения позднейших песчаных засыпок подчеркивалась в ряде случаев наличием в этих засыпках большего или меньшего количества древесного угля. По наблюдению К. Фойгтмана, могилы с вложением песка наиболее разрушены. У разрушенных погребений без песчаной засыпки вкопов, по данным этого исследователя, инвентарь находится на

¹¹⁹ M. Pietrżak, 1965, стр. 156; K. Voigtman, 1931, стр. 33; E. Beninger, 1931.

¹²⁰ A. Schmidt, 1902, стр. 109.

¹²¹ S. Anger, 1880, стр. 379.

¹²² K. Voigtman, 1931, стр. 28—33.

¹²³ Там же, стр. 30.

обычных местах и глубине. У могил с вложением песка скелеты частично или совсем разрушены, а инвентарь разбросан или выброшен как, например, в погребении 1444¹²⁴. По мнению К. Фойгтмана, эти песчаные вложения хронологически близки труположениям, в могилы которых они врезаются, но назначение их неясно¹²⁵.

Для погребального обряда племен оксывской культуры специфичны также констатированные на ряде некрополей (Половите, Цепле, Вельборк-Мальборк, Вельборк-Госцишев, Прущ, Дзерженцин и др.) захоронения отдельных частей туловища — так называемые расчлененные погребения (рис. 12). К ним относятся захоронения одних черепов, захоронения туловища без черепа и захоронение туловища или его части вместе с отделенным черепом. В одном из погребений некрополя Половите были погребены два черепа и одна кость руки¹²⁶. Остатки трех черепов, погребенных в одной яме, найдены на некрополе Эльблонг II¹²⁷. Отдельное захоронение трех черепов встречено на некрополе Вельборк-Мальборк. На этом же памятнике в погребении 6 череп был отделен от туловища и закопан рядом с другими костями¹²⁸. Захоронения с отделенными черепами имеются в могильнике в Пруще Гданьском, Скварче и др. На некрополе Прущ два погребенных без черепов были вытянуты на спине, один из них ориентирован верхней частью туловища на север, другой — на юг¹²⁹. В одном из погребений могильника Скварч череп лежал среди бедренных костей скелета¹³⁰.

Парные и вообще коллективные захоронения с ингумациями на оксывских некрополях редки. Нам известно только несколько случаев. В могильнике Эльблонг II в некоторых погребениях встречены остатки двух-трех скелетов, в том числе лежащих друг над другом (рис. 12)¹³¹. В Пруще исследовано одно погребение второй половины II в. н. э. с двумя женскими костями и богатыми украшениями. Умершие были уложены головами на север, друг на друге (несколько смещенно), в могильной яме глубиной 1,15 м и шириной 0,57 м. Один из костяков лежал на левом боку, левая нога его была согнута в колене под тупым углом, правая — вытянута. Кисти обеих рук находились под головой, лицо повернуто на

восток. Лежавшая сверху погребенная была вытянута на спине, лицо повернуто на восток, череп лежал на плече первой покойницы. Под правой рукой находился камень. Под костями ног погребенных лежали небольшие камни, а непосредственно под скелетами и вокруг них — небольшие булыжники¹³². Два подобных парных погребения встречены в могильнике Липники¹³³. В могильнике Лазы детский скелет лежал над женским. Аналогичный обряд погребения с захоронением в одной могиле двух покойников друг над другом засвидетельствован на некрополях раннеримского времени острова Готланд и Скандинавского полуострова¹³⁴.

Какую-то роль в ритуале ингумации играли уголь и отмеченная в единичных случаях красная краска — очевидно, символы огня. Кусочки угля встречены в погребениях могильников Дембчино, Концевице, Одры, Цепле, Эльблонг I и др. Кусочки угля обнаружены в могильных ямах около костяков, около камней и каменных вымосток, перекрывавших погребения, а также в более верхних слоях засыпи. В некоторых могилах угли концентрировались в изголовьях погребенных (Цепле) или в средней части могилы (Одры)¹³⁵. Кусочки красной или желтоватой краски, а также светло-красного мела, лежавшие около костяков, представлены в отдельных погребениях II—III вв. н. э. некрополя Цепле¹³⁶. Следует отметить, что уголь и краска находились в погребениях, где умершие лежали как на спине, так и на боку. Ориентировка этих захоронений преимущественно северная, но встречена также западная и восточная (Цепле), т. е. по этим показателям они не выделялись среди других погребений могильника, где уголь и краска не отмечены.

Очевидно, с ритуалом тризны связано помещение в могилу глиняной посуды. Фрагменты ее находятся во многих погребениях ранне- и позднеримского времени. В отдельных погребениях с ингумациями обнаруживаются также клыки кабана, когти медведя (Вельборк-Госцишев, Цепле)¹³⁷, а в могиле II в. н. э. некрополя Цепле против лица погребенного были встречены косточки какого-то мелкого животного, возможно змеи¹³⁸.

Особого внимания заслуживают четыре погребения второй половины II в. н. э. некрополя Мозгово, которые в отличие от других грунто-

¹²⁴ K. Voigtman, 1931, стр. 33.

¹²⁵ Там же, стр. 34.

¹²⁶ E. Beninger, 1931, стр. 777.

¹²⁷ W. Neugebauer, 1938, стр. 106.

¹²⁸ M. Pietrzak, 1965, стр. 176.

¹²⁹ R. Schindler, 1939, стр. 39.

¹³⁰ Там же, стр. 51.

¹³¹ W. Neugebauer, 1938, стр. 106.

¹³² R. Schindler, 1939, стр. 42.

¹³³ Там же, стр. 48.

¹³⁴ E. Nylen, 1956, рис. 44—45, стр. 207; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 252.

¹³⁵ M. Czyżewska R. Dragan, 1966, стр. 114.

¹³⁶ A. Schmidt, 1902, стр. 103, погр. 24, 25, 27.

¹³⁷ K. Voigtman, 1929, стр. 71; A. Schmidt, 1902, стр. 103.

¹³⁸ A. Schmidt, 1902, стр. 103.

вых захоронений этого некрополя были помещены на дне могильной ямы в камерах-ящиках, сложенных из камней на глиняном растворе¹³⁹. Пол двух камер был покрыт глиной, двух — песком. Глубина ям, в которых находились камеры, — около 1,5 м. Умершие были уложены в эти каменные ящики в слегка скорченном положении, головами на север и перекрыты сверху каменными плитами. По устройству камеры из Мозгово напоминают каменные ящики некрополей Готланда предримского и раннеримского времени¹⁴⁰, а также Южной Швеции¹⁴¹. По-видимому, эти каменные ящики можно расценивать как свидетельство связей населения Поморья и Скандинавии в раннеримское время.

Кратко остановимся на инвентаре погребений с ингумациями в различные периоды римского времени. В основном состав вещей из кремаций и ингумаций идентичен, но погребения с ингумациями, как правило, богаче кремаций. В I — первой половине II в. н. э. инвентарь большинства погребений довольно беден. Труположения мужчин часто лишены вещей, женщин — снабжены украшениями. В некоторых погребениях — богатый набор предметов, много вещей римского импорта (Жондз, Прущ, Сельново и др.)¹⁴². Доминирующая часть захоронений раннеримского времени I — первой половины II в. не имеет керамики. Лишь в некоторых могилах представлены небольшие сосуды (Мациево, Прущ, Лазы)¹⁴³. В могильнике Лазы замечено, что сосуды чаще стояли вверх дном у изголовья умерших¹⁴⁴. Эта особенность прослежена в отдельных случаях на некоторых некрополях и в позднеримское время. Так, в погребении III—IV вв. н. э. у Концевиц сосуд был перевернут вверх дном¹⁴⁵.

Во второй половине II в. н. э. количество безынвентарных могил уменьшается, а набор вещей становится более многочисленным. Помимо украшений и некоторых орудий труда — пряслиц, игл, иногда ножей, — многие могилы содержат глиняные сосуды, стоящие преимущественно у ног или головы захороненных. В могилу обычно ставили один сосуд¹⁴⁶, редко — больше (Одры, погребение 6 — три сосуда; Щитно, женское погребение — два сосуда у головы и три сосуда у ног)¹⁴⁷.

В III—IV вв. н. э. количество глиняной посуды в могилах с труположениями увеличивается. В погребение нередко ставили два-три сосуда, изредка — больше (Вельборк-Госцишев, погребение 1328 и Осек — по четыре сосуда, Додзь-Реткина — шесть)¹⁴⁸. Однако, как и в предшествующее время, в могилах III—IV вв. н. э. часто бывает по одному сосуду (Дембчино, Дзерженцин, Лембарг, Олива, Прущ и др.)¹⁴⁹ или отдельные фрагменты керамики. Сосуды обычно стояли в изголовье или в ногах погребенных, реже в средней части могилы.

Положение украшений в непогребенных могилах соответствует их месту на костюме: фибулы лежат в области плеч и груди, бусы — у шеи и груди, костяные булавки — у черепа, гребни — сбоку, около головы и у ног (Гостково)¹⁵⁰. В богатых погребениях находят римские стеклянные кубки. Особенно много их обнаружено в могильнике второй половины II в. н. э. Половите, где в некоторых могилах было по два-три кубка¹⁵¹. В могильниках Вельборк-Госцишев и Цепле в погребениях с ингумациями встречались когти медведя, клыки кабана и полулунные серебряные листки¹⁵².

К специфичным предметам оксывской культуры, встречающимся эпизодически и на соседних территориях, относятся бронзовые, серебряные и золотые браслеты с так называемыми змеиными головками, S-видные и грушевидные подвески¹⁵³. Они представлены в основном в комплексах II в. н. э. в погребениях с ингумациями и кремациями.

Могилы с кремациями — ямные и урновые, а также редкие кучки костей в раннеримское время сохраняют многие особенности аналогичных захоронений позднелатенского периода. В I в. н. э. число ямных погребений по отношению к урновым еще более увеличивается по сравнению с I в. до н. э. Установить их точное соотношение по публикациям невозможно. По свидетельствам Ю. Костшевского и Д. Бонзака, урновые могилы в начале римского времени почти совсем пропадают¹⁵⁴. На это же обстоятельство указывает Р. Шиндлер, оговариваясь, что ввиду редкости урновых захоронений почти вся керамика раннеримского периода происходит из могил с ингумациями

¹³⁹ W. Heym, 1939, стр. 189.

¹⁴⁰ E. Nylen, 1956, рис. 31; O. Almgren, 1914, стр. 43—44.

¹⁴¹ B. Stjernquist, 1955, табл. III—IV; W. Antoniewicz, 1951, стр. 43.

¹⁴² W. La Baume, 1926, стр. 4; Он же, 1928, стр. 39; W. Gaerte, 1928, стр. 373; Kaphahn, 1913, стр. 212.

¹⁴³ R. Schindler, 1940, стр. 75, 83, рис. 4, 9, 51, 52.

¹⁴⁴ W. Heym, 1937, стр. 64.

¹⁴⁵ W. La Baume, 1939, стр. 7.

¹⁴⁶ R. Schindler, 1940, стр. 101.

¹⁴⁷ J. Kmiecinski, 1968, табл. XLI; K. Jazdzewski, 1938, стр. 90.

¹⁴⁸ R. Schindler, 1940, рис. 38; J. Kmiecinski, 1952, стр. 140.

¹⁴⁹ H. J. Eggers, 1938, стр. 174; D. Kleist, 1940, стр. 189—191; W. Lega, 1938, стр. 96; W. La Baume, 1933, стр. 18; O. Rochna, 1942, стр. 29.

¹⁵⁰ T. Waga, 1934, стр. 77; B. Zielonka, 1968, стр. 68.

¹⁵¹ H. J. Eggers, 1966, стр. 154—175; W. Gaerte, 1929a, стр. 7.

¹⁵² K. Voigtman, 1929, стр. 71; A. Schmidt, 1902, стр. 103.

¹⁵³ J. Kmiecinski, 1962.

¹⁵⁴ D. Bohnsack, 1938, стр. 96.

и только на некрополе Бяла Двор встречено значительное количество урновых погребений¹⁵⁵. Е. Оксенштирна, анализируя материал раннеримских могильников Гданьского Поморья, определяет приблизительное отношение урновых погребений к ямным как 1 : 9¹⁵⁶.

Урны часто стоят свободно в земле, но во многих погребениях с кремациями раннеримского времени, как и в могилах с ингумациями, имеются каменные обкладки или отдельные камни, лежащие в могильных ямах и в заполнении их над остатками трупосожжения (Немица, Одры, Бартки, Вельборк-Госцишев и др.)¹⁵⁷. Большинство ямных погребений раннеримского времени бедны инвентарем. В ряде случаев в них вместе с остатками костра, кальцинированными костями имеются только невыразительные фрагменты керамики (Жондз, Ныгут)¹⁵⁸. Фрагменты керамики попадают в могилы, имеющих также и другой инвентарь — фибулы, пряслица и пр.

Во II в. н. э. происходит постепенное увеличение числа урновых погребений за счет ямных. Во второй половине II — начале III в. н. э. на некрополях Нижнего Повисленья, как считает Р. Шиндлер, урновых захоронений уже несколько больше, чем ямных, и не меньше, чем ингумаций¹⁵⁹. Среди урновых преобладают захоронения чистых кальцинированных костей без подсыпки остатков костра. Урны, обсыпанные остатками костра, встречаются реже.

Обычно урны стоят открытыми. Только в отдельных случаях они имеют покрытие в виде глиняного сосуда или камня (Вельборк-Госцишев, Бартки, Пешхали, Цепле, Одры, Слопаново и др.)¹⁶⁰. Изредка встречаются урны, наполненные кальцинированными костями и перевернутые вверх дном (Осек, Вельборк-Госцишев, Бартки)¹⁶¹. Часть урн на дне имеет преднамеренно сделанное отверстие (Вельборк-Госцишев)¹⁶². Глиняные сосуды-приставки в погребениях с кремациями II в. н. э. редки (Цепле, Вельборк-Госцишев, Пешхали, Звершево)¹⁶³. При этом сосуд-приставка обыч-

но помещен внутри урны (Вельборк-Госцишев, Лазы, Пешхали)¹⁶⁴. Как правило, в могиле один сосуд-приставка, редко — два. Количество сосудов-приставок увеличивается в могильниках пограничной зоны с пшеворской культурой, где их количество в одной могиле может доходить до пяти (Бартки)¹⁶⁵. При этом сосуды могут стоять рядом с урной на дне, кверху дном или лежать на боку. Довольно часто в урновых погребениях, как и в ямных, находятся фрагменты глиняных сосудов, образуя на некоторых памятниках (Слопаново) наиболее многочисленную категорию инвентаря. Отдельные могилы содержат только черепки глиняных сосудов. Среди ямных погребений представлены как захоронения чистых перемытых костей, лежащих кучкой или смешанных с песком (Осек, Одры, Слопаново)¹⁶⁶, так и захоронения костей, смешанных с остатками костра (Слопаново, Кортowo, Козлуwко и др.)¹⁶⁷. Над ямой или рядом с ней иногда имеются камни.

В III—IV вв. н. э., по данным Р. Шиндлера, на некрополях низовий Вислы количество ямных погребений с кремациями снова несколько увеличивается и становится почти равным числу захоронений с ингумациями¹⁶⁸. Резкое преобладание количества урновых могил и вообще погребений с кремациями над ингумациями отмечается на востоке ареала оксывской культуры — в междуречье Вислы — Пасленки¹⁶⁹.

В позднеримское время урновые могилы с подсыпкой остатков костра редки, чаще урны стоят в чистом грунте. Среди керамики господствуют мисковидные формы. В урновых и ямных погребениях, как и в могилах с ингумациями, увеличивается количество сосудов-приставок. Нередко встречается по два-три сосуда-приставки, иногда даже — по четыре. Они стоят в могиле вертикально или вверх дном, а также нередко лежат на боку. Так, в погребениях 188, 609, 1290 в Вельборк-Госцишеве было по два сосуда-приставки, а в погребении 529 — три¹⁷⁰. Кроме того, часто встречаются отдельные фрагменты керамики, иногда ошлакованные¹⁷¹. По мнению Р. Шиндлера

¹⁵⁵ R. Schindler, 1940, стр. 98.

¹⁵⁶ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 151.

¹⁵⁷ R. Wołagiewicz, 1964, стр. 107; M. Czyżewska, R. Dragan, 1966, стр. 190; C. Engel, 1935; K. Voigtman, 1930, стр. 18—21; W. La Baume, 1934, стр. 112; H. Schumann, 1896, стр. 80.

¹⁵⁸ R. Schindler, 1940, стр. 99.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ K. Voigtman, 1930, стр. 19; C. Engel, 1935, стр. 44; A. Bezenberger, 1909, стр. 114, 117; A. Schmidt, 1902, стр. 109; J. Kmiecinski, 1968, XXXIX; K. Przewoźna, 1955, стр. 130.

¹⁶¹ K. Przewoźna, 1964, стр. 89; K. Voigtman, 1930, стр. 19; C. Engel, 1935, стр. 44.

¹⁶² K. Voigtman, 1929, стр. 71.

¹⁶³ A. Schmidt, 1902, стр. 113; K. Voigtman, 1930, стр. 19; A. Bezenberger, 1909, стр. 104 сл.; Он же, 1909а, стр. 70 сл.

¹⁶⁴ K. Voigtman, 1930, стр. 19; W. Heym, 1937, стр. 63; A. Bezenberger, 1909, стр. 109, 121.

¹⁶⁵ C. Engel, 1935, стр. 44.

¹⁶⁶ K. Przewoźna, 1964, M. Czyżewska, R. Dragan, 1966, стр. 120; K. Przewoźna, 1965, стр. 130.

¹⁶⁷ K. Przewoźna, 1955, стр. 130; L. Fromm, 1936, стр. 58; Heydeck, 1892, стр. 172; W. Heym, 1938, стр. 198.

¹⁶⁸ R. Schindler, 1940, стр. 101.

¹⁶⁹ W. Heym, 1937, стр. 199; R. Schindler, 1940, стр. 101.

¹⁷⁰ R. Schindler, 1940, рис. 30, 33, 35, 65, стр. 90; K. Voigtman, 1931, стр. 38.

¹⁷¹ L. Fromm, 1936, стр. 58; Heydeck, 1892, стр. 172; W. Heym, 1937, стр. 63; Он же, 1939, стр. 179; F. Kuchenbuch, 1941, стр. 34; A. Ruppelt, 1938, стр. 99.

и некоторых других исследователей, ритуал снабжения погребенного несколькими сосудами и фрагментами ошлакованной керамики возник под влиянием пшеворской культуры¹⁷². Помимо керамики, в состав инвентаря погребений с трупосожжениями оксывской культуры римского времени входят преимущественно бронзовые, реже серебряные и золотые фибулы, украшения, янтарные и стеклянные бусы, костяные гребни, пряжки, иглы, шилья, глиняные пряслица и др. Кроме пряслиц и игл, орудия труда в захоронениях редки. Оружие в могилах, как отмечено выше, отсутствует. В богатых погребениях бывают шпоры. Из украшений в могилах с трупосожжениями и трупоположениями позднеримского времени изредка встречаются ведековидные подвески¹⁷³. В женских погребениях попадают части замков от шкатулок. Изредка в богатых могилах находят оковки рогов для питья. Они встречаются парами в погребениях с кремациями и ингумациями раннеримского времени и по одному — в позднеримских¹⁷⁴. Эпизодически в богатых погребениях попадают остатки деревянных ведеков (Жондз, трупосожжение; Полхлеб, трупоположение)¹⁷⁵. Стеклянные кубки в могилах с кремациями встречаются реже, чем в захоронениях с ингумациями, и только в богатых погребениях (Линовец и др.)¹⁷⁶. Отмеченный для позднелатенского времени обычай преимущественного погребения мужчин в урновых могилах в римское время не наблюдается¹⁷⁷.

Из общей массы захоронений выпадают единичные погребения — кенотафы. К ним можно отнести погребальные сооружения с отдельными вещами и без следов остатков трупоположения или кремации. Примером является исследованная В. Хеймом на некрополе II—IV вв. н. э. Тынвальд — маленькая каменная выкладка, в которой лежали две бронзовые фибулы¹⁷⁸.

Из массы обычных грунтовых могильников оксывской культуры римского времени особо выделяется относительно небольшое количество некрополей с каменными надгробиями в виде каменных кругов, курганов, вымоستок и стел (рис. 6). Точное число этих некрополей установить невозможно, поскольку каменные надгробия не везде сохранились до настоящего времени. По данным Е. Окулича, каменные

конструкции над могилами известны на 55 памятниках, причем только в 24 случаях можно точно определить форму сооружения, и в 32 — хронологию одного или нескольких объектов могильника¹⁷⁹. Могильники с каменными надгробиями концентрируются в пять группскоплений, локализующихся в Восточном Поморье, в районах Нидзицы, Остроленки, в междуречье Вислы и Буга, а также на левобережье Бзуры (соответственно — 11, 18, 9, 5, 5 памятников). За пределами этих скоплений находится только семь могильников, которые располагаются среди обычных грунтовых некрополей без наземных каменных сооружений, выделяя в этих местах, вероятно, представителей этнически отличной по происхождению группы населения.

Согласно наблюдению Е. Кмечинского, могильники с каменными надгробиями Восточного Поморья локализуются в основном на малоплодородных землях Кашубской возвышенности, гравийных моренах, песках, территориях, незаселенных в позднелатенское время¹⁸⁰. Помимо погребений с каменными надгробиями, на этих некрополях имеются обычные грунтовые могилы с кремациями и ингумациями, не отмеченные наземными сооружениями¹⁸¹. Подобное явление отмечает Е. Окулич, указывая, что могильники с каменными кругами и прямоугольниками в Мазовии располагаются преимущественно на возвышениях морен и в речных долинах, густо усеянных валунами, но не встречаются в местах наибольшей концентрации обычных грунтовых могильников без надгробий.

Среди каменных надгробий выделяются каменные круги. По окружности диаметром от 14 до 33 м на определенном расстоянии друг от друга (1,2—3 м) стоят валуны, возвышающиеся над поверхностью земли приблизительно на 0,2—1,5 м. Иногда валуны лежат грядой, примыкая друг к другу, более крупные соединены венцом из мелких камней. Для большей устойчивости основания валунов в земле часто обложены небольшими камнями. В отдельных случаях в центре кругов поставлены один — три валуна-стелы¹⁸². В центральной части некоторых кругов (Одры, круг 1) находятся плоские каменные вымостки из мелких камней¹⁸³. Такие каменные круги с вымостками представляют промежуточный тип между кругом и курганом. Внутри кругов и рядом с ними обнаруживаются, как правило, одна или несколько могил с кремациями и реже с ингумациями,

¹⁷² R. Schindler, 1940, стр. 101.

¹⁷³ Там же, стр. 49; рис. 25, 5, 6; стр. 56, рис. 33, 4; стр. 68, рис. 45, 3, 4; стр. 90, рис. 64, 3.

¹⁷⁴ G. Kossinna, 1922, стр. 116.

¹⁷⁵ J. Zeman, 1956, стр. 89, 99, 100.

¹⁷⁶ T. Wiczkowski, 1935—1936, стр. 186.

¹⁷⁷ R. Schindler, 1937, стр. 29.

¹⁷⁸ W. Heym, 1937a, стр. 171.

¹⁷⁹ J. Okulicz, 1970, стр. 435—443, рис. 1.

¹⁸⁰ J. Kmiecinski, 1962, стр. 154.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² J. Kmiecinski, 1968, табл. VI.

¹⁸³ J. Kmiecinski, 1968, стр. 20—21; J. Kostrzewski, 1928, стр. 33.

Таблица 5

Количество различных типов погребений, вскрытых в каменных кругах некрополей Одры и Венсеры

Наименование памятника	№ кругов	Ингумации	Кремации
Одры	1 2 Исследованный Ю. Костшевским	1 —	1 ямная 2 ямных
Венсеры	1 2 3 4	— 1 1 —	1 ямная — 1 урновая чистая 2 ямных 1 урновая чистая

Таблица 6

Количество различных типов погребений, вскрытых в курганах некрополей Одры и Венсеры

Название памятника	№ курганов	Ингумации	Кремации					Примечание	Название памятника	№ курганов	Ингумации	Кремации					Примечание
			Ямные		Урновые		Распыленный слой остатков трупоожжений					Ямные		Урновые		Распыленный слой остатков трупоожжений	
			чистые	с подсыпкой	чистые	с подсыпкой						чистые	с подсыпкой	чистые	с подсыпкой		
Одры	1	—	—	—	—	—	1	Кенотаф со стелой	Венсеры	7	1	—	—	—	—	Пепелище	
	2	—	—	2	—	—	—			8	—	—	—	—	—		
	3	1	—	1	—	1	—			9	2 (муж., жен.)	—	—	—	—		—
	4	3	—	—	—	—	—			10	1 (муж.)	—	—	—	—		—
	5	1	—	—	1	—	—			11	1 (жен.)	—	—	—	—		—
	6	—	—	—	—	1	—			12	1	—	—	—	—		—
	7	—	—	—	1	—	—			13	2 (муж., жен.)	—	—	—	—		—
	8	1	—	—	—	—	—			14	—	—	—	—	—		—
Итого Венсеры	22	1	1	—	—	—	—		15	1 (жен.)	—	—	—	—	—	Стела	
	9	7	1	3	2	2	1		16	1	—	—	—	—	—		
	1	—	—	—	—	—	—		17	1 (жен.)	—	—	—	—	—		
	2	1	—	—	—	—	—		18	1	—	—	—	—	—		
	3	—	—	2	—	—	—		19	1 (муж.)	—	—	—	—	—		
	4	2 (муж., жен.)	—	—	—	—	—		20	1	—	—	—	—	—		
	5	1	—	—	—	—	—		Итого	20	19	—	2	—	—		2
	6	1	—	—	—	—	—										

конструкции которых принципиально не отличаются от захоронений на грунтовых некрополях. Вблизи поверхности земли внутри кругов встречается значительное количество фрагментов керамики (Одры, Венсеры)¹⁸⁴. Иногда в кругах погребения отсутствуют (Венсеры, круг 1). В таком случае круги рассматриваются как культовые сооружения¹⁸⁵.

По данным Е. Кмечинского, каменные круги зафиксированы на 11 некрополях Поморья¹⁸⁶.

Каменные курганы сложены из более или менее крупных камней, поверх которых лежит

небольшой слой земли. Диаметр насыпей достигает 20 м, высота 2 м, средний диаметр 5—10 м. По периметру основания насыпей, как правило, обставлены крупными камнями. На вершинах некоторых курганов имеются стелы в виде продолговатых валунов. Преобладающий тип захоронения под курганами — ингумации в прямоугольных и овально-вытянутых ямах глубиной до 2 м. Под одной насыпью находится от одного до трех погребений (табл. 5; 6). В некоторых погребениях некрополей Венсеры, Одры прослежены остатки деревянных колод¹⁸⁷. В Одрах они были выжжены из стволов дерева¹⁸⁸. В Венсерском могильнике под-

¹⁸⁴ J. Kmieciński, 1968, стр. 20—21; J. Kmieciński, M. Blombergowa, K. Walenta, 1966, стр. 51.

¹⁸⁵ J. Kmieciński и др., 1966, стр. 50—51.

¹⁸⁶ J. Kmieciński, 1962, стр. 164—165.

¹⁸⁷ J. Kmieciński и др., 1966, стр. 54.

¹⁸⁸ M. Czyżewska, R. Dragan, 1966, стр. 114.

мечено, что курганы с двумя погребениями содержали мужские и женские скелеты и что захоронения их были совершены в разное время¹⁸⁹. Среди погребений с трупосожжениями под курганами представлены следующие виды: ямные с подсыпкой костра, с рассыпанным на древней поверхности слоем остатков трупосожжения и костра; урновые, обсыпанные костром; чистые урновые, т. е. почти все виды захоронений, известные по грунтовым могильникам. Под одной насыпью находятся или только кремации и ингумации, или и те и другие совместно. Под одним курганом бывает, как и при ингумациях, от одного до трех погребений (табл. 6; 7). Примерами могут служить курган 2 в Одрах с двумя ямными могилами с кремацией, курган 3 там же — с одним труположением и двумя трупосожжениями, курган 4 — с тремя ингумациями и т. д. (см. табл. 7)¹⁹⁰. Большой интерес представляют курганы с рассыпанным по древней поверхности слоем остатков трупосожжения (Одры, курган 4)¹⁹¹ или сооруженные на месте погребального костра (Венсеры, курганы 8, 14). С одной стороны, они близки аналогичным позднелатенским и раннеримским курганам острова Готланд¹⁹², а с другой — напоминают курганы Средней Польши III—IV вв. н. э. так называемого седлеминского типа¹⁹³, с которыми, по-видимому, связаны генетически. К курганам-кенотафам относится курган 1 в Венсерах, где не обнаружено погребений¹⁹⁴.

Своеобразным видом каменных курганов являются курганы и вымостки с концентрическими каменными кольцами (рис. 6), представленные на шести некрополях Поморья I—III вв. н. э. (Одры, Венсеры, Славогора, Кеншице, Тшебч Шляхетский, Неданово). Вокруг насыпи кургана такого типа расположено одно или несколько концентрических колец, выложенных из камней. Наиболее многочисленные аналогии этой формы надгробий дают некрополи острова Готланд позднелатенского и римского времени¹⁹⁵.

Погребения со стелами, возвышающимися над землей на 1 м, появляются в Поморье, по определению Д. Бонзака, в конце позднелатенского времени (Оксывский могильник)¹⁹⁶. Они обнаружены на шести некрополях Поморья конца I в. до н. э.—I—II вв. н. э. (Одры, Вен-

серы, Оксыва, Прадно, Пельгжимово и Неданово). Возможно, прежде их количество было большим, поскольку часть стел могла быть уничтожена при сельскохозяйственных работах. Помимо Поморья, захоронения со стелами известны с позднелатенского времени в шведских провинциях Упланд и Остерготланд, на острове Борнхольм, а в раннеримское время — на островах Готланд и Эланд¹⁹⁷. Е. Кмецинский обращает внимание на то, что и в Скандинавии и в Поморье стелы, как правило, сопутствуют трупосожжениям, в Скандинавии — чаще ямным захоронениям. В Поморье стелы сооружались над урновыми и ямными погребениями, общее число которых невелико¹⁹⁸. Последними исследованиями на некрополе Одры стелы обнаружены над десятью погребениями с ингумациями (из общего числа 57). В девяти случаях они стояли у северного конца могильной ямы, в одном — у южного края¹⁹⁹. Ставить стелы над погребениями в Поморье перестали с позднеримского времени, в Скандинавии этот обычай доживает до эпохи викингов²⁰⁰.

Прямоугольные каменные вымостки, по данным Е. Кмецинского, представлены на территории собственно оксывской культуры в Поморье, на некрополях Пекло-Дольне и Каменница Кролевска²⁰¹. Известны вымостки на памятниках Средней Польши — Мних, Кеншице и др.²⁰² Они имеют черты сходства с оксывскими. Аналогии прямоугольные каменные вымостки находят в юго-восточной Норвегии и Швеции. Исследования этих памятников в Поморье показали, что они или пустые, или содержат небольшое количество мелких кальцинированных косточек и обломков керамики²⁰³.

Большинство могильников Поморья с каменными надгробиями относится, по данным Е. Кмецинского и Е. Окулича, к раннеримскому времени, периодам В₂, С₁²⁰⁴, однако некоторые из них имеют и более позднюю дату. Так, каменный круг в Блендово — до IV—V вв. н. э.²⁰⁵; некрополи Одры и Венсеры — до III в. н. э., а может быть, и до более позднего времени²⁰⁶.

¹⁸⁹ J. Kmieciński, 1962, стр. 166—167.

¹⁹⁸ Там же, стр. 103.

¹⁹⁹ J. Kmieciński, 1968, стр. 29—30.

²⁰⁰ J. Kmieciński, 1962, стр. 103.

²⁰¹ Там же, стр. 106—107.

²⁰² J. Kmieciński, 1962, стр. 168; A. Kempisty, 1965, стр. 80—82; L. and J. Okulicz, 1962, стр. 286—293; J. Okulicz, 1970, стр. 434.

²⁰³ J. Kmieciński, 1962, стр. 107.

²⁰⁴ J. Kmieciński, 1959, стр. 13; J. Okulicz, 1970, стр. 444; Он же, 1962, стр. 163—168.

²⁰⁵ K. Przewoźna, 1965a, стр. 341—342.

²⁰⁶ J. Kmieciński, 1968, стр. 15; K. Przewoźna, 1968, стр. 428.

¹⁸⁹ J. Kmieciński и др., 1966, стр. 55.

¹⁹⁰ J. Kmieciński, 1968, стр. 22—27.

¹⁹¹ J. Kmieciński, 1968, табл. XXVIII; J. Kmieciński и др., 1966, стр. 57.

¹⁹² O. Almgren, 1914, рис. 42; E. Nylen, 1956, стр. 140.

¹⁹³ A. Karpińska, 1926, стр. 122.

¹⁹⁴ J. Kmieciński и др., 1966, стр. 53.

¹⁹⁵ O. Almgren, 1914, табл. 15.

¹⁹⁶ D. Bohnsack, 1940, стр. 22.

Как уже отмечено, на некрополях с описанными каменными конструкциями представлены также обычные грунтовые труположения и кремации без надгробий, характерные для большинства оксывских могильников. Например, в Венсерах труположения находятся в прямоугольных ямах глубиной 1,5—2 м, ориентированы головой на север с легким отклонением на запад. Остатки кремаций погребены преимущественно в чистых урновых могилах. Общее количество раскопанных здесь грунтовых погребений без каменных надгробий (103) резко превышает число изученных захоронений с каменными надгробиями (33).

В Одрах большая часть вскрытых погребений (116) располагалась в грунтовых ямах без видимых на поверхности каменных надгробий или курганов, под которыми исследовано только 35 погребений. Такое сочетание на одних и тех же некрополях грунтовых и курганных захоронений при однотипности форм погребения под каменными надгробиями и без них свидетельствует, по-видимому, о смешении двух групп населения. Первая, численно преобладающая часть, проживавшая здесь с позднелатенского времени, хоронила умерших на грунтовых некрополях. Вторая, относительно небольшая группа населения, появившаяся в Поморье в конце I в. до н. э.—I в. н. э., погребала умерших на некрополях с каменными надгробиями, аналогичными погребальным сооружениям Скандинавии. Большинство исследователей (В. Антонец, Ю. Костшевский, В. Ла Бом, Д. Бонзак, Р. Шиндлер) связывают появление некрополей с каменными надгробиями в Поморье с приходом сюда из Скандинавии германского племени готов. Малое число некрополей с каменными надгробиями указывает, надо полагать, на приход небольшой группы германцев, которые быстро смешались с аборигенным населением, о чем говорят расположение погребений с каменными конструкциями на одних некрополях с грунтовыми захоронениями, однотипность инвентаря погребений и внутреннего устройства могил. Происхождение подобных могильников в районе Нидзицы и в Мазовии исследователи не связывают с переселенцами из Скандинавии. А. Невенгловский и А. Кемписты считают, что мазовецкие формы каменных кругов могли развиться из местной мазовецкой группы культуры подклошовых могил, где неоднократно констатированы вокруг погребений с трупосожжениями небольшие круги, сложенные из камней²⁰⁷. По мнению Е. Окулича, каменные надгробия некрополей района

Нидзицы могли восходить к традициям балтских племен²⁰⁸, погребения которых в раннем железном веке сопровождались каменными кругами и курганами.

В особую группу погребений, очевидно знати, выделяется небольшое количество захоронений в довольно крупных курганах с насыпями из камней и земли (Любешево, Мсцишевице, Пельгжимова). Чаще они располагаются отдельно, но иногда находятся на площадке синхронных им грунтовых могильников (Пельгжимова, Китки). Курганы одиночны или образуют небольшие группы до пяти насыпей (Любешево, Пельгжимова). Они содержат одиночные погребения с труположением в деревянных камерах, гробах или колодах. Деревянные камеры часто имеют обкладку из камней (Любешево, Пельгжимова, Пустомино и др.). Погребенных сопровождает богатый инвентарь, в состав которого входят импортные бронзовые сосуды, ведра, миски, кувшины, ситечки, кубки, рога для питья, стеклянные и глиняные сосуды, фибулы, булавки, различные подвески, ножи, ножницы, бритвы, костяные гребни, предметы поясного набора, кольца, шпоры, римские монеты. Курган, исследованный в Пельгжимова, имел высоту 2 м, диаметр 25—26 м. Расположенная в центре земляной насыпи могильная яма размером 4×4 м была ограничена каменной обкладкой толщиной 2,5 м и высотой 1 м. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, на помосте, в бревенчатой постройке площадью 2×2 м, от которой сохранился только нижний венец. Захоронение ограблено. Из инвентаря обнаружены фрагменты глиняного и стеклянного сосудов, золотое кольцо, обломок золотого браслета, серебряная наременная накладка и римская монета императора Адриана. В инвентаре мужского погребения в Мсцишевице, находившегося вблизи центра кургана, были четыре глиняных сосуда, бронзовый котел и стеклянный кубок²⁰⁹.

Такой богатый инвентарь имеется не только в захоронениях под курганами, но и в отдельных бескурганых могилах с труположениями. Эти могилы расположены как в больших грунтовых могильниках с рядовыми погребениями, так и за пределами некрополей (Жондз, Доротово, Линовец, Циссее, Кособуды, Шлемно, Опалене и др.). Исследователи рассматривают погребения с таким богатым инвентарем как захоронения князей и военной знати²¹⁰. Самые ранние «княжеские» погре-

²⁰⁸ J. Okulicz, 1970, стр. 451.

²⁰⁹ W. La Baume, 1934, стр. 130.

²¹⁰ D. Bohnsack, 1937, стр. 258; K. Godłowski, 1960, стр. 103; H. J. Eggers, 1949—1950, стр. 58; J. Kostr-

²⁰⁷ A. Niewęglowski, 1966, стр. 78; A. Kempisty, 1965, стр. 48.

бения в курганах относятся к середине I в. н. э. (Любешев, Гроново, Косин), самые поздние — к III—IV вв. н. э. Богатые грунтовые погребения появляются во второй половине II в. н. э.²¹¹ «Княжеские» погребения локализуются в основном западнее Вислы, и захоронены в них преимущественно мужчины. А. Кемписты считает возможным трактовать погребение в Пельгжимова как женское на основании найденного фрагмента золотого браслета²¹².

Подобные «княжеские» погребения с близким обрядом погребения и инвентарем известны в римское время от юга Скандинавского полуострова на севере до Волини на юге.

В заключение характеристики погребального обряда оксывской культуры следует отметить следующие основные черты. В позднелатенское время господствует кремация с захоронением останков на грунтовых некрополях. Преобладают ямные могилы, содержащие кусочки кальцинированных костей вместе с углем и золой погребального костра. В значительно меньшем числе представлены урновые могилы с подсыпкой остатков костра. В отдельных случаях попадают также чистые урновые захоронения и кучки костей. Урны чаще стоят открытыми, иногда накрыты камнем и редко миской. Большинство урновых погребений не содержит сосудов-приставок. Последние по одному, очень редко — по два, встречаются в отдельных могилах. Оружие сопутствует в основном урновым погребениям. Ямные погребения часто лишены вещей. В конце позднего латена появляются захоронения со стелами.

С I в. н. э. характерен биритуализм: на одних и тех же некрополях представлены погребения с трупоположением и трупосожжением. Погребения с ингумациями в I в. н. э. в наибольшем числе встречаются на памятниках, прилежащих к дельте Вислы. Несколько позже они появляются в районах, расположенных южнее и юго-западнее. Во II в. н. э. количество погребений с ингумациями увеличивается. Обряд ингумации распространяется на всей территории оксывской культуры. Костяки скорчены на боку или вытянуты на спине и ориентированы головой преимущественно на север, в отдельных захоронениях — на запад, восток и юг. В ряде погребений прослежены остатки деревянных гробов или колод, а также обкладки из камней. Последние представлены в основном на некрополях левобережья Вислы. К особенностям погребального ритуала относятся наличие углистой подсыпки около костя-

ков и в заполнении могильных ям, ритуальное разрушение могил, расчлененные погребения, отдельные захоронения черепов и т. п. Как правило, погребения с ингумациями индивидуальны. Лишь в отдельных случаях встречаются парные и коллективные захоронения. В некоторых парных погребениях костяки лежат друг на друге, имея одинаковую или противоположную ориентировку. Часть из них снабжена богатым инвентарем, другие лишены вещей. Керамика в погребениях I в. н. э. встречается редко, в погребениях II в. н. э. — более часто. Обычно в могиле лежат один-два сосуда. В III—IV вв. н. э. количество керамики увеличивается. Часть погребений содержит по три-четыре сосуда. Помимо сосудов, встречаются также отдельные фрагменты посуды. Прочий инвентарь составляет в основном предметы украшения и туалета. Оружие, кроме шпор в отдельных могилах, отсутствует. Из орудий труда представлены главным образом ножи и пряслица.

Несмотря на большое количество погребений с трупоположением, в целом в оксывской культуре римского времени, особенно на правобережье Вислы, преобладают трупосожжения. Некоторые некрополи содержат только трупосожжения. В I в. н. э. господствуют ямные могилы, в небольшом числе представлены урны с подсыпкой остатков костра. Во II в. н. э. сильно увеличивается количество урновых погребений, среди которых имеются как урны с подсыпкой, так и чистые. В III в. н. э. количество урновых могил несколько уменьшается, что совпадает с общим уменьшением числа оксывских памятников в это время. Часть погребений с трупосожжением, как и ингумаций, имеет каменные обкладки. Инвентарь трупосожжений характеризуется тем же набором вещей, что и погребений с трупоположением, но более беден.

В I в. н. э. на территории оксывской культуры наряду с грунтовыми некролями появляются некрополи с каменными надгробиями в виде каменных курганов, кругов, вымосток и стел. Общее количество их невелико по сравнению с числом грунтовых могильников. Ближайшие аналогии наземные конструкции этих памятников находят на некрополях Скандинавии. Е. Кмецинский датирует некрополи с каменными надгробиями Поморья в основном I—II вв. н. э. Большинство исследователей считают, что они оставлены скандинавскими пришельцами.

Единичные наиболее богатые «княжеские» погребения оксывской культуры совершены в камерах под земляными курганами типа, изученного в Пельгжимова и Любешеве.

zewski, 1966, стр. 112, карта 13; Ю. В. Кухаренко, 1969, стр. 118—119; R. Schindler, 1940, стр. 108.

²¹¹ K. Godłowski, 1960, стр. 103.

²¹² A. Kempisty, 1965, стр. 154.

Погребальный обряд племен прибалтийского междуречья Одры и Эльбы (ясторфская культура)

Погребальный обряд племен прибалтийского междуречья Одры и Эльбы III в. до н. э.— III н. э. характеризуется материалом нескольких сот некрополей, выявленных в основном при случайных работах, исследованных любителями и лишь в небольшой части подвергнутых научным раскопкам. Памятники этого района III в. до н. э.— рубежа нашей эры относятся к ясторфской культуре. В средне- и позднелатенское время она занимала на севере побережье Балтийского моря, Ютландский перешеек, на западе доходила до Везера, где граничила с близкой ей нинбургской культурой²¹³, рассматриваемой некоторыми авторами как локальный вариант ясторфской культуры²¹⁴. На юге ареал ясторфской культуры в основном совпадал с границей равнинной зоны до Гарца. На востоке в среднелатенское время ясторфское население распространилось на правобережье Одры, до Реги и Парсенты²¹⁵, откуда в позднелатенский период оно было снова оттеснено на запад, за Одру, оксывскими племенами²¹⁶.

Свое название ясторфская культура получила по могильнику у поселения Ясторф в Ганновере, на левобережье Нижней Эльбы, в котором представлен материал в основном раннего периода ясторфской культуры. Древности этой культуры известны главным образом по материалам многочисленных могильников. Поселения изучались мало. Могильники ясторфской культуры в основном грунтовые. К раннему этапу ясторфской культуры относится небольшое количество захоронений в маленьких плоских курганах (Денсен, Херпель и др.)²¹⁷, обычай погребения в которых унаследован от населения позднего бронзового века. На основной территории ясторфской культуры остатки трупосожжения хоронили в чистых урновых могилах. Детали этого обряда с течением времени изменялись.

Первую классификацию материала ясторфской культуры предложил Г. Швантес²¹⁸. Для

ранних ступеней ясторфской культуры (А—В 600—400 гг. до н. э.) характерны погребения в урнах с высокой шейкой и слегка отогнутым венчиком. Урны, как правило, окружены камнями и покрыты плоским камнем. Часто урна также покрыта миской. Помимо урновых могил известны захоронения кучек костей. В погребениях обоих видов часто попадаются маленькие сосуды-приставки, которые в урновых могилах обычно стоят на костях, внутри урны. Инвентарь — булавки различных типов, фибулы ранних типов, полулунные серьги, железные и бронзовые кольца, поясные крючки и др.

В более позднее время урны стоят обычно свободно в земле, каменные обкладки и покрытие урн камнями встречается редко. Сосуды-приставки почти не встречаются. Ямные могилы редки. Исчезают урны с высокой шейкой. Вместо них появляются горшки с короткой шейкой, а в I в. до н. э. получают широкое распространение воронковидные урны. Вещевой инвентарь представлен булавками с крыловидными головками, гривнами с цилиндрическими концами, поясными крючками, фибулами и др. В I в. до н. э. в могилах появляется оружие. Германская принадлежность племен ясторфской культуры общепризнанна. Культура населения рассматриваемого района первых веков нашей эры, римского времени, сформировалась на базе ясторфской и создана германскими племенами, которые в письменных источниках упоминаются под именем сuebов, или свебов, лангобардов — на Нижней Эльбе, семнонов — по Хафелю и в междуречье Одры — Эльбы, аламанов и гермондуров — на Средней Эльбе и др.

Остановимся сначала на характеристике обряда погребения населения III в. до н. э.— рубежа нашей эры. Этот период соответствует двум поздним фазам ясторфской культуры — ступеням рипдорф и зеедорф. Относительно их абсолютной датировки, как и даты культуры ясторф в целом, нет единого мнения. Ведущий исследователь этой культуры, Г. Швантес, сначала определял время ступени рипдорф в пределах среднелатенского периода — 300—150 гг. до н. э., а следующей ступени, зеедорф, — позднелатенским периодом, 150—0 гг. до н. э.²¹⁹ Позже он датировал ступень рипдорф в границах 350—120 гг. до н. э., а зеедорф —

²¹³ K. Tackenberg, 1934.

²¹⁴ G. Schwantes, 1952, стр. 273; R. Hachmann, 1957, стр. 77.

²¹⁵ G. Schwantes, 1933, стр. 53; H. J. Eggers, 1955, стр. 13—16; R. Wolągiewicz, 1959, стр. 129.

²¹⁶ J. Kostrzewski, 1964, стр. 195, R. Wolągiewicz, 1963, стр. 308.

²¹⁷ H. Krüger, 1961, стр. 14; G. Schwantes, 1909, стр. 142.

²¹⁸ G. Schwantes, 1909, стр. 140—162.

²¹⁹ G. Schwantes, 1909, стр. 155.

соответственно 120—0 гг. до н. э.²²⁰ Г. Крюгер, анализируя материал левобережья Эльбы в районе локализации классических памятников ясторфской культуры, в округах городов Люхов, Данненбург, Ильцен, Люнебург, Золтау, устанавливает для фазы рипдорф дату 400—120 гг. до н. э., для зеедорф — 120—0 гг. до н. э.²²¹

Специальной работы, посвященной анализу погребального обряда ясторфской культуры, нет. Однако к характеристике ритуала погребения ясторфских племен не раз обращались различные исследователи, описывая его наряду с другими категориями культуры. Первая краткая сводная характеристика специфики обряда погребения ясторфской культуры на разных этапах доримского времени дана в 1909 г. Швантесом. В своих последующих работах он неоднократно в большей или меньшей мере касался этого вопроса. Помимо Г. Швантеса, ритуал погребения ясторфской культуры рассматривался в работах Ю. Месторф, Р. Бельтца, Ф. Кнорра, К. Маршаллека, В. Маттеса, В. Вегевитца, К. Валлера, Г. Крюгера, Х. Кайлинга²²².

Детальная характеристика обряда погребения ясторфской культуры затруднена состоянием источников. Большинство некрополей исследовано в прошлом без должного соблюдения методики. Материал их опубликован суммарно, без описания комплексов и особенностей ритуала отдельных погребений. Исследование могильников путем зондирования приводило к тому, что обнаруживались только урновые захоронения, а погребения в виде кучек костей и ямные могил оставались незамеченными. Не везде отмечено наличие или отсутствие камней около урн.

В обряде погребения ясторфской культуры латенского периода господствует кремация²²³.

Умерших, чаще вместе с инвентарем и принадлежностями костюма, сжигали вне места погребения. Остатки трупосожжения хоронили на грунтовых некрополях преимущественно в урновых могилах, а также в виде кучек костей и в ямных захоронениях. Могильники обычно расположены на супесчаных возвышениях с отлогими склонами вблизи воды. Планы большинства кладбищ отсутствуют, но по имеющимся можно сказать, что на некрополях могилы располагались обычно беспорядочно, часто образуя скопления-гнезда. Нередко более поздние погребения находятся среди ранних, но в ряде случаев (Хорнбек, Тошtedт-Вуштенхофен, Харсфельд и др.) констатируется расположение более древних могил группой, к которой примыкают поздние захоронения.

Многие некрополи содержат погребения всех ступеней ясторфской культуры, а некоторые наряду с латенскими также и захоронения римского времени. Многие могильники имеют всего по несколько погребений, а в общем количестве погребений в отдельных могильниках колеблется от единиц до нескольких сот и даже тысяч.

Так, например, в Ланце обнаружено 397 могил, Шмидеберге — 306, Тошtedт-Вуштенхофене — 266, Бернике — свыше 500, Хорнбеке — около 900, Эхешторф-Варендорфе — 1022, Харсфельде — до 10 тыс.

Погребения располагаются на различном расстоянии друг от друга, обычно весьма густо. Есть некрополи и с редкими захоронениями, отстоящими друг от друга на несколько метров, и с погребениями, настолько плотно прилегающими друг к другу, что невозможно вынуть одно захоронение без того, чтобы не повредить соседнее (Ватерпол). В отдельных группах некрополя Корхов урны стояли так тесно, что касались друг друга стенками. Отсутствие взаимных пересечений синхронных погребений, а часто и разновременных, при густом расположении могил говорит, очевидно, о каких-то надгробных памятниках, отмечавших могилу на поверхности земли²²⁴, может быть в виде столбов или небольших земляных

²²⁰ G. Schwantes, 1935, стр. 49.

²²¹ H. Krüger, 1961, стр. 11.

²²² J. Mestorf, 1885, стр. 11; R. Beltz, 1899; Он же, 1910, F. Knorr, 1910, стр. 17—18; K. H. Marschallack, 1927, стр. 212; W. Matthes, 1929, стр. 48; W. Wegewitz, 1929; Он же, 1937, стр. 8—9; K. Waller, 1941—1942, стр. 255; H. Krüger, 1961, стр. 12—16; H. Keiling, 1962; Он же, 1965.

²²³ По сведениям Д. В. Бука, на памятниках ясторфской культуры известно только два захоронения, совершенных по обряду ингумации. Это погребения в Бохове и в Езериге (D. W. Buck, 1967, стр. 150—153). Могильная яма в Бохове имела размеры 2,06×0,5 м, глубину свыше 1 м и была ориентирована с востока на запад. В западной части ее находились большие булыжники, а в восточной, на глубине 1,3—1,35 м, под камнем лежали фрагменты необожженного черепа, два первых шейных позвонка и инвентарь. Между частями нижней челюсти и черепной коробки найдены две парусовидные серьги, белая и си-

няя стеклянные бусины. Как полагает Д. В. Бук, нельзя решить, было ли здесь захоронение частичным, размер ямы говорит о полном погребении. На урновом некрополе Езериг среди урновых могил на глубине 0,3 м найден ящик, сложенный из пяти вертикально стоящих камней, перекрытый большим плоским камнем. Во внутреннем пространстве диаметром 0,3 м лежали фрагменты черепа, обломок железной булавы и ленточные серьги. По-видимому, то и другое погребения можно рассматривать как захоронения черепов.

²²⁴ H. Keiling, 1962, стр. 14.

насыпей. С течением времени они исчезли. Вследствие этого на кладбищах, где хоронили в течение нескольких веков, часто наблюдается разрушение древних погребений могильными ямами более поздних захоронений, а также расположение урн друг над другом в два и даже три яруса (Харсефельд). Об этом говорит, очевидно, и часто отмечаемое совместное расположение погребений различных эпох²²⁵. Камни для отметки местоположения урн в рассматриваемое время, как правило, не использовались. Они обнаруживаются только на отдельных некрополях. Так, в Мекленбурге в могильнике Бливенсторф многократно находили рядом с урнами узкие заостренные куски гранита длиной около 30 см, которые по мнению Р. Бельтца, обозначали локализацию урн²²⁶. Возможно, подобную роль выполняли отдельные камни, лежавшие на высоте 20 см от края урн некоторых погребений в Вахове, а также аналогичным образом расположенные камни некрополя Ланц. Глубина залегания погребений весьма различна. В основном она колеблется от 0,2 до 1,2 м, в среднем около 0,4—0,5 м.

Наряду с захоронением в грунтовых могильниках встречаются иногда также впускные погребения в насыпях более древних курганов, например часть погребений Эхешторфа-Варендорфа²²⁷. Однако собственно курганный обряд погребения, известный на ранних стадиях ясторфской культуры (VI—IV вв. до н. э.), в средне- и позднелатенское время не применялся. Исключение представляет группа мелких курганов 300—150 гг. до н. э. у Куксхафена, к западу от устья Эльбы. Их появление в этом районе К. Валлер объясняет связями с Ютландией²²⁸.

Сожжение умерших производилось в специально устроенных местах, которые обнаружены на ряде некрополей в Мекленбурге, Западном Пригнитце, но их планы и хорошие описания отсутствуют. В связи с этим большой интерес представляет открытие Х. Кайлингом в могильнике Ланц девяти мест для трупосожжения, располагавшихся по всей площади этого кладбища. Пять из них образовывали скопление в центре, частично даже перекрывали друг друга. По описанию Х. Кайлинга, все они были одинаковой конструкции и представляли более или менее тщательно устроенную, чаще овальную каменную вы-

мостку из расколотых больших камней и тонких осколков, на которой находились остатки древесного угля и пережженной земли от серопепельного до черного цвета. От сильного жара камни вымосток прокалены. На вымостке 3 лежали плоские лепешковидные остатки, которые определены как обуглившийся мох, возможно использовавшийся при трупосожжении. Глубина залегания вымосток от современной поверхности колеблется от 0,3 до 1 м. Х. Кайлинг отмечает, что вымостки, лежавшие глубже, сооружены значительно тщательнее, чем те, которые находились ближе к поверхности земли. Слой угля и пепла, мощность которого над некоторыми вымостками превышала 0,7 м, позволяет предполагать длительное использование одного места для трупосожжения. Темно-серая окраска над вымостками в верхних горизонтах значительно шире и длиннее, чем сами вымостки. Вокруг вымосток и под ними светлый песок несколько темнее, чем в других местах некрополя. В перегоревшей земле над вымостками найдены мелкие кусочки кальцинированных костей, больших кусков нет. При этом на старательно устроенных, более глубоких вымостках кусочков костей мало, а на мелко расположенных — много. По мнению Х. Кайлинга, более глубокие вымостки были более древними, а мелко расположенные — более поздними²²⁹. Это определение согласуется с относительной глубиной залегания ранних и поздних (стадии рипдорф) погребений этого памятника. Кроме мест для трупосожжения, в ясторфских могильниках обнаружены также остатки очагов, состоящих из камней и слоя пережженной земли. В этой земле изредка встречаются мелкие кальцинированные кости. Многократно отмечены ямы, заполненные темной углистой массой.

Переходим к характеристике отдельных типов погребений, которые, как указано, в средне- и позднелатенское время представлены могилами урновыми, кучками костей и ямными.

Урновые погребения господствуют на всех стадиях ясторфской культуры, сохраняя свое преобладание и в римское время (рис. 14). В качестве урн обычно использовались глиняные сосуды, реже для этой цели служили бронзовые котлы (Харсефельд, Эхешторф-Варендорф, Тоштедт-Вуштенхофен)²³⁰. Остатки трупосожжения в виде чистых выбранных из костра кусочков кальцинированных костей не везде одинаково заполняют урны. Обычно они занимают $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ сосуда. Только иногда в урнах среди чистых костей встречаются

²²⁵ Там же, стр. 16.

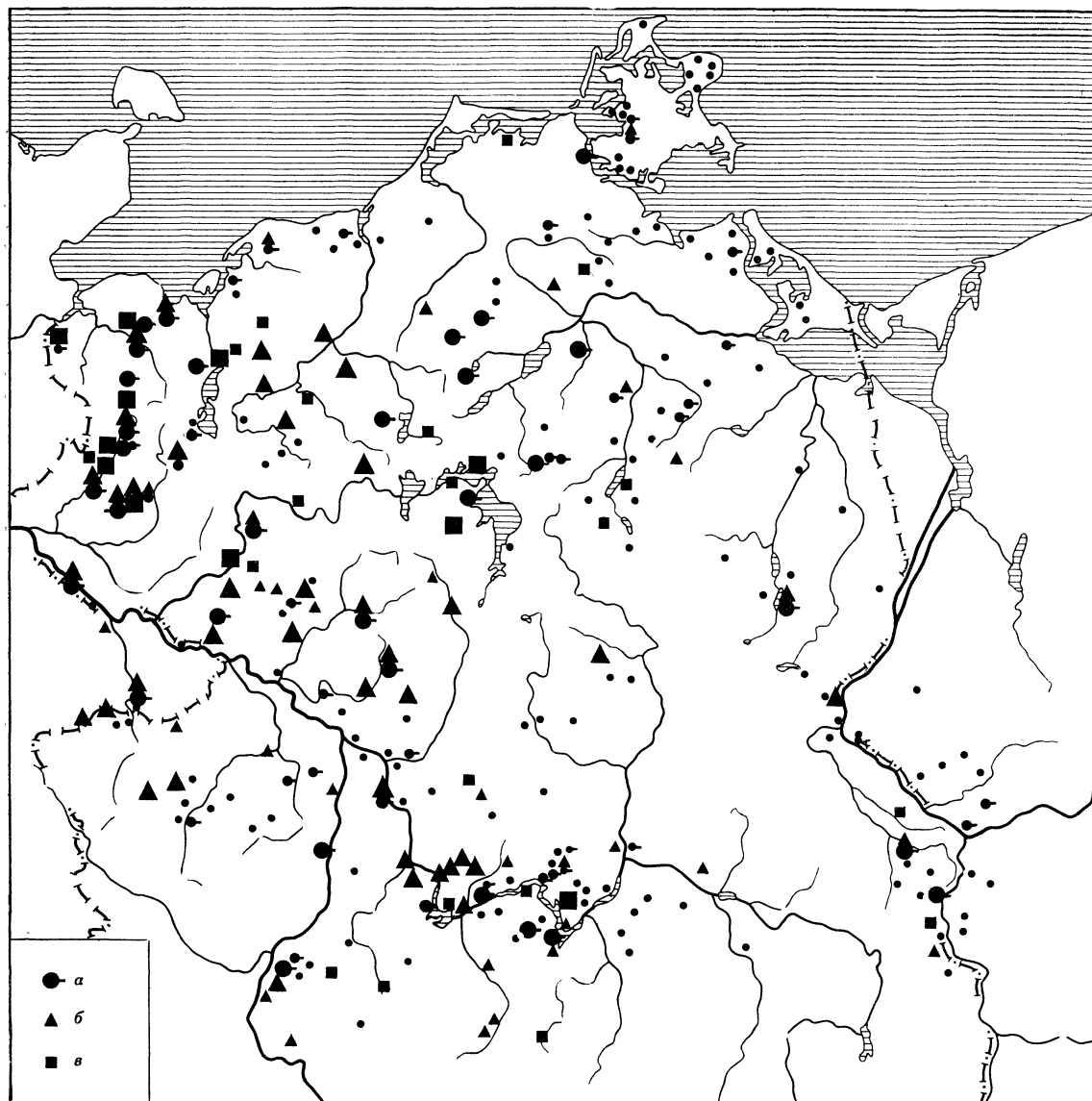
²²⁶ R. Beltz, 1920—1921, стр. 7.

²²⁷ W. Wegewitz, 1962, стр. 22; K. Waller, 1941—1942, стр. 254; E. Sprockhoff, 1953, стр. 16.

²²⁸ K. Waller, 1941, стр. 12.

²²⁹ H. Keiling, 1962, стр. 42.

²³⁰ W. Wegewitz, 1937, стр. 9; Он же, 1962, стр. 26.

Р и с. 14. Распространение чистых урновых погребений в междуречье Одры — Эльбы (по: А. Muller, 1957, карта 1)

a — период В₁; *b* — период В₂; *v* — неопределенная датировка

Мелкие знаки обозначают единичные и небольшое количество погребений, крупные — их большое число. Нумерация снята

мелкие кусочки угля и золы. К. Валлер для могильника Ватерпол отмечает незначительное количество остатков трупосожжения в урнах, что, по его мнению, позволяет считать, что для погребения брали лишь небольшую часть остатков кремации или их укладывали в несколько горшков²³¹. По наблюдению Р. Бельтца на некрополе Корхов, в урнах часто отсут-

ствуют крупные кости, например таза, бедра²³². Встречаются отдельные сосуды, в которых остатков трупосожжения вообще нет (Корхов, Ватерпол, Вахов, Ланц и др.). По мнению исследователей, это объясняется тем, что или трупосожжение утрачено, растворилось (Д. В. Бук), или пустой сосуд представ-

²³¹ К. Waller, 1941—1942, стр. 246.

²³² R. Beltz, 1920—1921, стр. 8.

лял погребение-кенотаф (Х. Кайлинг)²³³. На некоторых некрополях число пустых урн весьма велико. Например, в Ааре, на юге Ютландии, 21 из 96 урн — была пустая²³⁴. Особенно показателен в этом отношении Ватерпол, где из 143 погребенных сосудов остатки трупосожжения встречены только в 54²³⁵.

Как правило, урны содержат остатки одного индивида. Только в редких случаях в сосуде обнаруживаются кости двух человек, что может объясняться, как считает Х. Кайлинг, случайным попаданием костей другого человека при многократном использовании одного и того же места для трупосожжения²³⁶. Обычно остатки кремации сложены в урны хаотически, части различных костей скелета перемешаны, только в отдельных случаях зафиксировано расположение фрагментов костей в анатомическом порядке, так что обломки черепной коробки перекрывают прочие кости (Хармсторф, Оитцен, Ясторф, Шметцдорф, Ланц). Крюгер полагает возможным рассматривать такие наслоения как случайные, образовавшиеся вследствие того, что собирать останки трупосожжения начинали с ног²³⁷. Однако в большинстве случаев это, очевидно, делалось нарочно. О намеренных действиях говорит расположение костей в одном из погребений некрополя Ланц, где костями черепа были выложены стенки урны, а затем в анатомическом порядке сложены прочие кости скелета²³⁸. Кости детских погребений, составлявших около 1/3 общего числа захоронений, помещали в меньшие по величине сосуды.

Контуры ям, в которые поставлены урны, как правило, не прослеживаются. Чаще урны стоят свободно в земле, но на стадии рипдорф на некоторых некрополях еще встречаются обычные на ранних этапах ясторфской культуры небольшие каменные обкладки вокруг урн (Катемин, Туруа, Ватерпол и др.)²³⁹.

Количество каменных обкладок относительно велико на некрополе Гленитц, где только 4 из 18 могил ступени рипдорф не имели каменной обкладки. В целом же на типично ясторфских памятниках левобережья Эльбы, в Ганновере, в районе городов Лухов, Данненберг, Ильцен, Золтау урны с каменными обкладками на некрополях, где есть каменные

обкладки, составляют около 12% всех погребений.

Как правило, каменная обкладка состоит из нескольких камней, положенных друг на друга или в один ряд вокруг всей урны или только около ее основания. На некрополе Ватерпол четыре-пять булыжников величиной с кулак помещались под выпуклую часть плечиков урны, возможно, как считает К. Валлер, с целью защитить сосуд от давления земли²⁴⁰. Наряду с обкладками над отдельными урнами изредка встречаются небольшие каменные вымостки, свойственные ранним фазам ясторфской культуры. В могильнике Хорнбек обнаружены могилы под довольно большими каменными вымостками, известными в погребениях ранних стадий ясторфской культуры, но не свойственными для ступени рипдорф. Могила 13 в Гленитце имела каменную вымостку из двух пластов камня, но обычно вымостки однослойны. Возможно, реминисценцией старого обряда устройства каменных обкладок и вымосток является помещение в могилу одного, иногда нескольких камней, располагавшихся сбоку у дна урны (Ланц). Довольно часто урна стоит на камне, как на подставке. В более позднее время, на ступени зеедорф, каменные обкладки и подставки под урну в могилах на основной территории ясторфской культуры встречаются лишь эпизодически (каменная обкладка вокруг бронзового котла-урны некрополя Эхешторф-Варендорф, перекрытие камнем и подкладки камней под урнами в Валинге). В несколько большем количестве каменные обкладки вокруг урн на ступени зеедорф известны в могильниках Ютландского перешейка²⁴¹, но и там преобладают урны без каменных обкладок. На некоторых памятниках каменные обкладки отсутствуют, на других — составляют большой процент, например в Бёрнике около 1/2 погребений обложены камнями или имели каменную подставку (70 из 131).

В восточных районах ясторфской культуры зафиксирована обкладка некоторых урн фрагментами разбитых сосудов (Бральсторф, Длуге)²⁴². Черепки вокруг урны иногда лежат в несколько рядов (Парсендзко)²⁴³.

Сверху урны перекрывались миской, камнем или ставились открытыми. На ступени рипдорф урны часто покрыты миской, камнем или обоими одновременно, причем камень клали

²³³ R. Beltz, 1920—1921, стр. 8; K. Waller, 1941—1942, стр. 246; D. W. Buck, 1967, стр. 144; H. Keiling, 1962, стр. 36—37.

²³⁴ C. J. Becker, 1961, стр. 284.

²³⁵ K. Waller, 1941—1942, стр. 135, 246.

²³⁶ H. Keiling, 1965a, стр. 44.

²³⁷ H. Krüger, 1961, стр. 17.

²³⁸ H. Keiling, 1962, стр. 36.

²³⁹ H. Krüger, 1961, стр. 16; K. Waller, 1941—1942, стр. 235; E. Schmidt-Thielbeer, 1967, стр. 2.

²⁴⁰ K. Waller, 1941—1942, стр. 235.

²⁴¹ F. Tischler, 1937, стр. 57.

²⁴² H. Keiling, 1965, стр. 182; H. J. Eggers, 1936, стр. 129.

²⁴³ H. Schumann, 1889, стр. 183.

сверху миски²⁴⁴. Иногда одна миска накрывала сразу две урны (Ватерпол)²⁴⁵. В средне- и позднелатенское время количество урн, накрытых мисками, уменьшается по сравнению с предшествующим периодом. На многих некрополях (Эхешторф-Варендорф, Ватерпол, Харсефельд и др.) перекрытые мисками урны составляют лишь небольшую часть урновых погребений, а на некоторых кладбищах их нет вообще. По мнению исследователей глиняные миски в это время стали заменять деревянными крышками, которые сверху были утяжелены камнем²⁴⁶, оказавшимся с течением времени перекрытием урны. В захоронениях с глиняными урнами дерево пропадало без следа. Только в некоторых погребениях найдены его остатки (Нетцебанд, Хаар)²⁴⁷. Кусочки дерева от крышек обнаружены в захоронениях с бронзовыми сосудами (Харсефельд, Эхешторф-Варендорф)²⁴⁸. Иногда камни от перекрытия находятся в урнах, куда они попадали после сгнивания деревянной крышки. Как считает Х. Кайлинг, на употребление деревянных крышек указывает также фиксируемое иногда расположение обломков венчика на трупосожжении в урне, куда они попали, сломавшись под тяжестью крышки, на которую давила земля²⁴⁹. В. Вегевитц предполагает, что некоторые деревянные крышки были снабжены маленьким ушком или кольцом из железа. Эти ушки обнаруживаются в урнах или рядом с ними. Они сохраняли остатки дерева²⁵⁰.

На ступени зеедорф урны, перекрытые камнем, встречаются очень редко (Зеедорф-Швейцерхоф), а погребения, накрытые миской, — как исключение (Эхешторф-Варендорф). Почти все урны ставили открытыми.

С обрядом погребения в урнах связан ряд ритуальных действий и в частности повреждение погребальных сосудов. Многократно наблюдаются урны, ручки которых оббиты перед погребением (Гленитц, Каммер и др.), у части урн и перекрывающих мисок обломан край венчика²⁵¹. При этом фрагменты ручек и венчиков не обнаруживаются в земле, по соседству с урной. Некоторые исследователи предполагают, что для погребений использовали бытовые поврежденные сосуды. Сравнение керамики поселений и могильников показало,

что поврежденные бытовые сосуды действительно применялись для погребения, но не все бытовые сосуды использовались как урны. Наряду с сосудами, аналогичными урнам, среди керамики поселений встречаются такие грубые сосуды, которые не найдены в погребениях²⁵². В небольшом числе представлены погребения в урнах с намеренно пробитым отверстием на тулове или с отбитым или расколотым дном²⁵³. С ритуалом связаны, очевидно, находки осколков кремня в погребениях и рядом с ними на многих могильниках (Оитпен, Кляйн Хезебек, Ланц и др.)²⁵⁴. Погребение 53 в Кляйн Хезебеке содержало обломок побывавшего в огне каменного топора. Осколки кремня, как правило, следов огня не имели и, вероятно, были отколоты перед положением в могилы. На многих некрополях в урнах, обычно на их дне, находят кусочки смолы²⁵⁵.

Обычные на ранних ясторфских некрополях сосуды-приставки на стадиях рипдорф и зеедорф нехарактерны. В виде маленьких сосудов они изредка еще встречаются в могилах ступени рипдорф, где стоят в урнах на слое трупосожжения, наполненные песком и часто перевернутые вверх дном²⁵⁶. В виде исключения они находятся рядом с урной. На ступени зеедорф сосудов-приставок нет.

Эпизодически в междуречье Одры и Эльбы встречаются единичные урновые могилы с подсыпкой углей и золы погребального костра (Вахов, Ланц, Валиц). На востоке ясторфского ареала, между реками Одрой и Регой, погребения, обсыпанные остатками костра, представляют весьма частое явление, которое отличает ясторфские некрополи Среднего Поморья от более западных могильников основной территории этой культуры, характеризующейся господством чистых урновых захоронений. Наличие подсыпки костра в ясторфских погребениях Среднего Поморья Р. Волангевич объясняет влиянием лужицкой культуры²⁵⁷.

Кучки костей, чистых, без остатков угля и золы погребального костра, представляют второй тип погребений в поздняясторфских могильниках. Их несравненно меньше, чем урновых захоронений, и только на некоторых небольших некрополях они составляют высокий процент (Кляйн Хезебек — 62%).

²⁴⁴ G. Schwantes, 1956, стр. 192; K. H. Marschalleck, 1927, стр. 228; H. Krüger, 1961, стр. 15.

²⁴⁵ G. Schwantes, 1956, стр. 192; K. Waller, 1941—1942, стр. 235.

²⁴⁶ W. Wegewitz, 1962, стр. 20; H. Keiling, 1962, стр. 19.

²⁴⁷ H. J. Eggers, 1930, стр. 24; E. Schuldt, 1960, стр. 93.

²⁴⁸ W. Wegewitz, 1962, стр. 26.

²⁴⁹ H. Keiling, 1962, стр. 19—20.

²⁵⁰ W. Wegewitz, 1962, стр. 20.

²⁵¹ K. H. Marschalleck, 1927, стр. 228; K. Waller, 1941—1942, стр. 235.

²⁵² K. H. Marschalleck, 1927, стр. 228.

²⁵³ H. Krüger, 1961, стр. 16; R. Beltz, 1910, стр. 290.

²⁵⁴ H. Krüger, 1961, стр. 16; G. Schwantes, 1911, стр. 5, 156; H. Keiling, 1962, стр. 19.

²⁵⁵ R. Stimming, 1914, стр. 192—193; H. Krüger, 1961, стр. 16; H. Keiling, 1962, стр. 70.

²⁵⁶ G. Schwantes, 1909, стр. 159; Он же, 1956, стр. 192; K. H. Marschalleck, 1927, стр. 232; H. Krüger, 1961, табл. 19, 7; 31, 4.

²⁵⁷ R. Wołgiewicz, 1959, стр. 133.

Кучки костей можно рассматривать как разновидность урновых погребений, поскольку в ряде случаев прослежено, что они имеют форму, свидетельствующую о первоначальном их погребении в сосудах из органического материала — холста, кожи или дерева, который не сохранился до настоящего времени. В погребении 125 Ясторфского могильника прослежены остатки сгнившего дерева от обкладки костей²⁵⁸. Подобно урнам, кучки костей чаще лежат свободно в земле, изредка обложены камнями, перекрыты камнем или миской (Кляйн Хезебек, Бральсторф, Харсефельд)²⁵⁹. Как и в урновых погребениях, каменные обкладки около кучек костей представлены в основном на раннеясторфских некрополях. В могильниках ступеней рипдорф и зеедорф кучки костей в основном лежат свободно в земле.

Ямные могилы редки на ясторфских памятниках. Появляются они только на ступени рипдорф (Кляйн Хезебек, Отцмюле и др.). Погребения этого типа имеют вид небольших округлых или корытообразных углублений (глубиной 20—30 см), содержащих лежащие в беспорядке остатки трупосожжения в виде кусочков кальцинированных косточек, перемешанных с углем и золой погребального костра, фрагменты керамики, осколки камня со следами или без следов воздействия огня, инвентарь. Ямы не имеют боковых каменных обкладок и редко перекрыты камнем (ямное погребение 41 из Кляйн Хезебека)²⁶⁰. По данным Г. Крюгера, на ступени рипдорф ямные могилы на основной ясторфской территории — на Эльбе — представляют единичное и чуждое явление, связанное, возможно, с влиянием херусков²⁶¹, которым принадлежали памятники нинбургской группы к западу от Везера²⁶². В восточных районах ясторфской культуры, около Одры, ямных погребений несколько больше. Их наличие здесь, по-видимому, объясняется связями с племенами поморской культуры.

С обрядом погребения связаны находки на некоторых ясторфских некрополях фрагментов керамики, которые образуют скопления, группирующиеся около мест трупосожжения и очагов. На некрополе Ланц скопления керамики образовывали обычно обломки одного — трех, редко большего числа сосудов²⁶³. Возможно, их наличие объясняется ритуалом тризны.

Инвентарь ясторфских некрополей немногочислен. (При этом следует учитывать, что могилы могли быть ограблены в древности.) Большая часть погребений обычно лишена вещей. На некрополях округов Людвигслуст и Перлеберг (Мекленбург) лишь 35—40% захоронений содержат инвентарь; несколько больше погребений с инвентарем на некрополях Бранденбурга²⁶⁴. В могилах бывает обычно по одному предмету, реже — по два-три и совсем редко — большее число вещей. Показателен некрополь Ланц, где из 397 вскрытых погребений в 160 были найдены вещи. Это составляет около 40% всех могил. Из них 24% могил имели по одной вещи, 8% — по две, 4% — по три и 4% — больше, чем по три предмета, включая костяные вещи, пряслица и кусочки смолы, встреченные в 16 урнах²⁶⁵. В основном инвентарь состоит из украшений. Орудия труда и оружие редки. Оружие появляется с I в. до н. э. и часто встречается в раннеримское время (рис. 5, 7). Находки предметов вооружения в бассейне Эльбы многочисленнее, чем в районах, расположенных восточнее²⁶⁶.

Обычно предметы инвентаря несут следы воздействия огня, реже они положены в могилы непережженными. Строгого порядка в расположении вещей нет. Наиболее часто предметы лежат в урне поверх кальцинированных костей, иногда — среди них и редко — на дне сосуда. Крупные вещи согнуты. По данным Р. Бельтца, на некрополе Корхов инвентарь, побывавший в огне, лежал в урне между костей, с которыми он был выбран из остатков погребального костра. В тех захоронениях, где вещи не были пережжены, они лежали сверху костей и в виде исключения — на дне урны²⁶⁷. На некоторых некрополях инвентарь находится во многих случаях рядом с погребением, вне урны²⁶⁸. Это особенно относится к крупным предметам, в частности оружию. Из украшений в ясторфских могилах стадии рипдорф и зеедорф находят фибулы средние и позднелатенской схемы, поясные крючки, кольца, накладки, пряжки, булавки голштинского типа, булавки с лопатковидной и крыловидной головкой, цепочки от фибул, поясных крючков и булавок. Редко встречаются бусы, гривны, браслеты, серьги с завитым концом и парусовидные. Так же редко встречаются ножи и пряслица. Костяные вещи — гребни, булавки — в ясторфских погребениях латенского времени единичны.

²⁵⁸ H. Krüger, 1961, стр. 15.

²⁵⁹ G. Schwantes, 1911, стр. 156; H. Keiling, 1965, стр. 182; W. Wegewitz, 1937, стр. 9.

²⁶⁰ G. Schwantes, 1911, стр. 156.

²⁶¹ H. Krüger, 1961, стр. 16.

²⁶² K. Tackenberg, 1934, стр. 117.

²⁶³ H. Kelling, 1962, стр. 38—39.

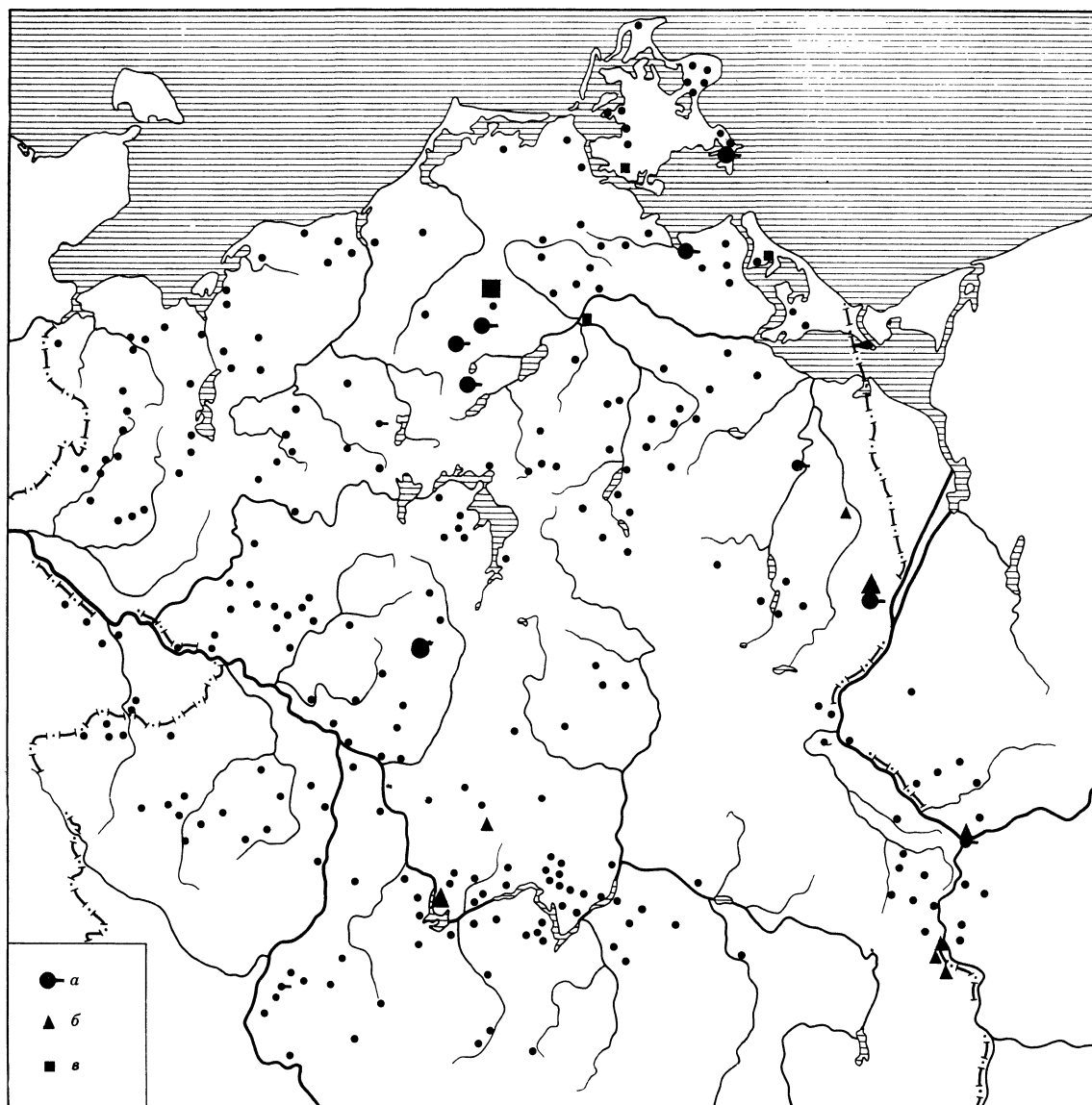
²⁶⁴ H. Keiling, 1965a, стр. 44; H. Seyer, 1960, стр. 42—43.

²⁶⁵ H. Keiling, 1962, стр. 50.

²⁶⁶ M. Jahn, 1916, стр. 8.

²⁶⁷ R. Beltz, 1920—1921, стр. 9.

²⁶⁸ W. Wegewitz, 1937, стр. 9.

Р и с. 15. Распространение ямных погребений раннеримского времени в междуречье Одры и Эльбы (по: A. Müller, 1957, карта 2)

а — период В₁; б — период В₂; в — неопределенная датировка

Мелкие знаки — единичные погребения, крупные — большое число погребений. Нумерация снята

В большем количестве они выступают в последующее, раннеримское время²⁶⁹. Из оружия на рассматриваемой нами территории в период римдорф известна только одна находка наконечника копья из Форде²⁷⁰.

В позднелатенских ясторфских погребениях оружие немногочисленно и в основном представлено наконечниками копий и дротиков, которые часто воткнуты в землю рядом с ур-

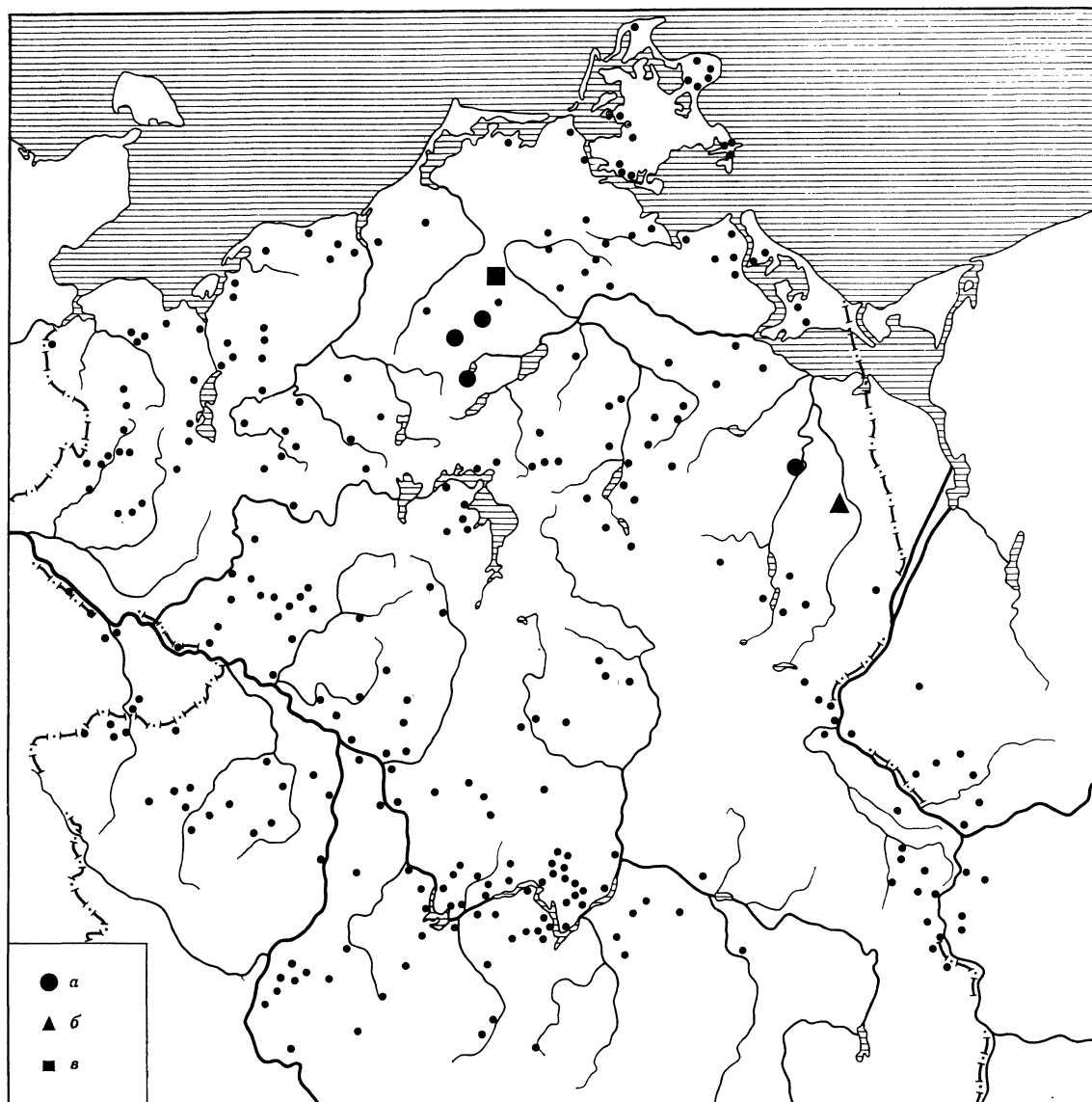
ной. Мечи встречаются реже. Щиты, подобно копьям, в ряде случаев также втыкались в землю острым выступом умбона²⁷¹. Иногда от щитов в урнах находятся только их части, например оковки без умбона²⁷². При тесном расположении погребений принадлежность крупных предметов, лежащих вне урны, к определенному захоронению не всегда устанавливается точно. Достоверно об этом можно

²⁶⁹ R. Stimming, 1934, стр. 250.

²⁷⁰ M. Jahn, 1916, стр. 6.

²⁷¹ W. Wegewitz, 1962, стр. 33.

²⁷² R. Beltz, 1920—1921, стр. 9.

Р и с. 16. Распространение урновых погребений с подсыпкой остатков костра в междуречье Одры и Эльбы в раннеримское время (по: A. Müller, 1957, карта 3)

а — период В₁; б — период В₂; в — неопределенная датировка. Нумерация снята

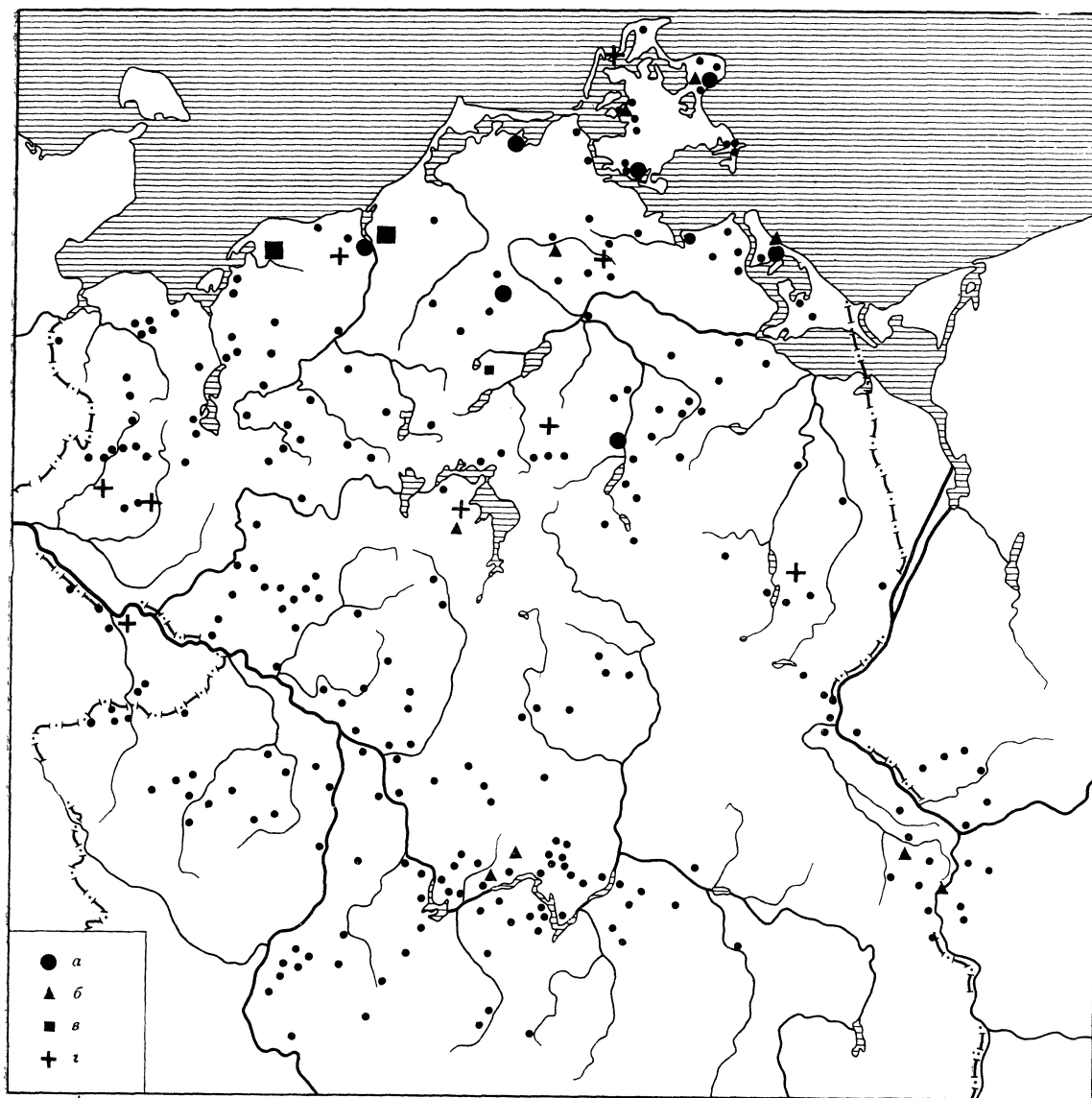
судить в тех случаях, когда, например, умбон щита прислоняется к урне или урна стоит на умбоне, воткнутом острием в землю²⁷³.

* * *

Погребальный обряд племен бассейна Эльбы и прибалтийского междуречья Одры и Эльбы в римское время в значительной мере сохранял особенности позднелатенского периода.

²⁷³ W. Wegewitz, 1937, стр. 9.

Традиционное господство чистых урновых погребений наиболее хорошо прослеживается в бассейне Эльбы (рис. 3; 14). В районах, прилегающих к Одере, и на Мекленбургском озерном плато отмечается появление относительно большого количества погребений в ямных могилах (рис. 15), урнах с подсыпкой остатков костра (рис. 16), а также труположений, локализирующихся в раннеримское время преимущественно вдоль балтийского побережья, на северо-востоке междуречья Эльбы и Одры (рис. 17).

Р и с. 17. Распространение погребений с труположениями в раннеримское время в междуречье Одры — Эльбы (по: А. Müller, 1957, карта 4)

а — период В₁; б — период В₂; в — неопределенная датировка; г — «княжеские» могилы.
Нумерация снята

Специальной работы, посвященной детальной характеристике ритуала погребения племен римского времени на интересующей нас территории, нет. Однако более или менее подробное описание его дано в трудах Х. Хостмана, Фосс и Штимминг, В. Маттеса, Р. Гутьера, В. Асмуса, Ф. Кухенбуха, Т. Фойгта, А. Генриха, Х. Шубарта²⁷⁴. Особо следует от-

метить монографию А. Мюллера²⁷⁵, в которой дана краткая характеристика отдельных типов погребений и картографирована специфика обряда 293 памятников в районе между Балтийским морем на севере и Хафельским озерным плато на юге.

Основным обрядом погребения племен бассейна Эльбы и междуречья Эльбы и Одры в

²⁷⁴ Ch. Hostmann, 1874; Voss, Stimming, 1890; W. Matthes, 1929; Он же, 1931; Он же, 1931а; R. Guthjahr, 1934; W. D. Asmus, 1938; F. Kuchenbuch, 1938;

T. Voigt, 1940; A. Genrich, 1939; Он же, 1954; H. Schubart, 1954—1955, стр. 56—57.
²⁷⁵ A. Müller, 1957.

римское время оставалась кремация. На нескольких некрополях обнаружены места для трупосожжения в виде каменных вымосток (Нойкlostер, Дальхаузен и др.). Наиболее хорошо изученная каменная вымостка в могильнике позднеимского времени Дальхаузен, лежащая на глубине 0,4 м от поверхности, имела длину 6,5 м при ширине 2,75 м. Между черными обожженными камнями находились осколки костей, пепел и мельчайшие кусочки угля. Около вымостки встречались немногочисленные осколки костей без угля. Вокруг вымостки грунт на 2—3 м не был перекопан, а погребения располагались таким образом, что можно предположить существование дороги, ведущей к месту сожжения²⁷⁶.

Как и в латенское время, в I—II вв. н. э. на Ютландском перешейке, в бассейне Эльбы, по Хафелю и в Западном Мекленбурге господствуют урновые погребения. Они доминируют на 149 некрополях из 293, рассмотренных А. Мюллером²⁷⁷.

Могильники первых веков нашей эры расположены как на супесчаных возвышениях — холмах, так и на ровной местности, и на легких склонах. На одном некрополе, по свидетельству А. Мюллера, часто хоронили умерших довольно обширной области. Большая часть кладбищ содержит от 50 до 300 могил²⁷⁸. Есть и более крупные некрополи, насчитывающие свыше 1 тыс. погребений, а также отдельные захоронения и маленькие могильники. Небольшие некрополи, в которых число погребений не превышает 50, по данным А. Мюллера, представлены в основном памятниками ступени В₁ (0—50 гг. н. э.), за исключением низовой Одры, где они относятся также к периоду В₂ (50—150 гг. н. э.), что, по мнению А. Мюллера, объясняется очень редким населением этого района²⁷⁹. Во многих могильниках отмечено расположение погребений рядами (Дарцау, Корхов, Камин, Котендорф, Хохен Вихельн, Ямель и др.). На некрополе Дарцау, где вскрыто около 350 могил (по подсчетам Х. Хостмана всего их было около 4 тыс.), урны стояли четырьмя рядами, ориентированными в направлении с запада на восток. Ряд от ряда отстоял на 4 фута, а урна от урны в каждом ряду — на 3 фута²⁸⁰. В Рахове ямные могилы располагались довольно правильными рядами, направленными с северо-востока на юго-запад и удаленными на 2 м друг от друга²⁸¹.

Помимо рядовой планировки, отмечается расположение урн небольшими группами²⁸². Урны обычно стоят на глубине 0,4—0,6 м, свободно в земле. Реже вокруг урн устроена обкладка из булыжников или рядом с урной положены один или несколько камней (Бливенсторф, Брюель, Гранцин, Луизенхоф, Молкенберг, Раушендорф и др. — рис. 11). В могильнике Кубир при устройстве погребений римского времени были разрушены захоронения раннего железного века и их каменная защита была использована для вновь устроенных погребений²⁸³. На многих некрополях каменных обкладок около урн нет. Количество их варьирует в разных районах. На некрополях Бранденбурга в бассейне Хафеля каменные обкладки представлены только в отдельных случаях. На севере, в Мекленбурге, каменные обкладки и отдельные камни около урн встречаются значительно чаще. Судя по материалу, опубликованному В. Асмусом, здесь они констатированы приблизительно на 1/3 некрополей.

В I в. н. э. исчезают каменные обкладки на некрополях Ютландского перешейка, в Восточном Гольштейне и Южном Шлезвиге²⁸⁴. Как единичное явление, локализующееся в Мекленбурге, следует указать находку под землей рядом с одним из погребений некрополя Тетеров грубой стелы из гранита высотой 0,3—0,4 м и пирамиды из камней рядом с захоронением в Рахове, а также подземной стены — ограды из булыжников, ограничивавшей площадь, занятую урнами, в Кляйн Пластен²⁸⁵.

Как правило, урны стоят открытыми. Иногда урны накрыты камнем, иногда уплощенный камень уложен несколько выше земли, над урной. Небольшие камни, которые, вероятно, сначала лежали над урной, попадают в урнах. Очевидно, здесь, как и в латенское время, можно говорить об использовании деревянных крышек. Как считают Р. Бельц и Х. Доргес, камни сначала служили для отметки могил²⁸⁶. Величина урн до известной степени зависела, как и в предшествующий период, от возраста погребенных. Захоронения детей помещены в маленькие урны, взрослых — в крупные. В урнах находятся чистые кальцинированные кости, которые заполняют нижнюю часть сосуда, в верхней части — чистый песок. Хоронили не все кости скелета. По свидетельству Хостмана, на некрополе Дарцау в урнах находились преимущественно кости черепа, в больших урнах обнаружены также остатки шейных позвонков,

²⁷⁶ W. Matthes, 1931a, стр. 9.

²⁷⁷ A. Müller, 1957, стр. 73—76.

²⁷⁸ Там же, стр. 3.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Ch. Hostmann, 1874, стр. 4.

²⁸¹ W. D. Asmus, 1938, стр. 105.

²⁸² W. D. Asmus, 1938, стр. 71; H. Dorges, 1957, стр. 49; K. Grebe, 1963, стр. 140.

²⁸³ A. Auerswald, 1939, стр. 264.

²⁸⁴ F. Tischler, 1937, стр. 57.

²⁸⁵ W. D. Asmus, 1938, стр. 20, 91, 105.

²⁸⁶ R. Beltz, 1920—1921, стр. 7; H. Dorges, 1957, стр. 50.

лопатки, ключицы и предплечья. Части таза, груди, поясничных позвонков, ребер, нижних конечностей попадались только в редчайших случаях. В целом же в урнах оказывалось около $\frac{1}{10}$ части пережженных костей скелета. При этом кости черепа лежали сверху прочих костей²⁸⁷. Полного единообразия в выборе для погребения определенных костей скелета не было. В. Маттес для некрополей Пригнитца указывает, что в урнах крупные кости конечностей лежали внизу, а части черепа — наверху²⁸⁸. Анатомическое расположение костей в урнах не было правилом. На одном и том же памятнике кости в урнах могли лежать и в анатомическом порядке и без определенного порядка (Валитц, Раушендорф, Каммер, Форде).

Преобладание урновых погребений сохраняется в бассейне Эльбы и Хафеля на протяжении всего римского времени. На ступени В₁, по данным А. Мюллера, урновые погребения доходят до Одры в значительном числе. Их нет только у устья Одры, где встречены ямные и урновые погребения с подсыпкой. На ступени В₂ восточная граница ареала урновых захоронений проходит несколько западнее линии, идущей от верхнего течения Хафеля, через Мекленбургское озерное плато, на Нижний Варнов. Отсюда урновые погребения единично распространяются на некрополи Люнов и Мальцов на Северном Бранденбурге²⁸⁹.

Нехарактерные для основной территории рассматриваемого региона урновые погребения с подсыпкой остатков костра в раннеримское время, по данным А. Мюллера, известны на шести некрополях восточной части междуречья Одры и Эльбы (рис. 16). В этих погребениях останки кремации, отделенные от остатков костра, вместе с инвентарем помещены в урны, вокруг которых и над которыми насыпаны зола и мелкие угли погребального костра. По свидетельству А. Мюллера, урновые могилы с подсыпкой появляются наряду с ямными захоронениями на ступени В₁ в области Тетеровских озер и на востоке Форпомерн. В период В₂ они локализуются около устья Одры²⁹⁰. По мнению В. Асмуса, Х. Шубарта и А. Мюллера²⁹¹, урновые погребения с подсыпкой остатков костра к западу от Одры, как и ямные могилы, указывают на тесные связи с племенами оксывской культуры, у которых ямные и урновые захоронения с подсыпкой представляли обычный вид погребения.

Появление погребений этих типов на левобережье Одры связывают с продвижением оксывских племен на запад.

Как и в позднелатенское время, разнообразие урновых погребений являлись кучки костей, поскольку при этом останки трупосожжения первоначально также находились в сосуде, но не из глины, а из несохранившегося органического материала. Кучки кальцинированных костей с инвентарем или без него лежат свободно в земле на той же глубине, что и урновые погребения. Лишь в отдельных случаях они перекрыты камнем или обложены камнями. Кучки костей локализуются во всей изучаемой области междуречья Одры и Эльбы, но количественно уступают урновым погребениям²⁹². На 47 погребений могильника Каммер приходится 44 урновые могилы и 3 кучки костей²⁹³.

Ямные погребения представляют довольно большую группу в Восточном Мекленбурге и в бассейне Одры. По данным А. Мюллера, они встречены на 20 некрополях, расположенных в восточной части изучаемого района (рис. 15). В ямных захоронениях останки кремации умершего, перемешанные с остатками костра и обычно скудным инвентарем, сыпали в яму. В ямных погребениях района между Рекнитцем и Верхней Пене встречены единичные маленькие сосуды, а также ошлакованные фрагменты керамики, что, по мнению В. Асмуса, свидетельствует о связях с силезской группой пшеворской культуры²⁹⁴. По данным А. Мюллера, ямные могилы в период В₁ в наибольшем числе локализуются в Восточном Мекленбурге, в области вокруг Тетеровских озер, в Форпомерн и на Одре (рис. 15). В области Тетеровских озер они встречаются с чистыми урновыми и урновыми могилами с подсыпкой. На ступени В₂ ямные могилы распространены у устья Одры, в пространстве Франкфурт—Кюстрин, и проникают в бассейн Хафеля, где, возможно, их было больше, чем известно сейчас, поскольку, как свидетельствуют Р. Гутьяр и А. Мюллер, неясно, были они на некрополях, исследованных путем зондирования²⁹⁵. На Эльбе ямные погребения встречаются только эпизодически (Валитц).

Инвентарь погребений с трупосожжением раннеримского времени небогат. Обычно он имеет следы пребывания в огне.

В большинстве могил нет ничего, кроме кальцинированных костей. При наличии инвентаря вещи лежат в урне обычно поверх

²⁸⁷ Ch. Hostmann, 1874, стр. 6—7.

²⁸⁸ W. Matthes, 1931a, стр. 10.

²⁸⁹ A. Müller, 1957, стр. 3.

²⁹⁰ Там же, стр. 4.

²⁹¹ W. D. Asmus, 1938, стр. 55; H. Schubart, 1954—1955, стр. 58; A. Müller, 1957, стр. 4.

²⁹² A. Müller, 1957, стр. 4.

²⁹³ H. Geisler, 1967, стр. 165.

²⁹⁴ W. D. Asmus, 1938, стр. 55, 120.

²⁹⁵ R. Gutjar, 1934, стр. 12; A. Müller, 1957, стр. 4.

костей или между ними, крупные предметы — часто рядом с урной или под ней²⁹⁶. Состав инвентаря в урнах позволяет различать мужские и женские захоронения, которые в районах по Эльбе находятся в разных могильниках: в одних есть только мужские погребения (Корхов, Доллен, Мармсдорф), в других — только женские (Гранцин, Кухбир, Милов). Согласно Г. Швантесу, разделение мужских и женских некрополей на Эльбе произошло уже на ступени эедорф и продолжалось в раннеримское время, что подтверждено наблюдениями в Ганновере, Шлезвиг-Гольштейне, Мекленбурге, Саксонии и Тюрингии. Одиночные фибулы, оружие, полулунные бритвы, которые во II в. н. э. постепенно сменяются ножницами, характеризуют мужские могилы. Две или три фибулы, серьги и другие украшения, поясные крючки, пряслица, полукруглые ножи с закругленной ручкой свидетельствуют о женских погребениях. На мужских некрополях больше безынвентарных могил, чем на женских. Различие простирается не только на состав погребального инвентаря, но и на формы урн. Сосуды с тремя ручками или выступами характерны для женских некрополей типа Фюльсбюттель, Хорнбек; простые урны без ручек — для мужских могил²⁹⁷.

Четкое разделение некрополей по полу умерших не распространялось на весь описываемый район. Мужские и женские погребения находятся на одних и тех же некрополях в бассейне Хафеля, в Бранденбурге, на востоке и севере Мекленбурга. Так, в могильнике Бливенсторф обнаружены и мужские и женские могилы, но располагались они в разных частях некрополя²⁹⁸. То же можно сказать относительно некрополя Рахов у Тетерова: мужские могилы находились в юго-восточной, а женские — в северо-западной части могильника. В этой части была только одна мужская урноватая могила с умбоном щита, наконечником копья, ножом и фибулой²⁹⁹. В женских могилах нет оружия. Наиболее часто оружие находят в низовьях Эльбы (рис. 7). В мужских могильниках предметы вооружения содержат меньшую часть погребений. Например, в 1022 позднелатенских и раннеримских погребениях некрополя Эхешторф-Варендорф найдено всего 35 наконечников копий, 6 наконечников дротиков, 1 наконечник стрелы, 15 умбонов от щитов, 2 бронзовые и 10 железных оковок щита. Мечи здесь не найдены. На 396 мужских

и женских погребений некрополя Бливенсторф приходится только 4 могилы с оружием, в число которого входят 4 железных умбона, 2 железные оковки щита и 5 наконечников дротиков и копий³⁰⁰. Нередко в одной могиле находилось по два наконечника копья. Наиболее часто из предметов вооружения встречаются копья. По данным А. Мюллера, они найдены на 58 некрополях из 293 исследованных³⁰¹. За копьями по количеству следуют умбоны и части щитов. Находки мечей относительно немногочисленны: на 18 памятниках из тех же 293. Из 18 указанных могильников в некоторых встречено только по одному мечу (Бливенсторф, Кетцур). Находка в одном могильнике 8—12 мечей (Корхов, где исследовано свыше 400 погребений), по свидетельству А. Мюллера представляет исключение³⁰². Наибольшее число мечей — 15 — обнаружено в Грос-Ромштедте на Средней Эльбе³⁰³. А. Мюллер считает, что относительно небольшое количество находок мечей обусловлено их большой ценностью, из-за чего мечи избегали класть в погребения. Находки кольчуг в погребениях раннеримского времени известны в четырех случаях³⁰⁴.

Шпоры встречаются в погребениях с оружием и без оружия (Апенсен)³⁰⁵. В погребении у г. Хагенов обнаружен шлем³⁰⁶. Как и в позднелатенское время, крупные предметы вооружения перед погребением были согнуты и обожжены. Они лежат как рядом с урной, так и в ней (Бесеритц, Корхов, Форде и др.)³⁰⁷.

К инвентарю главным образом мужских могил относятся ножницы. Пинцеты встречаются изредка в погребениях и мужчин и женщин. Обычным и распространенным инвентарем являлись фибулы, ножи, шилья. В мужских погребениях с оружием находят также рога для питья. Очень редко попадаются рабочие инструменты — долота, серпы (Корхов), боевые топоры. В единичных погребениях встречаются крючки и оковки деревянных шкатулок, замки и их части, более многочисленные в позднеримском периоде и преимущественно в женских захоронениях. Типичным инвентарем последних являлись изготовленные в основном из песчаника и реже из глины пряслица биконической и плоскоцилиндрической формы, в большом количестве обнаруженные в Дарцау, Рахове, Кубире и др. Из украшений, помимо фибул, в небольшом количестве найдены каменные и стек-

²⁹⁶ E. Schmidt-Thielbeer, 1967, стр. 11; W. Wegewitz, 1964, стр. 28 и сл.; A. Müller, 1962, стр. 2.

²⁹⁷ G. Schwantes, 1958, стр. 343, 344; A. Müller, 1957, стр. 3.

²⁹⁸ H. Dorges, 1957, стр. 51.

²⁹⁹ W. D. Asmus, 1938, стр. 105.

³⁰⁰ H. Dorges, 1957, стр. 88.

³⁰¹ A. Müller, 1957, стр. 118—119.

³⁰² Там же, стр. 58—61, 117.

³⁰³ G. Eichhorn, 1927, стр. 128.

³⁰⁴ A. Müller, 1957, стр. 54.

³⁰⁵ W. Wegewitz, 1929, стр. 148.

³⁰⁶ R. Beltz, 1910, стр. 315.

³⁰⁷ K. Grebe, 1963, стр. 142.

лянные бусы. Браслеты и перстни редки. В конце периода появляются ведерковидные подвески³⁰⁸. Значительно чаще, чем в поздне-латенское время, встречаются костяные гребни и булавы из бронзы, железа, серебра и кости³⁰⁹. В урнах довольно часто попадают также точильца и кусочки смолы. Обычные в поздне-латенский период поясные крючки и кольца в раннеримское время постепенно заменяются пряжками. Из прочих редких находок можно указать на кремни для огнива, игральные кости (Гросс Келле), астрагалы (Корхов) и некоторые другие вещи³¹⁰. В виде исключения в урновой могиле некрополя Прозитц встречены зубы лошади. По мнению В. Шульца, это согласуется с известием Тацита о бытовавшем у германцев обычае при погребении отправлять в костер также и лошадь³¹¹. Непережженный зуб лошади найден также в погребении латенского времени в Вахове, он лежал вместе с кальцинированными костями человека³¹².

Сопровождающие сосуды в погребениях на Эльбе почти не встречаются. В несколько большем числе они известны в бассейне Одры в районах, испытавших влияние восточных соседей, о котором свидетельствует также наличие здесь большего количества ямных могил и урновых захоронений с подсыпкой (Тетеров)³¹³.

Как и в латенское время, в могильниках представлены остатки очагов в виде ям, заполненных темной углистой массой, без остатков кальцинированных костей и инвентаря. Размеры их очень различны. В Бливенсторфе большинство очажных ям имело диаметр до 0,8 м и достигало глубины 0,9 м. Иногда в них находились камни, расколовшиеся от жара костра. Как считает Х. Доргес, очаги горели при погребальной церемонии³¹⁴.

С I в. н. э. в изучаемом районе появляются погребения с труположениями. Их было несравненно меньше, чем могил с трупосожжениями. По свидетельству А. Мюллера, количество погребений с ингумациями на раннеримских некрополях было всегда небольшим и не превышало десяти³¹⁵. Они находятся на одних некрополях с кремациями (Гюстров, Пазевальк, Круммин и др.) и в виде отдельных могил без сопутствующих трупосожжений (Лебус, Люнов и др.).

Количество погребений с труположениями неодинаково в различных районах рассматриваемой территории. По данным А. Мюллера и А. Лойбе, основная масса их группируется на узкой полосе побережья от Висмарской бухты до острова Узедом включая остров Рюген³¹⁶. Согласно А. Лойбе, из почти 100 труположений Мекленбурга — 80% происходит из восточной прибрежной области. Только на острове Рюген и в прилегающей части Штральзунда концентрируется $\frac{1}{3}$ ингумаций Мекленбурга раннеримского времени. На этом пространстве локализуются наиболее крупные комплексы могил с труположениями (Бальм, Круммин — по 10 могил, Варбельвиц — 6, Ганшвиц). По мнению А. Лойбе, на островах Рюген и Узедом, а также на побережье в устьях Варнова и Барте труположение выступает даже как доминирующая форма погребального ритуала, хотя всюду здесь погребения с ингумациями перемешаны с кремациями³¹⁷. Сходство в погребальном обряде и инвентаре позволяет исследователям сближать основную группу прибрежных ингумаций Восточного Мекленбурга с труположениями оксывской культуры³¹⁸.

На основной территории междуречья Одры и Эльбы, а также в бассейне Эльбы погребения с труположениями встречаются эпизодически. На ступени В₁ они распространяются в области между Рекнитцем и Толлензее (Тетеров). На ступени В₂ ингумации попадают единично в Мекленбургском поозерье, в Западном Мекленбурге, Восточном Ганновере (Марведель), Бранденбурге (Битиков, Вахов, Зеелов, Лебус, Люнов). Погребения с ингумациями Западного Мекленбурга и Восточного Ганновера, как и часть труположений Юго-Восточного Мекленбурга, богато снабжены инвентарем, среди которого много предметов римского импорта, в основном римские бронзовые сосуды, что позволяет рассматривать их как «княжеские» захоронения (рис. 17)³¹⁹. Малое количество погребений с ингумациями на некрополях западнее Одры резко отличает этот район от Повисленья, где в I—II вв. н. э. были могильники, насчитывавшие по несколько десятков, а возможно даже и сотен погребений с труположениями (Лазы, Пруш, Половите, Сковарч, Цепле и др.).

Почти всегда захоронения с ингумациями индивидуальны, содержат остатки одного скелета. Поза погребенных из-за плохой сохранности костей во многих случаях не установлена. В це-

³⁰⁸ K. Grebe, 1963, стр. 142.

³⁰⁹ R. Beltz, 1910, стр. 250—254, 319.

³¹⁰ Там же, стр. 329.

³¹¹ W. Schulz, 1953, стр. 45.

³¹² D. W. Buck, 1966, стр. 143.

³¹³ W. D. Asmus, 1938, стр. 120.

³¹⁴ H. Dorges, 1957, стр. 50.

³¹⁵ A. Müller, 1957, стр. 5. В последние годы обнаружены новые местонахождения с ингумациями. Число их достигло в Мекленбурге 45. На них открыто около 100 погребений с труположениями (А. Leube, 1970, стр. 210).

³¹⁶ A. Müller, 1957, стр. 4; A. Leube, 1970, стр. 210.

³¹⁷ A. Leube, 1970, стр. 217.

³¹⁸ G. Kossinna, 1928; A. Leube, 1970, стр. 218.

³¹⁹ H. J. Eggers, 1949—1950, стр. 58; A. Müller, 1957, стр. 4.

лом для рядовых ингумаций раннеримского времени характерны захоронения в простых прямоугольных или овальных могильных ямах глубиной более 1 м, иногда 2 м. Их размеры в плане обычно несколько превышают величину, необходимую для помещения покойного. Костяки вытянуты на спине (Вахов, Люнов и др.) или скорчены на правом или левом боку (Круммин, Кирхбагендорф, Глутцов, Лебус). Количественно преобладают погребенные, обращенные головой на север. Встречается также ориентировка с востока на запад, головой на восток или запад, изредка — головой на юг. По наблюдению А. Лойбе, различия в ориентировке погребенных имеют локальный характер. В прибрежной части Мекленбурга, где находится большинство погребений с ингумациями, господствует ориентировка головой на север при преобладании вытянутого положения на спине. В виде исключения попадают костяки, лежащие головой на юг. В некрополе Гюстов на острове Рюген из десяти погребенных девять лежали головой на север, один — на юг³²⁰. Во внутренних районах Мекленбурга преобладает ориентировка с востока на запад (Гнойен, Альт-Шонау, Битиков), головой на восток, с черепом, повернутым лицевой частью на юг. В Уккермарке умершие положены головой на запад с лицом, повернутым к северу (Цольхов). В соседних районах Бранденбурга известны обе ориентировки³²¹.

В погребениях Ютландского перешейка (Обертьерсдаль) умершие обращены головой к югу, чаще лежат в слегка скорченном положении, на боку. Отмечено, что погребения с ингумациями в некоторых случаях находятся в могильниках несколько в стороне от основной массы погребений с кремациями³²². Погребения с труположениями появляются здесь во второй половине I в. н. э., а в культурном отношении этот район тяготеет к Ютландскому полуострову и Датским островам.

Плохая сохраняемость дерева не всегда дает возможность судить об использовании этого материала в устройстве могил. Все же во многих случаях прослежены остатки деревянных гробов или колод, в которые укладывали умерших (Бальм, Гюстов, Круммин, Хефен и др.). В Крумминне обнаружен широкий гроб из досок³²³.

Во многих случаях около погребенных находятся обкладки из камней, отдельные камни, иногда могила перекрыта каменной выкладкой (Брамов, Брунов, Гросс-Келле, Дислей, Дрензе, Камин, Тетеров и др.). На побережье Бал-

тики, в Брамове и Крумминне представлены полукруглые каменные выкладки. Голова погребенного в Серославе покоилась на камне, а сверху захоронение было перекрыто прямоугольной вымосткой из камней. Наброской из камней была перекрыта часть погребений в Грабове³²⁴ и Серославе. Они имеют параллели в Скандинавии³²⁵.

К особенностям потребального ритуала относятся также наличие кусочков угля в некоторых погребениях (Марведель и др.)³²⁶.

Инвентарь погребений с труположением состоит из украшений, деталей одежды, керамики и утвари. По наблюдению А. Лойбе, в прибрежной части Мекленбурга могилы II в. н. э. имеют более богатый инвентарь, чем погребения I в. н. э. Глиняные сосуды в погребениях встречаются довольно редко и представлены преимущественно в могилах прибрежной зоны Мекленбурга³²⁷. В могилу чаще ставили один сосуд, реже — два (Сагард). В большинстве случаев сосуд стоит у головы, реже — в ногах (Дрензе, Тильзов). Украшения и детали одежды обычно находятся на тех местах, где их носили при жизни. Из них фибулы являются наиболее частой находкой в погребениях с ингумациями. Далее следуют пряжки, наконечники ремней, подвески, бусы, довольно редки булавки. Парные фибулы чаще всего находятся на ключицах, третья — под нижней челюстью. В Демминне, Бальме (погребение 11), Гнойене (погребение 2), Гюстове (погребение 3/1964) имелось по одной фибуле, которая лежала на правом плече погребенного, в Гнойене (погребение 1) — на левой стороне. Наконечники ремней находились в области таза, на коленях (Круммин, погребение 8). Бронзовая булавка в Гюстове (погребение 1/1956) лежала около затылка³²⁸. За или под головой погребенного бывают костяные гребни³²⁹. Утварь представлена пряслицами, железными ножами и ножницами, которые в богатых могилах изготовлены из бронзы. В целом женские погребения богаче вещами, нежели мужские, которые сопровождаются единичными сосудами, фибулами, наконечниками ремней, пряжками. По две и больше фибул встречается в женских погребениях. В отдельных богатых могилах попадают остатки деревянных шкатулок и замки от них (Варбельвитц), рога для питья, оковки которых найдены также в погребениях с трупосожжениями. В богатых «княжеских»

³²⁴ E. Lisch, 1870, стр. 109.

³²⁵ A. Leube, 1970, стр. 211—212.

³²⁶ F. Krüger, 1928, стр. 6.

³²⁷ H. Berlekamp, 1959, стр. 83; A. Leube, 1970, стр. 213.

³²⁸ A. Leube, 1970, стр. 215.

³²⁹ A. Müller, 1957, стр. 35.

³²⁰ P. Herfert, A. Leube, 1966, стр. 240.

³²¹ A. Leube, 1970, стр. 211.

³²² F. Tischler, 1937, стр. 57.

³²³ H. Schubart, 1954—1955, стр. 57.

могилах представлены преимущественно изделия римского импорта, бронзовые сосуды; предметы местного производства встречаются реже. Так, в погребении у Марведеля найдены римские бронзовые миски, кастрюлька, ведро и местные глиняные миски и кубок³³⁰.

Оружие в погребениях с ингумациями, как правило, отсутствует, за исключением шпор, которые попадаются в богатых захоронениях. В Мекленбурге могил с оружием нет, кроме двух — в Барте и Брамове. Предметы вооружения в этих могильниках связывают со скандинавским влиянием³³¹. В Брамове оружие находилось в парном погребении I в. н. э. Костяки лежали рядом на глубине 1,5 м, головы на северо-восток. Умершие были окружены обкладкой из больших камней. Поперек груди погребенных были положены две большие собаки, что является исключением для погребального обряда рассматриваемых нами культур. Около одного скелета лежал наконечник копья, около другого — умбон щига, обломок прямого ножа и точильный камень. В Бранденбурге труположения с оружием обнаружены в Люнове и Вахове³³². Отсутствие оружия в основной массе погребений сближает ингумации римского времени в прибалтийской зоне от Нижнего Повисленья до Ютландии и Датских островов включительно и отличает их на севере от захоронений с труположениями Швеции, Норвегии, островов Готланд и Эланд, а на юге — от погребений пшеворской культуры, где оружие находится в погребениях как с кремациями, так и с ингумациями.

Вопрос о происхождении обряда ингумации в рассматриваемом районе остается спорным. Некоторые исследователи (М. Ян, О. Клиндт-Енсен) связывают его с югом, считая, что этот ритуал от кельтов по Одре распространился до моря и потом проник в Скандинавию³³³. Мнения о южном происхождении ритуала ингумации придерживаются также Б. Штернквист, сопоставляющая погребения с каменными обкладками и деревянными конструкциями Скандинавии со скифскими могилами, и Лойбе³³⁴. Широко была распространена гипотеза о связи обряда труположения с готами и возможности его самостоятельного возникновения на севере в Скандинавии³³⁵, а затем уже проникновения вместе с

готами на север материковой Европы. В последнее время эта гипотеза была подвергнута критике сторонниками южного происхождения обряда ингумации, особенно в работе Б. Штернквист.

Некоторые ученые, принимая во внимание, что по ритуалу и инвентарю погребения с труположениями в междуречье Одры и Эльбы близки захоронениям с ингумациями оксывской культуры, допускают возможность проникновения обычая ингумации в районы западнее Одры с востока³³⁶.

Погребальный обряд позднеримского времени междуречья Одры и Эльбы сохраняет многие традиционные черты, в том числе господство чистых урновых погребений в районах бассейна Эльбы. Ряд ранних некрополей продолжали использовать в III—IV вв. н. э. (Ребенсторф, Стендаль). Однако многие могильники в конце II в. н. э. были заброшены и появились новые некрополи. В позднеримское время их было меньше, чем в предшествующий период. Уменьшение числа некрополей исследователи связывают с маркоманскими войнами и сложившейся неспокойной обстановкой³³⁷, а также с начавшимся переселением германцев, уходом аламанов с Эльбы на Рейн³³⁸.

Позднеримские могильники различны по величине. Некоторые из них, особенно возникшие в раннеримское время, очень большие (Ребенсторф или Стендаль — более чем по 1 тыс. погребений, Притцир — 1632, Мехау — 450, Цетлинген — 250 погребений). Другие некрополи маленькие — всего по несколько могил. На раскопанных некрополях наблюдается иногда расположение могил рядами, большими или меньшими группами. Господствуют чистые урновые погребения. Урны стоят открытыми, свободно в земле и только изредка имеют неаккуратные каменные обкладки. Иногда они накрыты камнем или камень лежит в земле над урной или вблизи нее. В Дальхаузене из 150 погребений только 5 (3%) были обложены с боков камнями.

В качестве урн использовали горшки и мисковидные сосуды, почти всегда лепные. В урнах, как и в предшествующее время, иногда прослеживается расположение костей в анатомическом порядке (Гросбадегаст, Притцир). В Притцире кости черепа лежали сверху или снизу прочих костей скелета в 204 сосудах из 1632. Сопровождающие сосуды в погребениях редки. Они известны лишь на от-

³³⁶ A. Götze, 1920, стр. 61; H. Schubart, 1954—1955, стр. 57; A. Leube, 1970, стр. 218.

³³⁷ W. Matthes, 1931, стр. 51; H. Dorges, 1961, стр. 71.

³³⁸ A. Genrich, 1954, стр. 36; W. Matthes, 1931, стр. 63—66.

³³⁰ F. Krüger, 1928.

³³¹ A. Leube, 1970, стр. 215.

³³² R. Stimming, 1912, стр. 309—310.

³³³ Vorgeschichte der deutsche Stamme, Bd. III. Berlin, 1940, стр. 858, 985, 988; O. Klindt-Jensen, 1949, стр. 176.

³³⁴ B. Stjernquist, 1955, стр. 67; A. Leube, 1970, стр. 218.

³³⁵ G. Kossinna, 1919, стр. 19; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 151.

дельных некрополях в единичных могилах (Рёбенсторф, Борстель, Мехау, Эйштедт). Из 150 погребений в Дальхаузене они встречены лишь в двух урнах, и в двух урнах найдены черепки, возможно, от сопровождающих сосудов³³⁹. Обычно в урне находится по одному сосуду (Розенталь, Кюнцков, Гросс Вустервиг, Кецюр)³⁴⁰. На Ютландском перешейке в некоторых погребениях найдено по два-три сопровождающих сосуда. По мнению Ф. Тышлера, увеличение их числа в урновых могилах этого района в позднееримское время было следствием влияния ритуала ютландских погребений с ингумациями³⁴¹, в которых встречается по несколько сосудов.

Кучки костей в позднееримское время, как и урновые могилы с подсыпкой остатков костра, встречаются редко. Обычно они лежат свободно в земле и только в единичных случаях накрыты камнем или обложены черепками (в восточной части изучаемого района)³⁴².

Инвентарь погребений с трупосожжением, как правило побывавший в костре и лежащий в урне среди костей, редко — рядом с урной или над ней, состоит в основном из украшений и принадлежностей костюма — фибул, поясных пряжек, булавок, ведековидных подвесок, гребней, пинцетов, замков от шкатулок, ключей и др. Из орудий труда часто встречаются ножи, пряслица, реже — шилья, кремни от огня. По сравнению с I—II вв. н. э., в позднееримское время увеличивается количество стеклянных бус. В урнах попадаются кусочки смолы, характерные в тот период для германцев Эльбы, иногда — кусочки охры³⁴³.

Распространенное в I—II вв. н. э. разделение мужских и женских погребений по различным некрополям продолжает соблюдаться, но уже не так строго. Так, в Цетлингене среди погребений с большим количеством пряслиц обнаружена мужская могила с наконечником копья и умбоном щита³⁴⁴.

Оружия в погребениях с трупосожжениями позднееримского времени мало. Мечей почти нет. О единственной находке (в Стендале) упоминает Ф. Кухенбух³⁴⁵. В единичных могилах находят умбоны щитов и наконечники стрел. Редкие наконечники копий представлены иногда миниатюрными формами, как будто специально предназначенными для могил

(Притцир)³⁴⁶. В урнах они лежат поверх костей. В богатых могилах попадаются металлические оковки деревянных ведерок. Эти ведерки появляются впервые в захоронениях латенского периода, а с I в. н. э. сопутствуют могилам с обильным инвентарем.

При общем преобладании погребений с трупосожжениями в позднееримское время увеличивается количество захоронений с трупоположениями. Доля последних неодинакова в различных районах междуречья Одры — Эльбы и к западу от Эльбы. Многие из них являются богатыми захоронениями знати. На северо-западе, в Шлезвиг-Гольштейне, трупоположения встречаются только в Хайлигенхафене³⁴⁷. В Ганновере и Брауншвейге до середины VI в. н. э. представлены почти исключительно погребения с кремациями³⁴⁸. На Нижней Эльбе, в Восточном Ганновере и Альтмарке единичные погребения с трупоположениями появляются в конце позднееримского времени и локализуются отдельно от урновых некрополей, содержащих большое количество могил с трупосожжениями. По данным Ф. Кухенбуха, погребения с трупоположениями открыты здесь в Кюстене, Бабене, Лангенапеле, где костяки не сохранились, но расположение необожженного инвентаря указывает на ингумации³⁴⁹. В Мекленбурге, по сведениям У. Шокнехта, трупоположения позднееримского времени представлены на 16 местонахождениях, причем памятники указанного периода в северо-восточной части Мекленбурга малочисленны, а погребений с ингумациями на Балтийском побережье почти до Висмара нет³⁵⁰. В раннееримское время, напротив, в указанном районе было довольно много погребений с трупоположениями. Уменьшение их количества объясняется передвижениями германских племен на юг в конце II—III в. н. э.

За немногими исключениями могилы с ингумациями позднееримского времени в Мекленбурге снабжены богатым инвентарем, включающим предметы римского импорта, и рассматриваются как «княжеские» (Вольдегк, Эсендорф, Кляйн Тецлебен и др.).

В противоположность низовьям Эльбы, на Средней Эльбе, в бассейне Заале с конца III в. н. э. местонахождений с трупоположениями много. Только в единичных случаях (Фойгтштедт, Вайсенфельс) они встречаются вместе с трупосожжениями. Обычно трупосожжения расположены на отдельных кладбищах³⁵¹, чи-

³³⁹ W. Matthes, 1931a, стр. 52.

³⁴⁰ A. Leube, 1960, стр. 44—46.

³⁴¹ F. Tischler, 1937, стр. 58.

³⁴² K. Hohmann, 1929, стр. 158—159.

³⁴³ W. Matthes, 1931, стр. 57; Он же, 1931a, стр. 9.

³⁴⁴ F. Kuchenbuch, 1938, стр. 3.

³⁴⁵ Там же, стр. 47.

³⁴⁶ Там же; A. Leube, 1960, рис. 2; R. Beltz, 1899, стр. 133, рис. 214.

³⁴⁷ K. Raddatz, 1962, стр. 109.

³⁴⁸ B. Schmidt, 1964, стр. 813.

³⁴⁹ F. Kuchenbuch, 1938, стр. 3—4.

³⁵⁰ U. Schoknecht, 1959, рис. 59; стр. 110.

³⁵¹ W. Schulz, 1922, стр. 95—107.

сло которых, как можно судить из сопоставления данных В. Шульца и Р. Лазера³⁵², приблизительно в три раза превышает количество местонахождений с труположениями. В IV в. н. э. трупосожжения, как свидетельствует В. Шульц, почти совсем исчезают из бассейна Заале³⁵³. В отличие от урновых некрополей с их многочисленными погребениями, на кладбищах с труположениями могил мало. На больших некрополях (Хаслебен) изучено 17 захоронений, в Нимберге — около 20³⁵⁴. По обряду труположения хоронили лиц обоего пола и разного возраста. В Хаслебене преобладают женские и детские погребения, в Лейне вскрыты мужские захоронения, но, по предположению В. Шульца, в другой части некрополя должны находиться женские³⁵⁵. В Хайлигенхафене вскрыты только мужские погребения, но К. Раддац считает, что в разрушенной части могильника, возможно, были и женские³⁵⁶.

Умерших хоронили в грунтовых могилах различной глубины. Согласно наблюдению В. Шульца, на некрополях бассейна Заале наиболее богатые могилы были особенно глубокими — до 2 м и глубже. В большинстве случаев скелеты вытянуты на спине, реже скорчены на боку. По свидетельству В. Шульца, скорченное положение встречается только в захоронениях со скудным инвентарем или без вещей³⁵⁷. На отдельных некрополях встречаются погребенные в вытянутом положении на животе (Немберг, Олдислебен)³⁵⁸.

Преобладает ориентировка погребенных головой на север с отклонениями, встречается — головой на запад (Хайлигенхафен, Кротторф, Требитц) или на восток (Эмерслебен)³⁵⁹. На Ютландском перешейке в округе Оберьерсдаль широтная ориентировка, господствовавшая здесь в раннеримское время, сменяется с начала III в. н. э. меридиональной³⁶⁰.

Большая часть погребений помещена в узкие прямоугольные ямы. Единичные «княжеские» могилы, наиболее хорошо изученные в Лейне и Хаслебене, имеют вид больших прямоугольных камер размером 2,8×2 м; 2,6×2,4 м (Лейна); 3×3 м; 3,85×2,4 м (Хаслебен); 2,8×2 м (Эмерслебен). Глубина достигает 3 м³⁶¹. Некоторые из этих камер имеют ступеньки вдоль восточной (Хаслебен) или южной (Лейна) стенки. Поэтому яма внизу более узкая, чем сверху. В Хаслебене большая квадратная могила размером 3×3 м и глубиной около 3 м имела у восточной стенки две ступеньки. Высота верхней 65—70 см, нижней — 60 см. Ширина могилы внизу была 1,9 м. В другой могиле этого некрополя была одна ступенька. Стенки камер в Лейне и Эмерслебене имели деревянную облицовку, удерживаемую угловыми столбами. В Хаслебене ее не было³⁶². На дне могилы в Эмерслебене прослежена песчаная подсыпка. В одном из погребений Лейны на бронзовом блюде сохранились остатки дерева от перекрытия могилы. Деревянный пол в камерах не отмечен.

Умершего укладывали вдоль западной стенки камеры головой на север на дощатом помосте или в деревянном гробу. Инвентарь помещался на полу в восточной части камеры, а также в изголовье и у ног захороненного. Вещи представлены в основном импортной бронзовой посудой, а также стеклянными и глиняными сосудами. Глиняных сосудов в одной могиле было четыре-пять (Хаслебен, Лейна, Лебус)³⁶³ и даже девять — в погребении конца IV в. н. э. у Мерзебурга³⁶⁴. Но обычно их меньше — по два-три сосуда в богатых могилах. В большой могиле Хаслебена весь инвентарь был накрыт сверху тканью³⁶⁵. Сосуды в могилах стояли, иногда лежали на боку или были перевернуты (Лейна).

Помимо посуды, в мужских могилах находились предметы вооружения — шпоры и наконечники стрел из серебра (Хаслебен, Лейна, Эмерслебен) и позолоченной бронзы (Эмерслебен), которые лежали сбоку или в изголовье погребенных. Наконечники стрел такого типа рассматриваются исследователями как парадные³⁶⁶. Других предметов вооружения в могилах не было³⁶⁷. Предметы украшения и туалета представлены фибулами, пряжками, булавками, ожерельями из бус, костяными гребнями, золотыми перстнями, янтарными подвесками и др. Из орудий труда в женских могилах представлены пряслица. Во рту погребенных в Хаслебене и Лейне находились римские золотые монеты³⁶⁸.

В отдельных богатых захоронениях встречаются кости животных. Кости овцы или козы

³⁵² W. Schulz, 1922, стр. 99; R. Laser, 1965.

³⁵³ W. Schulz, 1933, стр. 30.

³⁵⁴ W. Schulz, 1922, стр. 96—97.

³⁵⁵ W. Schulz, 1953, стр. 43.

³⁵⁶ K. Raddatz, 1962, стр. 116.

³⁵⁷ W. Schulz, 1922, стр. 102, рис. 3.

³⁵⁸ Там же, стр. 97, 103.

³⁵⁹ K. Raddatz, 1962, стр. 94—97; W. Schulz, 1953, стр. 43.

³⁶⁰ F. Tischler, 1939, стр. 314—315.

³⁶¹ W. Schulz, 1953, стр. 42—43; Он же, 1933, стр. 4, 50.

³⁶² W. Schulz, 1933, стр. 42, 50.

³⁶³ A. Müller, 1957a, рис. 2; W. Schulz, 1933, стр. 50, Он же, 1953, стр. 13, 17.

³⁶⁴ W. Schulz, 1950, стр. 156.

³⁶⁵ W. Schulz, 1933, стр. 4; Он же, 1953, стр. 32.

³⁶⁶ W. Schulz, 1939, стр. 187.

³⁶⁷ B. Svoboda, 1962, стр. 88.

³⁶⁸ W. Schulz, 1933, стр. 50; Он же, 1953, стр. 20.

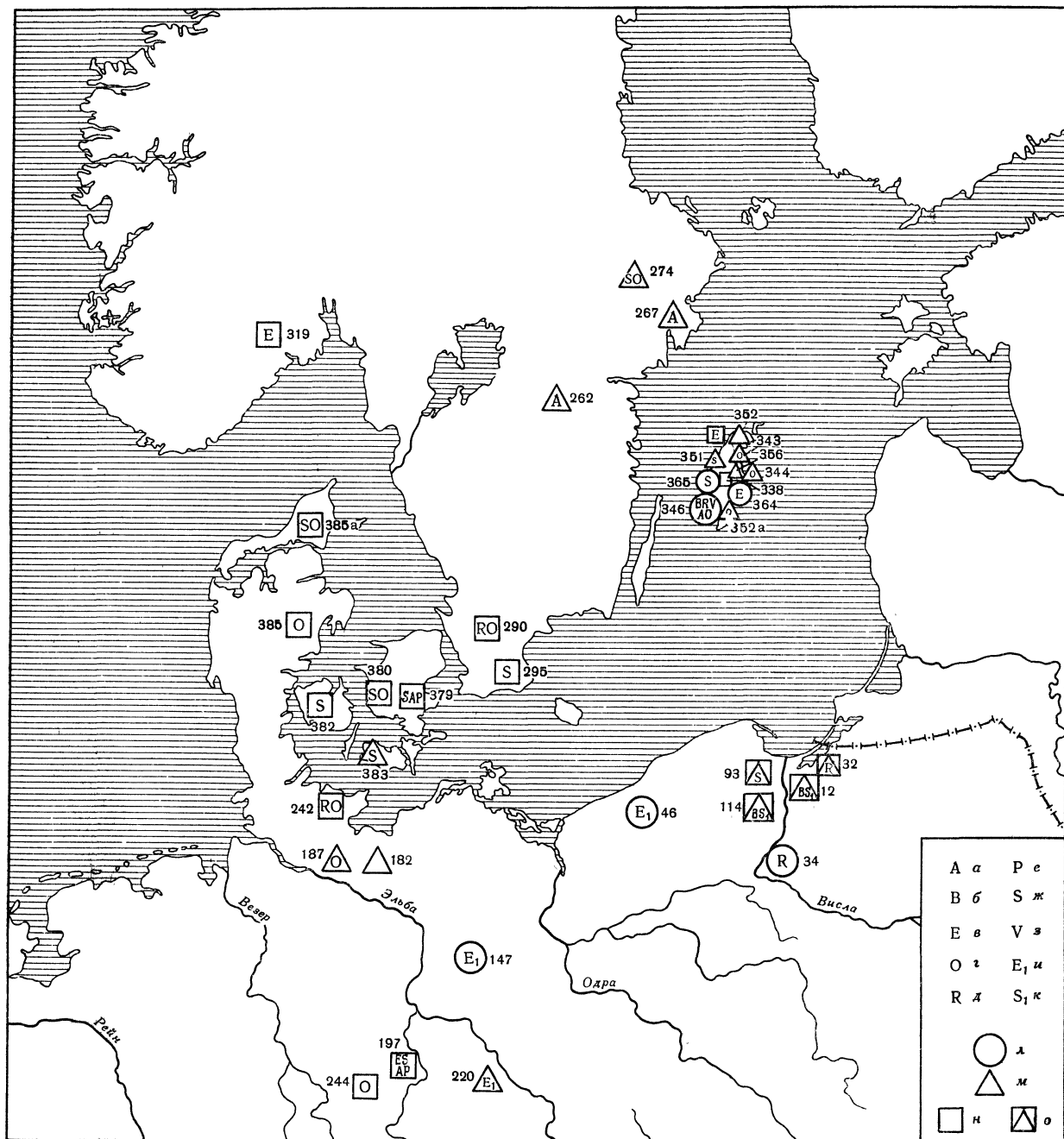

Рис. 18. Находки костей животных в погребениях

а — кости птиц; б — кости (когти) медведя; в — кости лошади; г — кости овцы; д — кости крупного рогатого скота; е — кости рыбы; ж — кости свиньи; з — кости собаки; и — зубы лошади; к — клыки кабана; л — позднелатенское время; м — раннеримское время; н — позднеримское время; о — римское время без уточнения

находились в могилах 4, 8 Хаслебена. Вблизи погребения 5 1926 г. в Лейне лежали череп и кости лошади, а в могиле 3 около бронзового подноса были кости свиньи, двух петухов, щуки и плотвы. В целом для погребений прибалтийской области кости животных не характерны и известны только в единичных богатых могилах. Помимо указанных погребений, они найдены в синхронных захоронениях на Датских островах — Сандерумсгаард (кости поросенка), Варпелев (поросенка и окуня, возможно, серого гуся), Нордруп (поросенка и ягненка) (рис. 18). Кости ягненка найдены в двух могилах Юеллинге³⁶⁹. Все это мелкие животные или части крупных. Исключение представляет погребение 2 в Хайлигенхафене, где найдены целые скелеты теленка и овцы³⁷⁰. Наличие костей животных в могилах сближает богатые погребения Дании и бассейна Средней Эльбы. Помимо этого их объединяет присутствие золотых перстней, весьма характерных для ингуний Ютландии, но нетипичных для погребений Эльбы и междуречья Одры и Эльбы.

В простых прямоугольных могилах изредка бываю остатки деревянных гробов (Немберг, Хайлигенхафен, по-видимому, Вольдегк и др.)³⁷¹, но чаще никаких данных о них нет. Известны захоронения скорченных на боку костяков без гробов в могильниках, где в гробах похоронены вытянутые на спине умершие (Хайлигенхафен)³⁷². По мнению В. Шульца, погребенные в скорченном положении были завернуты в ткань.

На некрополях бассейна Заале камни при устройстве могил применялись редко. Из опубликованных В. Шульцем 35 местонахождений этого района они констатированы в трех пунктах — Грене, Лейна, Лейбинген. В Грене могилы были частично окружены каменными плитами. В могиле 2 некрополя Лейна несколько камней величиной с голову лежали над захоронением на глубине 0,6—1 м. Могила в Лейбингене имела камень, накрывавший погребение. Точное представление об удельном весе погребений с каменными обкладками и отдельными камнями в могилах на севере междуречья Одры и Эльбы получить трудно, но кажется, что они встречались там относительно чаще, чем на Заале (рис. 11). Применение камня известно в Хайлигенхафене, Эсендорфе и других местах³⁷³. В погребении у Эсендорфа крупные камни лежали над скелетом за исключением головы и охватывали захороне-

ние с боков в форме буквы U. В Хайлигенхафене над гробом лежали два больших камня. В других четырех погребениях этого памятника камней не было, а в заполнении погребения 2 местами встречалась темная угольная земля³⁷⁴.

Инвентарь грунтовых погребений с труположениями позднеримского времени представлен также в основном украшениями и предметами туалета — фибулами, стеклянными и янтарными бусами, булавками, гребнями, пряжками. В богатых погребениях находятся остатки замков и ключей от шкатулок, оковки деревянных ведерок, игральные стеклянные жетоны, кольца³⁷⁵, браслеты, римские монеты и подражания им³⁷⁶, довольно многочисленные ведерковидные подвески. Из орудий труда в погребениях встречаются ножи и пряслица. Керамика малочисленна и найдена не во всех захоронениях. Оружия за редким исключением в погребениях с труположениями нет. Погребение IV в. н. э. с мечом известно в Ванслебене. В редких случаях в отдельных богатых могилах встречаются части щита, серебряные и бронзовые наконечники стрел (Вольдегк, Лейна, Хайлигенхафен, Хаслебен, Эмерслебен). Эти предметы В. Шульц и К. Раддац не рассматривают как собственно оружие³⁷⁷. В. Шульц считает серебряные наконечники стрел спортивной принадлежностью. Оружие в могилах рассматриваемого района появляется в большем количестве в конце IV—V в. при переходе к эпохе Меровингов³⁷⁸.

В заключение следует отметить следующие основные черты обряда погребения племен междуречья Одры и Эльбы в римское время.

Господство чистых урновых погребений, особенно ярко прослеживаемое на некрополях Нижней Эльбы. Урны обычно стоят непокрытыми, свободно в земле. Лишь некоторые урны имеют легкие каменные обкладки или накрыты сверху камнем. Сопровождающие сосуды в урнах встречаются очень редко. Инвентарь состоит из украшений, ножей, пряслиц. Относительно небольшая часть мужских могил содержит оружие. В восточной части междуречья, прилегающей к Одре, отмечается влияние племен оксывской и пшеворской культур (погребения в урнах с подсыпкой остатков костра и ямных могилах). С восточным воздействием, может быть, связаны погребения с труположениями.

³⁶⁹ W. Schulz, 1953, стр. 44.

³⁷⁰ K. Raddatz, 1962, стр. 95.

³⁷¹ W. Schulz, 1922, стр. 103; K. Raddatz, 1962, стр. 94—97; H. J. Eggers, 1949, стр. 230—231.

³⁷² K. Raddatz, 1962, стр. 96.

³⁷³ Там же, стр. 94; E. Schuldt, 1949, стр. 225.

³⁷⁴ K. Raddatz, 1962, стр. 95.

³⁷⁵ W. Schulz, 1953, стр. 13, 35; K. Kersten, 1942, стр. 99; B. Schmidt, 1956; H. Butschkow, 1935, стр. 132.

³⁷⁶ W. Schulz, 1922; Он же, 1933, стр. 4; Он же, 1953, стр. 13, 35; K. Raddatz, 1962, стр. 94.

³⁷⁷ K. Raddatz, 1962, стр. 112; W. Schulz, 1939, стр. 187.

³⁷⁸ W. Schulz, 1922, стр. 103.

Погребения с труположениями немногочисленны. В бассейне Эльбы они единичны и снабжены богатым инвентарем, что позволяет расценивать их как «княжеские» захоронения. В восточных районах обычны небольшие некрополи. Могилы грунтовые, прямоугольные, а для наиболее богатых «княжеских» захоронений — в виде больших камер-склепов. Преобладает ориентировка головой на север с от-

клонениями. Положение костяков — вытянутое на спине, реже — скорченное на боку. Западная ориентировка в позднеримский период встречается чаще, чем в раннеримский. Инвентарь в основном состоит из украшений и предметов туалета. Оружия почти нет. Керамики мало. В богатых могилах найдены римские бронзовые сосуды и другие привозные вещи.

Погребальный обряд племен южной и средней части Скандинавского полуострова

Южную часть Скандинавского полуострова некоторые исследователи (Б. Нерман, Э. Оксенштирна и др.) считают легендарной прародиной готов, откуда они, согласно сообщению Иордана, под руководством короля Берига на рубеже нашей эры переселились на Европейский континент, в Повисленье. В поисках доказательств версии Иордана ученые не раз обращались к археологическому материалу, позволяющему установить следы переселения. Нашей задачей являются характеристика погребального обряда населения Скандинавии III в. до н. э.—III в. н. э., сравнение этого ритуала с обрядом погребения племен Повисленья и выявление скандинавских элементов в культуре племен материковой Европы.

Специальной работы, посвященной анализу ритуала погребения населения Скандинавии III в. до н. э.—III в. н. э., нет. Более или менее подробное описание погребального обряда указанного периода в целом или отдельных его сторон в определенные хронологические отрезки содержится в ряде монографий и статей. Впервые погребальный обряд на территории Швеции в краткой форме охарактеризовал О. Монтелиус³⁷⁹. Позже к этой теме обращался Б. Нерман для обоснования своей теории о происхождении готов из Остерготланда³⁸⁰.

Более подробно погребальный обряд племен Остерготланда и Вестерготланда в позднелатенское и отчасти римское время изучен в исследовании Э. Оксенштирны. Он использовал археологический материал для обоснования своего мнения о переселении готов в Повисленье не с востока, как считает Нерман, а с запада Швеции, из Вестерготланда³⁸¹. Обилие фактического материала придает работе Э. Оксенштирны особую ценность.

Характеристике особенностей погребального обряда римского времени в сводных работах уделялось мало внимания. Проблема происхождения ритуала ингуляции в Северной Ев-

ропе, и в частности в Швеции и Норвегии, рассматривается в монографии Б. Штернквист³⁸². Весьма краткая характеристика погребений с трупосожжениями позднеримского периода из области Шонен содержится в статье М. Стромберг³⁸³, где отмечается, что трупосожжение применялось на протяжении всего римского периода, вплоть до эпохи переселения народов. Отличительные черты некоторых погребений с труположениями позднеримского времени той же области Шонен описаны М. Магнуссоном³⁸⁴. Характеристике специфичных для Скандинавии каменных надгробий в виде вымоств, стел, каменных кругов, их локализации и датировке посвящены статьи Т. Арне, М. Стенбергера, А. Сальштрома, Ю. Скедсвик, Х. Януссона и некоторых других исследователей. Отдельные стороны погребального обряда описаны в монографиях, посвященных таким памятникам, как Хаммарснас, Банкала, Киркбакен, Фискеби, а также в небольших статьях и заметках в журналах «Fornvännen», «Tor», «Viking», «Årbok», «Meddelanden från Lunds Universitets historiska museum» и других изданиях.

Обряд погребения племен Норвегии описан в работах Х. Шетелига, А. Хертайга, А. Бьорна, Е. Штрауме и др.

При изложении материала скандинавские исследователи пользуются периодизацией О. Монтелиуса, разделившего железный век Северной Европы на ряд периодов. Взятый нами хронологический отрезок включает периоды II, III, IV, V: 1. По мнению К. А. Мoberга, изучавшего материал некрополя Киркбакен, II и III периоды железного века Скандинавии можно синхронизировать с континентальным латеном II и III³⁸⁵. Период IV охватывает I—I вв. н. э., а V: 1—III — первую половину IV в. н. э.

³⁷⁹ О. Montelius, 1906, стр. 159 сл.

³⁸⁰ Б. Nerman, 1924.

³⁸¹ E. G. Oxenstierna, 1945; Он же, 1958.

³⁸² B. Stjernquist, 1955.

³⁸³ M. Strömberg, 1960, стр. 43—72.

³⁸⁴ M. Magnusson, 1946.

³⁸⁵ C. A. Moberg, 1950, стр. 73—94.

На рассматриваемой территории южной и средней части Скандинавского полуострова в изучаемый хронологический отрезок не происходило резких смен культуры, хотя количество памятников в различные хронологические отрезки на отдельных территориях существенно колебалось.

По сравнению с I в. до н. э. некоторое количественное уменьшение памятников отмечается в I в. н. э. Э. Оксенштирна констатирует, что в области Вестерготланда вместо 75 некрополей с трупосожжениями периода III имеются лишь единичные местонахождения периода IV. Нет здесь также ингумаций I в. н. э.³⁸⁶ На рубеже нашей эры прекращает использоваться также некоторые некрополи Остерготланда, а на остальных — погребений I в. н. э. меньше, чем захоронений I в. до н. э.³⁸⁷ Однако разница здесь гораздо меньше, чем в Вестерготланде, и Оксенштирна рассматривает период от 150 г. до н. э. до 300 г. н. э. на Остерготланде как эпоху ровного поступательного развития. Уменьшение числа памятников в указанных районах на рубеже нашей эры трактуется Нерманом и Оксенштирной как результат выселения готов.

Переходим непосредственно к характеристике специфики погребального обряда юга Скандинавии. Памятники II (среднелатенского) периода (300—150 гг. до н. э.) на интересующей нас территории представлены немногими чистыми урновыми трупосожжениями, открытыми на отдельных грунтовых кладбищах, например в Киркбакене. Значительно лучше, по большому числу некрополей можно представить обряд III (позднелатенского) периода (150—0 гг. до н. э.). В Вестерготланде известно более 75 некрополей этого времени, а в Остерготланде — около 113 синхронных местонахождений³⁸⁸.

Точное число памятников в Упланде и Шонене (Скании) нам неизвестно, но, судя по данным отдельных публикаций, оно достаточно велико.

Как правило, некрополи расположены на возвышенностях среди плодородных речных долин, а также на моренных всхолмлениях. Большинство могильников невелико: они насчитывают всего по несколько захоронений. В Киркбакене, наиболее крупном из них, — 210 могил, небольшая часть которых принадлежит к среднелатенскому периоду, в Банкале — около 100, Стора Ро — около 50, Ярнсисле — 136, Валлангене — 67. К обширным некрополям, использовавшимся длительное время, относятся Фиске-

би — около 700 погребений, датирующихся от позднего латена до эпохи викингов³⁸⁹, Альваstra — свыше 300 погребений позднелатенского и римского времени. Из-за малого количества погребального инвентаря хронологическое расчленение погребений таких могильников крайне затруднено. Это особенно касается ямных могил, где нет керамики. Так, по данным Оксенштирны, дата большинства ямных могил Альвастры неопределенна³⁹⁰.

Приведенные цифровые данные свидетельствуют о том, что некрополи Скандинавского полуострова позднелатенского и римского времени не достигали таких больших размеров, как в Повисленье, где, например, в Вельборк-Госцишеве вскрыто около 2 тыс. погребений, а на ряде некрополей (Сковарч, Пруш, Руми) изучено по несколько сот могил.

В Скандинавии представлены грунтовые могильники без видимых наземных конструкций или с надгробиями в виде каменных вымосток, выкладок, стел и мелких плоских курганов. Грунтовые некрополи без каменных надгробий преобладают в западных районах юга Скандинавского полуострова — в Вестерготланде и части Остерготланда, прилегающей к озеру Веттерн. Некрополи с каменными вымостками и мелкими курганами тяготеют к восточному побережью, занимая Сканию, Остерготланд и Упланд, а также юг Норвегии³⁹¹.

В позднелатенском периоде господствует кремация. Трупоположений нет. Погребения на кладбищах располагаются без определенного плана, образуя отдельные скопления. Могилы с останками кремации делятся на следующие типы: урновые, коробки из дерева или коры, кучки костей, ямные, захоронения углей в урнах, коробках или ямах.

По-видимому, погребения урновые, в коробках из дерева или коры, кучки костей можно объединять в одну группу, поскольку вместе с костями первоначально служили сосуды из органического или неорганического материала. Рассмотрим каждый тип погребения в отдельности.

Урновые могилы делятся на два вида: а) чистые урновые захоронения, содержащие глиняный сосуд-урну, находящиеся в ней кальцинированные кости и иногда инвентарь. Чистые урновые могилы на позднелатенских некрополях Скандинавии представлены единицами, а на некоторых некрополях (Банкала) их нет совсем. Из изученных Оксенштирной 279 ур-

³⁸⁹ P. Lundström, 1957.

³⁹⁰ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 32.

³⁹¹ E. G. Oxenstierna, 1945; Он же, 1958, стр. 24; G. Ekholm, 1938, стр. 98; B. Stjernquist, 1955, стр. 53; H. Schetelig, 1912, стр. 6.

³⁸⁶ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 154.

³⁸⁷ B. Nerman, 1924, стр. 55.

³⁸⁸ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 11; Он же, 1958, стр. 21.

Таблица 7

Соотношение количества различных типов погребений на некрополях Швеции

Памятник	Урновые					В коробках с подсыпкой угля и пепла	Кучки костей		Ямные	Ямные с углем	Примечание
	Чистые		С подсыпкой пепла		С углем		чистые	с подсыпкой			
	всего	в том числе с сопровождающими сосудами	всего	в том числе с сопровождающими сосудами							
Вестерготланд											
Валланген	1	—	45	5	—	12	1	—	8	3	24 сопровождающих сосуда найдены в урновых и коробчатых захоронениях Киркбакена
Ларс Персгарден	2	1	20	4	3	1	—	—	5	—	
Ярсисла	—	—	84	7	1	26+1	—	—	22	11	
Киркбакен	4	—	69	24	—	с углем 68	3	31	30	2	
Стора Ро	—	—	32	—	—	—	—	—	18	—	
Итого:	7	1	250	40	4	108	4	31	83	16	
Остерготланд											
Альвастра	—	—	23	3	—	20	3	—	51	33	
Лилла Берга	4	—	36	—	1	11+1	1	—	60	9	
Сьёгестад	—	—	28	4	9	чистая 6	—	—	8	—	
Бласвадрет	—	—	26	?	—	4	—	—	8	—	
Итого:	4	—	113	7?	10	42	4	—	127	42	

новых погребений Вестерготланда лишь 9 (несколько менее 3%) были чистыми урновыми могилами. Несколько выше удельный вес чистых урновых могил на некрополях Остерготланда, где на 240 урновых погребений приходится 18 (7,5%) чистых урновых захоронений. Оксенштиерна считает, что этот вид погребений на юге Швеции был пережитком погребального обряда позднего бронзового века, когда было характерно господство чистых урновых могил³⁹². Незначительно количество чистых урновых могил также в Шонене, Упланде и на юго-востоке Норвегии.

Основным видом погребения были урновые могилы с подсыпкой остатков костра (табл. 7). Слой золы и угля вместе с кальцинированными костями лежит не только в урне, но и вне ее; реже урна, содержащая кальцинированные кости, стоит в яме черной земли, перемешанной с мелкими костями и остатками костра. Некоторые из урн содержат массу черной земли, другие — только немного темного песка. В последнем случае в захоронение, очевидно, попадала только часть остатков погребального костра. Среди остатков костра иногда встре-

чаются камни, побывавшие в огне³⁹³. Обычный диаметр могильных ям около 0,5 м, глубина до 1 м, но чаще 0,5—0,7 м³⁹⁴. Многие урны имеют обкладки из камней, не всегда аккуратно уложенных. По сообщению К. Е. Сальштрома, в Киркбакене не во всех случаях можно было точно установить, были ли камни в могилу положены намеренно или попали туда при засыпке могилы³⁹⁵. В единичных случаях каменная обкладка вокруг урны образует конструкцию типа каменного ящика. Каменные ящики известны в одном погребении Вестерготланда (Ярсисла, погребение 38) и в 18 — Остерготланда, причем некоторые ящики не имеют каменного перекрытия³⁹⁶. Ящики устроены более или менее старательно. Стыки ящика в погребении 49 Альвастры были промазаны глиной, но примечательно, что урна в этом случае стояла рядом с ящиком³⁹⁷.

Весьма характерной особенностью устройства захоронений было перекрытие урны или слоя трупосожжения в ямных могилах камнем,

³⁹³ К. Е. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 148.

³⁹⁴ E. G. Oxenstierna, 1958, стр. 23; К. Е. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 147.

³⁹⁵ К. Е. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 147.

³⁹⁶ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 109.

³⁹⁷ Там же

³⁹² E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 105.

что встречается как на грунтовых некрополях, так и на кладбищах с наземными каменными конструкциями³⁹⁸. В могильнике Киркбакен $\frac{1}{3}$ могил имела над остатками кремации перекрытие из камней диаметром 0,3—1 м. В Банкале могилы, в которых трупосожжение было накрыто камнем, составляли больше трети всего количества захоронений. Перекрывающие камни находились у многих могил некрополей Валланген, Ярнсисла и других. Не везде эти камни были плоскими. Отдельные из них имели в поперечнике до 0,5 м и занимали верхнюю часть могильной ямы — от слоя трупосожжения до поверхности и даже возвышались на несколько сантиметров над уровнем земли. Иногда перекрытие состояло из двух камней, лежавших друг на друге, при этом верхний, больший камень часто выступал на поверхности. Такие парные камни перекрытия обнаружены приблизительно у 5% (12 случаев) захоронений Остерготланда³⁹⁹.

Довольно редко урны стоят на подставке из камня. Они обнаружены в 19 могилах Остерготланда (приблизительно 5% всех захоронений) и 8 погребениях Вестерготланда (около 4—5%)⁴⁰⁰. Относительно небольшое количество могил перекрыто подземными каменными вымостками (Киркбакен, Ярнсисла, Валланген, Калегарден)⁴⁰¹. Вымостки сложены из одного слоя камней и имеют диаметр около 1 м. Наличие вымостки не исключает перекрытия урны камнем (Киркбакен). В единичных случаях урны стоят вверх дном (Альвастра).

Приблизительно в $\frac{1}{10}$ урновых погребений есть сопровождающие сосуды, обычно по одному в могиле, очень редко — по два. Они встречены в 32 могилах Вестерготланда (из 279) и в 23 урнах Остерготланда (из 240). Такое соотношение представлено не на всех некрополях. Оно может колебаться, но могилы без сопровождающих сосудов всегда составляют больше половины. Часто такие сосуды перевернуты вверх дном или разбиты⁴⁰². В погребениях они находятся в урнах поверх слоя трупосожжения, стоят на краю урны или рядом с ней. В некоторых случаях сопровождающие сосуды ошлакованы, очевидно после того, как побывали в огне погребального костра⁴⁰³. В погребении 18 Съегестада сопровождающим сосудом служила коробка из коры⁴⁰⁴.

Второй тип захоронений представляют могилы, в которых кальцинированные кости и инвентарь лежат в коробках диаметром около 20 см, сделанных из коры или дерева. Сами коробки не сохранились, но осталось кольцо из смолы, которой были залиты швы коробки. По устройству эти могилы аналогичны урновым. Коробка обычно помещается в яме, заполненной землей, темной от примеси углей и золы погребального костра. Как и в урновых погребениях, здесь наблюдаются каменные перекрытия и обкладки. По сравнению с захоронениями, где урной служил глиняный сосуд, погребения с коробками довольно немногочисленны: приблизительно $\frac{1}{5}$ урновых погребений Вестерготланда и почти $\frac{1}{3}$ — в Остерготланде⁴⁰⁵.

Соотношение количества погребений в глиняных урнах и в коробках на разных памятниках очень сильно колеблется. В Киркбакене, например, урновых погребений 69, а могил в коробках 68, причем в наиболее поздней части могильника (вторая половина I в. до н. э.) последние даже преобладали. В Съегестаде захоронения в коробках (4) составляли менее $\frac{1}{5}$ погребений в глиняных урнах. По наблюдению К. Сальштрома, для погребения использовали бытовые, а не специально изготовленные коробки⁴⁰⁶.

Д. Гранлунд, изучавший остатки смолы от коробок в собрании Стокгольмского музея, пришел к выводу, что среди материала, из которого были сделаны эти сосуды, на первом месте стояла липовая кора⁴⁰⁷.

Следующий, относительно редкий тип могил представляют кучки камней, лежащие в земле, перемешанной с остатками погребального костра или без них. По мнению некоторых исследователей, остатки трупосожжений этого типа первоначально находились в деревянной коробке, платке или мешке из кожи или ткани. Наличие такого вместилища приближает погребения этого типа к урновым.

В особый тип можно выделить погребения углей в урнах или коробках без остатков кальцинированных костей. Захоронения углей составляют около 2% всех захоронений в урнах и коробках для Вестерготланда и около 3—4% — для Остерготланда (8 погребений в Вестерготланде и 13 — в Остерготланде)⁴⁰⁸. Одни исследователи считают такие погребения кенотафами, сооруженными в память погибших на чужбине или в море. В пользу этого, по мнению Оксенштирны, говорит относительное уве-

³⁹⁸ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 53 сл., 110.

³⁹⁹ Там же, стр. 110.

⁴⁰⁰ Там же, стр. 109.

⁴⁰¹ K. E. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 147; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 113.

⁴⁰² E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 103; K. E. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 148.

⁴⁰³ K. E. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 148.

⁴⁰⁴ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 44.

⁴⁰⁵ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 93.

⁴⁰⁶ K. E. Sahlström, N. G. Gejvall, 1948, стр. 145.

⁴⁰⁷ J. Granlund, 1939, стр. 286.

⁴⁰⁸ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 106.

личение числа таких урн на некрополях приморской части Остерготланда, например в Каллаби ⁴⁰⁹. Другие предполагают, что урны с углем — это захоронения, в которых кости от большого жара костра полностью перегорели. В таком случае к погребениям с углем весьма близки захоронения, где в слое остатков трупосожжения встречено только несколько мелких кусочков кальцинированных костей.

Ямные погребения после урновых наиболее многочисленны. В ямных могилах остатки трупосожжения в виде кусочков кальцинированных костей, золы и мелких углей погребального костра, а в некоторых погребениях также инвентарь помещены в небольшую яму обычно котловидной формы диаметром около 0,5 м. Как и в урновых могилах, слой кремации часто перекрыт камнем или несколькими камнями, образовывавшими над ямой подземные вымостки диаметром до 1 м.

Иногда в ямах находятся только остатки костра. Поскольку эти ямы близки по размеру к ямам, содержащим кальцинированные кости, можно думать, что здесь имели место погребения, подобные захоронениям углей в урнах.

В отдельных ямных могилах находятся единичные черепки. Так, из 51 ямного захоронения Альвастры в пяти были встречены фрагменты керамики. Кроме того, в слое остатков трупосожжения иногда находятся небольшие камни, побывавшие в огне погребального костра.

Встает вопрос о соотношении количества двух основных типов захоронений — ямных и урновых. Единой картины на всей территории нет. В западных районах Южной Швеции преобладают урновые погребения. По данным Оксенштирны, в Вестерготланде урновых захоронений приблизительно в три с половиной раза больше ямных ⁴¹⁰.

На некоторых некрополях (Стоммен) имеются только погребения в урнах и коробках ⁴¹¹, а ямные захоронения не зарегистрированы вообще. В восточных районах Центральной и Южной Швеции (Упланд, Остерготланд, Скания) количество ямных и урновых могил приблизительно одинаково. В Упланде и Скании на некоторых некрополях безурновые погребения преобладают, и наряду с ямными захоронениями остатки кремации иногда встречаются погребения остатков трупосожжения в виде слоя, рассыпанного около горизонта древней почвы и сверху перекрытого каменной вымосткой или невысоким курганом ⁴¹². Погребения в виде рассыпанного слоя трупосожжения, пе-

рекрытого вымосткой или курганом, составляют основную массу захоронений на соседних островах Готланд и Эланд. В Южной Норвегии количество ямных могил также велико — приблизительно около половины общего количества захоронений. Впрочем, на различных памятниках число погребений разного типа сильно колеблется, что видно из табл. 8.

Трупосожжение производилось вне места погребения, на особых площадках — каменных вымостках, остатки которых открыты на отдельных некрополях (Альвастра, Лилла Берга) ⁴¹³. Сверху вымостки покрыты слоем черной земли с примесью золы, мелких обломков костей и черепков.

Сила огня при кремации была различной, о чем говорят размеры костей в погребениях. Иногда это довольно крупные фрагменты костей, 10 см, иногда — только мелкие осколки.

Инвентарь в большинстве случаев также попадал в погребальный костер, о чем свидетельствуют следы огня на вещах. Вещи сопровождают лишь меньшую часть погребений, что затрудняет датировку безинвентарных могил, особенно на длительно использовавшихся некрополях. Металлические предметы в богатых могильниках обнаруживаются приблизительно в каждом четвертом погребении (Киркбакен). В бедных могильниках вещи содержатся примерно в десятой части погребений. К бедным относятся кладбища с большим количеством детских могил. В Банкале, где по антропологическому определению $\frac{2}{3}$ погребений были детскими, металлические вещи были обнаружены только в восьми могилах из 66.

Инвентарь из металла составляют в основном железные, редко бронзовые фибулы, поясные крючки, кольца и накладки, бронзовые и железные булавки, железные ножи, шилья, бронзовые и железные серпы. Серпы нередко встречаются вместе с шильями и швейными иглами (Киркбакен). Эпизодически попадаются спиралевидные бронзовые бусы, гривны.

Согласно К. Сальштруму, латенские стеклянные бусы в Швеции не найдены ⁴¹⁴.

Предметы обычно лежат в верхней части остатков трупосожжения или над костями в урнах, но случается также, что они оказываются среди или на дне могил (Киркбакен).

В отдельных случаях вещи лежат рядом с урной. В мужских могилах встречается оружие, но редко.

Характеризуя в целом инвентарь погребений Швеции позднелатенского времени, М. Стенбергер отмечает, что шведскому культурному кругу более или менее чужды бронзовые ведра,

⁴⁰⁹ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 106.

⁴¹⁰ Там же, стр. 103.

⁴¹¹ Там же, стр. 15.

⁴¹² B. Stjernquist, 1947, стр. 195.

⁴¹³ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 53, 104, 235.

⁴¹⁴ K. E. Sahlström, N. G. Gefvall, 1948, стр. 145.

бронзовые котлы с железным краем, оружие и треугольные фибулы. Появление этих категорий инвентаря в Швеции он относит ко второй половине III периода железного века, которую датирует 75—0 гг. до н. э.⁴¹⁵ Р. Хахманн также отмечает относительно позднюю дату погребений с оружием в Скандинавии⁴¹⁶, более позднюю, чем на континенте. Он констатирует отсутствие фибул в могилах с оружием Остерготланда. Редкость находок оружия в позднелатенских могилах Скандинавии подчеркивает также К. Моберг⁴¹⁷.

Предметы вооружения — мечи, наконечники копий, умбоны щитов — в позднелатенских погребениях западных районов Скандинавии найдены всего в нескольких пунктах. Согласно сводке Оксенштирны, из более чем 79 позднелатенских местонахождений Вестерготланда, оружие найдено лишь в трех-четырех пунктах — Киркбакен, Калегарден, Дырехоген и, возможно, Гросс Мёльби⁴¹⁸. Пятую находку в Бьюруме приводит М. Стенбергер⁴¹⁹. Все это, за исключением случайной находки в Гросс Мёльби, богатые урновые могилы и одна коробчатая. Погребение в Киркбакене (единственная могила с оружием среди 210 захоронений этого некрополя), содержавшее меч, наконечник копья и умбон щита, имело в качестве урны бронзовый котел⁴²⁰. Остатки кремации в Бьюруме, сопровождаемые широким односторонним мечом, копьем и лезвием кинжала из бронзы, помещались в итальянском бронзовом ведре. Известно, что бронзовые сосуды очень редко использовались на Скандинавском полуострове как урны. Они встречаются только в богатых захоронениях, в могилах воинов. Погребение с мечом и наконечником копья в Калегардене представляло урновую могилу, перекрытую вымосткой поверх остатков костра, обсыпавших накрытую камнем урну. На урне вымостки лежало оружие⁴²¹. В Дырехогене наконечник копья и обкладки ножен меча помещались в могиле с коробкой.

В Восточной Швеции находки оружия в погребениях более часты. В Остерготланде оружие встречено в 15 из 114 позднелатенских памятников, учтенных в этом районе⁴²². Подобно прочему инвентарю оружие побывало в огне погребального костра. Длинные предметы — мечи, копья — положены в могилы в согнутом виде, как и на некрополях материковой Европы.

Среди вещей, находимых в погребениях, иногда встречаются также когти медведя, которые не имеют отверстий для подвешивания и рассматриваются исследователями как свидетельство того, что умерший перед сожжением был завернут в медвежью шкуру⁴²³.

К концу позднелатенского времени относится одно погребение с труположением в Санде у Ярсберга на юге Норвегии. Помимо остатков скелета, оно содержало умбон щита с большими плоскими заклепками по краю и два железных наконечника копий⁴²⁴.

С I в. н. э. для погребального ритуала племен южной и средней части Скандинавского полуострова характерен биритуализм. Наряду с трупосожжениями появляются труположения: в I в. н. э. — на некрополях восточной части полуострова, в Остерготланде, Упланде, на юге Норвегии, с конца I в. н. э. — в Скании. Во II в. н. э. они появляются в Вестерготланде. Погребения с труположениями встречаются и как отдельные могилы, и на некрополях с трупосожжениями, часть которых возникла еще в позднелатенское время (Альвастра, Лилла Берга). В I в. н. э. количество труположений было невелико и сильно уступало числу погребений с кремациями. Многие некрополи этого времени содержат только трупосожжения (Валлоксаби, Ронанген и др.). Во II в. н. э. количество труположений сильно увеличивается, а в III в. н. э. они уже доминируют на кладбищах юга Швеции. Встречаются некрополи, содержащие те и другие погребения или только одни труположения. В конце III в. н. э. трупосожжения почти совсем исчезают⁴²⁵. В Скании, где известно более ста могильников III в. н. э. с труположениями, могилы с трупосожжениями единичны⁴²⁶.

Погребения с труположениями находятся в грунтовых могилах, не имеющих на поверхности наземных признаков, под небольшими плоскими курганами из земли и камней, а также под каменными вымостками и редко — под стелами. В наибольшем количестве каменные надгробия представлены на востоке полуострова в Упланде, Остерготланде, а также и на юге Норвегии⁴²⁷. Как правило, погребения индивидуальные, изредка встречаются парные (Фос, Альвастра)⁴²⁸, часть которых составляют погребения женщины с ребенком (Альвастра, по-

⁴¹⁵ M. Stenberger, 1948, стр. 210.

⁴¹⁶ R. Hachmann, 1960, стр. 218.

⁴¹⁷ C. A. Moberg, 1941, стр. 124.

⁴¹⁸ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 25—28.

⁴¹⁹ M. Stenberger, 1948, стр. 210.

⁴²⁰ K. E. Sahlström, N. G. Geijvall, 1948, стр. 8—9.

⁴²¹ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 26.

⁴²² E. G. Oxenstierna, 1958, стр. 44.

⁴²³ H. Schetelig, 1912; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 88.

⁴²⁴ A. W. Brogger, 1916; B. Hougen, 1924; B. Stjernquist, 1955, стр. 53.

⁴²⁵ M. Strömberg, 1960, стр. 56.

⁴²⁶ Там же, стр. 144.

⁴²⁷ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 52; H. Schetelig, 1912, стр. 352; B. Stjernquist, 1955, стр. 53.

⁴²⁸ W. Straume, 1961, стр. 81; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 35.

гребение 17)⁴²⁹. Костяки в парных захоронениях часто лежат друг над другом. Из семи парных захоронений некрополя Альвастра в четырех верхний костяк лежал в скорченном положении на боку, а нижний был вытянут на спине. Погребение 157 этого памятника содержало три костяка, также лежавших друг над другом⁴³⁰.

Во многих могилах кости не сохранились, и поза захороненных неизвестна. В большинстве достоверных случаев констатировано, что погребенные преимущественно вытянуты на спине, реже — лежат в слегка скорченном положении на боку. Сильно скорченные на боку костяки встречаются совсем редко (Альвастра, погребение 264)⁴³¹. Кроме того, встречены захоронения со скрещенными ногами (Альвастра, погребения 139, 270) и на спине, с подогнутыми ногами (Альвастра, погребение 213).

Ориентировка погребенных во многих случайных находках не отмечена, и учет соотношения различных видов ориентировок по имеющимся материалам затруднен. Преобладала ориентировка погребенных головой на север с отклонениями на запад или восток⁴³². В некоторых случаях отмечается диаметрально противоположная ориентировка (часть могил на юге Норвегии, Альвастра)⁴³³. Известны захоронения, где умершие обращены головой на запад или восток (Хаммарснас, Херрестед, Валлеберга и др.)⁴³⁴.

По свидетельству Б. Штернквист, неустойчивость ориентировки присуща самым ранним ингумациям Скандинавии. Позже устанавливается господство северной ориентировки. Среди некрополей юга Швеции наибольшее число отклонений от северной ориентировки известно в Хаммарснасе, где в 50 из 96 погребений умершие направлены головой на север с отклонением на северо-восток и северо-запад, а в остальных ориентированы по-разному⁴³⁵. В позднеримское время сохраняется преобладание северной ориентировки при наличии костяков, обращенных головой на запад, восток и реже — на юг (табл. 8).

Большинство могильных ям с труположениями прямоугольной формы, глубиной обычно около 1 м и лишь в отдельных случаях до 2 м и глубже⁴³⁶. Костяки иногда лежат свободно

в земле, но в большей части могил есть различные обкладки из камней. Погребения с камнями и без камней встречаются на одном некрополе (Альвастра)⁴³⁷. Один или несколько больших камней могут лежать в изголовье, у ног, сбоку, снизу или сверху скелета, образуя частичную или полную обкладку, а также перекрытие. Весьма часты погребения, в которых по одному камню лежит возле головы и ног костяка. На ряде некрополей (Симрис, Альвастра, Фос, Тронделаг и др.) преимущественно в позднеримское время появляются каменные обкладки — ящики прямоугольной или ладьевидной формы. Длина их обычно несколько превышает 2 м, а ширина колеблется в пределах 0,7—1,2 м⁴³⁸. Пола из камней они часто не имеют, некоторые из них перекрыты каменными плитами или завалены сверху камнями, образующими подобие небольшой пирамиды. По предположению Б. Штернквист, сначала над ящиками делали перекрытия из досок или натягивали кожаное покрывало, поверх него набрасывали камни, позже провалившиеся в пустоту⁴³⁹. В единичных случаях (Симрис, погребение 54) ящики во время ритуала погребения были заполнены песком.

В большинстве ящиков нет следов деревянных гробов или колод. Сам каменный ящик служил непосредственнымместилищем останков умершего. Дерево от гробов или колод находится только в могилах с относительно широкими каменными ящиками (Симрис, погребения 41, 55, 88)⁴⁴⁰ и в грунтовых захоронениях с обкладками из камней (Брилинге, Годакер, Валлеберга, Гуларп)⁴⁴¹. Сведения о характере остатков дерева весьма отрывочны. Известно, что колоды обнаружены в погребениях Валлеберги, дощатые гробы — в Годакере и Симрисе. Ввиду плохой сохранности дерева и скудости его находок устройство гробов недостаточно известно. Неясно, как соединялись доски. В Годакере короткие доски были зажаты длинными, которые закреплялись вбитыми в землю столбиками. Остатки столбов в могилах были обнаружены на упландских некрополях Тиббле, Фулеро, Фрослунда⁴⁴². Щели в стыках досок в отдельных случаях заливались смолой, полоски которой сохранились в некоторых погребениях (Симрис, Валлеберга, Альвастра,

⁴²⁹ O. Almgren, 1907, рис. 9.

⁴³⁰ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 252.

⁴³¹ Там же, стр. 256, рис. 39.

⁴³² B. Stjernquist, 1955, стр. 46; Она же, 1946, стр. 96; M. Magnusson, 1946, стр. 99.

⁴³³ B. Stjernquist, 1955, стр. 53; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 252, 254, 256, 257.

⁴³⁴ B. Stjernquist, 1955, стр. 44; M. Strömberg, 1953, стр. 174.

⁴³⁵ B. Stjernquist, 1955, стр. 46, 47.

⁴³⁶ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 256.

⁴³⁷ Там же, стр. 36.

⁴³⁸ B. Stjernquist, 1955, стр. 38—39, 47; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 36; E. Straume, 1961, стр. 79, 81; H. Schetelig, 1912a, стр. 352.

⁴³⁹ B. Stjernquist, 1955, стр. 38.

⁴⁴⁰ Там же, стр. 14—16, 23, 26, 38—39.

⁴⁴¹ G. Arvidson, 1937, стр. 311—312; G. Ekholm, 1925, стр. 345; M. Strömberg, 1953, стр. 161 сл.; M. Magnusson, 1946, стр. 99.

⁴⁴² T. Sahlström, 1943, стр. 55.

Таблица 8

Положение костяков на некрополях римского времени Скандинавии

Памятник	Общее количество погребений	Ориентировка														Камни в могилах		На спине, вытянут	На правом боку	На левом боку	Перекрещенные ноги	На спине с подогнутыми ногами	Угловая подсыпка	Следы гробов	Парные погребения	Примечание																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																			
		С	ССЗ	СЗ	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	ЗСЗ	З	ЗЮЗ	ЮЗ	ЮЮЗ	Ю	ЮЮВ	ЮВ										есть	нет																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																	
Скандинавия *																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																													</

* Данные по могильникам Скандинавии взяты из работы Б. Штернквист (B. Stjernquist, 1955), по могильникам Остерготланда — по работе Э. Оксенштирны (E. G. Oxenstierna 1945), по могильникам Упланда и Норвегии — из литературы, приведенной в указателе памятников (Приложение 1).

** Количество погребений.

*** Наличие признака.

Веллинге)⁴⁴³. Камни в могилах могут лежать снаружи, рядом с досками гроба, под ними и сверху, перекрывая их. Некоторые погребения совершены в коробках из коры и также обложены камнем⁴⁴⁴.

Определенную роль в погребальном ритуале играл огонь, в частности уголь, который встречается около костей, среди камней, в заполнении могильных ям (Гиле, Валлеберга, Альвастра, Симрис)⁴⁴⁵ и на их дне (Фос)⁴⁴⁶. В Симрисе угли найдены в 12 погребениях из 30 исследованных, в Альвастре — в 17 захоронениях из 160.

В некоторых погребениях над костяком прослежен слой обожженной черной земли и саж (Альвастра — 10 погребений, Симрис, Валлеберга)⁴⁴⁷. По-видимому, во время ритуала погребения разводили костер, часть остатков которого сбрасывали в могилу при ее засыпке, о чем, помимо углей и саж в заполнении, свидетельствуют куски обожженной глины, найденные в Гиле и Симрисе⁴⁴⁸.

В богатых захоронениях позднееримского времени иногда на дне могил, в том числе и в каменных ящиках (Фос), встречается берестяная подстилка⁴⁴⁹.

По-видимому, к специфичным чертам обряда следует относить наличие в отдельных погребениях под остатками гробов или колод прослоек из необожженной глины (Валлеберга) или песка (Симрис), выстилавших дно могильных ям⁴⁵⁰.

В позднееримское время на Скандинавском полуострове появляются богатые погребения в больших камерах — склепах, облицованных деревом и снаружи обрамленных каменными обкладками (Лилла Йоред, Тиббле, Фулеро, Фрослунда, Симрис, Сетранг и Авальдснес)⁴⁵¹. Они располагаются под курганными насыпями или изредка на рядовых грунтовых некрополях (Симрис). Характерное для захоронений этого типа погребение в Лилла Йоред первоначально имело вид кургана диаметром 18—20 м, высотой 3 м. Под насыпью на материковом песке была устроена вымостка из глины, смешанной

с землей, поверх которой лежал слой древесного угля толщиной несколько сантиметров. Он был покрыт берестой на площади диаметром около 5 м, сверху которой был положен тонкий слой глины. На этом слое установили деревянный гроб размером 3×1,35 м, длинные стенки которого были ориентированы с северо-востока на юго-запад. Доски по углам крепились четырьмя столбами. Сверху камера была покрыта каменными плитами и заложена кучей камней диаметром 12—13 м. Инвентарь погребения состоял из двух золотых перстней и браслета, серебряных бляшек, обкладок из серебра и бронзы, фрагментов бронзовых и деревянных сосудов, ведровидного глиняного сосуда и черепков от двух других сосудов. Подобное устройство и такой же богатый инвентарь имеют и некоторые другие захоронения. По мнению Ф. Сальштрома, Г. Экхольма и других исследователей, конструкция погребений этого типа принесена в Скандинавию готами из южнорусских степей⁴⁵². Аналогии они находят в позднескифских курганах. Другие авторы вслед за Эггерсом считают, что подобная конструкция появилась в Северной Европе в раннеримское время. Так, она известна в «княжеских» могилах типа Любешево⁴⁵³.

Две «княжеские» могилы раннеримского времени типа Любешево исследованы в Сторе Даль на юге Норвегии. Они располагались под курганами диаметром 18,5 и 22,5 м. Большой курган был обрамлен венком из 83 камней, плотно прилежавших друг к другу. В меньшем кургане могила помещалась в каменном ящике размером 2,25 × 1 × 0,5 м и сопровождалась инвентарем, состоявшим из бронзовой кастрюльки, рога для питья, золотого перстня, двух железных ножей, глиняного сосуда и пряслица. Большой курган накрывал сложенную из камней камеру размером 3,25 × 1 × 0,3 м, ориентированную с северо-запада на юго-восток. Погребение содержало бронзовое ведро, кастрюльку, таз, две реберчатые синие стеклянные миски, две серебряные фибулы, два золотых перстня, золотую подвеску, две золотые бусины, S-видный крючок из серебра, два железных ножа и пряслице. Это наиболее богатое погребение римского времени на Скандинавском полуострове. Б. Хоуген датировал его концом I в. н. э. и указал на связь с Датскими островами, где известны богатые могилы этого времени⁴⁵⁴. Судя по инвентарю, в погребениях из Сторе Даль были похоронены женщины.

⁴⁴³ B. Stjernquist, 1955, стр. 39; M. Strömberg, 1953, стр. 178; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 246; O. Rydbeck, 1907, стр. 131.

⁴⁴⁴ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 257.

⁴⁴⁵ A. Herteig, 1955a, стр. 49—72; M. Strömberg, 1953, стр. 174; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 246 сл.; B. Stjernquist, 1955, стр. 6 сл.

⁴⁴⁶ E. Straume, 1961, стр. 81.

⁴⁴⁷ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 246 сл.; B. Stjernquist, 1955, стр. 9, 12, 23; M. Strömberg, 1953, стр. 174.

⁴⁴⁸ A. Herteig, 1955a, стр. 71; B. Stjernquist, 1955.

⁴⁴⁹ E. Straume, 1961, стр. 81.

⁴⁵⁰ M. Strömberg, 1953, рис. 13, стр. 178; B. Stjernquist, 1955, стр. 14.

⁴⁵¹ F. Sahlström, 1943, стр. 53; B. Stjernquist, 1955, стр. 20.

⁴⁵² F. Sahlström, 1943, стр. 55; G. Ekholm, 1957, стр. 273—293.

⁴⁵³ H. J. Eggers, 1949—1950.

⁴⁵⁴ B. Hougen, 1924, стр. 31; Он же, 1929, стр. 75 сл.

В римский период продолжали хоронить и по обряду трупосожжения. В I—II вв. н. э. многочисленные трупосожжения встречаются вместе с трупоположениями на грунтовых некрополях, а также под земляными и каменными курганами, вымостками и стелами. В позднеримское время погребения с трупосожжениями, как отмечено, редки. В раннеримское время погребения с кремацией сохраняют особенности позднелатенского периода. Наряду с урновыми могилами с подсыпкой остатков костра распространены ямные захоронения. Кроме них, на протяжении всего римского времени встречаются чистые урновые погребения с вымытыми костями⁴⁵⁵. Изредка попадаются коробчатые могилы. В наиболее богатых захоронениях урнами служили бронзовые сосуды (Гралум, Авальдснес)⁴⁵⁶. Бронзовые ведра весьма широко использовались как урны в могилах с оружием на юге Норвегии⁴⁵⁷. Глиняные сосуды в погребениях целые или преднамеренно разбиты. В последнем случае в могилу клали не все черепки, и такую могилу трудно отличить от урновой с подсыпкой остатков костра, в которой урна разбита⁴⁵⁸.

В Симрисе исследовано трупосожжение в яме, расположенной в центре каменного ящика ладьевидной формы, напоминающего аналогичные конструкции из погребений с ингумациями⁴⁵⁹. В позднеримское время появляются погребения, в которых слой остатков трупосожжения рассыпан по поверхности земли. Вместе с костями человека в них встречаются кости животных⁴⁶⁰. Кости животных попадают изредка в ямных, урновых и коробчатых могилах (Альвастра, погребения 48, 53, 59, 61, 66, 100, 144, 181, 219), обычно в непережженном виде⁴⁶¹.

Инвентарь большинства погребений Скандинавии римского времени весьма скуден. Состав его одинаков в могилах с трупосожжениями и трупоположениями. Последние несколько богаче римским импортом — бронзовыми и стеклянными сосудами. Но в общем богатые могилы есть того и другого вида. Наиболее бедны инвентарем погребения I в. н. э. Большинство могил раннеримского времени не содержит вещей. Погребения позднеримского периода богаче вещами, и безынвентарные могилы этого времени встречаются реже. Большинство погребений с ингумациями лишены керамики (табл. 9). В тех случаях, когда она есть, погре-

бение содержит один-два сосуда, стоящих сбоку или в конце могилы. В погребениях позднеримского времени изредка бывает больше сосудов (парное погребение в Фос — пять сосудов; Симрис, погребения 41 и 55 — по четыре сосуда, погребения 27, 54 — по три сосуда; Хамарскас, Халор, погребение 84 — по три сосуда и др.)⁴⁶². Помимо целых горшков, в некоторых погребениях встречаются фрагменты керамики. В Симрисе они найдены в 1/3 могил с кремациями и ингумациями. В отдельных погребениях с трупоположениями в качестве инвентаря встречаются коробки, сделанные из дерева или коры (Альвастра, Брилинге), от которых сохранились кусочки смолы, заполнявшей швы коробок. Очевидно, коробки в какой-то мере заменяли глиняные сосуды. В Альвастре в могилах с ингумациями не встречено керамики кроме отдельных черепков. Зато в 32 погребениях из 160 находились кусочки смолы от коробок, стоявших в изголовье сбоку и редко — в ногах захороненного. Обычно в могилу клали одну коробку, редко — две. В Брилинге коробка встречена вместе с керамикой. Иногда в коробках находятся орудия труда. Так, в коробке из коры в погребении 268 Альвастры лежали два серпа, шило и игла. В погребении I Валлеберги III в. н. э. найдена коробка из кожи. Ее носили на шее. Такие коробки необычны для инвентаря скандинавских трупоположений.

Наиболее многочисленную категорию вещей в женских захоронениях представляют предметы частей одежды и туалета — фибулы, пряжки, наконечники ремней, стеклянные и янтарные бусы, бляшки, булавки, гребни, изредка браслеты, перстни, шпичики, гривны, ножницы. Их расположение в погребении соответствует месту на костюме. Из орудий труда, кроме серпов, шильев и игл, встречаются ножи для резания кожи, а также прямые и полулунные ножи. Последние наряду с остатками смолы от коробок, серпами и ножами для резания кожи сопровождают главным образом погребения раннеримского времени. Пряслица встречаются весьма редко (Кваллеби 2; Каглинге 5; Гиле; Фос; Сторе Даль — табл. 10)⁴⁶³. В Скании, где известно более сотни местонахождений с ингумациями римского времени, найдено только одно пряслице (Каглинге, 5)⁴⁶⁴. Как уже отмечено, в богатых погребениях встречаются предметы римского импорта — бронзовые сосуды, стеклянные кубки, в единичных случаях —

⁴⁵⁵ M. Strömberg, 1960, стр. 66, 67.

⁴⁵⁶ W. Slomann, 1960, стр. 38; Он же, 1964, стр. 5—38.

⁴⁵⁷ A. Herteig, 1955, стр. 165.

⁴⁵⁸ M. Strömberg, 1960, стр. 67.

⁴⁵⁹ B. Stjernquist, 1955, стр. 17.

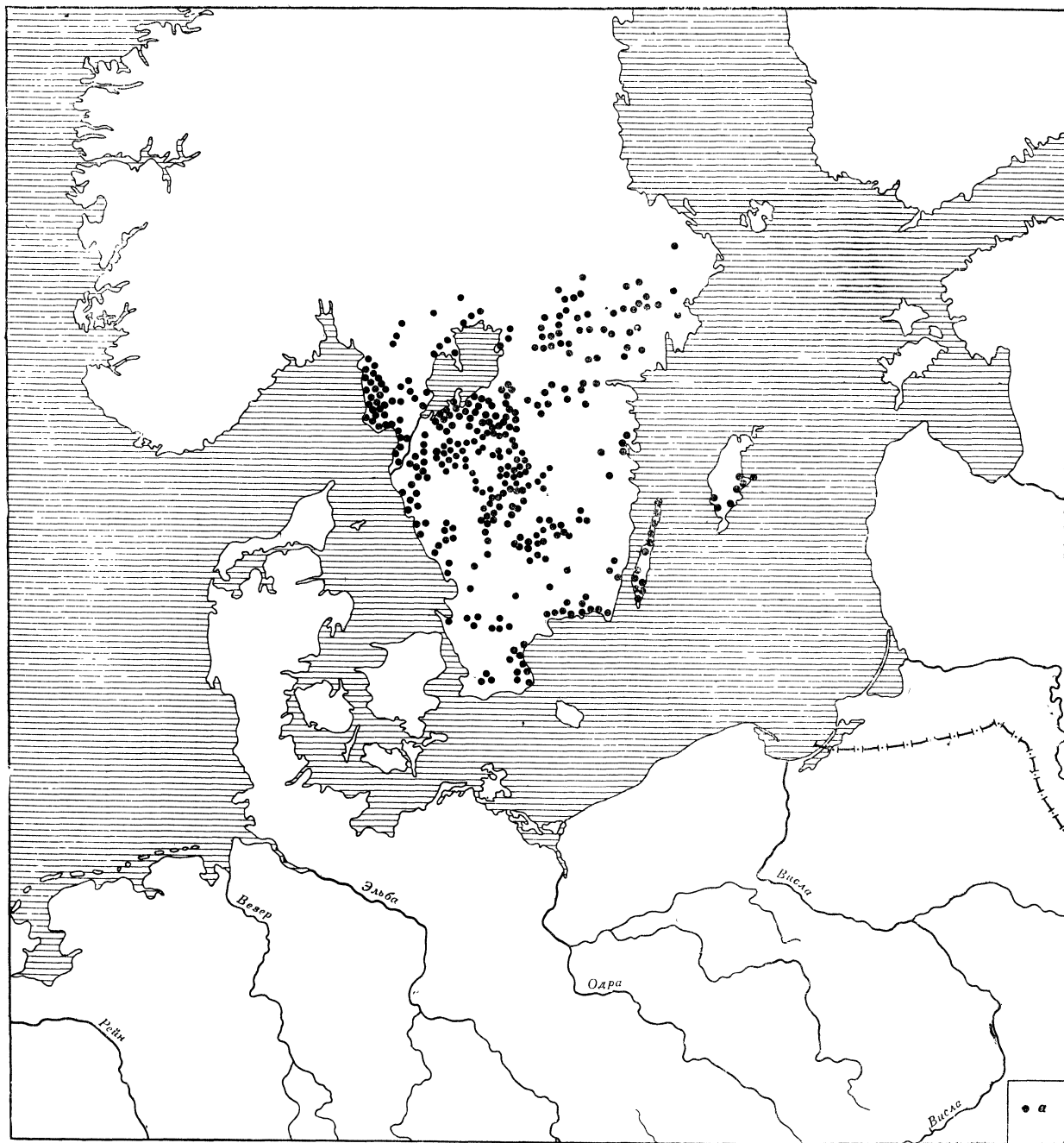
⁴⁶⁰ M. Strömberg, 1960, стр. 69.

⁴⁶¹ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 248—250, 252—253, 255.

⁴⁶² E. Straume, 1961, стр. 81; B. Stjernquist, 1955, стр. 13—14, 17, 22—23; F. Hansen, 1936, стр. 51, рис. 35.

⁴⁶³ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 88; M. Strömberg, 1960, стр. 51; A. Herteig, 1955a, стр. 70; E. Straume, 1961, стр. 81; E. Sprockhoff, 1958, стр. 301.

⁴⁶⁴ M. Strömberg, 1960, стр. 51.

Р и с. 19. Распространение каменных кругов в Швеции (по: *К. Е. Sahlström*, 1942)

стеклянные игральные жетоны, а также оковки деревянных ведерок.

Оружие в погребениях Скандинавии римского времени весьма немногочисленно, но не составляет исключения (табл. 9). Оно встречается в труположениях и трупосожжениях как раннеримского, так и позднеримского периодов. Бóльшая часть находок происходит из труположений. Так, из 160 труположений некро-

поля Альвастра оружие представлено в 8 могилах. В 140 могилах с трупосожжениями этого памятника оружия нет. В Симрисе в могилах с трупосожжениями оружия также нет. Там оно найдено в 5 из 30 трупосожжений римского времени. Среди предметов вооружения наиболее часты наконечники копий, реже встречаются умбоны щитов, мечи. В единичных погребениях позднеримского времени попадают

Таблица 9

Инвентарь погребений с труположением римского времени в Скандинавии

Памятники	Количество по-гребений	В том числе без вещей	Керамика					Смола от коробок	Украшения и предметы туалета											
			Сосуды				Черепки		Фибулы				Бусы	Булавки	Гривны	Гребни	Пряжки	Наконечники пояса	Перстни	Щипцы
			Количество						Количество											
			1	2	3	4			1	2	3	4								
Скания *																				
Симрис	30 **	2	8	7	2	2	9	4	3	2		3	5	7	2	11	8	1	2	2
Акарп	1		1													1				
Дюрслев	2			2						1			1							
Кабари	2												1			1				
Упракра	3		1		1								1			1				
Скепарслев	1						1													
Херестад	1									1							1			
Фаленбер	1		1																	
Кепинге	1						1									1				
Санадби	3																			
Хаменхег	1		1				1													
Хагестад	4		3				1													
Гардлоза	2		1				1					1	1			1				
Валлеберга	2			2					1		1		1							
Валлен	1		1									1	1							
Овраби	2								2											
Балкаккра	1		1								1		1			1				
Фридхем	1																			
Рибесборг	1		1																	
Гуларп	2		1																	
Кеглинг, 5	1		1																	
Кварнби, 5	1		1														1			
Веннинг	1						1													
Лимхамн	5		2														1			
Сольнес	1						1													
Хиндби	1									1										
Хотофта	1		1																	
Алабодарна	2												2							
Андерслев	2		2																	
Бодарп	14		7	3			3		1				5			4	1	1	1	
Марки	2		1	1								1	1							
Страндвеген	1													1						
Страндвеген	3								1											
Альбексборг	4	1		1																
Фотевик	1		1																	
Велинге	17	3	7				3	1	1	1			4			2	2	1		
Алстад	1		1														1		1	
Томарп, 2	3							1		1										
Хоспитал	1												1							
Кельби	9		3	5	1				1				5	1		1		1		
Траллеборг	1						1						1			1				
Стангби	1			1									1							
Хенсинге	2		1																	
Бединге	1								1											
Хёртемолла	1																			
Фырен	1						1													
Дыбек	1						1					1	1	1 ***		1				
Тофтхёг	1			1																
Елев	1			1																
Ринкаби	1							1												
Тостеберга	1												1							
Упланд																				
Брилинг	1		1					1												
Годакер	2		1																2	

* Данные по могильникам Скании приведены по работе Б. Штернkvист (B. Stjernkvist, 1955), по могильникам Остерготланда — по работе Э. Оксенштрны (E. G. Oxenstierna, 1945). Данные по могильникам Упланда в Норвегии взяты из литературы, приведенной в указателе памятников.

Орудия труда							Оружие						Стекланные со- суды	Стекланные же- тоны	Заклепки	Оковки	Замки Ключи	Кости животных	Бронзовые сосуды	Разное
Ножи	Шила	Иглы	Серпы	Косы	Пряслица	Ножницы	Стрелы	Копья	Умбоны	Мечи	Шпоры	Топоры								
11	2			1			1	4	3	3	1			1	5	4		1	1 раковина 1 оковка коробки для игральных костей 3 кремня огнива 1 серебряная спираль	
1 1 1		1 1							1	1			1	1					3 горшка 3 гребня 2 бронзовых диска Фольга Костяные жетоны Спиральное кольцо, игольник S-видная подвеска	
1		1							1						1				Костяные жетоны	
					1			1 ***												
2	1																			
1																			Кусок янтаря Бронзовая пружинка Фрагмент железа	
2	1		1 1					1												
2		4	1										1						2 бронзовых кольца Бронзовое кольцо	
1								1												
				1						1									3 бронзовых кольца	
1			1 1										1						Железный стержень	
								1 ***									1		Бронзовые бляшки ремня Деревянное ведро	

** Количество погребений, в которых встречены вещи данной категории.

*** Предмет найден в двух экземплярах.

Таблица 9 (окончание)

Памятники	Количество по-гребений	В том числе без вещей	Керамика				Черепки	Смола от корабов	Украшения и предметы туалета											
			Сосуды						Фибулы				Бусы	Булавки	Гривны	Гребни	Пряжки	Наконечники пояса	Перстни	Щипцы
			Количество						Количество											
			1	2	3	4			1	2	3	4								
			1	2	3	4			1	2	3	4								
Остерготланд																				
Альвастра	160	89					8	32	6					1	3		3	6	2	
Линдсборг	10	9																		
Остерстад	2	1																		
Свембс	2							1						1	1					
Лилла Берга	10	7	1														1			
Кунгсхогарна	5	2						1												
Норвегия																				
Сторе Даль	2		1							1				1						2 ***
Гиле	1											1		1	1					
Гиле	1																			
Тронделаг	1		1																	1
Фос	2	1					1 ***							1						1 ***
	муж.																			
	жен.																			

наконечники стрел. В Тронделаге они находились в захоронении в каменном ящике вместе с мечом ⁴⁶⁵. В некоторых могилах (Гиле, Симрис) представлен полный набор предметов вооружения — меч, два копыя и щит.

В противоположность материковой Европе находки шпор в Скандинавии единичны. Также в единичных могилах находятся кости животных, не характерные для погребений рассматриваемого района. Кости гуся лежали в изголовье погребения I в. н. э. в Брилинге и в Альвастре (погребение 18) ⁴⁶⁶. Несколько костей животных находилось у дна могилы с труположением II—III вв. н. э. в Гиле, а вне погребальной камеры здесь встречены остатки лошади ⁴⁶⁷. В погребении с трупосожжением III в. н. э. в Мандале найдены кости коровы и овцы ⁴⁶⁸.

Остановимся на характеристике надмогильных сооружений в виде каменных курганов, кругов, вьмосток и стел, известных в некрополях Скандинавии (рис. 6; 19). Хронологическая принадлежность многих из них не совсем определена. Исследователи датируют их временем от раннего железного века до эпохи викингов. Каменные надгробия размещены неравномерно. В позднелатенское время их почти не было на западе Швеции — в Вестерготланде, но зато в большом числе они представлены в

Упланде и Остерготланде, где имеются почти на каждом некрополе ⁴⁶⁹.

Каменные курганы обычно плоские и небольшие по размерам. Наиболее частый диаметр их 3—10 м. Они возводились над погребениями и с трупосожжениями и с труположениями.

Каменные круги, достигающие в диаметре 30 и более метров, образованы чаще семью или девятью, а иногда и большим числом крупных камней, лежащих приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга и в некоторых случаях связанных между собой вымостками из мелких камней ⁴⁷⁰.

В середине ограниченной камнями плоской площадки находится место погребения, которое содержит, как правило, пережженные кости, помещенные обычно в яму и редко в урну. Во многих случаях останки трупосожжения покрыты плоским камнем, иногда низким курганом или пирамидой из камней. Инвентарь отсутствует или крайне невыразителен. В Скандинавии известно более тысячи кругов. Наибольшая концентрация их прослеживается в полосе от Вестфольда через Остфольд, Богуслан, Вестерготланд, Смоланд к Блекингу и Эланду. К северу и югу от этой полосы каменные круги относительно малочисленны. Они необычны в Скании ⁴⁷¹. В Швеции они относятся в основном к эпохе переселения народов

⁴⁶⁵ E. Siraume, 1961, стр. 79.

⁴⁶⁶ G. Arwidson, 1937, стр. 312; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 247.

⁴⁶⁷ A. Herteig, 1955a, стр. 70.

⁴⁶⁸ M. Strömberg, 1960, стр. 52.

⁴⁶⁹ E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 52.

⁴⁷⁰ E. Johansen, A. Hagen, 1951, рис. 7.

⁴⁷¹ H. Jaanusson, 1965—1966, стр. 116—136.

Орудия труда							Оружие						Стеклянные сосуды	Стеклянные жетоны	Заклепки	Оковки	Замки Ключи	Кости животных	Бронзовые со- суды	Разное
Ножи	Шилья	Иглы	Серпы	Косы	Праща	Ножницы	Стрелы	Копья	Умбоны	Мечи	Шпоры	Топоры								
13	10	19	12			1	1	1	3	7				2	2	2	2	7		Кусок кремня 2 точильца Бронзовое кольцо Железный предмет с ушком, кусок железа
1								1												Игла в костяном игольнике
2		1	1					1		1										
2 ***					2								1 ***				1	1	2 ***	S-видный крючок Золотая подвеска Золотой брелок Серебряный диск Железное кольцо Бронзовая цепочка Игольник
1					1	1		1 ***	1	1								1		
1 ***					1			1 ***	1	1			1							

(400—550 гг. н. э.)⁴⁷². Некоторые норвежские круги датируют раннеримским периодом⁴⁷³. На основании радиоуглеродных дат наиболее ранние круги Богуслана относят к VI—V вв. до н. э., синхронизируя их с немногочисленными каменными кругами ясторфских некрополей⁴⁷⁴.

К. Сальштром считает, что каменные круги распространились в Скандинавии с континента⁴⁷⁵; Х. Янусон вслед за Д. Бонзаком отстаивает автохтонное, скандинавское происхождение каменных кругов.

Каменные стелы чаще связаны с кремациями, но иногда находятся над труположениями (Оремолла, Альвастра, погребение 19)⁴⁷⁶. Это продолговатые валуны, поставленные над захоронением. Они возвышаются над землей и изредка их высота больше 1 м⁴⁷⁷. Локализуются они на юго-западе и востоке Швеции (рис. 6) — в Упланде и Остерготланде.

Вымостки различной формы — квадратные, круглые, треугольные — представлены на юге Норвегии и на востоке Швеции (рис. 6), причем на одном некрополе могут быть вымостки различных форм (Драгби и др.)⁴⁷⁸, заполненные камнями или только контурные. Квадрат-

ные вымостки имеют иногда диагонали. В основном вымостки связаны с трупосожжениями. Датировать их трудно, так как они связаны с безынвентарными могилами. Часть из них относят к рубежу нашей эры⁴⁷⁹.

Подводя итог характеристике погребально-го обряда населения юга Скандинавского полуострова, отметим следующие основные особенности.

В позднелатенское время господствует кремация. Захоронения производились в могилах урновых, ямных, в виде кучек костей и в коробках из дерева и коры. Среди урновых захоронений преобладают могилы с подсыпкой остатков костра. Чистые урновые погребения редки. Большинство урн обложено с боков камнями и сверху часто накрыто камнем, иногда встречаются камни — подставки под урну. Сопровождающие сосуды, обычно по одному, встречены в небольшой части урновых погребений и захоронений в коробках, которые по устройству идентичны урновым могилам. В ямных могилах слой остатков трупосожжения также часто перекрыт камнем или несколькими камнями, образующими небольшую подземную вымостку. Подобные вымостки в отдельных случаях наблюдаются и над урновыми погребениями. Ямные и урновые могилы — наиболее многочисленны среди остальных захоронений. Соотношение количества их в разных районах различно. На востоке Швеции, в Остергот-

⁴⁷² К. Е. Sahlström, 1924; Он же, B. Nerman, 1953.

⁴⁷³ E. Skjelsvik, 1956, стр. 579—583.

⁴⁷⁴ H. Jaanusson, 1965—1966, стр. 116—136.

⁴⁷⁵ К. Е. Sahlström, 1942, стр. 134.

⁴⁷⁶ N. G. Bruzelius, 1874, стр. 9 сл.; E. G. Oxenstierna, 1945, стр. 247.

⁴⁷⁷ M. Strömberg, 1960, стр. 67.

⁴⁷⁸ B. Gräslund, 1961, стр. 205—209; D. Damell, J. Sjögren, 1962, стр. 95—104; A. Björn, 1964, стр. 295.

⁴⁷⁹ B. Gräslund, 1961, стр. 218; K. Vibe-Müller, 1956, стр. 50—56.

ланде, число урновых и ямных погребений было приблизительно одинаковым, на западе, в Вестерготланде, урновые могилы преобладали. Довольно много ямных могил было на юге Норвегии.

С I в. н. э. для юга Скандинавского полуострова характерен биритуализм. Погребения с трупоположениями, сначала весьма малочисленные, с течением времени широко распространяются и с III в. н. э. преобладают. Многие некрополи позднеримского времени содержат одни трупоположения. Трупосожжения на востоке полуострова продолжают встречаться в ограниченном количестве, на западе их больше.

Преобладает северная ориентировка с отклонениями при наличии костяков, обращенных головой на запад, восток и редко — на юг. Типичны обкладки и перекрытия из больших камней, а для позднеримского времени также каменные ящики, в которые помещены умершие. В ряде погребений прослежены остатки деревянных гробов и колод. Костяки лежат преимущественно вытянуто на спине, реже — в скорченном положении на боку. В отдельных захоронениях встречаются угли, единичные фрагменты керамики. На дне могил бывает песчаная или глинистая прослойка.

Инвентарь состоит из украшений, предметов туалета, орудий труда и оружия. Оружие, появившееся в могилах с трупосожжениями второй половины позднелатенского времени, в римский период представлено также в трупоположениях. Керамика малочисленна. Из орудий труда встречаются ножи, серпы, шилья. Пряслица редки. Богатые могилы снабжены предметами римского импорта.

Для некрополей Скандинавии характерны также каменные надгробия в виде небольших курганов, круглых, прямоугольных и треугольных вымоств, колец и стел, которые наиболее многочисленны в восточных районах полуострова и распространены как в позднелатенское, так и в римское время.

Захоронения под каменными курганами и вымостками особенно распространены на островах Готланд и Эланд⁴⁸⁰. Население Готланда отдельные исследователи (Г. Коссинна, Е. Блюме) связывают с готами⁴⁸¹. Мы остановимся на характеристике погребального обряда племен этого острова.

⁴⁸⁰ M. Stenberger, 1933.

⁴⁸¹ G. Kossinna, 1919, стр. 19; E. Blume, 1912, стр. 157 сл.

Погребальный обряд населения острова Готланд*

Источниками для характеристики погребального обряда населения острова Готланд нам служили двухтомная монография О. Альмгрена (второй том в соавторстве с Б. Нерманом), а также работы Э. Нилена⁴⁸², в которых дан анализ культуры племен этого острова в раннем железном веке.

В первом периоде железного века (600—300 гг. до н. э.) на Готланде преобладают погребения с трупосожжениями, но встречаются и трупоположения, которых в то время не было в других районах Северной Европы. Погребения перекрыты плоскими курганами, в насыпях которых имеются выкладки из камня в форме концентрических колец. В позднелатенское и раннеримское время выкладки из камней в виде концентрических колец вокруг насыпей курганов здесь очень широко распространены.

Второй период железного века (300—150 гг. до н. э.) на Готланде очень плохо освещен археологическим материалом. Господствует об-

ряд кремации. Остатки трупосожжения в виде кусочков кальцинированных костей и угля хранили в виде слоя, рассыпанного около уровня древнего горизонта и сверху перекрытого каменным курганом или вымосткой. Иногда имеется внешнее каменное кольцо. В одном случае встречено урновое погребение. Обряд ингумации в это время почти не применялся и представлен только одним погребением⁴⁸³.

К позднелатенскому времени на Готланде, по данным Э. Нилена, относятся 23 некрополя со 123 исследованными погребениями. В наиболее крупном могильнике Валхагер М вскрыто 43 плоских каменных курганов. Погребальный обряд характеризуется кремацией, совершенной обычно на стороне. Остатки трупосожжения в виде чистых кальцинированных костей или вместе с кусочками угля и золы погребального костра рассыпаны на месте погребения более или менее равномерным слоем округлой формы диаметром от 0,2 до 2 м или уложены кучками-скоплениями, как правило, на горизонте погребенной почвы, иногда несколько углубляясь в нее. Сверху этот слой перекрыт насыпью кургана из камней

* Погребальный обряд племен Готланда описан кратко. Более подробной его характеристике будет посвящена наша особая работа.

⁴⁸² O. Almgren, 1914; O. Almgren, B. Nerman, 1923; E. Nylen, 1956; Он же, 1957.

⁴⁸³ E. Nylen, 1957.

и земли или вымосткой. Часть вымосток в настоящее время задернована и выявляется только при планировке местности. Обычный диаметр курганов 2—5 м, изредка встречаются более крупные насыпи — диаметром до 10 м. На семи некрополях (Нисту Традгардсхакте, Смисс, Гриндс, Танглингс, Бакхаген, Прастхаген, Валхагер С) вокруг некоторых каменных курганов располагались одно или несколько выложенных из камней концентрических колец диаметром 7,5—11,7 м (рис. 6). Отдельные редкие курганы и вымостки не содержат погребений. Это кенотафы. Соотношение захоронений чистых костей и погребений с остатками погребального костра на разных некрополях варьирует, но в целом число тех и других приблизительно одинаково. Урновые погребения позднелатенского времени на Готланде являются исключением (Валхагер М, курган 23 — две урны с подсыпкой остатков костра, одна из них накрыта каменной плитой).

Большинство трупосожжений под курганами являются индивидуальными захоронениями. Наряду с ними встречены коллективные захоронения. Некоторые из них Э. Нилен рассматривает как семейные, произведенные одно за другим. Наибольшее число захоронений — по пять-шесть — отмечено в кургане 29 Валхагера М и в кургане 5 Вальбиса.

Вместе с остатками трупосожжения складывали инвентарь, который иногда лежал в определенном порядке (например, попарное расположение фибул, поясных колец)⁴⁸⁴, но чаще вещи разбросаны в беспорядке среди остатков кремации. В инвентаре наиболее широко распространены поясные кольца, накладки, реже — фибулы. Изредка встречаются орудия труда — ножи, иглы, шилья, а также бронзовые спиральные бусы и пронизки. Могилах с находками оружия — мечей, наконечников копий — составляют около 9% всех погребений. Около 40% позднелатенских погребений Готланда сопровождалась керамикой в виде отдельных фрагментов или сосудов в слое остатков трупосожжения или рядом с ним. В отдельных могилах встречены кости животных — лошади, овцы, свиньи, птицы, когти медведя.

В I в. н. э. на Готланде широко распространяется обряд ингумации. Согласно О. Альмгрену, к этому времени относятся 51 погребение с трупоположениями и 40 — с трупосожжениями. Эти погребения исследованы и описаны специалистами, но кроме них известны погребения обоих видов, открытые при различных работах и не изученные специально. Захоронения производились под маленькими плоскими курганами или вымостками, иногда

с кольцом больших камней у основания. Около четверти всех насыпей окружены каменными концентрическими кольцами диаметром 5,9—22,5 м. Остатки трупосожжения, как и в предшествующее время, рассыпаны слоем около уровня древнего горизонта. Урны отмечены только в двух случаях. Свыше половины могил содержат по одному, редко два глиняных сосуда.

Погребения с трупоположениями находятся в могильных ямах глубиной 0,3—0,7 м, часть которых облицована каменными плитами, образующими подобие каменных ящиков, и на уровне горизонта перекрыта горизонтально лежащими плитами. Костяки лежат головой на север и северо-восток, вытянуты на спине (7 погребений), скорчены на правом (11) или левом (18) боку. У головы погребенного или сбоку, реже — у ног стоит обычно один глиняный сосуд. В четырех могилах найдено по два сосуда. В четырех погребениях обнаружены фрагменты сосудов. Поясные кольца и пряжки всегда находятся на месте пояса, ножи — у бедра, ног или головы. Фибулы, бусы и другие украшения в I в. н. э. редки. Оружия почти нет, за исключением меча, наконечника копья и умбона от щита в погребении у Гервальдса.

В период IV : 2 (100—250 гг. н. э.) трупоположения и трупосожжения, как и раньше, соседствуют в одних и тех же могильниках, но число трупосожжений несколько увеличивается. Возрастает размер курганов. Обычными становятся насыпи диаметром 6—10 м. Известны курганы диаметром 12—14 м. Высота больших курганов также увеличивается — 0,75—1 м, в виде исключения — 1,2—1,3 м. Около 15% насыпей имеют концентрические каменные кольца диаметром до 27 м. Костяки лежат в могилах в каменных ящиках из поставленных на ребро плит, аналогичных известным в I в. н. э. Кроме того, появляются камеры, стены которых сложены из камней сухой кладкой и полностью или частично возвышаются над уровнем горизонта.

Трупосожжения похоронены в каменных ящиках или в бескурганых ямных могилах со стенами, которые уже в позднелатенское время известны на Борнхольме и Скандинавском полуострове⁴⁸⁵. В раннеримское время они представлены на Эланде и в Поморье. На Готланде могилы этого типа часто сопровождаются мечами и наконечниками копий. Оружие, по данным О. Альмгрена, в период IV : 2 представлено в семи погребениях с трупоположениями, что составляет около 13% всех ингумаций того времени.

Погребальный обряд населения Готланда

⁴⁸⁴ E. Nylen, 1956, стр. 140.

⁴⁸⁵ J. Kmiecinski, 1962, стр. 102.

позднеримского времени сохраняет основные черты предшествующего периода. Исчезают концентрические каменные кольца вокруг курганов. Помимо могил с каменными курганами и вымостками, появляются на тех же некрополях и отдельно грунтовые захоронения в неглубоких ямах, перекрытых камнями, или в каменных ящиках. Большинство из них содержит трупосожжения, часть — трупоположения. Костяки лежат на спине или на левом боку. Кости скелета в отдельных могилах перемешаны, есть захоронения без черепа. Это явление связывают с ритуальным разрушением могил⁴⁸⁶. Каменные ящики с захоронениями обоих видов почти всегда ориентированы длинной стороной с севера на юг. Кальцинированные кости вместе с остатками костра, инвентарем и фрагментами глиняных сосудов заполняют обычно нижнюю часть ящика, верхняя его часть засыпана осколками камней и землей. Глиняные сосуды в таких погребениях не бы-

⁴⁸⁶ L. Zoltz, 1935, стр. 49.

ли урнами, а входили в инвентарь. Свыше 40% могил с трупоположениями содержат оружие. В погребениях с трупосожжениями оно встречается значительно реже — в могилах со стелами. Всего предметы вооружения обнаружены в 21 могиле с трупоположениями и в 8 могилах с трупосожжениями.

Соблюдение традиций в погребальном ритуале Готланда на протяжении рассматриваемого периода указывает на проживание здесь одного населения. Господство обряда захоронения праха умершего под каменными курганами или вымостками, преобладание погребений остатков кремации в виде слоя, рассыпанного около уровня древнего горизонта, при незначительном количестве ямных и урновых могил наряду с другими особенностями в целом резко отличает погребальный ритуал племен Готланда от обряда большинства некрополей междуречья Эльбы—Одры—Вислы, а также от обряда черняховской культуры, для которых характерны грунтовые некрополи с ямными и урновыми могилами.

Погребальный обряд населения Ютландии и Датских островов

Погребальный обряд населения Ютландии и Датских островов весьма разнообразен, но в нем есть черты, общие как для севера материковой Европы, так и для Скандинавского полуострова. Этот район служил как бы связующим звеном между ними.

В III—I вв. до н. э. господствует кремация с захоронениями в основном на грунтовых некрополях и редко под небольшими курганами. В это время юг Ютландского полуострова характеризуется в основном материалом ясторфской культуры. Преобладают чистые урновые могилы, ямные погребения редки. Напротив, на севере Ютландии ямные погребения преобладают, но наряду с ними встречаются урновые могилы⁴⁸⁷. Преобладание ямных захоронений при наличии урновых могил с подсыпкой остатков костра и чистых урновых захоронений свойственно некрополям острова Фюнен⁴⁸⁸. Господство ямных погребений как в позднелатенское, так и в раннеримское время отмечается на острове Борнхольм⁴⁸⁹, где исследовано несколько тысяч ямных захоронений. Как ямные, так и урновые погребения довольно часто обставлены камнями и накрыты сверху камнем. Инвентарь погребений

составляют фибулы, ножи, бритвы, поясные крючки, кольца, булавки, лощильные камни для керамики. С I в. до н. э. в мужских захоронениях появляется оружие — мечи, наконечники копий, умбоны щитов. В ямных захоронениях встречаются черепки сосудов. Целые сосуды в качестве инвентаря весьма редки. Как правило, инвентарь несет следы воздействия огня. Мечи, наконечники копий обычно положены в могилы в согнутом виде.

В раннеримское время в Ютландии и на Датских островах появляются трупоположения. Северо-восток и север Ютландии, Химмерланд и Вендсиссель, наряду с островом Готланд, принадлежат к районам, где новый ритуал захоронения получил особенно быстрое распространение (рис. 20)⁴⁹⁰. На юге Ютландии трупоположения редки, что объясняется воздействием северогерманских племен, у которых продолжали господствовать чистые урновые погребения. Преобладают грунтовые некрополи, иногда захоронения устраивали в курганах более раннего времени.

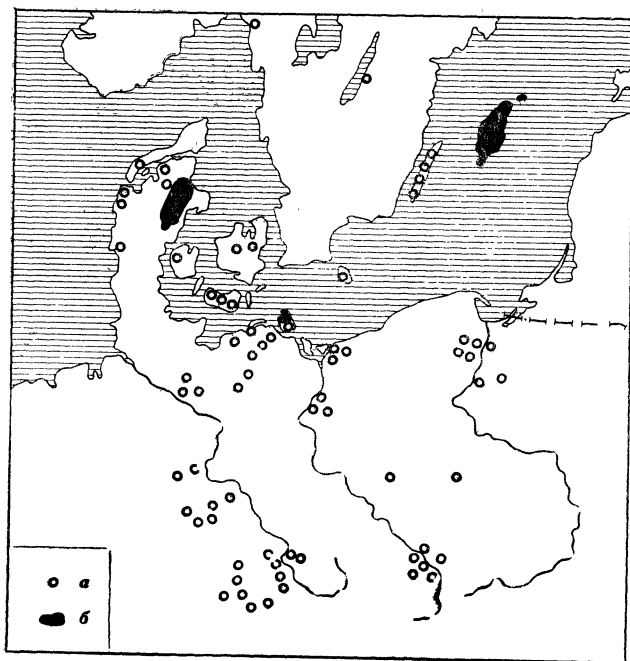
Устройство погребений в различных районах имело свои особенности. На севере Ютландии трупоположения помещены в каменные ящики, сложенные из плит или булыжников и сверху перекрытые плитами или без такого

⁴⁸⁷ O. J. Brøndsted, 1940; O. Klindt-Jensen, 1949, стр. 6,

⁴⁸⁸ E. Albrechtsen, 1954, стр. 117.

⁴⁸⁹ E. Vedel, 1886; Он же, 1872.

⁴⁹⁰ O. Klindt-Jensen, 1949, стр. 177.

Р и с. 20. Распространение погребений с труположениями в начале римского периода

а — места находок; б — ареалы концентрации находок погребений с труположениями (по: O. Klindt-Jensen, 1949, стр. 177, рис. 118)

перекрытия. В Средней Ютландии погребения обычно помещены в деревянные гробы из досок, которые с боков нередко обставлены камнями. То же можно сказать относительно немногих погребений юго-запада Ютландии⁴⁹¹. Для юго-запада Ютландии характерны узкие длинные могилы с сосудами, поставленными в конец ямы. В отличие от этого района в Средней Ютландии могилы довольно широкие, и сосуды в них поставлены сбоку, чаще — у южной стенки ямы⁴⁹². Костяки лежат преимущественно на правом боку, в более или менее скорченном положении, реже вытянуты на спине. Ориентировка погребенных весьма различна. Преобладает положение головой на запад, часто — на север. Погребения северной части полуострова богато снабжены глиняными сосудами в отличие от ингумаций Скандинавского полуострова, племен междуречья Одры — Эльбы и племен оксывской культуры. В отдельных могилах насчитывается до шести — восьми сосудов⁴⁹³.

На острове Зеландия труположения почти так же часты, как и на севере Ютландии. На острове Фюн они менее многочисленны и составляют около 18% погребений раннерим-

ского времени⁴⁹⁴. Здесь также преобладает ориентировка погребенных головой на запад, на втором месте идет северная ориентировка и затем уже эпизодически встречаются прочие направления. Подобно Средней Ютландии в погребениях есть каменные обкладки и остатки гробов, изредка плотные обкладки из булыжников в форме каменных ящиков.

На Датских островах представлены богатые труположения с вещами римского импорта⁴⁹⁵. В отличие от севера Ютландии сосуды в погребениях малочисленны.

На острове Борнхольм в раннеримское время погребения с труположениями редки. Их становится больше в позднеримский период. Они характеризуются северной ориентировкой умерших и каменными ящиками из плит, вроде распространенных на Готланде.

В инвентаре погребений Ютландии и прилегающих островов представлены украшения и предметы туалета — фибулы, бусы, гребни, перстни, гривны, булавки, бритвы, пряжки и наконечники ремней. Из орудий труда встречаются пряслица, ножи, шилья, изредка ножницы, ножи для резания кожи, обычные в Швеции, камни для лощения керамики. Найдены зеркала, замки и их части, рога для питья. На острове Фюн известны находки удила (Гудберг, Марторфе, Норре Броби), которые не встречаются на всей рассматриваемой нами области и, по мнению К. Раддаца, указывают на связи с западнобалтскими племенами Земляндского полуострова⁴⁹⁶. В некоторых погребениях с труположениями на Датских островах найдены кости животных. Оружия в погребениях с труположениями обычно нет, но зато его много в захоронениях с трупосожжениями. Все эти погребения находятся на одних и тех же некрополях. Особенно много находок оружия происходит с острова Борнхольм, где в захоронениях римского времени найдено более 60 мечей⁴⁹⁷. Погребения с трупосожжениями в основном сохраняют позднелатенские особенности, но в позднеримское время в них увеличивается количество сосудов⁴⁹⁸. Основной инвентарь в погребениях обоих видов одинаков, но трупосожжения более бедны вещами.

* * *

В заключение отметим следующие основные черты погребального обряда племен рассматриваемых районов.

⁴⁹⁴ E. Albrechtsen, 1956.

⁴⁹⁵ H. J. Eggers, 1951, карта С.

⁴⁹⁶ K. Raddatz, 1962a, стр. 173—175.

⁴⁹⁷ S. Müller, 1898.

⁴⁹⁸ J. Brøndsted, 1940, стр. 180.

⁴⁹¹ S. Müller, 1898, стр. 73; G. Kossinna, 1929, стр. 236с; E. Lomborg, 1964, стр. 31—91.

⁴⁹² E. Lomborg, 1964, стр. 51.

⁴⁹³ J. Brøndsted, 1940, рис. 112, 115—118.

Позднелатенское время

Всюду господствует кремация, и везде в могилах встречается оружие, хотя в разном количестве.

Оксывская культура. Область ямных могил, небольшого числа урновых с подсыпкой, отдельных чистых урновых захоронений и кучек костей. Сопровождающих сосудов мало.

Ясторфская культура. Господство чистых урновых могил при наличии отдельных ямных могил и кучек костей и урн с подсыпкой остатков костра. Сопровождающих сосудов почти нет.

Готланд. Погребения в виде рассыпанного слоя остатков трупосожжения около горизонта почвы, перекрытых сверху мелкими каменными курганами и вымостками.

Скандинавский полуостров. Весьма пестрая картина при общем преобладании урновых могил с подсыпкой костра. Надгробия в виде каменных курганов, кругов, стел, вымосток наряду с грунтовыми захоронениями без наземных отметок.

Римское время

Оксывская культура. Отмечается появление каменных надгробий скандинавского типа. Характерен биритуализм при общем некотором преобладании погребений с трупосожжениями

в могилах ямных, урновых и урновых с подсыпкой остатков костра. Оружия нет.

Ясторфская культура. Сохраняется господство чистых урновых погребений. Погребения с трупоположением редки. В районах, прилегающих к Одре, в значительном количестве появляются ямные и урновые могилы с подсыпкой костра, что объясняется воздействием племен оксывской и пшеворской культур. Оружие встречается в трупосожжениях и как исключение в трупоположениях.

Готланд. Биритуализм при приблизительно одинаковом количестве погребений с трупоположениями и трупосожжениями. Трупосожжения преимущественно в виде рассыпанного слоя около горизонта почвы. Каменные курганы, круги и вымостки. Оружие есть в могилах с трупоположениями и трупосожжениями.

Юг Скандинавского полуострова. Быстрое распространение обряда ингумации. В поздеримское время погребения с трупоположениями господствуют. Трупосожжения представлены урновыми захоронениями с подсыпкой остатков костра, ямными и отдельными чистыми урновыми могилами, а также погребениями в виде слоя остатков трупосожжения, рассыпанных около горизонта погребенной почвы. Очень распространены каменные обкладки могил. Захоронения под каменными надгробиями сочетаются с погребениями без видимых наземных отметок. Оружие есть в погребениях обоих видов.

Приложение 1

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ К КАРТЕ (рис. 1)

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
ОКСЫВСКАЯ КУЛЬТУРА			
1	Баргендзино (Bargędzino), Лемборк	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 217—218; <i>R. Schindler</i> , 1940
2	Бартки (Bartki), Нидзица	СР	<i>C. Engel</i> , 1935, стр. 44; <i>R. Schindler</i> , 1940
3	Бельно (Belno), Швеце	ПЛ	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962
4	Беловежа (Białowieża), Хайновка	СР	<i>T. Dzierżykray-Rogalski</i> , <i>J. Jaskanis</i> , 1961, стр. 283—290
5	Блендово (Błędowo), Хелмно	СР	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 31, рис. 8; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962
6	Брулино-Коски (Brulino-Koski), Остров Мазовецкий	ПР	<i>A. Kempisty</i> , <i>K. Dąbrowski</i> , 1958; <i>A. Kempisty</i> , <i>J. Okulicz</i> , 1965, табл. 92—93; <i>A. Kempisty</i> , 1968, стр. 409—450
7	Бучек (Buczek), Бялогард	ПЛ, РСР	<i>M. Jahn</i> , 1916, стр. 7; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 218 сл.; <i>R. Schindler</i> , 1940
8	Бяла (Biała), Чарнков	ПЛ, Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1938; <i>R. Schindler</i> , 1940
9	Бялы Двор (Biały Dwór), Грудзёндз	ПЛ, Рим	<i>W. Heym</i> , 1931, стр. 174; <i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 11, 97
10	Варшкovo (Warszkowo), Славно	ПЛ, РР	<i>D. Bohnsack</i> , 1938, стр. 94; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>R. Wołagiewicz</i> , 1965
11	Веклице (Weklice), Эльблонг	СПР	<i>F. Jacobson</i> , 1927; <i>R. Schindler</i> , 1940
12	Вельборк-Госцишев (Wielbark-Gosciszewo), Штум	СЛ, ПЛ, Рим	<i>A. Ruppelt</i> , 1938, стр. 97—100; <i>R. Schindler</i> , 1940; <i>K. Voigtman</i> , 1929; <i>Он же</i> , 1930
13	Вельборк-Мальборк (Wielbark-Malbork), Штум	ПР	<i>M. Pietrzak</i> , 1965
14	Венсеры (Węsiory), Карпуши	РР (В ₁ , В ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1958; <i>Он же</i> , 1962; <i>J. Kmiecinski</i> , <i>M. Blombergowa</i> , <i>K. Walenta</i> , 1966
15	Вилково (Wilkowo) Оструда	РР (В ₁ , В ₂)	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 165
16	Вроцлавки (Wrocławki), Хелмно	РР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1965, стр. 117; <i>R. Schindler</i> , 1940
17	Голембево (Golębiewo), Нидзица	ПЛ, РР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 218 сл.; <i>R. Schindler</i> , 1940
18	Гостково (Gostkowo), Бытов	ПЛ, Рим	<i>NDV</i> , 1940, стр. 186, табл. 47, 1; <i>T. J. Lachowicz</i> , 1964, стр. 255
19	Гостково (Gostkowo-Folsąg), Торунь	СПР	<i>R. Schindler</i> , 1940; <i>T. Waga</i> , 1932, стр. 53 сл.; <i>Он же</i> , 1934, стр. 165—192; <i>B. Zielonka</i> , 1952; <i>Он же</i> , 1954; <i>Он же</i> , 1968
20	Гродки (Grodki), Дзялдово	ПЛ, РР	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>E. Hollack</i> , 1908а, стр. 147—148; <i>Prussia</i> , 22, 1909, стр. 256 сл.; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
20а	Гродки (Grodki), Хелмно	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 218
21	Гроново (Gronowo), Дравско	Рим	<i>H. J. Eggers</i> , 1940, стр. 23; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 220; <i>R. Schindler</i> , 1940
22	Дамброва (Dąbrowa), Швеце	РР	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164
23	Дембчино (Dębczyno), Бялогард	ПР	<i>H. J. Eggers</i> , 1937, стр. 173—179; <i>R. Schindler</i> , 1940
24	Дзерженцин (Dzierżęcín), Славно	ПР	<i>D. Kleist</i> , 1940, стр. 189—191; <i>Он же</i> , 1955, стр. 25—26, табл. 28
25	Длуге (Długie), Старгард Щецинский	СЛ ¹ , ПЛ	<i>H. J. Eggers</i> , 1936, стр. 129 сл.; <i>D. Bohnsack</i> , 1938, стр. 93
26	Доброцин (Dobrocin), Моронг	ПР	<i>W. Gaerte</i> , 1926, стр. 310; <i>R. Schindler</i> , 1940
27	Дольна (Dolna), Мальборк	ПЛ, РСР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>W. Łęga</i> , 1953, стр. 292, N 22; <i>R. Schindler</i> , 1940

* Сокращения: СЛ — средний латен; ПЛ — поздний латен; РР — раннеримское время; СР — среднеримское время; Рим — римское время; РСР — ранне- и среднеримское время; СПР — средне- и поздне- и среднеримское время.

¹ Материал среднего латена относится к ясторфской культуре.

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
28	Доротово (Dorotowo), Злотов	ПР	<i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 108
29	Дравско (Drawsko-Pomorskie), Дравско-Пом.	РР	<i>A. Stubenrauch</i> , 1911; <i>R. Schindler</i> , 1940
30	Дубельно (Dubielno), Хелмно	Рим	<i>J. Kostrzewski</i> , 1964, стр. 117; <i>R. Schindler</i> , 1940
31	Дунево (Dunewo), Камень Пом.	СЛ ² , ПЛ	<i>E. Cnotlywy</i> , 1966, стр. 142
32	Эльблонг I (Поле Новомейске) (Elbląg — Pole Nowomiejskie)	ПЛ, Рим	<i>S. Anger</i> , 1880, стр. 110 сл.; <i>R. Schindler</i> , 1938а, стр. 101—103; <i>Он же</i> , 1940
33	Эльблонг II (Elbląg)	Рим	<i>W. Neugebauer</i> , 1938, стр. 105—107; <i>R. Schindler</i> , 1940
34	Жондз (Rządź), Грудзёндз	ПЛ, РР	<i>S. Anger</i> , 1890; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>W. La Baume</i> , 1928, стр. 39; <i>R. Schindler</i> , 1940; <i>R. Hachmann</i> , 1950—1951
35	Жукчин (Żukczyn), Гданьск	ПЛ	<i>M. Jahn</i> , 1916, стр. 7; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919
36	Звержево (Zwierzewo), Оструда	СР	<i>A. Bezenberger</i> , 1909а, стр. 70—104; <i>R. Schindler</i> , 1940
37	Зелиславец (Zelislawiec), Грыфише	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 330
38	Зельново (Zielnowo), Грудзёндз	ПР	<i>Kaphahn</i> , 1913, стр. 212; <i>R. Schindler</i> , 1940
39	Злеменсо (Złemięso), Хойнице	РР	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 29, рис. 7; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 165
40	б. Калькенберг (Kalkenberg), Старгард Щец.	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 218
41	Карвин (Karwin), Колобжег	ПЛ	<i>O. Dibbelt</i> , 1940, стр. 148—153; <i>R. Schindler</i> , 1940
42	Кеншице (Kęszycze), Лович	Рим	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 168; <i>Wawrzeniecki</i> , 1912, стр. 52
43	Китки (Kitki), Пшасниш	ПР	<i>A. Kempisty</i> , <i>J. Okulicz</i> , 1965, табл. 94
44	Ковалево (Kowalewo), Вомбжезьно	ПР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1939—1948, стр. 344; <i>R. Schindler</i> , 1940
45	Козлуво (Kozłowko), Нидзица	Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>Heydeck</i> , 1892, стр. 171—178; <i>R. Schindler</i> , 1940
46	Кониково (Konikowo), Кошалин	ПЛ	<i>D. Bohnsack</i> , 1938, 1940а; <i>G. Magdaliniski</i> , 1924
47	Кончевице (Konczewice), Гданьск	ПЛ, Рим	<i>Bertram</i> , <i>La Baume</i> , <i>Kloppel</i> , 1924, стр. 82; <i>W. La Baume</i> , 1939, стр. 3—10; <i>W. Lega</i> , 1953, стр. 289; <i>R. Schindler</i> , 1940
48	Копанево (Kopaniewo), Лемборк	ПЛ	<i>BS</i> , 34, 1884, стр. 328—329; <i>M. Jahn</i> , 1916, стр. 7; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919
49	Кортово (Kortowo), Олыштын	СР	<i>L. Fromm</i> , 1936, стр. 58; <i>R. Schindler</i> , 1940
50	Кособуды (Kosobudy), Хойнице	ПР	<i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 108
51	Косин (Kosin), Пыржице	РР (середина I в. н. э.)	<i>G. Dorka</i> , 1939, стр. 153; <i>H. J. Eggers</i> , 1940, стр. 22
52	Кренпск (Krępsk), Члухов	Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 36; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>NDV</i> , 5, 1929, стр. 115
53	Кроково (Krokowo), Пуцк	ПЛ, Рим	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 217
54	Кросно (Krosno), Паслек	Рим	<i>E. Blume</i> , 1915, стр. 152; <i>ZFE</i> , 1908, стр. 145—193
55	Кунки (Kunki), Острода	Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164
56	Лазы (Łazy), Штум	РСР	<i>W. Heym</i> , 1937, стр. 62—65; <i>R. Schindler</i> , 1940
57	Леково (Lekowo), Свидвин	РР	<i>H. J. Eggers</i> , 1937а, стр. 137—139; <i>M. D. i R. Wołgiewiczowie</i> , 1963, стр. 70, 117
57а	Лембарг (Lembarg), Бродница	ПР	<i>W. Lega</i> , 1938
57б	Лесно (Łesno), Хойнице	Рим	<i>L. J. Łuka</i> , 1955, стр. 175
57в	Линовец (Linowiec), Старогард Гданьский	СПР	<i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 108; <i>T. Wieczorowski</i> , 1935—1936
58	Липники (Lipniki), Эльблонг	СПР	<i>R. Schindler</i> , 1939, стр. 48; <i>Он же</i> , 1940
59	Лодзь—Реткиня ((Łódź—Retkinia)	ПР	<i>J. Kmiecinski</i> , 1952
60	Лубовиджа (Lubowidź), Лемборк	РСР	<i>W. Antoniewicz</i> , 1951, стр. 44; <i>H. Hinz</i> , 1964; <i>R. Schindler</i> , 1940
61	Любешево (Lubieszewo), Новы Двор Гданьский	ПЛ, РСРП	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>A. Lissauer</i> , 1887, стр. 127, 152, 189; <i>W. Lega</i> , 1930, стр. 505, 569; <i>Он же</i> , 1953, стр. 290
62	Любешево (Lubieszewo), Грыфице	РР (середина I в. н. э.)	<i>H. J. Eggers</i> , 1949—1950; <i>E. Pernice</i> , 1912; <i>R. Wołgiewicz</i> , 1968, стр. 141
63	Матвица (Matwica), Ломжа	РР (В ₂ —С ₁)	<i>D. Bohnsack</i> , 1940; стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
64	Мацеево (Maciejewo), Тчев	ПЛ, Рим	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 97, рис. 49

* Материал среднего латена относится к ясторфской культуре.

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
65	Мезим (Mierzym), Кошалин	ПЛ	<i>G. Magdalinski</i> , 1924, стр. 154—155; <i>R. Schindler</i> , 1940
66	Мехенцино (Miechęcino), Колобжег	РР	<i>O. Dibbelt</i> , 1938
67	Мехово (Mehowo), Камень-Пом.	ПЛ	<i>E. Cnotlywy</i> , 1966, стр. 142—154
68	Мних (Mnich), Кутно	Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1940, стр. 35; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>S. Lencewicz</i> , 1912, стр. 15—20
69	Мозгово (Mozgowo), Суш	СР	<i>W. Heym</i> , 1939
70	Мсцишевице (Msciszewice), Картуши	СПР	<i>W. La Baume</i> , 1934, стр. 130; <i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 108
71	Невеж (Niewierz), Бродница	РСР	<i>E. Blume</i> , 1915, стр. 141; <i>W. Łęga</i> , 1938, стр. 98; <i>R. Schindler</i> , 1940
72	Неданово (Niedanowo), Нидзица	Рим (В ₂ —С)	<i>W. Ziemińska-Odojowa</i> , 1956, стр. 108—111; <i>Она же</i> , 1966
73	Немица (Niemica), Славно	ПЛ, РР	<i>D. Kleist</i> , 1955, стр. 29—30; <i>R. Schindler</i> , 1940; <i>R. Wolągiewicz</i> , 1964
74	Новы Двор (Nowy Dwor), Новы Двор Гданьский	ПЛ	<i>D. Bohnsack</i> , 1938
75	Нове Добра (Nowe Dobra), Хелмно	ПЛ, Рим	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>R. Schindler</i> , 1940
76	Одры (Odry), Хойнице	Рим (В ₂ —С)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962; <i>J. Kmiecinski</i> , <i>M. Blombergowa</i> , <i>K. Walenta</i> , 1966; <i>J. Kostrzewski</i> , 1928
77	Оксыве (Gdynia-Oksywie), Пуцк	ПЛ, Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1938; <i>Он же</i> , 1940, стр. 27, рис. 6; <i>РА</i> , III, 1927, стр. 239, 246; <i>IV</i> , стр. 262; <i>R. Schindler</i> , 1940; <i>Wa</i> , IX, стр. 342; <i>X</i> , стр. 232
78	Олива (Gdansk-Oliva), Гданьск	ПЛ, Рим	<i>Kasiski</i> , 1877, стр. 171—173; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919; <i>W. La Baume</i> , 1933, стр. 18; <i>R. Schindler</i> , 1940
79	Опалене (Opalenie), Квидзин	ПЛ, РСР	<i>R. Schindler</i> , 1940, стр. 108
80	Осек (Osiek), Торунь	СР	<i>H. Günther</i> , 1922, стр. 100 сл.; <i>G. Kossinna</i> , 1922; <i>K. Przewoźna</i> , 1964, стр. 88—89; <i>M. Grzęda</i> , <i>K. Przewoźna</i> , 1968, стр. 3—39
81	Парсендзко (Parzędko), Щецинек	СЛ ³ , ПЛ, РР	<i>Kasiski</i> , 1877, стр. 173—177; <i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 217 сл.; <i>H. Schumann</i> , 1899, стр. 180—188; <i>Он же</i> , 1896
82	Парушевице (Paruszewice), Члухов	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 218
83	Пекло-Дольне (Piekło-Dolne), Пруш Гданьский	РР	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 168; <i>K. Langenheim</i> , 1934
84	Пешхали (Pierzchaly), Бранево	СР	<i>A. Bezenberger</i> , 1909
85	Пельгжимово (Pielgrzymowo), Нидзица	РР (В ₂ —С ₁)	<i>D. Bohnsack</i> , 1937; <i>Он же</i> , 1938а, стр. 75; <i>W. Hülle</i> , 1940; <i>A. Kempisty</i> , 1965, стр. 154; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166; <i>H. Phleps</i> , 1929
86	Погорславец (Pogorślawiec), Пуцк	ПЛ	<i>J. Kostrzewski</i> , 1918—1919, стр. 221
87	Половите (Połowite), Моронг	РР (С ₁)	<i>W. Gaerte</i> , 1928, стр. 372—374; <i>Он же</i> , 1929а, стр. 7; <i>C. Engel</i> , 1930, стр. 6; <i>H. J. Eggers</i> , 1966
88	Полхлеп (Poichlep), Славно	РР (С ₂)	<i>BS</i> , 38, 1878, стр. 237 сл.; <i>BS</i> , NF, XLII, 1940, стр. 23, 38; <i>E. Jungklaus</i> , 1924, стр. 27
89	Польница (Polnica), Члухов	РР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1964, стр. 117; <i>R. Schindler</i> , 1940
90	Полянки (Polanki), Тчев	ПЛ, Рим	<i>R. Schindler</i> , 1940
90а	Постомино (Postomino), Славно	РР	<i>D. Kleist</i> , 1955, стр. 33, табл. 25
91	Прадно (Pradno), Мыслибуж	РР (В ₂)	<i>D. Bohnsack</i> , 1940а, табл. 439; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166
92	Прусиново (Prusinowo), Лобез	РР	<i>M. D. iR. Wolągiewiczowie</i> , 1963, стр. 70, 117
93	Пруш (Pruszcz), Пруш-Гданьский	ПЛ, Рим	<i>D. Bohnsack</i> , 1938; <i>W. La Baume</i> , 1926; <i>Он же</i> , 1937; <i>E. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 144, 150, 152; <i>M. Pietrzak</i> , 1971; <i>O. Rochna</i> , 1942, стр. 29; <i>R. Schindler</i> , 1939, стр. 38 сл.; <i>Он же</i> , 1940
94	Ростки (Rostki), Остроленка	РР (В ₂ —С ₁)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 168; <i>A. Kempisty</i> , <i>J. Okulicz</i> , 1965
95	Румя (Rumia), Вейхерово	ПЛ, РР	<i>J. Kostrzewski</i> , <i>W. Chmielewski</i> , <i>K. Jażdżewski</i> , 1965, стр. 253; <i>A. Łuka</i> , 1965, стр. 93
96	Санпольно (Sąpolno), Члухов	СПР	<i>R. Schindler</i> , 1940; <i>E. Sprockhoff</i> , 1928
97	Сковарч (Skowarcz), Пруш Гданьский	ПЛ, Рим	<i>J. Kostrzewski</i> , 1919; <i>R. Schindler</i> , 1938; <i>Он же</i> , 1940;
98	Скоршево (Skorszewo), Картуши	РСР	<i>J. Kostrzewski</i> , 1964, стр. 117; <i>R. Schindler</i> , 1940
99	Славогора (Sławogóra), Млава	РР (В ₂)	<i>D. Bohnsack</i> , 1940; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 155.
100	Славяново (Sławianowo), Злотов	РР	<i>M. Jahn</i> , 1922, стр. 10—11; <i>J. Kostrzewski</i> , 1939—1948, стр. 328; <i>R. Schindler</i> , 1940
101	Слопаново (Słopanowo), Шамотулы	РПР	<i>K. Przewoźna</i> , 1955; <i>T. Grzywaczyk</i> , 1961

* Материал эпохи среднего латена относится к ясторфской культуре.

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
102	Стара Весь (Stara Wies), Венгров	РПР	W. Radig, 1942
103	Старзыска (Starzyska), Старогард	РР (В)	D. Bohnsack, 1940, стр. 35; J. Kmiecinski, 1962, стр. 164
104	Гданьский	ПЛ	J. Kostrzewski, 1919, стр. 217; R. Schindler, 1940
105	Старшино (Starżyno), Пуик	ПЛ, Рим	W. Heym, 1959—1961; R. Schindler, 1940, стр. 97
106	Стары Тарг (Stary Targ), Штум	СПР	C. Engel, 1935, стр. 94 сл.
107	Томарины (Tomaruny), Оструда	ПЛ, Рим	R. Schindler, 1940, стр. 108
108	Топольно (Topolno), Швеце	ПЛ, РСР	J. Kostrzewski, 1918—1919; R. Schindler, 1940
109	Тчев (Tczew), Тшебч Шляхецкий (Trzebcz Szlachecki), Хелмно	РР	Stephan, 1915, стр. 228; J. Kmiecinski, 1962, стр. 165
110	Тынвальд (Tynwald), Цим	СПР	W. Heym, 1937a, стр. 171 сл.; R. Schindler, 1940
111	Хварстно (Chwarstno), Лобез	РР	M. D. i R. Wołagiewiczowie, 1963, стр. 70, 117
112	Хелмно (Chelmno), Хелмно	ПЛ, РР	W. Łęga, 1938; J. Kostrzewski, 1939—1948, стр. 328
113	Хошно (Choszczno), Хошно	ПР (С ₂)	E. Krause, 1893
114	Цепле (Cieple), Тчев	ПЛ, Рим	A. Schmidt, 1902, стр. 99—153, табл. VI—IX; R. Schindler, 1940
114a	Цепеле (Ceccele), Сематице	ПР	K. Godłowski, 1970
115	Циссеве (Cissewie), Хойнице	ПР	R. Schindler, 1940, стр. 108
116	Шлемно (Szlemno), Квидзин	СПР	R. Schindler, 1940, стр. 108
117	Щецинек (Szczecinek)	ПЛ	Kasiski, 1877, стр. 177; H. Schumann, 1889, стр. 178—179; Он же, 1896; J. Kostrzewski, 1918—1919
118	Щитно (Szczytno), Влоцлавек	СПР	K. Jażdżewski, 1938; J. Miskiewicz, 1959
119	Яйково (Jajkowo), Бродница	СПР	E. Blume, 1915, стр. 176; W. Łęga, 1938, стр. 98; R. Schindler, 1940
120	Ятки (Jatki), Камень Пом.	ПЛ	E. Cnollwy, 1966, стр. 142, 154

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕЙ И СРЕДНЕЙ ЭЛЬБЫ, МЕЖДУРЕЧЬЯ ОДРЫ—ЭЛЬБЫ (ЯСТОРФСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЛАТЕНА, КУЛЬТУРА ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН РИМСКОГО ВРЕМЕНИ) *

121	Ааре (Aare)	СЛ	C. J. Becker, 1961
122	Апенсен (Apenzen), Штаде	РР (В ₂)	W. Wegewitz, 1929, стр. 128—157
123	Альт-Бартельсдорф (Alt-Bartelsdorf), Росток	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 63
124	Альт-Раддевиц (Alt-Paddevitz), Путбус, о-в Рюген	РР	H. Schubart, 1954—1955, стр. 58
125	Бебелиц (Bäbelitz), Тетеров	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 64
126	Бальм (Balm), Вольгаст, о-в Узедом	РР	H. Schubart, 1954—1955; A. Stubenrauch, 1911a, H. Berlekamp, 1959, стр. 83; E. Walter, 1910, стр. 186
127	Барендорф (Bahrendorf), Данненберг	ПЛ, РР, ПР	W. Beetz, 1906; F. Kuchenbuch, 1938, стр. 2 сл.
128	Берггольц (Bergholz), Пазевальк	ПЛ, РР	H. Schumann, 1889; H. Schubart, 1954—1955, стр. 58
129	Беренш (Berensch), Куксхафен	СЛ	K. Waller, 1941, стр. 12
130	Бёрнике (Börnice), Потсдам	СЛ	E. Reinbacher, 1963
131	Бесериц (Beseritz), Нейбранденбург	РР	A. Hollnagel, 1960, стр. 185
132	Биндорф (Blendorf), Бад-Доберан, Росток	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 64
133	Бливенсторф (Blievenstorf), Людвигслуст	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 64—69; H. Dorges, 1957
134	Борзов (Börzow), Гревесмюлен	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 69—70
135	Борстель (Börstel), Стендаль	РР	F. Kuchenbuch, 1938, стр. 3 и сл.
136	Бохов (Bochow), Потсдам Ланд	СЛ	D. W. Buck, 1967, стр. 150—152
137	Бральсторф (Brahlstorf), Хагенов	СПЛ	H. Keiling, 1965
138	Брамов (Bramow), Росток	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 63
139	Брунов (Brunow), Нейбранденбург	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 70
140	Брюель (Brüel), Брюель	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 70
141	Бютцов (Bützow), Бютцов	РПР	R. Guthjar, 1934; B. Schmidt, 1963, стр. 68—77
142	Вайсенфельс (Weißenfels), Вайсенфельс	ПР	W. Schulz, 1922
143	Валитц (Wahlitz), Бург	ПЛ, Рим	E. Schmidt-Thielbeer, 1967
144	Ванслебен (Wansleben), Эйслебен	ПР	W. Schulz, 1933, стр. 48—50; H. J. Eggers, 1951, № 1586; B. Schmidt, 1960a, стр. 484—498
145	Варбельвитц (Varbelvitz), о-в Рюген	РР	A. Leube, 1970, стр. 199—204
146	Ватерпол (Waterpohl), в устье Эльбы	СЛ	K. Waller, 1941—1942, стр. 235—249
147	Вахов (Wachow), Науэн	СЛ	D. W. Buck, 1966, стр. 143
148	Вахов (Wachow), Вестхафельланд	РР	R. Stimming, 1912, стр. 310, табл. XLV

* Памятники, помеченные звездочкой, на карту не нанесены.

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
149	Вендорф (Wendorf), Гюстров	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 123—124
150	Вольдегк (Woldegk), Мекленбург-Штрелитц	ПР	H. J. Eggers, 1949, стр. 230—237
151	Вотенитц (Wotenitz), Гревесмюлен	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 124—128
152	Гальгенберг (Galgenberg), Куксхафен	СЛ	K. Waller, 1941—1942, стр. 254, 259
153	Гальгенберг (Galgenberg), Ильцен	СЛ	G. Schwantes, 1909, стр. 152
154	Ганшвиц (Ganschwitz), о-в Рюген	РР	A. Leube, 1970, стр. 204
155	Гленитц (Glenitz), Данненберг	СПЛ	H. Krüger, 1961, стр. 108—109
156	Глютцов (Glutzw), Путбус, о-в Рюген	РР (B ₂)	BS, NF, 38, 1936, стр. 401; Anm. 92; NDV, 8, 1932, стр. 40; H. Schubart, 1954—1955, стр. 61
157	Гнойен (Gnoien)	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 78; A. Leube, 1970, стр. 197—199; NDV, 9, 1935, стр. 177
158	Грабов (Grabow), Людвигслуст	ПР (C ₂)	E. Lisch, 1970, стр. 99—105
159	Гранцин (Granzin), Харенов	РР (B ₂)	W. D. Asmus, 1938, стр. 79—80
160	Грена (Grena), Заале	ПР	W. Schulz, 1922
161	Гросбадегаст (Großbadegast), Кётен	ПР	B. Schmidt, 1960, стр. 254—295
162	Гросс Вустервиц (Groß Wusterwitz), Лукау, Бранденбург	ПЛ, РР (A, B ₁)	A. Leube, 1960, стр. 44—46
163	Гросс Келле (Groß Kelle), Робель	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 81; R. Beltz, 1910, стр. 372
164	Гросс Ромштедт (Groß Romstedt), Апольда, Тюрингия	ПЛ, РР	G. Eichhorn, 1927
165	Гюстов (Gustow), Рюген	РР	P. Herfert, A. Leube, 1966
166	Дальхаузен (Dahlhausen), Ост-Приг-ниц	РПР	W. Matthes, 1931a, стр. 7—76
167	Дарцау (Darzau), Данненберг	ПЛ, РР (A, B ₁ , B ₂)	Chr. Hostman, 1874
168	Деммин (Demmin)	Р, ПР	BS, NF, 40, 1938, стр. 329; NDV, 8, 1932, стр. 118; H. Schubart, 1954—1955, стр. 64
169	Дислей (Dishley), Мекленбург	РР	A. Leube, 1970
170	Дрензе (Drense), Мекленбург	РР	A. Leube, 1970
171	Езериг (Jeserig), Бранденбург Ланд	СЛ	D. W. Buck, 1967
172	Эйхштедт (Eichstedt), Альтмарк	ПР	F. Kuchenbuch, 1938
173	Есендорф (Jesendorf), Висмар	ПР	E. Schuldt, 1949, стр. 225—229
174	Эхешторф-Варендорф (Ehestorf-Vahrendorf), Харбург	С, ПЛ, РР	W. Wegewitz, 1937, стр. 127—140; Он же, 1962
175	Зеedorf (Seedorf), Швайцерхоф	ПЛ	G. Schwantes, 1909, стр. 155—160; Он же, 1911, стр. 54—56
176	Камин (Camin), Виттенбург	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 71—76; A. Leube, 1970
177	Каммер (Kammer), Бельциг	С, ПЛ	K. H. Marschalleck, 1927
178	Каммер (Cammer), Бельциг	ПЛ	H. Geisler, 1963, стр. 142—148; Он же, 1967, стр. 164—167
179	Катемин * (Katemin), Люнебург	СЛ	H. Krüger, 1961, стр. 114; M. M. Lienau, 1912, стр. 329—330
180	Кетцур (Ketzur), Бранденбург	Р, ПР	R. Guthjar, 1934; A. Leube, 1960
181	Кирх-Баггендорф (Kirch-Baggen-dorf), Гриммен	СЛ, РР	H. Schubart, 1954—1955, стр. 62
182	Китендорф (Kittendorf), Мальхин	ПЛ, РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 91
183	Кляйн Варин (Klein Warin), Висмар	РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 93—95
184	Кляйн Пластен (Klein Plasten), Варин	ПЛ, РР	W. D. Asmus, 1938, стр. 91—93
185	Кляйн Тецлебен (Klein Teetzleben), Альтентрептов	ПР	U. Schoknecht, 1959, стр. 101—112
186	Кляйн Хезебек * (Klein Hesebeck), Ильц	СЛ	H. Krüger, 1961, стр. 114; G. Schwantes, 1911, стр. 155—163
187	Корхов (Korchow), Харенов	ПЛ, РР (A, B ₁ , B ₂)	R. Beltz, 1920—1921
188	Котендорф (Kothendorf), Шверин	РР (B ₂)	W. D. Asmus, 1938, стр. 95—101
189	Кротторф (Krottorf), Ошерслебен	ПР	W. Schulz, 1953, стр. 43
190	Круммин (Krummin), Вольгаст, о-в Узедом	РР (B ₁ , B ₂)	H. Berlekamp, 1959, стр. 83; Germania, 16, 1937, стр. 221, рис. 1; H. J. Eggers, 1940, стр. 186—189; H. Schubart, 1954—1955, стр. 62
191	Кыритц (Kyritz), Кыритц	РПР	W. Matthes, 1931a, стр. 89—119
192	Кухбир (Kuhbier), Прицвалк	РР (B ₁ , B ₂)	A. Auerswald, 1939, стр. 264; W. Matthes, 1931a, стр. 77—89
193	Кюнцов (Kunzkow), Лукау	ПР	A. Leube, 1960

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
194	Ланц (Lanz), Людвигслуст	СЛ	<i>H. Keiling</i> , 1962
195	Лебус (Lebus), Зеелов	РПР	<i>M. M. Lienau</i> , 1928; <i>A. Müller</i> , 1957a, стр. 14, 39
196	Лёйбинген (Leubingen), Заале	ПР	<i>A. Götze, P. Höfer, P. Zschiesche</i> , 1909, стр. 109; <i>W. Schulz</i> , 1922, стр. 103; <i>Он же</i> , 1953, стр. 43
197	Лёйна (Leuna), Мерзебург	ПР (C ₂)	<i>W. Schulz</i> , 1939; <i>Он же</i> , 1953
198	Луизенхоф (Luisenhof), Гюстров	РР (B ₁ , B ₂)	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 101—103
199	Люнов (Lunow), Бранденбург	РР (B ₂ , C ₁)	<i>R. Stimming</i> , 1912, стр. 309—310, табл. XLIV
200	Марведель (Marwedel), Данненберг	РР (B ₂)	<i>F. Krüger</i> , 1928; <i>H. J. Eggers</i> , 1951, карта, № 1057—1058
201	Мармсдорф (Marmsdorf), Штаде	РР	<i>W. Wegewitz</i> , 1937, стр. 140—142; <i>Он же</i> , 1964
202	Мельцов (Melzow), Пренцлау, Ангс- гермюнде	РР	<i>R. Stimming</i> , 1912, стр. 310
203	Мерзебург (Merseburg)	ПР	<i>W. Schulz</i> , 1950, стр. 154—165
204	Мехау (Mechau), Остербург, Альт- марк	РПР	<i>F. Kuchenbuch</i> , 1938, стр. 2—3 сл., рис. 7
205	Мёллин (Möllin), Гадебуш	РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 103
206	Милов (Milow), Перлеберг	РР (B ₁ , B ₂)	<i>A. Müller</i> , 1957, стр. 81; <i>W. Bohm</i> , 1937
207	Молькенберг ((Molkenberg), Хафель- берг, Иерихов II	СПЛ, РР	<i>F. Kuchenbuch</i> , 1938a
208	Мюленберг (Mühlenberg), о-в Волин	РР	<i>K. A. Wilde</i> , 1940, стр. 199—200
209	Нетцебанд (Netzeband), Грайфсвальд	СЛ	<i>H. J. Eggers</i> , 1930, стр. 17—22
210	Нимберг (Niemberg), Заале	ПР	<i>W. Schulz</i> , 1922
211	Нинбург (Nienburg), Бернбург	ПР	<i>B. Schmidt</i> , 1958, стр. 467
212	Нинбюттель (Nienbüttel), Ильцен	ПЛ, РР	<i>G. Schwantes</i> , 1909, стр. 155—156; <i>Он же</i> , 1939, стр. 299—304
213	Нёйендорф (Neuendorf), Грейфсвальд	РР (B ₁ , B ₂)	<i>H. Schubart</i> , 1954—1955, стр. 64
214	Нёйкlostер (Neukloster), Варин	РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 103—104
215	Ойтцен * (Oitzen), Ильцен	СЛ	<i>G. Schwantes</i> , 1911, стр. 58—63; <i>H. Krüger</i> , 1961, стр. 125
216	Ойтцмюле * (Oitzmühle), Ильцен	СЛ	<i>G. Schwantes</i> , 1909, стр. 152; <i>Он же</i> , 1911, стр. 144—155; <i>H. Krüger</i> , 1961, стр. 125
217	Олдислебен (Oldisleben), Заале	ПР	<i>W. Schulz</i> , 1922
218	Пазевальк (Pasewalk)	СПЛ, РР	<i>A. Helmundt</i> , 1954, стр. 59; <i>H. Schubart</i> , 1954—1955; <i>A. Müller</i> , 1957
219	Притцир (Pritzier), Хagensов	РПР	<i>E. Schuldt</i> , 1955
220	Прозитц (Prosit), Мейсен	РР	<i>W. Schulz</i> , 1953, стр. 45
221	Раушендорф (Rauschendorf), Гранзее	РР (B ₁ —B ₂)	<i>K. Grebe</i> , 1963
222	Рахов (Rachow), Тетеров	ПЛ, РР, (A, B ₁ , B ₂)	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 105—116
223	Ребенсторф (Rebenstorf), Данненберг	СПЛ, РПР	<i>G. Körner</i> , 1939; <i>F. Kuchenbuch</i> , 1938, стр. 2 сл.
224	Ребель * (Robbe), Рёбель	РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, Кат. N 946; <i>A. Müller</i> , 1957, стр. 114
225	Рипдорф * (Ripdorf), Ильцен	СЛ	<i>G. Schwantes</i> , 1909
226	Розенталь (Rosenthal), Лукау	ПР	<i>A. Leube</i> , 1960
227	Сагард (Sagard), Берген, о-в Рюген	РР	<i>G. Kossinna</i> , 1933, стр. 18, N 66; <i>H. Schubart</i> , 1954—1955, стр. 62
227a	Сатрупкирхенхольц (Satrupkirchen- holz), Шлезвиг	РР	<i>K. Raddatz</i> , 1963a
228	Серослав (Sieroslaw), о-в Волин	РР	<i>H. Schumann</i> , 1892, стр. 497
229	Серран (Serrann), Гюстров	РР	<i>E. Schuldt</i> , 1954, стр. 98—120
230	Стендаль (Stendal) Стендаль	РПР	<i>F. Kuchenbuch</i> , 1938, стр. 2 сл.
231	Тельтов (Teltow), Потсдам	ПР	<i>K. Hohmann</i> , 1929, стр. 158—163
232	Тетеров (Teterow), Тетеров	ПЛ, РР (A ₁ , B ₁)	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 120—122
233	Тодендорф (Todendorf), Тетеров	СПЛ РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 122—123
234	Тостедт-Вуштенхофен (Tostedt-Wus- tenhofen), Харбург	СПЛ, РР	<i>W. Wegewitz</i> , 1944
235	Требиц (Trebitz), Заале	ПР	<i>A. Götze, P. Höfer, P. Zschiesche</i> , 1909, стр. 40; <i>W. Schulz</i> , 1922
236	Турау (Thuraw), Данненберг	СПЛ, Рим	<i>G. Schwantes</i> , 1911, стр. 139—144
237	Фойгштедт (Voigtstedt), Заале	ПР	<i>P. Götze, P. Höfer, P. Zschiesche</i> , 1909; <i>W. Schulz</i> , 1922
238	Форде (Fohrde), Бранденбург	РР (B ₂)	<i>A. Müller</i> , 1962
239	Фюльсбюттель (Fühlsbüttel), Гамбург	РР	<i>F. Tischler</i> , 1937
240	Хаар (Haar), Хagensов	СЛ	<i>E. Schuldt</i> , 1960
241	Хagensов (Hagenov)	РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 82—85

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
242	Хайлигенхафен (Heiligenhafen), Ольденбург	ПР	<i>K. Kersten</i> , 1942, стр. 99; <i>K. Raddatz</i> , 1962, стр. 91—131
243	Харзефельд (Harsefeld), Штаде	СПЛ, РР	<i>W. Wegewitz</i> , 1929a; <i>Он же</i> , 1937, стр. 6—127
244	Хасleben (Hassleben), Веймар	ПР (С ₂)	<i>W. Schulz</i> , 1933
245	Хёфен (Häven), Висмар	ПР (С ₂)	<i>E. Lisch</i> , 1870, стр. 106; <i>E. Schuldt</i> , 1969, стр. 186
246	Хельмсторф (Helmstorf), Плон	СЛ	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166—167; <i>E. Sprockhoff</i> , 1953a, стр. 237 сл.
247	Хольдорф (Holdorf), Гадебуш	ПЛ, РР (А, В ₁)	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 86
248	Хорнбек (Hornbeck), Лауэнбург	СЛ	<i>A. Borchling</i> , 1942; <i>Он же</i> , 1950; <i>H. Krüger</i> , 1961; <i>H. Morgenroth</i> , 1940
249	Хохенвихельн (Hohenviecheln), Висмар	РР	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 86
250	Хохензельхов (Hohenselchow), Ангсгемюнде	РР (В ₂)	<i>H. Schubart</i> , 1954—1955, стр. 62
251	Хохеннауэн (Hohennauen), Науэн	СЛ	<i>H. Seyer</i> , 1960
252	Хохенферхезар (Hohenferchesar), Вестхафельланд	РР (В ₂)	<i>A. Müller</i> , 1962
253	Цетлинген (Zethlingen), Зальцвельд, Альтмарк	РРР (В ₂ , С)	<i>F. Kuchenbuch</i> , 1938, стр. 2 и сл.
254	Цольхов (Zollchow), Уккермарк	РР	<i>A. Leube</i> , 1970
255	Шёплиц (Schäpplitz), Стендаль	РРР	<i>F. Kuchenbuch</i> , 1938, стр. 2 сл.
256	Шкортлебен (Schkortleben), Вайсенфельс	ПР	<i>H. Butschkow</i> , 1935, стр. 132—133
257	Шмидеберг (Schmiedeberg) ⁴ , Альгаст, Уккермарк	СЛ	<i>J. O. Hagen</i> , 1925; <i>R. Hachmann</i> , 1961, стр. 148
258	Эмерслебен (Emersleben), Хальберштадт	ПР (С ₂)	<i>W. Schulz</i> , 1953, стр. 42—43
259	Ямель (Jamel), Висмар	ПЛ, РР (А, В ₁ , В ₂)	<i>W. D. Asmus</i> , 1938, стр. 87—91
260	Ясторф (Jastorf) ⁴ , Ильцен	СЛ	<i>H. Krüger</i> , 1961, стр. 113; <i>G. Schwantes</i> , 1911, стр. 95—139

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

ШВЕЦИЯ ⁵

261	Альбексборг (Albäcksborg), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 171
262	Альвастра (Älvastra), Остерготланд	ПЛ, Р, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1907; <i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945; <i>Он же</i> , 1958
263	Банкала (Bankälla), Вестерготланд	ПЛ	<i>K. E. Sahlström, N. G. Gejvall</i> , 1954
264	Барзebak (Barsebäck), Скания	ПЛ	<i>B. Stjernquist</i> , 1947
265	Бласвадрет (Blåsvådret Brunneby), Остерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 55; рис. 52—53, 87
266	Бодарп (Bodarp), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 170
267	Бриллинге (Brillinge), Упланд	РР (В ₁)	<i>G. Arvidson</i> , 1937, стр. 311—312; <i>G. Ekholm</i> , 1957, стр. 81—92
268	Брунсас (Brunnsås), Остерготланд	ПЛ	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166; <i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 64, 111—113, рис. 93—95; <i>Он же</i> , 1958
269	Бьюрум (Bjurum), Вестерготланд	ПЛ	<i>M. Stenberger</i> , 1948, стр. 193—210
270	Валланген (Vällängen), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 11, 14
271	Валлеберга (Valleberga), Скания	ПР	<i>M. Strömberg</i> , 1953, стр. 161—190
272	Валлоксаби Логбаке (Valloxsäby Lågbaske), Упланд	РР (В)	<i>G. Ekholm</i> , 1939, стр. 1—33; <i>Он же</i> , 1944
273	Веллинге (Vellinge), Скания	Р, ПР	<i>O. Rydbeck</i> , 1907, стр. 125—138; <i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 171—172
274	Годакер (Gödåker), Упланд	РР (В ₂), ПР (С)	<i>O. Almgren</i> , 1916, стр. 76—103; <i>G. Ekholm</i> , 1925, стр. 326—346
275	Гросс-Мельби (Gross-Mellby), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 25
276	Гуларп (Gullarp), Скания	ПР	<i>M. Magnusson</i> , 1946, стр. 96—99; <i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 169

⁴ Представлен более ранний материал ясторфской культуры.⁵ Часть памятников не картографована.

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
277	Драгби (Dragby), Упланд	ПЛ, РР	<i>D. Damell, J. Sjögren</i> , 1962; <i>B. Gräslund</i> , 1961; <i>S. Rydh</i> , 1962
278	Дырехоген (Dyrehögen), Вестерготланд	ПР	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 27, рис. 28
278а	Дюрслев (Djurslöv), Скания	ПР	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 166
279	Каглинге, 5 (Käglinge, 5), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 169; <i>M. Strömberg</i> , 1960, стр. 66
280	Калегарден (Källegården), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 25—28, рис. 27—28
281	Кварнбо (Kvarnbo), Упланд	ПЛ, Рим	<i>G. Ekholm</i> , 1938, стр. 69—99
282	Кельби (Källby), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 46, 172—173
283	Киркбакен (Kyrkbacken), Вестерготланд	ПЛ	<i>K. E. Sahlström, N. G. Gejvall</i> , 1948; <i>C. A. Moberg</i> , 1950, стр. 73—94
284	Кунгсхогарна (Kungshögarna), Остерготланд	ПЛ, РР	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 40, 44—47
285	Ларс Персгарден (Lars Persgården), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 16—17, рис. 15—16, 86, 89, 91
286	Лилла Берга (Lilla Berga), Остерготланд	ПЛ, РР	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 53—55
287	Лилла Йоред (Lilla Jored), Богуслан	Рим	<i>F. Sahlström</i> , 1943
288	Линдсборг (Lindsborg), Остерготланд	Рим	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 51
289	Лунда (Lunda), Аттундаланд	РР (В ₂)	<i>G. Ekholm</i> , 1949—1951, стр. 132—133, рис. 1, 2; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
290	Мансдала (Mansdala), Скания	ПР	<i>M. Strömberg</i> , 1960, стр. 52 сл.
291	Овраби (Övraby), Скания	РР	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 168—169
292	Оремола (Öremölla), Скания	ПР (С)	<i>N. Y. Bruzelius</i> , 1874, стр. 9; <i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 77; <i>M. Strömberg</i> , 1960, стр. 58
293	Ринкаби (Rinkaby), Скания	РР	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 173
294	Ронанген (Rönangen), Упланд	РР (В)	<i>G. Ekholm</i> , 1944
295	Симрис (Simris), Скания	ПР (С)	<i>B. Stjernquist</i> , 1955
296	Стоммен (Stommen), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 15—16, рис. 10, 11
297	Стора Ро (Stora Ro), Вестерготланд	ПЛ	<i>K. E. Sahlström, N. G. Gejvall</i> , 1954
298	Страндвеген (Strandvägen), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 170—171
299	Съегестад (Sjögestad), Остерготланд	ПЛ, РР	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 42, 43—44, рис. 45; <i>E. Sörling</i> , 1942, стр. 297
300	Тиббле (Tibble), Упланд	ПР	<i>F. Sahlström</i> , 1943
301	Томарп (Tommarp), Скания	ПР	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 172
302	Тостеберга (Tosteberga), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 173
303	Уклюм (Ucklun), Богуслан	Конец гальштата, начало латена	<i>H. Jaanusson</i> , 1965—1966, стр. 116—136
304	Уппста (Uppsta), Упланд	РР (В ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
305	Уппакра (Uppakra), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 166
306	Фрослунда (Froslund), Упланд	ПР	<i>M. Magnusson</i> , 1946, стр. 101; <i>F. Sahlström</i> , 1943, стр. 38, 53, 55
307	Фулеро (Fulero), Упланд	ПР	<i>F. Sahlström</i> , 1943, стр. 38, 53, 55
308	Халлеби (Halleby), Остерготланд	ПЛ, РР (В ₁)	<i>G. Ekholm</i> , 1935, рис. 198; <i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 58—65, рис. 55—57
309	Хаменхёг (Hammenhög), Скания	Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 168
310	Хамарснас Халор (Hammarsnäs Hallor), Скания	РР	<i>F. Hansen</i> , 1936; <i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 46—48
311	Хенсинге (Hönsinge), Скания	ПР, Рим	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 173
312	Херрестад (St. Herrestad), Скания	РР (В)	<i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 166
313	Хертемолла (Hörtemölla), Скания	РР	<i>G. Ekholm</i> , 1935; <i>B. Stjernquist</i> , 1955, стр. 173
314	Ярнисисла (Järnsysla), Вестерготланд	ПЛ	<i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 17—19, рис. 17—19
НОРВЕГИЯ			
315	Авалдснесс (Avaldsness), Вестфольд	ПР (С ₂)	<i>F. Sällström</i> , 1943, стр. 53; <i>W. Slomann</i> , 1964, стр. 5—38
316	Брингсваермоен (Bringswaermoen), Ауст-Агдер	РР (В ₂)	<i>Viking</i> , 15, 1951, стр. 126; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 163
317	Бо (Bø), Нарвик	ПР (С ₂)	<i>W. Slomann</i> , 1959
318	Доммесмоен (Dømmiesmoen), Ауст-Агдер	РР (В ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 163; <i>E. Skjelsvik</i> , 1956, стр. 579—583

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
319	Гиле (Gile), Тотен	PP(C ₁)	<i>O. Herteig</i> , 1945; <i>Он же</i> , 1955а, стр. 49—72
320	Гралум (Gralum), Остфольд	PP(C)	<i>W. Slomann</i> , 1960, стр. 14—43
321	Гревстадвикен (Grefstadviken), Ауст-Агдер	PP(B)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 163
322	Гуй (Gui), Вестфольд	PP(B ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 163; <i>E. Skjelsvik</i> , 1956, стр. 583; <i>Viking</i> , 15, 1951, стр. 126
323	Лейкфоль (Leikvol), Туне, Остфольд	PP(B ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>Viking</i> , 15, 1951, стр. 126
324	Остре Лундеби (Oestre Lundebu), Раде, Остфольд	PP(B ₁)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164
325	Санде Ярлсберг (Sande Jahrlsberg), Остфольд	ПЛ	<i>A. W. Brøgger</i> , 1916
326	Сетранг (Setrang), Остфольд	ПР	<i>F. Sahlström</i> , 1943, стр. 53
327	Сторе Даль (Store Dal), Остфольд	PP(B ₂)	<i>A. W. Brøgger</i> , 1916а; <i>E. Sprockhoff</i> , 1958, стр. 295—329
328	Сместед Рингсакер (Smested Ringsaker), Хедмарк	PP(B)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>E. Skjelsvik</i> , 1956, стр. 579—583, рис. 1
329	Стубхой (Stubhoi), Остфольд	ПР	<i>E. Straume</i> , 1961, стр. 59—88
330	Тронделаг (Trondelag), Тронделаг	ПР	<i>E. Straume</i> , 1961, стр. 51—88
331	Улла Глеммен (Ulla Glemmen), Остфольд	ПЛ	<i>K. Vibe-Müller</i> , 1956, стр. 50—56
332	Фосс (Foss), Тронделаг	ПР	<i>E. Straume</i> , 1961, стр. 81 сл.
333	Харальдстар (Haraldstar), Остфольд	PP(B)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164
334	Хаусланд (Hausland), Ауст-Агдер	PP(B)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>Viking</i> , 15, 1951, стр. 127
335	Хеллигстед (Helligsted), Остфольд	PP(B)	<i>H. E. Lund</i> , 1939—1940, стр. 93—101; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164
336	Хунн (Hunn), Остфольд	PP(B)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 164; <i>E. Skjelsvik</i> , 1956, стр. 579—583, рис. 2; <i>Viking</i> , 15, 1951, стр. 126

ОСТРОВА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Готланд

337	Амунде (Amunde), Бурс	ПЛ, Рим	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 96, 98, 110
338	Анге (Ånge), Альва	ПЛ	<i>E. Nylen</i> , 1958, стр. 84—99
338а	Асарфве (Asarfve), Хемсе	ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 51, 55
339	Аутсарфве (Autsarfve), Фоле	VI—IV вв. до н. э.	<i>M. Stenberger</i> , 1940, стр. 297—311
340	Бакхаген (Backhagen), Тингстаде	ПЛ, ПР, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13, 28, 30, 33, 54; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 94, 98, 125, 202; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 28—35
341	Бласнунгс (Bläsnungs), Весткинде	ПЛ, ПР, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13, 27, 29, 30, 33, 34, 49, 50, 51, 54, 56, рис. 99; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 94, 98; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 42—56
342	Ботес (Botes), Этельхем	ПР	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 114—116
342а	Бутрайфс (Butraifs), Норланда	ПР	<i>O. Almgren</i> , 1913, стр. 31, 34, 51, 55; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 109
343	Бьярс (Bjärs), Ларбро	Р, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 26, рис. 33, 42, 51; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 98, 109, 110
344	Бьярс (Bjärs), Хейнум	Р, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 31, 34, 47, 51, 55; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 94, 100, 121, 125, 126, рис. 212, 214
345	Валбис (Vallbys), Хогран	ПР	<i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 75—84
346	Валхагер (Vallhager), Фроэль	ПЛ, ПР	<i>E. Nylen</i> , 1958, стр. 118—218
347	Вальстенарум (Vallstenarum), Вальстена	ПР	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 92, рис. 160—162; стр. 14—19; табл. 10, 13, 18, 21
348	Весткинде (Vestkinde), Весткинде	PP(B ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
349	Видунге (Vidunge), Дальхем	ПЛ	<i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 99—100
350	Гервальдс (Gerwalds), Хогран	ПР	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 114—116
351	Гриндс (Grinds), Вальстена	ПЛ, ПР	<i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 13—21
352	Гуфриде (Guffride), Линде	ПР (IV : 2)	<i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 23—28
352а	Дукарве (Dukarfve), Линде	ПР (IV : 2)	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 52
353	Эндрегард (Endregårda), Эндре	ПР	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 89, 98, рис. 154
354	Кальдер (Kålder), Линде	Рим	<i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 110, 130, 131, рис. 224
355	Кнутс (Knuts), Весткинде	ПЛ, ПР	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 31, 46, 52; <i>O. Almgren, B. Nerman</i> , 1923, стр. 88, 89, 91, 94, 98, 124, 126, рис. 157

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
356	Корнетскоген (Kornettskogen), Весткинде	PP (B ₂), PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 26, 30, 45—47, 50, рис. 43, 100
357	Лекарехед (Lekarehed), Ларбро	PP (B ₂)	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 40, 50, 54, 56, рис. 71, 98; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167
358	Лилла Сойвиде (Lilla Sojvide), Съенхем	ПЛ, Р, PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 32—33; <i>G. Bertel</i> , 1939; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 220—225
359	Мольнер (Mölnar), Вате	ПЛ	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 165; <i>E. Nylen</i> , 1955a, стр. 14—37
360	Нигардсрум (Nygårdsrum), Вальстена	PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 29, 30, рис. 52, табл. 2, 4
361	Никарве (Nickarve), Венге	Рим	<i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 126; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 100—107
362	Нисту Традгардсхакте (Nystu Trädgårdshakte), Тингстаде	ПЛ	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 12—13; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166; <i>E. G. Oxenstierna</i> , 1945, стр. 137; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 35—38
363	Норгарде (Norgårde), Весткинде	ПЛ	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 12, 13, 52, рис. 5, 16; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 56—61, 166
364	Петсарве (Petsarve), Съенхем	PP	<i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 96, 116
365	Прастхаген (Prästahagen), Хогран	ПЛ, Р PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13, 34, 49, 52, 55; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 70—75
365a	Рингсарфве (Ringsarve), Альфва	PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 31, 34, 51, 55
366	Скалхорн (Skällhorns), Каглинге	PP	<i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 90, 93—97
367	Смисс (Smiss), Екеби	ПЛ, Рим	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13; <i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 89, 94; рис. 156a; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 21—23
368	Стора Карлсо (Stora Karlsö), Экста	ПЛ	<i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 107—109
369	Танглингс (Tänglings), Этельхем	ПЛ, Рим	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13, 30, 33, 45, рис. 53, 54, 82; <i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 109; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 38—42
369a	Тас (Tass), Хейде	PP	<i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 116
370	Унсарфве (Unsarve), Халла	ПЛ, Рим	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 29, 31, 48, 52, 55; <i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 97, 114—116; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 65—70
371	Хавор (Havor), Хаблингбо	ПЛ, Р, PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 13, 28, 31, 47, 51, 54; <i>O. Almgren</i> , <i>B. Nerman</i> , 1923, стр. 88, 90—93, 94, 97—98, 100, 108, 110, 127, 125, 129, 131; рис. 158, 159a—b, 163—165, 221—223; <i>E. Nylen</i> , 1955, стр. 61—65
372	Хогран (Hogran)	PP	<i>O. Almgren</i> , 1914, стр. 48, рис. 95

Эланд

373	Норра Квиннеби (Norra Kvinneby)	PP (B ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167; <i>M. Stenberger</i> , 1933, стр. 33
374	Норра Мёклеби (Norra Mökleby)	PP (B ₂)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 167; <i>M. Stenberger</i> , 1933, стр. 65
375	Смедби (Smedby)	ПЛ	<i>E. Nylen</i> , 1957, стр. 75

ДАТСКИЕ ОСТРОВА И ЮТЛАНДСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Остров Борнхольм

376	Канникегорд (Kannikegaard)	ПЛ, PP	<i>O. J. Brøndsted</i> , 1940; <i>E. Vedel</i> , 1886
377	Лилле Бьергегорд (Lille Bjergegaard)	ПЛ	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166; <i>E. Vedel</i> , 1886, стр. 126
378	Сламребьерг (Slamrebjerg)	PP (B ₁)	<i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 166; <i>E. Vedel</i> , 1886, стр. 348

Остров Зеландия

379	Варпелев (Vargeløv)	PP (C ₂)	<i>O. J. Brøndsted</i> , 1940; <i>C. Engelhardt</i> , 1877, стр. 347—402
380	Нордруп (Nordrup)	PP	<i>W. Schulz</i> , 1953, стр. 44

Остров Фюн

381	Ланга (Langa)	ПЛ	<i>E. Albrechtsen</i> , 1954
382	Сандерумсгорд (Sanderumsgaard)	PP (C ₂)	<i>C. Engelhardt</i> , 1877, стр. 373

Остров Лолланн

383	Юеллинге (Juellinge)	PP (B ₂)	<i>H. J. Eggers</i> , 1949—1950, стр. 110, табл. II; <i>J. Kmiecinski</i> , 1962, стр. 176
-----	----------------------	----------------------	--

№ на карте	Название пункта	Дата *	Литература
<i>Ютландия и Венсюссель</i>			
384	Доллеруп (Dollerup)	РР	<i>O. Voss u. M. Ørsnes-Christensen</i> , 1948
385	Элев (Elev)	ПР	<i>S. Müller</i> , 1898, стр. 67
385a	Крахеде (Kraghede)	ПЛ, РР	<i>O. J. Brøndsted</i> , 1940
386	Лундегорд (Lundegarde)	РР(В ₂)	<i>Kuml</i> , 1964, стр. 33—37
387	Мыртве (Myrthue)	РР	<i>E. Lomborg</i> , 1964, стр. 31—51
388	Орстед (Orsted)	Рим	<i>O. J. Brøndsted</i> , 1940
389	Стендеруп (Stenderup)	ПР	<i>J. Brøndsted</i> , 1940
390	Химлингсхое (Himlingshøe)	РР	<i>J. Brøndsted</i> , 1940

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва	MS	<i>Materiały Starożytne</i> . Warszawa.
СА	Советская археология. Москва	MZP	<i>Materiały Zachodnio-Pomorskie</i> . Szczecin
АА	<i>Acta Archeologica</i> . København.	NDV	<i>Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit</i> . Berlin
ABS	<i>Acta Baltico-Slavica</i> . Białystok	PA	<i>Przegląd Archeologiczny</i> . Poznań
AuF	<i>Ausgrabungen und Funde</i> . Berlin	PiM	<i>Prace i materiały Muzeum archeologicznego i ethnograficznego w Łodzi</i>
BS	<i>Baltische Studien</i> . Stettin	PM	<i>Pommersche Monatsblätter</i> . Stettin
EAZ	<i>Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift</i> . Berlin	PZ	<i>Praehistorische Zeitschrift</i> . Berlin
Jahres- schrift	<i>Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte</i> . Halle	Prz. Zach.	<i>Przegląd Zachodni</i> . Poznań
JBM	<i>Jahrbuch für Bodendenkmalpflege in Mecklenburg</i> . Schwerin	RB	<i>Rocznik Białostocki</i>
JRGZM	<i>Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentral- museum Mainz</i>	SA	<i>Slavia Antiqua</i>
Mannus	<i>Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte</i> . Leipzig	Spr. Arch.	<i>Sprawozdania Archeologiczne</i> . Kraków
Medde- landen	<i>Meddelanden från Lunds Universitets histo- riska Museum</i>	WA	<i>Wiadomości Archeologiczne</i> . Warszawa
		ZfE	<i>Zeitschrift für Ethnologie</i> . Berlin
		ZOW	<i>Z otchłani wieków</i> . Poznań

ЛИТЕРАТУРА

- Кропоткин В. В.** 1972. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области.— СА, № 4.
- Кухаренко Ю. В.** 1958. Волинская группа полей погребений.— СА, № 4.
- Кухаренко Ю. В.** 1965. Могильник Брест-Тришин.— КСИИ, 100.
- Кухаренко Ю. В.** 1969. Археология Польши. М.
- Никитина В. Б.** 1965. Поморская культура. Автореф. канд. дисс. М.
- Смишко М. Ю., Свешников И. К.** 1961. Могильник III—IV столетий н. э. у с. Дитиничи Ровенской области.— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3. Київ.
- Albrectsen E.** 1954. Fynske jernåldergrave. I. Forromersk jernlnder. København.
- Albrectsen E.** 1956. Fynske jernåldergrave. II. Aeldre romersk jernålder. København.
- Almgren O.** 1907. Ett grafvält från äldre järnåldern vid Alvastra i Östergötland undersökt sommaren 1900.— Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad, 1900—1905. Stockholm.
- Almgren O.** 1914. Die ältere Eisenzeit Gotlands. Erstes Heft. Stockholm.
- Almgren O.** 1916. Ett uppländskt gravvält med romerska kärl.— Fornvännen, 11.
- Almgren O., Nerman B.** 1923. Die ältere Eisenzeit Gotlands. Zweites Heft. Stockholm.
- Anger S.** 1880. Das gemischte Gräberfeld auf dem Neustädterfelde bei Elbing.— ZfE, 20.
- Anger S.** 1890. Das Gräberfeld zu Rondzen. Graudenz.
- Antoniewicz W.** 1932. Archeologia Polski. Warszawa.
- Antoniewicz W.** 1951. Zagadnienie Gotów i Gepidów na ziemiach Polskich w okresie rzymskim.— Przegląd Zachodni, VII, № 5-6.
- Arbman H.** 1934. Zur Kenntnis der ältesten Eisenzeit in Schweden.— AA, V, fasc. 1-2.
- Arvidson G.** 1937. Brillinge, Vaksala par., Uppland.— AA, VIII.
- Asmus W. D.** 1938. Tonwarengruppen und Stammesgrenze in Mecklenburg während der ersten beiden Jahrhunderte nach der Zeitwende. Neumünster.
- Auerswald A.** 1939. Zwei Friedhöfe der großgermanischen Zeit in der Ostprignitz.— Germanen-Erbe.
- Becker C. J.** 1961. Forromersk jernålder i Syd-og-Midtjylland.— Nationalmuseets skrifter Storre beretninger, VI. København.
- Beetz W.** 1906. Der Urnenfriedhof bei Bahrendorf (Kreis Dannenberg).— Lüneburger Museumsblätter, H. 3.
- Behm G.** 1948. Neue Erkenntnisse über westgermanische Bestattungssitten.— Forschungen und Fortschritte, Bd. 24.
- Beltz R.** 1899. Die Vorgeschichte von Mecklenburg. Berlin.
- Beltz R.** 1910. Die vorgeschichtlichen Altertümer des Großherzogtums Mecklenburg-Schwerin. Schwerin.
- Beltz R.** 1920—1921. Das Urnenfeld von Körchow.— Jahrbücher der Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Schwerin.
- Beninger E.** 1931. Die Leichenzerstückelung als vor- und frühgeschichtliche Bestattungssitte.— Anthropos, Bd. XXVI.
- Berger U.** 1940. Die Ausgrabungen auf dem Urnenfriedhof Lanze. Kr. Hrzgt. Lauenburg.— NDV, 16.
- Berlekamp H.** 1959. Neue Körpergräber der älteren Kaiserzeit aus dem Stralsunder Gebiet.— JBM.
- Bertel G.** 1939. En gotländsk släktgrav från äldre järnålder.— Fornvännen, 34.
- Bertram, La Baume, Klöppel.** 1924. Das Weichsel-Nogat-Delta. Danzig.
- Bezzenger A.** 1909. Gräberfeld bei Pettelkau, Kr. Braunsberg.— Prussia, 22.
- Bezzenger A.** 1909a. Gräberfeld bei Abbau Tierberg, Kr. Osterode.— Prussia, 22.
- Björn A.** 1964. Fornlamningar och bebyggelse. Uppsala.
- Blume E.** 1912, 1915. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, I—II.— Mannus-Bibliothek, № 8, 12. Würzburg.
- Bohm W.** 1937. Die Vorgeschichte des Kreises Westprignitz.
- Bohnsack D.** 1937. Ein ostgermanisches Fürstengrab bei Pilgramsdorf in Ostpreußen.— Germanen-Erbe.
- Bohnsack D.** 1938. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen. Leipzig.
- Bohnsack D.** 1938a. Die Germanen im Kreise Neidenburg.— Altpreußen, 3.
- Bohnsack D.** 1938ba. Neue Bodenfunde.— Altpreußen, 1.
- Bohnsack D.** 1940. Ostgermanische Gräber mit Steinpfählen und Steinkreisen in Ostdeutschland.— Göthiscandza, 2.
- Bohnsack D.** 1940a. Die Burgunden.— Vorgeschichte der deutsche Stämme, Bd. III. Berlin.
- Borchling A.** 1942. Die Ausgrabung des Urnenfriedhofes von Hornbeck, Kr. Hzt. Lauenburg.— NDV, 18, 3-4.
- Borchling A.** 1950. Die Untergliederung der Stufe von Seedorf aus Grund des Fundstoffs vom Urnenfriedhof Hornbeck, Kr. Hzt. Lauenburg.— AG, 4.
- Brandt J.** 1960. Das Urnengräberfeld von Preetz in Holstein.— Offa, 16.
- Brogger A. W.** 1916. La-Tenekjedelen fra Sande i Jarlsberg.— Oldtiden, 7.
- Brogger A. W.** 1916a. Gravplassen fra Store-Dal i Skjeberg.— Norske Oldfund, I. Kristiania.
- Brøndsted O. J.** 1940. Danmarks Oldtid. III. Jernålderen. København.
- Bruzellius N. G.** 1874. Öremölla fyndet.— Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad.
- Buck D. W.** 1966. Die Ausgrabungen eines Gräberfeldes der vorrömischen Eisenzeit von Wachow, Kr. Nauen.— AuF, Bd. 11, H. 3.
- Buck D. W.** 1967. Körperbestattungen der vorrömischen Eisenzeit im Havelgebiet.— AuF, Bd. 12, H. 3.
- Butschkow H.** 1935. Reich ausgestattetes Frauengrab aus dem 4. Jahrhundert nach Christi, aus Schkortleben Kr. Weißenfels.— NDV, 11.
- Cnotliwy E.** 1966. Powiat Kamiński w starożytności. Szczecin.

- Czyżewska M., Dragan R.* 1966. Sprawozdania z badań wykopaliskowych na cmentarzyski kurchanowym w Odrach pow. Choinice w latach 1962—1963.— Spr. Arch., XVIII.
- Damell D., Sjögren J.* 1962. Hjukorsgraver på Dragbyfältet.— Tor, 8.
- Dibbelt O.* 1938. Ostgermanische Gräber bei Meckenthin am Unterlauf der Persante im Kreise Kolberg-Körlin.— Elbinger Jahrbuch, 15.
- Dibbelt O.* 1940. Ein ostgermanisches Brandschuttungsgrab bei Karwin im Kreise Kolberg-Körlin.— Mitteilungen aus dem vorgeschichtlichen Seminar der Universität Greifswald, 11-12.
- Dorges H.* 1957. Das frühkaiserzeitliche Gräberfeld von Blievenstorf, Kreis Ludwigslust.— JBM, 6.
- Dorges H.* 1961. Die späte Kaiserzeit und die Völkerwanderungszeit in Mecklenburg.— EAZ, 2, H. 1.
- Dymaczewski A.* 1962. Aus den neueren Entdeckungen auf den Gräberfeldern der römischen Kaiserzeit in Großpolen.— Archaeologia Polona, IV.
- Dymaczewski A.* 1964. Aus den Forschungen über die Siedlungswesen der spät-latene und römischen Kaiserzeit in Westpommern.— Archaeologia Polona, VII.
- Dzierżykraj-Rogalski T., Jaskanis J.* 1961. Grob szkieletowy dziecka z późnego okresu rzymskiego, odkryty w 1959 r. w Białowieży, pow. Hainowka.— Rocznik Białostocki, I.
- Ebert M.* 1927—1928. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. 12.
- Eggers H. J.* 1930. Zwei Urnenfriedhöfe aus dem Umgebungs des Dorfes Netzeband (Kreis Greifswald).— Mitteilungen aus der Sammlung Vaterländischer Altertümer der Universität Greifswald, Bd. 4.
- Eggers H. J.* 1936. Das Gräberfeld von Langenhagen, Kr. Saatzig.— PM, 50.
- Eggers H. J.* 1936a. Ein Grabfund der jüngeren Kaiserzeit von Langenhagen. Kr. Greifenberg.— PM, 50.
- Eggers H. J.* 1937. Ein kaiserzeitliches Skelettgräberfeld bei Denzin, Kr. Belgard.— PM, 51.
- Eggers H. J.* 1937a. Ein frühkaiserzeitliches Brandgrab von Leckow, Kr. Belgard (ehem. Schivelbein).— PM, 51.
- Eggers H. J.* 1938. Ein kaiserzeitlicher Grabfund von Klein Moitzow, Kr. Greifenberg.— PM, 52.
- Eggers H. J.* 1940. Das römische Einfuhrgut in Pommern.— BS, NF, Bd. XLII.
- Eggers H. J.* 1940a. Das älterkaiserzeitliche Gräberfeld von Krummin auf Usedom.— NDV, 16, H. 8-9.
- Eggers H. J.* 1949. Das Körpergrab von Woldegk, Mecklenburg-Strelitz.— Hammaburg, III.
- Eggers H. J.* 1949—1950. Lübsow, ein Fürstensitz der älteren Kaiserzeit.— PZ, Bd. XXXIV-XXXV.
- Eggers H. J.* 1951. Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg.
- Eggers H. J.* 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien.— JRGZM, 2.
- Eggers H. J.* 1955a. Die Mittellatenezeit in Mittelpommern.— BS, NF, Bd. XVIII.
- Eggers H. J.* 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München.
- Eggers H. J.* 1966. Das kaiserzeitliche Gräberfeld von Pollwitten, Kr. Mohrungen, Ostpreußen.— JRGZM, 11.
- Eichhorn G.* 1927. Der Urnenfriedhof Groß-Romstedt.— Mannus-Bibliothek, № 41. Leipzig.
- Ekholm G.* 1925. Gravflätet vid Godaker.— Fornvännen, 20.
- Ekholm G.* 1935. Fornrid och Fornforskning. Stockholm.
- Ekholm G.* 1938. Ett uppländskt Gravfält från la tene-tiden.— Fornvännen, 33.
- Ekholm G.* 1939. Valloxsäby Logbacke. Ett uppländskt Gravfält från l : a Årh. E. Kr.— Fornvännen, 34.
- Ekholm G.* 1944. Uppländische Gräberfelder der älteren Eisenzeit. I. Rönangen, Ksp. Östuna. II. Nachträgliche Untersuchungen auf dem Gräberfeld Valloxsäby Logbacke.— Fornvännen, 39.
- Ekholm G.* 1949—1951. Lunda fornminnesområde — en vägnut i Attundaland.— Tor.
- Ekholm G.* 1957. Brillinge, Nr. 1.— Tor, 3.
- Ekholm G.* 1957a. Skelettgravarna i Nordens äldre Järnålder.— Fornvännen, 52.
- Ekholm G.* 1957b. Die absolute Chronologie der römischen Kaiserzeit.— JRGZM, 4.
- Engel C.* 1930. Tätigkeitsbericht des Prussia Museums in Königsberg (Ostpreußen) für das Jahr 1929.— NDV, 6.
- Engel C.* 1932. Gotenreich in Ostpreußen.— Die Umschau, 35.
- Engel C.* 1933. Die kaiserzeitlichen Kulturgruppen zwischen Weichsel und Finnischen Meerbusen und ihr Verhältnis zueinander.— Prussia, 30.
- Engel C.* 1935. Ein vandalisches Gräberfeld bei Bartken-gut (Kr. Neidenburg).— Altpreußen, 1.
- Engel C.* 1935a. Das gotische Gräberfeld von Thomarainen. Kr. Osterode.— Altpreußen, 2.
- Engel C., La Baume W.* 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg.
- Engelhardt C.* 1877. Skelettgrave paa Sjaeland og i det østlige Danmark.— Aarboger, 1877.
- Felsberg O.* 1929. Die römische Kaiser- und Völkerwanderungszeit im Elbhavelland.— Mannus, 7, Ergänzungsband.
- Fett P.* 1943. Nye gravfunn frå eldre jarnålder pa Vestlandet.— Bergens Museum Arbok.
- Fromm L.* 1936. Götische Wohn- und Grabstätten in Kreise Allenstein.— Altpreußen, 1.
- Gaerte W.* 1926. Das germanische Reitergrab von Gr. Bestendorf. Kr. Mohrungen.— Prussia, 26.
- Gaerte W.* 1928. Römische Importwaren in ostpreußischen Gräbern.— Prussia, 28.
- Gaerte W.* 1928a. Skelettgräber zwischen Weichsel und Memel aus der römischen Kaiserzeit.— Mannus, 6, Ergänzungsband.
- Gaerte W.* 1929. Urgeschichte Ostpreußen. Königsberg.
- Gaerte W.* 1929a. Fundbericht Museum Ostpreußen.— NDV, Bd. 5, H. 1.
- Gaerte W.* 1932. Die Ostgrenze der gotischen Weichselmündungskultur in der römischen Kaiserzeit.— Mannus, 24.
- Geisler H.* 1963. Urnenfunde des 2. Jahrhunderts aus Cammer, Kr. Belgig.— AuF, Bd. 8, H. 3.
- Geisler H.* 1967. Kaiserzeitliche Urnengräber von Cammer, Kr. Belgig.— AuF, Bd. 12, H. 3.
- Genrich A.* 1939. Zur Herkunft der Körpergräber auf Sächsischen Friedhöfen.— Urgeschichtsstudien beiderseits der Niederelbe. Hildesheim.
- Genrich A.* 1954. Formenkreise und Stammesgruppen in Schleswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhunderts. Neumünster.
- Godłowski K.* 1960. Studia nad stosunkami społecznymi w okresach poznańskim i rzymskim w dorzeczu Odry i Wisły. Warszawa — Wrocław.
- Godłowski K.* 1970. The Chronologie of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
- Götze A.* 1920. Die vorgeschichtliche Denkmäler des Kreises Lebus. Berlin.
- Götze A., Höfer P., Zschische P.* 1909. Die vor- und frühgeschichtlichen Altertümer Thüringens. Würzburg.
- Granlund J.* 1939. Hartstätningar till svepta käll under äldre järnålder.— Fornvännen, 34.
- Gräslund B.* 1961. Den «södra gravslätten» i Dragby.— Tor, 7.
- Grebe K.* 1963. Das Gräberfeld der älteren römischen Kaiserzeit von Rauschendorf, Kr. Gransee.— AuF, Bd. 8, H. 3.

- Grzęda M., Przewoźna K. 1968. Wyniki badań archeologicznych w okolicy Swiecia nad Wisła w 1962 r. Uniwersytet M. Kopernika w Toruniu. Zeszyty naukowe, 26.
- Grzywaczek T. 1961. Sposoby grzebania zmarłych w okresie poznołateńskim i rzymskim na terenie Wielkopolski.— *Archeologia-etnografia*, 2.
- Günther H. 1922. Der Goldfund von Kommerau, Kr. Schwetz.— *Mannus*, 14.
- Gustafson G. 1913. Ett norsk gravfunn fra den aeldre Kaiserid.— *Opuscula archeologica Oscari Montelio Holmiae*.
- Guthjahr R. 1934. Die Semnonen im Havelland zur frühen Kaiserzeit. Greifswald.
- Hachmann R. 1950—1951. Das Gräberfeld von Rondzen, Kr. Graudenz und die Chronologie der Spätlatenezeit in Mittel- und West-Deutschland.— *Archaeologia Geographica*, 1.
- Hachmann R. 1957. Jastorf-Funde außerhalb der Jastorf-Kultur.— *Die Kunde*.
- Hachmann R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit.— 41. Bericht der Römischen-Germanischen Kommission.
- Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinavien. Berlin.
- Hagen I. O. 1925. Das Latene-Gräberfeld auf dem Forstgrundstück am Aalgast bei Schmiedeberg i. d. Ackermark.— *Mannus*, 16.
- Hansen F. 1936. Hammarsnäs Halor. Lund.
- Hansson H. 1923. En grav och en tradition.— *Fornvännen*, 18.
- Helmundt A. 1954. Die vor- und frühgeschichtlichen Denkmäler und Funde des Kreises Ueckermünde. Schwerin.
- Herfert P., Leube A. 1966. Die Bestattungsplatz von Gustrow, Kr. Rügen.— *JBM*.
- Herteig A. 1955. Bidrad till jernålderens busetningshistorie på Toten. Oslo.
- Herteig A. 1955a. Gilefunnene på ostre Toten.— *Viking*, 19.
- Heydeck, 1892. Das Gräberfeld von Kl. Koslau, Kr. Neidenburg.— *Prussia*, 17.
- Heym W. 1931. Ein Beitrag zum Hausbau während der römischen Kaiserzeit im Gebiet der unteren Weichsel.— *Prussia*, 29.
- Heym W. 1937. Die Gotengräber bei Marienburg.— *Altpreußen*, 2.
- Heym W. 1937a. Die Geschichte der Landschaft um den Tillwaldersee auf Grund von Bodenfunden.— *Altpreußen*, 4.
- Heym W. 1937b. Beiträge zur Feststellung neuer germanischer Volkergruppen an der unteren Weichsel.— *Elbinger Jahrbuch*, 14.
- Heym W. 1939. Totenhäuser der Goten in Mosgau, Kr. Rosenberg.— *Prussia*, 33.
- Heym W. 1939a. Der ältere Abschnitt der Völkerwanderungszeit auf dem rechten Ufer der unteren Weichsel.— *Mannus*, 31.
- Heym W. 1959—1961. Drei Spätlatene-Gräberfelder aus Westpreußen.— *Offa*, 17—18.
- Hinz H. 1964. Das kaiserzeitliche Skelettgräberfeld von Luggewiese, Kreis Lauenburg.— 10. Beiheft zum Atlas der Urgeschichte.
- Hohmann K. 1929. Brandgrubengräber im Kreise Teltow.— *Mannus*, 21.
- Hollack E. 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Berlin.
- Hollack E. 1908a. Die Grabformen ostpreussischer Gräberfelder.— *ZfE*, 14.
- Hollnagel A. 1960. Ein Kriegergrab der frühen 1. Jahrhunderts von Biseritz, Kr. Neubrandenburg.— *AuF*, Bd. 5.
- Hollnagel A. 1962. Die vor- und frühgeschichtlichen Denkmäler und Funde des Kreises Neubrandenburg. Schwerin.
- Hostmann Chr. 1874. Der Urnenfriedhof bei Darzau in der Provinz Hannover. Braunschweig.
- Hougen B. 1924. Grav ag Gravplass.— *Widenskabselskabets skrifter*, II, 6.
- Hougen B. 1929. Trekk av østnorsk romertid.— *Universitets Oldsaksamlings skrifter*, II. Oslo.
- Hucke K. 1939. Urgeschichte der Uckermark.
- Hülle W. 1940. Ein ostgermanisches Hügelgrab bei Pilgramsdorf.— *Mannus*, 32.
- Jaanusson H. 1965—1966. Domarringarna i Ucklum, Bohuslan. Nagra dateringsproblem.— *Tor*, 11.
- Jacobson F. 1927. Ein zerstörtes kaiserzeitliches Gräberfeld bei Wöklitz, Kr. Elbing.— *Elbinger Jahrbuch*, 5-6.
- Jahn M. 1916. Die Bewaffnung der Germanen.— *Mannus-Bibliothek*, № 16. Würzburg.
- Jahn M. 1922. Die Gliederung der wandalischen Kultur in Schlesien.— *Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift*, NF, Bd. VIII.
- Jankuhn H. 1950. Zum räumlichen Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreußen.— *Archaeologia Geographica*, 4.
- Jazdzewski K. 1938. Gocki grób z połowy II wieku i grób popielnicowy z IV wieku po chr. w Szczytnie w pow. Włocławskim.— *ZOW*, XIII, z. 7-8.
- Jazdzewski K. 1967. Tabele chronologiczne do pradziejów Europy środkowej i środkowowschodniej (w szczególności Polski).— *PiM*, 14.
- Johansen E. 1955. Ny datering av branngraver under flat mark.— *Universitets Oldsaksamlings Årbok*, 1951.
- Johansen E., Hagen A. 1951. Hunn i Borge.— *Viking*, 15.
- Jungklaus E. 1924. Römische Funde in Pommern. Greifswald.
- Kaphahn, 1913. Skelettgrab in Selnowo, Kr. Graudenz.— *Mannus*, 6.
- Karpińska A. 1926. Kurhany z okresu rzymskiego w Polsce za szczególnym uwzględnieniem typu siedleńskiego. Poznań.
- Kasiski, 1877. Ueber Brandgräber.— *BS*, Bd. 27.
- Keilling H. 1962. Ein Bestattungsplatz der jüngeren Bronze- und vorrömischen Eisenzeit von Lanz, Kr. Ludwigslust.— *JBM*.
- Keilling H. 1965. Ein neues Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit von Brahlstorf, Kr. Hagenow.— *JBM*.
- Keilling H. 1965a. Die vorrömische Eisenzeit im Elde-Karthane-Gebiet (Kr. Ludwigslust und Kr. Perleberg).— *EAZ*, 6, H. 1.
- Kempisty A. 1965. Obrządek pogrzebowy w okresie rzymskim na Mazowszu.— *Światowit*, XXVI.
- Kempisty A. 1966. Some Problem of Research in the Roman Period in Masovia and Podlachia (Podlasie).— *ABS*, 4.
- Kempisty A. 1968. Birytualne cmentarzysko z późnego okresu rzymskiego w miejscowości Brulino-Koski, pow. Ostrow Mazowiecki.— *WA*.
- Kempisty A. 1968a. Późnorzymski cmentarz w Sarnakach, pow. Łosice.— *Światowit*, XXIX.
- Kempisty A., Dąbrowski K. 1958. Brulino-Koski, pow. Ostrow Maz.— *ZOW*, r. XXIV, z. 5.
- Kempisty A., Okulicz J. 1965. Periode Romaine tardive et periode des Migrations des peuples en Masovie.— *IAP*, XV.
- Kersten K. 1942. Ein reiches Skelettgrab der Kaiserzeit aus Heiligenhafen.— *NDV*, 18.
- Kleist D. 1940. Das spätkaiserzeitliche Gräberfeld von Dörsenthin, Kr. Schlawa.— *NDV*, 16, H. 8-9.
- Kleist D. 1955. Die urchenzeitlichen Funde des Kreises Schlawa.— 3. Beiheft zum Atlas der Urgeschichte. Hamburg.
- Klindt-Jensen O. 1949. Foreign Influences in Denmark's Early Iron Age.— *AA*, XX.
- Kmiecinski J. 1952. Bogato wyposażony szkieletowy grób kobiety z późnego okresu rzymskiego z Łodzi — Retkini.— *Sprawozdania PMA*, IV, fasc. 3-4.

- Kmiecinski J.* 1958. Niektóre zagadnienia wędrówki Gotów w świetle dotychczasowych badań oraz w świetle wykopalisk w Węsiarach w pow. Kartuskim.—Zeszyty naukowe uniwersytetu Łódzkiego, nauki humanistyczno-społeczne, ser. 1, z. 8.
- Kmiecinski J.* 1959. Wędrówka gotów na południe w świetle najnowszych badań archeologicznych.—ZOW, XXV.
- Kmiecinski J.* 1962. Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź.
- Kmiecinski J.* 1962a. Problem of the so-called Gotho-Gepidian Culture in the Light of recent research.—Archaeologia Polona, IV.
- Kmiecinski J.* 1962b. Wenedowie o obcy przybysze. Z przeszłości Pomorza Wschodniego. Wrocław — Warszawa — Kraków.
- Kmiecinski J.* 1963. Z problematyki migracji germanskich na ziemiach polskich.—PiM, 10.
- Kmiecinski J.* 1968. Odry, cmentarzysko kurhanowe z okresu rzymskiego. Łódź.
- Kmiecinski J., Blombergowa M., Walenta K.* 1966. Cmentarzysko w Węsiarach.—PiM, 12.
- Knorr F.* 1910. Friedhöfe der älteren Eisenzeit in Schleswig-Holstein. Kiel.
- Knorr F.* 1913. Skelettgräber der Eisenzeit in Holstein.—Montelius Festschrift. Stockholm.
- Körner G.* 1938. Die südelbischen Langobarden zur Völkerwanderungszeit. Hildesheim u. Leipzig.
- Körner G.* 1939. Der Urnenfriedhof von Rebenstorf im Amte Lüchow. Hildesheim u. Leipzig.
- Körner G.* 1957. Zur Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien.—JRGZM, 4.
- Kossinna G.* 1914. Die deutsche Vorgeschichte. 2. Aufl.—Mannus-Bibliothek, № 9.
- Kossinna G.* 1919. Das Weichselland, ein Uralter Heimatboden der Germanen. Danzig.
- Kossinna G.* 1922. Das Reitergrab von Kommerau in Westpreußen und die germanischen Trinkhörner, Spielsteine und goldenen Schlagenkopfschalen der Kaiserzeit.—Mannus, 14.
- Kossinna G.* 1928. Ursprung von Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit.—Mannus-Bibliothek, № 26.
- Kossinna G.* 1929. Die Wandalen in Nordjütland.—Mannus, 21, H. 3-4.
- Kossinna G.* 1933. Die Karte der germanischen Funde in der frühen Kaiserzeit (etwa 1—150 n. Chr.).—Mannus, 25.
- Kossinna G.* 1940. Das Weichselland, ein uralter Heimatboden der Germanen. Leipzig.
- Kostrzewski J.* 1918—1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit.—Mannus-Bibliothek, № 18—19.
- Kostrzewski J.* 1923. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1928. Kurhany i kręgi kamienne w Odrach, w pow. Chojnickim, na Pomorzu.—Rocznik Museum Wielkopolskiego w Poznaniu, r. 3.
- Kostrzewski J.* 1936. The Prehistory of Polish Pomerania. Toruń.
- Kostrzewski J.* 1936a. Groby szkieletowe późnolatenkie w Wielkopolsce i zagadnienie silingów.—Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polska Akademia Umiejętności, XLI.
- Kostrzewski J.* 1939—1948. Od mesolitu do okresu wędrówek ludów.—Prehistoria ziem Polskich. Kraków.
- Kostrzewski J.* 1946. Germanie przedhistoryczni w Polsce.—PA, VII.
- Kostrzewski J.* 1951. Ślady archeologiczne pobytu druzyn germanskich w Polsce w pierwszej połowie I tysiąclecia naszej ery.—Przegląd Zachodni, VII, № 5-6.
- Kostrzewski J.* 1955. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław.
- Kostrzewski J.* 1959. Jeszcze o kulturze «brugundzkiej» w Polsce.—Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań.
- Kostrzewski J.* 1962. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem Polski w starożytności. Warszawa.
- Kostrzewski J.* 1964. Zagadnienie pobytu Germanów na ziemiach polskich.—Slavia Antiqua, XI.
- Kostrzewski J.* 1966. Pradzieje Pomorza. Wrocław—Warszawa—Kraków.
- Kostrzewski J.* 1966a. O stosunkach między kulturą wschodnio-pomorską a kulturą wenedzką późnego okresu latenskiego.—Sbornik Narodního Muzea v Praze, V, № 1-2.
- Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.* 1965. Pradzieje Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków.
- Krause E.* 1893. Skelettgräberfunde bei Arnswalde in der Neumark.—Nachrichten über deutsche Altertumsfunde, 4.
- Krüger F.* 1928. Das Reitergrab von Marwedel.—Festblätter des Museumvereins für das Fürstentum Lüneburg, № 1. Weihnachten.
- Krüger H.* 1961. Die Jastorfkultur in den Kreisen Lüchow — Dannenberg — Lüneburg, Uelzen und Soltau. Neumünster.
- Kucharenko J.* 1967. Le problème de la civilisation «getho-gépidique» en Polesie et en Volynie.—ABS, 5.
- Kuchenbuch F.* 1938. Die altmarkisch-osthannoverschen Schalenurnenfelder der spätrömischen Zeit. Halle.
- Kuchenbuch F.* 1938a. Der Urnenfriedhof von Molkenberg, Kr. Jerichow II.—Jahresschrift, XXIX.
- Kuchenbuch F.* 1941. Germanische Brandgräber der Kaiserzeit aus Karlsdorf, Kr. Bromberg.—Göthiscandza, 3.
- La Baume W.* 1926. Ausgrabungen bei Praust, Kr. Danziger Höhe.—Blätter für deutsche Vorgeschichte, 4.
- La Baume W.* 1928. Zwei germanische Grabfunde aus Rondzen, Kr. Graudenz (römische Kaiserzeit).—Mannus, 6. Ergänzungsband.
- La Baume W.* 1933. Germanische Gräberfunde bei Oliwa.—Mitteilungen der Westpreussischen Geschichtsvereins, 1.
- La Baume W.* 1934. Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig.
- La Baume W.* 1937. Ausgrabungen bei Praust-Zuckerfabrik.—Blätter für deutsche Vorgeschichte, 4.
- La Baume W.* 1939. Ausgrabungen auf dem Fuchsberg bei Kunzendorf, Kr. Gr. Werder.—Göthiscandza, 1.
- La Baume W.* 1940. Ost- und Westpreußen in germanischer Vorzeit. Danzig.
- La Baume W.* 1943. Ostgermanische Grabfunde aus Paluki, Kr. Zichenau.—Altpreußen, 8, H. 1.
- Lachowicz T. J.* 1964. Badania archeologiczne na Pomorzu Środkowym w latach 1945—1964.—MZP, X.
- Longenheim K.* 1934. Rechteckige Grabhügel des frühen Mittelalters im Kr. Danziger Höhe.—Mitteilungen des westpreussischen Geschichtsvereins, 33, H. 1.
- Laser R.* 1965. Die Brandgräber der spätrömischen Kaiserzeit im nördlichen Mitteldeutschland. Teil I. Katalog und Tafeln. Berlin.
- Łęga W.* 1930. Kultura Pomorza we wczesnym średniowieczu na podstawie wykopalisk. Toruń.
- Łęga W.* 1938. Późnorzymski grób kobiecy z Lembargu w pow. Brodnickim.—ZOW, XIII, z. 7-8.
- Łęga W.* 1938a. Cmentarzysko latensko-rzymskie z Chelmna.—Prace Prehistoryczne Pomorskie, I.
- Łęga W.* 1953. Żuławy Gdąskie-Malborskie w świetle wykopalisk.—PA, 9.
- Lencewicz S.* 1912. Sprawozdanie z poszukiwań w Mniuchu w pow. Kutnowskim.—Światowit, 10.
- Leube A.* 1960. Ein spätkaiserzeitliche Grabfund von Rosenthal, Kr. Luckau. Markische Heimat.—Festschrift für Karl Hohmann. Potsdam.
- Leube A.* 1964. Die Kulturelle Entwicklung von der frühen zur späten römischen Kaiserzeit im Oder-Spree

- Gebiet Brandenburgs (a Summary of Dissertation).—EAZ, 5.
- Leube A. 1968. Ein frühkaiserzeitliches Körpergrab aus dem mittleren Odergebiet.—AuF, Bd. 13, H. 3.
- Leube A. 1970. Die frühkaiserzeitlichen Körpergräber Mecklenburgs.—JBM.
- Leube A., Schumacher P. 1969. Das frühkaiserzeitliche Gräberfeld von Neubrandenburg.—AuF, Bd. 14, H. 4.
- Lienau M. M. 1912. Grabungen des Museumsvereins 1910/1911.—Lüneburger Museumsblätter, 8.
- Lienau M. M. 1928. Ein ostgermanisches Skelett der Kaiserzeit in Lebus (Kr. Lebus).—ZfE, 59.
- Lisch E. 1970. Römergräber in Mecklenburg.—Jahrbücher und Jahresbericht des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Schwerin.
- Lissauer A. 1887. Die prähistorischen Denkmäler der Provinz Westpreußen. Leipzig.
- Lomborg E. 1964. Myrthuegraven.—Kuml.
- Lund H. E. 1939—1940. Et eldre jernalders helligsted på Erland i Skjold.—Stavanger Museums Arshefte, 50.
- Lundström P. 1957. Gravfältet vid Fiskeby i Norrköping. Stockholm.
- Łuka A. 1965. Dorobek archeologii na Pomorzu Gdańskim w okresie XX-Lecia Polski Ludowej.—ZOW, XXXI, z. 2.
- Łuka L. J. 1955. Dwa importowane naczynia z okresu rzymskiego odkryte w miejscowości Lesno, w pow. Chojnice.—WA, XXII, z. 2.
- Magdalinski G. 1924. Die drei Latenefriedhöfe von Konikow, Geritz und Mersin, Kr. Köslin (Pomm.).—Mannus, 26.
- Magnusson M. 1946. Two Skeleton Graves from the Roman Iron Age, Produced at Gullarp, N 5, par.—Meddelanden, V—VI.
- Malinowski T. 1969. Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław—Warszawa—Kraków.
- Marschallack K. H. 1927. Das Lateneufriedhof bei Kammer (Kr. Zauch—Belzig).—PZ, XVIII.
- Matthes W. 1929. Urgeschichte des Kreises Ostprignitz. Leipzig.
- Matthes W. 1931. Die nördlichen Elbgermanen in spätrömischer Zeit.—Mannus-Bibliothek, № 48.
- Matthes W. 1931a. Die Germanen in der Prignitz zur Zeit Völkerwanderung.—Mannus-Bibliothek, № 49.
- Mestorf J. 1885. Vorgeschichtlicher Alterthümer aus Schleswig-Holstein. Hamburg.
- Miskiewicz J. 1959. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowości Szczytino, pow. Włocławek.—MS, V.
- Moberg C. A. 1941. Zonengliederungen der vorchristlichen Eisenzeit in Nordeuropa. Lund.
- Moberg C. A. 1950. Kyrkbacken i Horn Socken före och efter jernalderns tredje period.—Fornvännen, 2-3.
- Modin M. 1966. Ett gravfält från Täby i Uppland.—Fornvännen, 61.
- Montelius O. 1896. Den nordiska jernalderens kronologi.—Svenska Fornminnesföreningens Tidskrift, 9-10.
- Montelius O. 1906. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig.
- Morgenroth H. 1940. Der Urnenfriedhof von Hornbeck, Kr. Lauenburg.—NDV, 16, H. 4-5.
- Müller A. 1956. Das frühkaiserzeitliche Gräberfeld von Nitzahn, Kr. Rathenow (fr. Kr. Jerichow II).—Jahresschrift, 40.
- Müller A. 1957. Formenkreise der älteren römischen Kaiserzeit in Raum zwischen Havelseplatte und Ostsee. Berlin.
- Müller A. 1957a. Ein Reich ausgestattetes Körpergrab der späten römischen Kaiserzeit aus Lebus (Brandenburg).—Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte, 6, H. 1.
- Müller A. 1962. Fohrde und Hohenferchesar. Berlin.
- Müller A. 1965. Siedlungskontinuität oder Siedlungsabbruch (Ein Beitrag zur Besiedlungsgeschichte der Mark Brandenburg während der römischen Kaiserzeit).—Studien aus Alteuropa. II. Beihefte der Bonner Jahrbücher, 10.
- Müller R. 1934. Zur Frage der astronomischen Bedeutung der Steinsetzung von Odrý.—Mannus, 26.
- Müller S. 1874. Tidsadskillelse mellem Fundene fra den ældre Jernalder i Danmark.—Aarbøger.
- Müller S. 1898. Nordische Altertumskunde, Bd. II. Staßburg.
- Müller-Kuales G. 1940. Goten.—Vorgeschichte der deutschen Stämme, Bd. III. Berlin.
- Nerman B. 1924. Die Herkunft und die frühesten Auswanderungen der Germanen. Stockholm.
- Nerman B. 1953. Arkeologisk datering av Lister- och Listerbystenarna.—Fornvännen, 48.
- Neugebauer W. 1938. Ein götisch-gepidisches Gräberfeld in Elbing-Scharnhorststraße.—Elbinger Jahrbuch, 15.
- Niewętkowski A. 1960. O ceramice z okresu rzymskiego.—Archeologia Polski, VII, z. 1.
- Nylen E. 1955. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands. Uppsala.
- Nylen E. 1955a. Fragestellungen kring en gravform från äldsta järnåldern.—Gotländskt Arkiv, 27.
- Nylen E. 1956. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands. Uppsala.
- Nylen E. 1957. Till frågan om gravskicket under Nordens förromerska järnålder.—Tor, 8.
- Nylen E. 1958. Gotländska gravformer och deras betydelse för kronologien.—Tor, 4.
- Okulicz L. and J. 1962. The Latene and the Roman Periods in Northern Masovia and in the Southern Masurian Area in the Light of New Discoveries.—Archeologia Polona, IV.
- Okulicz J. 1970. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu.—Archeologia Polski, XV, z. 2.
- Oxenstierna E. G. 1945. Die Urheimat der Goten. Leipzig.
- Oxenstierna E. G. 1958. Die ältere Eisenzeit in Ostergötland. Lidings.
- Pernice E. 1912. Der Grabfund von Lübsow bei Greifenberg i. P.—PZ, IV, H. 1—2.
- Petzsch W. 1930. Die Besiedlung Rügens in vorgeschichtlicher Zeit.—Schumacher Festschrift. Mainz.
- Petzsch W. 1930a. Fund von Hiddensee.—Mitteilungen aus der Sammlung vaterländischer Altertümer der Universität Greifswald, Bd. IV.
- Phleps H. 1929. Die Bauart des Totenhauses eines götischen Fürstensitzes in Pilgramsdorf bei Neidenburg.—Mannus, 21.
- Pietrżak M. 1965. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Malborku-Wielbarku.—Pomerania Antiqua, I.
- Pietrżak M. 1971. Cmentarzysko wojowników w Pruszczu Gdańskim.—ZOW, XXXVII, z. 2.
- Posmykiewicz M., Kajser L. 1969. Sprawozdanie z badań w latach 1964—1965 na cmentarzysku z okresu rzymskiego w Odrach, pow. Chojnice.—Spr. Arch., XX.
- Przewoźna K. 1955. Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słopotowie, pow. Szamotuński.—Fontes archaeologici Poznanienses, V.
- Przewoźna K. 1963. Kształtowanie się skupisk osadniczych w ujściu Wisły w okresach późnolatańskim i wpływów rzymskich.—Archeologia Polski, t. VIII, z. 2.
- Przewoźna K. 1964. Sprawozdanie z badań archeologicznych na terenie powiatu Świecie woj. Bydgoszcz za rok 1962.—Spr. Arch., XVI.
- Przewoźna K. 1965. Research on the Late La Tene and Roman Period in East Pomerania.—Archeologia Polona, VIII.
- Przewoźna K. 1965a. W sprawie tzw. kultury gocko-gepidzkiej.—Archeologia Polski, X, z. 1.
- Przewoźna K. 1968. [Peu.] J. Kmiecinski, M. Blomborgowa, K. Walenta. Cmentarzysko kurhanowe ze starszego okresu rzymskiego w Węsjorach w pow. Kartuskim.

- Prace i materiały Museum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. Łódź, 1966.—Pomorania Antiqua, II.
- Raddatz K. 1962. Kaiserzeitliche Körpergräber von Heiligenhafen. Kr. Oldenburg. Offa, 19.
- Raddatz K. 1962a. [Peu.] E. Albrechtsen. Fynske jernaldergrave, II. Kopenhagen, 1956.—Offa, 51.
- Raddatz K. 1963. Ein Körpergrab der älteren römischen Kaiserzeit von Zollchow, Kr. Prenzlau.—JBM.
- Raddatz K. 1963a. Ein Tonkästchen der frühen römischen Kaiserzeit aus Satrupkirchenholz. Kr. Schleswig.—Offa, 20.
- Raddatz K. 1967. Die Bewaffnung der Germanen in der jüngeren römischen Kaiserzeit. Göttingen.
- Radig W. 1942. Das ostgermanische Gräberfeld von Starawies, Kr. Sokolow.—Die Burg, 3, H. 2.
- Reinbacher E. 1963. Börnicke, eine altereisenzeitlicher Urnenfriedhof im Havelland. Berlin.
- Reinecke P. 1902. Zur Kenntnis der Latene-Denkmäler in der Zone nordwärts der Alpen.—Mainzer Festschrift.
- Rüssmøller P. 1938. En urnegravplads fra ældre jernalder i Lille Vildmose.—Winter-Festschrift, København.
- Rochna O. 1942. Ein Grab der jüngeren Kaiserzeit aus Praust, Kr. Danzig Land.—Göthiscandza, 4.
- Rulewicz M. 1958. Pomorze Zachodnie w okresie wpływów rzymskich.—Szczecin Miesięcznik Pomorza Zachodniego, z. 7—8.
- Rulewicz M., Siuchninski K., Wesolowski S., Wołagiewicz R. 1964. Z przeszłości Szczecina. Wrocław—Warszawa—Kraków.
- Ruppelt A. 1938. Das Gräberfeld Braunsvalde-Willenberg, Kr. Marienburg.—Elbinger Jahrbuch, 15.
- Rydbeck O. 1907. Ett gravfält i Skåne från äldre järnåldern.—Fornvännen, 2.
- Rydh Stig. 1962. Dragbygravfältet kring röse.—Tor, 8.
- Sahlström F. 1943. Lilla Jored fyndets gravanläggning.—Kongl. Vitterhets Historie och Antikvitets. Akad. Handlingar.
- Sahlström K. E. 1924. Nagra iattagelser angående domarringar i norra Västergötland.—Fornvännen, 19.
- Sahlström K. E. 1942. Domarringarnas härkoms.—Fornvännen, 37.
- Sahlström K. E., Gejvall N.-G. 1948. Gravfältet på Kyrbacken. Stockholm.
- Sahlström K. E., Gejvall N.-G. 1954. Bankälla och Stora Ro. Stockholm.
- Schetelig H. 1911. Vorgeschichte Norwegens.—Mannus, 3.
- Schetelig H. 1912. Vestlandske graver fra jernalderen. Bergen.
- Schetelig H. 1912a. Die norwegischen Skelettgräber der Völkerwanderungszeit.—PZ, IV, H. 3—4.
- Schindler R. 1937. Zur Kenntnis der ostgermanischen Bestattungsbrauches im letzten Jahrhundert vor Chr. Geb.—Blätter für deutsche Vorgeschichte, 11.
- Schindler R. 1938. Neue und alte Funde aus dem germanischen Friedhof bei Schönwarling.—Weichselland, 3.
- Schindler R. 1938a. Ein Knochenkamm mit Hackenkreuz-Darstellung aus Elbing Neustädterfeld.—Elbinger Jahrbuch, 15.
- Schindler R. 1939. Neue Gräberfunde aus Praust.—Göthiscandza, 1.
- Schindler R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig.
- Schmidt A. 1902. Das Gräberfeld von Warmhof bei Meve.—ZfE, 24.
- Schmidt B. 1956. Einige neue Körpergräber des 4. Jahrhunderts aus dem Saalegebiet.—Jahresschrift, 40.
- Schmidt B. 1958. Ein reich ausgestattetes Frauengrab des frühen 4. Jahrhunderts von Nienburg, Kr. Bernburg.—Jahresschrift, 41—42.
- Schmidt B. 1960. Ein Urnengräberfeld der spätrömischen Kaiserzeit bei Großbadegast, Kr. Köthen.—Jahresschrift, 44.
- Schmidt B. 1960a. Ein Urnengräberfeld der spätrömischen Kaiserzeit von Wansleben, Kr. Eisleben.—Alt-Thüringen, 6.
- Schmidt B. 1963. Das spätkaiserzeitlich-frühvolkerwanderungszeitliche Brandgräberfeld von Bützow, Kr. Brandenburg-Land.—Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam, 2.
- Schmidt B. 1964. Beiträge zur spätrömischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit im Nordharzvorland.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Lüter Universität Halle—Wittenberg, XIII, H. 11-12.
- Schmidt B. 1965. Körpergräber der spätrömischen Kaiserzeit aus den Kreisen Erfurt und Artern.—Alt-Thüringen, 7.
- Schmidt E. 1941—1942. Die Barenkrallen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit.—Sachsens Vorzeit, 5.
- Schmidt-Thielbeer E. 1967. Das Gräberfeld von Wahlitz. Berlin.
- Schoknecht U. 1959. Eine germanische Frauenbestattung von Klein Teetzleben, Kr. Altentreptow.—JBM.
- Schubart H. 1954—1955. Die Funde der frühen römischen Kaiserzeit in Vorpommern.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, N 1—2.
- Schuldt E. 1949. Das spätrömische Grab von Jesendorf, Kr. Wismar.—Hammaburg, III.
- Schuldt E. 1954. Das Skelettgrab von Serrann, Kr. Güstrow und die späten germanischen Bügelfibeln in Mecklenburg.—JBM.
- Schuldt E. 1955. Pritzler. Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin.
- Schuldt E. 1960. Ein Gräberfeld der älteren Eisenzeit von Haar, Kr. Hagenow.—JBM.
- Schuldt E. 1969. Ein weiteres Körpergrab der späten römischen Kaiserzeit von Häven, Kr. Sternberg.—AuF, Bd. 14, H. 4.
- Schulz W. 1922. Die Skelettgräber der spätrömischen Zeit in Mitteldeutschland.—Mannus-Bibliothek, N 22.
- Schulz W. 1931. Ost- und Elbgermanen in spätrömischen Zeit in den Ostkreisen der Provinz Sachsen.—Jahresschrift, 19.
- Schulz W. 1933. Das Fürstengrab von Hassleben. Berlin und Leipzig.
- Schulz W. 1939. Vor- und Frühgeschichte Mitteldeutschlands. Halle.
- Schulz W. 1950. Zwei Bestattungsplätze bei Merseburg.—Jahresschrift, 34.
- Schulz W. 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin.
- Schumann H. 1892. Skelettgrab mit römischen Beigaben von Zierzlaß (Insel Wollin).—ZfE, 24.
- Schumann H. 1889. Urnenfriedhöfe in Pommern.—Baltische Studien, 39.
- Schumann H. 1896. Die Kultur Pommers in vorgeschichtlicher Zeit.—Baltische Studien, 46.
- Schwantes G. 1909. Die Gräber der ältesten Eisenzeit im östlichen Hannover.—PZ, 1.
- Schwantes G. 1911. Die ältesten Urnenfriedhöfe bei Uelzen und Lüneburg. Hannover.
- Schwantes G. 1933. Germanische Völkerwanderungen von Christi Geburt.—Erstes nordisches Thing, 1.
- Schwantes G. 1935. Die Hausurne von Seedorf und ihre Zeit.—Altonaische Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde, 4.
- Schwantes G. 1939. Kenotaphen auf langobardischen Männerfriedhöfen.—Urgeschichtsstudien beiderseits der Niederelbe. Hildesheim.
- Schwantes G. 1950. Die Jastorf-Zivilisation.—Reinecke Festschrift. Mainz.
- Schwantes G. 1952. Deutschlands Urgeschichte. Stuttgart.
- Schwantes G. 1956. Die Ripdorfstufe.—Festschrift zum 70. Geburtstag von K. H. Jacob-Friesen. Hildesheim.

- Schwantes G.* 1958. Die Gruppen der Ripdorf-Stufe.— Jahresschrift, 41—42.
- Seyer H.* 1960. Funde von dem Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit in Hohennauen, Kr. Rathenow, Markische Heimat.— Festschrift für Karl Hohmann zum 75. Geburtstag. Potsdam.
- Skjelsvik E.* 1956. The Stone Circles and Related Monuments of Norway.— Tirada a Parte de la Eronica del IV Congreso Internacional de Ciencias prehistoricas y protohistoricas.— Madrid, 1954. Zaragoza.
- Slomann W.* 1959. Ett nytt romertids Gravfunn fra Nord-Norge.— Viking, 23.
- Slomann W.* 1960. En ny romersk bronsekjel fra Ostfold.— Universitets Oldsaksamling. Årbok, 1958—1959.
- Slomann W.* 1964. En antikvarisk historisk skisse omkring Avalsnnnessfunnet.— Viking, 28.
- Sörling E.* 1942. Ett gravfält från la tene tid i Sjögestad sn. Östergötland.— Fornvännen.
- Sprockhoff E.* 1928. Ein ostgermanisches Brandgrab der römischen Kaiserzeit aus Sempohl.— Mainzer Zeitschrift, 23.
- Sprockhoff E.* 1953. Das Hügelgräberfeld von Schnega.— PZ, 42.
- Sprockhoff E.* 1953a. Kreisförmige Steinpflasterungen bei Helmstorf.— Germania, 31, H. 3-4.
- Sprockhoff E.* 1958. Store Dal.— Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn, H. 158. Köln.
- Stenberger M.* 1933. Öland under äldre järnåldern. Stockholm.
- Stenberger M.* 1940. Gravfyndet från Autsarve i Fole.— Fornvännen.
- Stenberger M.* 1948. Bjurumfyndet och dess datering.— Fornvännen.
- Stephan,* 1915. Vorgeschichtliche Sternkunde und Zeiteinstellung. Mannus, 7.
- Stimming R.* 1912. Waffen der römischen Kaiserzeit aus der Mark Brandenburg.— Mannus, 4.
- Stimming R.* 1914. Das Vorkommen von Harz in der prähistorischen Zeit und seine Verwendungsweise in der Mark Brandenburg.— PZ, 6.
- Stimming R.* 1934. Knochen- und Horngeräte, sowie Tierreste in vorgeschichtlichen Grabgefassen der Elb-Havel-Gegend.— Mannus, 26.
- Stjernquist B.* 1946. New Finds of Clay Vessels from the Roman Iron Age.— Meddelanden, 6.
- Stjernquist B.* 1947. Grave from Pre-Roman Iron Age, Discovered at Barsebäck, Skane.— Meddelanden, 7.
- Stjernquist B.* 1955. Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age.— Acta archaeologica Lundensia, Ser. in 4°, № 2, Bonn—Lund.
- Stjernquist B.* 1960. Eine Gesichtsurne aus Schonen, Südschweden.— Svatowit, 23.
- Straume E.* 1961. To romertide gravfunn fra Trøndelag.— Viking, 25.
- Strömberg M.* 1953. Flachgräberfelder aus der Bronze- und Eisenzeit in Valleberga, Schönen.— Meddelanden.
- Strömberg M.* 1960. Römerzeitliche Brandbestattungen in Schonen.— Meddelanden.
- Stubenrauch A.* 1911. Brandgruben und Skelettgräber der römischen Kaiserzeit am Kettenberge bei Dramburg.— BS, NF, XV.
- Stubenrauch A.* 1911a. Römergräber an der Seebucht von Balm auf Usedom.— PM, 25.
- Svoboda B.* 1962. Beziehungen zwischen den mitteldeutschen Skelettgräbern der Gruppe Leuna-Hassleben und den böhmischen Funden aus dem 5. Jahrhundert.— Germania, 40.
- Szydlowski J.* 1968. Das Harz im Grabritus der Kaiserzeit im Mitteleuropa.— Archaeologia Polona, X.
- Tackenberg K.* 1934. Die Kultur der frühen Eisenzeit in Mittel- und Westhannover. Hildesheim und Leipzig.
- Thaerigen G.* 1939. Die Nordharzgruppe der Elbgermanen bis zur sächsischen Überlagerung. Berlin.
- Tischler F.* 1937. Fühlbüttel, ein Beitrag zur Sachsenfrage. Neumünster.
- Tischler F.* 1939. Der Topf vom Eddelaker Typ. Ein Beitrag zur Sachsen-Chaufenfrage.— Urgeschichte-Studien beiderseits der Niederelbe. Hildesheim.
- Tischler O.* 1889. Ueber Skelettgräber der römischen Zeit in Nord-Europa. Königsberg.
- Vedel E.* 1872. Den ældre jernalders begravelser paa Bornholm.— Aarboger.
- Vedel E.* 1886. Bornholms oldtidsminder og oldsager. København.
- Vibe-Müller K.* 1956. Foreløpig meddelelse fra gravfältet Ulla-Glemmen, Østfold.— Universitets Oldsaksamling. Årbok, 1954—1955.
- Vijot B. M.* 1937. Brandgravar från Skånes äldre järnålder. Från stenålder till Rokoko. Lund.
- Voigt T.* 1940. Die Germanen des 1. und 2. Jahrhunderts im Mittelelbegebiete. Halle.
- Voigtman K.* 1929. Ausgrabung eines großen germanischen Gräberfeldes bei Marienburg.— NDV, 5.
- Voigtman K.* 1930. Die Grabung des Marienburger Museums auf dem Gräberfeld «Heidnische Preußens».— NDV, 6.
- Voigtman K.* 1931. Das Gräberfeld «Heidnische Preußen».— 6. Jahresbericht (1931) städtisches Museum Marienburg Westpr. Marienburg.
- Vorgeschichte der deutsche Stamme, Bd. III. Berlin, 1940.
- Voss A., Stimming G.* 1890. Vorgeschichtliche Altertümer aus der Mark Brandenburg. Berlin.
- Voss O., M. Ørnes-Christensen,* 1948. Der Dollerupfung. Ein Doppelgrab aus der römischen Eisenzeit.— AA, 19.
- Waga T.* 1932. Tymczasowe sprawozdanie z badań na cmentarzysku Gostkowo-Folsung w powiecie Toruńskim na Pomorzu.— ZOW, VII.
- Waga T.* 1934. Cmentarzysko Gostkowo-Folsung w pow. Toruńskim. Przyczynki do poznania okresu rzymskiego na Pomorzu.— Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu, t. 9, z. 9/12.
- Waga T.* 1934a. Pomorze w czasach przedhistorycznych. Toruń.
- Waller K.* 1941. Die Riesenurnen von Berensch bei Cuxhaven.— Germania, 1.
- Waller K.* 1941—1942. Latenezeitliche Friedhöfe an der Elbmündung.— PZ, 32—33.
- Walter E.* 1910. Über Altertümer und Ausgrabungen in Pommern im Jahre 1909.— BS, NF, 14.
- Walter E.* 1911. Zwei Skelettgräber von Balm auf Usedom.— Mannus, 3.
- Wawrzeniński,* 1912. Materiały do mapy archeologicznej Polski.— Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne, 12.
- Wegewitz W.* 1929. Ein Bronzezeimerfund aus der frühen Kaiserzeit in der Feldmark Apensen, Kr. Stade.— Mannus, 21.
- Wegewitz W.* 1929a. Der Urnenfriedhof von Harsefeld.— Die Tide, VI.
- Wegewitz W.* 1937. Die langobardische Kultur im Gau Moswidi, Hildesheim und Leipzig.
- Wegewitz W.* 1944. Der langobardische Urnenfriedhof Tostedt-Wustenhofen. Neumünster.
- Wegewitz W.* 1962. Der Urnenfriedhof von Ehestorf-Vahrenndorf in Kr. Harburg aus der vorrömischen Eisen- und der älteren römischen Kaiserzeit. Hildesheim.
- Wegewitz W.* 1964. Der Urnenfriedhof von Hamburg-Marmstorf. Hildesheim.
- Werner J.* 1938. Die römische Bronzegeschirredepots des 3. Jahrhunderts und die mitteldeutsche Skelettgräbergruppe.— Marburger Studien.
- Wieczorowski T.* 1935—1936. Grob ciałopalny z okresu rzymskiego w Linowcu w pow. Starogardzkim (na Pomorzu).— PA, V, z. 2—3.
- Wilde K. A.* 1940. Wolliner Vorgeschichtsfunde.— NDV, 16.

- Wołgiewicz R.* 1959. Uwagi do zagadnienia stosunków kulturowych u progu naszej ery na Pomorzu Zachodnim.— MZP, V.
- Wołgiewicz R.* 1960. Osada i grob z okresu rzymskiego w Cedyni nad Odra.— MZP, VI.
- Wołgiewicz R.* 1963. Oblicze kulturowe osadnictwa Pomorza Zachodniego u progu naszej ery.— *Munera archaeologica Josepho Kostrzewski*. Poznań.
- Wołgiewicz R.* 1964. Cmentarzysko z okresu późnolatskiego i rzymskiego w Niemicy pow. Sławno.— MZP, X.
- Wołgiewicz R.* 1965. Cmentarzysko z okresu późnolatskiego i rzymskiego w Warszakowie, pow. Sławno.— MZP, XI.
- Wołgiewicz R.* 1968. Wstępne wyniki badań w Lubieszewie, pow. Gryfice w latach 1964—1968.— MZP, XIV.
- Wołgiewicz D. i R.* 1963. Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu naszej ery.— MZP, IX.
- Worsaae A.* 1844. Dänemarks Vorzeit durch Alterthümer und Grabhügel. Kopenhagen.
- Wüstemann H.* 1964. Ein früheisenzeitliches Gräberfeld auf dem Gelände des Überseeuhavens Rostock-Petersdorf.— JBM.
- Zeman J.* 1956. Drěvěná věděrka doby řimské a otázka jejich dalšího vývoje.— *Památky archeologické*, XLVII, z. 1.
- Zielonka B.* 1952. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Gostkowie-Folsungu.— ZOW, XXI.
- Zielonka B.* 1954. Cmentarzysko z młodszego okresu rzymskiego w m. Gostkowo, pow. Toruń.— WA, XX, t. 1.
- Zielonka B.* 1968. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowości Gostkowo-Folsąg, pow. Toruń.— *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu, nauki humanistyczno-społeczne*, z. 26, archeologia, 1.
- Ziemlinska-Odojowa W.* 1956. Tajemnice kręgów z cmentarzyska w Niedanowie w pow. Niedzickim.— ZOW, 31, z. 2.
- Ziemlinska-Odojowa W.* 1966. Gräberfeld in Niedanowo.— ABS, 4.
- Zotz L.* 1935. Die spätgermanische Kultur Schlesiens im Gräberfeld von Groß-Sürding.— *Quellenschrift zur ostdeutsche Vor- und Frühgeschichte*. Leipzig.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Г. Ф. Никитина. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.	5
Введение	5
Лужицкая культура	7
Поморская культура	34
Пшеворская культура	55
Часть I	55
Часть II	64
Заключение	90
Приложение 1	92
Приложение 2	106
Алфавитный список могильников пшеворской культуры	128
Список сокращений	130
Литература	131
В. А. Могильников. Погребальный обряд культур III в. до н. э.— III в. н. э. в западной части Балтийского региона	133
Введение	133
Погребальный обряд оксывской культуры	136
Погребальный обряд племен прибалтийского междуречья Одры и Эльбы (ясторфская культура)	167
Погребальный обряд племен южной и средней части Скандинавского полуострова	187
Погребальный обряд населения острова Готланд	202
Погребальный обряд населения Ютландии и Датских островов	204
Приложение 1	207
Список сокращений	217
Литература	218

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Колонка	Напечатано	Должно быть
6	7 сд.	10 лев.	—	В ₁
8	5 св.	лев.	<i>e</i> — граница лужицкой культуры	<i>e</i> — каменный ящик; <i>m</i> — граница лужицкой культуры
94	7 сн.	13 лев.	—	1
119	28 св.	прав.	t. XV	OS, t XV
180	16 сн.	лев.	Гюстров	Гюстов
184	36 св.	лев.	Хайлингенха фен	Хайлингенхафен

Погребальные обряды

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЛЕМЕН
СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ
В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.—
I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Н. И. Сергеевская.*
Художник *Б. Силаев.*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Технический редактор *Н. Н. Плохов*

Сдано в набор 12/IV 1974 г. Подписано к печати 26/IX 1974 г.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 24,99.
Уч.-изд. л. 28,4. Тираж 2200 экз. Т-16728. Тип. зак. 547
Цена 1 р. 79 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

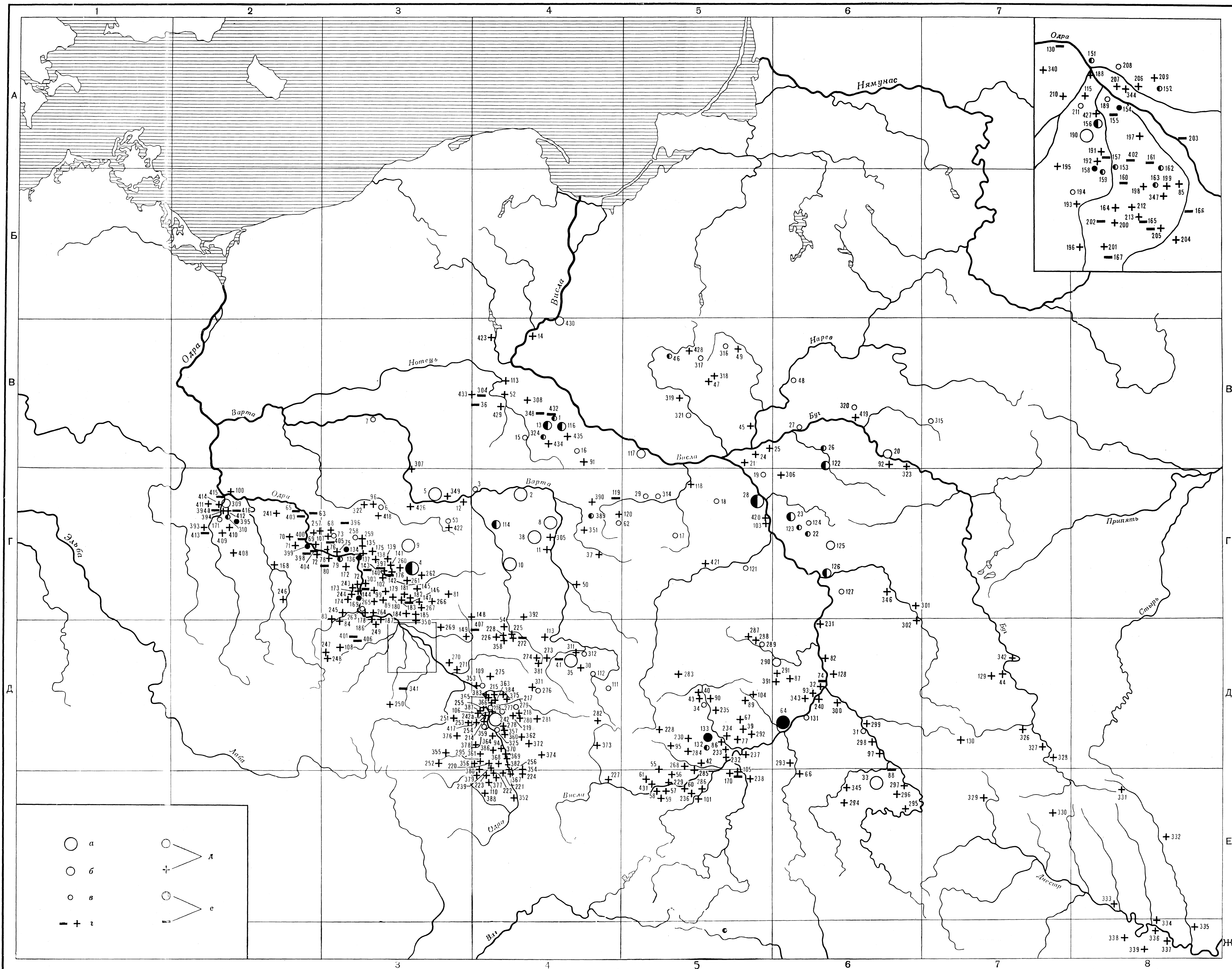

Рис. 51. Распространение могильников пшеворской культуры
а — более 100 погребений в могильнике; б — более 50 погребений в могильнике; в — более 10 погребений в могильнике; г — от 1 до 10 погребений в могильнике; д — памятники латена; е — памятники римского времени